This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

UC-NRLF
B 3 850 756

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
А. ГРИБОѢДОВА

BERKELEY LIBRARIES UNIVERSITY OF CALIFORNIA
ИЗ БИБЛІОТЕКИ
П. Д. МАСЛЕНИКОВА

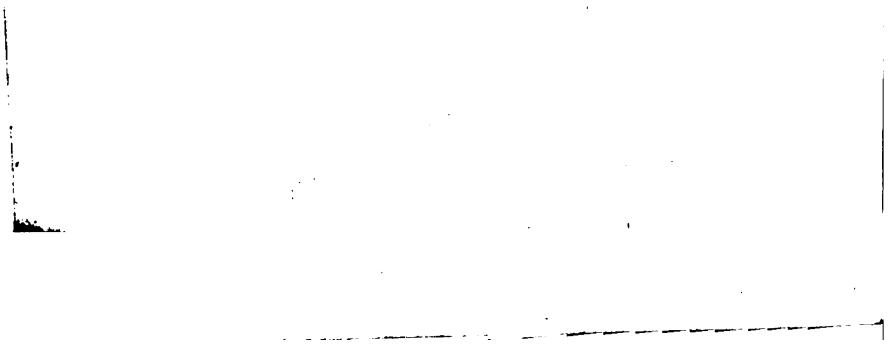
THE LIBRARY
OF
THE UNIVERSITY
OF CALIFORNIA

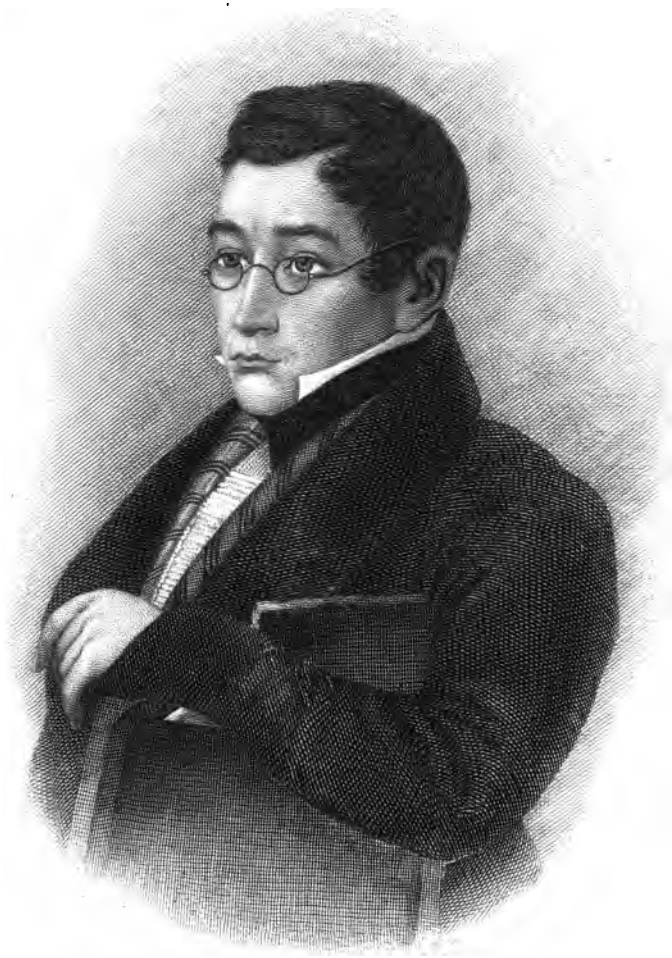
Donated in loving memory of
Oleg Alexander Maslenikov
and
Emily Lociga Maslenikov

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ
А. А. МАСЛЕНИКОВА

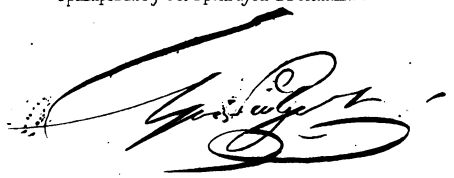
186

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
А. С. ГРИБОѢДОВА.





Гравировано у Ф А Брокгауза въ Лейпцигѣ.



А

Съ
бо

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ А. С. ГРИБОѢДОВА.

Подъ редакціей **Арс. И. Введенскаго.**

Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ А. С. Грибоѣдова, гравированнымъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. Маркса.
1892.

.07277325

Дозволено цензурою. СПБ. 11 іюля 1892 г.

MHN

Типографія А. Ф. МАРКСА, Средняя Подъяческая, д. № 1.

PG 3337
G7
1892
MAIN

Предисловіе.

Сочиненіямъ Грибоѣдова посвящены многочисленныя и тщательныя изысканія. Изданія ихъ, сдѣланныя Серчевскимъ, Гарусовымъ, Ефремовымъ, и особенно въ послѣднее время (1889 г.) приватъ-доцентомъ Шляпкинымъ, исчерпали все, что изъ написаннаго Грибоѣдовымъ было разбросано въ старыхъ журналахъ и отдѣльныхъ изданіяхъ или могло быть добыто въ рукописяхъ. Послѣднее изданіе особенно цѣнно обширнымъ собраніемъ какъ текстовъ произведеній Грибоѣдова, такъ и библіографическихъ данныхъ. Задача наша была тѣмъ совершенно упрощена.

Но, назначая наше собраніе сочиненій Грибоѣдова для обыкновенныхъ читателей, которымъ, тѣмъ не менѣе, не чужды стремленія ближе ознакомиться съ личностью творца „Горя отъ ума“ и характеромъ его творческой дѣятельности, мы должны были нѣсколько иначе воспользоваться собранными матеріалами. Мы расположили произведенія по родамъ, что съ особенною силою обнаруживаетъ свойства ума и таланта Грибоѣдова. Мы нашли излишними въ изданіи официальныя письма и донесенія Грибоѣдова, которыя онъ писалъ въ качествѣ чиновника, и оставили только тѣ изъ нихъ, въ которыхъ отразились свойства личности нашего автора. Мы исключили различныя „путевыя замѣтки“ и т. п., заключающія въ себѣ просто названія мѣстностей, чрезъ которыя онъ проѣзжалъ, или смутныя указанія на факты, которые онъ намѣренъ былъ, вѣроятно, позже описать,—все это имѣетъ значеніе сыраго біографическаго матеріала; но мы напечатали „историческія замѣтки“ Грибоѣдова, потому что въ нихъ сказался сильный и пытливый духъ ихъ автора. Мы не могли включить въ наше изданіе и такія статьи, какъ „Письмо о взятіи Карса“, принадлежность котораго Грибоѣдову болѣе чѣмъ сомнительна. Затѣмъ въ наше изданіе вошло всё, что принадлежитъ перу Грибоѣдова.

Тексты произведеній Грибоѣдова взяты нами тѣ, которые, по нашему мнѣнію, болѣе авторитетны. Мы не почли нужнымъ также удерживать орѳографическія особенности, несвойственныя современному русскому правописанію, и тѣмъ болѣе не сохранили ошибокъ въ правописаніи и въ разстановкѣ знаковъ препинанія; неправильности эти произошли просто отъ невниманія или незнанія переписчиковъ.

А. В.

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ.

(Біографическій очеркъ).

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ происходилъ изъ старинаго дворянскаго рода, выѣхавшаго въ Московское царство изъ Польши. Дворянина Михаила Ефимовича Грибоѣдова «жаловалъ» царь Михаилъ Ѳеодоровичъ «за ево многія службы» царю Василію Ивановичу «во нужное и во прискорбное время». При царяхъ Алексѣѣ Михайловичѣ и Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ выдвигается нѣкто Ѳедоръ Ивановичъ Грибоѣдовъ, сынъ Яна Гржибовскаго, подписавшій, въ числѣ пяти составителей, «Уложеніе» царя Алексѣя Михайловича. Эта послѣдняя отрасль фамиліи, вѣроятно, была въ близкомъ родствѣ съ первою; полагаютъ, что Ѳедоръ Ивановичъ былъ вызванъ царемъ съ родины, въ качествѣ свѣдущаго законника, для составленія названнаго памятника русскаго законодательства, и быть-можетъ, именно по указанію своихъ родственниковъ. Къ концу восемнадцатаго вѣка Грибоѣдовы сдѣлались чисто русскими.

Александръ Сергѣевичъ былъ представителемъ обоихъ этихъ родовъ. Отецъ его, секундъ-майоръ Сергѣй Ивановичъ, потомокъ Яна Гржибовскаго, женился въ 1793 году на Настасьѣ Ѳедоровнѣ Грибоѣдовой, происходившей отъ рода Михаила Ефимовича. Отъ этого брака и родился знаменитый творецъ «Горя отъ ума», 4 января 1795 года, въ Москвѣ. Родители его принадлежали къ высшему московскому обществу, которое Грибоѣдовъ имѣлъ, поэтому, возможность хорошо узнать еще въ юные годы. Настасья Ѳедоровна постаралась дать своему сыну основательное образованіе. Первымъ воспитателемъ Грибоѣдова былъ Петрозиліусъ, замѣчательный ученый энциклопедистъ, затѣмъ Богданъ Ивановичъ Іонъ, докторъ правъ, знатокъ классиковъ, который основательно познакомилъ своего воспитанника съ древними языками. Зная съ ранняго возраста нѣсколько иностранныхъ языковъ, Грибоѣдовъ имѣлъ возможность близко ознакомиться и съ новѣйшими литературами. Онъ очень любилъ му-

зыку, впослѣдствіи зналъ прекрасно теорію этого искусства и былъ извѣстенъ даже какъ превосходный импровизаторъ на фортепьяно.

Въ 1810 году Грибоѣдовъ поступилъ въ Московскій университетъ на этико-политическое отдѣленіе философскаго факультета (нынѣшній юридическій факультетъ) вольнослушателемъ и слушалъ лекціи профессоровъ Гейма, Сохацкаго, Рейнхардта, Шлецера, Снегирева. Особенное вліяніе имѣлъ на него профессоръ исторіи и эстетики Буле, занимавшійся съ нимъ на дому философскими и политическими науками. Время, проведенное въ университетѣ, Грибоѣдовъ всегда вспоминалъ съ любовью и благодарностью. Уже тогда онъ пристрастился къ литературѣ и началъ писать; есть извѣстіе, что будто бы 17-тилѣтнимъ студентомъ онъ читалъ уже Іону и товарищамъ отрывки изъ «Горя отъ ума»; но, конечно, это раннее произведеніе, если оно и существовало, было далеко отъ того, которое обезсмертило имя Грибоѣдова.

Годъ Отечественной войны вызвалъ Грибоѣдова на другое поприще. Вслѣдствіе воззванія правительства къ студентамъ Московскаго университета, онъ, выдержавъ экзаменъ на кандидата, поступилъ корнетомъ въ Московскій гусарскій полкъ, который формировался тогда изъ аристократовъ графомъ Салтыковымъ. Полкъ этотъ составлялся медленно, а скоро, за смертью Салтыкова, и совсѣмъ распущенъ; тогда Грибоѣдовъ перешелъ въ Иркутскій гусарскій же полкъ. Участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Наполеона ему, однако, все-таки не пришлось: Иркутскіе гусары были причислены къ резервамъ, и дальше Брестъ-Литовска не пошли. Въ это время Грибоѣдовъ познакомился и близко сошелся съ адъютантомъ при генералѣ Кологривовѣ, С. Н. Бѣгичевымъ, дружба съ которымъ связывала его потомъ всю жизнь. Бездѣйственная, разгульная жизнь, господствовавшая среди офицеровъ того времени, не осталась безъ вліянія на Грибоѣдова, и страстная натура нерѣдко увлекала его далеко за предѣлы благоразумія. Такъ, съ Бѣгичевымъ они въѣхали однажды во второй этажъ дома, гдѣ былъ балъ; другой разъ Грибоѣдовъ забрался во время богослуженія на хоры церкви какого-то католическаго монастыря на мѣсто органиста, превосходно импровизировалъ церковные гимны, и затѣмъ вдругъ началъ играть «камаринскую». Внутренно Грибоѣдовъ чувствовалъ ненормальность подобной жизни и впослѣдствіи писалъ: «я въ этой дружинѣ всего побылъ четыре мѣсяца, а теперь четвертый годъ какъ не могу попасть на путь истинный».

Бѣгичевъ былъ, однако, не участникомъ только въ затѣяхъ Грибоѣдова. По всѣмъ даннымъ, это былъ человѣкъ выдающагося ума; онъ

скоро понялъ Грибоѣдова и постарался отвратить его отъ праздной, разгульной жизни; сестра Грибоѣдова, Марья Сергѣевна, прямо называла Бѣгичева «провидѣніемъ» своего брата. Относящееся къ тому же времени знакомство съ извѣстнымъ драматическимъ писателемъ, княземъ Шаховскимъ, тоже служившимъ въ военной службѣ, осталось не безъ вліянія на литературныя стремленія Грибоѣдова. Уже изъ Бреста онъ послалъ въ «Вѣстникъ Европы» письма «О кавалерійскихъ резервахъ» и о праздникѣ въ честь генерала Кологривова, получившаго тогда награду. Вѣроятно къ тому же времени относится переводъ Грибоѣдовымъ пьесы «Le Secret du ménage», подъ заглавіемъ «Молодые супруги».

Военная жизнь, между тѣмъ, теряла для Грибоѣдова привлекательность; онъ стремился въ Петербургъ. И въ 1815 году мы видимъ его уже въ столицѣ. Чрезъ князя Шаховскаго Грибоѣдовъ близко сошелся съ кружкомъ писателей и драматурговъ, между прочимъ съ П. А. Катенинымъ, Жандромъ, Хмѣльницкимъ, Гречемъ. Онъ страстно увлекся театромъ, и при тогдашней строгости относительно театровъ, доходившей до запрещенія выражать неодобреніе актерамъ, не разъ рисковалъ, какъ говорятъ, серьезно поплатиться за свои увлеченія, если бы его не удерживалъ извѣстный позже поэтъ князь А. И. Одоевскій, съ которымъ Грибоѣдовъ подружился въ то время. 29 сентября 1815 года поставлена на петербургской сценѣ въ первый разъ и переводная пьеса его самого: «Молодые супруги». Въ началѣ слѣдующаго, 1816 года Грибоѣдовъ вышелъ въ отставку изъ военной службы. Свѣтская жизнь, которую велъ онъ въ этотъ періодъ своей жизни, отвлекала его отъ литературы; тѣмъ не менѣе, появившаяся въ серединѣ года статья его «О разборѣ вольнаго перевода Бюргеровой Леноры», обратившая на себя вниманіе, свидѣтельствуетъ объ интересѣ, съ которымъ относился онъ къ литературнымъ явленіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ о замѣчательной независимости мысли, объ опредѣленности и ясности представленій о литературѣ. Имя Грибоѣдова появляется въ то же время въ спискѣ членовъ масонской ложи Des amis réunis. По свидѣтельству Бѣгичева, Грибоѣдовъ написалъ въ этомъ году нѣсколько сценъ «Горя отъ ума», въ которыхъ дѣйствующимъ лицомъ была между прочимъ жена Фамусова, сантиментальная поклонница модъ, позже совсѣмъ исключенная изъ комедіи.

Въ слѣдующемъ, 1817 году Грибоѣдовъ опредѣлился на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и въ декабрѣ произведенъ въ переводчики коллегіи. Въ это время случилось обстоятельство, оставившее въ жизни его довольно яркій слѣдъ. Грибоѣдову, жившему

тогда въ одной квартирѣ съ гр. Завадовскимъ, случилось какъ-то пригласить къ себѣ на чай извѣстную тогда балетную актрису Истомину. Кавалергардскій офицеръ Шереметевъ, пользовавшійся ея особеннымъ расположеніемъ, и ревновавшій ее къ Завадовскому, по совѣту А. И. Якубовича, вызвалъ Грибоѣдова на дуэль. Грибоѣдовъ отказался, но выразилъ готовность стрѣляться съ Якубовичемъ. Дуэль состоялась между Шереметевымъ и Завадовскимъ, и первый былъ убитъ. По просьбѣ отца убитаго, всѣ участники дуэли были прощены и только одинъ Якубовичъ сосланъ на службу на Кавказъ, и съ нимъ, какъ увидимъ позже, должна была состояться дуэль Грибоѣдова.

Между тѣмъ умъ и исключительное образованіе Грибоѣдова, владѣвшаго нѣсколькими языками, обратили на него вниманіе министра иностранныхъ дѣлъ, который и предложилъ ему мѣсто секретаря при повѣренномъ въ дѣлахъ въ Персіи, Мазаровичѣ. Неохотно, но согласился Грибоѣдовъ на это назначеніе, оказавшееся позже фатальнымъ для него. Въ октябрѣ 1818 года онъ былъ уже въ Тифлисѣ. Здѣсь онъ стрѣлялся съ Якубовичемъ, былъ раненъ въ руку, и отъ этой раны у него свело мизинецъ на рукѣ— признакъ, по которому узнали его изуродованное тѣло.

Въ началѣ 1819 года Грибоѣдовъ уѣхалъ въ Персію. Повѣренный въ дѣлахъ, Мазаровичъ, не отличался качествами хорошаго дипломата, особенно для азіатской страны: онъ унижался передъ персидскими властями. Совершенно иное направленіе, насколько позволяло ему офиціальное положеніе его, далъ русской политикѣ въ Персіи Грибоѣдовъ. Представившись въ Тавризѣ наслѣднику персидскаго престола, Аббасу-Мирзѣ, и шаху въ Тегеранѣ, онъ дѣятельно занялся изученіемъ персидскаго и арабскаго языковъ — послѣдняго, какъ служащаго основаніемъ для многихъ нарѣчій Востока,— а также нравовъ и характера персіянъ. Держалъ онъ себя съ такимъ достоинствомъ, что заслужилъ уваженіе даже со стороны враждебной Россіи англійской миссіи въ Тавризѣ и благосклонность Аббасъ-Мирзы, но въ то же время и ненависть нѣкоторыхъ персидскихъ сановниковъ, хорошо понимавшихъ, что въ лицѣ Грибоѣдова Персія получила сильнаго представителя русскихъ интересовъ. Найдя въ Персіи множество русскихъ, вступившихъ тамъ въ войска шаха, Грибоѣдовъ уговорилъ многихъ изъ нихъ воротиться въ Россію. Несмотря на интриги и препятствія со стороны персіянъ, онъ послѣдовательно провелъ это дѣло до конца и ему поручено было проводить отряды переселенцевъ въ русскія границы. Не разъ рисковалъ Грибоѣдовъ жизнью на этомъ тревожномъ пути, среди озлобленныхъ персіянъ, которымъ не могли быть пріятны дѣйствія

энергичнаго секретаря миссіи, но знаніе персовъ и тактъ помогли Грибоѣдову безпрепятственно исполнить порученіе и даже не потерять при этомъ расположенія Аббаса-Мирзы и шаха, пожаловавшихъ ему орденъ Льва и Солнца 2-й степени. Часы досуга отъ дипломатической дѣятельности Грибоѣдовъ посвящалъ любимымъ занятіямъ: музыкѣ, литературѣ и чтенію. По словамъ Булгарина, «Горе отъ ума» начато именно въ Тавризѣ. «Будучи въ Персіи въ 1821 году, — разсказываетъ онъ, — Грибоѣдовъ мечталъ о Петербургѣ, о Москвѣ, о своихъ друзьяхъ, родныхъ, знакомыхъ, о театрѣ, который онъ любилъ страстно, и объ артистахъ. Онъ легъ спать въ кіоскѣ, въ саду, и видѣлъ сонъ, представившій ему любезное отечество со всѣмъ, что̀ осталось въ немъ милаго для сердца. Ему снилось, что онъ въ кругу друзей разсказываетъ о планѣ комедіи, будто имъ написанной, и даже читаетъ нѣкоторыя мѣста изъ оной. Пробудившись, Грибоѣдовъ беретъ карандашъ, бѣжитъ въ садъ и въ ту же ночь начертываетъ планъ «Горя отъ ума» и сочиняетъ нѣсколько сценъ перваго акта. Комедія сія заняла всѣ его досуги и онъ окончилъ ее въ Тифлисѣ, въ 1822 году». Какъ ни мало заслуживаютъ довѣрія подробности этого разсказа, въ немъ, надо думать, есть зерно истины: вдали отъ родины, рисуя себѣ въ воображеніи картины московской жизни, Грибоѣдову всего естественнѣе было создать тотъ окончательный планъ комедіи, который мы знаемъ, и отказаться отъ первоначальныхъ, создававшихся подъ непосредственными, частными и мелкими, впечатлѣніями московской и петербургской жизни.

Въ ноябрѣ 1821 года мы находимъ Грибоѣдова въ Тифлисѣ. На пути туда изъ Тавриза онъ опасно переломилъ себѣ въ двухъ мѣстахъ руку и, не найдя доктора, вынужденъ былъ обратиться къ первому, который могъ подать ему помощь. Въ результатѣ рука его срослась неправильно, такъ что онъ не могъ владѣть ею, и въ Тифлисѣ пришлось снова сдѣлать переломъ для приданія ей правильнаго положенія. Ѣхать въ Персію, гдѣ въ опасной болѣзни своей онъ могъ не найти помощи, Грибоѣдову было невозможно; да внутренно онъ и не желалъ возвращаться въ эту азіатскую страну, полную опаснаго коварства. И Грибоѣдовъ переведенъ былъ «секретаремъ по иностранной части» въ распоряженіе тогдашняго начальника Кавказскаго края, А. П. Ермолова. Человѣкъ большаго ума, Ермоловъ умѣлъ цѣнить Грибоѣдова; привязался къ нему и Грибоѣдовъ, былъ при немъ безотлучно и даже сопровождалъ его въ военныхъ экспедиціяхъ. Въ Тифлисѣ служилъ въ то время впослѣдствіи знаменитый Н. Н. Муравьевъ (Карскій); Грибоѣдовъ познакомился съ нимъ близко, училъ его

по-персидски, самъ учась у него турецкому языку. О впечатлѣніи, которое произвелъ Грибоѣдовъ на Муравьева, можно судить по словамъ послѣдняго: «Образованіе и умъ его (Грибоѣдова) необыкновенны». Берже въ одной изъ своихъ статей сдѣлалъ слѣдующее характерное описаніе тогдашняго образа жизни Грибоѣдова въ Тифлисѣ: «Поселившись на армянскомъ базарѣ, въ небольшомъ домѣ, въ которомъ занималъ верхній этажъ, состоявшій всего изъ двухъ небольшихъ комнатъ, обращенныхъ окнами на сѣверъ, откуда открываются предгорья главнаго Кавказскаго хребта, А. С. Грибоѣдовъ большею частью оставался у себя, одѣтый по обыкновенію въ туземномъ архалукѣ. Всегда и всѣми любимый, онъ посѣщалъ лучшіе семейные кружки тифлисцевъ... Дома занимался музыкой... Онъ усердно продолжалъ заниматься персидскимъ языкомъ, хотя и нельзя сказать, что онъ имѣлъ хорошаго руководителя: это былъ содержатель одной изъ тифлисскихъ бань...»

Въ мартѣ 1823 года Грибоѣдовъ взялъ отпускъ въ Москву и Петербургъ на четыре мѣсяца; но остался онъ на родинѣ почти два года. Это было время самое плодотворное для него въ отношеніи литературной дѣятельности. Въ Москвѣ, въ домѣ матери и сестры, Грибоѣдовъ въ главныхъ основахъ сдѣлалъ «Горе отъ ума» тѣмъ произведеніемъ, которое обезсмертило его имя. Онъ появлялся въ московскомъ обществѣ, и возвращаясь поздно домой, писалъ и передѣлывалъ сцены, по словамъ Булгарина, по ночамъ. Въ 1824 г. Грибоѣдовъ получилъ разрѣшеніе ѣхать за-границу для лѣченія и отправился въ Петербургъ. За-границу онъ, однако, не поѣхалъ, и около года прожилъ въ сѣверной столицѣ. Въ это именно время безсмертная комедія его начинаетъ пріобрѣтать извѣстность, и онъ долженъ былъ многократно читать ее въ средѣ тогдашнихъ литературно-образованныхъ людей и литераторовъ. Изъ писемъ его видно, однако, что онъ неоднократно принимался и въ эти дни за ея исправленіе. Кругъ знакомства его расширился, и онъ познакомился и сошелся съ нѣкоторыми изъ декабристовъ,— Бестужевымъ-Марлинскимъ, съ Д. Завалишинымъ и другими. Ноябрьское наводненіе въ Петербургѣ дало поводъ Грибоѣдову описать свои впечатлѣнія въ статьѣ: «Частные случаи Петербургскаго наводненія», по цензурнымъ условіямъ не появившейся въ печати. Онъ жилъ тогда въ квартирѣ Одоевскаго на Торговой, гдѣ вода достигла значительной высоты.

Отказавшись отъ мысли ѣхать за-границу, Грибоѣдовъ рѣшилъ возвратиться въ Грузію продолжать службу. Въ маѣ 1825 года онъ выѣхалъ изъ Петербурга и, черезъ Кіевъ и Крымъ, моремъ проѣхалъ въ Имеретію, а оттуда къ Ермолову.

Осенью Грибоѣдовъ былъ въ экспедиціи противъ горцевъ съ генераломъ Вельяминовымъ; свои впечатлѣнія онъ выразилъ въ стихотвореніи «Хищники на Чегемѣ». Декабрьскія событія 1824 г. въ Петербургѣ не могли не отразиться на немъ, по близкому знакомству его съ декабристами, и въ январѣ 1826 года Ермоловъ получилъ приказаніе арестовать его. Разсказываютъ, что, получивъ депешу въ Екатериноградской станицѣ, за ужиномъ, гдѣ былъ и Грибоѣдовъ, Ермоловъ вызвалъ его въ другую комнату и посовѣтовалъ ему сейчасъ же идти домой сжечь все, что могло бы его скомпрометировать, и когда черезъ часъ явился арестовать его, то, естественно, у Грибоѣдова ничего не нашли. Въ февралѣ Грибоѣдова привезли въ Петербургъ и сдали подъ арестъ. По слѣдствію не найдено было никакихъ основаній привлекать его къ дѣлу о декабристахъ, и въ мартѣ, въ половинѣ, онъ былъ уже свободенъ.

Въ дни заключенія Булгаринъ имѣлъ случай оказать ему нѣсколько услугъ, и Грибоѣдовъ, прежде отказавшійся было совсѣмъ отъ его знакомства, теперь опять подружился съ нимъ. Получивъ свободу, онъ даже поселился съ нимъ на дачѣ, въ уединенномъ домикѣ на Выборгской сторонѣ, видаясь только съ близкими людьми и проводя время въ чтеніи и дружескихъ бесѣдахъ. По разсказу Булгарина, тогда Грибоѣдовъ «часто бывалъ недоволенъ собою, говоря, что чувствуетъ, какъ мало сдѣлалъ для словесности. «Время летитъ, любезный другъ», говорилъ онъ: «въ душѣ моей горитъ пламя, въ головѣ рождаются мысли, а между тѣмъ я не могу приняться за дѣло, ибо науки идутъ впередъ, а я не успѣваю даже учиться, не только работать». ...У него навертывались слезы, когда онъ говорилъ о безплодной почвѣ нашей словесности. «Въ жизни народа, какъ въ жизни человѣка, есть дѣятельность умственная и физическая», говорилъ Грибоѣдовъ: «словесность—мысль народа объ изящномъ. Греки, римляне, евреи не погибли оттого, что оставили по себѣ словесность, а мы... мы не пишемъ, а только переписываемъ!..» Грибоѣдовъ—продолжаетъ Булгаринъ,—чрезвычайно любилъ простой народъ и находилъ особенное удовольствіе въ обществѣ образованныхъ молодыхъ людей, не испорченныхъ еще искательствомъ и свѣтскими приличіями. Онъ находилъ особенное наслажденіе въ посѣщеніи храмовъ Божіихъ. Кромѣ христіанскаго долга, онъ привлекаемъ былъ туда особеннымъ чувствомъ патріотизма: «Любезный другъ!» говорилъ онъ мнѣ: «только въ храмахъ Божіихъ собираются русскіе люди, думаютъ и молятся по-русски. Въ русской церкви—я въ отечествѣ, въ Россіи! Меня приводитъ въ умиленіе мысль, что тѣ же молитвы читаны были при Влади-

мірѣ, Димитріи Донскомъ, Мономахѣ, Ярославѣ, въ Кіевѣ, Новѣгородѣ, Москвѣ; что то же пѣніе трогало ихъ сердца, тѣ же чувства одушевляли набожныя души. Мы русскіе только въ церкви, а я хочу быть русскимъ».

Освобожденіе Грибоѣдова отъ обвиненія по дѣлу декабристовъ остановило на немъ вниманіе императора Николая Павловича. А. С. представился государю и съ чиномъ надворнаго совѣтника вновь получилъ назначеніе въ Грузію. Въ іюлѣ онъ выѣхалъ изъ Петербурга, побывалъ проѣздомъ у родныхъ въ Москвѣ, и къ концу августа былъ въ предѣлахъ Кавказа. Въ то время уже началась Персидская война, и Грибоѣдовъ засталъ въ Грузіи Паскевича, приходившагося ему по женѣ близкимъ родственникомъ. Извѣстно, что Паскевичъ появляется въ Закавказьѣ съ особыми полномочіями отъ императора и стремленіемъ занять мѣсто Ермолова, и Грибоѣдовъ поставленъ былъ въ крайне неловкое положеніе между глубоко уважаемымъ имъ начальникомъ съ одной стороны, и столько же уважаемымъ родственникомъ съ другой. Отсюда вышли нареканія на него въ двуличности, фактически, однако, ничѣмъ не оправдываемыя. Въ январѣ 1827 года Ермоловъ отрѣшенъ отъ должности, и Грибоѣдовъ становится подчиненнымъ Паскевича, который и предписалъ ему принять въ свое вѣдѣніе заграничныя сношенія съ Турціей и Персіей. Онъ былъ безотлучно при главнокомандующемъ, перенося всѣ труды и лишенія военнаго времени. Есть извѣстіе, что онъ принималъ участіе даже въ составленіи плана кампаніи.

Во время войны былъ случай, показывающій необыкновенную силу воли Грибоѣдова. Вообще самъ онъ утверждалъ, что власть человѣка надъ самимъ собой ограничена только непреоборимыми силами природы, но что во всемъ другомъ человѣкъ можетъ повелѣвать собою совершенно. И вотъ, когда разъ ядро съ непріятельской батареи разразилось подлѣ кн. Суворова, и Грибоѣдовъ, бывшій съ нимъ, почувствовалъ невольное чувство страха, то самая мысль, «нестерпимая для порядочнаго человѣка», что онъ трусъ, оскорбила его, и онъ рѣшился вылѣчить себя отъ робости; при первомъ же случаѣ, онъ сталъ въ такомъ мѣстѣ, куда доставали выстрѣлы съ непріятельскихъ батарей, сосчиталъ заранѣе назначенное самому себѣ число выстрѣловъ, и потомъ тихо поворотилъ лошадь и спокойно отъѣхалъ прочь. «Знаете-ли,— говорилъ онъ послѣ,—что это прогнало мою робость! Послѣ я не робѣлъ ни отъ какой военной опасности. Но поддайся я чувству страха, оно усилилось бы и утвердилось бы во мнѣ».

Рядъ пораженій, понесенныхъ персіянами, заставилъ ихъ просить мира; для переговоровъ Паскевичъ назначилъ къ Аббасу-

мирзѣ Грибоѣдова. Донесеніе Грибоѣдова объ этихъ переговорахъ (см. стр. 348) показываетъ, съ какимъ тактомъ выполнилъ онъ трудное порученіе. Наконецъ, заключенъ былъ и Туркманчайскій договоръ. Представленіе его государю досталось на долю опять Грибоѣдова. Онъ былъ награжденъ чиномъ статскаго совѣтника, орденомъ Св. Анны 2-й степени съ алмазами и 4,000 червонныхъ. Грибоѣдова, впрочемъ, не манили награды, и онъ мечталъ выйти въ отставку и зажить кабинетною жизнью. Но судьба судила иначе... Въ мартѣ 1827 года онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, а въ апрѣлѣ, по волѣ императора Николая Павловича, онъ уже получилъ назначеніе полномочнымъ министромъ при персидскомъ дворѣ. Грибоѣдовъ, самъ же предложившій учрежденіе этого поста, но совсѣмъ не ожидавшій для себя назначенія на него, по относительной незначительности своего чина, съ недобрыми предчувствіями думалъ о Персіи, зная, сколько враговъ теперь имѣлъ онъ тамъ среди сановниковъ шаха, и между ними особенно вліятельнаго Аллаяръ-хана. «Насъ тамъ непремѣнно всѣхъ перерѣжутъ», сказалъ онъ Жандру, пріѣхавъ къ нему тотчасъ послѣ полученія назначенія.—«Аллаяръ-ханъ мой личный врагъ; не подаритъ онъ мнѣ Туркманчайскаго трактата». То же самое повторилъ онъ Бѣгичеву, съ которымъ видѣлся уже на пути въ Персію. Предчувствія его оказались вѣщими.

Въ началѣ іюня Грибоѣдовъ выѣхалъ изъ Петербурга, и въ половинѣ іюля былъ уже въ Тифлисѣ. Здѣсь счастіе на недолгіе дни улыбнулось Грибоѣдову. Еще въ Петербургѣ онъ говорилъ о своей любви къ дочери генерала Чавчавадзе, Нинѣ Александровнѣ; теперь онъ сдѣлалъ предложеніе, и оно было принято. Тогда шла война съ Турціей; Паскевичъ, котораго Грибоѣдову необходимо было видѣть, былъ въ дѣйствующей арміи, а къ ней проѣхать было затруднительно, потому что ей въ это время угрожала чума, свирѣпствовавшая уже въ турецкихъ войскахъ. Эти обстоятельства задержали Грибоѣдова въ Грузіи. Тѣмъ не менѣе, обвѣнчавшись съ Ниной Александровной, Грибоѣдовъ въ первыхъ числахъ сентября могъ выѣхать въ Тавризъ. Резиденція наслѣдника персидскаго престола, Аббаса-мирзы, Тавризъ, была мѣстомъ, назначеннымъ для европейскихъ миссій; въ немъ предстояло жить и Грибоѣдову. Но предварительно онъ долженъ былъ представиться шаху, и съ этою цѣлью, оставивъ жену въ Тавризѣ, онъ въ первыхъ числахъ декабря уѣхалъ въ Тегеранъ. Тамъ его ожидала ужасная смерть.

Грибоѣдова приняли въ Тегеранѣ со всѣми почестями, должными русскому посланнику. Но вскорѣ неизбѣжно возникли недоразумѣнія и недовольство со стороны персіянъ. По Туркманчай-

скому договору Персія обязалась освободить всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, которые пожелаютъ возвратиться въ отечество, и уже на пути въ Тегеранъ Грибоѣдову пришлось неоднократно рѣшать дѣла этого рода. Справедливость его произвела благопріятное впечатлѣніе въ населеніи. Но въ Тегеранѣ обстоятельства скоро приняли характеръ тревожный. Посланника преслѣдовали просьбами объ освобожденіи различныхъ, насильно удерживаемыхъ въ гаремахъ русскихъ плѣнницъ. Дѣло коснулось до гаремовъ весьма вліятельныхъ лицъ Персіи. Не избѣжалъ, наконецъ, того же и самый шахскій дворецъ: нѣкто Мирза-Якубъ, евнухъ, уроженецъ Эривани, нѣкогда, при Цицiановѣ, попавшій въ плѣнъ и теперь занимавшій важную должность казначея и главнаго хранителя богатствъ шахскаго гарема, явился къ посланнику съ заявленіемъ, что и онъ желаетъ возвратиться на родину. Грибоѣдовъ былъ поставленъ въ положеніе крайне затруднительное: отказывать плѣннымъ въ покровительствѣ, сообразно желаніямъ персіянъ, значило бы отказаться отъ правъ, предоставленныхъ Россіи договоромъ, и тѣмъ унизить ея достоинство; настаивать на исполненіи договорной статьи во всей ея цѣлости—значило раздражать персіянъ. Грибоѣдовъ предпочелъ, однако, послѣднее.

Между тѣмъ розыски плѣнныхъ поселяли въ населеніи Тегерана все бо́льшій и бо́льшій ропотъ. Самъ шахъ не допускалъ и мысли отпустить изъ Персіи Мирзу-Якуба, который могъ разгласить тайны шахскаго гарема; и сановники шаха употребляли всѣ средства, чтобы задержать Якуба. Все это кончилось открытымъ возмущеніемъ тегеранской черни, возбуждаемой магометанскимъ духовенствомъ и, вѣроятно, не безъ тайнаго подстрекательства со стороны Аллаяръ-хана. Огромная толпа осадила домъ, гдѣ помѣщался русскій посланникъ, требуя выдачи Мирзы-Якуба и двухъ женщинъ. Тщетно стража посланника пыталась сдержать напоръ осаждающихъ, осыпавшихъ домъ каменьями; нѣсколько убитыхъ ею персіянъ, тотчасъ же отнесенныхъ съ торжествомъ въ мечеть, только усилили неистовство черни. Толпа ворвалась во дворъ, перелѣзла черезъ стѣны. Стража была перебита, убійцы прошли во внутреннія покои, и Грибоѣдовъ со всею своею свитою палъ въ неравной борьбѣ подъ ударами персидскихъ кинжаловъ, и бездыханное тѣло его въ теченіе трехъ дней было игралищемъ тегеранской черни. Спасся тогда, и только благодаря счастливому случаю, одинъ первый секретарь посольства, Мальцевъ.

Послѣ долгихъ розысковъ, въ грудѣ труповъ, передъ окнами квартиры посольства, нашли обезображенное тѣло Грибоѣдова, узнанное, какъ уже сказано выше, только по сведенному пальцу на рукѣ отъ раны, нѣкогда полученной на дуэли съ Якубо-

вичемъ. Торжественно перевезли его въ Тифлисъ и тамъ похоронили.

На западной сторонѣ Тифлиса возвышается священная для грузинъ гора Мтацминда. На одномъ изъ уступовъ ея построенъ женскій монастырь Св. Давида. Съ террасы монастыря открывается очаровательный видъ: Тифлисъ разстилается глубоко внизу, на востокѣ сверкаетъ Кура, за нею, вдали—синія горы Кахетіи. Мѣсто это особенно нравилось Грибоѣдову. Уѣзжая изъ Тифлиса, томимый мрачными предчувствіями, онъ просилъ жену не оставлять костей его въ Персіи, а похоронить въ монастырѣ Св. Давида. Молодая вдова свято исполнила волю покойнаго мужа, памяти котораго она осталась вѣрна всю свою долгую жизнь (она умерла въ 1857 году), завѣщавши и похоронить себя съ нимъ рядомъ. Подъ монастырской террасой, съ восточной стороны церкви, въ склепѣ за полукруглой аркой, огражденной рѣшеткою, возвышается памятникъ изваянный въ Москвѣ извѣстнымъ художникомъ Кампіони. На высокомъ пьедесталѣ стоитъ распятіе; колѣнопреклоненная скорбная женская фигура склоняется къ кресту, у подножія котораго лежитъ книга съ надписью: «Горе отъ ума». На пьедесталѣ, подъ медальоннымъ портретомъ Грибоѣдова, золотыми буквами написано: «Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ, родился 1795 года, января 4-го дня, убитъ въ Тегеранѣ 1829 года, января 30-го дня». На одной изъ сторонъ выбито: «Незабвенному его Нина»; а съ противоположной стороны трогательныя слова: «Умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской; но для чего пережила тебя любовь моя!».

А. В.

ГОРЕ ОТЪ УМА.

Судьба — проказница, шалунья,
Опредѣлила такъ сама:
Всѣмъ глупымъ счастье отъ безумья,
Всѣмъ умнымъ — горе отъ ума.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Павелъ Аѳанасьевичъ Фамусовъ, управляющій казеннымъ мѣстомъ.

Софья Павловна, дочь его.

Лиза, служанка.

Алексѣй Степановичъ Молчалинъ, секретарь Фамусова, живущій у него въ домѣ.

Александръ Андреевичъ Чацкій.

Полковникъ Скалозубъ, Сергѣй Сергѣевичъ.

Наталья Дмитріевна, молодая дама
Платонъ Михайловичъ, мужъ ея
} **Горичевы.**

Князь Тугоуховскій и княгиня, жена его, съ 6-ю дочерьми.

Графиня-бабушка
Графиня-внучка
} **Хрюмины.**

Антонъ Антоновичъ Загорѣцкій.

Старуха Хлестова, свояченица Фамусова.

Репетиловъ.

Г. N.

Г. D.

Петрушка и нѣсколько говорящихъ слугъ.

Офиціанты Фамусова. Швейцаръ. Множество гостей всякаго разбора и ихъ лакеевъ при разъѣздѣ.

Дѣйствіе въ Москвѣ, въ домѣ Фамусова.

Горе отъ ума.

Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ.

(1823).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Гостиная; въ ней большіе часы; справа дверь въ спальню Софьи, откуда слышно фортепьяно съ флейтою, которыя потомъ умолкаютъ; Лиза среди комнаты спитъ, свѣсившись съ креселъ.

(Утро. Чуть день брезжится).

Лиза *(вдругъ просыпается, встаетъ съ креселъ, оглядывается).*

Свѣтаетъ!.. Ахъ, какъ скоро ночь минула!
Вчера просилась спать—отказъ:
Ждемъ друга; нуженъ глазъ да глазъ!
Не спи, покудова не скатишься со стула.
Теперь вотъ только что вздремнула—
Ужъ день!.. Сказать имъ. *(Стучится къ Софьѣ).*
Господа!
Эй, Софья Павловна! бѣда!
Зашла бесѣда ваша за ночь.
Вы глухи?.. Алексѣй Степанычъ!
Сударыня!.. И страхъ ихъ не беретъ! *(Отходитъ отъ дверей).*
Ну, гость неприглашенной,
Быть-можетъ, батюшка войдетъ!
Прошу служить у барышни влюбленной! *(Опять подходитъ къ дверямъ).*
Да расходитесь.—Утро.—Что-съ?

Голосъ Софьи.

Который часъ?

Лиза.

Все въ домѣ поднялось.

Софья *(изъ своей комнаты).*

Который часъ?

Лиза.

Седьмой... осьмой... девятый.

Софья *(оттуда же).*

Неправда.

Лиза *(прочь отъ дверей).*

Ахъ, амуръ проклятый!
И слышатъ,—не хотятъ понять;
Ну, что бы ставни имъ отнять!
Переведу часы; хоть, знаю, будетъ гонка;
Заставлю ихъ играть.
(Лѣзетъ на стулъ, передвигаетъ стрѣлку. Часы бьютъ и играютъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Лиза и Фамусовъ.

Лиза.

Ахъ! баринъ!

Фамусовъ.

Баринъ, да!
(Останавливаетъ часовую музыку).
Вѣдь экая шалунья ты, дѣвчонка!
Не могъ придумать я, что это за бѣда—
То флейта слышится, то будто фортепьяно:
Для Софьи слишкомъ было-бъ рано...

Лиза.

Нѣтъ, сударь, я... лишь невзначай...

Фамусовъ.

Вотъ то-то невзначай; за вами примѣчай,
Такъ вѣрно съ умысломъ...
(Жмется къ ней и заигрываетъ).
Охъ, зелье, баловница.

Лиза.

Вы баловникъ; къ лицу-ль вамъ эти лица?

Фамусовъ.

Скромна, а ничего кромѣ
Проказъ и вѣтру на умѣ.

Лиза.

Пустите, вѣтреники сами!..
Опомнитесь, вы старики...

Фамусовъ.

Почти.

Лиза.

Ну, кто придетъ,—куда мы съ вами?

Фамусовъ.

Кому сюда придти?
Вѣдь Софья спитъ?

Лиза.

Сейчасъ започивала.

Фамусовъ.

Сейчасъ? А ночь?

Лиза.

Ночь цѣлую читала.

Фамусовъ.

Вишь, прихоти какія завелись!

Лиза.

Все по-французски вслухъ читаетъ, запершись.

Фамусовъ.

Скажи-ка, что глаза ей портить не годится
И въ чтеньи прокъ-отъ не великъ;
Ей сна нѣтъ отъ французскихъ книгъ,
А мнѣ отъ русскихъ больно спится.

Лиза.

Что встанетъ, доложу-съ.
Извольте же идти; разбудите, боюсь.

Фамусовъ.

Чего будить? Сама часы заводишь,
На весь кварталъ симфонію гремишь.

Лиза *(какъ можно громче).*

Да полноте-съ!

Фамусовъ *(зажимаетъ ей ротъ).*

Помилуй, какъ кричишь!
Съ ума ты сходишь!

Лиза.

Боюсь, чтобы не вышло изъ того...

Фамусовъ.

Чего?

Лиза.

Пора, сударь, вамъ знать, вы не ребенокъ.
У дѣвушекъ сонъ утренній такъ тонокъ,—
Чуть дверью скрыпнешь, чуть шепнешь—
Все слышутъ...

Фамусовъ.

Все ты лжешь.

Голосъ Софьи.

Эй, Лиза!

Фамусовъ.

Тсъ! *(Крадется вонъ изъ комнаты на цыпочкахъ).*

Лиза *(одна).*

Ушелъ!.. Ахъ, отъ господъ подалѣй!
У нихъ бѣды себѣ на всякій часъ готовь.
Минуй насъ пуще всѣхъ печалей
И барскій гнѣвъ, и барская любовь.

ЯВЛЕНІЕ III.

Лиза, Софья со свѣчкою въ рукѣ, за ней **Молчалинъ.**

Софья.

Что, Лиза, на тебя напало?
Шумишь...

Лиза.

Конечно, вамъ разстаться тяжело?
До свѣта запершись, а кажется все мало?

Софья.

Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, разсвѣло!
(Тушитъ свѣчу).
И свѣтъ, и грусть!.. Какъ быстры ночи!

Лиза.

Тужите, знай,—со стороны нѣтъ мочи:
Сюда вашъ батюшка пришелъ—я обмерла;
Вертѣлась передъ нимъ, не помню что врала...
Ну, что же стали вы? поклонъ, сударь, отвѣсьте,
Подите... сердце не на мѣстѣ...
Смотрите на часы, взгляните-ка въ окно:
Валитъ народъ по улицамъ давно,
А въ домѣ стукъ, ходьба, метутъ и убираютъ.

Софья.

Счастливые часовъ не наблюдаютъ.

Лиза.

Не наблюдайте—ваша власть,

А что въ отвѣтъ за васъ, конечно, мнѣ попасть.

Софья *(Молчалину).*

Идите!.. цѣлый день еще потерпимъ скуку.

Лиза.

Богъ съ вами!.. прочь возьмите руку!..

(Разводитъ ихъ. Молчалинъ въ дверяхъ сталкивается съ Фамусовымъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Лиза, Софья, Молчалинъ, Фамусовъ.

Фамусовъ.

Что за оказія! Молчалинъ, ты, братъ?

Молчалинъ.

Я-съ.

Фамусовъ.

Зачѣмъ-же здѣсь? и въ этотъ часъ?
И Софья!.. Здравствуй, Софья! что ты
Такъ рано поднялась?.. а? для какой заботы?
И какъ васъ Богъ не въ пору вмѣстѣ свелъ?

Софья.

Онъ только что теперь вошелъ.

Молчалинъ.

Сейчасъ съ прогулки...

Фамусовъ.

Другъ! Нельзя ли для прогулокъ
Подальше выбрать закоулокъ?
А ты, сударыня, чуть изъ постели прыгъ—
Съ мужчиной, съ молодымъ! Занятье для дѣвицы!
Всю ночь читаешь небылицы,—
И вотъ плоды отъ этихъ книгъ!
А все Кузнецкій мостъ и вѣчные французы,
Откуда моды къ намъ, и авторы, и музы,
Губители кармановъ и сердецъ!
Когда избавитъ насъ Творецъ
Отъ шляпокъ ихъ, чепцовъ, и шпилекъ, и булавокъ,
И книжныхъ, и бисквитныхъ лавокъ!

Софья.

Позвольте, батюшка... кружится голова...
Я отъ испуга духъ перевожу едва.
Изволили вбѣжать вы такъ проворно—
Смѣшалась я...

Фамусовъ.

Благодарю покорно:
Я скоро къ нимъ вбѣжалъ!
Я помѣшалъ! я испугалъ!
Я, Софья Павловна, разстроенъ самъ: день цѣлый
Нѣтъ отдыха, мечусь, какъ словно угорѣлый;
По должности, по службѣ хлопотня,
Тотъ пристаетъ, другой,—всѣмъ дѣло до меня!
Но ждалъ-ли новыхъ я хлопотъ, чтобъ былъ обманутъ?

Софья *(сквозь слезы).*

Кѣмъ, батюшка?

Фамусовъ.

Вотъ, попрекать мнѣ станутъ,
Что безъ толку всегда журю!
Не плачь: я дѣло говорю.
Ужъ объ твоемъ-ли не радѣли
Объ воспитаньи съ колыбели!
Мать умерла—умѣлъ я принанять
Въ мадамъ Розье вторую мать,
Старушку-золото въ надзоръ къ тебѣ приставилъ:
Умна была, нравъ тихій, рѣдкихъ правилъ.
Одно не къ чести служитъ ей:
За лишнихъ въ годъ пятьсотъ рублей
Сманить себя другими допустила.
Да не въ мадамѣ сила:
Не надобно иного образца,
Когда въ глазахъ примѣръ отца.
Смотри ты на меня: не хвастаюсь сложеньемъ,
Однако бодръ и свѣжъ, и дожилъ до сѣдинъ;
Свободенъ, вдовъ, себѣ я господинъ...
Монашескимъ извѣстенъ поведеньемъ!..

Лиза.

Осмѣлюсь я, сударь...

Фамусовъ.

Молчать!
Ужасный вѣкъ! Не знаешь, что начать!
Всѣ умудрились не по лѣтамъ,
А пуще дочери!.. Да сами добряки—
Дались намъ эти языки!
Беремъ же побродягъ, и въ домъ, и по билетамъ,
Чтобъ нашихъ дочерей всему учить, всему—
И танцамъ, и пѣнью, и нѣжностямъ, и вздохамъ,
Какъ будто въ жены ихъ готовимъ скоморохамъ!

Ты, посѣтитель, что? Ты здѣсь, сударь, къ чему?
Безроднаго пригрѣлъ и ввелъ въ мое семейство,
Далъ чинъ ассесора и взялъ въ секретари;
Въ Москву переведенъ черезъ мое содѣйство,
И будь не я, коптѣлъ бы ты въ Твери!

Софья.

Я гнѣва вашего никакъ не растолкую.
Онъ въ домѣ здѣсь живетъ—великая напасть!—
Шелъ въ комнату, попалъ въ другую...

Фамусовъ.

Попалъ или хотѣлъ попасть,—
Да *вмѣстѣ* вы зачѣмъ? Нельзя, чтобы случайно...

Софья.

Вотъ въ чемъ однако случай весь:
Какъ давеча вы съ Лизой были здѣсь,
Перепугалъ меня вашъ голосъ чрезвычайно,
И бросилась сюда со всѣхъ я ногъ...

Фамусовъ.

Пожалуй, на меня всю суматоху сложитъ:
Не въ пору голосъ мой надѣлалъ имъ тревогъ!

Софья.

По смутномъ снѣ бездѣлица тревожитъ.
Сказать вамъ сонъ? Поймете вы тогда...

Фамусовъ.

Что за исторія?

Софья.

Вамъ разсказать?

Фамусовъ.

Ну, да. *(Садится).*

Софья.

Позвольте... видите-ль... сначала
Цвѣтистый лугъ, и я искала
Траву
Какую-то... не вспомню на-яву.
Вдругъ милый человѣкъ—одинъ изъ тѣхъ, кого мы
Увидимъ—будто вѣкъ знакомы—
Явился тутъ со мной, и вкрадчивъ, и уменъ,
Но робокъ... Знаете, кто въ бѣдности рожденъ...

Фамусовъ.

Ахъ, матушка, не довершай удара!
Кто бѣденъ, тотъ тебѣ не пара.

Софья.

Потомъ пропало все: луга и небеса.
Мы въ темной комнатѣ... Для довершенья чуда,
Раскрылся полъ—и вы оттуда,
Блѣдны, какъ смертъ, и дыбомъ волоса!
Тутъ съ громомъ распахнулись двери,
Какіе-то не люди и не звѣри
Насъ врознь—и мучили сидѣвшаго со мной...
Онъ будто мнѣ дороже всѣхъ сокровищъ!
Хочу къ нему—вы тащите съ собой!..
Насъ провожаетъ стонъ, ревъ, хохотъ, свистъ чудовищъ!
Онъ вслѣдъ кричитъ!
Проснулась... кто-то говоритъ:
Вашъ голосъ былъ—что, думаю, такъ рано?
Бѣгу сюда—и васъ обоихъ нахожу.

Фамусовъ.

Да, дуренъ сонъ, какъ погляжу;
Тутъ все есть, коли нѣтъ обмана:
И яерти, и любовь, и страхи, и цвѣты.
Ну, сударь мой, а ты?

Молчалинъ.

Я слышалъ голосъ вашъ...

Фамусовъ.

Забавно!
Дался имъ голосъ мой! и какъ себѣ исправно
Всѣмъ слышится и всѣхъ сзываетъ до зари!
На голосъ мой спѣшилъ, за чѣмъ же?.. Говори!

Молчалинъ.

Съ бумагами-съ.

Фамусовъ.

Да, ихъ не доставало!
Помилуйте, что это вдругъ припало
Усердье къ письменнымъ дѣламъ? *(Встаетъ).*
Ну, Софьюшка, тебѣ покой я дамъ;
Бываютъ странны сны, а на-яву страннѣе:
Искала ты себѣ травы,
На друга набрела скорѣе...
Повыкинь вздоръ изъ головы!
Гдѣ чудеса, тамъ мало складу.
Поди-ка, лягъ, усни опять. *(Молчалину):*
Идемъ бумаги разбирать.

Молчалинъ.

Я только несъ ихъ для докладу,

Что въ ходъ нельзя пустить безъ справокъ, а въ иныхъ
Противорѣчья есть, и многое не дѣльно.

Фамусовъ.

Боюсь, сударь, я одного смертельно,
Чтобъ множество не накопилось ихъ;
Дай волю вамъ—оно бы и засѣло;
А у меня, что дѣло, что не дѣло,
Обычай мой такой:
Подписано, такъ съ плечъ долой.

(Уходитъ съ Молчалинымъ; въ дверяхъ пропускаетъ его впередъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Софья, Лиза.

Лиза.

Ну, вотъ у праздника! ну, вотъ вамъ и потѣха!
Однако нѣтъ, теперь ужъ не до смѣха:
Въ глазахъ темно и замерла душа;
Грѣхъ не бѣда, молва нехороша.

Софья.

Что мнѣ молва? Кто хочетъ, такъ и судитъ,
Да батюшка задуматься принудитъ:
Брюзгливъ, неугомоненъ, скоръ.
Такой всегда, а съ этихъ поръ...
Ты можешь посудить...

Лиза.

Сужу-съ не по разсказамъ.
Запретъ онъ васъ,—добро еще со мной,
А то, помилуй Богъ, какъ разомъ
Меня, Молчалина и всѣхъ съ двора долой.

Софья.

Подумаешь, какъ счастье своенравно!
Бываетъ хуже—съ рукъ сойдетъ;
Когда-жъ печальное ничто на умъ нейдетъ,
Забылись музыкой, и время шло такъ плавно,
Судьба насъ будто берегла,
Ни безпокойства, ни сомнѣнья...
А горе ждетъ изъ-за угла!

Лиза.

Вотъ то-то-съ, моего вы глупаго сужденья
Не жалуете никогда,
Анъ вотъ бѣда!
На что вамъ лучшаго пророка?

Твердила я: въ любви не будетъ этой прока
Ни во вѣки вѣковъ.
Какъ всѣ московскіе, вашъ батюшка таковъ:
Желалъ бы зятя онъ съ звѣздами, да съ чинами,
А при звѣздахъ не всѣ богаты между нами;
Ну, разумѣется, къ тому-бъ
И деньги, чтобъ пожить, чтобъ могъ давать онъ балы;
Вотъ, напримѣръ, полковникъ Скалозубъ—
И золотой мѣшокъ, и мѣтитъ въ генералы.

Софья.

Куда какъ милъ! и весело мнѣ страхъ
Выслушивать о фронтѣ, о рядахъ!
Онъ слова умнаго не выговорилъ съ роду.
Мнѣ все равно, что за него, что въ воду!

Лиза.

Да-съ, такъ сказать, рѣчистъ, а больно не хитеръ.
Но будь военный, будь онъ статскій,
Кто такъ чувствителенъ, и веселъ, и остеръ,
Какъ Александръ Андреичъ Чацкій!
Не для того, чтобъ васъ смутить,—
Давно прошло, не воротить...,
А помнится...

Софья.

Что помнится? Онъ славно
Пересмѣять умѣетъ всѣхъ,
Болтаетъ, шутитъ—мнѣ забавно:
Дѣлить со всякимъ можно смѣхъ.

Лиза.

И только, будто бы? Слезами обливался,
Я помню, бѣдный онъ, какъ съ вами разставался.
«Что, сударь, плачете? живите-ка смѣясь».
А онъ въ отвѣтъ: «Недаромъ, Лиза, плачу:
Кому извѣстно, что найду я воротясь,
И сколько, можетъ быть, утрачу!»
Бѣдняжка, будто зналъ, что года черезъ три...

Софья.

Послушай, вольности ты лишней не бери:
Я очень вѣтрено, быть-можетъ, поступила,
И знаю, и винюсь; но гдѣ же измѣнила,
Кому, чтобъ укорять невѣрностью могли?
Да, съ Чацкимъ, правда, мы воспитаны, росли,
Привычка вмѣстѣ быть день каждый неразлучно

Связала дѣтскою насъ дружбой, но потомъ
Онъ съѣхалъ; ужъ у насъ ему казалось скучно,
И рѣдко посѣщалъ нашъ домъ;
Потомъ опять прикинулся влюбленнымъ,
Взыскательнымъ и огорченнымъ...
Остеръ, уменъ, краснорѣчивъ,
Въ друзьяхъ особенно счастливъ—
Вотъ о себѣ задумалъ онъ высоко...
Охота странствовать напала на него...
Ахъ, если любитъ кто кого,
Зачѣмъ ума искать и ѣздить такъ далеко?

Лиза.

Гдѣ носится? въ какихъ краяхъ?
Лечился, говорятъ, на кислыхъ онъ водахъ,
Не отъ болѣзни, чай, отъ скуки—то вѣрнѣе!

Софья.

И вѣрно счастливъ тамъ, гдѣ люди посмѣшнѣе.
Кого люблю я—не таковъ:
Молчалинъ за другихъ себя забыть готовъ,
Врагъ дерзости, всегда застѣнчиво, несмѣло...
Ночь цѣлую съ кѣмъ можно такъ провесть?
Сидимъ, а на дворѣ давно ужъ побѣлѣло.
Какъ думаешь, чѣмъ заняты?

Лиза.

Богъ вѣсть,
Сударыня! мое ли это дѣло?

Софья.

Возьметъ онъ руку, къ сердцу жметъ,
Изъ глубины души вздохнетъ,
Ни слова вольнаго—и такъ вся ночь проходитъ,
Рука съ рукой, и глазъ съ меня не сводитъ...
Смѣешься? Можно ли! чѣмъ поводъ подала
Тебѣ я къ хохоту такому?

Лиза.

Мнѣ-съ... ваша тетушка на умъ теперь пришла:
Какъ молодой французъ сбѣжалъ у ней изъ дому,
Голубушка! хотѣла схоронить
Свою досаду—не съумѣла:
Забыла волосы чернить
И черезъ три дня посѣдѣла.

(Продолжаетъ хохотать).

Софья *(съ огорченіемъ)*.

Вотъ такъ же обо мнѣ потомъ заговорятъ

Лиза.

Простите: право, какъ Богъ святъ,
Хотѣла я, чтобъ этотъ смѣхъ дурацкій
Васъ нѣсколько развеселить помогъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Софья, Лиза, Слуга (за нимъ **Чацкій**).

Слуга.

Къ вамъ Александръ Андреичъ Чацкій.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Софья, Лиза, Чацкій.

Чацкій.

Чуть свѣтъ—ужъ на ногахъ, и я у вашихъ ногъ!

(Съ жаромъ цѣлуетъ ея руку).

Ну, поцѣлуйте же! Не ждали? Говорите!
Что-жъ, рады? нѣтъ? Въ лицо мнѣ посмотрите.
Удивлены? И только? Вотъ пріемъ.
Какъ будто не прошло недѣли,
Какъ будто бы вчера, вдвоемъ
Мы мочи нѣтъ другъ другу надоѣли.
Ни на волосъ любви! куда какъ хороши!
А между тѣмъ, не вспомнясь, безъ души,
Я сорокъ пять часовъ, глазъ мигомъ не прищуря,
Верстъ больше семисотъ пронесся!.. вѣтеръ, буря...
И растерялся весь, и падалъ сколько разъ—
И вотъ за подвиги награда!

Софья.

Ахъ, Чацкій, я вамъ очень рада.

Чацкій.

Вы рады? Въ добрый часъ!
Однако искренно кто-жъ радуется эдакъ?
Мнѣ кажется, что напослѣдокъ,
Людей и лошадей знобя,
Я только тѣшилъ самъ себя!

Лиза.

Вотъ, сударь, если бы вы были за дверями,
Ей-Богу, нѣтъ пяти минутъ,

Какъ поминали васъ мы тутъ.
Сударыня, скажите сами.

Софья.

Всегда, не только что теперь;
Не можете мнѣ сдѣлать вы упрека:
Кто промелькнетъ, отворитъ дверь,
Проѣздомъ, случаемъ, изъ чужа, изъ далека—
Съ вопросомъ я, хоть будь морякъ:
Не повстрѣчалъ ли гдѣ въ почтовой васъ каретѣ?

Чацкій.

Положимте, что такъ!
Блаженъ, кто вѣруетъ, тепло ему на свѣтѣ!
Ахъ, Боже мой, ужель я здѣсь опять,
Въ Москвѣ! у васъ! да какъ же васъ узнать!
Гдѣ время то, гдѣ возрастъ тотъ невинный,
Когда, бывало, въ вечеръ длинный
Мы съ вами явимся, исчезнемъ, тутъ и тамъ
Играемъ и шумимъ—по стульямъ и столамъ?..
А тутъ вашъ батюшка съ мадамой, за пикетомъ;
Мы въ темномъ уголкѣ, и кажется, что въ этомъ...
Вы помните? Вздрогнемъ, чуть скрипнетъ столикъ, дверь...

Софья.

Ребячество!

Чацкій.

Да-съ, а теперь,
Въ семнадцать лѣтъ вы расцвѣли прелестно,
Неподражаемо, и это вамъ извѣстно—
И потому скромны, не смотрите на свѣтъ.
Не влюблены ли вы? прошу мнѣ дать отвѣтъ,
Безъ думы; полноте смущаться.

Софья.

Да хоть кого смутятъ
Вопросы быстрые и любопытный взглядъ...

Чацкій.

Помилуйте: не вамъ—чему же удивляться?
Что новаго покажетъ мнѣ Москва?
Вчера былъ балъ, а завтра будетъ два;
Тотъ сватался—успѣлъ, а тотъ далъ промахъ;
Все тотъ же толкъ и тѣ-жъ стихи въ альбомахъ.

Софья.

Гоненье на Москву! что значитъ видѣть свѣтъ!
Гдѣ-жъ лучше?

Чацкій.

Гдѣ насъ нѣтъ.
Ну, что вашъ батюшка? все Англійскаго клоба
Старинный, вѣрный членъ до гроба?
Вашъ дядюшка отпрыгалъ ли свой вѣкъ?
А этотъ... какъ его?.. онъ турокъ или грекъ...
Тотъ черномазенькій, на ножкахъ журавлиныхъ,
Не знаю, какъ его зовутъ...
Куда ни сунься: тутъ какъ тутъ,
Въ столовыхъ и въ гостиныхъ?..
А трое изъ бульварныхъ лицъ,
Которые съ полвѣка молодятся?
Родныхъ мильонъ у нихъ, и съ помощью сестрицъ
Со всей Европой породнятся.
А наше солнышко, нашъ кладъ?
На лбу написано: театръ и маскарадъ;
Домъ зеленью расписанъ въ видѣ рощи...
Самъ толстъ, его артисты тощи...
На балѣ, помните, открыли мы вдвоемъ
За ширмами, въ одной изъ комнатъ посекретнѣй,
Былъ спрятанъ человѣкъ и щелкалъ соловьемъ—
Пѣвецъ зимой погоды лѣтней.
А тотъ, чахоточный, родня вашъ, книгамъ врагъ,
Въ ученый комитетъ который поселился
И съ крикомъ требовалъ присягъ,
Чтобъ грамотѣ никто не зналъ и не учился?..
Опять увидѣть ихъ мнѣ суждено судьбой!
Жить съ ними надоѣстъ, и въ комъ не сыщешь пятенъ?
Когда-жъ пространствуешь, воротишься домой,
И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ!

Софья.

Вотъ васъ бы съ тетушкою свесть,
Чтобъ всѣхъ знакомыхъ перечесть!

Чацкій.

А тетушка? Все дѣвушкой, Минервой?
Все фрейлиной Екатерины Первой?
Воспитанницъ и мосекъ полонъ домъ?
Ахъ! къ воспитанью перейдемъ:
Что нынче такъ же, какъ издревле,
Хлопочутъ набирать учителей полки,
Числомъ поболѣе, цѣною подешевле?
Не то, чтобы въ наукѣ далеки:
Въ Россіи, подъ великимъ штрафомъ,

Намъ каждаго признать велятъ
Историкомъ и географомъ!
Нашъ менторъ—помните, колпакъ его, халатъ,
Перстъ указательный, всѣ признаки ученья,
Какъ наши робкіе тревожили умы!..
Какъ съ раннихъ поръ привыкли вѣрить мы,
Что намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ спасенья!
А Гильоме французъ, подбитый вѣтеркомъ,—
Онъ не женатъ еще?

Софья.

На комъ?

Чацкій.

Хоть на какой-нибудь княгинѣ,
Пульхеріи Андревнѣ, напримѣръ?

Софья.

Танцмейстеръ! можно ли?

Чацкій.

Что-жъ? онъ и кавалеръ.
Отъ насъ потребуютъ съ имѣньемъ быть и въ чинѣ,
А Гильоме... Здѣсь нынче тонъ каковъ?
На съѣздахъ, на большихъ, по праздникамъ приходскимъ
Господствуетъ еще смѣшенье языковъ
Французскаго съ нижегородскимъ?

Софья.

Смѣсь языковъ?

Чацкій.

Да, двухъ,—безъ этого нельзя-жъ.

Лиза.

Но мудрено одинъ изъ нихъ скроить, какъ вашъ.

Чацкій.

По крайней мѣрѣ не надутый.
Вотъ новости! я пользуюсь минутой,
Свиданьемъ съ вами оживленъ,
И говорливъ, а развѣ нѣтъ временъ,
Что я Молчалина глупѣе? Гдѣ онъ, кстати?
Еще ли не сломилъ безмолвія печати?
Бывало, пѣсенокъ гдѣ новенькихъ тетрадь
Увидитъ — пристаетъ: пожалуйте списать.
А впрочемъ, онъ дойдетъ до степеней извѣстныхъ —
Вѣдь нынче любятъ безсловесныхъ.

Софья *(въ сторону).*

Не человѣкъ, змѣя!

(Громко и принужденно):

Хочу у васъ спросить:
Случалось ли, чтобъ вы, смѣясь, или въ печали,
Ошибкою, добро о комъ-нибудь сказали?
Хоть не теперь, въ дѣтствѣ, можетъ-быть?

Чацкій.

Когда все мягко такъ, и нѣжно, и незрѣло?
На что же такъ давно? вотъ доброе вамъ дѣло:
Звонками только что гремя
И день, и ночь по снѣговой пустынѣ,
Спѣшу къ вамъ, голову сломя,
И какъ васъ нахожу? въ какомъ-то строгомъ чинѣ!
Вотъ полчаса холодности терплю!
Лицо святѣйшей богомолки!
И все-таки я васъ безъ памяти люблю. *(Минутное молчаніе).*
Послушайте, ужель слова мои всѣ колки
И клонятся къ чьему-нибудь вреду?
Но если такъ — умъ съ сердцемъ не въ ладу:
Я въ чудакахъ иному чуду
Разъ посмѣюсь, потомъ забуду;
Велите-жъ мнѣ въ огонь — пойду какъ на обѣдъ.

Софья.

Да, хорошо — сгорите, если-жъ нѣтъ?

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Софья, Лиза, Чацкій, Фамусовъ.

Фамусовъ.

Вотъ и другой!

Софья.

Ахъ, батюшка, сонъ въ руку!

(Уходитъ).

Фамусовъ *(ей вслѣдъ вполголоса).*
Проклятый сонъ!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Фамусовъ, Чацкій *(смотритъ на дверь, въ которую Софья вышла).*

Фамусовъ.

Ну, выкинулъ ты штуку!
Три года не писалъ двухъ словъ
И грянулъ вдругъ какъ съ облаковъ!

(Обнимаются).

Здорово, другъ! здорово, братъ, здорово!
Разсказывай, чай у тебя готово

Собранье важное вѣстей?
Садись-ка, объяви скорѣй! *(Садятся).*

Чацкій *(разспянно).*

Какъ Софья Павловна у васъ похорошѣла!

Фамусовъ.

Вамъ, людямъ молодымъ, другаго нѣту дѣла,
Какъ замѣчать дѣвичьи красоты.
Сказала что-то вскользь, а ты,
Я чай, надеждами занесся, заколдованъ...

Чацкій.

Ахъ, нѣтъ! надеждами я мало избалованъ.

Фамусовъ.

«Сонъ въ руку» — мнѣ она изволила шепнуть —
Вотъ ты задумалъ...

Чацкій.

Я? ничуть!

Фамусовъ.

О комъ ей снилось? что такое?

Чацкій.

Я не отгадчикъ снова.

Фамусовъ.

Не вѣрь ей — все пустое.

Чацкій.

Я вѣрю собственнымъ глазамъ;
Вѣкъ не встрѣчалъ—подписку дамъ—
Что бъ было ей хоть нѣсколько подобно!

Фамусовъ.

Онъ все свое. Да разскажи подробно,
Гдѣ былъ, скитался столько лѣтъ?
Откудова теперь?

Чацкій.

Теперь мнѣ до того ли!
Хотѣлъ объѣхать цѣлый свѣтъ,
И не объѣхалъ сотой доли.
(Встаетъ поспѣшно).
Простите! я спѣшилъ скорѣе видѣть васъ,
Не заѣзжалъ домой. Прощайте! черезъ часъ
Явлюсь, подробности малѣйшей не забуду,
Вамъ первымъ, вы потомъ разсказывайте всюду.
(Въ дверяхъ).
Какъ хороша! *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ X.

Фамусовъ.

Который же изъ двухъ?
«Ахъ, батюшка, сонъ въ руку!»
И говоритъ мнѣ это вслухъ!
Ну, виноватъ. Какого-жъ далъ я крюку!
Молчалинъ давеча въ сомнѣнье ввелъ меня;
Теперь... да въ полмя изъ огня:
Тотъ нищій, этотъ франтъ-пріятель
Отъявленъ мотомъ, сорванцомъ...
Что за комиссія, Создатель,
Быть взрослой дочери отцомъ! *(Уходитъ).*

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Фамусовъ и Слуга.

Фамусовъ.

Петрушка! вѣчно ты съ обновкой,—
Съ разодраннымъ локтемъ! Достань-ка календарь.
Читай, не такъ, какъ пономарь,
А съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой.
Постой-ка. На листѣ черкни на записномъ
Противу будущей недѣли:
Къ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ въ домъ
Во вторникъ званъ я на форели.
Куда какъ чуденъ созданъ свѣтъ!
Пофилософствуй — умъ вскружится!
То бережешься, то обѣдъ:
Ѣшь три часа, а въ три дни не сварится.
Отмѣть-ка: въ тотъ же день... Нѣтъ, нѣтъ...
Въ четвергъ я званъ на погребенье.
Охъ, родъ людской! пришло въ забвенье,
Что всякій самъ туда же долженъ лѣзть,
Въ тотъ ларчикъ, гдѣ ни стать, ни сѣсть.
Но память по себѣ намѣренъ кто оставить
Житьемъ похвальнымъ — вотъ примѣръ:
Покойникъ былъ почтенный камергеръ,
Съ ключемъ, и сыну ключъ умѣлъ доставить;
Богатъ, и на богатой былъ женатъ;
Переженилъ дѣтей, внучатъ;
Скончался — всѣ о немъ съ прискорбьемъ поминаютъ;

Кузьма Петровичъ! миръ ему!
Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ!
Пиши, въ четвергъ, одно ужъ къ одному,
А можетъ въ пятницу, а можетъ и въ субботу, —
Я долженъ у вдовы, у докторши крестить.
Она не родила, но по расчету,
По моему, должна родить.

ЯВЛЕНІЕ II.

Фамусовъ, Слуга, Чацкій.

Фамусовъ.

А! Александръ Андреичъ! Просимъ,
Садитесь-ка.

Чацкій.

Вы заняты?

Фамусовъ *(слугѣ).*

Поди. *(Слуга уходитъ).*
Да, разныя дѣла на память въ книгу вносимъ;
Забудется, того гляди.

Чацкій.

Вы что-то не веселы стали;
Скажите, отчего? Пріѣздъ не въ пору мой?
Ужъ Софьѣ Павловнѣ какой
Не приключилось ли печали?
У васъ въ лицѣ, въ движеньяхъ суета.

Фамусовъ.

Ахъ, батюшка! нашелъ загадку:
Не веселъ я!.. Въ мои лѣта
Не можно же пускаться мнѣ въ присядку!

Чацкій.

Никто не приглашаетъ васъ;
Я только что спросилъ два слова
Объ Софьѣ Павловнѣ: быть-можетъ, нездорова?

Фамусовъ.

Тьфу, Господи прости! пять тысячъ разъ
Твердитъ одно и то же!
То Софьи Павловны на свѣтѣ нѣтъ пригоже,
То Софья Павловна больна!
Скажи, тебѣ понравилась она?
Обрыскалъ свѣтъ, — не хочешь ли жениться?

Чацкій.

А вамъ на что?

Фамусовъ.

Меня не худо бы спроситься:
Вѣдь я ей нѣсколько сродни, —
По крайней мѣрѣ искони
Отцомъ не даромъ называли.

Чацкій.

Пусть я посватаюсь, вы что бы мнѣ сказали?

Фамусовъ.

Сказалъ бы я, во-первыхъ: не блажи,
Имѣньемъ, братъ, не управляй оплошно,
А главное — поди-ка послужи.

Чацкій.

Служить бы радъ — прислуживаться тошно!

Фамусовъ.

Вотъ то-то, всѣ вы гордецы!
Спросили бы, какъ дѣлали отцы?
Учились бы, на старшихъ глядя.
Мы, напримѣръ, или покойникъ дядя,
Максимъ Петровичъ: онъ не то на серебрѣ,
На золотѣ ѣдалъ; сто человѣкъ къ услугамъ;
Весь въ орденахъ; ѣзжалъ-то вѣчно цугомъ;
Вѣкъ при дворѣ, да при какомъ дворѣ!
Тогда не то, что нынѣ, —
При государынѣ служилъ Екатеринѣ.
А въ тѣ поры всѣ важны, въ сорокъ пудъ!..
Раскланяйся — тупеемъ не кивнуть.
Вельможа въ случаѣ, тѣмъ паче,
Не какъ другой, и пилъ и ѣлъ иначе.
А дядя! что твой князь, что графъ!
Серьезный взглядъ, надменный нравъ!
Когда же надо подслужиться,
И онъ сгибался въ перегибъ.
На куртагѣ ему случилось оступиться —
Упалъ, да такъ, что чуть затылка не прошибъ.
Старикъ заохалъ; голосъ хрипкой...
Былъ высочайшею пожалованъ улыбкой —
Изволили смѣяться. Что же онъ?
Привсталъ, оправился, хотѣлъ отдать поклонъ —
Упалъ вдругорядь — ужъ нарочно!
А хохотъ пуще. Онъ и въ третій такъ же точно.
А? какъ по-вашему?.. По-нашему, смышленъ:
Упалъ онъ больно — всталъ здорово.
За то, бывало, въ вистъ кто чаще приглашенъ?

Кто слышитъ при дворѣ привѣтливое слово?
Максимъ Петровичъ! Кто предъ всѣми зналъ почетъ?
Максимъ Петровичъ! Шутка!
Въ чины выводитъ кто и пенсіи даетъ?
Максимъ Петровичъ! Да! Вы, нынѣшніе, нутка!

Чацкій.

И точно началъ свѣтъ глупѣть,
Сказать вы можете вздохнувши;
Какъ посравнить, да посмотрѣть
Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій —
Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.
Какъ тотъ и славился, чья чаще гнулась шея;
Какъ не въ войнѣ, а въ мирѣ брали лбомъ —
Стучали объ полъ, не жалѣя!?
Кому нужда — тѣмъ спесь, лежи они въ пыли,
А тѣмъ, кто выше, лесть какъ кружево плели.
Прямой былъ вѣкъ покорности и страха,
Все подъ личиною усердія къ царю!
Я не объ дядюшкѣ объ вашемъ говорю, —
Его не возмутимъ мы праха, —
Но между тѣмъ, кого охота заберетъ,
Хоть въ раболѣпствѣ самомъ пылкомъ,
Теперь, чтобы смѣшить народъ,
Отважно жертвовать затылкомъ?
А сверстничекъ, а старичокъ
Иной, глядя на тотъ скачокъ,
И разрушаясь въ ветхой кожѣ,
Чай приговаривалъ: ахъ, если бы мнѣ тоже!
Хоть есть охотники поподличать вездѣ,
Да нынче смѣхъ страшитъ и держитъ стыдъ въ уздѣ.
Не даромъ жалуютъ ихъ скупо государи.

Фамусовъ.

Ахъ, Боже мой, онъ карбонарій!

Чацкій.

Нѣтъ, нынче свѣтъ ужъ не таковъ.

Фамусовъ.

Опасный человѣкъ!

Чацкій.

Вольнѣе всякій дышетъ,
И не торопится вписаться въ полкъ шутовъ.

Фамусовъ.

Что говоритъ! — и говоритъ, какъ пишетъ!

Чацкій.

У покровителей зѣвать на потолокъ,
Явиться помолчать, пошаркать, пообѣдать,
Подставить стулъ, поднять платокъ...

Фамусовъ.

Онъ вольность хочетъ проповѣдать!

Чацкій.

Кто путешествуетъ, въ деревнѣ кто живетъ...

Фамусовъ.

Да онъ властей не признаетъ!

Чацкій.

Кто служитъ дѣлу, а не лицамъ...

Фамусовъ.

Строжайше-бъ запретилъ я этимъ господамъ
На выстрѣлъ подъѣзжать къ столицамъ!

Чацкій.

Я, наконецъ, вамъ отдыхъ дамъ.

Фамусовъ.

Терпѣнья, мочи нѣтъ, досадно!

Чацкій.

Вашъ вѣкъ бранилъ я безпощадно, —
Предоставляю вамъ во власть:
Откиньте часть
Хоть нашимъ временамъ въ придачу, —
Ужъ такъ и быть, я не заплачу.

Фамусовъ.

И знать васъ не хочу, разврата не терплю.

Чацкій.

Я досказалъ.

Фамусовъ.

Добро, заткнулъ я уши.

Чацкій.

На что-жъ? Я ихъ не оскорблю.

Фамусовъ *(скороговоркой).*

Вотъ рыскаютъ по свѣту, бьютъ баклуши,
Воротятся—отъ нихъ порядка жди!..

Чацкій.

Я пересталъ...

Фамусовъ.

Пожалуй, пощади!

Чацкій.

Длить споры не мое желанье.

Фамусовъ.

Хоть душу отпусти на покаянье!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Слуга.

Слуга *(входитъ).*

Полковникъ Скалозубъ.

Фамусовъ *(ничего не видитъ и не слышитъ).*

Тебя ужъ упекутъ
Подъ судъ—какъ пить дадутъ.

Чацкій.

Пожаловалъ къ вамъ кто-то на домъ.

Фамусовъ.

Не слушаю—подъ судъ!

Чацкій.

Къ вамъ человѣкъ съ докладомъ.

Фамусовъ.

Не слушаю—подъ судъ! подъ судъ!

Чацкій.

Да обернитесь—васъ зовутъ.

Фамусовъ *(оборачивается).*

А? бунтъ? Ну, такъ и жду содома!

Слуга.

Полковникъ Скалозубъ. Прикажете принять?

Фамусовъ *(встаетъ).*

Ослы! сто разъ вамъ повторять?
Принять его, позвать, просить, сказать, что дома,
Что очень радъ. Пошелъ же, торопись!
(Слуга уходитъ).
Пожалуйста, сударь, при немъ остерегись:
Извѣстный человѣкъ, солидный,
И знаковъ тьму отличій нахваталъ!
Не по лѣтамъ и чинъ завидный—
Не нынче, завтра—генералъ!
Пожалуйста, при немъ веди себя скромненько.
Эхъ, Александръ Андреичъ! дурно, братъ!..
Ко мнѣ онъ жалуетъ частенько;
Я всякому, ты знаешь, радъ.
Въ Москвѣ прибавять вѣчно втрое:
Вотъ будто женится на Софьюшкѣ. Пустое!
Онъ, можетъ-быть, и радъ бы былъ душой,
Да надобности самъ не вижу я большой

Дочь выдавать ни завтра, ни сегодня;
Вѣдь Софья молода. А впрочемъ, власть Господня.
Пожалуйста, при немъ не спорь ты вкривь и вкось,
И завиральныя идеи эти брось.
Однако нѣтъ его! какую бы причину...
А! знать ко мнѣ пошелъ въ другую половину.

(Поспѣшно уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Чацкій.

Какъ суетится! что за прыть!
А Софья? Нѣтъ-ли впрямь тутъ жениха какого.
Съ которыхъ поръ меня дичится какъ чужого!
Какъ здѣсь бы ей не быть?
Кто этотъ Скалозубъ? Отецъ имъ сильно бредитъ.
А можетъ-быть не только что отецъ...
Ахъ! тотъ скажи любви конецъ,
Кто на три года въ даль уѣдетъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Чацкій, Фамусовъ, Скалозубъ.

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ, къ намъ, сюда-съ,
Прошу покорно, здѣсь теплѣе;
Прозябли вы—согрѣемъ васъ;
Отдушничекъ откроемъ поскорѣе.

Скалозубъ *(густымъ басомъ).*

Зачѣмъ же лазить, напримѣръ,
Самимъ!.. Мнѣ совѣстно, какъ честный офицеръ.

Фамусовъ.

Неужто для друзей не сдѣлать мнѣ ни шагу?
Сергѣй Сергѣичъ дорогой!
Кладите шляпу, скиньте шпагу;
Вотъ вамъ софа, раскиньтесь на покой.

Скалозубъ.

Куда прикажете, лишь только бы усѣсться.

(Садятся всѣ трое; Чацкій поодаль).

Фамусовъ.

Ахъ, батюшка! сказать, чтобъ не забыть:
Позвольте намъ своими счесться,
Хоть дальними—наслѣдства не дѣлить.
Не знали вы,—а я подавно,—
Спасибо, научилъ двоюродный вашъ братъ,—
Какъ вамъ доводится Настасья Николавна?

Скалозубъ.

Не знаю-съ, виноватъ:
Мы съ нею вмѣстѣ не служили.

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ, это вы-ли?
Нѣтъ! я передъ родней, гдѣ встрѣтится, ползкомъ;
Сыщу ее на днѣ морскомъ!
При мнѣ служащіе чужіе очень рѣдки:
Все больше сестрины, свояченицы дѣтки;
Одинъ Молчалинъ мнѣ не свой,
И то затѣмъ, что дѣловой.
Какъ станешь представлять къ крестишку иль къ мѣстечку,
Ну, какъ не порадѣть родному человѣчку!..
Однако братецъ вашъ мнѣ другъ и говорилъ,
Что вами выгодъ тьму по службѣ получилъ.

Скалозубъ.

Въ тринадцатомъ году мы отличались съ братомъ
Въ тридцатомъ егерскомъ, а послѣ въ сорокъ пятомъ.

Фамусовъ.

Да! счастье у кого есть этакой сынокъ!
Имѣетъ, кажется, въ петличкѣ орденокъ?

Скалозубъ.

За третье августа: засѣли мы въ траншею;
Ему данъ съ бантомъ, мнѣ на шею.

Фамусовъ.

Любезный человѣкъ, и посмотрѣть такъ хватъ!
Прекрасный человѣкъ двоюродный вашъ братъ.

Скалозубъ.

Но крѣпко набрался какихъ-то новыхъ правилъ:
Чинъ слѣдовалъ ему—онъ службу вдругъ оставилъ,
Въ деревнѣ книги сталъ читать.

Фамусовъ.

Вотъ молодость!.. читать!.. а послѣ хвать!..
Вы повели себя исправно:
Давно полковники, а служите недавно.

Скалозубъ.

Довольно счастливъ я въ товарищахъ моихъ—
Вакансіи какъ разъ открыты:
То старшихъ выключатъ иныхъ,
Другіе, смотришь, перебиты.

Фамусовъ.

Да, чѣмъ кого Господь поищетъ, вознесетъ!

Скалозубъ.

Бываетъ, моего счастливѣе везетъ.
У насъ въ пятнадцатой дивизіи, не далѣ,
Объ нашемъ хоть сказать бригадномъ генералѣ.

Фамусовъ.

Помилуйте, а вамъ чего недостаетъ?

Скалозубъ.

Не жалуюсь, не обходили;
Однако за полкомъ два года поводили.

Фамусовъ.

Въ погонѣ-ль за полкомъ?
Зато, конечно, въ чемъ другомъ
За вами далеко тянуться.

Скалозубъ.

Нѣтъ-съ, старѣе меня по корпусу найдутся:
Я съ восемьсотъ девятаго служу.
Да, чтобъ чины добыть есть многіе каналы;
Объ нихъ какъ истинный философъ я сужу—
Мнѣ только бы досталось въ генералы.

Фамусовъ.

И славно судите, дай Богъ здоровье вамъ
И генеральскій чинъ; а тамъ—
Зачѣмъ откладывать бы дальше—
Рѣчь завести объ генеральшѣ?

Скалозубъ.

Жениться? Я ничуть не прочь.

Фамусовъ.

Что-жъ? у кого сестра, племянница есть, дочь...
Въ Москвѣ вѣдь нѣтъ невѣстамъ перевода:
Чего! плодятся годъ отъ года!
А, батюшка, признайтесь, что едва
Гдѣ сыщется столица, какъ Москва.

Скалозубъ.

Дистанція огромнаго размѣра.

Фамусовъ.

Вкусъ, батюшка, отмѣнная манера,
На все свои законы есть:
Вотъ, напримѣръ, у насъ ужъ изстари ведется,
Что по отцу и сыну честь;
Будь плохенькій, да если наберется
Душъ тысячки двѣ родовыхъ,
Тотъ и женихъ.
Другой хоть прытче будь, надутый всякимъ чванствомъ,

Пускай себѣ разумникомъ слыви,
А въ семью не включатъ, на насъ не подиви.
Вѣдь только здѣсь еще и дорожатъ дворянствомъ!
Да это-ли одно?.. Возьмите вы хлѣбъ-соль:
Кто хочетъ къ намъ пожаловать—изволь,
Дверь отперта для званыхъ и незваныхъ,
Особенно изъ иностранныхъ,
Хоть честный человѣкъ, хоть нѣтъ—
Для насъ равнехонько—про всѣхъ готовъ обѣдъ.
Возьмите вы, отъ головы до пятокъ,
На всѣхъ московскихъ есть особый отпечатокъ.
Извольте посмотрѣть на нашу молодежь,
На юношей, сынковъ и внучатъ:
Журимъ мы ихъ, а если разберешь—
Въ пятнадцать лѣтъ учителей научатъ!
А наши старички? Какъ ихъ возьметъ задоръ,
Засудятъ о дѣлахъ: что слово—приговоръ!
Вѣдь столбовые все; въ усъ никому не дуютъ
И объ правительствѣ иной разъ такъ толкуютъ,
Что если-бъ кто подслушалъ ихъ... бѣда!
Не то, чтобъ новизны вводили—никогда,
Спаси насъ, Боже!.. Нѣтъ... А придерутся
Къ тому, къ сему, а чаще ни къ чему,
Поспорятъ, пошумятъ—и... разойдутся.
Прямые канцлеры въ отставкѣ по уму!
Я вамъ скажу, знать время не приспѣло,
Но что безъ нихъ не обойдется дѣло.
А дамы?—сунься кто, попробуй, овладѣй;
Судьи всему вездѣ, надъ ними нѣтъ судей;
За картами когда возстанутъ общимъ бунтомъ—
Дай Богъ терпѣніе! вѣдь самъ я былъ женатъ.
Скомандовать велите передъ фрунтомъ!
Присутствовать пошлите ихъ въ сенатъ!
Ирина Власьевна! Лукерья Алексѣвна!
Татьяна Юрьевна! Пульхерія Андревна!
А дочекъ кто видалъ, всякъ голову повѣсь!
Его величество король былъ прусскій здѣсь:
Дивился не путемъ московскимъ онъ дѣвицамъ—
Ихъ благонравію, не лицамъ.
И точно, можно-ли воспитаннѣе быть!
Умѣютъ же себя принарядить
Тафтицей, бархатцемъ и дымкой;
Словечка въ простотѣ не скажутъ, все съ ужимкой;

Французскіе романсы вамъ поютъ
И верхнія выводятъ нотки;
Къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ,
А потому что—патріотки.
Рѣшительно скажу: едва
Другая сыщется столица, какъ Москва.

Скалозубъ.

По моему сужденью,
Пожаръ способствовалъ ей много къ украшенью.

Фамусовъ.

Не поминайте намъ, ужъ мало-ли крехтятъ!
Съ тѣхъ поръ дороги, тротуары,
Дома и все на новый ладъ.

Чацкій.

Дома новы, но предразсудки стары.
Порадуйтесь, не истребятъ
Ни годы ихъ, ни моды, ни пожары.

Фамусовъ *(Чацкому).*

Эй, завяжи на память узелокъ:
Просилъ я помолчать—не велика услуга. *(Скалозубу):*
Позвольте, батюшка, вотъ-съ, Чацкаго, мнѣ друга,
Андрея Ильича покойнаго сынокъ;
Не служитъ, то-есть въ томъ онъ пользы не находитъ;
Но захоти, такъ былъ бы дѣловой.
Жаль, очень жаль: онъ малый съ головой,
И славно пишетъ, переводитъ.
Нельзя не пожалѣть, что съ этакимъ умомъ...

Чацкій.

Нельзя-ли пожалѣть о комъ-нибудь другомъ?
И похвалы мнѣ ваши досаждаютъ.

Фамусовъ.

Не я одинъ—всѣ также осуждаютъ.

Чацкій.

А судьи кто?.. За древностію лѣтъ,
Къ свободной жизни ихъ вражда непримирима;
Сужденья черпаютъ изъ забытыхъ газетъ
Временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма;
Всегда готовые къ журьбѣ,
Поютъ все пѣснь одну и ту же,
Не замѣчая о себѣ,
Что стàрѣе, то хуже.
Гдѣ, укажите намъ, отечества отцы,
Которыхъ мы должны принять за образцы!

Не эти-ли, грабительствомъ богаты,
Защиту отъ суда въ друзьяхъ нашли, въ родствѣ,
Великолѣпныя соорудя палаты,
Гдѣ разливаются въ пирахъ и мотовствѣ,
И гдѣ не воскресятъ кліенты иностранцы
Прошедшаго житья подлѣйшія черты?
Да и кому въ Москвѣ не зажимали рты
Обѣды, ужины и танцы?
Не тотъ-ли, вы къ кому меня еще съ пеленъ,
Для замысловъ какихъ-то непонятныхъ,
Дитей возили на поклонъ?
Тотъ Несторъ негодяевъ знатныхъ,
Толпою окруженный слугъ?
Усердствуя, они, въ часы вина и драки,
И жизнь, и честь его не разъ спасали; вдругъ
На нихъ онъ вымѣнялъ борзыя три собаки!
Или вонъ тотъ еще, который для затѣй,
На крѣпостной балетъ согналъ на многихъ фурахъ
Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей?
Самъ погруженъ умомъ въ зефирахъ и амурахъ,
Заставилъ всю Москву дивиться ихъ красѣ;
Но должниковъ не согласилъ къ отсрочкѣ:
Амуры и зефиры всѣ
Распроданы по-одиночкѣ!
Вотъ тѣ, которые дожили до сѣдинъ!
Вотъ уважать кого должны мы на безлюдьи!
Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!
Теперь пускай изъ насъ одинъ,
Изъ молодыхъ людей, найдется врагъ исканій,
Не требуя ни мѣстъ, ни повышенья въ чинъ,
Въ науки онъ вперитъ умъ, алчущій познаній;
Или въ душѣ его самъ Богъ возбудитъ жаръ
Къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ,—
Они тотчасъ: разбой! пожаръ!
И прослывешь у нихъ мечтателемъ опаснымъ.
Мундиръ! одинъ мундиръ! Онъ въ прежнемъ ихъ быту
Когда-то укрывалъ, расшитый и красивый,
Ихъ слабодушіе, разсудка нищету;
И намъ за ними въ путь счастливый!
И въ женахъ, дочеряхъ къ мундиру та же страсть.
Я самъ къ нему давно-ль отъ нѣжности отрекся?
Теперь ужъ въ это мнѣ ребячество не впасть,
Но кто-бъ тогда за всѣми не повлекся?

Когда изъ гвардіи, иные отъ двора,
Сюда на время пріѣзжали,
Кричали женщины: ура!
И въ воздухъ чепчики бросали!

Фамусовъ *(про себя).*

Ужъ втянетъ онъ меня въ бѣду. *(Громко):*
Сергѣй Сергѣичъ, я пойду,
И буду ждать васъ въ кабинетѣ. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Скалозубъ, Чацкій.

Скалозубъ.

Мнѣ нравится, при этой смѣтѣ
Искусно какъ коснулись вы
Предубѣжденія Москвы
Къ любимцамъ, къ гвардіи, къ гвардейцамъ, къ гвардіонцамъ.
Ихъ золоту, шитью дивятся будто солнцамъ!
А въ первой арміи когда отстали? въ чемъ?
Все такъ прилажено и тальи всѣ такъ узки,
И офицеровъ вамъ начтемъ,
Что даже говорятъ иные по-французски.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Скалозубъ, Чацкій, Софья, Лиза.

Софья *(бѣжитъ къ окну).*

Ахъ, Боже мой! упалъ! убился!.. *(Падаетъ въ обморокъ).*

Чацкій.

Кто?
Кто это?

Скалозубъ.

Съ кѣмъ бѣда?

Чацкій.

Она мертва со страху.

Скалозубъ.

Да кто? откудова?

Чацкій.

Ушибся обо что?

Скалозубъ.

Ужъ не старикъ-ли нашъ далъ маху?

Лиза *(хлопочетъ около барышни).*

Кому назначено—не миновать судьбы!
Молчалинъ на лошадь садился: ногу въ стремя,

А лошадь на дыбы—
Онъ объ землю—и прямо въ темя.

Скалозубъ.

Поводья затянулъ; ну, жалкій же ѣздокъ!
Взглянуть, какъ треснулся онъ—грудью или въ бокъ.
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же, безъ **Скалозуба.**

Чацкій.

Помочь ей чѣмъ? Скажи скорѣе.

Лиза.

Тамъ въ комнатѣ вода стоитъ.

(Чацкій бѣжитъ и приноситъ. Все слѣдующее вполголоса до того, какъ Софья очнется).

Лиза.

Стаканъ налейте.

Чацкій.

Ужъ налитъ.
Шнуровку отпусти вольнѣе,
Виски ей уксусомъ потри,
Опрыскивай водой. Смотри:
Свободнѣе дыханье стало...
Повѣять чѣмъ?

Лиза.

Вотъ опахало.

Чацкій.

Гляди въ окно—
Молчалинъ на ногахъ давно!
Бездѣлица ее тревожитъ.

Лиза.

Да-съ, барышнинъ несчастенъ нравъ:
Со стороны смотрѣть не можетъ,
Какъ люди падаютъ стремглавъ.

Чацкій.

Опрыскивай еще водою.
Вотъ такъ... Еще... Еще.

Софья *(съ глубокимъ вздохомъ).*

Кто здѣсь со мною?
Я точно какъ во снѣ... *(Торопливо и громко).*
Гдѣ онъ? Что съ нимъ? Скажите мнѣ.

Чацкій.

Пускай себѣ сломилъ бы шею,—
Васъ чуть было не уморилъ.

Софья.

Убійственны холодностью своею!
Смотрѣть на васъ, васъ слушать нѣту силъ.

Чацкій.

Прикажете мнѣ за него терзаться?

Софья.

Туда бѣжать, тамъ быть, помочь ему стараться!..

Чацкій.

Чтобъ оставались вы безъ помощи однѣ?

Софья.

На что вы мнѣ?
Да правда: не свои бѣды для васъ забавы,
Отецъ родной убейся—все равно. *(Лизѣ).*
Пойдемъ туда, бѣжимъ...

Лиза *(отводитъ ее въ сторону).*

Опомнитесь! куда вы?
Онъ живъ, здоровъ; смотрите здѣсь въ окно.

(Софья высовывается въ окошко).

Чацкій.

Смятенье! обморокъ! поспѣшность! гнѣвъ испуга!..
Такъ можно только ощущать,
Когда лишаешься единственнаго друга.

Софья.

Сюда идутъ. Руки не можетъ онъ поднять!..

Чацкій.

Желалъ бы съ нимъ убиться...

Лиза.

Для компаньи?

Софья.

Нѣтъ, оставайтесь при желаньи.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Софья, Лиза, Чацкій, Скалозубъ, Молчалинъ *(съ подвязанной рукой).*

Скалозубъ.

Воскресъ и невредимъ! рука
Ушибена слегка;
А впрочемъ все фальшивая тревога.

Молчалинъ.

Я васъ перепугалъ; простите, ради Бога.

Скалозубъ.

Ну, я не зналъ, что будетъ изъ того
Вамъ ирритація—опрометью вбѣжали,

Мы вздрогнули, вы въ обморокъ упали—
И что-жъ?—весь страхъ изъ ничего.

Софья *(не глядя ни на кого).*

Ахъ! очень вижу: изъ пустого—
А все еще теперь дрожу.

Чацкій *(про себя).*

Съ Молчалинымъ—ни слова!

Софья *(попрежнему).*

Однако о себѣ скажу,
Что не труслива. Такъ бываетъ,
Карета свалится, поднимутъ—я опять
Готова съизнова скакать;
Но все малѣйшее въ другихъ меня пугаетъ,
Хоть нѣтъ великаго несчастья отъ того,
Хоть незнакомый мнѣ—до этого нѣтъ дѣла.

Чацкій *(про себя).*

Прощенья проситъ у него,
Что разъ о комъ-то пожалѣла!

Скалозубъ.

Позвольте, разскажу вамъ вѣсть:
Княгиня Ласова какая-то здѣсь есть,
Наѣздница, вдова—но нѣтъ примѣровъ,
Чтобъ ѣздило съ ней много кавалеровъ,—
На-дняхъ расшиблась въ пухъ;
Жокей не поддержалъ—считалъ онъ, видно, мухъ.
И безъ того она, какъ слышно, неуклюжа,
Теперь ребра недостаетъ,
Такъ для поддержки ищетъ мужа.

Софья.

Ахъ, Александръ Андреичъ! вотъ,
Явитесь вы вполнѣ великодушны:
Къ несчастью ближняго вы такъ неравнодушны!

Чацкій.

Да-съ, это я сейчасъ явилъ
Моимъ усерднѣйшимъ стараньемъ,
И прысканьемъ, и оттираньемъ...
Не знаю для кого, но васъ я воскресилъ.

(Беретъ тляпу и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же, кромѣ **Чацкаго.**

Софья.

Вы вечеромъ къ намъ будете?

Скалозубъ.

Какъ рано?

Софья.

Пораньше. Съѣдутся домашніе, друзья
Потанцовать подъ фортепьяно.
Мы въ траурѣ, такъ бала дать нельзя.

Скалозубъ.

Явлюсь, но къ батюшкѣ зайти я обѣщался...
Откланяюсь.

Софья.

Прощайте.

Скалозубъ *(жметъ руку Молчалину).*
Вашъ слуга. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ XI.

Софья, Лиза, Молчалинъ.

Софья.

Молчалинъ! какъ во мнѣ разсудокъ цѣлъ остался!
Вѣдь знаете, какъ жизнь мнѣ ваша дорога!
Зачѣмъ же ей играть, и такъ неосторожно?
Скажите, что у васъ съ рукой?
Не дать-ли капель вамъ? Не нуженъ-ли покой?
Пошлите къ доктору: пренебрегать не должно.

Молчалинъ.

Платкомъ перевязалъ—не больно мнѣ съ тѣхъ поръ.

Лиза.

Ударюсь объ закладъ, что вздоръ,
И если-бъ не къ лицу, не нужно перевязки;
А то не вздоръ, что вамъ не избѣжать огласки:
На смѣхъ, того гляди, подыметъ Чацкій васъ;
И Скалозубъ, какъ свой хохолъ закрутитъ,
Разскажетъ обморокъ, прибавитъ сто прикрасъ;
Шутить и онъ гораздъ—вѣдь нынче кто не шутитъ!

Софья.

А кѣмъ изъ нихъ я дорожу?
Хочу—люблю, хочу—скажу.
Молчалинъ! будто я себя не принуждала?
Вошли вы—слова не сказала;
При нихъ не смѣла я дохнуть,
У васъ спросить, на васъ взглянуть!

Молчалинъ.

Нѣтъ, Софья Павловна, вы слишкомъ откровенны...

Софья.

Откуда скрытность почерпнуть?
Готова я была въ окошко къ вамъ спрыгнуть.
Да что мнѣ до кого? до нихъ? до всей вселенной?
Смѣшно!—пусть шутятъ ихъ; досадно?—пусть бранятъ.

Молчалинъ.

Не повредила бы намъ откровенность эта.

Софья.

Неужто на дуэль васъ вызвать захотятъ?

Молчалинъ.

Ахъ! злые языки страшнѣе пистолета...

Лиза.

Сидятъ они у батюшки теперь;
Вотъ кабы вы порхнули въ дверь
Съ лицомъ веселымъ, беззаботно.
Когда намъ скажутъ, что хотимъ,
Куда какъ вѣрится охотно!
И Александръ Андреичъ—съ нимъ
О прежнихъ дняхъ, о тѣхъ проказахъ,
Поразвернитесь-ка въ разсказахъ;
Улыбочка и пара словъ—
И кто влюбленъ—на все готовъ.

Молчалинъ.

Я вамъ совѣтовать не смѣю. *(Цѣлуетъ ей руку).*

Софья.

Хотите вы?.. Пойду любезничать сквозь слезъ;
Боюсь, что выдержать притворства не съумѣю.
Зачѣмъ сюда Богъ Чацкаго принесъ! *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ XII.

Молчалинъ, Лиза.

Молчалинъ.

Веселое созданье ты, живое!

Лиза.

Прошу пустить, и безъ меня васъ двое.

Молчалинъ.

Какое личико твое!
Какъ я тебя люблю!

Лиза.

А барышню?

Молчалинъ.

Ее
По должности, тебя... *(Хочетъ ее обнять).*

Лиза.

Отъ скуки?
Прошу подальше руки!

Молчалинъ.

Есть у меня вещицы три:
Есть туалетъ—прехитрая работа!
Снаружи зеркальце и зеркальце внутри,
Кругомъ все прорѣзь, позолота;
Подушечка, изъ бисера узоръ,
И перламутровый приборъ:
Игольничекъ и ножнички—какъ милы!
Жемчужинки, растертыя въ бѣлилы!
Помада есть для губъ и для другихъ причинъ;
Съ духами стекляночки: есть резеда, жасминъ.

Лиза.

Вы знаете, что я не льщусь на интересы;
Скажите лучше, почему
Вы съ барышней скромны, а съ горничной повѣсы?

Молчалинъ.

Сегодня боленъ я; обвязки не сниму.
Приди въ обѣдъ, побудь со мною,
Я правду всю тебѣ открою.

(Уходитъ въ боковую дверь).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Софья и Лиза.

Софья.

Была у батюшки,—тамъ нѣту никого.
Сегодня я больна и не пойду обѣдать.
Скажи Молчалину, и позови его,
Чтобъ онъ пришелъ меня провѣдать.

(Уходитъ къ себѣ въ комнату).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Лиза.

Ну, люди въ здѣшней сторонѣ!
Она къ нему, а онъ ко мнѣ!
А я... одна лишь я любви до смерти трушу!
А какъ не полюбить буфетчика Петрушу!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Чацкій, потомъ **Софья.**

Чацкій.

Дождусь ея и вынужу признанье:
Кто наконецъ ей милъ? Молчалинъ? Скалозубъ?
Молчалинъ прежде былъ такъ глупъ!..
Жалчайшее созданье!
Ужъ развѣ поумнѣлъ?.. А тотъ—
Хрипунъ, удавленникъ, фаготъ,
Созвѣздіе маневровъ и мазурки!
Судьба любви—играть ей въ жмурки.
А мнѣ... *(Входитъ Софья).*
Вы здѣсь? я очень радъ,
Я этого желалъ.

Софья *(про себя).*

И очень невпопадъ.

Чацкій.

Конечно не меня искали?

Софья.

Я не искала васъ!

Чацкій.

Дознаться мнѣ нельзя-ли,
Хоть и не кстати, нужды нѣтъ:
Кого вы любите?

Софья.

Ахъ, Боже мой! весь свѣтъ!

Чацкій.

Кто болѣе вамъ милъ?

Софья.

Есть многіе родные.

Чацкій.

Всѣ болѣе меня?

Софья.

Иные.

Чацкій.

И я чего хочу, когда все рѣшено!
Мнѣ въ петлю лѣзть, а ей смѣшно.

Софья.

Хотите-ли знать истины два слова?
Малѣйшая въ комъ странность чуть видна—

Веселость ваша не скромна:
У васъ тотчасъ ужъ острота готова,
А сами вы...

Чацкій.

А самъ? не правда-ли, смѣшонъ?

Софья.

Да! грозный взглядъ, и рѣзкій тонъ,
И этихъ въ васъ особенностей бездна,
А надъ собой гроза куда не безполезна.

Чацкій.

Я страненъ? А не страненъ кто-жъ?
Тотъ, кто на всѣхъ глупцовъ похожъ—
Молчалинъ, напримѣръ...

Софья.

Примѣры мнѣ не новы.
Замѣтно, что вы желчь на всѣхъ излить готовы;
А я, чтобъ не мѣшать, отсюда удалюсь.

Чацкій *(удерживаетъ ее).*

Постойте же! *(Въ сторону):* Разъ въ жизни притворюсь.
(Громко):
Оставимте мы эти пренья.
Передъ Молчалинымъ не правъ я, виноватъ;
Быть-можетъ онъ не то, что три года назадъ:
Есть на землѣ такія превращенья
Правленій, климатовъ, и нравовъ, и умовъ;
Есть люди важные, слыли за дураковъ,
Иной по арміи, иной плохимъ поэтомъ,
Иной... боюсь назвать... но признано всѣмъ свѣтомъ,
Особенно въ послѣдніе года,
Что стали умны хоть куда!
Пускай въ Молчалинѣ умъ бойкій, геній смѣлый,
Но есть-ли въ немъ та страсть, то чувство, пылкость та,
Чтобъ кромѣ васъ ему міръ цѣлый
Казался прахъ и суета?
Чтобъ сердца каждое біенье
Любовью ускорялось къ вамъ?
Чтобъ мыслямъ были всѣмъ и всѣмъ его дѣламъ
Душою—вы, вамъ угожденье?
Самъ это чувствую, сказать лишь не могу;
Но что теперь во мнѣ кипитъ, волнуетъ, бѣситъ,
Не пожелалъ бы я и личному врагу.
А онъ?.. смолчитъ и голову повѣситъ.

Конечно смиренъ—всѣ такіе не рѣзвы;
Богъ знаетъ, въ немъ какая тайна скрыта;
Богъ знаетъ, за него что выдумали вы,
Чѣмъ голова его ввѣкъ не была набита.
Быть-можетъ, качествъ вашихъ тьму,
Любуясь имъ, вы придали ему:
Не грѣшенъ онъ ни въ чемъ, вы во сто разъ грѣшнѣе.
Нѣтъ, нѣтъ! пускай уменъ, часъ отъ часу умнѣе,
Но васъ онъ стоитъ-ли? вотъ вамъ одинъ вопросъ.
Чтобъ равнодушнѣе мнѣ понести утрату,
Какъ человѣку вы, который съ вами взросъ,
Какъ другу вашему, какъ брату,
Мнѣ дайте убѣдиться въ томъ;
Потомъ
Отъ сумасшествія могу я остеречься;
Пущусь подалѣе простыть, охолодѣть,
Не думать о любви; тамъ буду я умѣть,
Теряясь по свѣту, забыться и развлечься.

Софья *(про себя).*

Вотъ нехотя съ ума свела! *(Вслухъ):*
Что притворяться?
Молчалинъ давича могъ безъ руки остаться,
Я живо въ немъ участье приняла;
А вы, случась на эту пору,
Не позаботились расчесть,
Что можно доброй быть ко всѣмъ и безъ разбору;
Но можетъ истина въ догадкахъ вашихъ есть,
И горячо его беру я подъ защиту:
Зачѣмъ же быть, скажу вамъ напрямикъ,
Такъ невоздержну на языкъ?
Въ презрѣньи къ людямъ такъ нескрыту,
Что и смирнѣйшему пощады нѣтъ?.. Чего!—
Случись кому назвать его—
Градъ колкостей и шутокъ вашихъ грянетъ.
Шутить, и вѣкъ шутить! какъ васъ на это станетъ?..

Чацкій.

Ахъ, Боже мой! неужли я изъ тѣхъ,
Которымъ цѣль всей жизни смѣхъ?
Мнѣ весело, когда смѣшныхъ встрѣчаю,
А чаще съ ними я скучаю.

Софья.

Напрасно это вы относите къ другимъ:

Молчалинъ вамъ наскучилъ бы едва-ли,
Когда-бъ сошлись короче съ нимъ.

Чацкій *(съ жаромъ).*

Зачѣмъ же вы его коротко такъ узнали?

Софья.

Я не старалась. Богъ насъ свелъ.
Смотрите, дружбу всѣхъ онъ въ домѣ пріобрѣлъ.
При батюшкѣ три года служитъ,
Тотъ часто безъ толку сердитъ,
А онъ безмолвіемъ его обезоружитъ,
Отъ доброты души проститъ;
А между прочимъ
Веселостей искать бы могъ—
Ничуть: отъ старичковъ не ступитъ за порогъ;
Мы рѣзвимся, хохочемъ,—
Онъ съ ними цѣлый день засядетъ, радъ не радъ,
Играетъ.....

Чацкій.

Цѣлый день играетъ!
Молчитъ, когда его бранятъ!.. *(Въ сторону):*
Она его не уважаетъ!

Софья.

Конечно, нѣтъ въ немъ этого ума,
Что геній для иныхъ, а для иныхъ чума,
Который скоръ, блестящъ и скоро опротивитъ,
Который свѣтъ ругаетъ наповалъ,
Чтобъ свѣтъ объ немъ хоть что-нибудь сказалъ.
Да этакой-ли умъ семейство осчастливитъ?

Чацкій.

Сатира и мораль смыслъ этого всего? *(Въ сторону):*
Она не ставитъ въ грошъ его.

Софья.

Чудеснѣйшаго свойства
Онъ наконецъ: уступчивъ, скроменъ, тихъ,
Въ лицѣ ни тѣни безпокойства,
И на душѣ проступковъ никакихъ;
Чужихъ и вкривь и вкось не рубитъ—
Вотъ я за что его люблю.

Чацкій *(въ сторону).*

Шалитъ! она его не любитъ. *(Вслухъ):*
Докончить я вамъ пособлю
Молчалина изображенье.

Но Скалозубъ? Вотъ заглядѣнье!
За армію стоитъ горой,
И прямизною стана,
Лицомъ и голосомъ герой...

Софья.

Не моего романа.

Чацкій.

Не вашего? Кто разгадаетъ васъ?

ЯВЛЕНІЕ II.

Чацкій, Софья, Лиза.

Лиза *(шопотомъ).*

Сударыня, за мной сейчасъ
Къ вамъ Алексѣй Степанычъ будетъ.

Софья.

Простите, надобно идти мнѣ поскорѣй.

Чацкій.

Куда?

Софья.

Къ прикмахеру.

Чацкій.

Богъ съ нимъ.

Софья.

Щипцы простудитъ.

Чацкій.

Пускай себѣ...

Софья.

Нельзя, ждемъ на вечеръ гостей.

Чацкій.

Богъ съ вами! остаюсь опять съ моей загадкой.
Однако, дайте мнѣ зайти хотя украдкой
Къ вамъ въ комнату на нѣсколько минутъ;
Тамъ стѣны, воздухъ—все пріятно!..
Согрѣютъ, оживятъ, мнѣ отдохнуть дадутъ
Воспоминанія объ томъ, что невозвратно!
Не засижусь, войду, всего минуты двѣ...
Потомъ, подумайте, членъ Англійскаго клуба,
Я тамъ дни цѣлые пожертвую молвѣ
Про умъ Молчалина, про душу Скалозуба.
(Софья пожимаетъ плечами, уходитъ къ себѣ и запирается; за нею Лиза).

ЯВЛЕНІЕ III.

Чацкій, потомъ **Молчалинъ.**

Чацкій.

Ахъ, Софья! Неужли Молчалинъ избранъ ей!
А чѣмъ не мужъ? Ума въ немъ только мало;
Но чтобъ имѣть дѣтей,
Кому ума недоставало?
Услужливъ, скромненькій, въ лицѣ румянецъ есть.
(Входитъ Молчалинъ).
Вотъ онъ, на цыпочкахъ, и не богатъ словами...
Какою ворожбой умѣлъ къ ней въ сердце влѣзть!
(Обращается къ нему):
Намъ, Алексѣй Степанычъ, съ вами
Не удалось сказать двухъ словъ.
Ну, образъ жизни вашъ каковъ?
Безъ горя нынче, безъ печали?

Молчалинъ.

Попрежнему-съ.

Чацкій.

А прежде какъ живали?

Молчалинъ.

День за день, нынче какъ вчера.

Чацкій.

Къ перу отъ картъ, и къ картамъ отъ пера?
И положенный часъ приливамъ и отливамъ?

Молчалинъ.

По мѣрѣ я трудовъ и силъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ числюсь по архивамъ,
Три награжденья получилъ.

Чацкій.

Взманили почести и знатность?

Молчалинъ.

Нѣтъ-съ, свой талантъ у всѣхъ...

Чацкій.

У васъ?

Молчалинъ.

Два-съ:
Умѣренность и аккуратность.

Чацкій.

Чудеснѣйшіе два! и стоютъ нашихъ всѣхъ!

Молчалинъ.

Вамъ не дались чины, по службѣ неуспѣхъ?

Чацкій.

Чины людьми даются,
А люди могутъ обмануться.

Молчалинъ.

Какъ удивлялись мы!

Чацкій.

Какое-жъ диво тутъ?

Молчалинъ.

Жалѣли васъ.

Чацкій.

Напрасный трудъ.

Молчалинъ.

Татьяна Юрьевна разсказывала что-то,
Изъ Петербурга воротясь,
Съ министрами про вашу связь,
Потомъ разрывъ...

Чацкій.

Ей почему забота?

Молчалинъ.

Татьянѣ Юрьевнѣ?

Чацкій.

Я съ нею не знакомъ.

Молчалинъ.

Съ Татьяной Юрьевной?

Чацкій.

Съ ней вѣкъ мы не встрѣчались.
Слыхалъ, что вздорная...

Молчалинъ.

Да это полно та-ли-съ?
Татьяна Юрьевна!.. извѣстная... Притомъ
Чиновные и должностные
Всѣ ей друзья и всѣ родные.
Къ Татьянѣ Юрьевнѣ хоть разъ бы съѣздить вамъ...

Чацкій.

На что же?

Молчалинъ.

Такъ. Частенько тамъ
Мы покровительство находимъ, гдѣ не мѣтимъ.

Чацкій.

Я ѣзжу къ женщинамъ, да только не за этимъ.

Молчалинъ.

Какъ обходительна, добра, мила, проста!
Балы даетъ, нельзя богаче,

Отъ Рождества и до поста,
И лѣтомъ праздники на дачѣ.
Ну, право, что бы вамъ въ Москвѣ у насъ служить?
И награжденья брать и весело пожить?

Чацкій.

Когда въ дѣлахъ, — я отъ веселій прячусь;
Когда дурачиться, — дурачусь;
А смѣшивать два эти ремесла
Есть тьма искусниковъ; я не изъ ихъ числа.

Молчалинъ.

Простите. Впрочемъ, тутъ не вижу преступленья.
Вотъ самъ Ѳома Ѳомичъ—знакомъ онъ вамъ?

Чацкій.

Ну, что-жъ?

Молчалинъ.

При трехъ министрахъ былъ начальникъ отдѣленья;
Переведенъ сюда...

Чацкій.

Хорошъ!
Пустѣйшій человѣкъ, изъ самыхъ безтолковыхъ!

Молчалинъ.

Какъ можно? слогъ его здѣсь ставятъ въ образецъ!
Читали вы?

Чацкій.

Я глупостей не чтецъ,
А пуще образцовыхъ.

Молчалинъ.

Нѣтъ, мнѣ такъ довелось съ пріятностью прочесть;
Не сочинитель я...

Чацкій.

И по всему замѣтно.

Молчалинъ.

Не смѣю моего сужденья произнесть...

Чацкій.

Зачѣмъ же такъ секретно?

Молчалинъ.

Въ мои лѣта не должно смѣть
Свое сужденіе имѣть.

Чацкій.

Помилуйте, мы съ вами не ребяты;
Зачѣмъ же мнѣнія чужія только святы?

Молчалинъ.

Вѣдь надобно-жъ зависѣть отъ другихъ.

Чацкій.

Зачѣмъ же надобно?

Молчалинъ.

Въ чинахъ мы небольшихъ.

Чацкій *(почти громко).*

Съ такими чувствами, съ такой душою,
Любимъ!.. Обманщица смѣялась надо мною!

ЯВЛЕНІЕ IV.

(Вечеръ. Всѣ двери настежь, кромѣ двери въ спальню Софьи. Въ перспективѣ раскрывается рядъ освѣщенныхъ комнатъ).

Слуги суетятся, одинъ изъ нихъ, **Главный,** *говоритъ:*

Эй, Филька, Ѳомка, ну, ловчѣй!
Столы для картъ, мѣлъ, щетокъ и свѣчей!
(Стучится къ Софьѣ въ дверь).
Скажите барышнѣ скорѣе, Лизавета:
Наталья Дмитревна и съ мужемъ, и къ крыльцу
Еще подъѣхала карета.
(Расходятся, остается одинъ Чацкій).

ЯВЛЕНІЕ V.

Чацкій, Наталья Дмитріевна *(молодая дама).*

Наталья Дмитріевна.

Не ошибаюсь ли?.. Онъ точно, по лицу...
Ахъ, Александръ Андреичъ, вы ли?

Чацкій.

Съ сомнѣньемъ смотрите отъ ногъ до головы;
Неужто такъ меня три года измѣнили?

Наталья Дмитріевна.

Я полагала васъ далеко отъ Москвы.
Давно ли?

Чацкій.

Нынче лишь.

Наталья Дмитріевна.

Надолго?

Чацкій.

Какъ случится.
Однако, кто, смотря на васъ, не подивится?
Полнѣе прежняго, похорошѣли страхъ;
Моложе вы, свѣжѣе стали;
Огонь, румянецъ, смѣхъ, игра во всѣхъ чертахъ.

Наталья Дмитріевна.

Я замужемъ.

Чацкій.

Давно бы вы сказали.

Наталья Дмитріевна.

Мой мужъ—прелестный мужъ, вотъ онъ сейчасъ войдетъ;
Я познакомлю васъ, — хотите?

Чацкій.

Прошу.

Наталья Дмитріевна.

И знаю напередъ,
Что вамъ понравится. Взгляните и судите.

Чацкій.

Я вѣрю: онъ вамъ мужъ.

Наталья Дмитріевна.

О, нѣтъ-съ! не потому,
Самъ по себѣ, по нраву, по уму,
Платонъ Михайлычъ мой единственный, безцѣнный!
Теперь въ отставкѣ, былъ военный,
И утверждаютъ всѣ, кто только прежде зналъ,
Что съ храбростью его, съ талантомъ,
Когда бы службу продолжалъ,
Конечно былъ бы онъ московскимъ комендантомъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Чацкій, Наталья Дмитріевна, Платонъ Михайловичъ.

Наталья Дмитріевна.

Вотъ мой Платонъ Михайлычъ!

Чацкій.

Ба!
Другъ старый! Мы давно знакомы! Вотъ судьба!

Платонъ Михайловичъ.

Здорово, Чацкій, братъ!

Чацкій.

Платонъ любезный, славно!
Похвальный листъ тебѣ: ведешь себя исправно!

Платонъ Михайловичъ.

Какъ видишь, братъ:
Московскій житель и женатъ.

Чацкій.

Забытъ шумъ лагерный, товарищи и братья?
Спокоенъ и лѣнивъ?

Платонъ Михайловичъ.

Нѣтъ, есть таки занятья:
На флейтѣ я тверже дуэтъ
А-мольный...

Чацкій.

Что твердилъ назадъ тому пять лѣтъ?
Ну, постоянный вкусъ въ мужьяхъ всего дороже.

Платонъ Михайловичъ.

Братъ, женишься, тогда меня вспомянь!
Отъ скуки будешь ты свистѣть одно и то же.

Чацкій.

Отъ скуки? какъ? ужъ ты ей платишь дань?

Наталья Дмитріевна.

Платонъ Михайлычъ мой къ занятьямъ склоненъ разнымъ,
Которыхъ нѣтъ теперь: къ ученьямъ и смотрамъ,
Къ манежу... иногда скучаетъ по утрамъ.

Чацкій.

А кто, любезный другъ, велитъ тебѣ быть празднымъ?
Въ полкъ!—эскадронъ дадутъ. Ты оберъ или штабъ?

Наталья Дмитріевна.

Платонъ Михайлычъ мой здоровьемъ очень слабъ.

Чацкій.

Здоровьемъ слабъ! Давно ли?

Наталья Дмитріевна.

Все ревматизмъ и головныя боли.

Чацкій.

Движенья болѣе. Въ деревню, въ теплый край,
Будь чаще на конѣ. Деревня лѣтомъ рай.

Наталья Дмитріевна.

Платонъ Михайлычъ городъ любитъ,
Москву; за что въ глуши онъ дни свои погубитъ?

Чацкій.

Москву и городъ... Ты чудакъ!
А помнишь прежнее?

Платонъ Михайловичъ.

Да, братъ; теперь не такъ...

Наталья Дмитріевна.

Ахъ, мой дружочекъ!
Здѣсь такъ свѣжо, что мочи нѣтъ;
Ты распахнулся весь и разстегнулъ жилетъ.

Платонъ Михайловичъ.

Теперь, братъ, я не тотъ...

Наталья Дмитріевна.

Послушайся разочекъ,
Мой милый,—застегнись скорѣй.

Платонъ Михайловичъ *(равнодушно).*

Сейчасъ.

Наталья Дмитріевна.

Да отойди подальше отъ дверей:
Сквозной тамъ вѣтеръ дуетъ сзади!

Платонъ Михайловичъ.

Теперь, братъ, я не тотъ...

Наталья Дмитріевна.

Мой ангелъ, Бога ради,
Отъ двери дальше отойди.

Платонъ Михайловичъ *(глаза къ небу).*

Ахъ, матушка!

Чацкій.

Ну, Богъ тебя суди;
Ужъ точно сталъ не тотъ въ короткое ты время!
Не въ третьемъ ли году, въ концѣ,
Въ полку тебя я зналъ? лишь утро,—ногу въ стремя
И носишься на борзомъ жеребцѣ;
Осенній вѣтеръ дуй хой спереди, хоть съ тыла.

Платонъ Михайловичъ *(вздыхаетъ).*

Эхъ, братецъ, славное тогда житье-то было.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, князь Тугоуховскій и княгиня съ шестью дочерьми.

Наталья Дмитріевна *(тоненькимъ голоскомъ).*

Князь Петръ Ильичъ, княгиня! Боже мой!
Княжна Зизи! Мими!
(Громкія лобызанія; потомъ усаживаются и осматриваютъ одна другую съ головы до ногъ).

1-я княжна.

Какой фасонъ прекрасный!

2-я княжна.

Какія складочки!

1-я княжна.

Обшито бахромой.

Наталья Дмитріевна.

Нѣтъ, если-бъ видѣли мой тюрлюрлю атласный.

3-я княжна.

Какой эшарпъ cousin мнѣ подарилъ!

4-я княжна.

Ахъ, да!—барежевый!

5-я княжна.

Ахъ, прелесть!

6-я княжна.

Ахъ, какъ милъ!

Княгиня.

Ссъ? Кто это въ углу,—вошли мы,—поклонился?

Наталья Дмитріевна.

Пріѣзжій, Чацкій.

Княгиня.

От-став-ной?

Наталья Дмитріевна.

Да, путешествовалъ, недавно воротился.

Княгиня.

И хо-ло-стой?

Наталья Дмитріевна.

Да, не женатъ.

Княгиня.

Князь, князь! сюда—живѣе!

Князь (*къ ней оборачиваетъ слуховую трубку*).

О-хмъ!

Княгиня.

Къ намъ на вечеръ, въ четвергъ, проси скорѣе
Натальи Дмитревны знакомаго; вонъ онъ!

Князь.

И-хмъ!

(*Отправляется, вьется около Чацкаго и покашливаетъ*).

Княгиня.

Вотъ то-то, дѣтки!
Имъ балъ, а батюшка таскайся на поклонъ:
Танцовщики ужасно стали рѣдки!..
Онъ камеръ-юнкеръ?

Наталья Дмитріевна.

Нѣтъ.

Княгиня.

Богатъ?

Наталья Дмитріевна.

О, нѣтъ!

Княгиня.

Князь! князь! назадъ!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и графини Хрюмины: бабушка и внучка.

Графиня-внучка.

Ахъ, grand'maman! ну, кто такъ рано пріѣзжаетъ?
Мы первыя! (*Пропадаетъ въ боковую комнату*).

Княгиня.

Вотъ насъ честитъ!
Вишь первая, а насъ за никого считаетъ!
Зла, въ дѣвкахъ цѣлый вѣкъ; ужъ Богъ ее проститъ!

Графиня-внучка (*вернувшись, направляетъ на Чацкаго двойной лорнетъ*).

Мсьё Чацкій! вы въ Москвѣ? Какъ были, все такіе!

Чацкій.

На что мѣняться мнѣ?

Графиня-внучка.

Вернулись холостые?

Чацкій.

На комъ жениться мнѣ?

Графиня-внучка.

Въ чужихъ краяхъ на комъ?
О! нашихъ тьма, безъ дальнихъ справокъ,
Тамъ женятся, и насъ дарятъ родствомъ
Съ искусницами модныхъ лавокъ.

Чацкій.

Несчастные! должны-ль упреки несть
Отъ подражательницъ модисткамъ
За то, что смѣли предпочесть
Оригиналы спискамъ?

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и множество другихъ гостей. Между прочимъ **Загорѣцкій.** Мужчины являются, шаркаютъ, отходятъ въ сторону, кочуютъ изъ комнаты въ комнату и проч. **Софья** отъ себя выходитъ; всѣ ей навстрѣчу.

Графиня-внучка.

Eh, bon soir! vous voilà! Jamais trop diligente,
Vous nous donnez toujours le plaisir de l'attente.

Загорѣцкій (*Софьѣ*).

На завтрашній спектакль имѣете билетъ?

Софья.

Нѣтъ.

Загорѣцкій.

Позвольте вамъ вручить; напрасно бы кто взялся
Другой вамъ услужить. За то
Куда я ни кидался?
Въ контору—все взято,
Къ директору—онъ мнѣ пріятель—
Съ зарей въ шестомъ часу, и кстати-ль?
Ужъ съ вечера никто достать не могъ;
Къ тому, къ сему,—всѣхъ сбилъ я съ ногъ.
И этотъ, наконецъ, похитилъ уже силой
У одного: старикъ онъ хилой,
Мнѣ другъ, извѣстный домосѣдъ,—
Пусть дома просидитъ въ покоѣ!

Софья.

Благодарю васъ за билетъ,
А за старанье вдвое.

(Являются еще кое-какіе гости. Между тѣмъ временемъ Загорѣцкій отходитъ къ мужчинамъ).

Загорѣцкій.

Платонъ Михайлычъ!..

Платонъ Михайловичъ.

Прочь!
Поди ты къ женщинамъ, лги имъ и ихъ морочь.
Я правду объ тебѣ поразскажу такую,
Что хуже всякой лжи. *(Чацкому)*: Вотъ, братъ, рекомендую!
Какъ этакихъ людей учтивѣе зовутъ,
Нѣжнѣе? Человѣкъ онъ свѣтскій,
Отъявленный мошенникъ, плутъ—
Антонъ Антонычъ Загорѣцкій.
При немъ остерегись: переноситъ гораздъ!
И въ карты не садись: продастъ!

Загорѣцкій.

Оригиналъ! брюзгливъ, а безъ малѣйшей злобы!

Чацкій.

И оскорбляться вамъ смѣшно бы...
Окромѣ честности есть множество отрадъ:
Ругаютъ здѣсь, а тамъ благодарятъ.

Платонъ Михайловичъ.

Охъ, нѣтъ, братецъ! у насъ ругаютъ
Вездѣ, а всюду принимаютъ. *(Загорѣцкій мѣшается въ толпу).*

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и Хлестова.

Хлестова (*Софьѣ*).

Легко ли въ шестьдесятъ пять лѣтъ
Тащиться мнѣ къ тебѣ, племянница?.. Мученье!
Часъ битый ѣхали съ Покровки—силы нѣтъ!
Ночь—свѣта преставленье!
Отъ скуки я взяла съ собой
Арапку-дѣвку, да собачку.
Вели ихъ накормить ужо, дружочекъ мой,
Отъ ужина сошли подачку.
Княгиня, здравствуйте! (*Сѣла*). Ну, Софьюшка, мой другъ,
Какая у меня арапка для услугъ!
Курчавая, горбомъ лопатки!
Сердитая! всѣ кошачьи ухватки!
Да какъ черна! да какъ страшна!
Вѣдь создалъ же Господь такое племя!
Чортъ сущій! въ дѣвичьей она...
Позвать ли?

Софья.

Нѣтъ-съ, въ другое время.

Хлестова.

Представь: ихъ какъ звѣрей выводятъ напоказъ.
Я слышала, тамъ... городъ есть турецкій...
А знаешь ли, кто мнѣ припасъ?
Антонъ Антонычъ Загорѣцкій.
(*Загорѣцкій выставляется впередъ*).
Лгунишка онъ, картежникъ, воръ;
(*Загорѣцкій исчезаетъ*).
Я отъ него было и двери на запоръ,
Да мастеръ услужить: мнѣ и сестрѣ Прасковьѣ
Своихъ арапченковъ на ярмаркѣ досталъ;
Купилъ, онъ говоритъ,—чай, въ карты сплутовалъ;
А мнѣ подарочекъ, дай Богъ ему здоровье!

Чацкій (*со смѣхомъ Платону Михайловичу*).

Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ!
И Загорѣцкій самъ не выдержалъ, пропалъ.

Хлестова.

Кто этотъ весельчакъ? Изъ званія какого?

Софья.

Вотъ этотъ? Чацкій.

Хлестова.

Ну, а что нашелъ смѣшнаго?
Чему онъ радъ? Какой тутъ смѣхъ?
Надъ старостью смѣяться грѣхъ.
Я помню, ты дитей съ нимъ часто танцовала,
Я за уши его дирала,—только мало.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и Фамусовъ.

Фамусовъ (*громогласно*).

Ждемъ князь Петръ Ильича,
А князь ужъ здѣсь!—а я забился тамъ въ портретной.
Гдѣ Скалозубъ, Сергѣй Сергѣичъ? а?
Нѣтъ? кажется, что нѣтъ: онъ человѣкъ замѣтный,
Сергѣй Сергѣичъ Скалозубъ.

Хлестова.

Творецъ мой! оглушилъ: звончѣе всякихъ трубъ!

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же и Скалозубъ, потомъ **Молчалинъ.**

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ, запоздали!
А мы васъ ждали, ждали, ждали!
(*Подводитъ къ Хлестовой*):
Моя невѣстушка, которой ужъ давно
Объ васъ говорено.

Хлестова (*сидя*).

Вы прежде были здѣсь... въ полку... въ томъ... гренадерскомъ?

Скалозубъ (*басомъ*).

Въ его высочества, хотите вы сказать,
Ново-землянскомъ мушкатерскомъ?

Хлестова.

Не мастерица я полки-то различать.

Скалозубъ.

А форменныя есть отлички:
Въ мундирахъ выпушки, погончики, петлички.

Фамусовъ (*Скалозубу*).

Пойдемте, батюшка, тамъ васъ я посмѣшу:
Курьезный вистъ у насъ. За нами, князь, прошу!
(*Его и князя уводитъ съ собою*).

Хлестова (*Софьѣ*).

Ухъ! я точнехонько избавилась отъ петли!
Вѣдь полоумный твой отецъ:

Дался ему трехъ саженъ удалецъ,
Знакомить, не спросясь, пріятно ли намъ, нѣтъ ли?

Молчалинъ (*подаетъ ей карту*).

Я вашу партію составилъ: мосьё Кокъ,
Ѳома Ѳомичъ и я.

Хлестова.

Спасибо, мой дружокъ! (*Встаетъ*).

Молчалинъ.

Вашъ шпицъ—прелестный шпицъ! не болѣе наперстка!
Я гладилъ все его: какъ шелковая—шерстка!

Хлестова.

Спасибо, мой родной!

(*Уходитъ, за нею Молчалинъ и многіе другіе*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Чацкій, Софья и нѣсколько посторонннхъ, которые въ продолженіе дѣйствія расходятся.

Чацкій.

Ну, тучу разогналъ...

Софья.

Нельзя-ль не продолжать!

Чацкій.

Чѣмъ васъ я напугалъ?
За то, что онъ смягчилъ разгнѣванную гостью,
Хотѣлъ я похвалить...

Софья.

А кончили бы злостью.

Чацкій.

Сказать вамъ, что я думалъ? Вотъ:
Старушки всѣ народъ сердитый;
Не худо, чтобъ при нихъ услужникъ знаменитый
Тутъ былъ какъ громовой отводъ,—
Молчалинъ!—Кто другой такъ мирно все уладитъ?
Тамъ моську во время погладитъ,
Тутъ въ пору карточку вотретъ;
Въ немъ Загорѣцкій не умретъ!
Вы давича его мнѣ исчисляли свойства,
Но многія забыли—да...

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Софья, потомъ **Г. N.**

Софья (*про себя*).

Ахъ, этотъ человѣкъ всегда

Причиной мнѣ ужаснаго разстройства!
Унизить радъ, кольнуть,—завистливъ, гордъ и золъ!

Г. N. (*подходитъ*).

Вы въ размышленьи?

Софья.

Объ Чацкомъ.

Г. N.

Какъ его нашли по возвращеньи?

Софья.

Онъ не въ своемъ умѣ.

Г. N.

Ужли съ ума сошелъ?

Софья (*помолчавши*).

Не то, чтобы совсѣмъ...

Г. N.

Однако есть примѣты?

Софья (*смотритъ на него пристально*).

Мнѣ кажется...

Г. N.

Какъ можно, въ эти лѣты!

Софья.

Какъ быть! (*Въ сторону*):
Готовъ онъ вѣрить!
А, Чацкій! любите вы всѣхъ въ шуты рядить,
Угодно-ль на себѣ примѣрить?

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Г. N., потомъ **Г. D.**

Г. N.

Съ ума сошелъ! Ей кажется... вотъ на!
Не даромъ, стало-быть... съ чего-бъ взяла она?
Ты слышалъ?

Г. D.

Что?

Г. N.

Объ Чацкомъ?

Г. D.

Что такое?

Г. N.

Съ ума сошелъ.

Г. D.

Пустое!

Г. N.

Не я сказалъ, другіе говорятъ.

Г. D.

А ты разславить это радъ?

Г. N.

Пойду, освѣдомлюсь: чай, кто-нибудь да знаетъ.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Г. D., потомъ **Загорѣцкій.**

Г. D.

Вѣрь болтуну!

Услышитъ вздоръ, и тотчасъ повторяетъ!
Ты знаешь-ли объ Чацкомъ?

Загорѣцкій.

Ну?..

Г. D.

Съ ума сошелъ!

Загорѣцкій.

А, знаю, помню, слышалъ.

Какъ мнѣ не знать? Примѣрный случай вышелъ:
Его въ безумные упряталъ дядя-плутъ.
Схватили, въ желтый домъ, и на цѣпь посадили.

Г. D.

Помилуй! онъ сейчасъ здѣсь въ комнатѣ былъ, тутъ.

Загорѣцкій.

Такъ съ цѣпи, стало-быть, спустили.

Г. D.

Ну, милый другъ, съ тобой не надобно газетъ,
Пойду-ка я, расправлю крылья,
У всѣхъ повыспрошу. Однако, чуръ, секретъ!

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Загорѣцкій, потомъ **графиня-внучка.**

Загорѣцкій.

Который Чацкій тутъ?.. Извѣстная фамилья...
Съ какимъ-то Чацкимъ я когда-то былъ знакомъ.
Вы слышали объ немъ?

Графиня-внучка.

Объ комъ?

Загорѣцкій.

Объ Чацкомъ: онъ сейчасъ здѣсь въ комнатѣ былъ.

Графиня-внучка.

Знаю,
Я говорила съ нимъ.

Загорѣцкій.

Такъ я васъ поздравляю:
Онъ сумасшедшій...

Графиня-внучка.

Что!

Загорѣцкій.

Да, онъ сошелъ съ ума!

Графиня-внучка.

Представьте! Я замѣтила сама!
И хоть пари держать,—со мной въ одно вы слово.

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Тѣ же и графиня-бабушка.

Графиня-внучка.

Ah, grand'maman! вотъ чудеса! вотъ ново!
Вы не слыхали здѣшнихъ бѣдъ?
Послушайте! вотъ прелести, вотъ мило!..

Графиня-бабушка *(шепелявитъ).*

Мой другъ, мнѣ уши заложило;
Скажи погромче...

Графиня-внучка.

Время нѣтъ!
(Указываетъ на Загорѣцкаго):
Il vous dira toute l'histoire...
Пойду, спрошу. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Загорѣцкій и графиня-бабушка.

Графиня-бабушка.

Что? что? Ужъ нѣтъ ли здѣсь пожара?

Загорѣцкій.

Нѣтъ, Чацкій произвелъ всю эту кутерьму.

Графиня-бабушка.

Какъ? Чацкаго кто свелъ въ тюрьму?

Загорѣцкій.

Въ горахъ былъ раненъ въ лобъ,
Сошелъ съ ума отъ раны.

Графиня-бабушка.

Что? Къ фармазонамъ въ клобъ?
Пошелъ онъ въ басурманы?

Загорѣцкій.

Ее не вразумишь. *(Уходитъ).*

Графиня-бабушка.

Антонъ Антонычъ! Ахъ!..
И онъ бѣжитъ, всѣ въ страхѣ, впопыхахъ.

ЯВЛЕНІЕ XX.

Графиня-бабушка и князь Тугоуховскій.

Графиня-бабушка.

Князь, князь! охъ, этотъ князь! по баламъ, самъ чуть дышитъ!
Князь, слышали?

Князь.

А-хмъ?

Графиня-бабушка.

Онъ ничего не слышитъ!
Хоть можетъ видѣли: здѣсь полицмейстеръ былъ?

Князь.

Э-хмъ?

Графиня-бабушка.

Въ тюрьму-то, князь, кто Чацкаго схватилъ?

Князь.

И-хмъ?

Графиня-бабушка.

Тесакъ ему да ранецъ,
Въ солдаты! Шутка ли,—перемѣнилъ законъ!

Князь.

У-хмъ?

Графиня-бабушка.

Да!.. въ басурманахъ онъ!
Ахъ, окаянный волтерьянецъ!
Что? а? глухъ, мой отецъ! достаньте свой рожокъ.
Охъ, глухота большой порокъ!

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Тѣ же и Хлестова, Софья, Молчалинъ, Платонъ Михайловичъ, Наталья Дмитріевна, графиня-внучка, княгиня съ дочерьми, Загорѣцкій, Скалозубъ, потомъ **Фамусовъ** и многіе другіе.

Хлестова.

Съ ума сошелъ? прошу покорно!
Да невзначай! да какъ проворно!
Ты, Софья, слышала?

Платонъ Михайловичъ.

Кто первый разгласилъ?

Наталья Дмитріевна.

Ахъ, другъ мой, всѣ!

Платонъ Михайловичъ.

Ну, всѣ, такъ вѣришь поневолѣ;
А мнѣ сомнительно.

Фамусовъ *(входя).*

О чемъ, о Чацкомъ, что ли?
Чего сомнительно? Я первый, я открылъ!
Давно дивлюсь я, какъ никто его не свяжетъ.
Попробуй о властяхъ, и не-вѣсть что наскажетъ!
Чуть низко поклонись, согнись-ка кто кольцомъ,
Хоть предъ какимъ ни есть лицомъ,
Такъ назоветъ онъ подлецомъ!

Хлестова.

Туда же изъ смѣшливыхъ!
Сказала что-то я,—онъ началъ хохотать.

Молчалинъ.

Мнѣ отсовѣтовалъ въ Москвѣ служить въ архивахъ.

Графиня-внучка.

Меня модисткою изволилъ величать!

Наталья Дмитріевна.

А мужу моему совѣтъ далъ жить въ деревнѣ.

Загорѣцкій.

Безумный по всему!

Графиня-внучка.

Я видѣла изъ глазъ.

Фамусовъ.

По матери пошелъ, по Аннѣ Алексѣвнѣ:
Покойница съ ума сходила восемь разъ.

Хлестова.

На свѣтѣ дивныя бываютъ приключенья!
Въ его лѣта съ ума спрыгнулъ!
Чай, пилъ не по лѣтамъ?

Княгиня.

О, вѣрно...

Графиня-внучка.

Безъ сомнѣнья.

Хлестова.

Шампанское стаканами тянулъ.

Наталья Дмитріевна.

Бутылками-съ—и пребольшими.

Загорѣцкій *(съ жаромъ).*

Нѣтъ-съ, бочками сороковыми.

Фамусовъ.

Ну, вотъ! великая бѣда,
Что выпьетъ лишнее мужчина!
Ученье—вотъ чума, ученость—вотъ причина,
Что нынче пуще чѣмъ когда
Безумныхъ развелось людей, и дѣлъ, и мнѣній.

Хлестова.

И впрямь съ ума сойдешь отъ этихъ, отъ однихъ,
Отъ пансіоновъ, школъ, лицеевъ... какъ бишь ихъ?
Да... отъ ланкарточныхъ взаимныхъ обученій.

Княгиня.

Нѣтъ, въ Петербургѣ институтъ
Пе-да-го-гическій—такъ, кажется, зовутъ?..
Тамъ упражняются въ расколахъ и въ безвѣрьи
Профессора! у нихъ учился нашъ родня
И вышелъ,—хоть сейчасъ въ аптеку, въ подмастерьи!
Отъ женщинъ бѣгаетъ и даже отъ меня!
Чиновъ не хочетъ знать! Онъ химикъ, онъ ботаникъ—
Князь Ѳедоръ, мой племянникъ.

Скалозубъ.

Я васъ обрадую: всеобщая молва,
Что есть проектъ насчетъ лицеевъ, школъ, гимназій:
Тамъ будутъ лишь учить по-нашему: разъ, два!
А книги сохранятъ такъ, для большихъ оказій.

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ, нѣтъ! ужъ коли зло пресѣчь,—
Забрать всѣ книги бы, да сжечь.

Загорѣцкій *(съ кротостью).*

Нѣтъ-съ, книги книгамъ рознь. А если-бъ, между нами,
Былъ цензоромъ назначенъ я,
На басни бы налегъ. Охъ, басни—смерть моя!
Насмѣшки вѣчныя надъ львами, надъ орлами!
Кто что ни говори,
Хоть и животныя, а все-таки цари.

Хлестова.

Отцы мои, ужъ кто въ умѣ разстроенъ,
Такъ все равно, отъ книгъ ли, отъ питья-ль;

А Чацкаго мнѣ жаль.
По-христіански, такъ, онъ жалости достоинъ;
Былъ острый человѣкъ, имѣлъ душъ сотни три.

Фамусовъ.

Четыре.

Хлестова.

Три, сударь.

Фамусовъ.

Четыреста.

Хлестова.

Нѣтъ, триста!

Фамусовъ.

Въ моемъ календарѣ...

Хлестова.

Всѣ врутъ календари!

Фамусовъ.

Какъ разъ четыреста! Охъ, спорить голосиста!

Хлестова.

Нѣтъ, триста! ужъ чужихъ имѣній мнѣ не знать!

Фамусовъ.

Четыреста, прошу понять.

Хлестова.

Нѣтъ, триста, триста, триста!

ЯВЛЕНІЕ XXII.

Тѣ же всѣ и Чацкій.

Наталья Дмитріевна.

Вотъ онъ!

Графиня-внучка.

Шшъ!

Всѣ.

Шшъ! (*Пятятся отъ него въ противную сторону*).

Хлестова.

Ну, какъ съ безумныхъ глазъ
Затѣетъ драться онъ, потребуетъ къ раздѣлкѣ!

Фамусовъ.

О, Господи, помилуй грѣшныхъ насъ! (*Опасливо*):
Любезнѣйшій, ты не въ своей тарелкѣ!
Съ дороги нуженъ сонъ. Дай пульсъ. Ты нездоровъ.

Чацкій.

Да, мочи нѣтъ! Мильонъ терзаній
Груди отъ дружескихъ тисковъ,
Ногамъ отъ шарканья, ушамъ отъ восклицаній,
А пуще головѣ отъ всякихъ пустяковъ.
(*Подходитъ къ Софьѣ*):
Душа здѣсь у меня какимъ-то горемъ сжата
И въ многолюдствѣ я потерянъ, самъ не свой.
Нѣтъ, недоволенъ я Москвой!

Хлестова.

Москва, вишь, виновата!

Фамусовъ.

Подальше отъ него! (*дѣлаетъ знакъ Софьѣ*).
Гмъ, Софья!—Не глядитъ!

Софья (*Чацкому*).

Скажите, что васъ такъ гнѣвитъ?

Чацкій.

Въ той комнатѣ незначущая встрѣча:
Французикъ изъ Бордо, надсаживая грудь,
Собралъ вокругъ себя родъ вѣча,
И сказывалъ, какъ снаряжался въ путь
Въ Россію, къ варварамъ, со страхомъ и слезами;
Пріѣхалъ, и нашелъ, что ласкамъ нѣтъ конца,
Ни звука русскаго, ни русскаго лица
Не встрѣтилъ: будто бы въ отечествѣ, съ друзьями,—
Своя провинція! Посмотришь, вечеркомъ
Онъ чувствуетъ себя здѣсь маленькимъ царькомъ.
Такой же толкъ у дамъ, такіе же наряды...
Онъ радъ, но мы не рады.
Умолкъ. И тутъ со всѣхъ сторонъ
Тоска, и оханье, и стонъ:
«Ахъ! Франція! Нѣтъ въ мірѣ лучше края!»—
Рѣшили двѣ княжны-сестрицы, повторяя
Урокъ, который имъ изъ дѣтства натверженъ.
Куда дѣваться отъ княженъ!
Я одаль возсылалъ желанья,
Смиренныя, однако вслухъ,
Чтобъ истребилъ Господь нечистый этотъ духъ
Пустаго, рабскаго, слѣпаго подражанья;
Чтобъ искру заронилъ Онъ въ комъ-нибудь съ душой,
Кто могъ бы словомъ и примѣромъ
Насъ удержать, какъ крѣпкою возжей,
Отъ жалкой тошноты по сторонѣ чужой.

Пускай меня отъявятъ старовѣромъ,
Но хуже для меня нашъ Сѣверъ во сто кратъ
Съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ все въ обмѣнъ на новый ладъ,—
И нравы, и языкъ, и старину святую,
И величавую одежду на другую
По шутовскому образцу:
Хвостъ сзади, спереди какой-то чудный выемъ,
Разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ;
Движенья связаны и не краса лицу.
Смѣшные, бритые, сѣдые подбородки!..
Какъ платье, волосы, такъ и умы коротки!..
Ахъ, если рождены мы все перенимать,
Хоть у китайцевъ бы намъ нѣсколько занять
Премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ!
Воскреснемъ ли когда отъ чужевластья модъ,
Чтобъ умный, добрый нашъ народъ
Хотя по языку насъ не считалъ за нѣмцевъ.
«Какъ европейское поставить въ параллель
Съ національнымъ—странно что-то!
Ну, какъ перевести мадамъ, мадмуазель?
Ужли—сударыня?»—забормоталъ мнѣ кто-то...
Вообразите, тутъ у всѣхъ
На мой же счетъ поднялся смѣхъ.
«Сударыня! ха! ха! ха! ха! прекрасно!
Сударыня! ха! ха! ха! ха! ужасно!»
Я, разсердясь и жизнь кляня,
Готовилъ имъ отвѣтъ громовый,
Но всѣ оставили меня.
Вотъ случай вамъ со мною,—онъ не новый.
Москва и Петербургъ, во всей Россіи то,
Что человѣкъ изъ города Бордо
Лишь ротъ открылъ, имѣетъ счастье
Во всѣхъ княженъ вселять участье.
И въ Петербургѣ, и въ Москвѣ,
Кто недругъ выписныхъ лицъ, вычуръ, словъ кудрявыхъ,
Въ чьей, по несчастью, головѣ
Пять-шесть найдется мыслей здравыхъ
И онъ осмѣлится ихъ гласно объявлять—
Глядь...

(*Оглядывается; всѣ въ вальсѣ кружатся съ величайшимъ усердіемъ. Старики разбрелись къ карточнымъ столамъ*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

У Фамусова въ домѣ парадныя сѣни; большая лѣстница изъ втораго жилья, къ которой примыкаютъ многія побочныя изъ антресолей; внизу, справа (отъ дѣйствующихъ лицъ) выходъ на крыльцо и швейцарская ложа; слѣва, на одномъ же планѣ, комната Молчалина.

Ночь. Слабое освѣщеніе. Лакеи — иные суетятся, иные спятъ въ ожиданіи господъ своихъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Графиня-бабушка, графиня-внучка, впереди ихъ лакей.

Лакей.

Графини Хрюминой карета!

Графиня-внучка (*покуда ее укутываютъ*).

Ну, балъ! Ну, Фамусовъ! умѣлъ гостей назвать!
Какіе-то уроды съ того свѣта,
И не съ кѣмъ говорить, и не съ кѣмъ танцовать.

Графиня-бабушка.

Поѣдемъ, матушка! мнѣ право не подъ силу!
Когда-нибудь я съ бала да въ могилу.

(*Обѣ уѣзжаютъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Платонъ Михайловичъ и Наталья Дмитріевна.

Одинъ лакей около нихъ хлопочетъ, **другой** *у подъѣзда кричитъ:*

Карета Горича!

Наталья Дмитріевна.

Мой ангелъ, жизнь моя,
Безцѣнный, душечка, что смотришь такъ уныло?

(*Цѣлуетъ мужа въ лобъ*).

Признайся, весело у Фамусовыхъ было?

Платонъ Михайловичъ.

Наташа, матушка, дремлю на балахъ я,
До нихъ смертельный неохотникъ,
А не противлюсь—твой работникъ:
Дежурю за полночь; подчасъ,
Тебѣ въ угодность, какъ ни грустно,
Пускаюсь по командѣ въ плясъ.

Наталья Дмитріевна.

Ты притворяешься, и очень неискусно;
Охота смертная прослыть за старика!

(*Уходитъ съ лакеемъ*).

Платонъ Михайловичъ (*хладнокровно*).

Балъ вещь хорошая, неволя-то горька;

И кто жениться насъ неволитъ?
Вѣдь сказано-жъ, иному на роду...

Лакей (*съ крыльца*).

Въ каретѣ барыня-съ, и гнѣваться изволитъ.

Платонъ Михайловичъ (*со вздохомъ*).

Иду, иду!
(*Уѣзжаютъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Чацкій и лакей его впереди.

Чацкій.

Кричи, чтобы скорѣе подавали. (*Лакей уходитъ*).
Ну, вотъ и день прошелъ, и съ нимъ
Всѣ призраки, весь чадъ и дымъ
Надеждъ, которыя мнѣ душу наполняли...
Чего я ждалъ? что думалъ здѣсь найти?
Гдѣ прелесть эта встрѣчъ? участье въ комъ живое?
Крикъ! радость! обнялись!.. Пустое!..
Въ повозкѣ такъ-то, на пути,
Необозримою равниной, сидя праздно,
Все что-то видно впереди:
Свѣтло, сине, разнообразно...
И ѣдешь часъ, и два, день цѣлый. Вотъ рѣзво
Домчались къ отдыху. Ночлегъ. Куда ни взглянешь,
Все та же гладь и степь, и пусто, и мертво...
Досадно! мочи нѣтъ! чѣмъ больше думать станешь...
(*Лакей возвращается*).
Готово?

Лакей.

Кучера-съ нигдѣ, вишь, не найдутъ.

Чацкій.

Пошелъ, ищи. Не ночевать же тутъ.
(*Лакей опять уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Чацкій, Репетиловъ вбѣгаетъ съ крыльца; при самомъ входѣ падаетъ со всѣхъ ногъ и поспѣшно оправляется.

Репетиловъ.

Тьфу, оплошалъ!.. Ахъ, мой Создатель!
Дай протереть глаза... Откудова, пріятель?..
Сердечный другъ! любезный другъ! mon cher!
Вотъ фарсы мнѣ какъ часто были пѣты,
Что пустомеля я, что глупъ, что суевѣръ,
Что у меня на все предчувствія, примѣты.

Сейчасъ... растолковать прошу,—
Какъ будто зналъ, сюда спѣшу—
Хвать, объ порогъ задѣлъ ногою,
И растянулся во весь ростъ.
Пожалуй, смѣйся надо мною,
Что Репетиловъ вретъ, что Репетиловъ простъ,
А у меня къ тебѣ влеченье, родъ недуга,
Любовь какая-то и страсть.
Готовъ я душу прозакласть,
Что въ мірѣ не найдешь себѣ такого друга,
Такого вѣрнаго, ей-ей;
Пускай лишусь жены, дѣтей,
Оставленъ буду цѣлымъ свѣтомъ,
Пускай умру на мѣстѣ этомъ,
Да разразитъ меня Господь...

Чацкій.

Да полно вздоръ молоть.

Репетиловъ.

Не любишь ты меня—естественное дѣло:
Съ другими я и такъ, и сякъ,
Съ тобою говорю несмѣло;
Я жалокъ, я смѣшонъ, я неучъ, я дуракъ!..

Чацкій.

Вотъ странное уничиженье!

Репетиловъ.

Ругай меня; я самъ кляну свое рожденье,
Когда подумаю, какъ время убивалъ.
Скажи, который часъ?

Чацкій.

Часъ ѣхать спать ложиться.
Коли явился ты на балъ,
Такъ можешь воротиться.

Репетиловъ.

Что балъ, братецъ, гдѣ мы всю ночь до бѣла дня
Въ приличьяхъ скованы, не вырвемся изъ ига!
Читалъ ли ты?.. есть книга...

Чацкій.

А ты читалъ? задача для меня.
Ты Репетиловъ ли?

Репетиловъ.

Зови меня вандаломъ—
Я это имя заслужилъ:

Людьми пустыми дорожилъ,
Самъ бредилъ цѣлый вѣкъ обѣдомъ или баломъ!
Объ дѣтяхъ забывалъ! обманывалъ жену!
Игралъ, проигрывалъ, въ опеку взять указомъ!
Танцовщицу держалъ, и не одну—
Трехъ разомъ!
Пилъ мертвую! не спалъ ночей по девяти!
Все отвергалъ: законы, совѣсть, вѣру...

Чацкій.

Послушай: ври, да знай же мѣру.
Есть отъ чего въ отчаянье придти.

Репетиловъ.

Поздравь меня: теперь съ людьми я знаюсь
Съ умнѣйшими! Всю ночь не рыщу напролетъ.

Чацкій.

Вотъ нынче, напримѣръ?

Репетиловъ.

Что, ночь одна не въ счетъ!
Зато спроси, гдѣ былъ.

Чацкій.

И самъ я догадаюсь:
Чай, въ клубѣ?

Репетиловъ.

Въ Англійскомъ. Чтобъ исповѣдь начать,—
Изъ шумнаго я засѣданья...
Пожалуйста молчи — я слово далъ молчать...
У насъ есть общество, и тайныя собранья
По четвергамъ. Секретнѣйшій союзъ...

Чацкій.

Ахъ, братецъ, я боюсь!
Какъ? Въ клубѣ?

Репетиловъ.

Именно.

Чацкій.

Вотъ мѣры чрезвычайны,
Чтобъ въ зашеи прогнать и васъ, и ваши тайны.

Репетиловъ.

Напрасно страхъ тебя беретъ:
Вслухъ, громко говоримъ — никто не разберетъ.
Я самъ, какъ схватятся о камерахъ, присяжныхъ,
О Байронѣ, ну, о матерьяхъ важныхъ,
Частенько слушаю, не разжимая губъ;
Мнѣ не подъ силу, братъ; я чувствую, что глупъ.

Ахъ, Alexandre! У насъ тебя недоставало.
Послушай, миленькій, потѣшь меня хоть мало:
Поѣдемъ-ка сейчасъ; мы благо на ходу.
Съ какими я тебя сведу
Людьми! Ужъ на меня нисколько не похожи.
Что за люди, mon cher! Сокъ умной молодежи.

Чацкій.

Богъ съ ними и съ тобой! Куда я поскачу?
Зачѣмъ? Въ глухую ночь?.. Домой! — я спать хочу.

Репетиловъ.

Э, брось! кто нынче спитъ? Ну, полно, безъ прелюдій.
Рѣшись, а мы!.. у насъ... рѣшительные люди,
Горячихъ дюжина головъ!
Кричимъ — подумаешь, что сотни голосовъ!..

Чацкій.

Да изъ чего бѣснуетесь вы столько?

Репетиловъ.

Шумимъ, братецъ, шумимъ...

Чацкій.

Шумите вы — и только?

Репетиловъ.

Не мѣсто объяснять теперь и недосугъ,
Но государственное дѣло.
Оно, вотъ видишь, не созрѣло,—
Нельзя же вдругъ...
Что за люди, mon cher! безъ дальнихъ я исторій
Скажу тебѣ: во-первыхъ, князь Григорій,
Чудакъ единственный! насъ со смѣху моритъ!
Вѣкъ съ англичанами, вся англійская складка
И такъ же онъ сквозь зубы говоритъ,
И такъ же коротко обстриженъ для порядка.
Ты не знакомъ? О познакомься съ нимъ.
Другой—Воркуловъ Евдокимъ.
Ты не слыхалъ, какъ онъ поетъ? О, диво!
Послушай, милый, особливо
Есть у него любимое одно:
«А нонъ ла-шьяръ ми, но-но-но!»
Еще у насъ два брата:
Левонъ и Боринька—чудесные ребята!
Объ нихъ не знаешь что̀ сказать.
Но если генія прикажете назвать,—
Удушьевъ Ипполитъ Маркелычъ!
Ты сочиненія его

Читалъ-ли что-нибудь? хоть мелочь?
Прочти, братецъ! Да онъ не пишетъ ничего!
Вотъ этакихъ людей бы сѣчь-то
И приговаривать: писать, писать, писать!
Въ журналахъ можешь ты однако отыскать
Его отрывокъ: Взглядъ и Нѣчто.
Объ чемъ бишь Нѣчто?—обо всёмъ,
Все знаетъ; мы его на черный день пасемъ.
Но голова у насъ, какой въ Россіи нѣту,
Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночной разбойникъ, дуэлистъ,
Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ,
И крѣпко на руку нечистъ.
Да умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ!
Когда-жъ объ честности высокой говоритъ,
Какимъ-то демономъ внушаемъ,
Глаза въ крови, лицо горитъ,
Самъ плачетъ, и мы всѣ рыдаемъ.
Вотъ люди, есть-ли имъ подобные? Наврядъ.
Ну, между ними я конечно заурядъ,
Немножко поотсталъ, лѣнивъ,—подумать ужасъ!
Однако-жъ я, когда, умишкомъ понатужась,
Засяду—часу не сижу,
И какъ-то невзначай вдругъ каламбуръ рожу.
Другіе у меня мысль эту же подцѣпятъ,
И вшестеромъ, глядь, водевильчикъ слѣпятъ;
Другіе шестеро на музыку кладутъ,
Другіе хлопаютъ, когда его даютъ...
Братъ, смѣйся, а что любо—любо!
Способностями Богъ меня не наградилъ,
Далъ сердце доброе—вотъ чѣмъ я людямъ милъ,
Совру—простятъ...

Лакей *(у подъѣзда).*

Карета Скалозуба!

Репетиловъ.

Чья?

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Скалозубъ спускается съ лѣстницы.

Репетиловъ *(къ нему навстрѣчу).*

А! Скалозубъ, душа моя!
Постой, куда же? сдѣлай дружбу!
(Душитъ его въ объятіяхъ).

Чацкій.

Куда дѣваться мнѣ отъ нихъ?
(*Входитъ въ швейцарскую*).

Репетиловъ (*Скалозубу*).

Слухъ объ тебѣ давно затихъ;
Сказали, что ты въ полкъ отправился на службу.
Знакомы вы?.. (*Ищетъ глазами Чацкаго*). Упрямецъ ускакалъ!
Нѣтъ нужды. Я тебя нечаянно сыскалъ,
И просимъ-ка со мной, сейчасъ, безъ отговорокъ:
У князь-Григорія теперь народу тьма;
Увидишь человѣкъ тамъ сорокъ.
Фу! сколько, братецъ, тамъ ума:
Всю ночь толкуютъ—не наскучатъ;
Во-первыхъ, напоятъ шампанскимъ на убой,
А во-вторыхъ, такимъ вещамъ научатъ,
Какихъ, конечно, намъ не выдумать съ тобой.

Скалозубъ.

Избавь. Ученостью меня не обморочишь;
Скликай другихъ; а если хочешь,
Я князь-Григорію и вамъ
Фельдфебеля въ Волтеры дамъ:
Онъ въ три шеренги васъ построитъ,
А пикните, такъ мигомъ успокоитъ.

Репетиловъ.

Все служба на умѣ! Mon cher, гляди сюда:
И я въ чины бы лѣзъ, да неудачи встрѣтилъ,
Какъ можетъ-быть никто и никогда.
По статской я служилъ. Тогда
Баронъ фонъ-Клокъ въ министры мѣтилъ,
А я
Къ нему въ зятья
Шелъ напрямикъ, безъ дальней думы;
Съ его женой и съ нимъ пускался въ реверси,
Ему и ей такія суммы
Спустилъ, что Боже упаси!
Онъ на Фонтанкѣ жилъ, я возлѣ домъ построилъ,
Съ колоннами, огромный. Сколько стоилъ!..
Женился наконецъ на дочери его,
Приданаго взялъ—шишъ, по службѣ—ничего.
Тесть нѣмецъ, а что проку?
Боялся, видишь, онъ упреку
За слабость будто бы къ роднѣ!
Боялся, прахъ его возьми, да легче-ль мнѣ?

Секретари его всѣ хамы, всѣ продажны,
Людишки, пишущая тварь,
Всѣ вышли въ знать, всѣ нынче важны:
Гляди-ка въ адресъ-календарь...
Тьфу! служба и чины, кресты—души мытарства.
Лохмотьевъ Алексѣй чудесно говоритъ,
Что радикальныя потребны тутъ лекарства,
Желудокъ больше не варитъ... (*Останавливается, увидя, что Загорѣцкій заступилъ мѣсто Скалозуба, который покудова уѣхалъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Репетиловъ, Загорѣцкій.

Загорѣцкій.

Извольте продолжать; вамъ искренно признаюсь,
Такой же я, какъ вы, ужасный либералъ!
И отъ того, что прямъ и смѣло объясняюсь,
Куда какъ много потерялъ!

Репетиловъ (*съ досадой*).

Всѣ врознь, не говоря ни слова!
Чуть изъ виду одинъ—гляди, ужъ нѣтъ другого:
Былъ Чацкій—вдругъ исчезъ, потомъ и Скалозубъ...

Загорѣцкій.

Какъ думаете вы объ Чацкомъ?

Репетиловъ.

Онъ не глупъ.
Сейчасъ столкнулись мы; тутъ всякіе турусы,
И дѣльный разговоръ зашелъ про водевиль...
Да! водевиль есть вещь, а прочее все гиль!
Мы съ нимъ... у насъ... одни и тѣ же вкусы.

Загорѣцкій.

А вы замѣтили, что онъ
Въ умѣ серьезно поврежденъ?

Репетиловъ.

Какая чепуха!

Загорѣцкій.

Объ немъ всѣ этой вѣры.

Репетиловъ.

Вранье!

Загорѣцкій.

Спросите всѣхъ.

Репетиловъ.

Химеры!

Загорѣцкій.

А, кстати, вотъ князь Петръ Ильичъ,
Княгиня и съ княжнами.

Репетиловъ.

Дичь!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Репетиловъ, Загорѣцкій, князь и княгиня съ шестью дочерьми, немного погодя **Хлестова** спускается съ парадной лѣстницы; **Молчалинъ** ведетъ ее подъ руку. **Лакен** въ суетахъ.

Загорѣцкій.

Княжны, пожалуйте, скажите ваше мнѣнье,
Безумный Чацкій или нѣтъ?

1-я княжна.

Какое-жъ въ этомъ есть сомнѣнье?

2-я княжна.

Про это знаетъ цѣлый свѣтъ.

3-я княжна.

Дрянскіе, Хворовы, Варлянскіе, Скачковы!..

4-я княжна.

Ахъ, вѣсти старыя. Кому же онѣ новы?

5-я княжна.

Кто сомнѣвается?

Загорѣцкій.

Да вотъ не вѣритъ...

6-я княжна (*Репетилову*).

Вы?

Всѣ вмѣстѣ.

Мсье Репетиловъ! вы?—Мсье Репетиловъ! что вы?
Да какъ вы?—Можно-ль противъ всѣхъ?—
Да почему вы?—Стыдъ и смѣхъ!

Репетиловъ (*затыкаетъ себѣ уши*).

Простите: я не зналъ, что это слишкомъ гласно.

Княгиня.

Еще не гласно бы! Съ нимъ говорить опасно!
Давно бы запереть пора:
Послушать, такъ его мизинецъ
Умнѣе всѣхъ и даже князь-Петра!
Я думаю, онъ просто якобинецъ,
Вашъ Чацкій... Ѣдемте. Князь, ты везти бы могъ
Катишь или Зизи: мы сядемъ въ шестимѣстной.

Хлестова (*съ лѣстницы*).

Княгиня! карточный должокъ?

Княгиня.

За мною, матушка.

Всѣ (*другъ къ другу*).

Прощайте!

(*Княжеская фамилія уѣзжаетъ и Загорѣцкій тоже*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Репетиловъ, Хлестова, Молчалинъ.

Репетиловъ.

Царь небесный!
Анфиса Ниловна! Ахъ, Чацкій бѣдный!.. вотъ!
Что нашъ высокій умъ и тысячи заботъ!
Скажите, изъ чего на свѣтѣ мы хлопочемъ!

Хлестова.

Такъ Богъ ему судилъ, а впрочемъ,
Полечатъ—вылечатъ авось!
А ты, мой батюшка, неизлечимъ, хоть брось.
Изволилъ во время явиться!
Молчалинъ, вотъ чуланчикъ твой;
Не нужны проводы; поди, Господь съ тобой.
(*Молчалинъ уходитъ къ себѣ въ комнату*).
Прощайте, батюшка; пора перебѣситься. (*Уѣзжаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Репетиловъ (*со своимъ лакеемъ*).

Репетиловъ.

Куда теперь направить путь?
А дѣло ужъ идетъ къ разсвѣту.
Поди, сажай меня въ карету,
Вези куда-нибудь!
(*Уѣзжаетъ. Послѣдняя лампа гаснетъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Чацкій (*выходитъ изъ швейцарской*).

Что это? слышалъ я моими-ли ушами?!
Не смѣхъ, а явно злость. Какими чудесами,
Черезъ какое колдовство
Нелѣпость обо мнѣ всѣ въ голосъ повторяютъ?
И для иныхъ какъ словно торжество,
Другіе будто сострадаютъ...

О! если-бъ кто въ людей проникъ,
Что хуже въ нихъ—душа или языкъ?
Чье это сочиненье?
Повѣрили глупцы, другимъ передаютъ,
Старухи вмигъ тревогу бьютъ—
И вотъ общественное мнѣнье!
И вотъ та родина!.. Нѣтъ, въ нынѣшній пріѣздъ,
Я вижу, что она мнѣ скоро надоѣстъ.
А Софья знаетъ-ли?—Конечно, разсказали.
Она не то, чтобы мнѣ именно во вредъ
Потѣшилась, и правда, или нѣтъ—
Ей все равно; другой-ли, я-ли—
Никѣмъ, по совѣсти, она не дорожитъ.
Но этотъ обморокъ, безпамятство откуда?
Нервъ избалованность, причуда?
Возбудитъ малость ихъ, и малость утишитъ...
Я признакомъ почелъ живыхъ страстей... Ни крошки!
Она конечно бы лишилась такъ же силъ,
Когда бы кто-нибудь ступилъ
На хвостъ собачки или кошки.

Софья (*надъ мѣстницей во второмъ этажѣ, со свѣчою*).

Молчалинъ, вы? (*Поспѣшно опять дверь припираетъ*).

Чацкій.

Она! она сама!
Ахъ, голова горитъ, вся кровь моя въ волненьи.
Явилась! нѣтъ ея! неужели въ видѣньи?
Не впрямь-ли я сошелъ съ ума?
Къ необычайности я точно приготовленъ;
Но не видѣнье тутъ—свиданья часъ условленъ.
Къ чему обманывать себя мнѣ самого?
Звала Молчалина—вотъ комната его.

Лакей (*съ крыльца*).

Каре...

Чацкій.

Ссъ! (*выталкиваетъ его вонъ*).
Буду здѣсь, и не смыкая глазу
Хоть до утра. Ужъ коли горе пить,
Такъ лучше сразу,
Чѣмъ медлить, а бѣды медленьемъ не избыть!
Дверь отворяется!.. (*Прячется за колонну*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Чацкій спрятанъ; **Лиза,** со свѣчкой.

Лиза.

Ахъ, мочи нѣтъ! робѣю!
Въ пустыя сѣни, въ ночь! боишься домовыхъ!
Боишься и людей живыхъ.
Мучительница барышня, Богъ съ нею!
И Чацкій какъ бѣльмо въ глазу;
Вишь, показался ей онъ гдѣ-то здѣсь внизу.
(*Осматривается*).
Да, какъ же! по сѣнямъ бродить ему охота!
Онъ, чай, давно ужъ за ворота,
Любовь на завтра побережетъ,
Домой—и спать залегъ.
Однако велѣно къ сердечному толкнуться.
(*Стучится къ Молчалину*):
Послушайте-съ! извольте-ка проснуться:
Васъ кличетъ барышня!.. васъ барышня зоветъ!..
Да поскорѣй, чтобъ не застали...

ЯВЛЕНІЕ XII.

Чацкій за колонною, **Лиза, Молчалинъ** потягивается и зѣваетъ, **Софья** крадется сверху.

Лиза.

Вы, сударь, камень! сударь, ледъ!

Молчалинъ.

Ахъ, Лизанька! ты отъ себя-ли?

Лиза.

Отъ барышни-съ.

Молчалинъ.

Кто-бъ отгадалъ,
Что въ этихъ щечкахъ, въ этихъ жилкахъ
Любви еще румянецъ не игралъ!
Охота быть тебѣ лишь только на посылкахъ?

Лиза.

А вамъ, искателямъ невѣстъ,
Не нѣжиться и не зѣвать бы:
Пригожъ и милъ—кто не доѣстъ
И не доспитъ до свадьбы.

Молчалинъ.

Какая свадьба? Съ кѣмъ?

Лиза.

А съ барышней?

Молчалинъ.

Поди!
Надежды много впереди,—
Безъ свадьбы время проволочимъ.

Лиза.

Что вы, сударь! да мы кого-жъ
Себѣ въ мужья другаго прочимъ?

Молчалинъ.

Не знаю. А меня такъ пробираетъ дрожь,
И при одной я мысли трушу,
Что Павелъ Аѳанасьичъ разъ
Когда-нибудь поймаетъ насъ,
Разгонитъ, проклянетъ!.. Да что?.. открыть-ли душу?
Я въ Софьѣ Павловнѣ не вижу ничего
Завиднаго. Дай Богъ ей вѣкъ прожить богато.
Любила Чацкаго когда-то,
Меня разлюбитъ какъ его.
Мой ангельчикъ, желалъ бы въ половину
Къ ней то же чувствовать, что чувствую къ тебѣ;
Да нѣтъ: какъ ни твержу себѣ,
Готовлюсь нѣжнымъ быть, а свижусь—и простыну.

Софья (*въ сторону*).

Какія низости!

Чацкій (*за колонною*).

Подлецъ!

Лиза.

И вамъ не совѣстно?

Молчалинъ.

Мнѣ завѣщалъ отецъ:
Во-первыхъ, угождать всѣмъ людямъ безъ изъятья—
Хозяину, гдѣ доведется жить,
Начальнику, съ кѣмъ буду я служить,
Слугѣ его, который чиститъ платье,
Швейцару, дворнику, для избѣжанья зла,
Собакѣ дворника, чтобъ ласкова была.

Лиза.

Сказать, сударь, у васъ огромная опека!

Молчалинъ.

И вотъ любовника я принимаю видъ
Въ угодность дочери такого человѣка...

Лиза.

Который кормитъ и поитъ,

А иногда и чиномъ наградитъ?
Пойдемте же, довольно толковали.

Молчалинъ.

Пойдемъ любовь дѣлить печальной нашей крали.
Дай, обниму тебя отъ сердца полноты. (*Лиза не дается*).
Зачѣмъ она не ты?
(*Хочетъ идти, Софья не пускаетъ*).

Софья (*почти шопотомъ; вся сцена вполголоса*).

Нейдите далѣе! Наслушалась я много...
Ужасный человѣкъ! Себя я, стѣнъ стыжусь!

Молчалинъ.

Какъ!.. Софья Павловна!

Софья.

Ни слова, ради Бога!
Молчите,—я на все рѣшусь!

Молчалинъ (*бросается на колѣна, Софья отталкиваетъ*).

Ахъ, вспомните! не гнѣвайтеся, взгляньте!..

Софья.

Не помню ничего, не докучайте мнѣ!
Воспоминанія!.. какъ острый ножъ онѣ...

Молчалинъ (*ползаетъ у ногъ ея*).

Помилуйте...

Софья.

Не подличайте, встаньте!
Отвѣта не хочу,—я знаю вашъ отвѣтъ:
Солжете...

Молчалинъ.

Сдѣлайте мнѣ милость!..

Софья.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!..

Молчалинъ.

Шутилъ, и не сказалъ я ничего, окромѣ...

Софья.

Отстаньте, говорю; сейчасъ
Я крикомъ разбужу всѣхъ въ домѣ
И погублю себя и васъ!
(*Молчалинъ встаетъ*).
Я, съ этихъ поръ, васъ будто не знавала.
Упрековъ, жалобъ, слезъ моихъ
Не смѣйте ожидать — не стоите вы ихъ;

Но чтобы въ домѣ здѣсь заря васъ не застала,
Чтобъ никогда объ васъ я больше не слыхала!..

Молчалинъ.

Какъ вы прикажете.

Софья.

Иначе разскажу
Всю правду батюшкѣ съ досады.
Вы знаете, что я собой не дорожу.
Подите... Стойте!.. Будьте рады,
Что, при свиданіяхъ со мной въ ночной тиши,
Держались болѣе вы робости во нравѣ,
Чѣмъ даже днемъ, и при людяхъ, и въ явѣ.
Въ васъ меньше дерзости, чѣмъ кривизны души.
Сама довольна тѣмъ, что ночью все узнала:
Нѣтъ укоряющихъ свидѣтелей въ глазахъ,
Какъ давича, когда я въ обморокъ упала,—
Здѣсь Чацкій былъ...

Чацкій *(бросается между ними).*

Онъ здѣсь, притворщица!

Лиза и Софья.

Ахъ! Ахъ!..

(Лиза роняетъ свѣчу съ испугу; Молчалинъ скрывается къ себѣ въ комнату).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же, кромѣ **Молчалина.**

Чацкій.

Скорѣе въ обморокъ! — теперь оно въ порядкѣ:
Важнѣе давишней причина есть тому.
Вотъ, наконецъ, рѣшеніе загадкѣ!
Вотъ я пожертвованъ кому!
Не знаю, какъ въ себѣ я бѣшенство умѣрилъ!
Глядѣлъ и видѣлъ — и не вѣрилъ!
А милый, для кого забыть
И прежній другъ, и женскій страхъ и стыдъ,
За двери прячется, боится быть въ отвѣтѣ.
Ахъ! какъ игру судьбы постичь?
Людей съ душой гонительница, бичъ! —
Молчалины блаженствуютъ на свѣтѣ!

Софья *(вся въ слезахъ).*

Не продолжайте; я виню себя кругомъ!
Но кто бы думать могъ, чтобъ былъ онъ такъ коваренъ!

Лиза.

Стукъ! шумъ! Ахъ, Боже мой, сюда бѣжитъ весь домъ!
Вашъ батюшка! Вотъ будетъ благодаренъ!

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Чацкій, Софья, Лиза, Фамусовъ, толпа слугъ со свѣчами.

Фамусовъ.

Сюда! за мной, скорѣй! скорѣй!
Свѣчей побольше, фонарей!
Гдѣ домовые? Ба! знакомыя всѣ лица;
Дочь!.. Софья Павловна!.. Срамница!
Безстыдница! гдѣ? съ кѣмъ? Ни дать, ни взять она,
Какъ мать ея, покойница жена:
Бывало, я съ дражайшей половиной
Чуть врознь — ужъ гдѣ-нибудь съ мужчиной!
Побойся Бога! Какъ? чѣмъ онъ тебя прельстилъ?
Сама его безумнымъ называла...
Нѣтъ! глупость на меня и слѣпота напала!
Все это заговоръ и въ заговорѣ былъ
Онъ самъ и гости всѣ. За что я такъ наказанъ?..

Чацкій *(Софьѣ).*

Такъ этимъ вымысломъ я вамъ еще обязанъ?

Фамусовъ.

Братъ, не финти! не дамся я въ обманъ!
Хоть подеритесь — не повѣрю.
Ты, Филька! ты прямой чурбанъ!
Въ швейцары произвелъ лѣнивую тетерю!
Не знаетъ ни про что, не чуетъ ничего!..
Гдѣ былъ? куда ты вышелъ?
Сѣней не заперъ для чего?
И какъ не досмотрѣлъ? и какъ ты не дослышалъ?
Въ работу васъ! на поселенье васъ!
За грошъ продать меня готовы!
Ты, быстроглазая! все отъ твоихъ проказъ!
Вотъ онъ, Кузнецкій мостъ, наряды и обновы!
Тамъ выучилась ты любовниковъ сводить!
Постой же, я тебя исправлю:
Изволь-ка въ избу, маршъ, за птицами ходить!
Да и тебя, мой другъ, я, дочка, не оставлю:
Еще дня два терпѣнія возьми, —
Не быть тебѣ въ Москвѣ, не жить тебѣ съ людьми;
Подалѣе отъ этихъ хватовъ,
Въ деревню, къ теткѣ, въ глушь, въ Саратовъ!

Тамъ будешь горе горевать,
За пяльцами сидѣть, за святцами зѣвать.
А васъ, сударь, прошу я толкомъ,
Туда не жаловать ни прямо, ни проселкомъ;
И ваша такова послѣдняя черта,
Что, чай, ко всякому дверь будетъ заперта!
Я постараюся, въ набатъ я пріударю,
По городу всему надѣлаю хлопотъ,
И оглашу во весь народъ;
Въ сенатъ подамъ, министрамъ, государю...

Чацкій (*послѣ нѣкотораго молчанія*).

Не образумлюсь... виноватъ!
И слушаю — не понимаю!
Какъ будто все еще мнѣ объяснить хотятъ...
Растерянъ мыслями... чего-то ожидаю... (*Съ жаромъ*):
Слѣпецъ! я въ комъ искалъ награду всѣхъ трудовъ?
Спѣшилъ!.. летѣлъ!.. дрожалъ!.. вотъ счастье, думалъ, близко!
Предъ кѣмъ я давича такъ страстно и такъ низко
Былъ расточитель нѣжныхъ словъ!
А вы! о, Боже мой! кого себѣ избрали?
Когда подумаю, кого вы предпочли?
Зачѣмъ меня надеждой завлекли?
Зачѣмъ мнѣ прямо не сказали,
Что все прошедшее вы обратили въ смѣхъ,
Что память даже вамъ постыла
Тѣхъ чувствъ въ обоихъ насъ, движеній сердца тѣхъ,
Которыя во мнѣ ни даль не охладила,
Ни развлеченія, ни перемѣна мѣстъ!
Дышалъ я ими, жилъ, былъ занятъ безпрерывно!
Сказали бы, что вамъ внезапный мой пріѣздъ,
Мой видъ, мои слова, поступки — все противно:
Я съ вами тотчасъ бы сношенія пресѣкъ,
И передъ тѣмъ, какъ навсегда разстаться,
Не сталъ бы очень добиваться,
Кто этотъ вамъ любезный человѣкъ... (*Насмѣшливо*):
Вы помиритесь съ нимъ по размышленьи зрѣломъ:
Себя крушить, и для чего?
Подумайте, всегда вы можете его
Беречь, и пеленать, и посылать за дѣломъ.
Мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга, изъ жениныхъ пажей —
Высокій идеалъ московскихъ всѣхъ мужей.
Довольно!.. съ вами я горжусь моимъ разрывомъ.

А вы, сударь, отецъ, вы, страстные къ чинамъ,
Желаю вамъ дремать въ невѣдѣньи счастливомъ.
Я сватаньемъ моимъ не угрожаю вамъ.
Другой найдется, благонравный,
Низкопоклонникъ и дѣлецъ,
Достоинствами, наконецъ,
Онъ будущему тестю равный.
Такъ! отрезвился я сполна,
Мечтанья съ глазъ долой и спала пелена!
Теперь не худо-бъ было сряду
На дочь и на отца,
И на любовника-глупца,
И на весь міръ излить всю желчь и всю досаду.
Съ кѣмъ былъ? Куда меня закинула судьба?
Всѣ гонять! всѣ клянутъ! мучителей толпа,
Въ любви предателей, въ враждѣ неутомимыхъ,
Разсказчиковъ неукротимыхъ,
Нескладныхъ умниковъ, лукавыхъ простяковъ,
Старухъ зловѣщихъ, стариковъ,
Дряхлѣющихъ надъ выдумками, вздоромъ!..
Безумнымъ вы меня прославили всѣмъ хоромъ —
Вы правы: изъ огня тотъ выйдетъ невредимъ,
Кто съ вами день пробыть успѣетъ,
Подышетъ воздухомъ однимъ,
И въ комъ разсудокъ уцѣлѣетъ.
Вонъ изъ Москвы! сюда я больше не ѣздокъ.
Бѣгу, не оглянусь, пойду искать по свѣту,
Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ!
Карету мнѣ, карету! (*Быстро уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же, кромѣ **Чацкаго.**

Фамусовъ (*долгое время стоитъ въ остолбенѣніи*).

Ну что? Не видишь ты, что онъ съ ума сошелъ?
Скажи серьезно!
Безумный! что онъ тутъ за чепуху мололъ!
Низкопоклонникъ! тесть! и про Москву такъ грозно!
А ты меня рѣшилась уморить!
Моя судьба еще ли не плачевна?
Ахъ, Боже мой, что станетъ говорить
Княгиня Марья Алексѣвна!

ГРУЗИНСКАЯ НОЧЬ *).

(1828).

(Отрывки изъ трагедіи).

I.

(Кормилица (Т.), какъ надо судить, уже успѣла объявить князю свою просьбу о возвращеніи сына и свою печаль. Князь (К.) отвѣчаетъ).

К.

Но самъ я развѣ радъ твоей печали?
Вини себя и старость лѣтъ своихъ.
Давно съ тебя и платы не бирали...

*) Содержаніе этой трагедіи, по объясненію Булгарина: «Одинъ грузинскій князь за выкупъ любимаго коня отдалъ другому князю отрока, раба своего. Это было дѣломъ обыкновеннымъ, и потому князь не думалъ о слѣдствіяхъ. Вдругъ является мать отрока, бывшая кормилица князя, няня дочери его, упрекаетъ его въ безчеловѣчномъ поступкѣ, припоминаетъ службу свою и требуетъ или возврата сына, или позволенія быть рабою одного съ нимъ господина, и угрожаетъ ему мщеніемъ ада. Князь сперва гнѣвается, потомъ обѣщаетъ выкупить сына кормилицы, и наконецъ, по княжескому обычаю, забываетъ обѣщаніе. Но мать помнитъ, что у нея отторжено отъ сердца дѣтище, и, какъ азіатка, умышляетъ жестокую месть. Она идетъ въ лѣсъ, призываетъ Дели (*должно быть* Али), злыхъ духовъ Грузіи, и составляетъ адскій союзъ на пагубу рода своего господина. Появляется русскій офицеръ въ домѣ, таинственное существо по чувствамъ и образу мыслей. Кормилица заставляетъ Али вселить любовь къ офицеру въ питомицѣ своей, дочери князя. Она уходитъ съ любовникомъ изъ родительскаго дома. Князь жаждетъ мести, ищетъ любовниковъ и видитъ ихъ на вершинѣ горы св. Давида. Онъ беретъ ружье, прицѣливается въ офицера; но Али несутъ пулю въ сердце его дочери. Еще не совершилось мщеніе озлобленной кормилицы! Она требуетъ ружья, чтобы поразить князя, и убиваетъ своего сына. Безчеловѣчный князь наказанъ Небомъ за презрѣніе чувствъ родительскихъ, и познаетъ цѣну потери дѣтища; злобная кормилица наказана за то, что благородное чувство осквернила местью: они гибнутъ въ отчаяніи. Трагедія, основанная на народной Грузинской сказкѣ, если-бъ была такъ кончена, какъ начата, составила бы украшеніе не только одной Русской, но всей Европейской литературы. Грибоѣдовъ читалъ намъ наизусть отрывки, и самые холодные люди были растроганы жалобами матери, требующей возврата сына у своего господина. Трагедія сія погибла вмѣстѣ съ авторомъ.»

Т.

Ругаться старостью — то въ лютыхъ вашихъ нравахъ.
Стара я, да, — но не отъ лѣтъ однихъ!
Состарѣлась не въ играхъ, не въ забавахъ,
Твой домъ блюла, тебя, дѣтей твоихъ.
Какъ ринулся въ мятежъ ты противъ русской силы,
Укрыла я тебя живаго отъ могилы,
Моимъ же рубищемъ отъ тысячи смертей.
Когда-жъ былъ многія годины въ заточеньи,
Безславью преданный въ отеческомъ краю,
И вѣтеръ здѣсь свисталъ въ хоромахъ опустѣлыхъ,
Вынашивала я, кормила дочь твою.
Такъ знай же повѣсть ты волосъ сихъ посѣдѣлыхъ,
Колѣнъ моихъ согбенныхъ и морщинъ,
Которыя въ щекахъ моихъ изрыты
Трудами о тебѣ. Виною ты одинъ.
Вотъ въ подвигахъ какихъ младые дни убиты!..
А ты? Ты, совѣсти и Богу вопреки,
Полсердца вырвалъ изъ утробы!
Что мнѣ твой гнѣвъ? Гроза твоей руки!
Пылай, гори огнемъ несправедливой злобы...
И кочетъ, если взять его птенца,
Кричитъ, крылами бьетъ съ свирѣпостью борца,
Онъ похитителя зоветъ на бой неравный;
А мнѣ передъ тобой не можно умолчать, —
О сынѣ я скорблю: я человѣкъ, я мать...
Гдѣ громъ Твой, власть Твоя, о, Боже Вседержавный!

К.

Творецъ, пошли мнѣ вновь изгнанье, нищету
И на главу мою всѣ ужасы природы:
Скорѣе въ томъ ущельи пропаду,
Гдѣ бурный Ксань крутитъ сѣдыя воды;
Терпѣть разбойникомъ гоненья, голодъ, страхъ,
Отъ стужи, непогодъ не бывъ укрытымъ,
Чѣмъ этой фуріи присутствіе сносить,
И злость души, и ядъ ея упрековъ.

Т.

Ничѣмъ тебя не можно умилить:
Ни памятью добра, ни силой слезныхъ токовъ!
Подумай, — самъ отецъ, и сына ты лишенъ.

Когда, застрѣленный, къ тебѣ онъ былъ внесенъ,
И ты въ послѣдній разъ прощался съ трупомъ милымъ,
Безъ памяти приникъ къ очамъ застылымъ
И оживить хотѣлъ потухшій взоръ;
Весь воздухъ потрясалъ дѣтей и женъ вой дикій,
И вторили раскаты этихъ горъ
Съ утра до вечера пронзительные крики, —
Ты самъ хотѣлъ зарыться въ землю съ нимъ.
Но взятый смертію вовѣкъ невозвратимъ!
Когда же бъ искупить ты могъ его изъ плѣна,
Какой тогда казны бы пожалѣлъ?
На чей бы гнѣвъ суровый не посмѣлъ?
Ты чьи тогда не обнялъ бы колѣна?

К.

И нѣтъ еще къ тебѣ вражды!..
Я помню о людяхъ, о Богѣ,
И сына твоего не далъ бы безъ нужды,
Но честь моя была въ залогѣ.
Его цѣной я выкупилъ коня,
Который подо мной въ бояхъ меня прославилъ,
Изъ жаркихъ битвъ онъ выносилъ меня...
Тотъ подлъ, кто бы его въ чужихъ рукахъ оставилъ.

Т.

Ни конь твой боевой всей крѣпостію жилъ,
Никто изъ слугъ твоихъ любимыхъ
Такъ вѣрой-правдою тебѣ не послужилъ,
Какъ я въ трудахъ неисчислимыхъ.
Мой отрокъ, если-бъ возмужалъ,
За славу твоего онъ княжескаго дома
Сто разъ бы притупилъ и саблю, и кинжалъ,
Не убоялся бы онъ язвъ и пушекъ грома.
Какъ матерью его ты былъ не разъ спасенъ,
Такъ на плечахъ своихъ тебя бы вынесъ онъ.

К.

Прочь отъ меня! Поди ты прочь, старуха!
Не раздражай меня, не вызывай на гнѣвъ,
И не терзай мнѣ жалобами слуха,
Безвременененъ кому твой вопль, и стонъ, и ревъ.
Ужъ сынъ твой — рабъ другаго господина,
И нѣтъ его, онъ мой оставилъ домъ,

Онъ проданъ мной, и я былъ воленъ въ томъ,—
Онъ былъ мой крѣпостной...

Т. (*падаетъ на колѣни*).

Онъ сынъ мой! Дай мнѣ сына!
И я твоя раба, — зачѣмъ же мать
Отъ дѣтища ты разлучилъ роднаго?
Дай разъ еще къ груди его прижать!..
Ахъ, ради Бога имени святаго,
Чтобъ не видать кровавыхъ слезъ моихъ,
Соедини ты снова насъ двоихъ.

К.

Не повторяй мнѣ горькіе упреки!
Въ поля и въ горы — вотъ пути широки,
Тамъ мчится шумная рѣка,
Садись надъ пронастью, бесѣдуй свысока
О сынѣ съ мраками ночными,
И степь буди стенаньями своими,
Но въ домъ не возвращайся мой...
Уймись, или исчезни съ глазъ долой.

Т.

Достойное заслугамъ воздаянье!
Такъ будь же проклятъ ты и весь твой родъ,
И дочь твоя, и все твое стяжанье!
Какъ ловчіе, — ни быстриною водъ,
Ни крутизною скалъ не удержимы,
Но скачутъ, по вѣтрамъ носимы,
Покуда звѣрь отъ ихъ ударовъ не падетъ,
Истекшій кровію и пѣной, —
Пускай истерзана такъ будетъ жизнь твоя,
Пускай преслѣдуютъ тебя ножемъ, измѣной,
И слуги, и родные, и друзья!
Неблагодарности въ награду,
Конца не знай мученья своего,
Тогда продай ты душу аду,
Какъ продалъ сына моего.
Отступникъ, самъ себя карая,
Въ безумьи плоть свою гложи,
И ночью майся, днемъ дрожи,
На церковь Божію взирая!
Твой прахъ землѣ не предадутъ!
Лишь путники произнесутъ

Ругательства надъ трупомъ хладнымъ,
И будь добычею чакаламъ плотоядным...
А тамъ, — передъ судомъ Всевышняго Творца,
Ты обреченъ уже на муки безъ конца!

II.

(Кормилица (Т.) призываетъ въ помощь своей мести Али, злыхъ духовъ Грузіи).

Т.

О, люди! Кто назвалъ людьми исчадій зла,
Которыхъ отъ кровей утробныхъ
Судьба на то произвела,
Чтобъ были гибелью, бичемъ себѣ подобныхъ!
Но силы свыше есть! Прочь совѣсть и боязнь!..
Ночныя чуда! Али! Али!
Явите мнѣ свою пріязнь,
Какъ вы всегда являли
Предавшимъ вѣру и законъ,
Душой преступнымъ и безсильнымъ!
Свѣтите мнѣ огнемъ могильнымъ,
Несите вѣтеръ, свистъ и стонъ,
Дружины Али! Знакъ условный —
Вотъ пять волосъ
Отъ васъ унесъ
Вашъ хитрый, смѣлый врагъ, мой братъ единокровный,
Когда въ... *) онъ блуждалъ,
На мшистыхъ высотахъ уединенныхъ скалъ.
Я крестнымъ знаменьемъ отъ васъ оборонялась,
Я матерью тогда счастливой называлась,
А нынѣ кинутой быть горько сиротой.
Равны страданія въ сей жизни или въ той?..
Слетайтеся, слетайтесь,
Отколѣ въ темну ночь исходятъ привидѣнья,
Изъ снѣжныхъ горъ,
Изъ дикихъ норъ,
Изъ груды тли и разрушенья,
Изъ сонныхъ тинистыхъ зыбей,
Изъ тѣхъ пустыней многогробныхъ,
Гдѣ служатъ пиршествомъ червей
Останки праведныхъ и злобныхъ.
Но нѣтъ ихъ! Непокорны мнѣ!
На мой привѣтъ не отзовутся!

*) Неразобранное слово.

Лишь тучи на небѣ несутся
И воетъ вѣтръ... Ахъ, вотъ онѣ!
(*Прислоняется къ утесу и не глядитъ на нихъ.*)

Али (*плаваютъ въ туманѣ у подошвы горъ*).

Въ парахъ вечернихъ, передъ всходомъ
Печальной, дѣвственной луны,
Мы выступаемъ хороводомъ
Изъ недозримой глубины.

Т.

Робѣетъ духъ, языкъ прикованъ мой!
Земля, не разступайся подо мной!..

Али.

Таятся въ мрачной глубинѣ
Непримиримыхъ оскорбленья
И созрѣваютъ въ тишинѣ
До дня рѣшительнаго мщенья;
Но тотъ, чей замыселъ не скрытъ,
Какъ темная гробовъ обитель,
Вражды во вѣкъ не утолитъ
Нетерпѣливый мститель.

Т.

. . . . . .
. . . . . .

Настанетъ день и часъ пробьетъ.

Али.

Неизъяснимое свершится:
Тогда мать сына обрѣтетъ
И ближній ближняго лишится. (*Молчаніе*).
Куда мы, Али? Въ эту ночь
Бѣжитъ отъ глазъ успокоенье.

Одна изъ нихъ.

Спѣшу родильницѣ помочь,
Чтобъ задушить грѣха рожденье.

Другія.

А мы въ за-горскіе края,
Гдѣ пиръ пируютъ кровопійцы.

Послѣдняя.

Тамъ замокъ есть... Тамъ сяду я
На смертный одръ отцеубійцы.

МОЛОДЫЕ СУПРУГИ.

Комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ.

Передѣланная съ французскаго (Le Secret du ménage).

(1815).

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Аристъ.
Эльмира.
Сафиръ.

(*Гостиная въ Аристовомъ домѣ*).

ЯВЛЕНІЕ 1-е: **Аристъ** (*входитъ*).

Сегодня завернулъ не кстати я домой,
Придется утро все бесѣдовать съ женой.
Какія странности! люблю ее по чести;
Межъ тѣмъ пріятнѣе, когда мы съ ней не вмѣстѣ;
Однако впервые не мною найдено,
Что вскорѣ надоѣстъ одно и все одно.

ЯВЛЕНІЕ 2-е: **Аристъ и Эльмира** *въ простомъ утреннемъ платьѣ.*

Эльмира. А! здравствуй, милый мой, здоровъ-ли?
Аристъ. Понемногу.
А ты здорова-ли, мой другъ?
Эльмира. Я слава Богу.
Аристъ (*въ сторону*).
Веселый разговоръ. (*Вслухъ*): Скажи, ужли опять
Ты не намѣрена сегодня выѣзжать?
Какъ взаперти пробыть весь день—не понимаю.
Эльмира. Свой домъ всѣмъ прочимъ я домамъ предпочитаю.
Аристъ. Но прежде отчего ѣзжала всюду ты?
И нынѣ способы къ тому не отняты.
Эльмира. Веселость свѣтская меня къ себѣ манила,
Когда я дней моихъ тебѣ не посвятила;
Большой же нынѣ свѣтъ мнѣ сталъ казаться малъ.

Аристъ. Но отчего же я отъ свѣта не отсталъ?
А дорожу тобой все болѣе и болѣ.
Эльмира. Пожалуй выѣзжать я буду поневолѣ.
Аристъ. Притомъ и не видать въ тебѣ талантовъ тѣхъ,
Которыми сперва обворожала всѣхъ;
Повѣрь, со стороны объ этомъ думать можно,
Что свѣтскихъ дѣвушекъ образованье ложно,
Невинный вымыселъ, уловка матерей,
Чтобы избавиться отъ зрѣлыхъ дочерей.
Безъ мыслей матушка проронитъ два, три слова,
Что дочка будто ей даритъ рисунокъ новый,
Едва льзя выпросить на диво посмотрѣть;
Выносятъ наконецъ ландшафтъ или портретъ,
Съ восторгомъ всѣ кричатъ: возможно-ль, какъ вы скромны?
А чай работали художники наемны.
Потомъ красавица захочетъ слухъ прельщать,
За фортепьяны; тутъ не смѣютъ и дышать,
Дивятся, ахаютъ, рукѣ столь бѣглой, гибкой,
Межъ тѣмъ учитель ей подлаживаетъ скрипкой;
Потомъ влюбленнаго какъ въ сѣти завлекли,
Въ загонѣ живопись, а инструментъ въ пыли.
Все это сказано межъ нами не для ссоры.
Эльмира. Заслуживаю-ль я подобные укоры?
Я думала, къ пѣнью прошла моя пора;
Въ угодность же тебѣ, я буду пѣть съ утра,
На балѣ проведу всю ночь.
Аристъ. Забудемъ это,
Помыслимъ о другомъ,—уже подходитъ лѣто.
Какія мѣры братъ располагаешь ты?
Эльмира. Какія могутъ быть тобою приняты.
Аристъ. Оставимъ городской шумъ вѣчный, пыль и сплетни,
На дачѣ проведемъ мы ясные дни лѣтни.
Эльмира. Пожалуй.
Аристъ. Но боюсь, не скроменъ сей пріютъ,—
Непрошеные насъ близъ города найдутъ;
Притомъ сосѣдство тамъ ужасно какъ наскучитъ.
Эльмира. Куда-жъ поѣдемъ мы?
Аристъ. Меня страхъ это мучитъ.
Въ скитаньяхъ провести намъ лѣто какъ-нибудь.
Эльмира. На все согласна я.
Аристъ. Куда-жъ направимъ путь?
Въ Крымъ или на Кавказъ?
Эльмира. Куда тебѣ угодно.
Аристъ. Куда угодно мнѣ—вотъ это безподобно!
Я мнѣніе твое желаю знать давно,
Чего-бъ хотѣла ты?
Эльмира. Мнѣ право все равно.
Аристъ. Такъ видно далѣе не ѣхать намъ заставы.
Эльмира. Вездѣ, гдѣ вмѣстѣ мы,—мнѣ радость и забавы.
Я, право, завсегда стараюсь угадать
Все то, что мысленно ты можешь пожелать.
Аристъ. И я признателенъ.

Эльмира. Нѣтъ! я такъ замѣчала,
Что скучно все тебѣ.
Аристъ. Мнѣ скучно?
Эльмира. Да.
Аристъ. Ни мало.
Эльмира. По крайней мѣрѣ мнѣ казалось иногда,
Что сидя ты со мной не въ духѣ...
Аристъ. Никогда.
Эльмира. О, если-бъ ложныя мнѣ видѣлись примѣты!
Аристъ. Я радъ съ тобою быть... Однако, гдѣ газеты?
(*Въ сторону*):
Надъ ними все-таки пристойнѣе зѣвать.
Эльмира. Онъ занятъ чтеніемъ, мнѣ тоже книгу взять.

ЯВЛЕНІЕ 3-е: **Прежніе и Сафиръ.**

Сафиръ. За чтеньемъ мужъ съ женой; видъ важной и степенной...
Примѣрная чета! божусь, не оцѣненно!
Аристъ. Ахъ! какъ ты милъ, Сафиръ, что вспомнилъ обо мнѣ!
Мы утро цѣлое съ женой наединѣ.
Сафиръ. Непозволительно и утренней порою
Скучать, любезный мой, съ супругой молодою.
Эльмира. Мой мужъ вѣдомостьми былъ занятъ, а не мной.
Аристъ. Что рано съ балу такъ уѣхалъ ты домой?
Досадно, по тебѣ мы поздно спохватились.
Сафиръ. Я крѣпко задремалъ.
Аристъ. А мы такъ все рѣзвились.
Въ Аглаю, знаешь, какъ Сердаликовъ влюбленъ;
Я настоялъ на томъ, чтобы взбѣсился онъ,
Съ Аглаей все шепталъ и танцовалъ нарочно,
А онъ краснѣлъ, блѣднѣлъ, дрожалъ, ворчалъ, ну точно
Не разъ обманутый ревнивый на часахъ.
Сафиръ. Съ Аглаей всякому легко быть въ дуракахъ.
Аристъ. Вездѣ, гдѣ только балъ, она необходима.
Эльмира (*въ сторону*). А я здѣсь лишняя. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4-е: **Аристъ и Сафиръ.**

Сафиръ. Теперь объ этомъ мимо;
Въ присутствіи жены поосторожнѣй будь.
Ба! да она ушла.
Аристъ. Богъ съ ней, счастливый путь.
Сафиръ. Не совѣстно-ль тебѣ съ женою столько нѣжной
Вести себя, какъ ты, такъ сухо, такъ небрежно?
Аристъ. Да, очень совѣстно, пожалуй побрани.
Сафиръ. Въ уединеніи она проводитъ дни,
До утра твоего ждетъ съ бала возвращенья.
Аристъ. А мнѣ что за нужда, какія утѣшенья?
Что съ ней я, что одинъ, не все-ли мнѣ равно?
Хожу по комнатѣ, глазѣю съ часъ въ окно;
Скажу ей что-нибудь,—она мнѣ потакаетъ,
И рѣчь въ устахъ моихъ, не кончась, замираетъ.
У насъ съ Эльмирою эмблемой приняты
Не розаны, мой другъ, а маковы цвѣты.

Сафиръ. И тягостно тебѣ согласіе домашне...
Аристъ. Да, сударь, тягостно согласіе всегдашне.
Зачѣмъ она молчитъ, и убѣгаетъ свѣтъ?
Причиной спесь иль лѣнь? Ума въ ней что-ли нѣтъ?
О! пропасть въ ней ума; но кто про это знаетъ?
И дарованій тьма—она ихъ всѣ скрываетъ;
Прекрасная собой—одѣта не къ лицу!..
Я впрямь былъ внѣ себя, когда мы шли къ вѣнцу,
Какъ въ первой разъ меня Эльмира обнимала...
Нѣмыя ласки тѣ божественны сначала,
А въ продолженіи весьма надоѣдятъ.
Сафиръ. Иной подумаетъ, что ты давно женатъ.
Аристъ. По справедливости, три мѣсяца—три вѣка!..
Съ Эльмирой можно близъ тѣнистаго просѣка
Подъ свѣсомъ липовымъ на бархатномъ лужку
Любиться, нѣжиться, какъ надо пастушку,
И таять весь свой вѣкъ въ безмолвьи, неразлучно;
Все это весело въ стихахъ, а въ прочемъ скучно.
Сафиръ. Ты правъ: на что она скромна, тиха, мила?
Нѣтъ, лучше, чтобъ она кокеткою была.
Аристъ. Кокетка!.. Знаешь-ли, ужасно только слово.
Сафиръ. Кромѣ значенія, нѣтъ ничего худаго.
Аристъ. Пусть ищетъ нравиться моя Эльмира всѣмъ,
Но любитъ лишь меня,—и я доволенъ тѣмъ.
Сафиръ. Ахъ! убѣгая разъ она домашней сѣни,
Тобою занята гораздо будетъ менѣй;
Потомъ, какъ врозь она привыкнетъ быть съ тобой,
Не мудрено, что ей понравится другой.
Потомъ—какъ раза два она тебя обманетъ,
Глядь, въ очередь свою, виновный охать станетъ.
Аристъ. Мой будущій удѣлъ я знаю напередъ:
Въ нашъ вѣкъ степенница по свадьбѣ черезъ годъ
Беретъ любовника. Единобразье скушно,
И мужъ на то глядѣть обязанъ равнодушно.
Все это сбыточно, все это быть должно
Со мною, какъ съ другимъ—такъ разъ заведено.
Однако, до тѣхъ поръ хотѣлъ бы я въ Эльмирѣ
Всѣ видѣть способы искусства, средства въ мірѣ
Рядиться, нравиться—пріятной, ловкой быть;
А болѣе еще, чтобъ таковой прослыть,
Чтобъ рой любовниковъ при ней былъ ежечасно,
Но ею презрѣнный, рой жалкій и несчастной;
А я бы думать могъ на этотъ балъ смотря:
Старайтесь кругъ ее, а наслаждаюсь я.
Сафиръ. Ребячество, мой другъ! ребячество большое!
И скрашивать на что сужденіе пустое;
Скажи, что молодъ ты супругомъ путнымъ быть,
Не въ силахъ качества жены своей цѣнить.
Аристъ. Любовь моя къ женѣ родъ страсти, обожанье...
Постой, да нынѣ мнѣ назначено свиданье.
Прощай, любезный мой.
Сафиръ. Съ Аглаей?
Аристъ. Точно такъ.

Сафиръ. Ну можно-ль предпочесть ее женѣ?
Аристъ. Никакъ.
Я знаю, что женѣ супруги должность свята,
А у вертушки той я, можетъ-быть, десятый;
Но съ нею въ забытьи я время провожу,
Съ женою-жъ разговоръ едва-ли нахожу.
И, наконецъ, тебѣ довѣрить можно смѣло,
Что нынѣ, какъ въ судѣ мое рѣшаютъ дѣло
И можетъ приберутъ имѣніе къ рукамъ,
Я вмѣсто, чтобъ скакать по стряпчимъ, по судамъ
Платить и кланяться, къ прелестницѣ поѣду,
А ты покуда здѣсь останься, проповѣдуй! *(Уходитъ).*
Сафиръ. Поди, сударь, къ женѣ. Вотъ сущій вѣтрогонъ!
Чему-жъ дивиться намъ, что мало вѣрныхъ женъ.

ЯВЛЕНІЕ 5-е: **Сафиръ и Эльмира,** *одѣтая съ большимъ вкусомъ, чѣмъ прежде.*

Эльмира. Мнѣ споры ваши всѣ изъ спальной были слышны;
Къ увѣщеванію слова, труды излишни,
И горести мои извѣстны намъ однимъ:
Я опасалась въ нихъ довѣриться роднымъ,
Чтобъ не доставить тѣмъ худой Аристу славы.
Сафиръ. Онъ виноватъ кругомъ; но вовсе-ли вы правы?
Эльмира. Ужъ вы все знаете, судите вы меня.
Съ тѣхъ поръ, какъ я за нимъ, доселѣ не смотря
На частыя его отсутствія, холодность,
Я дѣлаю-ли что Аристу въ неугодность?
Противорѣчу-ли? мѣшаю-ль въ чемъ-нибудь?
Иль жалуюсь когда, ропщу? ахъ! нѣтъ, отнюдь.
Я одобряю все, что нужнымъ онъ находитъ,
Не спрашиваю, гдѣ онъ дни свои проводитъ;
Что́ бъ ни задумалъ онъ, я передъ нимъ молчу,
И воли собственной имѣть я не хочу.
Вотъ всѣ вины мои.
Сафиръ. И что же? очень худо:
Гдѣ нѣтъ взаимности, рождается остуда.
Ея же претворитъ одинъ мертвящій взоръ
Любовь въ раскаянье, согласіе въ раздоръ
И цѣпь цвѣточную въ желѣзныя оковы:
Примѣры этому и многи, и не новы.
Эльмира. Итакъ, не должно мнѣ покорной мужу быть?
Сафиръ. Нѣтъ; дайте мнѣ сполна вамъ это объяснить.
Тотъ мужъ, мы, напримѣръ, какимъ Ариста знаемъ,
Увѣренный, что онъ женою обожаемъ,
Что ясныхъ дней его ничто не помрачитъ,
Въ безпечности благой живетъ, какъ Сибаритъ:
Вседневны ласки онъ съ холодностью пріемлетъ,
Взаимность райская утихнетъ и задремлетъ;
Ему ничто не впрокъ, и чуждъ сердечный страхъ.
Нѣтъ! постарайтесь быть хотя въ его глазахъ
Вы легкомысленнѣй и больше прихотливы,—
Увидите, какой онъ будетъ боязливый,

Едва опомнится, что можетъ потерять
Блаженство, коимъ сталъ онъ такъ пренебрегать;
Съ супругой-ангеломъ, въ любви минутахъ тайныхъ,
Онъ въ заблужденіяхъ раскается случайныхъ,
И, образумясь, вамъ покоренъ будетъ вновь.

Эльмира. Не послушаніе мнѣ нужно, а любовь.

Сафиръ. Но возвратить ее нѣтъ способа другова.

Эльмира. Хоть нынѣ умереть я за него готова.

Сафиръ. Не надо умирать, приличнѣй средство есть,
Чтобъ чувства прежнія Ариста вамъ обрѣсть.

Эльмира. И способъ случай мнѣ давно къ тому доставилъ:
Мой мужъ въ разсѣяньи дѣла свои оставилъ,
Но я за нихъ взялась, радѣла какъ могла,
У должностныхъ людей по цѣлымъ днямъ была;
На малу опытность мою съ прискорбьемъ глядя,
Мнѣ руку помощи въ томъ подавалъ мой дядя.
У мужа тяжба есть по дѣлу одному,
И производится невѣдомо ему;
Хотя на сторонѣ его и справедливость,
Въ неправоту ему вмѣнили-бъ нерадивость.
Я не щадила просьбъ, подарковъ и хлопотъ.
Сегодня жданый день рѣшенья настаетъ,—
Я ѣду, чтобъ узнать, успѣшно-ль окончанье;
Увидитъ пусть Аристъ мое объ немъ стараньe.

Сафиръ. Возможно-ль, чтобъ онъ былъ неблагодаренъ вамъ!
Вы болѣе объ немъ печетесь, чѣмъ онъ самъ.
Но ахъ!..

Эльмира. Докончите, я вамъ охотно вѣрю.

Сафиръ. Вы возвратите-ль симъ любви его потерю?
Конечно, скажетъ онъ, и скажетъ цѣлый свѣтъ,
Что дивныхъ качествъ вы, что вамъ подобной нѣтъ,
Что дѣлаете честь вы рѣдкихъ женъ сословью,—
Почтенье не всегда сопряжено съ любовью.

Эльмира. Или намѣрены меня вы убѣдить,
Что нѣтъ возможности мнѣ мужу угодить,
Что сердца я его лишаюсь невозвратно?
Такъ должно вѣрить мнѣ сему, хоть непріятно.
Онъ вовсе дѣйствуетъ тѣмъ чувствамъ вопреки,
Являлъ которыя, искавъ моей руки;
Въ тѣ дни, что для меня такъ памятны, такъ сладки,
Онъ все любилъ во мнѣ—и даже недостатки.

Сафиръ. О! въ этомъ нечего меня вамъ увѣрять...
Какъ васъ не полюбить! вамъ суждено плѣнять.
Но узниковъ своихъ чтобъ пріучить къ неволѣ,
На то потребно средствъ еще гораздо болѣ;
Онѣ, сударыня, для васъ не мудрены.
Зачѣмъ обросили свои таланты вы?
Искусствомъ нравиться, пренебрегать не надо.
Вы хороши собой хотя и безъ наряда,—
На что вы, какъ теперь, одѣты не всегда?
Зачѣмъ не ѣздите въ собранья иногда,
Которыхъ можете быть первымъ украшеньемъ?

Тамъ возбужденныя правдивымъ восхищеньемъ
Хвалы, съ которыми къ вамъ всякой поспѣшитъ,
Ручаюсь, что Аристъ ихъ дорого цѣнитъ.

Эльмира. Ужели кисея, надѣтая удачно,
Ему замѣнитъ взоръ мой ласковой, безмрачной?
Ужель не искренній восторгъ, похвальный бредъ,
Который такъ легко всѣмъ удѣляетъ свѣтъ,
Захочетъ онъ сравнять съ горячностію тою,
Съ которой можетъ онъ быть мной любимъ одною?

Сафиръ. О, нѣтъ! конечно, нѣтъ. Но, видя каждый разъ
Вездѣ угодниковъ, вздыхателей кругъ васъ,
Самъ будетъ угождать, къ свому привыкнетъ дому,
Чтобъ сердца вашего не уступить другому.

Эльмира. Довольно. Вѣрьте мнѣ, что до минуты сей
Скрывалась дома я, таилась отъ людей
Не для того, чтобъ быть мнѣ отъ другихъ отличной,—
Любить веселье мнѣ, подобно всѣмъ, прилично.
Утѣхи, счастіе, всѣхъ радостей соборъ
Въ Аристѣ мнѣ одномъ мечтались до сихъ поръ...
Онъ насмѣхается надъ чувствами моими.
Съ теперешней поры и я прощаюсь съ ними,
Родъ жизни я моей перемѣняю весь,
И съѣздовъ ежели у насъ не будетъ здѣсь,
То цѣлый день и ночь искать ихъ буду въ чужѣ.

Сафиръ. Вотъ удивите вы весь свѣтъ!

Эльмира. Такъ удивлю же.

Сафиръ. И симъ поддержите честь пола своего.
Я знаю, женщинамъ нѣтъ легче ничего,
Какъ премѣнять свой видъ и даже свойства, мнѣнья;
Но, кстати, вы теперь зачните превращенья:
Сыграйте что-нибудь и спойте въ добрый часъ;
Пусть Музы, Аполлонъ и словомъ весь Парнасъ
Благопріятствуютъ успѣшному началу.

Эльмира. Давно не пѣла я.

Сафиръ. Попробуйте.

Эльмира. Пожалуй.

(*Садится за фортепіано и поетъ*):

1.

Боги! Лида унывая
Въ грусти вопіетъ своей:
Ахъ, красавица какая
Въ мирной есть долинѣ сей,
Что отъ жалкой Лиды кроясь
Разлучаетъ съ милымъ насъ!
Иль она Венеринъ поясъ
Получила въ даръ отъ васъ?

* * *

Пристойнѣе бы мнѣ совсѣмъ не зачинать.

Сафиръ. И таковой талантъ вы можете скрывать?
Какъ дурно скромничать не къ- мѣсту! Продолжайте.

Эльмира. Смотрите-жь, за глаза меня не осуждайте.

2.

Вдругъ, какъ вѣтерокъ привѣя,
Лель ей на ушко шепнулъ:
Ты пастушекъ всѣхъ милѣе;
Но Филонъ едва вздохнулъ.
Отъ тебя все получаетъ,
Для того не ищетъ вновь—
Гдѣ желанье умолкаетъ,
Умолкаетъ и любовь.

* * *

Что ежели Аристъ пришелъ бы сей порой?

Сафиръ. Не знаю, что бы онъ, а я ужъ самъ не свой.

ЯВЛЕНІЕ 6-е: **Эльмира, Сафиръ** и **Аристъ** (*входитъ и останавливается въ дверяхъ*).

3.

Эльмира. И подшедъ Филонъ къ прекрасной,
Ей не встрѣченъ въ первый разъ;
Проситъ поцѣлуй напрасно,—
За отказомъ вслѣдъ отказъ;
Въ просьбахъ и сопротивленьи
Длится нѣги сладкій часъ,
И любовникъ въ упоеньи
Счастливъ—будто въ первый разъ.

* * *

Ей Богу ваше мнѣ сужденіе опасно.

Аристъ. Неподражаемо! божественно! прекрасно!

Эльмира. Я не замѣтила тебя: давно-ль ты здѣсь?

Аристъ. Что-жь дѣлать! гдѣ талантъ, бываетъ также спѣсь.
Но чьимъ обязанъ я всесильнымъ убѣжденьямъ,
Кто приманилъ тебя къ забытымъ упраженьямъ?
Ты думала-ль меня пріятно удивить?

Эльмира. О! благодарностью ты можешь не спѣшить;
Вотъ упросилъ меня.

Аристъ. Сафиръ?

Эльмира. Да, онъ.

Аристъ. Измѣна!
Я сколько приставалъ и падалъ на колѣна,
И все не могъ тебя на это преклонить.

Эльмира. Какъ будто бы мужья умѣютъ попросить...
Ихъ просьба на приказъ ужасно какъ походитъ,
А повелѣніе до сердца не доходитъ.

Сафиръ. Аристъ! тебѣ урокъ.

Аристъ. Старательный уборъ!
А принужденія не замѣчаетъ взоръ!
Платочекъ на груди какъ вѣтерокъ навѣянъ!

Эльмира. Я ѣхать собралась.

Аристъ. Ты ѣдешь?

Эльмира. Въ магазейнъ!

Аристъ. И въ магазейнъ?

Эльмира. Да.

Аристъ. Не вѣрю я ушамъ.
Эльмира. Тьму разныхъ мелочей я заказала тамъ,
И надо кое-что для нынѣшняго балу.
Аристъ. Для балу!
Эльмира. Точно такъ.
Аристъ. Но объяснись, пожалуй:
Пустынническій духъ ужели впрямь исчезъ?
Тебя ли слушаю? Давно ли до небесъ
Уединеніе ты мнѣ превозносила?
Эльмира. И это помнишь ты? Я право позабыла.
Аристъ. Забыла правила любимы черезъ часъ!
И вотъ, о женщины!—не обижая васъ,
Вотъ та, которая изъ самыхъ постоянныхъ!
Эльмира. Ты первый недругъ былъ всѣхъ этихъ правилъ странныхъ,
Сафиръ противу ихъ меня охолодилъ.
Аристъ. И все-таки Сафиръ?
Эльмира. Тебѣ онъ угодилъ:
Онъ сдѣлалъ, что твои уважила я мнѣнья.
Ты вѣрно очень радъ?
Аристъ *(сухо).* Я нѣмъ отъ восхищенья.
Да какъ послушалась Сафировыхъ ты словъ
Такъ скоро, невзначай?
Эльмира. И безъ большихъ трудовъ.
Мнѣ перестали быть тѣ общества противны,
Гдѣ предвѣщаетъ онъ веселья непрерывны,
Гдѣ можно нравиться легко въ моихъ лѣтахъ.
Нѣтъ! больше не сижу я въ четырехъ стѣнахъ!
Пускай къ разсѣянью кто нову страсть осудитъ,
Сафиръ ее внушилъ и отвѣчать онъ будетъ.
Сафиръ. За что такая честь! я право ужъ боюсь,
Что краснорѣчіемъ невольно возгоржусь.
Эльмира. Не даромъ,—въ полчаса вы совершить умѣли
То, въ чемъ бы во сто лѣтъ другіе не успѣли.
Аристъ. Завиденъ тотъ, кому даръ слова данъ такой!
Такъ вмѣстѣ на вечеръ поѣдемъ мы съ тобой.
Эльмира. И, нѣтъ! тамъ многіе въ сужденьи торопливы,
Безвинно посвятятъ тебя въ мужья ревнивы
Или найдутъ, что мы какъ пара голубковъ;
Я жъ отъ двусмысленныхъ шептаній, полусловъ
Старалась по сихъ поръ быть сколько можно далѣ.
Аристъ. Какъ! если вмѣстѣ мы покажемся на балѣ,
Двусмысленно о томъ свѣтъ будетъ говорить!
Мнѣ все двусмысленнымъ ужъ зачинаетъ быть.
Эльмира. Сафиръ! еще совѣтъ: какого лучше цвѣту
Купить бы шляпку мнѣ?
Сафиръ. Малиноваго.
Аристъ. Нѣту.
По мнѣ небеснаго.
Эльмира. Нѣтъ, нѣтъ.
Аристъ. А почему?
Эльмира. Не вѣрю иногда я вкусу твоему.
Аристъ. Подписанъ приговоръ: мой вкусъ уже пороченъ.
Эльмира. Пороченъ, не скажу, а перемѣнчивъ очень.

Но съ вами, не хотя, я время упущу.
Прощайте. Ежели найду, чего ищу,
Я буду истинно довольна и счастлива.
Сафиръ! желайте мнѣ успѣха.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 7-е: **Аристъ и Сафиръ.**

Аристъ. Что за диво?
Сафиръ. Каковъ съ Аглаей ты?—Она тебя нашла
Иль ты ее сыскалъ?
Аристъ *(не внимая ему).* При всемъ томъ какъ мила!
Сафиръ. Надѣюсь для тебя всего милѣе свѣта.
Увы! надолго ли?
Аристъ. Какъ хорошо одѣта!
Сафиръ. О! этимъ славится не безъ причинъ она;
Что болѣе въ ней есть?
Аристъ. Жива, ловка, умна!
Сафиръ. Пріятно сладостныхъ часовъ воспоминанье.
А гдѣ произошло съ любезною свиданье?
Что сдѣлалось съ тобой? Какъ ты задумчивъ.
Аристъ. Да,
Я таковой ее не видѣлъ никогда.
Сафиръ. Вскружила голову тебѣ совсѣмъ Аглая,
Скажи по совѣсти?
Аристъ. Охъ, братецъ, нѣтъ, другая.
Сафиръ. Уже другая! я какъ вкопаный стою!
Аристъ. Да, я влюбился вновь.
Сафиръ. Въ кого?
Аристъ. Въ жену мою.
Сафиръ. Вотъ новости еще!

ЯВЛЕНІЕ 8-е: **Прежніе и Эльмира.**

Эльмира. Какъ будто это надо,
Чтобъ именно со мной тутъ встрѣтилась досада?
Аристъ. А что случилось?
Эльмира. Что? вы бъ это не снесли.
Аристъ. Быть-можетъ; но скажи...
Эльмира. Вы бы съ ума сошли.
Аристъ. Я вѣрю; но скажи, въ чемъ происходитъ дѣло?
Эльмира. Ужели о пустомъ я такъ бы зашумѣла!
Аристъ. Печальное пришло извѣстье?
Эльмира. Охъ, не то!
Мнѣ плакать хочется!
Аристъ. Не умеръ ли ужъ кто?
Эльмира. Не можетъ развѣ быть несчастія инова?
Аристъ. Да что же сдѣлалось!
Эльмира. Карета не готова.
Аристъ. Загадки этой я не разрѣшилъ бы ввѣкъ.
Эльмира. Васъ это веселитъ, счастливый человѣкъ!
Въ забаву для себя все обратить умѣетъ!
Но если новое мнѣ платье не поспѣетъ?
То я не знаю, въ чемъ ужо на балѣ быть.
Аристъ. Ужо? такъ перестань мой другъ себя крушить:

Едва ты явишься, и, позабывъ наряды,
На красоту твою всѣ обратятся взгляды.

Эльмира. Удачно мадригалъ вы, сударь, мнѣ спѣли;
Аглаѣ лучше бы его поберегли.

Аристъ. Какъ! что это?

Эльмира. Сафиръ, пожалуй, подойдите.

Сафиръ. Чего изволите?

Эльмира. Рукавчикъ завяжите;
Послушайте меня. *(Тихо ему)*: Аристъ не долженъ знать
Что по его дѣламъ я ѣду хлопотать.

Сафиръ. Я умолчалъ о томъ.

Эльмира. Я этого страшилась,
И только для того сюда къ вамъ воротилась.

Аристъ *(въ сторону)*. Они съ ней шепчутся.

Эльмира *(громко.)* Благодарю.

Сафиръ. За что жъ?

Аристъ. У васъ таинственность; а я на что похожъ?

Эльмира. И тайну чтобъ узнать, догадки надо много.

Аристъ. Сафиръ, прошу сказать.

Эльмира. Сафиръ, ахъ! ради Бога.

Сафиръ. Не бойтесь, не скажу.

Аристъ. Я угадаю самъ.

Эльмира. Ломайте голову, я позволяю вамъ.
А вы надѣлайте, Сафиръ, ему разсказы,—
Пора ужъ отомстить мнѣ за его проказы.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ 9-е: **Аристъ и Сафиръ.**

Аристъ. Конечно, ежели сего лишь захотятъ,
И Ангела съ пути прямого совратятъ;
Не правда ли, Сафиръ?

Сафиръ. Мнѣ это непонятно.

Аристъ. Не ждалъ отъ дружбы я услуги столь пріятной.

Сафиръ. Пожалуй, объяснись.

Аристъ. Иль славно поступилъ
Ты, что женѣ мою съ Аглаей связь открылъ?

Сафиръ. Кто, я!

Аристъ. Да, ты.

Сафиръ. Аристъ!

Аристъ. Сознайся, что не кстати
Увѣдомлять жену о мужниномъ развратѣ,
Коль вѣтреность мою такъ можно называть.

Сафиръ. Аристъ!

Аристъ. Когда же мнишь любовь ее снискать,
То лучше отложи всѣ ковы въ долгой ящикъ.
Такой ли женщинѣ пріятенъ пересказчикъ?

Сафиръ. Ужъ это черезчуръ! вотъ на, рука моя,
Что ей не говорилъ о томъ ни слова я.

Аристъ. Да кто же ей сказалъ.

Сафиръ. Кто?—Мнѣ какое дѣло?
Но только что не я, могу увѣрить смѣло.

Аристъ. Ужели у меня есть скрытые враги,
Привыкшіе мои извѣдывать шаги?..

Сафиръ. Ты все колеблешься; я повторяю снова:
Не я о томъ сказалъ, даю честное слово.
Аристъ. Довольно.—Извини, прости меня, Сафиръ.
Сафиръ. Какъ могъ подумать ты?
Аристъ. Ну, миръ.
Сафиръ. Пожалуй, миръ.
Аристъ. Я очень чувствую, что это быть не можетъ;
Не знаю нынѣ, что весь день меня тревожитъ
Сафиръ. А поводъ къ этому?
Аристъ. Эльмира.... Посуди:
Блаженство обрѣталъ я на ея груди;
Смиренный, тихій нравъ, испытанный во многомъ,
Любви достаточнымъ казался мнѣ залогомъ;
Я такъ увѣренъ былъ, безпеченъ, что, ей-ей,
Въ объятіяхъ ея не помышлялъ объ ней!
Внезапно кротость та пожертвована вздору,
Эльмира внѣ себя отъ шляпки, отъ убору,
Она сбирается на балъ, а я, сказать стыжусь,
И въ провожатые ужъ болѣ не гожусь.
Сафиръ. Ну, что-жъ? ей, можетъ-быть, единобразье скушно,
И ты на то глядѣть обязанъ равнодушно.
Аристъ. Я это говорилъ, я точно не былъ правъ,
Еще не зналъ тогда я ревности отравъ.
Сафиръ. А нынѣ чувствуешь?
Аристъ. Не точно ревность...
Сафиръ. Что же?
Аристъ. А что-то на нее ужасно какъ похоже.
Сафиръ. Мой другъ, не вовсе ль ты разсудокъ потерялъ?
Когда жена твоя, чего ты самъ желалъ,
Къ приманкамъ свѣтскости не столько хладнокровна,
Уже ты внѣ себя, уже она виновна.
Аристъ. Премѣнчивости тѣнь убійственна тому,
Кто ввѣрился, какъ я, блаженству своему.
Постой: что давече она тебѣ шептала?
Сафиръ. Вотъ, видно на меня опять сомнѣнье пало....
Весь толкъ о шляпкѣ былъ, ты вѣрно слышалъ самъ.
Аристъ. Не правда, выдумка, я вижу по глазамъ;
Скажи мнѣ истину сейчасъ—или ни слова.
Сафиръ. По крайней мѣрѣ нѣтъ тутъ ничего такова,
Что непріятность бы могло тебѣ подать.
Аристъ. Къ чему жъ таинственность?
Сафиръ. Я обѣщалъ молчать.
Аристъ. Довольно.
Сафиръ. Что съ тобой? въ лицѣ весь измѣнился....
Аристъ. Тебѣ знать чудится.
Сафиръ. Ну, право, разсердился.
Аристъ. Я—ничего.
Сафиръ. Постой, куда же ты пошолъ?
Аристъ. Я такъ...
Сафиръ. Куда? скажи.
Аристъ. Здѣсь воздухъ мнѣ тяжолъ.
(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 10-е: **Сафиръ** (*одинъ*).

И это былъ Аристъ! онъ можетъ быть ревнивымъ!
Такъ вертопрахамъ онъ примѣръ велерѣчивымъ:
Блаженства сущностью они не дорожатъ;
Его утративши, по немъ же загрустятъ.

ЯВЛЕНІЕ 11-е: **Сафиръ и Эльмира.**

Сафиръ. Вы скоро съѣздили.
Эльмира. Не правда ль, торопливо?
Не менѣе того мой выѣздъ пресчастливый,
И въ сей записочкѣ еще подтверждено,
Что въ пользу дѣло все Ариста рѣшено.
Прочтите,—съ симъ письмомъ слуга мнѣ повстрѣчался,—
Успѣхомъ наконецъ мой поискъ увѣнчался.
Сафиръ. Я поздравляю васъ.
Эльмира. А что Аристъ?
Сафиръ. Пропалъ;
Отчаянно брюзгливъ и недовѣрчивъ сталъ,—
Любезныя черты ревнивца онъ являетъ.
Эльмира. Что неожиданно его перемѣняетъ?
Сафиръ. Что хочетъ женщина, то сбудется всегда.
Эльмира. Какіе случаи бываютъ иногда!...
Я радуюсь тому, о чемъ иная плачетъ:
Мой мужъ ревнивъ!
Сафиръ. И какъ!
Эльмира. Сафиръ, что это значитъ?
Сафиръ. То значитъ, что ему досталось унывать.
Эльмира. О! я берусь его достойно наказать:
Отъ дядюшки письмо я утаю до срока,
Его промучаю весь день.
Сафиръ. Ахъ! какъ жестоко!
Эльмира. Мной чувства жалости совсѣмъ отдалены,—
Съ ума его сведу.
Сафиръ. По милости жены,
Не первый попадетъ въ число онъ сумасшедшихъ.
Эльмира. Нѣтъ,—а раскается онъ въ шалостяхъ прошедшихъ,
Ручаюсь вамъ за то.

ЯВЛЕНІЕ 12-е: **Прежніе и Аристъ** (*въ дверяхъ*).

Сафиръ. Признаться, что Аристъ
Предъ вами совѣстью своей не очень чистъ,
И наказанія примѣрнаго достоинъ.
Эльмира. И накажу его, онъ можетъ быть покоенъ.
Сафиръ. А чѣмъ? не этимъ ли письмомъ?
Эльмира. Чѣмъ Богъ послалъ;
Отдайте мнѣ его, чтобъ онъ не увидалъ.
Аристъ. И такъ, сбылись мои правдивыя сомнѣнья!
Скажи, безсовѣстный, еще въ недоумѣньи,
Не знаю, какъ судить мнѣ по твоимъ словамъ:
Помощникъ что ли ты, иль обольститель самъ?
Сафиръ. Къ кому такая рѣчь?
Эльмира. Замѣшаны мы оба.

Аристъ. Ужъ болѣ не къ лицу невинною особой
Прикидываться вамъ—сей день васъ обличилъ;
Довольно времени я легковѣренъ былъ.
Сафиръ. Обдумайся, Аристъ.
Эльмира. Онъ въ полномъ ли разсудкѣ?
Аристъ. О! бросьте наконецъ безвременныя шутки!
Скажи, сударь!—Иль нѣтъ, оставь покуда насъ,
Мы лучше свидимся съ тобою черезъ часъ;
Тогда произойдетъ короче объясненье.
Сафиръ. Но что ввело тебя въ такое изступленье?
Скажи причину намъ.
Аристъ. Оно у ней въ рукахъ.
Сафиръ и Эльмира. Письмо!
Аристъ. Неужели вы ощутили страхъ?
Сафиръ. Дай мнѣ тебѣ сказать...
Аристъ. Мнѣ слушать не досужно.
Сафиръ. Одно...
Аристъ. Не надобно.
Сафиръ. Лишь слово дай...
Аристъ. Не нужно.
Эльмира. Вы видите, Сафиръ, онъ кажется въ бреду;
Подите, пусть его упрямится.
Сафиръ. Иду.
Онъ, право, жалокъ мнѣ.
Аристъ. Ужимки бросьте эти;
Еще ль вамъ повторять, что намъ не нуженъ третій.

(*Сафиръ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 13-е: **Аристъ и Эльмира.**

Эльмира. Чего хотите вы? вотъ мы наединѣ.
Аристъ. Не вамъ разспрашивать, сударыня, а мнѣ.
Эльмира. Чего хотите вы?
Аристъ. Чего? вопросъ забавной.
Подайте мнѣ письмо, гдѣ я увижу явно,
Какъ женской честности вы презрѣли законъ,
Какъ вами я забытъ, порганъ, оскорбленъ.
Эльмира. Порганъ! оскорбленъ! — Какія выраженья!
Но ваши не хочу я разрѣшать сомнѣнья
И не отдамъ письма.
Аристъ. Должны его отдать;
Иль бѣшенство мое хотите испытать?
Эльмира. Подумайте, — читать письмо чужое низко,
И хлопотенъ надзоръ надъ женской перепиской.
Аристъ. Я, кажется, вамъ мужъ.
Эльмира. Я, сударь, вамъ жена,
И любопытствомъ я большимъ одарена,
Но ваши тайны мнѣ всегда казались святы.
Аристъ. Вамъ свято что-нибудь... не я ль ужъ виноватый?
Подайте мнѣ письмо.
Эльмира. Нѣтъ, право, не отдамъ.
Читаю-ль я когда, что пишетъ часто вамъ

Любезная для васъ прелестная Аглая
И можетъ-быть еще прелестница другая?

Аристъ. Какъ заблужденія дерзаете равнять
Мои вы съ вашими? Иль вамъ растолковать!
Мои суть шалости, а ваши — преступленья.

Эльмира. Гдѣ эти ветхія нашли вы наставленья?

Аристъ. Но и погрѣшности мои вамъ не покровъ:
Я вамъ невѣренъ былъ на нѣсколько часовъ.
А доказательство здѣсь для моей очистки, —
Вотъ какъ я берегу любовныя записки.
(*Вынимаетъ записки изъ бумажника и рветъ*).

Эльмира. Ахъ! доказательства не служатъ ни къ чему,
Коль дороги еще вы сердцу моему,
И безполезнѣе, когда я къ вамъ остыла.

Аристъ. Въ глаза мнѣ говоритъ, что точно измѣнила!
Простительно-ль сему безстыдству мнѣ внимать?
Не думайте, чтобъ я васъ могъ подозрѣвать
По недостаточной какой-нибудь причинѣ;
Нѣтъ, поводъ вы къ сему мнѣ подали не нынѣ,
А черемѣну въ васъ замѣтилъ я давно.

Эльмира. Что вы замѣтили?

Аристъ. То, что... Но все равно.
Я тысячу могу вамъ случаевъ исчислить,
По коимъ долженъ былъ объ васъ я худо мыслить;
Довольно было бы смѣшно не замѣчать
Мнѣ на лицѣ у васъ унынія печать,
Когда наединѣ мы оставались съ вами;
И часто думалъ я, что кстати, между нами,
Страдаете всегда вы болью головной,
Когда случается вамъ выѣзжать со мной! —
Сегодня поутру, на что искать мнѣ далѣ,
Въ смятеньи были вы, погружены въ печали,
Когда напомянулъ я объ деревнѣ вамъ;
Конечно скоро бы прибѣгнули къ слезамъ,
Къ упрекамъ, жалобамъ — на дѣло не похоже!..
Является Сафиръ, я ухожу, — и что же?
Откуда все взялось на бѣдствіе мое:
Веселость, острота, наряды и пѣнье,
Всѣ, словомъ, женскія чертовскія приманки;
Я въ дверь, вы со двора, и очень спозаранки.
Не вѣдаю, какой злой духъ въ меня вдохнулъ,
Чтобы Сафиру я объ этомъ намекнулъ!
Измѣнникъ! надъ моимъ ругался какъ несчастьемъ,
Какъ утѣшалъ меня притворнымъ соучастьемъ,
Непринужденно какъ смѣялся, ободрялъ,
Отъ горькой истины какъ хитро отвращалъ!
Какъ другомъ и женой жестоко я обманутъ!
Но болѣе меня обманывать не станутъ.
Что вы потупили глаза, — вы смущены?
Подайте-жъ мнѣ письмо.

Эльмира. Мой Богъ! какъ вы смѣшны!

Аристъ. И очень чувствую; однако не пристойно
Вамъ это замѣчать.

Эльмира. Нравъ самой безпокойной;
Мнѣ право кажется, что вы больны — въ жару.
Не сами-ль нынѣ вы твердили поутру,
Чтобъ одѣвалась я нарядней, выѣзжала,
Чтобъ дарованьями не столь пренебрегала?
По волѣ вашей я за это принялась, —
И вышло невпопадъ. Какъ угодить на васъ?
Откуда прихотей вы набрались?

Аристъ. Откуда?
Я впрямь несправедливъ — и былъ, и есмь, и буду.
Но дайте мнѣ письмо!

Эльмира. Пора объ немъ забыть.

Аристъ. Какъ можете еще такой спокойной быть?

Эльмира. Да это оттого, что нравъ имѣю ровной.

Аристъ. Пожалуй говорить я стану хладнокровно.
Письмо я требую, прошу его отъ васъ
Не для того, чтобы съ сей вывѣской тотчасъ
Повсюду разглашать вашъ стыдъ, мое безчестье.
И вскорѣ безъ меня о томъ пройдетъ извѣстье,
Надъ этимъ случаемъ свѣтъ ѣдкость изострить,
Печальну истину раскрасить, распестрить,
Еще похвалить васъ, что мужа обманули.
Нѣтъ! лучше припасу двѣ роковыя пули —
Одну бездѣльнику, другую для себя.

Эльмира. Какъ хладнокровно!

Аристъ. Нѣтъ! васъ сверхъ всего любя,
Скажите, — я могу-ль такъ вдругъ возненавидѣть?
Подайте мнѣ письмо!.. ахъ! дайте мнѣ увидѣть,
Вамъ точно ли всегда другой казался милъ,
Все притворялись вы, я все обманутъ былъ.
Вы усмѣхаетесь, — кто смѣху здѣсь предметомъ?

Эльмира. Я думала теперь ей-Богу не объ этомъ.

Аристъ. Не будемъ долѣе комедію играть;
Подайте мнѣ письмо, — вѣдь надобно-жъ отдать!
Подайте, — право, я за васъ боюсь.

Эльмира. Не бойтесь.

Аристъ. Подайте.

Эльмира. Полноте.

Аристъ. Подайте.

Эльмира. Успокойтесь.
Возьмите, вотъ оно.

Аристъ. Что буду я читать? (*Читаетъ*):
«Не надлежало-бъ такъ Ариста баловать,
Эльмира, милый другъ, но такъ и быть, — и дѣло
Онъ нынѣ выигралъ; ты этого хотѣла!
Прощай, я остаюсь усердной дядя твой. *N.*»
Эльмира! я дуракъ! прости мнѣ, ангелъ мой.

Эльмира. Насилу сдѣлались опять вы справедливы!

Аристъ. Я недовѣрчивый, неистовый, строптивый!
Какія клеветы произносилъ съ сердцовъ!
Для оправданія мнѣ не достанетъ словъ.

ЯВЛЕНІЕ 14-е: **Прежніе и Сафиръ.**

Сафиръ. Вотъ неожиданность, хоть бы въ волшебныхъ тѣняхъ:
Супруга нѣжная въ слезахъ, мужъ на колѣняхъ, —
Раскаянье, любовь, согласіе, — что̀ братъ?
Аристъ. Предъ ней я, предъ тобой, предъ всѣми виноватъ.
Прости, Эльмира, мнѣ сомнѣнье безразсудно.
Конечно, мнѣ къ тебѣ его питать бы трудно,
Но мой неправый гнѣвъ, но и проступокъ сей
Не есть ли вѣрный знакъ къ тебѣ любви моей?
Эльмира. Нѣтъ! — безпорочной мнѣ была холодность платой,
И ревность, я когда казалась виноватой.
Аристъ. Что требуешь? скажи: чтобъ удалился я
Въ лѣса дремучіе, въ безлюдные края?
Мой другъ, изволь; и тамъ забуду я съ тобою
Веселья бурныя, утраченныя мною.
Эльмира. Такія жертвы я, конечно, откажу:
Пріятность въ городѣ сама я нахожу.
Аристъ. Какъ хочешь; но теперь въ столицѣ иль въ пустынѣ
Съ тобою дома я всегда сижу отнынѣ —
Днемъ, утромъ, вечеромъ, и въ полдень, и въ полночь;
Всѣ вертопрашества и суетности прочь.
Эльмира. Но дома не всегда меня ты видѣть будешь.
Аристъ. Иль долго ты мою вину не позабудешь?..
Сафиръ. Или прикажете мнѣ къ вашимъ пасть ногамъ?
Эльмира. Прощаю, — пусть онъ всѣмъ обязанъ будетъ вамъ.
(*Аристу*):
Такъ если нѣсколько тебя сей день исправилъ,
Его благодари, — онъ и меня наставилъ,
Чтобъ вкусамъ я твоимъ старалась снисходить,
Затѣмъ чтобъ отъ другихъ приманокъ отвратить,
Чтобъ иногда твоей противилась я волѣ,
Затѣмъ чтобъ ты цѣнилъ мое смиренство болѣ.
Такъ онъ любовь твою мнѣ возвратить хотѣлъ,
Старался сколько могъ — и, можетъ-быть, успѣлъ.

ЛУБОЧНЫЙ ТЕАТРЪ *).

(1817).

Comptable de l'ennui dont sa muse m'assomme,
Pourquoi s'est-il nommé, s'il ne veut qu'on le nomme.
Gilbert.

Эй! Господа!
Сюда! сюда!
Для дѣловыхъ людей и праздныхъ
Есть тьма у насъ оказій разныхъ, —

*) Памфлетъ на Загоскина. См. письмо къ Катенину отъ 19 октября 1817 г.

Есть дикій человѣкъ, безрукая мадамъ...
Взойдите къ намъ.
Добро пожаловать... Кто баринъ тароватый,
Извольте видѣть: вотъ
Рогатый, нерогатый —
И всякій скотъ.
Вотъ господинъ Загоскинъ,
Вотъ весь его причетъ:
Княгини и
Княжны,
Князь Фольгинъ и
Князь Блесткинъ;
Они хоть не смѣшны,
Да самъ за то ужъ онъ —
Куда смѣшонъ!
Водиться съ нимъ — ей Богу, праздникъ!
Вотъ вамъ его Проказникъ.
Спроказилъ онъ не ловко: разъ упадъ
Да и не всталъ;
Но авторъ таковымъ примѣромъ
Не наученъ — грѣшитъ передъ партеромъ,
Проказить до сихъ поръ, —
Что̀ видитъ и что слышитъ,
Онъ обо всемъ исправно вздоръ
И говоритъ, и пишетъ.
Вотъ Богатоновъ вамъ, — особенно онъ милъ...
Богатъ чужимъ добромъ — все крадетъ, что̀ находитъ, —
Съ Транжирина кафтанъ стащимъ
Да въ немъ и ходитъ.
А свѣтскій тонъ
Не только онъ —
И вся его бесѣда
Переняли у Буйнаго Сосѣда.
Что-жъ вы?.. Неужто по домамъ?..
Ужъ надоѣли вамъ?
И кстати-ль?
Вотъ вамъ Загоскинъ — наблюдатель,
Вотъ «Сынъ Отечества», съ нимъ вѣчный состязатель:
Одинъ напишетъ вздоръ,
Другой на то разборъ, —
А разобрать труднѣе,
Кто изъ двоихъ глупѣе.
Что вы смѣетесь, господа?
Писцу насмѣшка не бѣда:
Онъ знаетъ многое смѣшное за собою,
Да ужъ давно махнулъ рукою, —
Махнулъ перомъ — отдалъ сыграть.
А вы, пожалуй, разсуждайте!
Махнулъ перомъ, — отдалъ въ печать
А вы читайте!

ПЯТЬ СЦЕНЪ

изъ 2-го дѣйствія комедіи

„СВОЯ СЕМЬЯ ИЛИ ЗАМУЖНЯЯ НЕВѢСТА“ *).

(1817).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е: **Варвара Савишна, Любимъ, Наташа.**

Любимъ.

Да! я обѣгалъ всю почтенную родню,
И счастія своего покамѣстъ не виню:
Гдѣ ни былъ, никого найти не удавалось,
Кромѣ одной. — За то ужъ отъ нея досталось!
Къ Раисѣ Савишнѣ, какъ слѣдуетъ, зашелъ:
Глядь, у себя. Слуга тотчасъ меня повелъ
Къ ней въ образную, — тамъ въ очкахъ она читала,
Вспрыгнула, ахнула и въ обморокъ упала.
Оттерли. Боже мой! тутъ только-что держись:
Увѣщеванія рѣкою полились.
И все печатное, что только вышло вновѣ,
Все знаетъ наизусть, не ошибется въ словѣ,
Ну, такъ и сыплетъ вздоръ. Рѣчь о тебѣ зашла:
Тутъ длинную она статью о томъ прочла,

---

*) Кн. Шаховскаго. Написанныя Грибоѣдовымъ пять сценъ были напечатаны въ «Сынѣ Отечества» 1817 г., причемъ самимъ Грибоѣдовымъ въ слѣдующихъ словахъ передано содержаніе комедіи: «Любимъ, молодой человѣкъ, въ бытность свою въ Петербургѣ, женился по страсти, безъ согласія своихъ родственниковъ. Онъ привозитъ жену въ тотъ городъ, гдѣ живутъ всѣ его тетки и дяди: Ѳекла Савишна, Раиса Савишна, Варвара Савишна, Карпъ Савичъ, Максимъ Меркуловичъ. Всѣ думаютъ, что онъ сговоренъ; никто не знаетъ, что онъ женатъ, кромѣ Варвары Савишны (Вельдюзевой), которая всѣхъ добрѣе, и у которой молодые пристали. Любимова свадьба до времени остается тайною, а между тѣмъ Наташа, жена его, подъ чужимъ именемъ знакомится со всею мужниной роднею, старается каждому изъ нихъ угодить и понравиться, и въ томъ успѣваетъ.—Это содержаніе одной комедіи князя А. А. Шаховскаго, въ которой я взялся сдѣлать нѣсколько сценъ изъ втораго акта. Вотъ онѣ:»

Какъ вѣрно въ дѣвушкѣ, вертушкѣ новомодной,
Нѣтъ пламенной души, ни нѣжности природной,
Ни сердца простоты... А я, безъ дальнихъ словъ,
Не выслушавъ всего, взялъ шляпу, былъ таковъ.
Наташа, какъ я глупъ! зачѣмъ, не понимаю,
Привезъ тебя сюда?

Варвара Сав. Вотъ такъ-то! поздравляю!
Всѣ виноваты мы...

Любимъ. Ахъ, нѣтъ! всегда женѣ
Твердилъ я, что у насъ порядочныхъ въ роднѣ
Есть двое: вы да я.

Варвара Сав. Повѣрь мнѣ: помаленьку
На свой поставишь ладъ ты всю свою роденьку.
Нашъ опытъ удался съ секундъ-маіоромъ; ну,
Полюбятъ также всѣ они твою жену,—
Дай срокъ.

Наташа. Ахъ, дядюшкѣ понравиться не трудно;
Онъ веселъ, добръ и милъ,—и, право, даже чудно,
Какъ онъ напоминалъ Любима мнѣ.

Любимъ. А чѣмъ?

Наташа. Да кромѣ лѣтъ, лица и воспитанья, всѣмъ.
Ты точный дядюшка, мой другъ, подъ старость будешь.

Любимъ. Вотъ на!

Наташа. Ты никогда гусарить не забудешь.
Все станешь вспоминать съ восторгомъ старину,
И молодечество, и службу, и войну.
Я вижу ужъ тебя: ты, въ дядюшкины годы,
Какъ онъ въ сѣдыхъ усахъ, про славные походы,
Про Лейпцигъ, Кульмъ, Парижъ безъ памяти кричишь;
Безъ милосердія все новое бранишь;
Свой полкъ, своихъ друзей, свои проказы славишь,
Повѣсамъ будущимъ себя примѣромъ ставишь
И сердишься за то, что рано устарѣлъ.

Любимъ. А ты въ углу ворчишь: онъ все еще пострѣлъ:
Когда ты, батюшка, дурачиться уймешься?
И вслухъ меня бранишь, а внутренно смѣешься.
Не правда-ли, мой другъ?

Наташа. Да, можетъ быть легко;
Но, къ счастью, до того еще намъ далеко.

Варвара Сав. Сестра сюда идетъ.

Наташа. Ахъ, Боже мой! какая?

Варвара Сав. Охъ! Ѳекла Савишна!

Любимъ. Крикуша и скупая.

Наташа. Да гдѣ-бы платьица найти мнѣ попростѣй?

Варвара Сав. У Груньки ты возьми передникъ поскорѣй.
Уйдите-же: она ужъ подошла къ порогу.

Наташа *(уходя)*.
Любимъ!

Любимъ. Я за тобой. *(Уходятъ вмѣстѣ).*

ЯВЛЕНІЕ 2-е: **Ѳекла Савишна, Варвара Савишна.**

Ѳекла Сав. Скажи-ка: слава Богу!
Вѣдь нашъ Любимъ сюда изволилъ прикатить!

Хоть, правда, поспѣшилъ меня онъ навѣстить,
Да вишь, пожаловалъ въ тотъ самой часъ, въ который
Къ вечернѣ я хожу. Охъ, эти мнѣ проворы!
Я чай, развѣдывалъ, когда-де побывать?
Когда потрафить такъ, чтобъ дома не застать?

Варвара Сав. Ну, можно-ли...

Өекла Сав. Чего? Онъ развѣ малой путной!
Я одному дивлюсь, что карточкой визитной
Меня не наградилъ; а то у нихъ такой
Обычай водится въ столицахъ, объ Святой
И въ Рождество. Да что? тамъ вѣчно наглость та-же:
Знатнѣйшіе дома—и родственниковъ даже
Вотъ посѣщаютъ какъ: самъ баринъ дома спитъ,
Карету и пошлетъ, а въ ней холопъ сидитъ,
Какъ будто господинъ; обрыскаетъ край свѣта,
Швыряетъ карточки!.. Спасибо, мерзость эта
Что не дошла до насъ: помиловалъ Господь!
Да и племяннику нельзя глаза колоть:
Что самъ онъ заходилъ, я отъ Потапки знаю;
А все-таки спѣсивъ! увижу—разругаю.
Вѣдь нѣтъ, чтобъ подождать полчасика... бѣда,
Никакъ нельзя, спѣшитъ. Спроси его: куда?
Небось не думаетъ угодность сдѣлать теткѣ;
А въ Петербургѣ бы къ какой-нибудь красоткѣ...

ЯВЛЕНІЕ 3-е: **Тѣ же и Наташа.**

Наташа. Ахъ, вы здѣсь не однѣ! простите!

Варвара Сав. Ничего.

Өекла Сав. Кто это? здѣшняя?

Варвара Сав. Нѣтъ; мужа моего
Покойнаго родня, пріѣхала недавно.
Знакома вамъ была Ѳедосья Николавна?

Өекла Сав. Твоя золовка?

Варвара Сав. Да, ее въ живыхъ ужъ нѣтъ.
Вотъ дочь ея.

Өекла Сав. Она?—Прошу! какихъ ужъ лѣтъ!
Невѣста хоть куда.—Мы вмѣстѣ выростали
Съ твоею матушкой, дружнехонько живали,
И батюшка въ Москвѣ къ намъ часто въ домъ ходилъ;
При мнѣ онъ сватался, при мнѣ помолвленъ былъ,
Ахъ! на семъ свѣтѣ я куды давно таскаюсь!
Ты съ нами долго-ли пробудешь? а?

Наташа. Не знаю-съ;
Какъ будетъ тетушкѣ угодно...

Варвара Сав. Мнѣ, другъ мой?
Весь вѣкъ радехонька я вмѣстѣ жить съ тобой.
(*Обращаясь къ Өеклѣ Савишнѣ*):
Въ глаза и за глаза скажу: неприхотлива,
И угодительна, ловка и бережлива;
Желаю всякому такую дочь имѣть.

Наташа. Угодно, тетушка, вамъ будетъ посмотрѣть,
Тамъ приготовила для васъ одно я блюдо?

Варвара Сав. А! знаю, хорошо.—Останься здѣсь покуда.

Сестрица, кажется, не гостьи вы у насъ,
Не взыщете, а я назадъ приду сейчасъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4-е: **Өекла Савишна, Наташа.**

Өекла Сав. Что это, матушка? неслыханное дѣло!
Кто стряпаетъ теперь?
Наташа. Къ обѣду не поспѣло;
Хватились поздно мы, такъ какъ-то не пришлось.
Өекла Сав. Какое-жь кушанье?
Наташа. Пирожное одно-съ,
И выдумки моей.
Өекла Сав. Твоей?—Оно-бъ не худо,
Да, вѣдь, пирожное затѣйливое блюдо;
Насущный хлѣбъ теперь одинъ составить счетъ,
Такъ лакомство, ей-ей! на умъ ужъ не пойдетъ.
Наташа. Да-съ, у меня за то все снадобье простое:
Морковка, яицы и кое-что другое,
Да соку положить лимоннаго чуть-чуть.
Өекла Сав. Ну, сахаръ входить-же?
(*Наташа качаетъ головой*).
Хоть крошечка?
Наташа. Отнюдь.
Какъ, сахаръ? шутка-ли? что вы? побойтесь Бога!
Нѣтъ! и безъ сахару расходовъ нынче много.
Өекла Сав. Да! согрѣшили мы, крутыя времена!
Наташа. Я какъ-то съ малыхъ лѣтъ къ тому пріучена,
Что дорогой кусокъ мнѣ видѣть даже грустно;
Я такъ люблю поѣсть, чтобъ дешево и вкусно.
Өекла Сав. Какъ судишь ты умно! не по лѣтамъ, мой свѣтъ;
Въ иной и въ пожилой такого смысла нѣтъ.
Наташа. Помилуйте...
Өекла Сав. Чего помиловать? смотри-ка,
Житье-то сестрино не явная-ль улика,
Что прожила весь вѣкъ, не нажила ума?
Расчету ни на грошъ, увидишь ты сама;
Всегда столы у ней!—зачѣмъ? кому на диво?
Наташа. А будто трудно жить, какъ надо, бережливо?
Я вотъ и не въ нуждѣ воспитана была,
Хоть матушка моя покойница жила
Куда не роскошно, я чай, и вамъ извѣстно.
Өекла Сав. Умна была,—дай Богъ ей царствіе небесно!
Наташа. Однако странность я одну вамъ разскажу.
Өекла Сав. Какъ, другъ мой? что?—Садись.
Наташа. Вотъ что...
Өекла Сав. Да сядь!
Наташа (*сѣвши на краешкѣ стула*). Сижу.
Вотъ что... спросить у васъ позвольте: вы давно-ли
Разстались съ матушкой?
Өекла Сав. Лѣтъ двадцать пять, поболѣ;
Мы молоды тогда, невѣсты были съ ней.
(*Со вздохомъ*):
И схоронила я съ тѣхъ поръ ужъ трехъ мужей!
Наташа. Такъ, можетъ, никогда вамъ слышать не случалось

Объ томъ, что къ Ладовой, графинѣ, я попалась
На воспитаніе?

Өекла Сав. Нѣтъ, не слыхала я.

Наташа. Ужъ странность подлинно! Она и мать моя
Вѣкъ были по всему противныхъ свойствъ и правилъ.
Не знаю, между ихъ какъ случай связь составилъ,
А только матушка съ ней такъ дружна была,
Что на руки меня къ ней вовсе отдала!
Представьте-же себѣ: я въ домъ попала знатный,
У Ладовой на все расходъ невѣроятный!
И шляпкамъ, и шалямъ, и платьямъ счету нѣтъ,
И собирается у ней весь модный свѣтъ:
Вчера концертный день, а нынче танцовальной,
А завтра что-нибудь другое.—Натурально,
Вы можете судить, что въ этакомъ дому
До бережливости нѣтъ дѣла никому.

Өекла Сав. Зараза! истинно зараза! жаль, родная,
Смерть жалко! хоть кого испортить жизнь такая.

Наташа. Позвольте досказать. Мнѣ скоро щегольство
И весь графининъ бытъ: шумъ, пышность, мотовство
И давка вѣчная въ передней за долгами—
Такъ опротивѣли, что рада, между нами,
Была я убѣжать Богъ вѣдаетъ куда!
Такъ опротивѣли! что лучше-бы всегда
Я ѣла черный хлѣбъ, въ серпянкѣ-бы ходила,
Да лишь-бы суетно такъ время не губила?

Өекла Сав. Ужли голубушка! да какъ же это ты?
Я, я свертѣлась-бы отъ этой суеты!
Вотъ умъ не дѣвичій!—Къ чему ты наклонилась?
Что потеряла?

Наташа. Здѣсь булавочка свѣтилась,
Сейчасъ я видѣла. Вотъ тутъ она была,
На этомъ мѣстѣ, здѣсь.—А! вотъ она! нашла.
(Поднявши, прикалываетъ къ косынкѣ).
Вѣдь, и булавочка намъ можетъ пригодиться.

Өекла Сав. Какъ, изъ булавки ты изволила трудиться?
Чѣмъ больше думаю и на тебя гляжу
И слушаю тебя, ума не приложу,—
Диковина, мой свѣтъ! Ужъ ты-ли не водилась
Съ большими барами, а все съ пути не сбилась!

Наташа. Напротивъ, многимъ я обязана тому,
Что столько времени жила въ большомъ дому.
Когда къ француженкамъ поѣдемъ мы бывало,
Графинѣ только-бы купить что̀ ни попало;
А я тихохонько высматриваю все,
Какъ тамъ работаютъ, кроятъ и то, и се,
И выпрошу себѣ остатковъ, лоскуточковъ,
Отрѣзочковъ отъ лентъ, матерьицы кусочковъ,
И, дома запершись, крою себѣ, крою.
Теперь-же, вѣрите-ль, я что̀ угодно шью,
Вы не увидите на мнѣ чужой работы—
Вотъ ни на эстолько.
(*Показываетъ на кончикъ шемизетки или фартука*).

Өекла Сав. Помилуй, другъ мой, что ты?
Кладъ сущій,—и тебѣ подобной не сыскать!
Наташа. Я шелкомъ, золотомъ умѣю вышивать.
Бывало, прочія лишь заняты весельемъ,
На балахъ день и ночь, а я за рукодѣльемъ;
Что вышью, продаю; работою своей
Скопила наконецъ до тысячи рублей.
Өекла Сав. Теперь на свѣтѣ нѣтъ вещей невѣроятныхъ.
Скопила!—Чѣмъ?—Трудомъ! воспитана у знатныхъ!
Свершилась надъ тобой Господня благодать.
Дай, радость, дай скорѣй себя расцѣловать!
(*Обнимаются*).
Вотъ, если-бъ нашъ Любимъ былъ человѣкъ толковый,
Вотъ счастье! вотъ оно! вотъ случай здѣсь готовый!
И услужилъ-бы всѣмъ роднымъ и самъ себѣ,
Когда женился-бы онъ, другъ мой, на тебѣ.
Уму-бы разуму его ты научала,
Любила-бы его, мотать-бы не давала;
А то, слышь, въ Питерѣ онъ сватанье завелъ!
Тамъ русскую мамзель какую-то нашелъ!
Преаккуратная голубушка, я чаю.
Наташа. А почему-же знать?
Өекла Сав. Какъ почему?—Я знаю.
Наташа. Конечно, это вамъ извѣстнѣе, чѣмъ мнѣ.
Өекла Сав. Вотъ то-то, видишь-ли, что всей его роднѣ
Она не понутру.—Не можетъ, чай, дождаться,
Когда Любимовы родные всѣ свалятся,
Чтобъ поскорѣй по нихъ наслѣдство получить;
Того не думаетъ, чтобы самой нажить.
Хоть объ себѣ скажу: не безъ труда скопила
Я кое-что. Нѣтъ! тремъ мужьямъ, тремъ угодила!
Легко-ли вытерпѣть отъ нихъ мнѣ довелось—
При жизни что хлопотъ! по смерти сколько слезъ!
(*Останавливается отъ избытка чувствъ*).
Я, другъ мой, кажется, въ тебѣ не обманулась.
По волѣ Божіей, когда-бъ ты приглянулась
Любиму нашему и вышла-бъ за него,
Не расточила-бы наслѣдства моего.
Да и полюбишься ему ты вѣроятно:
Свѣжа какъ маковъ цвѣтъ, ведешь себя опрятно,
А франтовъ нынѣшнихъ не мудрено прельстить.
Ты по французскому умѣешь говорить?
Наташа. Умѣю нѣсколько.
Өекла Сав. И! вѣрно мастерица.
Имъ только надобно...

ЯВЛЕНІЕ 5-е: **Варвара Савишна, Өекла Савишна, Наташа.**

Өекла Сав. Послушай-ка, сестрица!
Вотъ толкъ объ чемъ у насъ: не правда-ли, она
Любиму нашему, вѣдь, по всему жена?
Варвара Сав. Я то-же говорю.
Өекла Сав. Ты говоришь... Я знаю,
Что это быть должно, я этого желаю,

На этомъ настою. Какъ хочетъ онъ, Любимъ,
Я вразумлю его, и, по словамъ моимъ,
Онъ Петербургскія всѣ шашни позабудетъ.
Пожалуй-ка, сестра, когда къ тебѣ онъ будетъ,
Пришли его ко мнѣ. А между тѣмъ, прощай!
Къ тебѣ, признаться, я попала невзначай:
Шла къ теткѣ Звонкиной, съ ней перемолвить нужно
Такъ кой объ чемъ.—Прости!

(*Обращаясь къ Наташѣ*):

Ахъ! жаль, что недосужно,
А то-бы мы съ тобой... прошу насъ навѣщать.
Ты говорила мнѣ, что любишь вышивать,
И что, мой свѣтъ, сидѣть не любишь сложивши руки.
Такъ я тебѣ найду заняться чѣмъ отъ скуки.
На это мастерство у насъ есть заведенье,
Туда свожу тебя, увидишь:—заглядѣнье!
Отцу Пафнутію какія ризы шьютъ!

(*Варварѣ Савишнѣ*):

Скажи-жь Любимушкѣ, чтобъ на себя взялъ трудъ,
Заѣхалъ-бы ко мнѣ.—Быть-можетъ и безъ брани,
Авось!.. загадывать я не хочу заранѣ.
Авось!.. не вѣдаетъ никто, что впереди.
Сестра! безъ проводовъ! останься! не ходи!

ПРИТВОРНАЯ НЕВѢРНОСТЬ.

Комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ.

Переведена съ французскаго («Les fausses infidelités», Barthe'a) А. Грибоѣдовымъ и А. Жандромъ. *)

(1818).

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Элединa, молодая вдова.	**Ленскій.**
Лиза, сестра ея.	**Блестовъ.**
Рославлевъ.	**Лакей.**

(*Комната въ домѣ Элединой*).

ЯВЛЕНІЕ 1-е: **Ленскій, Рославлевъ.**

Ленскій. Ну нѣтъ! любить, какъ ты, на бѣшенство похоже.
Рославл. А такъ любить, какъ ты, и не любить—все то же.
Ленскій. Кто съ Лизою твои всѣ ссоры перечтетъ?
Рославл. За то съ ея сестрой ты холоденъ какъ ледъ.
Ленскій. Подумай, какъ вчера ты съ нею обходился:
Ты дулся и молчалъ, бѣсился и бранился
Богъ знаетъ изъ чего, кричалъ, ужъ такъ кричалъ,
Что я со стороны куда уйти не зналъ.

*) Жандру принадлежатъ только XII и XIII сцены; онѣ печатаются здѣсь для связи—другимъ шрифтомъ.

Какъ Лиза ни добра, ей это надоѣло,
Она разссорилась съ тобою,—и за дѣло.
Рославл. Она же ссорится! и я же виноватъ!
И мнѣ пріятели признаться въ томъ велятъ!
Отъ этихъ женщинъ мы, чего не переносимъ?
А кончится однимъ: что мы прощенья просимъ.
Ленскій. При всякомъ случаѣ готовъ ты ихъ бранить.
Онѣ несносны?—Да?—Зачѣмъ же ихъ любить?
Нѣтъ, право, за тебя становится мнѣ стыдно:
Ты знаешь, что прослыть ревнивымъ незавидно,
А многіе куда какъ рѣзко говорятъ
И громко...
Рославл. На мой счетъ?
Ленскій. На твой.
Рославл. Я очень радъ.
Ленскій. Всѣмъ кажется, что ты брюзгливъ и своенравенъ,
И нѣжностью смѣшонъ, и ревностью забавенъ;
А въ свѣтѣ толковать о странностяхъ другихъ
Вездѣ охотники.
Рославл. Кто-жъ говоритъ объ нихъ?
Прелестницы, съ толпой вздыхателей послушныхъ,
И общество мужей, къ измѣнѣ равнодушныхъ,
И тѣ любезники, которыхъ нынче тьма,—
Безъ правилъ, безъ стыда, безъ чувствъ и безъ ума,
И въ дружбѣ, и въ любви равно непостоянны.
Вотъ люди!.. И для нихъ мои поступки странны,
Я не похожъ на нихъ, такъ чуденъ всѣмъ кажусь.
Да, я пустыхъ людей насмѣшками горжусь;
А ты-бъ, я чай, хотѣлъ, чтобъ имъ я былъ угоднымъ,
Чтобъ также слѣдовалъ сужденьямъ новомоднымъ
И передѣлался на ихъ бы образецъ,
Или на твой;—вѣдь ты таковъ же наконецъ!
Ленскій. Ты хочешь, чтобъ и я на женщинъ воружился;
Однако-жъ я пока на это не рѣшился.
Мнѣ съ ними весело, имъ весело со мной,
А сверхъ того еще, вотъ вѣры я какой:
Что въ добродѣтеляхъ намъ должно брать уроки
У нихъ,—мы сами же заводимъ ихъ въ пороки.
Немножко вѣтрены, невѣрны иногда,—
Ну что-жъ?
Рославл. Какъ иногда?—Всегда, сударь, всегда!
Ленскій. Всегда, ты говоришь, и нѣтъ не виноватыхъ?
Какъ это мнѣніе пріятно для женатыхъ!
А впрочемъ, насъ съ тобой никто не согласитъ:
Меня, вотъ, напримѣръ, все въ свѣтѣ веселитъ,
А ты не можешь жить безъ горести и муки.
Рославл. Ты разсудителенъ! и если бы отъ скуки
Твоей Элединой понравился другой,
Ты восхищался бы находкою такой.
Ленскій. А ты какъ думаешь? мнѣ надо бы терзаться?
Ни день, ни ночь не спать? съ любезною разстаться,
И все-таки потомъ вездѣ ее слѣдить
И всѣхъ бояться?

Рославл. Всѣхъ,—всѣ могутъ милы быть.
Ленскій. А пуще, кто умомъ и прелестьми украшенъ.
Я признаюсь тебѣ, мнѣ Блестовъ очень страшенъ.
Рославл. Шути; а этотъ франтъ—я не терплю его!
Ленскій. И дѣльно: онъ собой затмитъ хоть бы кого.
Рославл. Пустая голова! Что шагъ, то принужденье!
А здѣсь, у двухъ сестрицъ, объ немъ иное мнѣнье.
Вчера же съ ними онъ весь вечеръ проболталъ—
Ты видѣлъ... Я сперва совсѣмъ не ревновалъ,—
Да Блестовымъ онѣ такъ много занимались,
Что насъ забыли, съ нимъ все время просмѣялись.
Ленскій. Онѣ смѣялися и слушали его.
Не равнодушно же смотрѣть имъ на того,
Кто въ обществахъ всегда всѣхъ женщинъ забавляетъ?
И какъ ты думать могъ, что онъ ихъ завлекаетъ?
Кто-жъ Блестовъ? Старый франтъ! Онъ слишкомъ въ сорокъ лѣтъ
Вездѣ волочится, прельщаетъ цѣлый свѣтъ,
Острится надо всѣмъ, а самъ всего смѣшнѣе;
Не вовсе безъ ума, и отъ того глупѣе;
Охотно въ дураки отца бы посвятилъ,
Лишь бы съ улыбкою сказали: какъ онъ милъ!
Рославл. И несмотря на то, какъ это мнѣ ни больно,
Я бьюся объ закладъ, что женщинъ есть довольно,
Кому онъ нравится.
Ленскій. Конечно, для иныхъ
Не безъ достоинства такой, какъ онъ, женихъ:
Богатъ и всѣмъ родня.
Рославл. (*съ досадой*). Ну, такъ онѣ и правы!
Ленскій. Э, полно! здѣсь его лишь любятъ для забавы.
Рославл. Насмѣшки ихъ надъ нимъ—уловки противъ насъ!
Видалъ насмѣшницъ я, какъ ладили подъ часъ
Съ людьми, которые казались имъ противны.
Да что и говорить?—Мнѣ въ женщинахъ не дивны
Увертки, хитрости, лукавство противъ всѣхъ,
Обманы вѣчные, притворный плачъ и смѣхъ;
И только одному нельзя не подивиться,
Какъ люди до сихъ поръ имѣютъ духъ жениться!
Ленскій. Да успокойся.
Рославл. (*съ сердцемъ*). Я спокоенъ.
Ленскій. Такъ поди
Къ своей возлюбленной.—Клянися ей, тверди,
Что ты навѣкъ у ней въ слѣпомъ повиновеньи.
Рославл. Я? къ ней пойду?
Ленскій. Да, ты.
Рославл. Хорошъ!—я въ огорченьи,—
А ты... Изъ дружбы онъ смѣется надо мной!
Ленскій (*хохочетъ*).
Тебѣ же въ пользу я стараюсь...
Рославл. Богъ съ тобой!
Вотъ каковы друзья:—хоть плачь я, хоть бѣсися,
Онъ будетъ хохотать!

Ленскій. Эй, съ Лизой помирися!
Поди! у ногъ ея ты долженъ обѣщать,
Что ей хотя дни два не станешь докучать;
Ну, отправляйся же.

(*Рославлевъ, увидя Блестова, отворачивается и постепенно уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 2-е: **Ленскій, Блестовъ.**

Блестовъ (*вслѣдъ Рославлеву*). Экъ онъ заторопился!
Я въ двери, онъ бѣжать,—ушелъ, не поклонился.
Ахъ, Ленскій, здравствуйте!—Вашъ другъ не въ духѣ?
Ленскій. Да.
Престранный человѣкъ! Замѣтьте, что всегда
Онъ тотчасъ убѣжитъ, гдѣ только васъ завидитъ.
Блестовъ. Скажите мнѣ, за что меня онъ ненавидитъ?
Ленскій. Причина ясная: онъ васъ боится.
Блестовъ. Что?
Вотъ вздоръ!
Ленскій. Вы женщинамъ такъ милы, какъ никто;
И милы такъ давно.
Блестовъ. Зло! очень зло!—Однако,
Кто-жъ нынче имъ не милъ? безъ исключенья всякой:
Сначала всѣ онѣ какъ будто далеки,
А послѣ...
Ленскій. Да, для васъ успѣхи въ нихъ легки:
Назвать до дюжины... до сотни можно смѣло...
Да что и называть?—побѣды ваше дѣло.
Блестовъ. Помилуйте!
Ленскій. И вотъ, не далеко искать:
Рославлеву и мнѣ нельзя не ревновать;
У васъ съ обѣими на что-то ужъ похоже.
Блестовъ. Вы думаете?
Ленскій. Да.
Блестовъ. Вы другъ ему?
Ленскій. Ну, что же?
Блестовъ. Скажите искренно, какъ поступилъ бы онъ,
Когда бы кто ему былъ Лизой предпочтенъ?
Ленскій. А развѣ?
Блестовъ. Ничего,—одно предположенье;
Клянусь вамъ, ничего.—Ну, вотъ и подозрѣнье!
Ленскій. Я и не думалъ.
Блестовъ. Нѣтъ?—Гдѣ вамъ меня провесть!—
(*Разсѣянно*):
А впрочемъ, хоть и я плѣняю какъ ни есть,
Хоть Лизѣ нравиться и нѣтъ большаго чуда,
Но все, я вамъ божусь, что съ ней еще покуда
Мы на учтивостяхъ—и болѣе никакъ.
Ленскій. Я вѣрю безъ божбы.
Блестовъ (*значительно*). А если бы не такъ,
На что-бъ рѣшился онъ?
Ленскій. Онъ съ Лизой бы простился;
А тамъ и съ вами бы конечно объяснился.
Блестовъ. Стрѣляться бы онъ сталъ?—Стрѣляться не бѣда!

Но быть ревнивымъ?—о! въ немъ вовсе нѣтъ стыда.
Отстаньте отъ него и будемте друзьями;
Давно замѣтилъ я тьму сходства между нами.

Ленскій. Я не таковъ, какъ онъ, а васъ боюсь;—ужли
Вы баловнемъ любви невинно прослыли?

Блестовъ. Кто счастливъ не бывалъ?—Но я вамъ дамъ присягу,
Что въ жизнь для этого не дѣлывалъ ни шагу.

Ленскій. Безчувственный! и вотъ плѣняете вы чѣмъ!

Блестовъ. Ба!—Не плѣняется въ нашъ вѣкъ никто, никѣмъ,—
Все дѣло прихоти и случая слѣпова.
А люди есть еще: не скажутъ вамъ ни слова,
Чтобы удачъ своихъ въ любви не приписти;
Признаться, этого я не могу снести!
И какъ разсказывать о томъ, что̀ такъ ничтожно?
Съ одной я, напримѣръ, едва повѣрить можно,
Совсѣмъ не думавши, не знаю, какъ успѣлъ;
Я даже говорить съ ней вовсе не хотѣлъ,—
И всячески она завлечь меня старалась,
Чтобъ только отомстить—и ахъ! сама попалась.
Другой понравился съ такимъ же я трудомъ,
Ну, отгадайте, чѣмъ?—любезностью, умомъ?
Нѣтъ!—блѣдностью лица!—Я былъ жестоко боленъ.—
За то болѣзнію потомъ какъ былъ доволенъ!
Одну имѣлъ я связь серьезную,—въ нее
Вмѣшалось нѣсколько достоинство мое;
Вотъ это было какъ...

Ленскій. Простите, поневолѣ
Я съ вами разстаюсь,—мнѣ здѣсь нельзя быть болѣ;
Хозяйки милыя такъ долго никогда
Не заставляли ждать.—Вы остаетесь?..

Блестовъ. Да.

Ленскій. Такъ дружбу мнѣ свою на дѣлѣ докажите,
И хоть Элединy, жестокой, пощадите. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 3-е: **Блестовъ** (*одинъ*).

Шути, мой другъ, острись!—Я, въ очередь мою,
Для шутки у тебя дорогу перебью;
Да и Рославлевъ твой порядочной цѣною
За неучтивости поплатится со мною.
И дѣльно!—въ дураки попасть имъ легче всѣхъ:
Одинъ все хмурится, другому же все смѣхъ.
Нѣтъ! женщинъ надо знать, такъ знать, какъ я ихъ знаю.
Однако-жъ я и самъ неловко поступаю:
Къ обѣимъ вдругъ сестрамъ я письма написалъ,—
Къ обѣимъ объ любви?—Ну, какъ въ бѣду попалъ?
Да что? развязка тутъ не самая-ль плохая,
Что отъ одной отказъ,—не та, такъ все другая;
Вотъ дурно, ежели онѣ одна другой
Хвалиться вздумаютъ короткостью со мной!
Да нѣтъ! не можетъ быть: онѣ не разболтаютъ,
Въ любви и женщины, что надобно скрываютъ.
А вотъ онѣ идутъ!—Однако-жъ не могу
Съ обѣими теперь быть вмѣстѣ,—убѣгу! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4-е: **Эледнна, Лиза.**

Лиза. Какъ можно цѣлый часъ смѣяться до упада?
Эледнна (*хохочетъ*).
Нѣтъ силъ!
Лиза. Да что съ тобой? Скажи, чему ты рада?
Эледнна (*хохочетъ*).
Ахъ! что за милое письмо мнѣ принесли!
Лиза. Письмо?
Эледнна. Отъ Блестова.—Какъ нѣжно!
Лиза. Неужли?
Онъ и ко мнѣ писалъ сегодня же.
Эледнна. Забавно!
Да гдѣ-жъ твое письмо?—Дай посмотрѣть... Вотъ славно!
Прочти, пожалуйста: онъ любитъ насъ равно,
Изъ слова въ слово въ нихъ написано одно;
Каковъ?
Лиза (*прочитавъ*). Ну что-жъ, такъ намъ обѣимъ незавидно.
Эледнна. Ужъ Блестовъ вздумалъ насъ обманывать; обидно!
Нѣтъ, баловать его не надо,—и къ чему?
Садись, пиши.
Лиза. Зачѣмъ?
Эледнна. Чтобъ отомстить ему.
Повѣса въ сорокъ лѣтъ!—Ахъ, другъ мой! какъ счастливо!
Тебѣ нерѣдко вѣдь скучаетъ твой ревнивой;
А мой возлюбленный, чтобъ онъ ни говорилъ,
Своей холодностью ни мало мнѣ не милъ;
Твой слишкомъ любитъ, мой почти любви не знаетъ,—
А это намъ въ мужьяхъ добра не обѣщаетъ.
Лиза. Ну, что же?
Эледнна. Къ Блестову напишешь ты отвѣтъ,
Для шутки, такъ, чтобы онъ былъ ни да, ни нѣтъ.
Лиза. Какъ можно?
Эледнна. Напиши; ты страхъ меня обяжешь!
Лиза. А если всѣ потомъ узнаютъ, что ты скажешь?
Эледнна. Пусть знаютъ. Я сама хочу къ нему писать,
Вотъ тутъ-то онъ начнетъ мечтать, мечтать, мечтать,
Зазнается,—и вдругъ: глаза ему откроемъ.
Представь себѣ, какъ мы Рославлева разстроимъ!
Услышитъ, взбѣсится, взревнуетъ, а потомъ,
Какъ ты сама ему признаешься во всемъ,—
Немного надобно имѣть ему разсудка,
Чтобы увѣриться, что это просто шутка.
Ну, если шалостью исправимъ мы его?
А мнѣ не сдѣлать ужъ ревнивымъ своего,
Такъ я хочу его заставить разсердиться,
Чтобъ онъ хоть разъ узналъ, какъ весело мириться.
Ну, милая, рѣшись,—пиши; я пособлю.
Лиза. Нѣтъ, я не напишу, что я его люблю.
Эледнна. Вотъ, какъ теперь гляжу, какъ Блестовъ будетъ славить.
Лиза. Ревнивца обмануть?
Эледнна. Да, чтобъ его исправить;
Теперь же случай есть... Пиши, не будь дитя.

Лиза. Да какъ?
Элединa. Ахъ! полно.
Лиза. Я боюся не шутя.
Элединa. А время между тѣмъ уходитъ.—Ну, скорѣе!
Лиза. Что будетъ?
Элединa. Ничего. (*Лиза садится*). Вотъ такъ, начни смѣлѣе.
Лиза. Ахъ! что я дѣлаю!
Элединa. Повѣрь мнѣ, не тужи.
Лиза. Что онъ подумаетъ?
Элединa. Пусть думаетъ.—Пиши:
(*диктуетъ*):
«Не знаю, хорошо-ль, что я вамъ отвѣчаю...»
Лиза. Ужъ какъ нехорошо, я это очень знаю.
Элединa (*продолжая*).
«И не рѣшилась бы я долго,—но со мной
Рославлевъ, какъ на зло, несносный сталъ такой...»
Лиза. Несносный, что за вздоръ?
Элединa. Ну, безпокойный...
Лиза. Точно.
Элединa. Пиши: *«Онъ ревностью, какъ будто бы нарочно,*
Надоѣдаетъ мнѣ».
Лиза. И все не надоѣстъ!
Элединa. *«Надоѣдаетъ мнѣ.—Пусть ищетъ же невѣстъ*
Потерпѣливѣе; а я не въ силахъ болѣ,
Сносить всѣ странности его;—я вѣкъ въ неволѣ;
Его мученья...» (*Лиза бросаетъ перо*). Ну?
Лиза. Помилуй, отчего
Ты рада выдумать все злое на него?
Элединa. А не сама-ли ты сто разъ мнѣ повторяла,
Что даже часто съ нимъ терпѣніе теряла!
Лиза. Какая разница! то было на словахъ;
А это я пишу къ другому.
Элединa. Дурно страхъ!
Ну, да пожалуй я смягчу изъ сожалѣнья;
Прочти, что у тебя?
Лиза. Сейчасъ. (*Читаетъ*): «Его мученья...»
Элединa (*диктуетъ*).
«Такъ надолги мнѣ, что словомъ хоть кого
Готова я любить, да только не его...»
Лиза. Нѣтъ! этого писать я вѣкъ не соглашуся.
Элединa. Что за ребячество!
Лиза. Ну, право, не рѣшуся.
Элединa. Ты шутишь. Да скажи, чего бояться тутъ?
Вѣдь этого письма лишь двое не поймутъ,—
Рославлевъ съ Блестовымъ; Рославлевъ, какъ ревнивый,
А Блестовъ, какъ дуракъ.
Лиза (*дописавши*). Отвѣтъ краснорѣчивый.
Неужли онъ теперь повѣритъ, что въ него
Влюбилась я!
Элединa. Кто? онъ?—Онъ вѣритъ до того...
Какъ знаю я мужчинъ! Ахъ! всѣ безъ исключенья
Какого объ себѣ они большаго мнѣнья!
Самолюбивы какъ! почти не меньше насъ!

Давай свое письмо, я отошлю сейчасъ.
А между тѣмъ тебѣ ужъ надо притворяться,
Что ты съ Рославлевымъ не хочешь вовсе знаться.
Пусти-жъ меня. (*Садится*). Теперь мнѣ очередь писать.
Представь, какъ будемъ мы надъ ними хохотать!
Ахъ! вдругъ троихъ мужчинъ помучить какъ пріятно!

Лиза. Что тутъ пріятнаго, мнѣ право непонятно!

ЯВЛЕНІЕ 5-е: **Ленскій, Рославлевъ, Элединa, Лиза.**

Лиза. Ахъ! вотъ они!—Куда все это намъ дѣвать?
Спрячь эти глупости.

Элединa (*нарочно громко*). Вотъ стану я скрывать;
Ты знаешь, что во всемъ я скрытность ненавижу.

Рославл. Смотри, что такъ она прилежно пишетъ!

Ленскій. Вижу.

Рославл. (*Лизѣ*).
Я ждалъ васъ давича до половины дня;
Или рѣшилися вы бѣгать отъ меня?

Лиза. Да, сударь, съ вами я всѣ ссоры прекращаю;
Вы не ошиблись: я васъ точно убѣгаю.

Рославл. Не убѣжите же: я васъ вездѣ найду.
(*Лиза перебѣгаетъ и становится за Элединою*),

Элединa (*въ сторону*).
Вотъ любитъ истинно! А на мою бѣду,
Мой Ленскій самая холодная особа.
(*Ленскому*):
Ахъ! да вы здѣсь. Давно?

Ленскій. Сейчасъ вошли мы оба.

Не помѣшаю-ли я вамъ?

Элединa (*продолжая писать*). Нѣтъ, ничего.

Рославл. Конечно, нечего бояться вамъ его:
Вы можете при немъ всегда писать свободно,
Хоть бы къ соперникамъ его—къ кому угодно;
Онъ изъ учтивости не будетъ вамъ мѣшать.

Элединa. Хоть бы къ соперникамъ его,—почемъ же знать?
Я точно нѣжное письмо пишу.

Ленскій. Прекрасно!

Да я скажу, къ кому.

Элединa. Къ кому-жъ?

Ленскій. Ко мнѣ.

Элединa. Напрасно.
(*Въ сторону*):
Какъ можно столько быть увѣреннымъ въ себѣ!

Ленскій. Ахъ! позавидуетъ весь свѣтъ того судьбѣ,
(*показывая на письмо*):
Кто нѣжности отъ васъ такія получаетъ!
Я вижу по глазамъ, что чувство вамъ внушаетъ.
(*Элединa складываетъ письмо*).
И будто кончили? не лучше-ль продолжать?
Расположенія такого долго ждать.

Элединa (*въ сторону*).
Смѣется?—Если-бъ я въ сердцахъ не разсуждала,

Любовное письмо не въ шутку-бъ написала.
(*Кличетъ*):
Кто тутъ?(*Лакей входитъ*). На, вотъ письмо; поди, отдай тому,
Кому надписано...

Ленскій. Куда-жъ итти ему?
Я здѣсь покамѣстъ.

Элеина. Нѣтъ; ужъ вы домой подите;
Тамъ лучше прочитать. (*Уходитъ*).

Ленскій (*съ улыбкой*). Вы этого хотите... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е: **Лиза, Рославлевъ.**

(*Лиза хочетъ уйти*).

Рославл. И вы?
Лиза. Позвольте.
Рославл. Нѣтъ.
Лиза. Я вздоровъ не терплю.
Рославл. Вы сердитесь за то, что я васъ такъ люблю!
Лиза. Все это лишнее; на что намъ объясняться!
Конечно, прежде въ васъ могла я ошибаться;
Я все надѣялась вашъ нравъ перемѣнить;
Но больше не хочу игрушкой вашей быть.
Вчера еще...
Рославл. Вчера... да будьте безпристрастны!
Я жду, вы входите; вы были такъ прекрасны!
Я видѣлъ васъ однѣхъ! опять какой же слѣдъ
Вамъ замѣчать меня, гдѣ тьма народу?—нѣтъ!
Вы милы, веселы,—для всякаго другова!
Со всѣми ласковы, со мною—ни полслова!
Вдругъ Блестовъ съ значущей улыбкой къ вамъ присталъ,
Болталъ, болталъ, и такъ собою заслонялъ,
Что долго я за нимъ не могъ васъ видѣть послѣ.
Макао начался; вы сѣли, Блестовъ возлѣ.—
Меня упрятали покамѣстъ за бостонъ...
Бостонъ-ли на умѣ! я безъ того взбѣшонъ;
Играю скверно; всѣ другіе, что играютъ,
Кричатъ и сердятся, бранятъ меня, ругаютъ;
А вы хохочете—и вы, и вашъ чудакъ.
Лиза. Да не одна я, всѣ смѣялись.
Рославл. Точно такъ!
Не вы однѣ, весь свѣтъ смѣется изъ пустова!
Зато же сыщете вы гдѣ меня другова?
Кто чувствуетъ, какъ я? Кто нынче есть съ душой?
Кто любитъ истинно?.. Я, право, самъ не свой:
Твержу въ нашъ вѣкъ, чтобы кокетство позабыли,
Хочу, чтобъ женщины—не женщинами были.
Лиза. Вотъ оправданіе ревнивца!—Признаюсь!
Нѣтъ, какъ хотите вы, я съ вами разстаюсь.
Да и чего мнѣ ждать? При васъ неосторожно
Ни слова вымолвить, ни замолчать не можно;
Нельзя ни встать, ни сѣсть, ни выйти, ни войти,—
Всему вы толкъ иной умѣете найти.
Письмо читаю я... тотчасъ ужъ подозрѣнье;
Танцую-ли съ другимъ... и тутъ вамъ огорченье;

Получше-ли къ кому одѣнусь... все бѣда!
Все виновата я,—и съ вами брань всегда.
Хоть съ Блестовымъ когда я говорю учтиво,
Ужъ слышу тамъ ногой стучатъ нетерпѣливо...
Нѣтъ, лучше вовсе бы меня вамъ не любить.
Вотъ радость! замужемъ невольницей мнѣ быть.

Рославл. Невольницей!—Тогда!—Ахъ, нѣтъ! избави Боже,
Чтобъ я осмѣлился...

Лиза. Тогда все будетъ то же,
И точно то терпѣть я буду, что терплю:
Мы не поладимъ вѣкъ.

Рославл. Зачѣмъ я васъ люблю?
Безъ этой глупости я васъ бы ненавидѣлъ!
Мы не поладимъ вѣкъ!—Да, я давно ужъ видѣлъ,
Что есть другой, съ кѣмъ вы поладите скорѣй!
Ну, что-жъ? такъ я пойду дорогою своей.
Знакомы съ Вельской вы?—добра, умна, прекрасна.
Такъ знайте-жъ: за меня итти она согласна;
А съ нею вѣкъ могу я счастливо прожить.
И—вы принудите меня ее любить.

Лиза. Извольте-жъ къ ней сейчасъ отправиться,—подите!

Рославл. (*хочетъ итти*).
Я васъ послушаюсь,—иду сейчасъ. (*Воротясь*): Скажите,
Кто этотъ счастливой, что вами предпочтенъ?

Лиза. Зачѣмъ вамъ имя знать его?

Рославл. Затѣмъ, что онъ
Заплатитъ дорого... да!

Лиза. Что вы? успокойтесь:
Вы что-то страшны.

Рославл. Какъ?

Лиза. Я васъ боюсь... (*Убѣгаетъ*).

Рославл. Не бойтесь!
Какая мнѣ нужда до васъ и до него,
И какъ его зовутъ...

ЯВЛЕНІЕ 7-е: **Рославлевъ** (*одинъ*).

Вотъ, взбѣсить хоть кого!
Да и меня-жъ потомъ ревнивымъ называютъ!
(*Ходитъ взадъ и впередъ*).
Но въ самомъ дѣлѣ, мнѣ кого предпочитаютъ?
(*Въ это время Блестовъ показывается*).
Кто знаетъ, можетъ быть и онъ соперникъ мой?
И точно!—нынче онъ доволенъ такъ собой!

ЯВЛЕНІЕ 8-е: **Рославлевъ, Блестовъ.**

Блестовъ. Вы здѣсь, Рославлевъ?—Ну, опять сердитъ? Скажите:
За что?—Вы влюблены, любимы.

Рославл. Извините!
Вы шутите, а я... я вовсе не шучу.
Да кстати, я давно спросить у васъ хочу;
Прошу покорно мнѣ сказать чистосердечно,
Какъ честный человѣкъ.

Блестовъ. Вы спросите, конечно,
Что не намѣренъ-ли у васъ я перебить?

Рославл. Однажды навсегда прошу мнѣ объявить,
Съ какими видами такъ часто, постоянно
Сюда вы ѣздите?
Блестовъ. Съ какими?—Очень странно!
Я видовъ не имѣлъ ни на кого отнюдь.
А если...
Рославл. Ихъ на васъ имѣетъ кто-нибудь...
Ну, кто-жъ?
Блестовъ. Когда-бъ отъ васъ хотѣли допытаться,
Вы не сказали бы конечно?
Рославл. Можетъ статься.
Но вы? вы скажете?—не правда-ли?
Блестовъ. Богъ мой!
Какъ этакъ приставать? Вотъ человѣкъ какой!
И даже помолчать онъ не даетъ свободы!
Пусть такъ: вы смущены, я—жалостливъ съ природы.
Рославл. Безъ предисловія.
Блестовъ. Прошу же скромнымъ быть.
(*Забавляется вниманіемъ его*):
Однако, этого не должно-бъ говорить.
Рославл. (*съ бѣшенствомъ*).
Теперь все говорятъ,—ну, говорите-жъ.
Блестовъ. Милой!
Вы слишкомъ горячи! А если-бъ что и было,
И если даже есть, такъ вамъ нѣтъ нужды въ томъ;
Ну, понимаете, что вы тутъ ни-при-чемъ.
Рославл. Ужли Элединa?—Вотъ это будетъ ново!
Блестовъ. А что-жъ?
Рославл. Вы шутите.
Блестовъ. Да нѣтъ.
Рославл. Честное слово?
Блестовъ. Честное слово.—Вотъ, всегда бѣдамъ чужимъ
Смѣялся Ленскій вашъ! Ну, смѣйтесь же надъ нимъ.
Я отъ Элединой давно терплю нападки...
Да, да!
Рославл. Но, можетъ быть, все это лишь догадки,
Безъ основанія?
Блестовъ. Однѣ догадки? Вотъ?
А если дѣло-то серьознѣе пойдетъ,
На доказательства!.. Что? это васъ тревожитъ?
Рославл. Нѣтъ! потому что ихъ и быть у насъ не можетъ.
Блестовъ. Не можетъ, точно такъ. Да какъ у насъ и быть?
(*Вынимаетъ бумажникъ и ищетъ въ немъ*).
А если, напримѣръ, здѣсь можемъ мы найтить,
Между такими же другими письмецами...
Оно?—Нѣтъ, не оно.—А, вотъ!—прочтите сами.
(*Показываетъ Рославлеву письмо. Тотъ хочетъ схватить его, но Блестовъ не даетъ, и Рославлевъ читаетъ съ жадностію*).
Замѣтьте, что Амуръ лукавое дитя:
Все это писано какъ будто бы шутя;
Всегда вѣдь женщины съ насмѣшекъ начинаютъ,
А тамъ привяжутся, а тамъ и обожаютъ,
А тамъ...

(*Хохочетъ*). Ну, мочи нѣтъ, какъ Ленскій мнѣ смѣшонъ!
Я радъ до крайности, что такъ обманутъ онъ!
Нѣтъ вы—вы смотрите за Лизой осторожно,
Вы очень знаете, что женщинѣ все можно; (*Хохочетъ*).
А онъ безъ милости увѣренъ былъ въ себѣ.

Рославл. Что-жъ? Всѣ мы этой же подвержены судьбѣ.
Вотъ, Ленскій! наконецъ слова мои сбылися!
Я говорилъ тебѣ...

Блестовъ. Когда?—какъ завелися
У насъ свиданія почаще съ нею?

Рославл. (*сердито*). Нѣтъ!
Гораздо прежде.—Ахъ! и мнѣ такихъ же бѣдъ
Отъ Лизы можно ждать.

Блестовъ. Да, да,—я увѣряю.

Рославл. Прошу не увѣрять...

Блестовъ (*съ значущей гримасой*). Нельзя; когда я знаю...
И въ томъ, что къ грусти вамъ причину подаетъ,
Никто участія такого не береть,
Какъ я... Прощайте же. (*Уходя, поетъ изъ «Жоконда»*):
«Въ печали, въ огорченьи,
«Всегда любовники грустятъ въ уединеньи».

ЯВЛЕНІЕ 9-е: **Рославлевъ** (*одинъ*).

Онъ веселъ и поетъ! онъ счастливъ и любимъ!
А Ленскій между тѣмъ смиряйся передъ нимъ!
А съ Лизой въ ссорѣ я?—Хоть тѣмъ могу я льститься,
Что Лизѣ врядъ-ли онъ успѣетъ полюбиться.
Вотъ женщины, мой другъ!—Что?..

ЯВЛЕНІЕ 10-е: **Рославлевъ, Ленскій.**

Рославл. (*увидя Ленскаго*). А! да вотъ и онъ
И что-то невеселъ!

Ленскій (*увидя Рославлева*). Опять ужъ разсержонъ!

Рославл. (*помолчавъ*).
Ну, Ленскій, въ женщинахъ ничто мнѣ не понятно!

Ленскій. Мнѣ тоже, признаюсь.

Рославл. Онѣ... невѣроятно!
Какъ хитры, скрытны!—въ нихъ обманется хоть кто.

Ленскій. Какъ вѣтрены!

Рославл. (*въ сторону*). Да онъ заговорилъ не то:
Неужли угадалъ?

Ленскій (*въ сторону*). Таить немного прока...
Узнаетъ безъ меня,—а разсказать жестоко.
(*Оба сходятся съ двухъ сторонъ*).

Рославл. (*подходя къ Ленскому*).
Съ чего бы мнѣ начать? (*Ленскому*): Послушай, милый мой!
Мы съ Лизой разговоръ имѣли преживой,
Да съ ней не сговоришь: совсѣмъ другая стала!
И неуступчива, какъ сроду не бывала!
Тутъ что-нибудь да есть.—Такъ! Богъ ужъ ей судья,
А что душой кривитъ Элединa твоя.

Ленскій. Нѣтъ! за Элединy, какъ за себя ручаюсь;
А въ Лизѣ, виноватъ, я что-то сомнѣваюсь.

Однако-жь, не сердись, вѣдь это ни къ чему,
Будь разсудителенъ.—А видно по всему,
Что врядъ-ли ты любимъ.

Рославл. Такъ! обо мнѣ заботы;
А объ самомъ себѣ подумать нѣтъ охоты?

Ленскій. А что?

Рославл. Не бойсь, скажи про Лизу, что она
И точно не шутя въ кого-то влюблена,
Что пишетъ къ этому кому-то: это мало,
Что онъ письмо ея вездѣ, гдѣ ни попало,
Показываетъ всѣмъ; и словомъ, что ты самъ
Письмо ея читалъ?

Ленскій. Да по твоимъ словамъ
Тебѣ извѣстно все,—а я сказать боялся.
Такъ точно: Блестовъ здѣсь со мною повстрѣчался;
И тотчасъ показалъ мнѣ, къ горю твоему,
Письмо руки ея; и писано къ нему.
Теперь прошу сказать: у женщинъ что же прочно?

Рославл. Письмо отъ Лизы?

Ленскій. Да.

Рославл. Самъ видѣлъ ты!

Ленскій. Самъ точно...
У Блестова... Его онъ носитъ напоказъ.

Рославл. Ты самъ читалъ его?

Ленскій. И перечелъ не разъ:
Я вѣрить не хотѣлъ.

Рославл. Возможно-ли? Такъ стало,
Все кончено теперь! все для меня пропало!
Какъ глупо ввѣрился, и какъ обманутъ я!
И кѣмъ же?—Рѣшена судьба теперь моя.
Утѣшимся, мой другъ, оставимъ ихъ въ покоѣ,—
Откажемся навѣкъ отъ женщинъ, будемъ двое,
Какъ братья, жить.

Ленскій. Оно все такъ, я очень радъ!
Однако-жь, посуди и то, любезный братъ,
Что мнѣ моя вѣрна.

Рославл. Вѣрна?—Да, дожидайся!
Вѣрна!—Нѣтъ, женщинамъ ты лучше удивляйся,—
Твоей, моей и всѣмъ!—Всѣ вѣрны, хоть куда!
Да что я? Для тебя не велика бѣда:
И станешь-ли тужить ты объ своей потерѣ?

Ленскій *(очень хладнокровно).*
Въ чемъ дѣло, разскажи?

Рославл. Она... По крайней мѣрѣ,
Ты это заслужилъ холодностью своей.

Ленскій. Да что-же?

Рославл. Ничего. Отъ вѣрной-то твоей
Показывалъ письмо мнѣ Блестовъ: въ оба глаза
Смотрѣлъ я и читалъ, и перечелъ два раза.

Ленскій *(особо).*
Отъ каждой по письму! (*Ему*): Какъ ты сказалъ?—моя?

Рославл. Писала къ Блестову письмо,—самъ видѣлъ я.

Ленскій. Ты шутишь?

Рославл. (*усиливая голосъ*). Не шучу.
Ленскій. Она къ нему писала?
Рославл. Да, сударь!
Ленскій. Къ Блестову?
Рославл. Да, сударь.
Ленскій. Изъясняла
Въ письмѣ любовь свою безъ всякаго стыда?
Рославл. Да, сударь, да, сударь,—я говорю вамъ: да!
Къ чему разспрашивать? для васъ вѣдь это малость.
Ленскій (*въ сторону*).
Такъ обѣ къ Блестову онѣ писали? Шалость!
Рославл. Никакъ не вслушались,—велите повторить?
Ленскій (*съ улыбкой*).
Нѣтъ, вслушался, и васъ хотѣлъ благодарить.
Рославл. Что? женщинъ я не зналъ?—«Намъ брать у нихъ уроки?
И только сами мы заводимъ ихъ въ пороки?»
Что? правъ ты?
Ленскій. Можетъ быть.
Рославл. Какъ? Лиза мнѣ вѣрна?
И въ шута, въ Блестова, покамѣстъ влюблена!
Ленскій. Я думаю, теперь онъ долженъ восхищаться.
Рославл. Вотъ думаетъ объ чемъ!
Ленскій. Нельзя-ль тебѣ дождаться?
Я въ мигъ приду назадъ.
Рославл. Ихъ надо въ стыдъ привесть;
Пойдемъ.
Ленскій. Что мнѣ до нихъ? другое дѣло есть.
(*Хочетъ идти*).
Рославл. (*его держитъ*).
Элединa сама, ты помнишь, намъ сказала,
Что нѣжности она къ кому-то сочиняла...
Да что? при насъ самихъ записка послана.
Ленскій. Хоть то въ ней хорошо, что искренна она.
Рославл. Какъ входитъ въ голову такое разсужденье!
Подумай хоть объ томъ, холодное творенье:
Письмо Элединой мнѣ Блестовъ показалъ,
Письмо отъ Лизы онъ тебѣ читать давалъ.—
Неужли позволять надъ нами такъ ругаться?
Ленскій. У всякаго свой вкусъ; онъ любитъ забавляться.
Рославл. Ахъ, Лиза! Ахъ, на что отъ Вельской я отсталъ?
Послушай, ты письмо... проклятое читалъ:
Не помнишь-ли, что въ немъ? Сказать ты можешь смѣло.—
Ужъ я не разсержусь.
Ленскій. Зачѣмъ? не къ спѣху дѣло;
Мнѣ Блестовъ обѣщалъ ихъ письма выдать въ свѣтъ.
Рославл. Прощай же, коли такъ; въ тебѣ надежды нѣтъ.
Я Блестова сыщу. (*Хочетъ идти*).
Ленскій (*удерживая его*).
Постой; какой ты вздорной
Ну, есть-ли изъ чего шумѣть?
Рославл. (*хочетъ уйти*). Слуга покорный!
Ленскій (*держитъ его*).
Постой; повѣрь же мнѣ, что Блестовъ не любимъ.

Рославл. Какъ?
Ленскій. Забавляются надъ нами и надъ нимъ.
Рославл. Съ чего ты взялъ?
Ленскій. Съ того, что я навѣрно знаю.
Рославл. А письма?
Ленскій. Ихъ себѣ я очень объясняю.
Вдругъ обѣ къ Блестову послали два письма!
Нельзя, чтобъ обѣ вдругъ сошли онѣ съ ума,—
Ну, самъ ты разсуди.
Рославл. Такъ точно.—Нѣтъ! вѣрнѣе
Узнать бы. Растолкуй все это мнѣ яснѣе.
Ленскій. Да все объяснено. Одна изъ нихъ скромна,
Другая, меньше, но... обманщица-ль она?
Ты вѣришь письмамъ ихъ,—а я ихъ чувствамъ вѣрю.
Лишь Блестовъ сдѣлалъ тутъ неважную потерю,
Разсудокъ потерялъ, и то не нынче...
Рославл. Такъ!
Ты жизнь мнѣ возвратилъ!—Какой же я дуракъ!
Я сомнѣваться могъ!—Что значитъ быть ревнивымъ!
Сто разъ ужъ передъ ней я былъ несправедливымъ!
Какъ до сихъ поръ не знать ума ея, души?
Однако-жъ вѣдь онѣ и сами хороши:
Сидятъ и про себя чай думаютъ: авось-ли
Надъ легковѣрьемъ ихъ мы похохочемъ—послѣ.
Нѣтъ! не умѣли мы ихъ хитрость угадать?
Нѣтъ! очередь не намъ надъ ними хохотать?
Тебѣ обязанъ я всѣмъ, другъ мой! (*Обнимаетъ его*).
Ленскій. И какъ другу,
Мнѣ окажи теперь бездѣльную услугу.
Рославл. (*съ живостію*).
Вели, приказывай! что хочешь ты, чего?
Ленскій. Дай Блестову пожить, не вызывай его.
Рославл. Не вызову.
Ленскій. Ну вотъ, насилу усмирился.
Рославл. Однако-жь, если ты судить поторопился?
Ленскій. Опять за ревность!
Рославл. Нѣтъ. Да ты подумай самъ,—
Безъ доказательства нельзя же вѣрить намъ.
Ленскій. Все та же пѣсня.
Рославл. Мнѣ хотѣлось бы покуда...
Ленскій. Покуда надобно уйти тебѣ отсюда:
Отчаяннаго роль я стану здѣсь играть,—
Ты только не мѣшай.
Рославл. Да надо бы узнать.
Ленскій. Я все узнаю, (*почти толкаетъ его*) все; ну, что же, убирайся!
Рославл. А если...
Ленскій. Ахъ, поди! (*толкаетъ его*).
Рославл. Смотри, въ обманъ не вдайся.
Ленскій (*выталкиваетъ*).
Да ну, поди скорѣй!

(*Рославлевъ тихонько входитъ опять и, не бывъ примѣченъ Ленскимъ, прячется чрезъ другія двери въ кабинетъ*).

ЯВЛЕНІЕ 11-е: **Ленскій** (*одинъ*).

Довольно покричалъ!
Не мудрено: я самъ ужъ вѣрить начиналъ!
А Блестову его соперники достались
Въ повѣренные!—Какъ? Всѣ трое мы попались,
Чтобы Элединy и Лизу забавлять?
Пустое!—Не люблю я женщинъ баловать.
Нѣтъ хуже, какъ прощать насмѣшки ихъ надъ нами;
Ихъ поздно въ руки брать, какъ будутъ намъ женами...
Онѣ? я очень радъ!

ЯВЛЕНІЕ 12-е: **Ленскій, Элединa, Лиза.**

Элединa (*Лизѣ въ глубинѣ комнаты*). Печаленъ!—Неужли
Ужъ Блестовъ разсказалъ?
Лиза. Спроси.
Элединa (*Ленскому*). Куда вы шли?
Ленскій (*печально*).
Не знаю.
Элединa. Что за грусть?—Вѣдь вы смѣетесь вѣчно.
Ленскій (*ходя взадъ и впередъ*).
Когда обманывалъ кто такъ безчеловѣчно!
Мужчину завести, увѣрить, уловить,
Дать слово,—и потомъ, какъ на смѣхъ, измѣнить.
Въ досадѣ этакой отъ смерти недалеко!
Элединa. Зачѣмъ же отъ меня такъ мучиться жестоко?
Ленскій (*остановясь*).
Поступокъ вашъ меня конечно оскорбилъ;
Однако-жъ не объ немъ теперь я говорилъ.
Отчаянный мой другъ мнѣ въ головѣ вертится... (*Лизѣ*):
Представьте, онъ совсѣмъ хотѣлъ ужъ застрѣлиться.
Все проклиналъ: любовь, друзей и цѣлый свѣтъ;
Рѣшилъ, что для него ни въ комъ надежды нѣтъ,
Что въ свѣтѣ все обманъ, что женщины всѣ ровно
Лукавы, злы...
Элединa (*перебивая*). А вы, какъ должно, хладнокровно,
Утѣшили его?
Ленскій. Какъ тутъ попали вы.
Я правда ждалъ всего отъ этой головы:
Онъ застрѣлился бы. Но выдумкой счастливой
Я спасъ его.
Лиза (*испугавшись*). Какой?
Ленскій. Извѣстно, что ревнивой,
Въ любви обманутый, тотчасъ на все готовъ;
Такъ убѣдить его мнѣ стоило двухъ словъ:
Натальею Вельскую вы знаете?
Элединa. Ну, что же?
Ленскій (*Лизѣ*).
Такъ точно; васъ она немного помоложе.— (*Элединой*):
Брюнетка! острая! живая!.. Словомъ онъ...
Элединa (*перебивая, и показывая на Лизу*):
Съ досады на нее ужъ въ Вельскую влюбленъ?
Ленскій. Вхожу я: въ комнатѣ почти не видно свѣта;

Онъ въ горѣ; на столѣ лежатъ два пистолета...
Я началъ утѣшать, онъ слушать не хотѣлъ;
Объ Вельской рѣчь зашла...

Элединa *(перебивая)*. И къ ней онъ полетѣлъ.

Ленскій. Нѣтъ, я отвезъ его.—А впрочемъ долго бился;
Онъ спорилъ, ссорился, но послѣ—согласился.

Элединa *(въ сторону)*.
Злодѣй!

Лиза *(въ сторону)*. Ахъ!

Ленскій *(Элединой)*. И теперь они въ глазахъ моихъ!
Представьте въ нѣжности и въ восхищеньѣ ихъ!
Не могутъ говорить, хоть говорить хотѣли,
За то съ какимъ огнемъ другъ на друга глядѣли! *(Лизѣ)*:
А болѣе меня ея плѣнялъ восторгъ!
Скажите! я безъ слезъ смотрѣть на нихъ не могъ. *(Элединой)*:
И что-жъ пріятнѣе, какъ видѣть двухъ счастливыхъ? *(Лизѣ)*:
Въ желаніяхъ любви, всегда нетерпѣливыхъ,
При мнѣ клялись они другъ друга обожать;
И... скоро свадьба ихъ. *(Элединой)*: А мнѣ пришлось искать,
Такую милую (хоть правда это странно),
Чтобъ одного меня любила постоянно.
Не то, чтобъ Блестову я подражать хотѣлъ,
Сегодня двухъ невѣстъ онъ вдругъ сыскать умѣлъ.

(Ленскій смѣется и раскланивается съ ними; онѣ съ досады на него не смотрятъ, и онъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 13-е: **Элединa, Лиза.**

Элединa *(долго молчитъ, не смѣя взглянуть на Лизу; наконецъ говоритъ)*:
Какой же человѣкъ!—И я его любила!

Лиза. А я себя, скажи, за что же погубила?
Твоя же выдумка, чтобъ письма намъ писать!
И подлинно умно, ужъ нечего сказать!—
Ахъ! я отъ этого Рославлева теряю.

Рославл. *(выходя изъ кабинета, въ которомъ онъ прятался)*.
Дай ихъ подслушаю.

(Въ этой сценѣ онъ нѣсколько разъ хочетъ подойти къ Лизѣ).

Элединa. Да я еще не знаю,
Печалиться-ли намъ? И есть-ли изъ чего?
Хоть Ленскій мой? Скажи, ну гдѣ-жь любовь его?
Вѣдь онъ же не шутя любить меня божился.
А твой?—Съ отчаянья почти что ужъ женился.
Они...

Лиза. То сдѣлали, что должно было имъ,
Что сдѣлала бы я, съ терпѣніемъ моимъ.
Какъ? на дурацкія мы письма отвѣчаемъ!
Кого же? Блестова мы имъ предпочитаемъ.

Элединa. Что-жъ? Изъ учтивости должны бы хоть они
Поплакать, пострадать какихъ-нибудь два дни.
Я видѣла, какъ здѣсь ревнивецъ твой божился,
Что въ мигъ бы умеръ онъ, когда-бъ тебя лишился.
Зачѣмъ же не сдержалъ онъ слова своего?

Лиза. Зачѣмъ?—Ахъ, Боже мой!

Элединa. Да, это роль его.
Роль Ленскаго теперь веселымъ притворяться,
А наша, имъ на зло, ни чуть не огорчаться.
Поддержимъ честь свою и позабудемъ ихъ!
Лиза (*почти плачетъ*).
Честь?—Развѣ честь велитъ обманывать другихъ?
Рославл. (*тихо въ глубинѣ комнаты*).
Прелестна! (*Хочетъ къ ней подойти*).
Лиза (*плачетъ*). Какъ любилъ! Какъ думалъ быть счастливымъ!
Ну вотъ! ты Ленскаго не сдѣлала ревнивымъ,
А я съ Рославлевымъ лишаюся всего;
Мнѣ даже жаль теперь и ревности его!
Ахъ! если-бъ слышалъ онъ, какъ я себѣ пеняю!
Когда бы зналъ...

ЯВЛЕНІЕ 14-е: **Рославлевъ, Элединa, Лиза.**

Рославл. (*съ радостію*). Я здѣсь: все слышалъ, и все знаю.
Лиза. Рославлевъ, это вы?
Рославл. Такъ я еще любимъ?
И сказкамъ обо мнѣ вы вѣрите пустымъ?
Элединa. Такъ вздоръ онъ намъ сказалъ про Вельскую Наташу?
Обманщикъ Ленскій!
Рославл. Да, онъ понялъ шутку вашу,
И отплатить хотѣлъ.
Лиза. А вы съ нимъ заодно!
Рославл. Кто?.. Я?.. Нѣтъ, не совсѣмъ... Вѣдь было мудрено
Не усомниться мнѣ—такой я сумасшедшій.
Да что ужъ толковать о глупости прошедшей? (*Элединой*):
Не ссорьтесь съ Ленскимъ: онъ безцѣненъ!—Безъ него
Не зналъ бы никогда я счастья своего. (*Лизѣ*):
Когда бы удалось услышать мнѣ, какъ мило
Жалѣли обо мнѣ?—Какъ мнѣ пріятно было!
За это вы меня рѣшитесь-ли простить?
Лиза. Вы сами слышали, такъ что тутъ говорить.
Рославл. Ахъ! сроду никогда я такъ не восхищался!
Элединa (*увидя Ленскаго*).
Тсъ!—тише!

ЯВЛЕНІЕ 15-е: **Ленскій, Рославлевъ, Элединa, Лиза.**

Ленскій (*будто ищетъ кого-то*). Точно здѣсь.—Что если-бъ догадался
И онъ помучить ихъ? (*Посмотрѣвъ на всѣхъ*).
Нѣтъ, все извѣстно...
Элединa. Да!
Извѣстно всѣмъ, что въ васъ нѣтъ совѣсти, стыда,
Всѣхъ рады осмѣять вы для своей забавы,
И непростительно какъ злы и какъ лукавы.
Ужасный человѣкъ!
Ленскій. Что-жъ дѣлать?—виноватъ!
А вотъ несносенъ кто, все выболтать онъ радъ!
Нѣтъ, милый мой, теперь мы сговорились двое;
А если что-нибудь впередъ затѣю злое,
Такъ вѣрно безъ тебя.
Рославл. (*съ довольнымъ видомъ*). Пожалуй.

Элдина. Боже мой!
Вотъ извиняется онъ какъ передо мной!
Ленскій. Что-жь, хитрость мнѣ моя,—признаться я обязанъ,—
Не вовсе удалась; довольно я наказанъ!

ЯВЛЕНІЕ 16-е.

(*Рославлевъ цѣлуетъ руку у Лизы; Ленскій съ тѣмъ же подходитъ къ Элединой, — она отъ него отворачивается. Въ эту минуту является Блестовъ, и помираетъ со смѣху*).

Блестовъ, Элдина, Ленскій, Рославлевъ, Лиза.

Блестовъ (*въ сторону*). Забавны взапуски одинъ передъ другимъ!
(*На ухо Элединой*):
Зачѣмъ обходитесь вы такъ жестоко съ нимъ?
Онъ догадается.
(*Элдина смѣется. Блестовъ становится между Ленскимъ и Рославлевымъ*).
(*Ленскому*):
Вашъ другъ въ веселомъ нравѣ...
Что если бъ онъ узналъ? Нѣтъ, Боже насъ избави!
(*Ленскій смѣется*).
(*Рославлеву*):
Каковъ вамъ кажется вашъ Ленскій?—Право кладъ!
Вѣдь за Элдину онъ побожиться радъ,
Что все ему вѣрна! (*Всѣ смѣются*).
Да кто-жъ надъ кѣмъ смѣется?
Ленскій. Надъ вами, сударь, всѣ,—мнѣ такъ оно сдается.
(*Элединой*):
А чтобъ увѣрился онъ въ торжествѣ своемъ,
День нашей свадьбы мы назначимте при немъ.
Элдина. Ты понялъ мастерски, хитрецъ, мою науку:
За это за одно мою получишь руку.
Ленскій. Вы шутки не должны такъ къ сердцу принимать:
Я васъ въ невѣрности не смѣлъ подозрѣвать,
Хоть Блестовъ, слова нѣтъ, соперникъ преопасный...
Рославлевъ ревновалъ... Ну! онъ любовникъ страстный,
А я, почтительный,—тутъ нѣтъ другихъ причинъ;
И несогласіямъ конецъ теперь одинъ.
(*Показывая на Блестова*):
За наши ссоры онъ пусть Богу отвѣчаетъ.
Рослав. (*самымъ насмѣшливымъ тономъ*).
Вотъ Блестовъ разомъ какъ двухъ женщинъ обольщаетъ!
(*Каждый въ свою очередь подходитъ къ Блестову съ ироническимъ поклономъ, и потомъ всѣ уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Блестовъ (*одинъ*). Красавицы мои! Кто растолкуетъ васъ?
Да правда, вѣдь и мы не лучше въ добрый часъ;
Сегодня любимъ ихъ, а завтра ненавидимъ. (*Подумавши*):
Какъ будутъ замужемъ онѣ,—тогда увидимъ!

ПРОБА ИНТЕРМЕДІИ.

Интермедія въ 1 дѣйствіи.

(1819).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Феколковъ, **Алегринъ**, **Рѣзвушковъ**, **Припрыжкинъ**, **Свисталова** — актеры.
Бемольская, актриса.
Машинистъ.
Суфлеръ.
Актеры и актрисы.

Дѣйствіе происходитъ въ провинціальномъ театрѣ. Театръ представляетъ сцену въ безпорядкѣ.

Феколковъ. Много васъ, актеровъ и актрисъ...
Батюшки, мнѣ нуженъ бенефисъ!
Матушки, мнѣ нуженъ бенефисъ!
Прочіе актеры и актрисы.
Разскажите,
Что хотите
Вы отъ насъ?
Феколковъ. Вотъ какъ разъ!
Въ бенефисъ меня вы не оставьте,
Мнѣ чтобъ не попасть впросакъ:
Публику вы позабавьте
Кое-чѣмъ и кое-какъ.
Прочіе. Вамъ помочь
Мы не прочь.
Феколковъ. Васъ, друзья мои, такъ много,—
Помолчите, ради Бога!
Прочіе. Правда, много насъ числомъ,
Да какая польза въ томъ?
Феколковъ. Надо, чтобъ скорѣй поспѣло.
Алегринъ. Поскорѣе?—Такъ за дѣло
Взяться надлежитъ съ умомъ!
Феколковъ. Въ этомъ затрудненья мало,
Дѣлайте, какъ ни попало.
Прочіе. Хорошо,—да должно знать,
Что мы будемъ представлять?
Оперу?
Феколковъ. Охъ, нѣтъ!
Алегринъ. Балетъ?
Феколковъ. Нѣтъ! Нѣтъ!
Припрыжк. Комедью?
Феколковъ. Интермедью!
Всѣ (*кромѣ его*).
Интермедью!—Боже сохрани!
Интермедью!—Нѣтъ, ужъ искони
Солоны достались намъ они!
И какая вамъ охота?
Только бѣднымъ намъ работа,
Бѣднымъ зрителямъ зѣвота!
Феколковъ. Неужто, господа, мнѣ быть безъ бенефиса?

Алегринъ. Дайте въ свой бенефисъ что́ хотите, да только не интермедію.

Всѣ (*повторяютъ*).

И какая вамъ охота?—
Только бѣднымъ намъ работа,
Бѣднымъ зрителямъ зѣвота.

Феколковъ. Да, господа, дѣло праздничное; серіозное надоѣстъ, не худо бы затѣять какую-нибудь потѣху.

Рѣзвушковъ (*обращаясь къ прочимъ*). Ну, ужъ выведемте его изъ хлопотъ; дѣлать такъ дѣлать. Здѣсь, однако, не Петербургъ, автора не скоро сыщешь; развѣ нашъ суфлеръ примется,—человѣкъ онъ грамотный. Нутка, батюшка, вылѣзай изъ своего кабинета; у тебя давно рука чесалась сочинить что-нибудь для театра, вотъ и случай есть, отличись.

Феколковъ. Вылѣзайте, отецъ родной, я самъ услужу въ другое время.

Суфлеръ. Извольте, располагайте моимъ умомъ, моимъ перомъ и моимъ языкомъ.

Всѣ (*кромѣ его*).

Браво! Фора!
У суфлера
Все кипитъ!
Кто коль скоро
Что́ проспитъ,
Не затвердитъ,
Кто собьется,
Заикнется,
Нашъ суфлеръ лишь встрепенется,
И лишь голосъ онъ подастъ,
Всякій кто во что́ гораздъ.

Суфлеръ. Смѣйтесь, смѣйтесь, господа, а безъ меня иному бы изъ васъ плохо пришлось. Да не о томъ рѣчь. Вамъ нужна новая піеса. Для сего нужно многое, а самое нужное: декораціи, актеры, слова, музыка и танцы... танцы или пляски.

Рѣзвушковъ. Верховой, спускай декорацію. Вотъ тебѣ лѣсъ и вода.

Свисталова. Актеры всѣ на лицо, въ костюмахъ и безъ костюмовъ.

Бемольская. Словъ чѣмъ меньше, тѣмъ лучше.

Алегринъ. Музыки у насъ вволю, выбирай любую.

Припрыжкинъ. За танцами дѣло не станетъ.

Феколковъ. Такъ стало самое нужное есть, стоитъ только къ нему присочинить кое-что.

Суфлеръ. Это ничего не составляетъ...

Свисталова. Особливо для суфлера.

Бемольская. Онъ всякую всячину наизусть знаетъ.

Рѣзвушковъ. Онъ весь свой вѣкъ чужое говоритъ.

Алегринъ. Пусть его крадетъ откуда хочетъ, была бы піеса готова.

Свисталова. Не безпокойтесь, онъ на нашу бѣду пожалуй столько сочинитъ, что намъ ввѣкъ не выучить.

Суфлеру нашему хвала,
Природа коему дала
Писать охоту и умѣнье!
Его-жъ такія сочиненья,
Что самъ едва-ль онъ ихъ пойметъ,

Да и никто не разберетъ;
А дѣло все на ладъ идетъ.

Суфлеръ. Прошу васъ, господа,
Не говорить ни слова!
Вотъ лѣсъ и вотъ вода,—
Такъ главное готово.
На завѣсѣ рѣка...
Пусть будетъ же: Ока.
Готово и названье,
Благодаря рѣкѣ:
Пирушка на Окѣ,
Иль за Окой гулянье;
И пѣснями начать,
И плясками кончать!

Алегринъ. Что же намъ пѣть?

Припрыжкинъ. Какія пляски?

Суфлеръ. Пойте и скачите сколько душѣ угодно, только не всѣ вдругъ.

Феколковъ. Однако нельзя безъ пробы.

Суфлеръ. Ну, такъ пробуйте. Г. пѣвецъ, выступайте. Что потверже—го и пойте. А прочихъ прошу изготовиться для послѣдующаго; я же между тѣмъ займусь сочиненіемъ куплетовъ, которые пропоетъ наша пѣвица тогда, какъ будутъ готовы. За дѣло! скорѣй! а не то я перестану сочинять.

Всѣ. Хорошо, хорошо.

(*Пѣніе и танцы; по окончаніи суфлеръ говоритъ*).

Суфлеръ. Довольно, довольно. Куплеты готовы. Угодно ли мнѣ сдѣлать честь ихъ пропѣть въ заключенье!

Феколковъ. Неужели заключенье!

Бемольская. Что жь вы еще хотите?

(*Беретъ куплеты и поетъ ихъ*).

Куплеты.

Довольно всѣ плясали, пѣли!
Покуда вамъ не надоѣли,
Всего умнѣе разойтись.
Кто хочетъ, тотъ пускай сердись,
Надъ нашей шалостью острись.
А мы не съ авторскимъ умишкомъ—
Хоть пошалили, да не слишкомъ.
Притомъ кто осуждать насъ станетъ,
Не худо ежели вспомянетъ,
Что позабавиться на счетъ
Кто интермедіи идетъ,
Не много умнаго онъ ждетъ.
И въ этой вздору много тоже,
Да все на прочихъ не похоже.
На свѣтѣ же всегда водилось:
Какъ зрителямъ что полюбилось,
Никто не спросить: какъ оно—
Безсмысленно, или умно,
Или плачевно, иль смѣшно?
Лишь только бы новѣе было;
Всегда, что ново, то и мило.

„КТО БРАТЪ, КТО СЕСТРА“, ИЛИ ОБМАНЪ ЗА ОБМАНОМЪ.

Новая опера-водевиль, въ 1 дѣйствіи.

Оригинальное сочиненіе съ хорами и разнохарактернымъ дивертисментомъ. Музыка *А. Н. Верстовскаго* *).

(1824).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Панъ Чижевскій, содержатель почтоваго двора.
Антося } дочери его.
Лудвися }
Рославлевъ младшій, гусарскій офицеръ.
Юлія, жена его.
Рославлевъ старшій.
Андрей, слуга его.
Ваціусъ, писаржъ почтовый.
Передовой Рославлева старшаго.
Слуга проѣзжающихъ.
Жиды.

Дѣйствіе происходитъ въ польскомъ мѣстечкѣ въ почтовомъ дворѣ. (Комната, справа отъ зрителя столъ, на немъ шнуровыя книги, бумаги и проч., съ лѣвой клавикорды, на стѣнѣ гитара; въ срединѣ открытый видъ въ цвѣтникъ).

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Рославлевъ младшій, Юлія (*сидятъ за столомъ въ цвѣтникѣ и пьютъ чай*), **Антося и Лудвися** (*одна за клавикордами, а другая съ гитарой, и поютъ*). **Рославлевы слуги** *увязываютъ чемоданъ и проч.* **Писаржъ** *пишетъ за столомъ.* **Панъ Чижевскій** (*читаетъ Варшавскую газету*).

Антося и Лудвися. Молодость, какъ струйка!
Молодость, какъ цвѣтъ
Пробѣжитъ украдкой,
Процвѣтетъ—и нѣтъ!
«Милая Магдуся!»
Янекъ говорилъ:
«Злыхъ людей не труся,
Молви: ты мнѣ милъ!»
Что жъ на то Магдуся

*) Куплеты въ пьесѣ не принадлежатъ Грибоѣдову, за исключеніемъ: «Любитъ обновы мальчикъ Эротъ...»

Молвила ему?—
«Сердцемъ отдаюся
Другу моему.»
Завтра—гость невѣрный! прошлый гость—вчера,
На любовь и радость намъ одна пора.
Слышу-ли, какъ зыбкой
Крадется ручей,
Какъ на вѣткѣ гибкой
Стонетъ соловей,
Въ розу-ли всмотрюся,
Что цвѣтокъ на срокъ,
Вспомнится Магдуся
И ея урокъ!
Завтра—гость невѣрный! прошлый гость—вчера!
На любовь и радость намъ одна пора!

Рославлевъ младшій и Юлія *входятъ въ комнату.*

Рославлевъ мл. Въ дорогѣ чай и пѣсни всегда кстати, но и лошади не лишнее. Мы теперь отдохнули, освѣжились; отправьте насъ скорѣе панъ почтмистръ!

Панъ Чижевскій. Зáразъ, яснеосвѣщенный! кони готовы!

Писаржъ. (*Писаржъ между тѣмъ показываетъ ему подорожную и тихо говоритъ*): Позвольте только разспросить о имени вашемъ: мы никакъ не разберемъ. (*Читаетъ*): Слѣдующему изъ Санкт-Петербурга въ Варшаву...

Рославлевъ мл. Гвардіи Ротмистру Рославлеву.

П. Чижевскій (*читаетъ про себя*). Съ будущими...

Рославлевъ мл. И слава Богу, не только съ будущими, но и съ настоящею (*показывая на жену*) на зло всѣмъ препятствіямъ.

П. Чижевскій. А, понимаю, понимаю.
Жизнь скучнымъ трактомъ вамъ казалась!
Такъ, взявъ любовь въ проводники,
Желали вы, чтобы досталась
И радость съ легкой вамъ руки!
Такъ! къ счастью пристани надежной
Всѣмъ милъ открытый листъ въ женѣ...
Антося. Ахъ! какъ хотѣлось бы и мнѣ
Скорѣй быть также подорожной. } bis.
П. Чижевскій. Любовь и бракъ!
Рославлевъ мл. Одно и то же:
Они родные братъ съ сестрой!
П. Чижевскій. Согласенъ! но сестра моложе,
А братецъ баринъ пожилой,—
Въ дорогѣ спутникъ ненадежной:
Сестра на вольныхъ навострить,
bis. } А братъ отстанетъ и сидитъ,
Одинъ, съ законной подорожной.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ же и Передовой старшаго Рославлева.

Передовой. Скорѣе! скорѣе! восемь лошадей! двѣ мнѣ, а шесть Его Высокородію, которой скачетъ по пятамъ моимъ.

П. Чижевскій (*читаетъ подорожную*). Изъ Варшавы въ Санкт-Петербургъ Маіору Рославлеву (*отходитъ къ письменному столу*).

Рославлевъ мл. Вотъ неожиданный гость! Это братъ мой!

Юлія. Куда намъ дѣваться?

П. Чижевскій. Рославлевъ изъ Петербурга въ Варшаву—Рославлевъ изъ Варшавы въ Петербургъ.

Рославлевъ мл. (*отводя его въ сторону*). Тсъ! Ни слова обо мнѣ! намъ надо съ тобою уговориться, любезный, драгоцѣнный панъ почтмистржъ.

Передовой (*Писаржу*). Пока нельзя-ли мнѣ съ дороги и на дорогу выпить стаканъ вина?

Писаржъ. Хоть два, только вмѣстѣ со мною. (*Слуга и они уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Рославлевъ мл., Юлія, П. Чижевскій, Антося и Лудвися.

Юлія. Сдѣлайте одолженіе, панъ почмистръ, не давайте лошадей проѣзжающему!

П. Чижевскій. Да не безпокойтесь! васъ не обидимъ! Въ лошадяхъ, благодаря Бога, здѣсь недостатка нѣтъ. Моя станція первая по всему тракту...

Рославлевъ мл. Вѣрю, но не въ томъ дѣло! мы и сами останемся здѣсь, да и его нужно намъ задержать.

П. Чижевскій. Змилуйтесь, ясновельможный пане! За кого вы насъ принимаете! Я знаю всю важность своей обязанности, облеченный довѣренностью Правительства,—какъ пойду противъ постановленій!..

Рославлевъ мл. За другими... дорога наѣзжена.

П. Чижевскій. Что скажутъ обо мнѣ начальники?

Рославлевъ мл. Что говорятъ о другихъ.

П. Чижевскій. Знать ложенъ толкъ въ васъ о почмистржѣ Польскомъ:
Кривнуть душой насъ Богъ оборони!
Ввѣкъ не споткнутся въ мѣстѣ скользкомъ
Ни гоноръ мой, ни лошади мои!
Нѣтъ! польскихъ почтъ исторію прочтите
И съ норовомъ почтмистржа... въ Посполитѣй
Не сыщите, ручаюсь вамъ!
Присяга въ насъ непобѣдима,
И Нарушевичъ скажетъ самъ,
Что наша честь ненарушима!

Юлія. Троньтесь хоть тѣмъ, что Нарушевичъ какъ вамъ, такъ и мнѣ землякъ, что и я полька...

Рославлевъ мл. (*впуская въ руку нѣсколько червонцевъ*). Да троньтесь хоть этимъ... За упокой Нарушевича.

Юлія (*снимаетъ съ себя цѣпочку и кольцо и отдаетъ сестрамъ*). Вотъ, мои милыя, носите это на память обо мнѣ.

Антося. Какая милая цѣпочка,
Какой плѣнительный нарядъ!
И самого маршалка дочка
Такой имѣетъ-ли наврядъ!

Лудвися. Колечко, я тебя въ гостинецъ
Дружку готовлю своему,—
А кто дружокъ? (*надѣвая кольцо*). Смотри-жъ, мизинецъ,
Не проболтайся никому!

П. Чижевскій. Дѣлать нечего! Вы побѣждаете мою непреклонность! доброй полякъ умѣетъ сострадать ясновельможному ближнему и самъ

готовъ страдать за ясновельможную ближнюю. Что ни было бы, а кому вы не прикажете, тому лошадей и не будетъ.

Кровь польская сказалась въ сердцѣ польскомъ:
Не устою на роковой чертѣ,
И, спотыкаясь въ мѣстѣ скользкомъ,
Я падаю, но въ ноги красотѣ!
Я не легко пускаюсь на измѣну,
Нѣтъ, вашихъ просьбъ призналъ и вѣсъ, и цѣну,
Вы заглушили ложный стыдъ,
Въ мою прокралися вы душу,
И Нарушевичъ мнѣ проститъ,
Что клятву разъ свою нарушу.

Юлія. Какъ мы вамъ благодарны!

П. Чижевскій. Оно благодарности не стоитъ!

Рославл. мл. Нѣтъ стоитъ-то стоитъ, да не въ счетѣ дѣло.

П. Чижевскій. Но растолкуйте мнѣ теперь, зачѣмъ вы непремѣнно хотите задержать однофамильца. Тутъ есть тайна, а я недаромъ почтмистржъ: много тайнъ перебываетъ у меня въ рукахъ.

Рославл. мл. Не мало и останется!

Юлія. Мужъ мой все вамъ разскажетъ. (*Сестрамъ*): А вы, милыя, подите со мною. Надобно намъ обдумать и привести въ исполненіе планъ нашей комедіи на скорую руку. (*Онѣ уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4-е. **Рославлевъ мл. и П. Чижевскій.**

Рославл. мл. Узнайте же, что ѣдущій изъ Варшавы въ Петербургъ Рославлевъ — мой родной братъ. Лишившись родителя своего въ ребячествѣ, видѣлъ я въ братѣ другаго отца; выросши, вижу въ немъ лучшаго своего друга. Долго не имѣли мы между собою ни тайнаго поступка, ни тайной мысли; нравы скромности, образъ мыслей—все сближало насъ день ото дня болѣе и болѣе. Но вдругъ согласіе наше разрывается. Я полюбилъ одну женщину,—онъ всѣхъ женщинъ возненавидѣлъ. Я пишу къ нему, что хочу жениться и прошу его согласія,—онъ отвѣчаетъ, что, если не обѣщаюсь остаться съ нимъ холостымъ на всю жизнь, то онъ отказывается отъ меня навсегда. — Я женился, и ѣду къ нему съ женою: онъ скачетъ, чтобы помѣшать нашей свадьбѣ. Вотъ наша исторія.

П. Чижевскій. Но какимъ способомъ надѣетесь вы переупрямить его и довести до согласія?

Рославл. мл. Я самъ еще порядочно не знаю, но есть надежда; братъ — человѣкъ пламенный, и вообще постоянства въ любви къ женщинамъ мало, но постоянства въ ненависти къ нимъ еще менѣе.

П. Чижевскій. И то правда! Я съ молоду и самъ не охотникъ былъ до женщинъ, но покойная жена однако же принудила меня обвѣнчаться съ нею. Помнится мнѣ, читалъ и въ Красицкомъ, что богачей и барынь всѣ злословятъ, и всѣ въ нихъ ищутъ.

Рославл. мл. Стукъ! коляска подъѣхала. Прощай, благодѣтель, и смотри же скромнѣе и осторожнѣе. (*Уходитъ въ боковую комнату*).

П. Чижевскій (*пересчитывая деньги изъ руки въ руку*). Скромнѣе и осторожнѣе!

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

П. Чижевскій, Рославлевъ старшій (*въ фуражкѣ*).

Рославл. ст. Лошади готовы? Впрягать скорѣе!

П. Чижевскій. Ясновельможный...

Рославл. ст. Готовы, я спрашиваю?

П. Чижевскій. Ясноосвѣщенный — извольте взять терпѣнье.

Рославл. ст. Терпѣніе? — Лошадей я говорю. Гдѣ-жъ мой передовой?

П. Чижевскій. Гм! Здѣсь!

Рославл. ст. А лошади?

П. Чижевскій (*нерѣшительно и боязливо*). Будутъ.

Рославл. ст. Ну, сейчасъ, сію минуту!

П. Чижевскій (*пріободряется и откланивается, не трогается и начинаетъ* (*пѣть*), *Рославлевъ съ перваго стиха зажимаетъ ему ротъ*).

Могу сказать вамъ о почтмистржѣ польскомъ...

Рославл. ст. До пѣсней ли мнѣ теперь! Тьфу, какой безмозглый народъ! послать ко мнѣ курьера! Самъ бѣги, вели, кричи! Живо! мигомъ! (*Выталкиваетъ его*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Рославл. ст. (*одинъ*). Пѣть хочетъ! Сумасшедшій! Теперь, можетъ-быть, у брата на свадьбѣ поютъ и пляшутъ... Странная судьба! Скачу сломя голову, чтобы брата отговорить отъ дурачества, которое самъ хотѣлъ было сдѣлать три мѣсяца тому назадъ; но вы, красавицы, меня вылечили отъ залетнаго воображенія, отъ всякихъ попытокъ на супружеское счастье, отъ вѣры въ вашу любовь,—вы, которыя никого, кромѣ себя, не любите. Я долго гонялся по слѣдамъ вашимъ, долго; но поумнѣть никогда не поздно. (*Беретъ гитару, прислоняется къ фортепьяно, пробуетъ нѣсколько аккордовъ и напѣваетъ куплетъ*):

Пускай сердечнымъ суевѣрамъ
Еще мерещится любовь,
А я откланялся химерамъ,
И на обманъ не дамся вновь.
Изъ вашихъ рукъ довольно пилъ отраву,
Довольно я, красавицы, страдалъ;
Моя тоска была вамъ на забаву,
Смѣялись вы, — я слезы проливалъ! —
Но слезъ моихъ вамъ болѣе не видѣть.
Я въ школѣ былъ и съ горя поумнѣлъ!
Какъ я васъ обожать умѣлъ,
Такъ васъ умѣю ненавидѣть!
Готовьте другимъ
Оковы и розы,
Обѣты, угрозы,
Улыбки и слезы, —
Я сталъ невредимъ.
Пускай сердечнымъ суевѣрамъ... и проч.

ЯВЛЕНІЕ 7-е. **Рославлевъ старшій, Антося и Лудвися.**

Антося. Ахъ, какъ вы пріятно поете!

Лудвися. Съ какимъ выраженіемъ вы арпеджіо дѣлаете на гитарѣ!

Антося. Продолжайте, сударь! (*Рославлевъ ст. бросаетъ гитару*).

Антося. Вы не хотите, чтобъ мы васъ слышали?

Лудвися. Мы вамъ помѣшали?

Антося. Пожалуй, мы уйдемъ.

Рославл. ст. Уйдите, или оставайтесь: мнѣ право все равно.

Антося. Можетъ-быть, вамъ угодно насъ послушать?

Рославл. ст. Я терпѣть не могу женскаго голоса!
Антося. Какъ? Вамъ непріятно, когда женщины поютъ?
Рославл. ст. И даже, когда говорятъ!
Лудвися. Это почти неучтиво!
Рославл. ст. Я предупреждаю васъ, я ужасный грубіянъ.
Лудвися. Сестрица, онъ шутитъ.
Антося. Вы шутите, сударь, мнѣ кажется: вамъ нашъ полъ не такъ противенъ.
Лудвися. И я тоже думаю, что онъ вамъ милъ!
Антося. Вы еще, того гляди, здѣсь влюбитесь.
Рославл. ст. Въ васъ?
Антося. Коли не въ насъ, такъ у насъ по крайней мѣрѣ!
Рославл. ст. Въ здѣшнемъ городѣ?
Лудвися. Хоть и въ здѣшнемъ домѣ, какъ узнать?
Рославл. ст. Не худо на дорогу!
Антося. Ни за что не ручайтесь! кто истинно не любитъ женщинъ, тотъ не говоритъ имъ этого въ глаза и вовсе съ ними въ разговоръ не вступаетъ, беретъ шляпу и уходитъ.
Рославл. ст. Именно такъ, прощайте. (*Кричитъ при выходѣ*): Что-жъ, готово? Нѣтъ еще? Это разбой! Это неслыханно, что за мѣшкотня! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Антося, Лудвися, Юлія (*въ мужскомъ платьѣ, придѣланные бакенбарды, сапоги со шпорами*).

Юлія. Ну, каковъ нашъ нелюдимъ?
Антося. Очень забавенъ!
Чудакъ онъ право своенравной!
Его ввести не можно въ толкъ:
На разговоръ онъ рыбѣ равной,
А вѣжливъ, какъ сердитой волкъ.

* * *

На шутки гнѣвомъ отвѣчаетъ
И дуется...
Лудвися. Нѣтъ дива тутъ:
Предчувствіемъ онъ вѣрно знаетъ,
Что нами будетъ онъ надутъ.

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ же, Рославлевъ старшій, П. Чижевскій, Писаржъ, курьеръ и слуга Рославлева.

Рославл. ст. (*держитъ П. Чижевскаго за воротъ*). Ты бездѣльникъ! Не можетъ быть, чтобы всѣ лошади были въ разгонѣ. (*Рославлевъ ст. и курьеръ съ одной стороны, Юлія съ другой тормошатъ П. Чижевскаго*).

Рославл. ст. Скорѣй, скорѣй Лошадей, лошадей.
Антося и Лудвися. Смѣлѣй, смѣлѣй Вы откажите лошадей.
П. Чижевскій. Я радъ вамъ дать бы лошадей,
Но съ часъ послѣдня пара вышла.
Рославл. ст. Какъ вышла?
П. Чижевскій. Есть лошади, да не для васъ.
Здѣсь сверхкомплектныхъ пять у насъ:

Изъ нихъ не ходятъ двѣ у дышла,
А три не ходятъ ужъ никакъ!

Рославл. ст. Я не терплю докучныхъ вракъ!
Твоей я спѣси поубавлю,
И, если станешь врать пустякъ,
Тебя, — тебя ходить заставлю!

Антося и Лудвися. Вы забываетесь никакъ —
Нашъ папенька и самъ изъ шляхты.
Прошу понизить голосокъ!
Нашъ гербъ — подкова и рожокъ.

Рославл. ст. Скачи отъ Питера до Кяхты,
Отъ Кяхты поскачи въ Моздокъ,
Но вѣрно хуже этой почты
Нигдѣ по трактамъ не найдешь.

П. Чижевскій. Да говорятъ же вамъ не ложь!
Всѣхъ подорожныхъ не сочтешь!
Коляска скачетъ за каретой!
За городскою эстафетой
Летитъ изъ арміи курьеръ,
Тутъ подкоморжій за курьеромъ,
Тутъ арендаржъ и офицеръ!
Тутъ панна вслѣдъ за офицеромъ!

Антося и Лудвися. И день и ночь, судите вы,
Мы не выходимъ изъ упряжки;
И наши лошади бѣдняжки,
И мы — совсѣмъ безъ головы.

Юлія (*вслухъ*). Несносной упрямецъ! съ нимъ не сговоришь; я уже моихъ людей разослалъ, чтобы какъ-нибудь на вольныхъ убраться. Представьте, съ самаго утра онъ меня проводитъ. То лошадей вовсе нѣтъ, а когда сказываютъ ему, что есть точно, видѣли ихъ въ стойлахъ, оттоворкамъ конца нѣтъ: одна будто бы охромѣла, другая крива, третья вовсе безсильна, при послѣднемъ издыханіи, упряжки не въ порядкѣ, почтари въ разбродѣ! Между тѣмъ дочери его оглушаютъ страстными плаксивыми пѣснями... Вѣрьте мнѣ, онъ съ ними въ заговорѣ. Насъ здѣсь женить хотятъ.

Рославл. ст. (*расхохотавшись*). Какая мысль! а что? можетъ-быть. — Тесть любезный, не быть бы тебѣ...

(*Антося и Лудвися, будто обиженныя, подходятъ къ нему, и приспѣдая поютъ*).

Антося. Нѣтъ, это слишкомъ, признаюсь
И оставаться здѣсь напрасно. (*Уходитъ, приспѣдая*).

Лудвися. Я бѣшеныхъ, судáрь, боюсь!
И съ вами быть ей-ей, опасно! (*Также уходитъ*).

П. Чижевскій. Сердитесь вы наединѣ,
Но гнѣвъ сносить вашъ нѣтъ мнѣ слѣду! (*Уходитъ*).

Рославл. ст. Иль тотчасъ дайте ѣхать мнѣ,
Иль всѣхъ я васъ путемъ доѣду!

ЯВЛЕНІЕ 10-е. **Рославлевъ и Юлія.**

Юлія. Успокойтесь! мои люди все сдѣлаютъ, все достанутъ и мнѣ и вамъ. Я радъ, что могу служить собрату въ ровномъ горѣ, и черезъ полчаса мы покатимся каждый по своей дорогѣ, а, можетъ-быть, по одной и той же. — Вы куда?

Рославл. ст. Въ Петербургъ.

Юлія. А я оттуда!

Рославл. ст. Тамошній житель? Всегда или временно?

Юлія. Я тамъ служу въ гусарахъ.

Рославл. ст. Ахъ, Боже мой, такъ вы знаете Александра Рославлева,—онъ въ нихъ же служитъ?

Юлія. Товарищъ, другъ мой неразлучный, мы съ нимъ живемъ въ одной комнатѣ.

Рославл. ст. Онъ мой братъ родной.

Юлія. Неужели? какъ счастливо! Слѣдовательно, вы и мнѣ родной,— дайте себя обнять. — А знаете, какую было онъ глупость сдѣлалъ? мой другъ, вашъ братецъ чуть было не женился.

Рославл. ст. Чуть было? стало, опасность миновалась?

Юлія. Совершенно. Онъ уже вовсе объ этомъ не думаетъ!

Рославл. ст. (*въ сторону*). Мои письма подѣйствовали. (*Громко*): Какъ я радъ встрѣчѣ съ вами, и даже прощаю почтовому смотрителю, что задержалъ меня. Эй! Кто-нибудь!

Антося и Лудвися. Что вамъ надобно? (*Сестры входятъ*).

Рославл. ст. Шампанскаго!

Антося. И! Какія прихоти! въ нашемъ мѣстечкѣ этакого вина не водится. Венгерскаго коли угодно?

Рославл. ст. Чего-нибудь! Что душу располагаетъ къ веселью! Скорѣе!

Юлія. Туда, въ цвѣтничекъ. (*Сестры уходятъ*).

Рославл. ст. Разскажите мнѣ о братѣ, пожалуйста все, что знаете.

Юлія. Представьте себѣ — въ его лѣта жениться?

Рославл. ст. И на полькѣ, это всего опаснѣе.

Юлія. Почему же? Я самъ полякъ.

Рославл. ст. Нѣтъ! будьте справедливы, любовь къ отечеству въ сторону. Наши кокетки — ученицы передъ здѣшними.

Юлія. Быть такъ, но братецъ вашъ... ему совсѣмъ, было, голову вскружили, подговорили, заговорили, онъ уже готовъ былъ подъ вѣнецъ, но я заклиналъ именемъ вашимъ, не зная васъ, и моею дружбою... онъ образумился; вы видите во мнѣ закоренѣлаго мизогина.

Рославл. ст. Закоренѣлаго? Вы еще очень молоды!

Юлія. Со дня моего рожденія твердъ, какъ кремень, и не измѣняю моимъ правиламъ. Врагъ свадебъ и волокитства, томныхъ вздоховъ и нѣжныхъ поцѣлуевъ. Если бы всѣ женщины какой-нибудь благодѣтельной чумою исчезли съ лица земли!..

Рославл. ст. Я бы не охнулъ.

Юлія. Я также.

Рославл. ст. Я ихъ терпѣть не могу!

Юлія. Я ихъ ненавижу!

Рославл. ст. Вѣчныя прихотницы безъ толку, ни капли здраваго смысла, ни шагу безъ видовъ, любезны сначала, но подъ конецъ докучливы.

Юлія. Самыя ничтожныя, безполезныя! Дайте мнѣ руку, передадимъ такія же правила нашимъ дѣтямъ.

Рославл. ст. Я надѣюсь, что у меня ихъ никогда не будетъ!

Юлія. Тѣмъ лучше, заботъ меньше.

(*Антося и Лудвися входятъ и подносятъ налитые стаканы*).

Юлія. Стократъ счастливъ, кто разумъ свой
Не помрачилъ еще любовью,

Но вѣкъ проводить холостой, —
Я выпью за его здоровье.

Повѣрьте мнѣ, жена для насъ
Есть вѣчное почти мученье.
Женись лишь только — и какъ разъ
Родятся ревность, подозрѣнья.

Ахъ, то ли дѣло одному:
Его не мучить неизвѣстность,
Душѣ покой, просторъ уму,
И вѣчная почти безпечность!

Нравъ женщины имѣютъ злой,
Капризны, что не сладишь съ ними.
Чтобъ избѣжать судьбы такой,
Останемся мы холостыми!

(*Антося и Людвися устанавливаютъ поднос съ бутылками въ цвѣтникѣ и уходятъ*).

Юлія. Одна есть женщина въ свѣтѣ, которую я люблю по самой родственной связи.

Рославл. ст. Одна уже нашлась; найдутся и болѣе!

Юлія. Нѣтъ! двухъ такихъ не бываетъ; она — сердца ангельскаго, примѣрной добродѣтели.

Рославл. ст. О! онѣ всѣ ангелы! всѣ чудесно добродѣтельны! гдѣ же твердость ваша? правила неизмѣнныя?

Юлія. Не ошибайтесь, рѣчь идетъ объ моей сестрѣ! Кроткое, невинное существо, и такъ же мало заботится объ насъ, какъ мы съ вами. Братъ, отецъ, мать — вотъ кто ей наполняютъ душу. Здѣсь, напримѣръ, давно ли мы остановились, и то не охотно, она уже отыскала какого-то безгласнаго, разбитаго параличемъ, дряхлаго старика, всѣми брошеннаго, ухаживаетъ за нимъ, бережетъ его и благословляетъ случай, который задержалъ насъ здѣсь, подавая ей добро творить, между тѣмъ какъ мы съ вами отъ этого случая готовы лопнуть съ досады. (*Антося вбѣгаетъ*).

Антося. Васъ сестрица зоветъ, крайняя нужда!

Юлія. Сейчасъ.

Антося (*ей на ухо*). Вашъ мужъ что-то по васъ безпокоится.

Юлія. Иду, я скоро ворочусь къ вамъ.

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Рославл. ст. (*одинъ*). Братъ сестру хвалитъ, видитъ въ ней совершенство! Почтенное чувство! Но кто ручается, что тутъ нѣтъ пристрастія? Однако, онъ поселилъ во мнѣ сильное любопытство... Что, кабы попытаться познакомиться съ пригожей незнакомкой?.. Пригожею? — это еще неизвѣстно, но то вѣрно, что между мною и старымъ паралитикомъ она бы не долго колебалась. Разумѣется, все бы кончилось шуткою, потому что я отнынѣ впредь и навсегда, благодаря принятому намѣренію, объ женщинахъ слышать не хочу, да и спѣшить некуда. Повѣса Александръ не женится, что-жъ попробуемъ? И я многимъ нравился... (*охорашивается передъ зеркаломъ*), конечно не столько, сколько бы хотѣлось, а пуще всего недолго!

Зачѣмъ теперь не вспомнить мнѣ,
Какъ рѣзво, счастливо и смѣло
Сердечны шалости однѣ
Имѣлъ за главное я дѣло.
Я у красавицъ былъ въ чести!
Шутилъ собой, шутилъ и ими,
Какъ быть!.. былъ проведенъ иными, —
За то, отмщаясь надъ другими,
Успѣлъ я многихъ провести.

ЯВЛЕНІЕ 12-е. **Рославлевъ старшій и Юлія** (*въ женскомъ платьѣ*).

Юлія. Панъ почтмистржъ, панъ почтмистржъ!

Рославл. ст. Это она! прехорошенькая! и какъ на брата похожа!

Юлія. (*Между тѣмъ бѣжитъ къ дверямъ, въ цвѣтникъ и въ окно смотритъ*). Панъ почтмистржъ!

Рославл. ст. Кого вы ищете? кого вамъ надобно? Хотите, я позову?

Юлія. Здѣшній хозяинъ обѣщалъ мнѣ достать шалфея, и не идетъ до сихъ поръ.

Рославл. ст. Лекарство для васъ? чѣмъ вы нездоровы?

Юлія. Нѣтъ-съ, не для меня, здѣсь больной есть, и опасно больной.

Рославл. ст. Ближній вашему сердцу?

Юлія. Ахъ, сударь, помогите ему,—вы, вѣрно, лекарь.

Рославл. ст. Почему вы это думаете?

Юлія. Вы съ такимъ участіемъ разспрашиваете о болѣзни и больномъ.

Рославл. ст. Признаюсь на этотъ разъ я въ отчаяніи, что неискусенъ въ медицинѣ.

Юлія. Такъ я ошиблась, извините. (*Уходитъ*).

Рославл. ст. Ошиблась, и не любопытствуетъ знать, кто я! Въ самомъ дѣлѣ это рѣдко... Молоденькая, личико миленькое, чувствительное—и не любопытна! (*Юлія возвращается*).

Рославл. ст. Нашли, кого искали?

Юлія. (*Печально*). Нѣтъ-съ, не нашла.

Рославл. ст. Позвольте-же, я за васъ пойду, развѣдаю, отыщу и приведу.

Юлія. Пожалуйста, я вамъ много обязана буду.

Рославл. ст. Сію минуту. (*Ворочается*): Какое въ васъ небесное добродушіе и какъ непритворно! Какъ вы для другихъ себя забываете! Клянусь вамъ... что я не видывалъ ничего подобнаго.

Юлія. Перестаньте, сударь!

Рославл. ст. Вы разсердились?

Юлія. Нѣтъ-съ, я вамъ благодарна, я право не сержусь, вы мнѣ говорите пріятныя вещи, только, простите мнѣ, онѣ не у мѣста. Вспомните, что ваши услуги, помощь ваша нужна бѣдному старику, изнеможенному страданіями. Идите, спѣшите и пуще всего не думайте, чтобы я была сердита.

Рославл. ст. Бѣгу, лечу. (*Въ дверяхъ*): Не оскорбляется похвалами, а не любитъ ихъ. (*Ворочается*): Ахъ! ахъ! кстати вспомнилъ, что со мною есть маленькая дорожная аптека—я вамъ сейчасъ принесу ее.

Юлія. Очень кстати! пожалуйста, скорѣе!

Рославл. ст. (*Ворочастся*). Боже мой! Печатное наставленіе, какъ употреблять ее на англійскомъ языкѣ!

Юлія. Я умѣю по-англійски.

Рославл. ст. А названіе составовъ и способъ составленія и мѣра пріемовъ по-латыни?

Юлія. Я умѣю по-латыни.

Рославл. ст. А драхмы, унціи и ихъ дроби?

Юлія. Вѣсъ, какъ вѣсъ, я по необходимости его знаю: матушка цѣлый годъ была больна; впрочемъ, это знаніе такъ не трудно, что нечѣмъ хвастать. Пожалуйста, пришлите вашъ ящикъ.

Рославл. ст. Сію минуту. (*Въ дверяхъ*): Сколько познаній и не выказываетъ ихъ и не дорожитъ ими! (*Ворочается*): Я готовъ не только быть у васъ въ полномъ подданствѣ на услугахъ, но разсыпаться всюду и за всякой всячиной вамъ въ угодность только!

Юлія. Что вы хотите сказать?

Рославл. ст. (*Въ сторону*). Куда дѣвалась моя дерзость? (*Вслухъ*): Не теперь, но когда удастся мнѣ вамъ сдѣлать угодное, когда вы убѣдитесь, что и я не безъ добродушія, не безъ состраданія; осмѣлюсь-ли...

Юлія. Чего? скажите!

Рославл. ст. Поцѣловать васъ въ знакъ дружбы.

Восторговъ бурныхъ и непрочныхъ
Во мнѣ простылъ горячій слѣдъ,
И поцѣлуевъ непорочныхъ
Теперь мнѣ сладостнѣе нѣтъ.
Меня не страсти пылъ волнуетъ,–
Умѣлъ я чувства обуздать,
И васъ хочу поцѣловать,
Какъ братъ сестру свою цѣлуетъ.

Юлія. На такой поцѣлуй и я согласна. Идите, сударь, торопитесь, не теряйте времени... почему мнѣ не поцѣловать васъ? Я готова обнять добраго человѣка, только не мѣшкайте, бѣгите, принесите. Почему не обнять васъ за доброе дѣло?

Рославл. ст. Невинна какъ ребенокъ! (*Уходитъ*).

Юлія. (*Смотритъ вслѣдъ ему, потомъ въ окно*). Ушелъ! Войдите!

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Юлія, Антося и Лудвися (*ведутъ Юліи мужа, укутаннаго въ видъ больнаго, зонтикъ на глазахъ, все лицо почти закрыто полотенцами, жена около его старается, поправляетъ и любуется*).

Антося.
Каковъ скажите нашъ больной?
Больной онъ новаго покроя!

Лудвися.
Кто въ этой смерти подвижной
Найдетъ гусарскаго героя?

Антося. Болѣзней всѣхъ образчикъ онъ!
Лудвися. Вотъ предисловье похоронъ!
Антося. Слѣпой, разслабленный, недужный,
Онъ дышетъ будто съ горяча...
Лудвися. Но тѣмъ болѣзнь ему съ плеча,
Что въ ней врачи ему не нужны!

Рославл. мл. (*слабѣющимъ голосомъ*). Капель, микстуру, сиропъ! Смотрите на часы, не пора ли принимать?

Юлія. Шалунъ, ты ужо не забудься при любезномъ братцѣ! Пожалуйста, будь смиренъ, и не подавай ни малѣйшаго знака жизни.

Рославл. мл. Уговоръ лучше денегъ: я не гожусь въ параличные;

хочешь лучше напущу на себя бѣлую горячку, выскочу, зарублю, развоююсь, брата въ сторону, тебя въ другую, самъ на стѣну...

Юлія. Не дурачься, мой милой, ты все испортишь, а коли тебѣ непремѣнно движеніе нужно, видѣлъ ты здѣсь креслицы? Хочешь я тебя усажу въ нихъ и стану прокатывать изъ комнаты въ комнату?

Рославл. мл. Сажай, вези!

Юлія. Ну, пойдемъ. (*Уводитъ его*).

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Антося, Лудвися, Рославлевъ старшій и П. Чижевскій.

Рославл. ст. А, милыя, вы здѣсь, какъ я радъ, что васъ вижу!

Антося (*въ сторону*). Нашъ дикарь становится кажется обходительнѣе.

Лудвися. Мы отъ васъ бѣгали, боялись вамъ на глаза попасть; вы такіе сердитые!

Рославл. ст. А ужъ вы и приняли за строгую истину мои тогдашнія шутки! Какъ вамъ не стыдно? а скажите мнѣ, гдѣ проѣзжая дама?

Антося. Она тотчасъ будетъ.

П. Чижевскій. У нея нѣтъ минуты свободной, все время посвящено у нея на разумныя дѣла.

Рославл. ст. Да, кажется мнѣ, что вы объ ней знаете: извѣстны-ль вамъ обстоятельства ея жизни?

Лудвися. Мы и сами много сказать вамъ не можемъ о ней:
Все, что знаемъ, слушайте!
Она другъ сирымъ и убогимъ.

Антося. Она благотворитъ, шутя!
Она невинностью дитя!
Она мудрецъ разсудкомъ строгимъ!

П. Чижевскій. Она благое существо,
Въ ней человѣческаго мало...

Рославл. ст. Да, въ этомъ женскомъ дивѣ, стало,
Ужъ женскаго нѣтъ ничего!

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Тѣ же и Юлія (*въ мужскомъ костюмѣ*).

Рославл. ст. А! любезный мизогинъ, откуда? а я безъ васъ сдѣлалъ здѣсь пріятнѣйшее знакомство!

Юлія. Поздравляю съ доброй вѣстью: мало-по-малу лошади собираются, и мы скоро отправимся!

Рославл. ст. Поздравьте лучше меня съ тѣмъ, что я видѣлъ вашу сестрицу и говорилъ съ ней.

Юлія. Правду сказать, слуга у меня препроворный и въ дорогѣ—кладъ: въ минуту избѣгалъ мѣстечко, переколотилъ всѣхъ жидовъ...

Рославл. ст. Какъ сестрица ваша похожа на васъ; но признаюсь, не сердитесь—черты однѣ, а миловидности въ ней гораздо болѣе.

Юлія. Уступаю охотно! Я право не приревную къ ней! Панъ Чижевскій, посмотрите, вѣрно уже все изготовлено?

П. Чижевскій. Заразъ, ясновельможный капитане! (*Уходитъ*).

Юлія. Что у васъ за ларчикъ? не казна-ли ваша?

Рославл. ст. Нѣтъ! но на эту пору дороже всякаго сокровища: сестрѣ вашей нужны лекарства, и я принесъ ей свою дорожную аптеку. (*Хочетъ идти*). Нельзя-ли мнѣ съ вами пойти къ ней и отнести.

Юлія. О, нѣтъ, подождите. Вы знаете, что къ молодымъ барыш-

нямъ и знатнымъ барамъ входить безъ доклада не можно; дайте мнѣ предварить ее. (*Въ сторону*): Побѣда наша!

Рославл. ст. (*Отпираетъ ящикъ и осматриваетъ его снутри*).

Антося. Какъ любовь бывала лѣкарь,
Свѣтъ ужъ видывалъ не разъ,—
А теперь, она аптекарь:
Часа нѣтъ ей безъ проказъ!

Лудвися. Но отъ насъ онъ не уѣдетъ:
Мы, его подкарауля,
Скажемъ такъ же въ свой чередъ,—
Вотъ и вамъ, сударь, пилюля. (*Обѣ уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 16-е.

Рославл. ст. (*одинъ*). Однако я съ моимъ ларчикомъ въ ожиданіи ея прихода очень похожъ становлюсь на дамскаго угодника. Было время, и это не такъ давно, прежде нежели я отказался отъ любви навсегда... но признаюсь три мѣсяца тому назадъ, встрѣча съ нею могла бы сильно на меня подѣйствовать. Теперь я безопасенъ, хладнокровенъ, рѣшился ничего не чувствовать. Но гдѣ же она и что-такъ долго медлитъ? и отчего мнѣ такъ хочется опять ее видѣть? Это ничего не значитъ, новость, приключеніе.—Ахъ! Вотъ она!

ЯВЛЕНІЕ 17-е.

Рославлевъ старшій, Рославлевъ младшій (*въ видѣ больнаго въ тележкѣ*), **Юлія** (*развозитъ его по цвѣтнику*).

Рославл. ст. Какія заботы! Какъ она усердно хлопочетъ около этого бездушнаго, недвижимаго старика. (*Обращаясь къ ней*): Я принесъ обѣщанное, и давно жду васъ.

Юлія. (*Прибѣгая къ нему изъ цвѣтника*). Дайте сюда, разберемте вмѣстѣ, я вамъ много обязана, я вамъ очень много благодарна.

Рославл. ст. Я вамъ во сто разъ болѣе... Нынѣшній день, напримѣръ, думалъ-ли (я) быть на что-нибудь годнымъ, но вы вдохнули въ меня ту-же страсть къ добру, которая васъ одушевляетъ, и я на все хорошее способенъ.

Юлія. Коли такъ, повозите больнаго, сударь, я устала, привезите его сюда.

Рославл. ст. О! хоть отсюда до Петербурга на себѣ, на моихъ плечахъ. (*Идетъ и останавливается, задумавшись*).

Ручаться можно-ли за что?
Нашъ умъ—ужасный своенравецъ;
Давно-ль мной было принято
Намѣренье—не знать красавицъ?
Нельзя ручаться ни за что!
Нельзя ручаться ни за что!

(*Бѣжитъ въ цвѣтникъ и везетъ тележку съ больнымъ*).

Юлія. (*Смотря на него*). Чего-жъ мы съ мужемъ пугались! Онъ очень послушливъ, возитъ и не жалуется.

Рославл. ст. (*Довезши до Юліи, останавливается; она отпираетъ аптеку, онъ поетъ*).

Вашъ лазаретъ я прикатилъ;
Пущусь опять, коли то надо,
Лишь только-бы увѣренъ былъ,

Что не замедлите наградой!
Что не замедлите наградой!
Лишь только-бъ я вамъ угодилъ!
Лишь только-бъ я вамъ угодилъ!

Юлія. Лишь только... что вы говорите?

Рославл. ст. Лишь только-бъ я вамъ угодилъ. Скажите, что вамъ нужно, я достаточно имѣю навыкъ въ этихъ травахъ, порошкахъ, элексирахъ, и можетъ быть скорѣе выберу то, что требуется.

Юлія. Какое-нибудь легкое средство къ возбужденію испарины.

Рославл. ст. Дайте, примусь за дѣло. (*Что-то высыпаетъ, растворяетъ водою, мѣшаетъ ложкою въ стаканъ, между тѣмъ продолжаетъ разговоръ*): Давно-ли вы посвятили ваши нѣжныя старанія этому старику.

Юлія. Недавно.

Рославл. ст. Онъ вамъ родственникъ?

Юлія. Нѣсколько.

Рославл. ст. Нѣтъ, отъ меня не кройтесь, я все знаю, онъ вамъ чужой, совершенно чужой. Вы нынче въ первый разъ его увидѣли, здѣсь нашли нечаянно, и ваши заботы объ немъ тѣмъ болѣе заставляютъ удивляться.

Юлія. Не дивитесь, это дѣлается не по разсудку, но по чувству состраданія; оно скоро вспыхнетъ, и скорѣй того остываетъ. Завтра, можетъ быть, я не съ такимъ рвеніемъ попекусь объ этомъ недужномъ, и, видите-ли, нынѣшній мой подвигъ превратится въ ничто. Извѣдайте постоянство въ добрыхъ дѣлахъ, и тогда только называйте человѣка добродѣтельнымъ. (*Между тѣмъ оправляетъ больнаго*).

Рославл. ст. Какъ мило она отклоняетъ отъ себя все, что на лесть похоже. Вотъ растворъ готовъ, онъ очень полезенъ. Ужасно противенъ вкусу, но во всякомъ случаѣ безвреденъ. (*Подноситъ Рославлеву младшему, тотъ машетъ рукой, что не хочетъ*).

Юлія. Не понуждайте его, онъ не хочетъ, будетъ время послѣ.

Рославл. ст. Какъ вамъ угодно; однако, какая у него здоровая рука!

Юлія. Это идропическая пухлость, въ лицѣ онъ совершенно изсохъ.

Рославл. ст. Лицо его слишкомъ увязано, ему душно, я его немного освобожу отъ этихъ свивальниковъ.

Юлія. (*Торопливо удерживая его*). Оборони Боже, не дѣлайте того; малѣйшее неосторожное прикосновеніе произведетъ въ немъ жестокую боль. Одинъ лучъ дневнаго свѣта, какъ остріе ножа, глаза ему колетъ.

Рославл. ст. (*Отшедши смотритъ на больнаго издали*). Передвижная мумія, одною ногою уже въ гробѣ, а придется позавидовать жребію подобныхъ ему жалкихъ существъ! Для нихъ только вы имѣете душу пламенную, всѣ прочіе вамъ чужды.

Когда въ васъ сердце признаетъ
Права священныя несчастья,
Когда къ страдальцу васъ влечетъ
Порывъ нѣжнѣйшаго участья,—
Ужель могли-бъ вы не внимать
Души тоскующей взыванью?
Ужель могли-бъ не сострадать
Отъ васъ рожденному страданью?

Ахъ нѣтъ, несчастливый не тотъ,
Кто бѣдность получилъ въ наслѣдство,

Недужнымъ помощь подаетъ
Искусства быстрое посредство;
Но намъ дано мученье знать,
Гдѣ слѣдъ одинъ есть къ упованью,
Гдѣ тотъ лишь можетъ сострадать,
Кто самъ виною былъ страданью.

* * *

Будьте искренны, — если бы человѣкъ, не старикъ, не тягчимый болѣзнями, но добрый, въ цвѣтѣ лѣтъ, полюбилъ васъ всѣмъ сердцемъ, преданный во власть вашу безусловно, въ васъ бы поставилъ одну свою отраду, цѣль жизни и все свое блаженство, неужли бы вы ему въ пользу не склонились ниже къ малѣйшей взаимности?

Юлія. Отчего же нѣтъ; но во-первыхъ, онъ бы не долженъ быть русскимъ!

Рославл. ст. Не русскимъ? кѣмъ-же?

Юлія. Насъ, выѣзжихъ изъ Польши, не любятъ въ вашей Россіи!

Рославл. ст. Напротивъ: мужчины, мы всѣ боготворимъ васъ.

Юлія. Свѣтъ не изъ однихъ мужчинъ составленъ, ваши дамы...

Рославл. ст. О! Не думайте объ нихъ. Вы единственны, не бойтесь моихъ словъ, вѣрьте имъ, они изъ глубины сердца невольно вырвались; но безполезно вамъ высказать все то, что я теперь чувствую! (*Осыпаетъ ее поцѣлуями*).

Рославл. мл. Онъ непутемъ пристаетъ!

Рославл. ст. Больной простоналъ что-то.

Юлія. Онъ просится къ себѣ, ему назадъ пора. (*Юлія идетъ къ больному*).

Рославл. ст. Неужели мы разстаемся? О! я за вами всюду! Неправда-ли, вы позволите мнѣ за вами слѣдовать?

Юлія. Я вамъ не запрещаю!

Рославл. ст. (*Отнимаетъ у нея колясочку*). Нѣтъ, ужъ это мое дѣло; покуда мы вмѣстѣ, я буду возить больнаго; любовь сѣла на козлы и править.

(*За кулисами слышенъ*—хоръ).

Любитъ обновы
Мальчикъ Эротъ!

(*Въ цвѣтникѣ появляются дочери почтмейстера, писарь, люди графскіе и самъ хозяинъ. Шумятъ, поютъ и пляшутъ, всѣ бѣгутъ навстрѣчу ѣдущему* (?) *графу*).

Рославл. ст. Какая ярмонка! Что вы съ ума сошли?

Юлія. Пусть ихъ тѣшатся, оставьте ихъ повольничать, пожалуйста для меня!—У нихъ нынче праздникъ!

Рославл. ст. (*Уходитъ съ Юліей и увозитъ больнаго*). Веселитесь, и я веселъ.

ЯВЛЕНІЕ 18-е.

Панъ Чижевскій, писаржъ, Антося, Лудвися, Андрей—слуга Рославлева ст. (и прочіе).

Хоръ.

Мазурка Краковская.

Любитъ обновы
Мальчикъ Эротъ,

Стрѣлкѣ перённой
Знать не чередъ,—
Вожжи шелковы,
Въ руки беретъ,
Плеткой ременной
Хлыщетъ и бьетъ.

Андрей. Экъ, баринъ-та у меня не путемъ развозился!
П.-Чижевскій. Не онъ первой, не онъ послѣдній!

Судьба проказница въ насмѣшку
Даетъ намъ часто напрегай,
Чему-жъ дивиться, что въ телѣжку
(bis). Впряженъ твой баринъ невзначай?
Имѣя счастье на примѣтѣ
(bis). Вѣкъ цѣлый возится народъ,
(3). Вездѣ возня на этомъ свѣтѣ:
Кто возитъ, а кому везетъ!

Антося и Лудвися. Пускай шумиху съ возу счастья
Глупецъ хватаетъ, вздернувъ носъ,
И послѣ съ лихвой, въ день ненастья,
(bis). Онъ, плача, платитъ за провозъ!
Фортуна насъ и на запятки
(bis). Въ свою повозку не беретъ,
(3). Но и безъ ней пути намъ гладки,
Пока намъ молодость везетъ!

ЯВЛЕНІЕ 19-е.

Тѣ же и Рославлевъ ст., Андрей (*между пѣніемъ заснулъ на столѣ*)

Рославл. ст. Сдѣлайте милость, уплетайтесь куда-нибудь подальше съ вашею веселостью: у меня и безъ того голова кругомъ идетъ! (*Они уходятъ. Онъ будитъ Андрея, который просыпается зѣвая, и потягивается*). Такъ и есть, только и умѣешь пить и спать безъ просыпа, а въ промежуткахъ зѣвать!

Андрей. (*Зѣвая и шатаясь*). Да помилуйте, что же другое дѣлать?

Жизнь наша сонъ...

Рославл. ст. Молчать, пьяница! куда дѣвался тотъ, — какъ его зовутъ!..

Андрей. Какъ его зовутъ? (*Опять принимается пѣть*).

Жизнь наша сонъ...

Рославл. ст. Дуракъ! не разѣвай мнѣ никогда такъ широко глупаго своего рта. (*Про себя*): Куда дѣвался братъ ея, мнѣ непремѣнно нужно видѣться и объясниться съ нимъ. Пойду, отыщу его. (*Андрею*): А тебя я знаю, какъ протрезвить. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 20-е.

Андрей (*одинъ*). Въ пѣснѣ-то не то сказано, какъ бишь я ее наладилъ:

Жизнь наша сонъ! все пѣснь одна:
Или ко сну, или со сна!
Одно все водится издавна:

Родятся люди, люди мрутъ,
И кое-какъ пока живутъ;
Куда какъ это все забавно!
Какъ не зѣвать? все—пѣснь одна:
Или ко сну или со сна.

Иной зѣваетъ отъ бездѣлья,
Зѣваютъ многіе отъ дѣлъ,
Иной зѣваетъ, что не ѣлъ,
Другой зѣваетъ, что съ похмелья!
Какъ не зѣвать (*и проч.*).

Актеръ въ своей зѣваетъ роли,
Зѣвотой зритель даритъ свистъ,
Зѣвая пишетъ журналистъ,
А сускрибентъ зѣваетъ болѣ!
Какъ не зѣвать (*и проч.*).

Я холостъ былъ, зѣвалъ безъ счета,
Подумалъ завестись домкомъ
И взялъ жену, чтобъ жить вдвоемъ,
И вдвое забрала зѣвота!
Какъ не зѣвать (*и проч.*).

ЯВЛЕНІЕ 21-е. **Андрей и Юлія** (*въ мужскомъ платьѣ*).

Юлія. Гдѣ твой баринъ?
Андрей. Мой баринъ... а вотъ онъ!

ЯВЛЕНІЕ 22-е. **Рославлевъ ст. и Юлія** (*потомъ вся компанія*).

Рославл. ст. (*Входя, толкаетъ Андрея вонъ*). Прочь! Ахъ, любезный, новый знакомецъ, я васъ ждалъ съ невѣроятнымъ желаніемъ.
(*Андрей уходитъ*).

Юлія. Я пришелъ проститься съ вами.

Рославл. ст. Куда вы? какъ, уже въ дорогу?

Юлія. У насъ все готово, идти сестру кликнуть, потомъ пожать вамъ дружески руку и скорѣе отсель во всю конскую мочь.

Рославл. ст. Ваша сестрица... постойте, погодите... у васъ сестра—существо необыкновенное!

Юлія. Я вамъ сказывалъ.

Рославл. ст. Вы мнѣ ничего не сказали, она свыше всего, что объ ней сказать можно!

Юлія. Это для меня очень лестно; однако хорошо, что мы съ вами оградились противъ нѣжныхъ впечатлѣній пылкихъ страстей.

Любви туманъ и сумасбродство
Не посѣтятъ меня и васъ,
Признавшихъ красоты господство:
Мильонъ страдаютъ и безъ насъ.
Онѣ насъ не прельстятъ собою,
Ихъ красота предъ нами дымъ,—
Мы, дорожа своей душою,
Поклонъ прелестнымъ отдадимъ.

Смѣюсь я надъ Амуромъ смѣло
И радъ увѣрить цѣлый свѣтъ,

Что сердце наше будетъ цѣло,
Хоть стрѣлъ его опаснѣй нѣтъ!
Пускай летаетъ онъ, гдѣ хочетъ,
Чтобы поранить какъ-нибудь,
Для насъ напрасно онъ хлопочетъ—
Ему мы скажемъ: добрый путь!

Рославл. ст. Стойте за себя, я ни за что не отвѣчаю. Добрый путь! Вы великій импровизаторъ! Я ни за что не ручаюсь, полчаса бываютъ иногда важнѣе года въ судьбѣ человѣка, рѣшаютъ ее на всю жизнь, и самыя твердыя, неломкія намѣренія разбиваются вдребезги, какъ дѣтскія игрушки! Прахъ и дымъ—все наше мужество. Еще два слова объ вашей сестрѣ.

Неужели никогда въ ней кровь
Въ часъ мысли не была въ волненьи?
Ужель не знаетъ, что любовь,
Что сердца трепетъ, восхищенье?

Или въ невинной простотѣ
Любовь по слуху только знаетъ,
И въ полной блеска красотѣ,
Какъ нѣжна роза расцвѣтаетъ?

Ахъ, точно-ль для ея души
Еще счастливецъ не сыскался,
Который счастія бъ въ тиши
Любви блаженствомъ наслаждался?

Ахъ! нѣтъ,—онъ вѣрно, вѣрно есть,
Напрасно я влекусь мечтами;
Нѣтъ, не моей душѣ процвѣсть:
Любовь, блаженство, радость съ вами!

Юлія. Давеча я съ перваго свиданія съ вами не могъ предаться совершенной искренности. Теперь выведу васъ изъ заблужденія: сердце сестры моей давно уже неравнодушно.

Рославл. ст. Къ кому? какъ? неравнодушно! и уже давно? Почтмейстеръ, лошадей!.. во всемъ обманъ и неудача! Подъ какимъ рожденъ я несчастнымъ созвѣздіемъ!

Юлія. Будьте терпѣливы, дайте все до конца открыть вамъ; но пуще не перебивайте меня ни въ одномъ словѣ.

Рославл. ст. Ахъ, чѣмъ вы меня успокоите? Говорите!

Юлія. Не знаю, съ чего начать вамъ разсказъ, истинный, но едва вѣроятный; не знаю, какъ онъ на васъ подѣйствуетъ, съ трудомъ рѣшаюсь; конечно, судьба этого хотѣла: мы не даромъ съ вами здѣсь встрѣтились.

Рославл. ст. Какое таинственное начало!

Юлія. На пути отъ Люблина въ Краковъ, стоитъ замокъ ветхій, брошенный богатыми владѣльцами; Юлія, дѣвушка имъ съ родни, оставалась дома съ пожилою наставницею; здѣсь она провождала большую часть времени: посѣщала хижины поселянъ, пользовала недужныхъ, утѣшала скорбныхъ. Она сама рано познала сиротство, и своею печалію научилась раздѣлять ее вчужѣ. Такъ текли годы, наступила пора непреодолимаго любопытства, желанья видѣть свѣтъ; родственники, друзья покойныхъ отца и матери, приглашали ее въ Варшаву;

она къ нимъ отправилась. Столица королевства закипѣла тогда новою жизнію: въ ней толпилось множество вашихъ соотечественниковъ. Одинъ изъ нихъ по крайней мѣрѣ для пріѣзжей Юліи казался замѣтнѣе прочихъ, она его слишкомъ замѣтила, онъ былъ пріятенъ, имѣлъ очаровательный голосъ. Онъ искусно игралъ на гитарѣ, а объяснялся еще лучше.

Рославл. ст. Ахъ, Боже мой! ужъ это не я ли?

Юлія. (*Въ сторону*). Вотъ не самолюбивъ! (*Громко*). Вы, конечно.

Рославл. ст. Продолжайте, продолжайте, да какъ же я объ этомъ ничего не зналъ.

Юлія. И какъ вамъ знать! Зачѣмъ однако вы меня перебили? я просилъ васъ дотерпѣть до развязки.

Рославл. ст. Могъ ли я выдержать? Продолжайте ради Бога, продолжайте!

Юлія. (*Въ сторону*). Потеряла всю нить, какъ сведу, сама не знаю. (*Громко*): Вы тогда кружились въ шумныхъ веселостяхъ, могли ли замѣтить смиренную провинціальную дѣвушку, и которая можетъ быть не смѣла равняться красотой съ вашими знакомыми, въ обществахъ старалась отдаляться, боялась быть отличной? Вы предпочитали тѣхъ, которыя себя выставляли — она была стыдлива, слѣдственно, по вашему, робкая невинность васъ бы самихъ обробѣть заставила. Наконецъ она васъ любила, а вы безъ примѣчанія проходили мимо той, въ чьей груди единственно вами билось сердце живѣйшимъ безкорыстнѣйшимъ чувствомъ.

Рославл. ст. Ахъ! это самая истина; я только тѣми и занимался, которыя обманывали меня. — Но почему все это вамъ извѣстно, неужели эта Юлія, ангелъ на землѣ, сестра ваша?

Юлія. (*Сбрасываетъ съ себя конфедератку и шинель*). Я сама!

Рославл. ст. Боже мой! Какое превращеніе!

Юлія. Вотъ уже мѣсяцъ, какъ я изъ Варшавы отъ васъ и отъ самой себя бѣжала. Здѣсь мнѣ понравилось, здѣсь я никому неизвѣстна, стараюсь припомнить то время, когда душевное свое спокойствіе употребляла на успокоеніе другихъ. Ахъ! другимъ хорошо; но мнѣ гдѣ найти утѣшеніе? Прочихъ тайнъ моихъ вамъ кажется открывать нечего: я отъ вашего передоваго узнала, что вы сюда будете, схватилась за первый способъ, который мнѣ вообразился, чтобы видѣть васъ и говорить съ вами подъ чужимъ именемъ. Теперь я все объяснила, что сердце мое обременяло; прощайте и помните, это былъ — послѣдній нашъ разговоръ, послѣднее свиданіе.

Рославл. ст. Какъ! чтобъ мнѣ съ вами разстаться! едва вѣрю всему, что слышу... я внѣ себя, я въ восторгѣ; нѣтъ, нѣтъ... я васъ не пущу, сударыня!

Слуга. (*Входитъ*). Лошади готовы.

Рославл. ст. Убирайся! пошелъ вонъ! Ахъ! повторите... мнѣ еще разъ объ любви вашей, мною вовсе незаслуженной, и не говорите о разставаньи.

П. Чижевскій. (*Входитъ*). Ясновельможный...

Рославл. ст. Будь проклятъ, и оставь насъ однихъ!

Юлія. Я вамъ повторяю; мы болѣе не увидимся. Иначе, какое же вамъ ручательство, что я не одна изъ тѣхъ кокетокъ, которыя на все отваживаются для достиженія цѣли?

Рославл. ст. Я... чтобъ смѣлъ приравнять васъ... (*Входятъ жиды-музыканты и гудятъ какой-то танецъ*). Тсъ! Вотъ вамъ деньги;

послѣ, послѣ я васъ позову, а теперь проваливайтесь сквозь землю! (*Бросаетъ имъ червонецъ*). Нѣтъ, прекрасная Юлія, мы теперь соединимся навсегда. (*Юлія старается отъ него освободиться. Онъ бросается на колѣни и въ такомъ положеніи слѣдуетъ за нею до самаго цвѣтника*).

Юлія. Или вы поѣзжайте, или я скроюсь отсюдова туда, гдѣ никто меня не сыщетъ.

Рославл. ст. Нѣтъ! нѣтъ! (*Антося и Лудвися входятъ*).

Антося. Этакое презрѣніе къ нашему полу!

Лудвися. На колѣняхъ всю комнату изъѣздилъ!

Рославл. ст. Оставьте насъ; вамъ будетъ праздникъ, только послѣ, идите!

Рославл. мл. (*Въ видѣ больнаго треплетъ его сзади по плечу*).

Рославл. ст. (*Вскрикиваетъ*). Что это! больной на ногахъ! мертвецы воскресаютъ.

Рославл. мл. (*Сбрасываетъ съ себя одежду*). Узнаешь-ли?

Рославл. ст. Братъ?

Рославл. мл. Какъ видишь, и вотъ моя жена, рекомендую!

Рославл. ст. Какое дьявольское сплетеніе!

Антося. Что каково свели концы?
Вотъ съ польками быть въ ссорѣ!

Лудвися. Напрашиваясь въ мудрецы,
Вы назвались на смѣхъ и горе.

П. Чижевскій (*кланяясь*).
Позволите-ль и мнѣ при томъ
Сказать, ясновельможный, слово:
Какъ васъ доѣхали путемъ,—
И вамъ въ путь ѣхать все готово!

Рославл. ст. Какъ я былъ глупъ! о, какъ я былъ глупъ! Однако, если дался ей въ обманъ на полчаса, любезный братъ, тебѣ эта участь предоставлена на всю жизнь, мужайся.

Рославл. мл. Не безпокойся, я самъ хотѣлъ, самъ и отвѣчаю. Куда же мы? Въ Варшаву? или въ Петербургъ?

Рославл. ст. Къ вамъ и какъ можно скорѣй, съ прекрасной Юліей!.. А можетъ быть имя вымышленное, все равно: съ твоей женой! Знакомиться намъ нечего, мы, кажется, довольно подружились.

П. Чижевскій. Ясновельможный! позвольте намъ позвать нашихъ музыкантовъ и плясуновъ, которыхъ вы давича прогнали? Мы хотимъ окончить наше веселье.

Рославлевъ ст. Дѣлайте что хотите, теперь я готовъ ждать лошадей хоть трое сутокъ!

Рославлевъ мл. Прекрасно: теперь мы всѣ довольны, виватъ!

Рославл. мл. Наши замыслы всѣ шатки,
Наша мудрость вся туманъ,
Вѣчно люди будутъ падки
И къ обманамъ, и въ обманъ.
Если жъ и съ женой моею
Мнѣ обманъ въ участокъ данъ,
(bis.) То признайтесь, что имѣю
Въ ней хорошенькій обманъ.

Лудвися. Бойтесь, намъ твердятъ изъ дѣтства,—
Бойтесь вы сердечныхъ ранъ,

От мужчины ждите бѣдства,—
Онъ обманщикъ и тиранъ!
Знать обманы—жребій жалкій!
Но влачить дѣвичій санъ
(bis.) Для старѣющей весталки—
Вотъ несноснѣйшій обманъ!

П. Чижевскій. Янъ, какъ братъ нашъ, безъ таланта
Сталъ спѣсивъ, какъ Болдыханъ;
Если вѣрить баснямъ Яна,
То съ умомъ и съ деньгой Янъ!
Но повѣрь его заранѣ,
Взвѣсь и мозгъ въ немъ, и жупанъ,
(bis.) То въ болванѣ и карманѣ
Ты найдешь пустой обманъ.

Андрей. Я въ зѣвалахъ мастеръ ловкій,
Я зѣваю трезвъ и пьянъ;
Но, зѣвая безъ сноровки,
Можно вызѣвать изъянъ.
Разъ на винахъ и на жлудяхъ
Прозѣвалъ я свой карманъ...
(bis.) Зазѣвайся въ добрыхъ людяхъ
И тотчасъ попалъ въ обманъ.

Рославл. ст. Заживо гляжу въ потомки!
«Я на пиръ безсмертья званъ!»
Вопитъ Вралькинъ, такъ же громкій
И пустой, какъ барабанъ.
Счастливъ онъ, пока съ нимъ бродитъ
Самолюбіе—дурманъ;
(bis.) Но вралей однихъ-ли вводитъ
Самолюбіе въ обманъ?

Юлія (*зрителямъ*). Хоть невинный и безвредный
Мною выдуманъ романъ,
Но сколь часто—авторъ бѣдный
Для ушей чужихъ тиранъ!
Вѣчно гордъ, самолюбивый,
Всѣмъ доволенъ шарлатанъ!—
(bis.) Судъ же публики правдивый
Не впадетъ никакъ въ обманъ.

Антося. Бѣднымъ авторамъ, къ успѣху
Путь ухабистъ и песчанъ,
Съ публикою не до смѣху:
Съ ней пропалъ ты, или панъ!
Что какъ скажетъ зритель ѣдкій
Мнѣнья общаго органъ:
(bis.) «Насъ поддѣли, но напредки
Не заманите въ обманъ!»

(*Входятъ музыканты—жиды, мазуры, поляки и русскіе, и начинаютъ дивертисментъ*).

СТУДЕНТЪ.

Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ.

А. Грибоѣдова и П. Катенина.

(1817).

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Евлампій Аристарховичъ Беневольскій, студентъ изъ Казани.
Федька, его слуга.
Звѣздовъ.
Звѣздова, жена его.
Саблинъ, братъ ея, гусарскій ротмистръ.
Варинька, воспитанница Звѣздовыхъ.
Полюбинъ, влюбленный въ Ваpиньку.
Прохоровъ.
Иванъ, слуга.
Швейцаръ.
Трое слугъ.
Мальчикъ изъ ресторація.

Дѣйствіе въ Петербургѣ, въ домѣ Звѣздова.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е: Беневольскій, Федька, Иванъ.

Иванъ. Кого вамъ надобно-съ?

Беневольскій. Я ужъ отвѣчалъ на этотъ вопросъ неоднократно внизу человѣку, вооруженному длиннымъ жезломъ, такъ называемому швейцару, а тебѣ повторяю: мнѣ надобно господина здѣшняго дому.

Иванъ. Барина самаго?

Беневольскій. Да, да, барина твоего, Звѣздова, его превосходительство Александра Петровича Звѣздова. Вѣдь это домъ его?

Иванъ. Его-съ.

Беневольскій. А я его гость.

Иванъ. Разумѣю-съ. Да ваши пожитки и повозку куда же дѣвать? Штукаревъ, что за домомъ смотритъ, вышелъ куда-то, баринъ во дворцѣ, барыня еще почиваетъ; а если изволитъ проснуться, какъ прикажите доложить о себѣ?

Беневольскій. Безъ доклада, любезный, безъ доклада. А впрочемъ имя мое Беневольскій: я здѣсь свой человѣкъ, меня ждутъ давно. Его превосходительство въ бытность свою въ Казани познакомился съ покойнымъ моимъ отцомъ, который предложилъ ему свои услуги, имѣлъ хожденіе за его дѣлами; съ тѣхъ поръ они другъ другу дали клятву въ дружбѣ неизмѣнной и утвердили между прочимъ вотъ что... Баринъ твой сказывалъ, что его супруга воспитываетъ прелюбезную дѣвицу.

Иванъ. Варвару Николаевну? Красавица, нечего сказать.

Беневольскій. Невинность, ангелъ, существо небесное, такъ ли? И мнѣ назначилъ онъ ее сопутницею жизни: это было положено между имъ и покойнымъ батюшкой, также и то, чтобъ мнѣ, когда пріѣду въ Петербургъ, остановиться у его превосходительства. Я тогда возрасталъ еще въ Минервиномъ храмѣ, въ университетѣ. Съ тѣхъ поръ батюшка скончался, и я, сказавъ прости казанскому разсаднику просвѣщенія, поскакалъ сюда, чтобъ воспользоваться приглашеніемъ твоего барина. Въ немъ конечно найду я друга, отца, покровителя, однимъ словомъ всё. — Ну понялъ ли?

Иванъ. Понялъ-съ. Такъ вашей повозкѣ съ пожитками постоять покамѣстъ на улицѣ?

Беневольскій. Все равно. Вели ей стоять на улицѣ или въѣзжать на дворъ. Мнѣ не до того: въ головѣ моей, въ сердцѣ такое что-то неизъяснимое, міръ незнаемый, смутная будущность!

Иванъ (*отходя говоритъ Федькѣ*). Баринъ-то у тебя, видно, большой искусникъ.

ЯВЛЕНІЕ 2-е: **Беневольскій, Федька.**

Беневольскій. Что онъ тебѣ сказалъ?

Федька. Баринъ-де твой, видно, большой искусникъ.

Беневольскій. Искусникъ... Такъ простолюдины называютъ артистовъ. Да, я артистъ; гдѣ мой журналъ дорожный? (*Федька вынимаетъ изъ сумки, что у него за плечами, кучу бумагъ и мѣдной карандашъ*). Подавай сюда! Записать, непремѣнно записать первыя чувства при въѣздѣ въ столицу. (*Пишетъ*): Мирюсь съ Тобою, Провидѣніе! я въ желанной пристани...

Федька. Охъ, кабы перекусить что-нибудь! Да у кого здѣсь попросишь? всѣ и люди-то смотрятъ на тебя такими тузами, какъ будто сами господа; а позываетъ, ой! позываетъ: кибитчонка-то все вытрясла, проклятая.

Беневольскій. Вступаю въ новый для меня свѣтъ. — Ну, однако, какой же новый? Я его знаю, очень хорошо знаю: я прилежалъ особенно къ наблюденіямъ практической философіи, читалъ Мармонтеля, Жанлисъ, плѣнительныя повѣсти новыхъ нашихъ журналовъ; и кто ихъ не читалъ? кто не восхищался Эльмирой и Вольнисомъ, бѣдной Молочницей? Они будутъ водители мои въ этомъ блуждалищѣ, которое называютъ большимъ свѣтомъ.

Федька. Посидѣлъ бы онъ шесть дней да шесть ночей на облучкѣ, не взбрела бы всякая всячина на умъ; попросилъ бы съѣстнаго да завалился бы спать. Правду сказать, вѣдь и ему не малина была: сидячей частью объ книжной сундукъ, головой объ плетёную будку простукался сердечной во всю дорогу. Ну, да что имъ, грамотѣямъ, дѣлается? не давай ни пить, ни есть, дай перо да бумаги, — и сытёхоньки, и горя половина.

Беневольскій. Не говори вслухъ, ты мнѣ мѣшаешь.

Федька. Неужто вы впрямь съ дороги да и за дѣло?

Беневольскій (*не слушая его*). Здѣсь увижу я эти блестящія собранія, гдѣ вкусъ дружится съ роскошью; въ нихъ найду женщинъ милыхъ, любительницъ талантовъ, какую-нибудь Нинону, Севинье, имъ стану посвящать стишки маленькіе, лёгкіе; ихъ окружаютъ вертопрахи, модники — я устрашу ихъ сатирами, они станутъ уважать меня; тутъ же встрѣтятся мнѣ авторы, стихотворцы, которые уже стяжали себѣ громкую славу, признаны безсмертными въ двадцати,

въ тридцати изъ лучшихъ домовъ; я къ нимъ буду писать посланія; они ко мнѣ, мы будемъ хвалить другъ друга. О безподобно! Звѣздовъ ѣздитъ во дворецъ,—онъ будетъ моимъ Меценатомъ, мнѣ даютъ пенсію, какъ всѣмъ подобнымъ мнѣ талантамъ, я наживусь, разбогатѣю. Федька! Федька! поди сюда, обойми меня.

Федька. Что съ вами, сударь?

Беневольскій. Сколько ты отъ меня получаешь жалованья?

Федька. Да вашей милости, я чай, самимъ извѣстно.

Беневольскій. Жалкій человѣкъ! ты думаешь, что я занимаюсь этой малостью.

Федька. Ну вотъ видите, сударь, теперь сами признаетесь, что малость; а какъ нанимали въ Казани, еще торговались: всего сорокъ рублей на мѣсяцъ.

Беневольскій. Ты будешь получать пятьсотъ, тысячу.

Федька. Съ нами крестная сила! рехнулся онъ. Попросите-ко, сударь, чтобъ вамъ отвели комнату въ сторонѣ, да ляге-ко отдохнуть.

Беневольскій. Тысячу, тысячу.

Федька. Да гдѣ-жъ вы, сударь, возьмете? Вы, помнится мнѣ, говорили, что у васъ всего на всѣ тысяча рублей взято изъ Казани, да вышло на прогоны двѣсти сорокъ рублей съ полтиною, да покупокъ въ разныхъ городахъ на восемьдесятъ рублей, да мнѣ изволили выдать въ зачётъ жалованья два цѣлковыхъ: вотъ у меня здѣсь всё записано.

Беневольскій. Тысячу, говорю я, тысячу получишь; дай мнѣ разбогатѣть.

Федька. Вотъ оно что; ну, баринъ, такъ богатѣйте же скорѣе.

Беневольскій. Эту тысячу, что я взялъ съ собой, получилъ я въ награду дарованій отъ преосвященнаго, отъ вицъ-губернатора, отъ самого губернатора за стихи поздравительные въ разныя времена; если въ губернскомъ городѣ дали тысячу, здѣсь дадутъ десять, здѣсь могу я напечатать всѣ мои творенія, а какъ ихъ всѣ раскупятъ... Что ты качаешь головой? думаешь, не раскупятъ? Врёшь: у Звѣздова тьма знакомыхъ, онъ человѣкъ знатный, изъ угожденія къ нему всѣ подпишутся: чего это стоитъ? одинъ экземпляръ дрянь, а за все придётся важная сумма.

Федька (*смотря въ окно*). Кто-то, сударь, подъѣхалъ въ коляскѣ.

Беневольскій. Сюда взойдутъ. Выйди въ переднюю.

Федька. Да тамъ народъ такой неласковой, къ тому же право я голоденъ, быка бы съѣлъ. Пожалуйте, сударь, полтинникъ: я схожу въ харчевню.

Беневольскій. На, убирайся. Ахъ! досадно, на мнѣ дорожная куртка. Еще подумаютъ: новичокъ, смѣшной, необразованный... Воротись, Ѳёдоръ! Федька! вынь изъ чемодана платье, поновѣе которое.

Федька. Да тамъ всего сударь фракъ лиловой да жилетъ пике, и то чай дорогой поизмялось.

Беневольскій. Подавай его.

Федька. Къ чему вамъ передѣваться!

Беневольскій. Какое тебѣ дѣло?

Федька. Съ васъ не взыщутъ: вы человѣкъ пріѣзжій.

Беневольскій. Молчи!

Федька. Образумьтесь, гдѣ теперь выкладывать изъ чемодана: вамъ и комнаты еще не отвели.

Беневольскій. Не умничай!

Федька. Притомъ власть ваша: ѣсть хочется, ей Богу! мочи нѣтъ.

Беневольскій. Прозаикъ!

Федька. Вотъ еще ругаетесь... Нѣтъ, баринъ, мнѣ такимъ способомъ служить будетъ не въ охоту.

Беневольскій. Олухъ! прибери эту тетрадь и карандашъ да ступай за мной: я самъ вытащу чемоданъ и выну платье. Скорѣй! Скорѣй! *(Уходитъ съ Федькой и въ дверяхъ встрѣчается съ Полюбинымъ).*

ЯВЛЕНІЕ 3-е: **Полюбинъ и Иванъ.**

Полюбинъ. Стало, никого нельзя видѣть; а это кто вышелъ?

Иванъ. Пріѣзжій, сударь, изъ Казани.

Полюбинъ. Изъ Казани! и зовутъ его?

Иванъ. Беневольскій.

Полюбинъ. Ахъ! Боже мой!

ЯВЛЕНІЕ 4-е: **Полюбинъ и Варинька.**

Варинька. Здравствуйте, Полюбинъ; какъ умно сдѣлали вы, что пріѣхали! Знаете ли, кто здѣсь?

Полюбинъ. Да, этотъ женихъ изъ Казани, выбранный Звѣздовымъ, и который натурально никогда не будетъ вашимъ мужемъ.

Варинька. О, конечно нѣтъ. Представьте, я давича сижу передъ окномъ у себя въ комнатѣ, только что встала, вижу: подъѣзжаетъ къ крыльцу повозка, изъ нея выходитъ... вы еще его не видали?

Полюбинъ. Онъ мелькнулъ въ дверь, только что я вошелъ.

Варинька. Ни на что не похожъ; я вскочила со стула, послала спросить, кто? Говорятъ Беневольскій; я онѣмѣла отъ испугу. Вѣдь это можетъ только Александру Петровичу придти въ голову назначить мнѣ женихомъ человѣка, котораго хуже, по крайней мѣрѣ на взглядъ, сыскать нельзя.

Полюбинъ. Повѣрьте, онъ объ немъ давно забылъ.

Варинька. Нѣтъ нужды: онъ конечно ни объ чемъ не помнитъ, но за васъ меня не выдаетъ потому, что его жена этого хочетъ; онъ въ пятьдесятъ лѣтъ настоящій ребенокъ, все любитъ дѣлать наперекоръ всѣмъ, и вы увидите, начнетъ меня принуждать, чтобъ я вышла за этого шута, котораго онъ давно забылъ, но вспомнитъ, коль скоро онъ ему попадется на-глаза. Боже мой! какъ тяжко зависѣть отъ такихъ людей, которые за свои благодѣянія располагаютъ вами, какъ собственностію! Теперь я чувствую, каково быть сиротой.

Полюбинъ. Я еще надѣюсь: если Звѣздовъ несовсѣмъ такъ поступаетъ, какъ бы должно, жена его женщина рѣдкая; принявши васъ въ домъ, полюбила и продолжаетъ любить, какъ дочь. Ей, какъ нѣжной матери, обязаны вы всѣми пріятностями, которыя всѣхъ заставляютъ васъ любить.

Варинька. Ахъ, перестаньте! до того ли мнѣ?

Полюбинъ. Хотя мужъ ея всегда хочетъ поступать въ противность другимъ, все-таки жена его, милая, ловкая, наконецъ ставитъ на своемъ; и не мудрено: ему пятьдесятъ лѣтъ, а ей съ небольшимъ двадцать.

Варинька. Пойду, брошусь передъ ней на колѣни; пусть что хотятъ со мной дѣлаютъ, а я ни за кого, кромѣ васъ, не выйду. *(Полюбинъ цѣлуетъ у нея руку).* Она еще спитъ, а то я бы сейчасъ пошла, пока мужъ ея не воротился изъ дворца.

Полюбинъ. Вы напрасно огорчаетесь: у васъ нѣтъ родителей,—кто

васъ можетъ приневолить? Вы выбрали человѣка по сердцу, отъ васъ зависитъ его счастіе.

Варинька. Безъ согласія моихъ покровителей! чтобъ меня послѣ называли неблагодарной! ни за что въ свѣтѣ. (*Подходя къ окну*): Посмотрите, посмотрите, онъ же на улицѣ переодѣвается.

Полюбинъ. Кто! Беневольскій? (*Смотритъ въ окно и хохочетъ*).

Варинька. Нѣтъ, не только теперь; еслибъ я и васъ не знала, ни подъ какимъ видомъ не вышла бы замужъ за этого безумнаго. Хорошо вамъ смѣяться: вы сами себѣ господинъ. Ахъ! онъ сюда идетъ; прощайте! пойду въ спальню къ Настасьѣ Ивановнѣ. Можетъ быть, она встала. Пріѣзжайте ужо, простите. (*Въ дверяхъ*): Будьте же здѣсь ужо непремѣнно, а то мы нынче съѣзжаемъ на дачу. Богъ знаетъ, когда увидимся.

ЯВЛЕНІЕ 5-е: **Полюбинъ**, (*вскорѣ послѣ*) **Беневольскій.**

Полюбинъ (*смотря на часы*). Теперь половина одиннадцатаго, во дворцѣ еще не вышли къ обѣднѣ,—Звѣздовъ не такъ скоро воротится. Можно полюбопытствовать, что за человѣкъ этотъ Беневольскій. Вотъ онъ самъ, и въ пухъ разфранченъ.

Беневольскій (*шаркая*). Вашъ покорнѣйшій слуга-съ.

Полюбинъ. Здравствуйте!

Беневольскій. Позвольте съ вами познакомиться.

Полюбинъ. Очень радъ васъ видѣть.

Беневольскій. Что-съ? такъ точно-съ. (*Въ сторону*): Непостижимо. Я вѣрно въ сорокъ разъ его умнѣе: отчего я робѣю, а онъ нѣтъ?

Полюбинъ (*въ сторону*). Безцѣнный! И это мой соперникъ!

Беневольскій. Позвольте спросить: *я*, кажется, если не ошибаюсь, имѣю честь говорить съ вами?

Полюбинъ. Вы не ошибаетесь.

Беневольскій (*въ сторону*). Какъ краткословенъ! Онъ меня убиваетъ.

Полюбинъ. Вы недавно сюда пріѣхали?

Беневольскій. Съ часъ будетъ.

Полюбинъ. Изъ Казани?

Беневольскій. Я сынъ волжскихъ береговъ.

Полюбинъ. Вамъ здѣсь все должно быть ново?

Беневольскій. Ничто не ново подъ солнцемъ.

Полюбинъ. Но пріѣзжаго изъ Казани многое кое-что должно здѣсь удивить.

Беневольскій. Меня ничего. Признаюсь вамъ, я столько читалъ, что ничѣмъ не удивлёнъ. Это мое несчастіе.

Полюбинъ. Можетъ, не успѣли еще видѣть ничего удивительнаго?

Беневольскій. Помилуйте. Эти воды, пересѣкающія во всѣхъ мѣстахъ прекраснѣйшую изъ столицъ и вогражденныя въ берега гранитные, эта спокойная неизмѣримость Невы, эти безчисленныя мачты, какъ молніей опаленный лѣсъ—вы это называете неудивительнымъ?

Полюбинъ. Не я, а вы: вы сказали, что ничѣмъ ужъ не удивляетесь.

Беневольскій. Я разумѣлъ моральныя явленія.

Полюбинъ. Когда-жъ вы могли ихъ видѣть? Вы сейчасъ изъ повозки.—Что́ жъ вы располагаете вдаль? Какой родъ жизни вы намѣрены выбрать?

Беневольскій (*пріосанившись*). Вы знаете, какъ меня зовутъ?

Полюбинъ. Беневольскій, кажется.

Беневольскій. Да-съ.

Полюбинъ. Такъ что-жъ?

Беневольскій. Вы, конечно, читали «Сына Отечества»? тамъ эти бездѣлицы, я ихъ, ей Богу, полагаю бездѣлицами, такъ... опыты, конечно часто счастливые, удачные, они подписаны литерами Е. А. Б. и нѣсколько точекъ, вмѣсто имени Евлампій Аристарховичъ Беневольскій.

Полюбинъ. Имени вашего не забуду; но я не читаю «Сына Отечества».

Беневольскій. Нѣтъ! ну, такъ «Вѣстника Европы»?

Полюбинъ. Тоже нѣтъ.

Беневольскій. Помилуйте! а «Музеумъ»? вы конечно любите «Музеумъ»? «Московскій Музеумъ»?

Полюбинъ. Я даже не знаю, есть ли онъ на свѣтѣ.

Беневольскій. Нѣтъ, его ужъ нѣтъ больше, но онъ былъ. Помилуйте, что жъ вы читаете?

Полюбинъ. Мало ли что? Только не то именно, что вы назвали, и не то, что на это похоже.

Беневольскій (*смотритъ на него съ презрѣніемъ и отходитъ въ сторону*). Не читалъ ни «Сына Отечества», ни «Музеума»! ха! ха! ха! Этакое невѣжество въ девятнадцатомъ столѣтіи! въ Петербургѣ! — Я передъ нимъ робѣлъ! и я передъ нимъ скромничалъ! (*Садится на стулъ*). Вы, сударь, спрашивали какіе мои виды вдаль? Вотъ они: жизнь свободная, усмѣшка Музы—вотъ всѣ мои желанья... Ни чины, ни богатства для меня не приманчивы: что они въ сравненіи съ поэзіею?

Полюбинъ (*въ сторону*). Каковъ же! Однако, вы дурно дѣлаете, что не хотите служить. Съ вашими способностями, съ вашими познаніями, не мудрено, что вы современемъ попадете...

Беневольскій (*съ восторгомъ*). Въ чины?

Полюбинъ. Въ государственные люди... какихъ, конечно, у насъ немного.

Беневольскій (*вскакивая со стула*). Ась? Возможно ли! Быть полезнымъ государству! Это превосходно, это именно мое дѣло. Я прошелъ полный курсъ этико-политическихъ наукъ, политическую исторію, политическую экономію, политику въ строгомъ смыслѣ, право естественное, право народное, право гражданское, право уголовное, право римское, право...

Полюбинъ. Право, ненадобно столько правъ, ни столько политики; я, какъ видите, ничего этого не проходилъ, а статскій совѣтникъ.

Беневольскій. Въ ваши лѣта?

Полюбинъ. Представьте, чѣмъ вы можете сдѣлаться!

Беневольскій. Какъ вы благородно судите! жаль только, что слишкомъ пренебрегаете изящной словесностью.

Полюбинъ. Я? нисколько!

Беневольскій. Какъ же? не читаете «Сына Отечества».

Полюбинъ. Что жъ дѣлать?

Беневольскій. Зачните его читать, сдѣлайте одолженье, зачните; право это вамъ не будетъ безполезно, особливо при вашемъ здравомъ разсудкѣ.—Но быть государственнымъ человѣкомъ, министромъ, чрезвычайно пріятно! Не почести съ этимъ сопряженныя: это дымъ, мечта; но слава прочная, незыблемый памятникъ въ потомствѣ!—О, поприще государственнаго человѣка завидно; да какъ бы на него попасть?

Полюбинъ. А поэзія?

Беневольскій. Прелестная игра воображенія, отрада въ скукѣ; но дѣло министра существеннѣе, рѣшаетъ задачи народовъ. Я себѣ представляю не для того, чтобъ я въ этомъ былъ увѣренъ; но если бы оно случилось, чтобы я былъ министромъ... (*Задумывается*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е: **Беневольскій, Полюбинъ, Саблинъ.**

Саблинъ. Здорово, Полюбинъ! какъ ты рано здѣсь нынче дежуришь! (*Взглянувъ на Беневольскаго, отводитъ Полюбина въ сторону*). Скажи, пожалуй, давно ли сестра пускаетъ къ себѣ въ домъ такихъ куріозовъ? Это чортъ знаетъ что такое!

Полюбинъ. Это тотъ женихъ, объ которомъ, помнишь, Звѣздовъ прожужжалъ Варинькѣ.

Саблинъ. Казанской?

Полюбинъ. Какъ видишь, на лицо.

Саблинъ. Чудо!

Полюбинъ. Хочешь ли, я васъ познакомлю. (*Саблинъ дѣлаетъ знакъ согласія*). Евлампій Аристарховичъ! позвольте представить вамъ моего друга, Евгенія Ивановича Саблина. (*Беневольскій раскланивается*).

Саблинъ (*Беневольскому*). Для перваго знакомства, скажите-ко, батюшка, чѣмъ вы на бѣломъ свѣту промышляете?

Беневольскій. Какъ вашъ вопросъ? извините. (*Тихо Полюбину*): Я не понимаю его.

Полюбинъ (*тихо Беневольскому*). Человѣкъ военный, говоритъ просто; хотите ли, я за васъ ему отвѣчу?

Беневольскій (*Полюбину*). Вы меня обяжете.

Полюбинъ (*Саблину*). Господинъ Беневольскій, честь и краса казанскаго Парнасса, донынѣ занимался только изящной словесностью, и съ такимъ успѣхомъ, что стихи его печатались даже въ «Сынѣ Отечества».

Беневольскій (*Полюбину*). Помилуйте, вы меня въ краску вводите вашей похвалою.

Полюбинъ. Въ ней нѣтъ ничего лишняго.

Беневольскій. Вы такъ думаете?

Полюбинъ. Присягнуть готовъ. (*Саблину*): И сверхъ того, въ «Вѣстникѣ Европы».

Беневольскій. Пощадите скромность поэта.

Полюбинъ. И гдѣ бишь еще?

Беневольскій. Въ «Музеумѣ».—Да перестаньте. Хоть это все очень лестно, но можетъ показаться, что я самолюбивъ; а я ничьихъ похвалъ не ищу.

Саблинъ. И хорошо дѣлаете. Кто васъ такъ похвалитъ, какъ вы сами себя?

Полюбинъ. Вездѣ разсыпаны счастливые опыты Евлампія Аристарховича Беневольскаго: послѣ этого подумай...

Саблинъ. Я объ этомъ никогда ничего не думаю и сочинителей терпѣть не могу. (*Беневольскому*): Это до васъ не касается.

Полюбинъ. Кромѣ, что сочинитель, господинъ Беневольскій ужасный законникъ, и мѣтитъ вдаль. Я его уговаривалъ, а онъ почти согласенъ сдѣлаться современемъ государственнымъ человѣкомъ.

Саблинъ. Чѣмъ чортъ не шутитъ!—Такъ вы мѣтите въ министры? а?

Беневольскій. Отчего жь не стремиться вслѣдъ за Сюлліями, за Кольбертами, за Питтами, за бояриномъ Матвѣевымъ?

Саблинъ. Послушайте, подите-ка къ намъ, въ полкъ, въ юнкера. Смотри, пожалуй! онъ еще дуется!.. Вѣдь я не виноватъ, что васъ иначе не примутъ; мнѣ бы, напротивъ, во сто разъ было веселѣе, кабы вы попали прямо въ полковники: вы такъ сухощавы, по всему судить, проживете не долго, скорѣй бы вакансія очистилась.

Беневольскій (*въ сторону*). Житель Віотіи въ Аѳинахъ! ни малѣйшаго колорита воспитанія!

Саблинъ (*Полюбину*). Неужли ты полагаешь, что есть возможность этому шуту жениться на Варинькѣ?

Полюбинъ. Э, братецъ! отъ твоего зятя все возможно.

Саблинъ. Я за это въ состояніи сказать ему дурака въ глаза, хоть онъ и думаетъ, что вдвое меня умнѣе отъ того, что вдвое старѣе. Здѣсь неловко говорить: идемъ завтракать на бульваръ.

Полюбинъ. Пойдемъ.

Саблинъ. А ужо какъ вернемся, настроимъ хорошенько сестру, чтобъ она мужа на умъ навела. Я право люблю тебя какъ душу, и Вариньку тоже, смерть досадно, если она достанется этому уроду... Ха! ха! ха! какъ можно этакимъ выродиться! Я бы самъ себя на его мѣстѣ обраковалъ и пристрѣлилъ. (*Беневольскому*): Мы, сударь, оставляемъ васъ однихъ: разсуждайте на досугѣ. Вотъ вамъ, какъ Ивану Царевичу, три пути: на одномъ лошадь ваша будетъ сыта, а вы голодны,—это нашъ полкъ; на другомъ и лошадь, коли она у васъ есть, и сами вы умрете съ голоду,—это стихотворство; а на третьемъ и вы, и лошадь ваша, и за вами еще куча людей и скотовъ будутъ сыты и жирны,—это статская служба. Во всякомъ случаѣ вы пойдете далеко; а мы, братъ, пойдемъ къ Бордерону, вели своей коляскѣ за собой ѣхать.

ЯВЛЕНІЕ 7-е:

Беневольскій (*одинъ*). Ха! ха! ха! Какой сюжетъ для комедіи! богатый! Какъ они смѣшны! Тотъ статской совѣтникъ, въ порядочныхъ людяхъ, и не читалъ ни «Сына Отечества», ни «Музеума»; но, по крайней мѣрѣ, видно, что ему это совѣстно, больно: онъ мнѣ послѣ угождалъ взорами, рѣчьми, нарочно, чтобъ изгладить дурное впечатлѣніе, которое надо мной сдѣлало его невѣжество. А этотъ гусаръ, объ которомъ Виргилій говоритъ: Barbarus has segetes,—еще храбрится своею глупостью. Однако онъ мнѣ далъ мысль: ступайте къ намъ въ полкъ... Нѣтъ не въ ихъ полкъ, а въ военную: отчего мнѣ не быть военнымъ? О! ремесло Цесаря! сына Филиппова! Былъ вождемъ полмилліона героевъ! Самому воспѣвать свои побѣды! воинъ-поэтъ! Но быть министромъ! тоже значительно, завидно. Ну, что-жъ? развѣ нельзя все это сдружить вмѣстѣ? Такъ, я буду законодателемъ, полководцемъ и стихотворцемъ, и вы меня одобрите, существа кротости!.. Существа очаровательныя! все въ жертву вамъ!.. Но, Боже мой! какъ здѣсь долго таятся въ нѣгѣ! Я такъ давно снѣдаемъ ожиданіемъ. Ахъ! если-бъ теперь могъ увидѣть ту, которая давно живетъ здѣсь въ моемъ сердцѣ, знакомую незнакомку, которая часто появлялась мнѣ въ сновидѣніяхъ, свѣтла, какъ Ора, легка, какъ Ириса,—величественный станъ, сафирные глаза, русые, льну подобные, волосы, черты... Кто-то идетъ—двѣ женщины!.. Сердце, ты вѣщунъ!—это она съ субреткою... Мой идеалъ!.. Она!..

ЯВЛЕНІЕ 8-е: **Звѣздова, Варинька, Беневольскій.**

Звѣздова. Я теперь только узнала, что вы пріѣхали, и очень жалѣю, что не могла прежде... Что съ вами сдѣлалось? Не дурно ли вамъ.

Беневольскій (*кланяясь*). Нѣтъ-съ, ничего-съ. Честь имѣю себя рекомендовать.

Звѣздова. Вы долго ѣхали изъ Казани?

Беневольскій. Счетомъ времени только недѣлю, а счетомъ сердца цѣлый вѣкъ.

Звѣздова. Видно, что-нибудь васъ сюда торопило?

Беневольскій. Ахъ! сударыня, вы не знаете любви!

Звѣздова. Это очень лестно для вашей невѣсты. Но вы ее видите въ первый разъ.

Беневольскій. Въ первый разъ! Нѣтъ, я ее вижу не въ первый разъ

Звѣздова. Развѣ вы бывали прежде въ Петербургѣ?

Беневольскій. Никакъ нѣтъ-съ.

Звѣздова. Когда жъ вы могли ее видѣть?

Беневольскій. Всегда: въ часы уединеннаго труда, въ минуты дѣятельной чувствительности, досуга шутливаго, крылатой фантазіи.

Звѣздова. Да гдѣ же?

Беневольскій. Вездѣ: образъ ея носился въ облакахъ воздушныхъ, выглядывалъ изъ ручейка долиннаго, отражался въ капляхъ росы на листочкахъ утреннихъ... .

Звѣздова. Теперь я понимаю: вы шутите.

Беневольскій. Одни сердца холодныя могутъ шутить.

Звѣздова (*тихо Варинькѣ*). Онъ говоритъ такъ странно...

Варинька (*тихо Звѣздовой*). Странно! просто, вздоръ; и за него хотятъ меня выдать. Ахъ! сжальтесь хоть вы.

Беневольскій (*въ сторону*). Она въ смущеніи! Еще слово, и я счастливъ.

Звѣздова. Вы, кажется, поэтъ?

Беневольскій. Такъ! Я не ошибся! Я счастливъ! Я любимъ!

Звѣздова. Что такое?

Беневольскій. Вы меня узнали?

Звѣздова. Узнала ли я?..

Беневольскій. Вы меня поняли?

Звѣздова. Нѣтъ, право...

Беневольскій. Трепещутъ ли въ васъ тѣ струны, которыя издали голосъ въ моемъ сердцѣ?

Звѣздова (*Варинькѣ*). Онъ съ ума сходитъ.

Варинька (*Звѣздовой*). Помилуйте, съ чего ему сойти?

Беневольскій. Я желалъ, и свершилось; я искалъ безсмертія въ любви, божества въ природѣ,—и ангелъ возвышенныхъ мыслей предсталъ мнѣ во всемъ велелѣпіи.

Звѣздова. Что вы говорите? опомнитесь.

Беневольскій. Сердце имѣетъ свою память. Вы примѣтили тотъ восторгъ, который не въ силахъ былъ я удержать при первой нашей встрѣчѣ?—въ немъ слышали вы голосъ піитической совѣсти.

Звѣздова. Я, сударь, въ жизнь мою ничего подобнаго не видала и не слыхала (*Варинькѣ*): Побудь съ нимъ, ради Бога, мнѣ силъ не достаетъ его слушать. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 9-е:

Беневольскій, Варинька (*она во все время печальна и сердита*).

Беневольскій (*не примѣчая, что Звѣздова ушла*). Не удивляйтесь моимъ словамъ, въ языкѣ любви запасся я жатвою словъ... Боже мой! Она ушла?

Варинька. Ушла.

Беневольскій. Краска стыдливой скромности конечно взыграла на лицѣ невинности. Она, вѣрно, хотѣла скрыть смятеніе первой любви. Зачѣмъ я не удержалъ ее? не досказалъ всего того, что тѣснится здѣсь, въ этой груди?

Варинька. Нужды нѣтъ; вообразите себѣ, что я ваша невѣста, и доканчивайте, какъ начали. Оно въ своемъ родѣ право хорошо.

Беневольскій. Вѣрю, милая.

Варинька. Милая! Какъ онъ смѣетъ!..

Беневольскій. Но ты не моя невѣста, ты не она.

Варинька. Дай Богъ!

Беневольскій. Что, красавица?

Варинька. Я думала, каково вашей невѣстѣ!

Беневольскій. Положеніе ея должно быть...

Варинька. Несносно.

Беневольскій. Стрѣлы любви конечно язвительны, богатыри могучіе по три дня не ѣдали и не спали отъ нихъ. Илья Муромецъ... Но ты не читала, ты не поймешь. Стрѣлы любви, подобно копью Ахиллову, исцѣляютъ собственную рану... Охъ! я опять забылъ, что ты не поймешь.

Варинька. Авось пойму: продолжайте.

Беневольскій. Если-бъ ты, красавица, взялась мнѣ помочь, поговорить своей барышнѣ...

Варинька (*въ сторону*). А! я служанка.

Беневольскій. Если-бъ ты растолковала ей, какъ выгодно быть подругою стихотворца!..

Варинька. Къ чему это? Невѣста ваша все сама отъ васъ слышала.

Беневольскій. Въ самомъ дѣлѣ! Съ какимъ жаромъ я изъяснялся! Какъ ты думаешь?

Варинька. О! чрезвычайно... Только жаль.

Беневольскій. Что жаль?

Варинька. Вы трудились понапрасну.

Беневольскій. Понапрасну! Повѣрь, что нѣтъ. Я примѣчалъ все время, и примѣтилъ, что она...

Варинька. А кто она?

Беневольскій. Вотъ вопросъ забавный: она, что вдругъ явилась и наполнила душу радостью, а потомъ исчезла какъ призракъ, невѣста, избранная мнѣ рукою тайнаго Провидѣнія, словомъ она.

Варинька. Ахъ, сударь, она—не она.

Беневольскій. Какъ не она?

Варинька. Вы говорили не съ нею.

Беневольскій. Не съ нею! Съ кѣмъ же?

Варинька. Съ хозяйкою здѣшняго дома, съ женою вашего покровителя.

Беневольскій. Съ женою... Невозможно! Нѣтъ, нѣтъ... Какое тутъ правдоподобіе!

ЯВЛЕНІЕ 10-е: **Варинька, Беневольскій, Иванъ.**

Иванъ (*Варинькѣ*). Барыня васъ спрашиваетъ.
Варинька. Слава Богу! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 11-е: **Беневольскій, Иванъ.**

Беневольскій (*ей въ слѣдъ*). Минуту! Одну минуту!.. Никакого правдоподобія, это шутливый вымыселъ субретки. (*Ивану*): Постой хоть ты.
Иванъ. Что прикажете?
Беневольскій. Представь себѣ, что мнѣ сказала горничная.
Иванъ. Какая, сударь, горничная?
Беневольскій. Ну, вотъ что сейчасъ отсюда вышла.
Иванъ. Помилуйте, сударь, что это за горничная? Это барышня, здѣсь въ домѣ воспитывается, Варвара Николаевна.
Беневольскій. Моя невѣста! Я погибъ. Зловѣщій человѣкъ! Что ты сказалъ?
Иванъ. Сущую правду-съ.
Беневольскій. Но какъ же мнѣ не ошибиться? Входитъ женщина молодая, ни дать, ни взять мой идеалъ. Кому же взойдетъ въ голову, что она жена старика Александра Петровича Звѣздова? Съ ней другая должна была показаться мнѣ горничная.
Иванъ. Станетъ ли, сударь, горничная растабарывать съ молодымъ незнакомымъ господиномъ, глазъ на глазъ, середи бѣла дня, гдѣ всѣ люди ходятъ? Довольно, что и урывкою пошаливаютъ.
Беневольскій. Полно, братецъ, нынче горничныя вездѣ, всегда и со всѣми разговариваютъ. Я это читалъ во всѣхъ новыхъ комедіяхъ, а комедія зеркало свѣта.
Иванъ. Какъ вамъ угодно.
Беневольскій (*въ размышленіи*). Изъ тысячи книгъ собиралъ я познанія о свѣтѣ, и вдругъ одна нечаянность все превращаетъ въ ничто. O fatum!—Нѣтъ не виню тебя, ученье! Такъ, догадываюсь, понимаю, я самъ виноватъ, я читалъ же... какъ забыть? какъ не вспомнить? Это одно и то же положеніе; онѣ хотѣли испытать меня: одна притворилась горничной, другая моей невѣстой, а я не угадалъ. Но—не дамъ имъ торжествовать, оборочу имъ же въ обиду, скажу имъ, что я зналъ все, и нарочно притворялся, чтобъ помучить хитрую. Эту развязку я читалъ, очень помню.
Иванъ. Еще ничего не прикажете?
Беневольскій (*въ сторону*). Этотъ человѣкъ можетъ мнѣ послужить. Онъ такъ хорошо одѣтъ; вѣрно много значитъ въ домѣ. Я читалъ, что у знатныхъ есть слуги, которые въ домѣ все дѣлаютъ и даже управляютъ господами. (*Громко*): Послушай, мой другъ, полюби меня, дѣлай, что я тебѣ скажу.
Иванъ. Что будетъ угодно?
Беневольскій (*даетъ ему деньги*). Вотъ тебѣ для знакомства. Не откажись...
Иванъ. Кто, сударь, отъ денегъ отказывается?
Беневольскій. Не откажись подать мнѣ тѣ свѣдѣнія, что̀ я отъ тебя потребую. Ты вѣрно все въ домѣ знаешь до утонченности... всѣ тайны тебѣ извѣстны.
Иванъ. Виноватъ, сударь, я вчера только поступилъ сюда въ услуженіе. Александръ Петровичъ изволилъ меня выпросить у своей тетушки, княжны Дарьи Савишны Невкушаевой. Про нее разскажу

вамъ, что хотите; почтенная, цѣломудренная дѣвица, шестидесяти лѣтъ; я у ней исправлялъ должность буфетчика.

Беневольскій. Какое мнѣ до нея дѣло? —Судьба меня преслѣдуетъ. По крайней мѣрѣ впередъ, братецъ, старайся все видѣть, все слышать, все знать, что здѣсь происходитъ.

Иванъ. О! впередъ, сударь, будьте увѣрены, всю подноготную вывѣдаю.

Беневольскій. Подъ завѣсой тайны слушай все: гдѣ, что, кто, кому тихо станетъ шептать.

Иванъ. Да, сударь, коли очень тихо будутъ шептаться, и не услышишь.

Беневольскій. Лови малѣйшіе намёки, наблюдай за тѣлодвиженіями, за выраженіемъ лицъ, изъ того выводи свои заключенія, сшей себѣ тетрадку, все записывай; вотъ тебѣ карандашъ.

ЯВЛЕНІЕ 12-е: **Звѣздовъ, Беневольскій, Иванъ.**

(*Звѣздовъ вбѣгаетъ въ мундирѣ*).

Звѣздовъ. Фракъ! поскорѣе фракъ! Охъ! усталъ до смерти. — А! Иванъ, ты здѣсь! Цѣлое утро тебя давича искали, и говорятъ ночью былъ Богъ знаетъ гдѣ... Нѣтъ, братъ, у меня своихъ шатуновъ куча; поди, откуда пришелъ, живи опять у своей княжны, ты мнѣ не надобенъ. (*Садится передъ зеркаломъ, задомъ къ Беневольскому и не примѣчая его*).

Иванъ. Да ваше превосходительство сами меня изволили услать съ вечера на дачу.

Звѣздовъ. Ты мнѣ не надобенъ.

Иванъ. Власть ваша, а я съ тѣхъ поръ какъ воротился, одинъ только и сидѣлъ въ передней. (*Показывая на Беневолскаго*): Вотъ извольте спросить.

Беневольскій. Я дѣйствительно могу засвидѣтельствовать...

Звѣздовъ (*не слушая и не оборачиваясь*). Чтобъ его духу здѣсь не было.—Фракъ! поскорѣе фракъ! — А! хорошо.—Да отнести назадъ картины этому шельмѣ итальянцу, вотъ что всегда ко мнѣ ходитъ, сказать ему, что онъ плутъ, воръ; я кому ни показывалъ картины, всѣ говорятъ мерзость, а онъ съ меня сдулъ вексель въ двѣнадцать тысячъ. Чтобъ взялъ назадъ свою дрянь хоть за половинную цѣну, а то подождетъ же денегъ лѣтъ десять, не у него одного есть вексель на мнѣ. — Да отправить старосту изъ жениной деревни, наказать ему крѣпко-на-крѣпко, чтобъ Фомка плотникъ не отлынивалъ отъ оброку и внесъ бы 25 рублей, непремѣнно, — слышите-ль: 25 рублей до копѣйки. Какое мнѣ дѣло, что у него сынъ въ рекруты отданъ, — то рекрутъ для Царя, а оброкъ для господина: такъ чтобъ 25 рублей были наготовѣ. Онъ видно шутитъ 25-ю рублями; прошу покорно, да гдѣ ихъ сыщешь? кто мнѣ ихъ подаритъ? на улицѣ что-ли валяются? 25 рублей очень дѣлаютъ счетъ въ нынѣшнее время, очень, очень... Говорятъ, что все подешевѣетъ, а между тѣмъ все вздорожало; такъ чтобъ Фомка внесъ 25 рублей, слышите-ль, сполна 25 рублей; хоть роди, да подай.

Беневольскій (*подкрадывается униженно*). Ваше превосходительство...

Звѣздовъ (*вскакивая со стула*). Ахъ! извините, откуда вы? какъ? съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

Беневольскій. Моя фамилія Беневольскій.

Звѣздовъ. А чѣмъ я могу вамъ служить?

Беневольскій. Я сюда пріѣхалъ... вы изволили обѣщать...

Звѣздовъ. А! да, да, помню, помню; будьте покойны, все будетъ исполнено. — Какая толкотня была нынче во дворцѣ! Какая куча народу! Я ужасно усталъ, насилу хожу: пойду, немножко прилягу. Не взыщите, пожалуйте, я человѣкъ старый, во всякое другое время вы мой гость, и я буду вамъ очень радъ. (*Хочетъ уйти*).

Беневольскій. Ваше превосходительство, вѣрно изволили забыть...

Звѣздовъ. Нѣтъ, батюшка, все помню, все; я вамъ сказалъ, что все будетъ исполнено. А между тѣмъ напишите мнѣ въ четырехъ строкахъ объ вашемъ дѣлѣ, да воткните здѣсь къ зеркалу.

Беневольскій. Мнѣ-съ ничего такого не надобно...

Звѣздовъ (*въ дверяхъ*). Помилуйте, батюшка, да коли вамъ ничего не надобно, такъ что-жъ вамъ надобно?

Беневольскій. Я изъ Казани.

Звѣздовъ (*возвращаясь*). Какъ изъ Казани?

Беневольскій. Такъ точно-съ. Я сейчасъ пріѣхалъ сюда изъ Казани; вы тамъ очень знакомы были съ моимъ батюшкой, онъ имѣлъ хожденіе по вашимъ дѣламъ.

Звѣздовъ. А! помню, помню... Какое было я сдѣлалъ дурачество! Извини, дружище, здѣсь такая путаница, себя забудешь; за то и ѣду скорѣе въ деревню на покой.—Да какъ тебя узнать? выросъ, постарѣлъ, помолодѣлъ. — Ну, здравствуй въ Петербургѣ. Что твой дѣлаетъ отецъ? здоровъ ли?

Беневольскій. Его ужъ нѣтъ на свѣтѣ, онъ отошелъ къ лучшей жизни.

Звѣздовъ. Умеръ! Ахъ, какое несчастіе! Давно ли? отъ какой болѣзни? какой былъ толстый! Да въ этой Казани, чай, доктора дурные, хоть кого такъ уморятъ. — Ходи ко мнѣ почаще, мой милый, обѣдай, сиди здѣсь по цѣлымъ днямъ, у меня народу бываетъ много всякаго: можешь сдѣлать знакомство.—Гдѣ ты остановился?

Беневольскій. Покамѣстъ подъ синевой небесной.—Ваше превосходительство обѣщали покойному батюшкѣ, что по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ...

Звѣздовъ. Пристрою тебя къ мѣсту? помню, помню; не заботься, все сдѣлаемъ.

Беневольскій. Ваше превосходительство обѣщали также мнѣ дать пріютъ въ вашемъ домѣ.

Звѣздовъ. Точно; помню, помню, и ты очень уменъ, что это помнишь. Погоди немного, я пошлю за дворецкимъ, тотчасъ отведутъ комнату; ничего не мудрено, домъ большой, весь къ твоимъ услугамъ, располагай имъ, какъ своимъ.

Беневольскій. Ваше превосходительство обѣщали мнѣ также въ сердцѣ моемъ замѣстить ту пустоту, которая...

Звѣздовъ. Что такое, батюшка? переведи пожалуй на простонародный языкъ. Ты, я вижу, человѣкъ ученый, говоришь все фигурно; а я простой человѣкъ, люблю, чтобъ было все ясно.

Беневольскій. У васъ воспитывается прелестное созданіе,

Звѣздовъ. А! да, да, помню: я тебѣ обѣщалъ Вариньку. Ну, братъ, я сдержалъ слово, ни за кого не выдалъ, она еще теперь въ дѣвушкахъ; а сватались многіе, и теперь еще сватается... да я люблю держаться своихъ словъ. Все ждалъ тебя.

(*Беневольскій во все время кланяется*).

1-й слуга (*входитъ*). Анна Васильевна Растабарова прислала напомнить вашему превосходительству о томъ, о чемъ она васъ просила.

Звѣздовъ. Хорошо, хорошо. Скажи, что хорошо.

2-й слуга (*входитъ*). Княгиня Дарья Савишна прислала спросить, изволили ли вы постараться объ ея дѣлѣ.

Звѣздовъ. Какое дѣло? когда она мнѣ говорила?

2-й слуга. Вчерашній день.

Звѣздовъ. Все будетъ исполнено; вели ей доложить, что все будетъ исполнено.

3-й слуга (*входитъ*). Левъ Ивановичъ Недосуговъ прислалъ просить ваше превосходительство...

Звѣздовъ. Чего у меня просить! Убирайся къ чорту. Мнѣ ни до кого нѣтъ дѣла, а до меня всѣмъ; вели отвѣчать, что все будетъ сдѣлано, непремѣнно все, все, все.

3-й слуга. Да онъ самъ приказалъ вамъ сказать, что онъ все ужъ сдѣлалъ по вашему дѣлу, только проситъ васъ къ себѣ.

Звѣздовъ. А!.. ну, такъ вели благодарить: очень-де, батюшка, благодаренъ. Да никого ко мнѣ не пускать; слышите-ль? меня нѣтъ дома, я какъ уѣхалъ во дворецъ, такъ еще не воротился и не ворочусь во весь день. Слышишь-ли? — Тоска въ этомъ городѣ; нѣтъ, скорѣе въ деревню отъ здѣшней суматохи. Пойдемъ, братъ, ко мнѣ въ кабинетъ; я немного посплю, а ты мнѣ разскажешь кое-что объ Казани. (*Уходятъ оба*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е: **Полюбинъ, Саблинъ.**

Саблинъ. Говорятъ тебѣ: дай волю и не мѣшайся не въ свое дѣло.

Полюбинъ. Какъ не въ свое дѣло! чье же оно? кто же изъ насъ хочетъ жениться?

Саблинъ. Съ чѣмъ приступилъ! вѣрно не я. Вотъ тебѣ рука моя, что я женюсь развѣ лѣтъ въ шестьдесятъ на какой-нибудь богатой купчихѣ.

Полюбинъ. Которая заплатитъ долги твои, повѣса!

Саблинъ. Какъ догадливъ и милъ! Однако, убирайся!

Полюбинъ. Не хочу, мнѣ надобно самому повидаться съ Настасіей Ивановной и попросить ее.

Саблинъ. Вздоръ. Звѣздовъ узнаетъ, что ты просилъ его жену, и нарочно пойдетъ наперекоръ, а я, какъ братъ родной, могу съ ней говорить, что хочу, и взялся за это.

Полюбинъ. Хорошъ ходатай!

Саблинъ. Ничуть не дуренъ.

Полюбинъ. Ты все забудешь.

Саблинъ. Не забуду, коли обѣщалъ.

Полюбинъ. Ничего не скажешь путемъ.

Саблинъ. Все скажу лучше тебя.

Полюбинъ. Напримѣръ, что?

Саблинъ. То, что ты славный малый, что Беневольскій скотъ, что его надобно вытолкать взашей, а тебя женить на Варинькѣ.

Полюбинъ. А тамъ?

Саблинъ. Чего тебѣ еще?

Полюбинъ. Нѣтъ, братецъ, это совсѣмъ не то; я самъ поговорю, я скажу сестрѣ твоей...

Саблинъ. Ну, говори.

Полюбинъ. Я докажу сестрѣ твоей, что она погубитъ свою воспитанницу, если откажетъ мнѣ. Мы другъ друга любимъ и вѣрно будемъ счастливы; состояніе мое хоть небольшое, но достаточное; служба моя даетъ мнѣ право надѣяться вдаль,—ты знаешь, что я заслужилъ нѣсколько отличій; что-же касается до счастія домашняго,—и сестра твоя, къ горю своему, должна знать его цѣну,—я увѣренъ, что доставлю его женѣ моей; ты знаешь меня и скажешь самъ...

Саблинъ. Ну да, ты славный малый.

Полюбинъ. Съ другой стороны, я постараюсь усовѣстить Настасью Ивановну. Ей стыдно будетъ выдать Вариньку за студента, въ которомъ нѣтъ ни ума, ни души, словомъ ничего; недоученый педантъ, одѣтъ какъ шутъ, говоритъ какъ дурная книга, ничего не знаетъ, думаетъ о себѣ, что онъ осьмое чудо.

Саблинъ. Скотъ, однимъ словомъ.

Полюбинъ. И что они въ немъ нашли? Если Звѣздовъ, какъ пріятель отца, взялся ему что-нибудь доставить, неужели кромѣ Вариньки у него ничего нѣтъ? Надобно ему пріискать по способностямъ мѣсто переписчика у Глазуновыхъ, или учителя въ уѣздномъ городѣ, — и отправить съ Богомъ.

Саблинъ. Его надо прогнать къ чорту.

Полюбинъ. Коль скоро его не будетъ здѣсь, и Звѣздовъ о немъ забудетъ; я увѣренъ, что мнѣ не откажутъ, и теперь я не знаю, почему...

Саблинъ. Ха! ха! ха!

Полюбинъ. Что-жъ такъ смѣшнаго?

Саблинъ. Прямой ты шутъ, наговорилъ съ три короба, и сказалъ все то же.

Полюбинъ (*смѣясь*). Въ самомъ дѣлѣ.

Саблинъ. Ну, прощай-же.

Полюбинъ. Развѣ лучше?..

Саблинъ. Гораздо лучше, если ты уйдешь.

Полюбинъ. Знаешь-ли что? Я пойду и постараюсь какъ-нибудь поладить съ Звѣздовымъ: авось онъ...

Саблинъ. Ступай и подличай.

Полюбинъ. Я надѣюсь, что ты хоть этотъ разъ сдѣлаешь дѣло и поговоришь благоразумнѣе обыкновеннаго; полно тебѣ вѣтренничать.

Саблинъ. Полно тебѣ проповѣдывать, надоѣлъ; ступай: вотъ и сестра.

ЯВЛЕНІЕ 2-е: **Звѣздова, Саблинъ.**

Звѣздова. Куда-же Полюбинъ убѣжалъ? Мнѣ сказали, что онъ хочетъ со мной поговорить. Я насилу отдѣлалась отъ хлопотъ—вѣдь мы сегодня переѣзжаемъ — пришла будто за дѣломъ, а онъ исчезъ.

Саблинъ. Я его услалъ въ кабинетъ растабарывать, и все тебѣ за него скажу. Да напередъ растолкуй мнѣ, что съ тобой сдѣлалось?

Звѣздова. Со мной ничего не сдѣлалось.

Саблинъ. Помилуй, матушка: ты мнѣ вѣкъ свой читаешь проповѣди за все про все, а сама сегодня изволила спать до полудни. Я тебя и дождаться не могъ.

Звѣздова. Я вчера поздно пріѣхала, часу въ четвертомъ; у княжны Дарьи Савишны на дачѣ былъ дѣтскій балъ.

Саблинъ. Ты что за дитя?

Звѣздова. Нельзя-же не ѣхать, если зовутъ.

Саблинъ. Слыханное-ли дѣло! и ты тутъ-же съ ребятишками расплясалась! Жаль, что меня не было, нахохотался бы.

Звѣздова. Хохотать вовсе нечему; гораздо лучше забавляться съ дѣтьми, нежели дѣлать то, что вы всѣ, господа военные. Со стороны смотрѣть и смѣшно, и стыдно: пріѣдутъ на вечеръ, обойдутъ всѣ комнаты, иной тутъ же и уѣдетъ. И какъ ему остаться: онъ званъ еще въ три дома, куда тоже гораздо-бы лучше совсѣмъ не ѣхать, если только за тѣмъ-же; другіе разсядутся стариками, кто за бостонъ, кто за крепсъ, толкуютъ объ лошадяхъ, объ мундирахъ, спорятъ въ игрѣ, кричатъ во все горло, или, что еще хуже, при людяхъ шепчутся. Хозяйка хочетъ занять гостей, музыканты цѣлый часъ играютъ попустому, никто и не встаетъ: тотъ не танцуетъ, у того нога болитъ, а все вздоръ; наконецъ иного упросятъ, онъ удостоитъ выборомъ какую-нибудь счастливую дѣвушку, прокружится разъ по залѣ—и усталъ до ужина; тутъ, правда, усталыхъ нѣтъ: наѣдятся, напьются, и уѣдутъ спать.

Саблинъ. А я тебѣ коротко скажу, что кромѣ ужина нѣтъ ничего хорошаго ни на одномъ балѣ; я ихъ терпѣть не могу еще съ десяти лѣтъ, какъ дядюшка заставлялъ меня насильно прыгать со всѣми уродами.

Звѣздова. Боже мой! какъ вы разборчивы!

Саблинъ. Нѣтъ, вы не разбираете... Ты вѣдь никому не отказывала: подослалъ-бы я къ тебѣ какого-нибудь Евлампія Аристарховича да... Кстати, что вы съ ума сошли съ мужемъ вдвоемъ? неужли вы въ самомъ дѣлѣ хотите выдать Вариньку за эту чучелу?

Звѣздова. Я вовсе не хочу, да Александръ Петровичъ обѣщалъ его отцу.

Саблинъ. Вольно ему было дурачиться!.. Я тебѣ напрямки говорю, что если ты не выдашь ее за Полюбина, моя нога у васъ домѣ не будетъ. Это срамъ сравнивать честнаго человѣка, каковъ Полюбинъ, съ Евлампомъ Аристарховичемъ.

Звѣздова. Я бы рада всей душой...

Саблинъ. Это будетъ курамъ на смѣхъ.

Звѣздова. Я, право, не знаю, что дѣлать.

Саблинъ. Хочешь ли я дѣло сдѣлаю? Скажу просто этому студенту, чтобъ онъ со своей кибиткой, съ чемоданомъ и съ лиловымъ фракомъ убирался вонъ, пока безъ грѣха.

Звѣздова. Хуже этого нельзя придумать. Александръ Петровичъ разсердится, и тогда его никакъ не уговоришь.

Саблинъ. Пусть его сердится, что мнѣ за дѣло?

Звѣздова. Тебѣ ничего, но Варинькѣ тогда не бывать за Полюбинымъ. А я не хочу заводить шуму въ домѣ. Я придумала гораздо лучше: соглашусь притворно на свадьбу Беневольскаго, и такъ напугаю моего мужа пріятнымъ обществомъ казанскаго студента, что тогда онъ на все согласится.

ЯВЛЕНІЕ 3-е:

Звѣздова, Саблинъ, Беневольскій. (*Беневольскій входитъ тихо и подслушиваетъ*).

Беневольскій. Что я вижу! tête-à-tête!

Саблинъ. Выдумка хороша.

Беневольскій. Выдумка!

Саблинъ. И ты думаешь, что твой мужъ не догадается?

Беневольскій. Мужъ! и ты! Это такъ, точно такъ.

Звѣздова. Мы постараемся отъ него скрыть.

Беневольскій. O tempora! o mores!

Саблинъ. Смотри же, я надѣюсь на твое обѣщаніе.

Беневольскій. Мармонтель, ты правъ! вотъ свѣтъ!

Звѣздова. Ты можешь быть во мнѣ увѣренъ.

Беневольскій. Надобно воспользоваться открытіемъ. Я столько читалъ объ этихъ вещахъ...

Саблинъ. Какъ я тебя люблю за это!

Беневольскій. Онъ любимъ; все ясно, вотъ причина ея равнодушія, когда сегодня утромъ...

Саблинъ (*примѣтивъ Беневольскаго Звѣздовой*): Смотри пожалуй, оглянись.

Звѣздова. Ужъ не слыхалъ ли онъ? (*Шепчется съ Саблинымъ*).

Беневольскій. Они меня примѣтили. Нечего дѣлать: успокою ихъ, сдѣлаюсь ихъ повѣреннымъ, наперсникомъ; они за то постараются о моей женитьбѣ. Благодарность...

Саблинъ (*Звѣздовой*). Э! что за бѣда?

Беневольскій (*Звѣздовой*). Не опасайтесь ничего, сударыня; вы меня извините: нечаянный случай заставилъ меня вамъ помѣшать.

Саблинъ. Догадался, батюшка!

Беневольскій. Но повѣрьте, что я знаю свѣтъ, и моя скромность...

Саблинъ. Что тутъ скромничать?

Беневольскій. Времена патріархальныя были почтенны, но они были.

Звѣздова. Что вы хотите сказать?

Беневольскій. Съ успѣхами просвѣщенія, съ развитіемъ людкости, все пришло въ новый порядокъ, природа должна бороться съ предразсудками; но предразсудки временны, а природа вѣчна.

Звѣздова. Я васъ прошу, сударь, объяснить мнѣ, что вы хотите сказать?

Беневольскій. Я проникъ вашу тайну, но я самъ имѣю сердце; законы васъ осуждаютъ, но какой законъ святѣе любви?

Звѣздова. Если-бъ я это слышала отъ другаго... но на васъ я не должна и не могу сердиться. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4-е: **Саблинъ, Беневольскій.**

Саблинъ. Скажите, батюшка, что вы наговорили?

Беневольскій. Вы меня поняли, довольно.

Саблинъ. Я человѣкъ военной, и къ стыду моему признаюсь, въ стихахъ ничего не понимаю.

Беневольскій. Онъ думаетъ, что это стихи, ха! ха! ха!

Саблинъ (*въ сторону*). Дуракъ меня взбѣситъ. (*Беневольскому*): Нельзя ли, шутки въ сторону, сказать мнѣ просто, что вы ей такое сказали?

Беневольскій. Повѣрьте, слова мои были столько же невинны, какъ и мое намѣреніе.

Саблинъ. За что же она какъ-будто разсердилась?

Беневольскій. Или вы не знаете женщинъ?

Саблинъ. Знаю или не знаю, это не ваше дѣло. Я спрашиваю, чѣмъ вы ее разсердили?

Беневольскій. Можетъ быть, ей показалось непріятно, что незнако-

мецъ узналъ то, что она хотѣла бы скрыть отъ всѣхъ, отъ самой себя. Она слаба, но добродѣтельна. Мнѣ даже жаль, что это случилось. Въ наше время какъ быть иначе. Одна ли взаимность располагаетъ сердцами? Родители жертвуютъ судьбой дѣтей своему корыстолюбію, выдаютъ молодую дѣвушку за человѣка знатнаго и богатаго, но стараго и немилаго, въ оковы супружества вплетаетъ она розы любви, ищетъ друга, и счастлива, если найдетъ достойнаго.

Саблинъ. Какъ вы смѣете думать о почтенной женщинѣ?

Беневольскій. Помилуйте, развѣ маркиза дю-Шателе не была другомъ Вольтера, развѣ Жанъ-Жакъ?..

Саблинъ. Знаете ли вы, господинъ студентъ, что вы мнѣ надоѣли до смерти? Я слушалъ вашъ вздоръ цѣлый часъ и думалъ, авось уйметесь; но вижу—что молчать, то хуже, и теперь скажу вамъ напрѣзъ: вы цѣлый часъ бредили какъ во снѣ, и только помѣшали мнѣ съ сестрой объ дѣлѣ говорить.

Беневольскій. Ваша сестрица! Нѣтъ, скажите, вы не шутите?

Саблинъ. Стану я съ нимъ шутить!

Беневольскій. Сдѣлайтем илость, извините. (*Въ сторону*): Ну въ чемъ я виноватъ?

Саблинъ. Мнѣ, батюшка, ваши извиненія право не нужны.

Беневольскій. Я пойду къ вашей сестрицѣ, я оправдаюсь передъ ней...

Саблинъ. Прошу не безпокоиться; слышите ли? я вамъ говорю, оставьте ее въ покоѣ.

Беневольскій. Она можетъ подумать обо мнѣ...

Саблинъ. Она объ васъ и думать не хочетъ.

Беневольскій. Я надѣюсь, что вы никому не скажете.

Саблинъ. Молчите только сами, слышите ли вы?.. Да вотъ и всѣ.

ЯВЛЕНІЕ 5-е: **Звѣздовъ, Звѣздова, Варинька, Полюбинъ, Саблинъ, Беневольскій.**

Звѣздова. Не ѣзди, Александръ Петровичъ, останься съ нами.

Звѣздовъ. Э, матушка, и радъ бы остаться, да нельзя: дѣлъ беремя, а на кого положиться? все самъ ѣзди, да хлопочи.

Звѣздова. И дома дѣла не меньше, ничто не устроено.

Звѣздовъ. Ну, матушка, сама потрудись, не все же мнѣ одному. Въ старину право живали лучше нашего, а хозяйка сама всѣмъ домомъ завѣдывала и не ходила къ мужу за всякой дрянью.

Звѣздова. Ты самъ запретилъ, чтобъ безъ тебя ничего не дѣлали.

Звѣздовъ. Поневолѣ запретишь, какъ никто ни за что взяться не умѣетъ. Да что я заговорился? женщинъ не переспоришь, потерянный трудъ и время.—Не правда ли, Полюбинъ?

Полюбинъ. Я съ вами согласенъ, съ ними спорить не должно.

Звѣздова. Давно ли вы противъ насъ?

Варинька (*тихо Звѣздовой*). Не мѣшайте ему.

Саблинъ (*тихо Звѣздовой*). Изъ-чего вступилась?

Звѣздовъ. Что вы тамъ всѣ плечьми пожимаете? Вамъ досадно, что онъ со мной согласенъ, а онъ правъ, совершенно правъ. Мы съ нимъ цѣлый часъ разговаривали обо всемъ, и онъ обо многомъ такъ судитъ, какъ нельзя лучше.

Полюбинъ. Я только придерживался вашего мнѣнія.

Звѣздовъ. Нѣтъ, не въ томъ сила; а что дѣло, то дѣло. Который часъ?

Полюбинъ. Третій въ началѣ.

Звѣздовъ. Ну вотъ, а я еще никуда не поспѣлъ.—Кто тамъ! готова ли карета?

Слуга (*входитъ*). Подана ужъ, у крыльца-съ.

Звѣздовъ. Ну, тотчасъ; что ты торопишь? — Прошу покорно пятнадцать мѣстъ объѣздить: тетка хочетъ опредѣлить бѣдняка въ корпусъ — надобно просить директора; Взяткинъ векселя не переписываетъ за то, что я ему за годъ не отдалъ процентовъ. Деретъ кожу, проценты безбожные, да я еще ему ихъ стану платить!—пусть припишетъ. Итальянецъ-плутъ надавалъ дрянныхъ картинъ, я впотьмахъ не разглядѣлъ, все копіи, и назадъ не беретъ; а я нарочно взялъ на уговоръ отдать за половинную цѣну, если не понравятся: все же лучше. — А визитовъ на прощаньи сколько!.. да у меня и карточки всѣ вышли, куплю мимоѣздомъ... Скука смертная въ свѣтѣ жить! И что это всѣ на меня навязались? чего они хотятъ?—Однако прощайте, пора.

Беневольскій. Ваше превосходительство...

Звѣздовъ. А! любезный, что ты въ углу притаился? каково дѣла идутъ?

Беневольскій. Ваше превосходительство, я надѣюсь на васъ, не изволите ли заѣхать и обо мнѣ...

Звѣздовъ. Будь увѣренъ, все сдѣлается. (*Къ прочимъ, кланяясь*): До свиданья, господа.

Беневольскій. Если-бъ вы изволили поговорить...

Звѣздовъ. Поговорю... Да что я! чуть не забылъ: я ужъ говорилъ одному человѣку, онъ обѣщался прійти ужо, такъ вы съ нимъ и перемолвите. (*Кличетъ*): Человѣкъ! если безъ меня придетъ Прохоровъ, доложить тотчасъ (*показываетъ на Беневольскаго*). Слышишь ли?

Слуга. Слушаю-съ.

Беневольскій. Но позвольте узнать, съ кѣмъ?..

Звѣздовъ. Ты его развѣ не знаешь? Прохоровъ? его всѣ знаютъ. Человѣкъ очень умный, со всѣми авторами знакомъ, славный человѣкъ, вотъ самъ увидишь.

Беневольскій. Но, ваше превосходительство...

Звѣздовъ. Извини, любезный, ей! ей! теперь некогда; еще успѣемъ, время не ушло, все будетъ. — Да я еще тебя и домашнимъ своимъ не отрекомендовалъ, голова кружится отъ заботъ. Вотъ жена моя; прошу любить и жаловать.

Звѣздова. Твой гость меня давно знаетъ и любитъ.

Звѣздовъ. Что за вздоръ! развѣ ты съ нимъ видѣлась?

Звѣздова. Онъ меня видѣлъ всегда и вездѣ.

Звѣздовъ. Помилуй, матушка, что ты загадками говоришь?

Звѣздова. Онъ на мнѣ жениться хочетъ.

Звѣздовъ. Какъ на тебѣ жениться!

Звѣздова. Онъ во мнѣ узналъ свою невѣсту, открылся въ любви и такъ хорошо, что я почти сама влюбилась.

Звѣздовъ (*помирая со смѣху*). Ха, ха, ха, Евлампій Аристарховичъ! что это на тебя выдумываютъ? — Неужели въ самомъ дѣлѣ?.. (*Общій смѣхъ*).

Беневольскій. Позвольте изъяснить...

Звѣздовъ (*хохочетъ*). Извини, милый, я съ природы смѣшливъ... И что ты противъ меня затѣялъ? ха! ха! ха! легко ли бѣдному мужу? ха! ха! ха!

Беневольскій. Смѣю увѣрить...

Звѣздовъ. Вѣрю, вѣрю, что за бѣда? Не смотри на нихъ, пусть себѣ смѣются, ошибка въ грѣхъ не ставится. Чтобъ въ другой разъ то же не случилось,—вотъ твоя невѣста (*подводитъ его къ Варинькѣ*). Знакомьтесь, какъ бы ни въ чемъ не бывало.

Варинька. Мы тоже знакомы и очень коротко; господинъ Беневольскій меня иначе не зоветъ, какъ милая.

Звѣздовъ. Вотъ еще! какой бойкій! — Однако я ужъ ничего не понимаю, въ пень сталъ да и только. (*Звѣздовой*): Тебѣ онъ изъяснялся въ любви?

Звѣздова. Въ любви.

Звѣздовъ (*Варинькѣ*). А тебѣ говорилъ: милая?

Варинька. Милая.

Звѣздовъ (*Беневольскому*). Какъ же это, любезный? растолкуй, ради Бога, въ кого ты влюбленъ? на комъ хочешь жениться? неужели на обѣихъ? (*Продолжаетъ смѣяться*).

Варинька. Онъ не захочетъ жениться на служанкѣ.

Звѣздовъ. На служанкѣ!

Варинька. Да, меня онъ счелъ за служанку, оттого только мы и знакомы.

Звѣздовъ. Ну, Евлампій Аристарховичъ, отъ-часу не легче. Этого бы я въ вѣкъ не выдумалъ. — Да какъ ты, человѣкъ умный, человѣкъ ученый, а свою невѣсту счелъ за служанку. Ха! ха! ха! (*Всѣ смѣются*).

Беневольскій. Одно слово...

Звѣздовъ. Да взгляни, братецъ, похожа ли она хоть чѣмъ-нибудь на горничную?

Варинька (*съ досадой*). Можетъ быть, въ глазахъ господина Беневольскаго я и въ самомъ дѣлѣ на это похожа.

Звѣздовъ (*Варинькѣ*). Ну вотъ и сердится. Какъ тебѣ не стыдно! ты бы смѣялась этому.

Варинька. Хорошо вамъ смѣяться.

Звѣздовъ. Будто я смѣюсь! — Полноте, господа, я вижу, что вы всѣ сговорились противъ одного, и меня старика засмѣшили. Вотъ нынче свѣтъ каковъ! рады придраться ко всему, чтобъ на чужой счетъ позабавиться, а право не хорошо.

Полюбинъ. Нельзя съ вами не согласиться.

Звѣздовъ. И зачѣмъ было разсказывать? къ чему мнѣ это знать? женщины не утерпятъ, если что смѣшно.

Звѣздова. Кажется, ты смѣялся больше всѣхъ.

Звѣздовъ. Поневолѣ, когда всѣ хохочутъ.

Варинька. Я и не улыбнулась.

Звѣздовъ. Вѣдь ты здѣсь не одна: вотъ, напримѣръ, первый мой шуринъ любезный, — ему ужъ не житье, а масляница.

Саблинъ (*въ сторону*). Несносный человѣкъ! самъ затѣетъ, а складываетъ на другихъ.

Звѣздовъ (*Саблину*). Не сердись, милый, у всякаго свой нравъ: я насмѣшекъ терпѣть не могу, а ты охотникъ. Скажи по совѣсти, многимъ ли сегодня разскажешь? я чай ни встрѣчному, ни поперечному спуску не будетъ, всѣмъ проблаговѣстишь.

Саблинъ. Вы очень ошиблись, я даже вамъ не разскажу ничего, что еще знаю о вашемъ... пріятелѣ.

Звѣздовъ. А есть еще?.. ха! ха! ха!

Беневольскій (*Саблину*). Будьте скромны.

Саблинъ (*Беневольскому*). Теперь ужъ вѣрно не скажу. (*Въ сторону*): Звѣздовъ какъ на огнѣ горитъ.

Звѣздовъ. Что ужъ грѣха таить? Евлампій Аристарховичъ, признавайся.

Саблинъ. Зачѣмъ вамъ это знать?

Звѣздовъ. Зачѣмъ! такъ, хочется, право; если ты что знаешь, и мнѣ сказать можно, я ужъ вѣрно поскромнѣе тебя.

Саблинъ. Богъ вѣсть.

Звѣздовъ. Безъ шутокъ, что еще?

Звѣздова. И я знаю...

Беневольскій (*Звѣздовой*). Ради Бога!

Звѣздова. Но тоже не скажу, чтобъ ты не укорялъ безпрестанно женщинъ въ болтливости.

Звѣздовъ. Коли разъ начала, зачѣмъ послѣ скромничать?

Звѣздова. Ты насмѣшекъ терпѣть не можешь.

Звѣздовъ (*съ досадой*). А все мой шуринъ дорогой, все онъ; изволилъ разсердиться, что я ему шутя правду сказалъ, и вышло по пословицѣ: говорить правду—терять дружбу. Только въ этомъ, братъ, извини, я на правду чортъ, и хоть ты сердись, хоть нѣтъ, а я всегда скажу, что гораздо лучше смотрѣть побольше за собой, а поменьше за другими. Право, будетъ труда довольно, никто не безъ грѣха; то лишь плохо, что въ чужомъ глазу иглу видимъ, а въ своемъ намъ и бревна не видать.—Не такъ ли, Полюбинъ?

Полюбинъ. Ваши слова могутъ служить наставленьемъ.

Звѣздовъ (*Саблину*). Видишь ли, милый? и другъ твой такъ же думаетъ. Правда, онъ гораздо поразсудительнѣе тебя.—Стало, ты не скажешь?

Саблинъ. Не скажу.

Звѣздовъ (*Звѣздовой*). А ты?

Звѣздова. Не скажу.

Звѣздовъ. Дѣти вы оба: и братъ, и сестра. Они право думаютъ, что мнѣ очень жаль будетъ, если я не узнаю; а я и знать не хотѣлъ.—Беневольскій! ты тоже не скажешь, разумѣется?

Беневольскій. Я прошу васъ...

Звѣздовъ. Богъ съ тобой, братецъ, твоя воля; бѣды нѣтъ, а не хочешь, какъ хочешь. Мнѣ же ѣхать пора, и то заговорился. Который часъ?

Полюбинъ. Безъ четверти три.

Звѣздовъ. Ну куда же я поспѣю? всюду опоздалъ: а кто виноватъ? все вы съ пустыми разсказами, да еще и не договариваютъ.

Звѣздова. Ты, стало быть остаешься дома?

Звѣздовъ. Нечего дѣлать, а нужда крайняя была. Пойду хоть къ себѣ, напишу письмо по дѣлу къ прокурору; я было и то забылъ.

Звѣздова. Такъ мы пойдемъ въ садъ до обѣда. А гостя своего взялъ бы ты съ собой, онъ бы помогъ тебѣ написать получше; ты же самъ признаешся, что на это лѣнивъ.

Звѣздовъ (*въ сторону*). Она къ нему что-то благоволитъ. Какъ ни говори, а женщинѣ любовное признаніе, чье бы ни было, всегда хорошо.

Варинька (*Звѣздову*). Господинъ Беневольскій, можетъ быть, самъ откроетъ вамъ наединѣ то, чего другіе не хотятъ говорить.

Звѣздовъ (*въ сторону*). А Варинька его сживаетъ съ рукъ. Сдѣлаю же обѣимъ на зло. (*Звѣздовой*): Нѣтъ, матушка, я не хочу пріѣзжаго

гостя безпокоить своими дѣлами, какъ-нибудь самъ справлюсь. Ему надобно познакомиться съ невѣстой, такъ вотъ мы такъ и сдѣлаемъ: вы себѣ гуляйте, коли хотите, я пойду письмо писать, а ихъ мы оставимъ вдвоемъ, пусть попривыкнутъ другъ къ дружкѣ.

Варинька (*Полюбину*). Ради Бога! не уходите далеко, не оставьте меня наединѣ съ несноснымъ человѣкомъ. (*Она садится съ досадой къ сторонѣ. Звѣздова, Саблинъ и Полюбинъ уходятъ. Звѣздовъ, смотря на нихъ, улыбается*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е: **Звѣздовъ, Варинька, Беневольскій.**

Звѣздовъ (*подходя къ Беневольскому*). Что ты, братецъ, не веселъ? чѣмъ огорчился? Полно, милый, не крушись; молодежь веселится, вотъ и все.

Беневольскій. Однако, ваше превосходительство.

Звѣздовъ. Да, да, да, все непріятно, правда, я этого самъ не люблю. Ты видѣлъ, какъ я за тебя заступился? Всѣ перестали: у меня чтобъ этого не было, у меня кто гость, тотъ гость, кто другъ, тотъ другъ, а ты у меня первый.

Беневольскій. Вы слишкомъ изволите...

Звѣздовъ. Первый, я тебѣ говорю: ужъ коли я тебя, а не другаго женю на Варинькѣ, стало все тутъ. (*Беневольскій кланяется*).

ЯВЛЕНІЕ 7-е: **Тѣ же и Федька.**

Федька (*Беневольскому*). Поговорите же, сударь, поскорѣе, а то вашу повозку совсѣмъ угонятъ.

Звѣздовъ. Съ чѣмъ онъ пришелъ?

Беневольскій. Я не смѣю сказать...

Звѣздовъ (*Федькѣ*). Говори, братецъ, говори, что тебѣ надобно?

Федька. А вотъ, сами видѣть изволите, ваше превосходительство, что случилась оказія.

Звѣздовъ. Смѣлѣе говори, что такое?

Федька. Повозка моего барина стояла съ пріѣзду на улицѣ, такъ по той самой причинѣ ее и гонятъ.

Звѣздовъ. Какъ гонятъ! кто гонятъ? куда гонятъ?

Федька. Да вотъ... какъ ихъ?.. Господь знаетъ, бутошники что ли, али полиція, говорятъ-де, не велѣно на большихъ улицахъ дорожнымъ становиться.

Звѣздовъ. Ну, братъ, я не полицеймейстеръ, это не мое дѣло.

Беневольскій. Если-бъ вы приказали назначить мнѣ небольшой пріютъ...

Федька. Кабы милость была повозку хоть на дворъ, а для пожитковъ чуланъ опростать.

Звѣздовъ. Какъ! что это я слышу? развѣ еще ни комнаты, ни сарая, ничего вамъ не отведено?

Беневольскій. Еще нѣтъ.

Звѣздовъ. Э, братецъ! что-жъ ты давно не скажешь? возьми комнату, двѣ, что хочешь.

Беневольскій. Но гдѣ?

Звѣздовъ. Гдѣ хочешь, любую. — Это твой что-ли человѣкъ?

Федька. Ихній-съ. (*Во все время разговора Звѣздова съ Федькой Беневольскій ухаживаетъ за Варинькой, которая отъ него отворачивается*).

Звѣздовъ. Сходи же, пріятель; ты знаешь здѣсь Штукарева?

Федька. Какъ не знать-съ.

Звѣздовъ. Скажи ему отъ меня, чтобъ онъ вамъ сейчасъ отвелъ, что надобно, да комнату бы выбралъ гдѣ получше; слышишь, я де приказалъ.

Федька. Я къ нему ужъ и толкнулся было, изволите видѣть; да смѣю доложить, онъ не даетъ.

Звѣздовъ. Какой вздоръ! не даетъ! — Дастъ, коли я приказываю.

Федька. Смѣю доложить, онъ говоритъ такъ: что, молъ, у насъ всѣ-де покои теперь заняты, а пустопорожнихъ не имѣется.

Звѣздовъ. Вретъ онъ; какъ не быть пустой комнаты? вѣрно есть. Скажи ему, что онъ вретъ.

Федька. Слушаю-съ. Да смѣю доложить, коли онъ опослѣ комнаты все не отведетъ, а повозку не въ гнѣвъ милости вашей... то бишь вашего превосходительства, сгонятъ на съѣзжую.

Звѣздовъ. Не угонятъ изъ моего дома. Дѣлай, что тебѣ говорятъ, и не бойся ничего.

Федька. Смѣю доложить...

Звѣздовъ. Тьфу, пропасть! какой неотвязчивый! Не даютъ тебѣ что-ли комнаты?

Федька. Такъ истинно, что не даютъ-съ.

Звѣздовъ. Позови сюда Штукарева; его кажется дома нѣтъ.

Федька. Никакъ нѣтъ-съ, онъ дома, я его какъ разъ кликну.

Звѣздовъ. Постой! не бѣгай! ну что его звать? все то же. (*Въ сторону*): Какъ быть? чѣмъ бы отвязаться? (*Громко*): Беневольскій! да ты, братъ, ужъ и приволакиваешся, а по мнѣ твой... (*указывая на Федьку*) какъ его?..

Федька. Федоръ Емельяновъ, смѣю доложить.

Звѣздовъ. Ну вотъ, онъ съ ножемъ къ горлу приставъ, а все за тебя.

Беневольскій. Простодушное усердіе...

Звѣздовъ. А я не знаю, что дѣлать. Теперь я вспомнилъ, комнаты у насъ теперь точно ни одной нѣтъ, развѣ вотъ эту возьмешь.

Беневольскій. Но какъ же въ залѣ, гдѣ всѣ ходятъ?

Звѣздовъ. Никого не пускай, да и только. Вѣдь у тебя есть чемоданъ, сундукъ, что-нибудь такое?

Федька. Чемоданъ съ бѣльемъ-съ и сундукъ съ книгами-съ.

Звѣздовъ. Ну вотъ, чего тебѣ лучше? и загородись со всѣхъ сторонъ, никто не войдетъ.—Доволенъ ли теперь? все сдѣлано? прощай, пойду письмо писать. (*Уходитъ*).

Федька (*Беневольскому*). Прикажете что ли нести пожитки?

Беневольскій (*Федькѣ*). Внеси въ переднюю, да подожди, я тебя позову, когда слѣдуетъ; видишь, здѣсь люди. (*Федька уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 8-е: **Беневольскій, Варинька.**

Беневольскій. Давно сердце мое билось желаніемъ изъяснить вамъ, какъ единственной своей владычицѣ...

Варинька. Я удивляюсь, какъ вы можете со мной говорить!

Беневольскій. Милый гнѣвъ! какъ ты драгоцѣненъ влюбленному!

Варинька (*въ сторону*). Что это Полюбинъ нейдетъ!

Беневольскій. Выслушай меня, прелестная, и тогда, если можешь, скажи... (*Полюбинъ входитъ*).

Варинька (*увидя Полюбина*). Я ни слушать васъ, ни говорить съ вами не намѣрена. Вотъ кто вамъ за меня все скажетъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 9-е: **Беневольскій, Полюбинъ.**

Полюбинъ. Я намѣренъ вамъ сказать два слова.

Беневольскій. Два слова! и въ нихъ заключается все мое блаженство! слова краснорѣчивыя! слова безцѣнныя! говорите, прошу васъ, говорите.

Полюбинъ. Вы любите Варвару Николаевну!..

Беневольскій. Ахъ! кто можетъ видѣть и не любить ее!

Полюбинъ. И такъ какъ я самъ ее люблю...

Беневольскій. И вы ее любите! Вы, конечно, ея братъ или другъ съ младенчества: полюбите же и счастливца, кому суждена рука ея, обоймите его, какъ друга, какъ брата...

Полюбинъ. Потише, господинъ Беневольскій, не горячитесь. Варвара Николаевна съ перваго разу, какъ васъ увидѣла...

Беневольскій. Предалась чувству симпатіи, которое отъ мѣстъ отдаленныхъ невольно увлекало насъ другъ къ другу?..

Полюбинъ. Напротивъ, она васъ терпѣть не можетъ.

Беневольскій. Ха! ха! ха!

Полюбинъ. Что вы смѣетесь безъ пути?

Беневольскій. Кто вамъ сказалъ, что она меня терпѣть не можетъ?

Полюбинъ. Она сама.

Беневольскій. Она! и просила васъ мнѣ это сказать?

Полюбинъ. Да, она поручила мнѣ поговорить съ вами, и я...

Беневольскій. Не трудитесь понапрасну, я давно все знаю, все понялъ.

Полюбинъ. Вы ничего не понимаете.

Беневольскій. Все, я говорю вамъ, все; вотъ въ чемъ дѣло...

Полюбинъ. Совсѣмъ нѣтъ, дайте мнѣ сказать одно слово.

Беневольскій. Нѣтъ, позвольте ужъ мнѣ наперед, и вы согласитесь, что я все знаю.

Полюбинъ (*въ сторону*). Что дѣлать съ дуракомъ, который свое несетъ?

Беневольскій. Вотъ изволите видѣть: Варинька...

Полюбинъ. Прошу васъ: Варвара Николаевна.

Беневольскій. Помилуйте, не все ли равно? мы можемъ...

Полюбинъ. Вы никакъ не можете.

Беневольскій. Пожалуй, хоть Варвара Николаевна,—слышала, какъ я при ней изъяснялся въ любви ея превосходительству...

Полюбинъ. Что-жъ вы твердите о своихъ проказахъ? ихъ безъ того всѣ знаютъ.

Беневольскій. Какъ вы это назвали?

Полюбинъ. Проказы.

Беневольскій. Вы сказали точно такъ, какъ оно есть, и увидите почему. — Ей, напротивъ, не говорилъ я ни слова о любви, обошелся съ нею, какъ со служанкою...

Полюбинъ. Какая дерзость!

Беневольскій. Терпѣнье, прошу васъ, терпѣнье. Все это вмѣстѣ должно было поразить сердце юное, нѣжное, едва начинающее любить; она на меня разсердилась и вѣрно называетъ меня чудовищемъ...

Полюбинъ. Уродомъ.

Беневольскій. Такъ должно быть, я это все знаю. Вы видите ли теперь, что вамъ нечего было мнѣ говорить?

Полюбинъ. Съ вами точно говорить напрасно.

Беневольскій. И такъ, слушайте: я догадался, что онѣ нарочно взяли на себя каждая не свою роль, и я притворился, будто обманутъ; но меня обмануть трудно, я все примѣтилъ и внутренно смѣялся, смотря на смущенье одной и досаду другой. — Вамъ самимъ смѣшно?

Полюбинъ. Вы имѣете даръ всякаго разсмѣшить.

Беневольскій. Но сдѣлайте одолженье, выведите ее изъ заблужденья; я ее довольно помучилъ, пора перестать, не правда ли?

Полюбинъ. Давно пора. (*Въ сторону*): Съ нимъ говорить нечего.

ЯВЛЕНІЕ 10-е:

Тѣ же и Саблинъ. (*Во время разговора Саблина съ Полюбинымъ, Беневольскій отворяетъ дверь. Федька вноситъ пожитки, они разставляютъ ихъ по мѣстамъ*).

Саблинъ (*Полюбину*). А, ты здѣсь! а тамъ по тебѣ стосковались. Ужъ я сжалился да пришелъ за тобой. Ты съ пріятелемъ о стихахъ что ли толкуешь?

Полюбинъ. Какіе, братецъ, стихи! я цѣлые полчаса бьюсь съ нимъ понапрасну, хочу ему сказать, чтобъ онъ Вариньку оставилъ въ покоѣ, если не хочетъ, чтобъ я его самого обезпокоилъ.

Саблинъ. Ну что жъ онъ? когда вы деретесь? я секундантъ что ли?

Полюбинъ. Чего, братецъ! онъ ни слова не понимаетъ, либо не хочетъ понять. Возьмись хоть ты его вразумить.

Саблинъ. Я? Нѣтъ, братъ, я стихами говорить не мастеръ. — Да что ты къ нему приступилъ, изъ-чего бьешься? развѣ тебѣ честь будетъ убить студента? Оставь это, и положись во всемъ на Настасью Ивановну?

Полюбинъ. Пожалуй, мнѣ право его смерти не хочется.

Саблинъ. Ступай же туда, тебя ждутъ къ обѣду.

Полюбинъ. А ты?

Саблинъ. Нѣтъ, я иду въ ресторацію: Звѣздовъ мнѣ надоѣлъ, какъ собака.

Полюбинъ. Уведи съ собой Беневольскаго, если можно.

Саблинъ. Хорошо.

Полюбинъ. Прощай. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 11-е: **Беневольскій, Саблинъ.**

Беневольскій (*любуясь на пожитки*).

О Лары и пенаты!
Вы пѣстуны мои!
Вы златомъ не богаты;
Но любите свои
Углы и темны кельи,
Гдѣ я на новосельи
Васъ мирно тутъ и тамъ
Разставилъ по мѣстамъ.

Саблинъ. Полно возиться съ чемоданомъ, хорошо и такъ. Скажи мнѣ, гдѣ ты обѣдаешь сегодня?

Беневольскій. Я думалъ, что здѣсь.

Саблинъ. Нѣтъ, что здѣсь? скука: Звѣздовъ еще пустится хохотать да разспрашивать.

Беневольскій. Это правда; но гдѣ же?

Саблинъ. Душа моя, мы кажется въ Петербургѣ,—здѣсь ресторацій тьма; жаль только, что всѣ никуда не годятся. Все же вино есть. Ты любишь вино?

Беневольскій. Кто не любитъ его? О, всемогущее вино! веселіе героя!

Саблинъ. Мы съ тобой хоть не герои, а выпьемъ по стакану, я тебя попотчиваю.

Беневольскій. Нѣтъ, ужъ позвольте мнѣ: я столько виноватъ, что хоть чѣмъ-нибудь хочу изгладить ту ошибку...

Саблинъ. Съ уговоромъ: ни объ ней, ни объ стихахъ не говорить ни слова.

Беневольскій. Ни слова.

И стукнемъ въ чашу чашей
И выпьемъ все до дна:
Будь вѣрной дружбѣ нашей
Дань перваго вина. (*Уходятъ вмѣстѣ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е: **Звѣздова, Варинька, Полюбинъ.**

Варинька. Насилу отобѣдали. Я какъ на иголкахъ была во весь столъ. Александръ Петровичъ нарочно все хвалилъ своего несноснаго студента, а самъ вѣрно иначе думаетъ; такъ только, чтобъ огорчить другихъ, знаетъ, какъ это всѣмъ противно.

Звѣздова. Все бы ничего, да какъ быть такимъ вѣтреникомъ въ пятьдесятъ лѣтъ: теперь вдругъ, безъ всякой нужды, не подумавши хорошенько ни одной секунды, послалъ за подорожной, за лошадьми, скачетъ въ деревню Богъ знаетъ зачѣмъ.

Полюбинъ. Неужли это ему сегодня только пришло въ голову?

Звѣздова. Нѣтъ, онъ и прежде говорилъ, да нерѣшительно. Я всегда полагала, что коли это сбудется, такъ черезъ два-три года или и никогда, какъ всѣ другіе его замыслы; у него ихъ тысяча.—Любя васъ, меня его отъѣздъ не очень огорчаетъ. Безъ него Беневольскаго можно будетъ уговорить, достать ему мѣсто гдѣ-нибудь въ дальнемъ университетѣ, отправить его туда, и даже женить, если сыщется ему подобная.

Варинька. Ахъ, какъ бы счастливо! Какія вы добрыя!

Звѣздова. Хорошо, милая, да надо подумать и о себѣ. Мужъ мой ѣдетъ въ деревню, а я съ чѣмъ здѣсь останусь? въ домѣ разстройка ужасная, денегъ нѣтъ, всѣмъ должны, все по его милости.

Полюбинъ. Ахъ, сударыня, пусть онъ ѣдетъ, и позвольте мнѣ быть вамъ полезнымъ.

Звѣздова. Я въ васъ всегда была увѣрена, Полюбинъ. И такъ, вашему попеченію препоручаю себя, мое хозяйство и всѣхъ домашнихъ. Между ними есть кое-кто, объ комъ вы и безъ того давно печетесь. Знаете ли что? нельзя ли бы какъ-нибудь сдѣлать, чтобъ мужъ мой самъ собою захотѣлъ Вариньку за васъ выдать? Сперва я хотѣла было напугать его тѣмъ, чтобъ Беневольскій послѣ женитьбы остался

у насъ въ домѣ, но теперь онъ ѣдетъ и пожалуй еще мнѣ его навяжетъ: это ужъ не годится.

Полюбинъ. Теперь я никакъ не смѣю надѣяться.

Звѣздова. Есть способъ очень простой: увѣрить его, что я вашей свадьбы не хочу, и вы ужъ больше не хотите, и Варинька не хочетъ, вотъ три причины, чтобы ему того захотѣть. Вамъ извѣстно, что онъ любитъ дѣлать все по-своему.

Полюбинъ. Но не всегда ему удается.

Звѣздова. Со мною всегда: есть ли кто меня сговорчивѣе? Теперь только въ первый разъ желаю поставить на своемъ, пускаюсь на тонкости, и то чтобъ составить ваше счастье. — Однако, вѣдь онъ въ состояніи уѣхать не простившись. Пойду, посмотрю; дождитесь меня здѣсь. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 2-е: **Варинька и Полюбинъ.**

Полюбинъ. Когда бы она успѣла!.. Но чего не сдѣлаетъ умная женщина, если примется хорошенько, особливо, гдѣ надобно хитрить!

Варинька. Не знаю, можетъ быть я не умна, а ручаюсь, что вѣкъ свой проживу безъ хитростей.

Полюбинъ. Не ручайтесь, всѣ такъ говорятъ до замужества. Впрочемъ, вы на другихъ не похожи. — И надобно отдать справедливость, васъ воспитала женщина рѣдкая; какой примѣръ! на ея мѣстѣ всякая другая съ меньшимъ умомъ и съ большимъ лукавствомъ дѣлала бы изъ своего мужа, что хотѣла, а она пять лѣтъ замужемъ, и въ первый разъ намѣрена поступать съ нимъ нечистосердечно, и то не для себя.

Варинька. Въ первый! Вольно ей говорить, — въ сотый развѣ! Да какое намъ дѣло? лишь бы теперь ей удалось.

ЯВЛЕНІЕ 3-е: **Тѣ же и Звѣздова.**

Звѣздова. Онъ внизу, торопится, распоряжается, велитъ укладываться. Я послала его звать сюда. — Вы не будете при нашемъ разговорѣ; однако, Полюбинъ, не уѣзжайте: вамъ надо же знать, чѣмъ это кончится. Да если Беневольскій придетъ, нельзя ли брату поручить, чтобъ онъ его опять увелъ куда-нибудь: безъ него все ловчѣе можетъ обдѣлаться.

Полюбинъ. Не безпокойтесь: братецъ вашъ съ нимъ, такъ не скоро воротятся.

Варинька. Ахъ! какъ я стану дрожать, пока вы будете за насъ стараться. Дай Богъ, чтобъ вамъ удалось! боюсь до смерти. (*Звѣздова ее цѣлуетъ*). Пойдемте, пойдемте. (*Уводитъ съ собою Полюбина*).

ЯВЛЕНІЕ 4-е:

Звѣздова (*одна*). Боится, что я не успѣю; я никакъ не боюсь. Эти мужчины уморительны: мой мужъ, напримѣръ, дожилъ до пятидесяти лѣтъ, и кажется насмотрѣлся, наслышался всего того, что обыкновенно говорятъ насчетъ лукавства нашего пола, самъ поминутно о немъ твердитъ, и никакъ отъ него не отдѣлается, когда надобно. Онъ еще долженъ образъ мой вымѣнять, что я такъ бережно на это отваживаюсь.

ЯВЛЕНІЕ 5-е:

Звѣздова, Звѣздовъ. *(Онъ вбѣгаетъ черезъ боковую дверь и чуть не падаетъ, наткнувшись на сундукъ и чемоданъ Беневольскаго).*

Звѣздовъ. Охъ! чортъ возьми! лобъ было расшибъ! Люди! люди! (*Входитъ слуга*). Есть ли въ васъ смыслъ человѣческій? что вы за безпутные? про что васъ держатъ въ домѣ, такую ораву? подлый народъ! зачѣмъ эта дрянь тутъ стоитъ?

Слуга. Ваше превосходительство сами приказали тутъ поставить; это добро Евлампія Аристарховича Беневольскаго.

Звѣздовъ. Провались ты и со своимъ дуракомъ Аристарховичемъ! зачѣмъ передъ дверью?

Слуга. Вы не приказали никому въ нее ходить.

Звѣздовъ. Я! чего? когда? всѣ на меня, какъ на мертваго, клеплютъ. Отставь это къ сторонѣ, да пошелъ вонъ. (*Слуга, исполнивъ приказаніе, уходитъ*).

Звѣздова. И что за мысль поселить этого студента въ залѣ, гдѣ всѣ ходятъ?

Звѣздовъ. А зачѣмъ тутъ ходить? развѣ мало другихъ комнатъ?

Звѣздова. Да вотъ ты первый взошелъ.

Звѣздовъ. Ты же позвала. Тебѣ всегда до меня дѣло, когда у меня другія дѣла. Ну, что надобно?

Звѣздова. А вотъ что. Неужли ты въ самомъ дѣлѣ отправляешься въ деревню?

Звѣздовъ. Неужли!.. Сейчасъ лошадей приведутъ.

Звѣздова. А я здѣсь остаюсь?

Звѣздовъ. Здѣсь.

Звѣздова. Какъ же я останусь?

Звѣздовъ. Такъ же, какъ останешься.

Звѣздова. Съ чѣмъ?

Звѣздовъ. Какъ съ чѣмъ?

Звѣздова. Да у меня ничего нѣтъ.

Звѣздовъ. Какъ ничего? все есть.

Звѣздова. Ничего.

Звѣздовъ. Все.

Звѣздова. Ахъ, Богъ мой! ничего, говорятъ тебѣ.

Звѣздовъ. Да чего ничего? напримѣръ?

Звѣздова. Первое, у меня нѣтъ денегъ.

Звѣздовъ. У тебя нѣтъ, у другихъ есть, можно занять.

Звѣздова. Коли дадутъ.

Звѣздовъ. Еще мы кажется не совсѣмъ обѣднѣли, въ состояніи заплатить.

Звѣздова. Ты платить въ состояніи, да не платишь, — отъ того мало вѣрятъ. Впрочемъ, это еще не все; у меня на рукахъ остается твой Беневольскій: что мнѣ съ нимъ дѣлать?

Звѣздовъ. А вотъ еще стану я много объ немъ думать! Дуракъ этакой! ставитъ свои сундуки передъ дверьми; того гляди разсержусь, велю все на дворъ выкинуть.

Звѣздова (*въ сторону*). Счастливая минута! онъ на него сердитъ. (*Громко*): Знаешь ли что? передъ твоимъ отъѣздомъ выдадимъ Вариньку замужъ.

Звѣздовъ. За кого?

Звѣздова. За Беневольскаго, разумѣется.

Звѣздовъ. Какъ, разумѣется? я думалъ, что ты этого не хотѣла.

Звѣздова. Я не хотѣла прежде, мнѣ казалось, что это Варинькѣ противно.

Звѣздовъ. Такъ стало, Варинька не противъ этого?

Звѣздова. Нисколько: на зло Полюбину.

Звѣздовъ. Отчего жъ на зло ему?

Звѣздова. Развѣ ты не знаешь, что онъ женится?

Звѣздовъ. Откуда мнѣ знать?

Звѣздова. Да, намѣренъ жениться на другой съ тѣхъ поръ, какъ замѣтилъ, что здѣсь въ домѣ ищетъ понапрасну.

Звѣздовъ. Почему понапрасну? вѣдь еще онъ не сватался настоящимъ образомъ.

Звѣздова. Избѣгалъ явнаго отказа, который не мудрено было ему предвидѣть: ты при немъ Варинькѣ обѣщалъ другому; а впрочемъ, видно, онъ не очень былъ влюбленъ.

Звѣздовъ. На комъ же онъ женится?

Звѣздова. Какъ бишь ее?

Звѣздовъ (*въ сторону*). Что за безтолочь! сейчасъ я шелъ коридоромъ, а Полюбинъ у Вариньки руку цѣлуетъ.

Звѣздова. Варинька очень умно разсуждаетъ: коли Беневольскій смѣшонъ и очень смѣшонъ, такъ это не бѣда, его можно будетъ исправить.

Звѣздовъ (*въ сторону*). Да зачѣмъ же она даетъ Полюбину руку цѣловать?

Звѣздова. Для молодой дѣвушки главное выйти замужъ, а тамъ, если мужъ только страненъ, а не совсѣмъ дуракъ, ея дѣло инымъ его странностямъ снисходить, насчетъ другихъ стараться вразумить его.

Звѣздовъ (*въ сторону*). Тутъ есть какія-нибудь плутни.

Звѣздова. Притомъ страстное желаніе отплатить Полюбину, показать, что она имъ больше не дорожитъ, все это вовсе перемѣнило ея мысли.

Звѣздовъ (*въ сторону*). Плутни, чистыя плутни; да къ чему бы это?

Звѣздова. Я съ моей стороны страхъ рада, за кого бы она ни вышла: надзоръ надъ осемнадцатилѣтней дѣвушкой очень трудная обязанность.

Звѣздовъ (*въ сторону*). Изъ-чего она бьется?

Звѣздова (*въ сторону*). Ничего не отвѣчаетъ, вѣрно раздумалъ. (*Громко*): Право, Александръ Петровичъ, послушайся меня хоть разъ въ жизни, погоди ѣздить въ деревню, и выдадимъ Вариньку за Беневольскаго.

Звѣздовъ (*въ сторону*). А! а! насилу-то понялъ: не хочетъ, чтобъ я ѣхалъ въ деревню и выдумываетъ разныя тонкости. Постой-ка, госпожа хитрая особа! (*Громко*): Стало ты хочешь, чтобъ Варинька вышла за этого студента?

Звѣздова. Очень хочу.

Звѣздовъ. И она тоже?

Звѣздова. Тоже.

Звѣздовъ. А Полюбинъ женится на другой?

Звѣздова. На другой.

Звѣздовъ. Жаль, очень жаль.

Звѣздова. Что?

Звѣздовъ. Беневольскій этотъ не по мнѣ. Какъ Полюбина съ нимъ сравнять? — я бы охотно передумалъ.

Звѣздова (*въ сторону*). Попался.

Звѣздовъ. Ну, да если нельзя иначе, такъ пусть останется все по-прежнему.

Звѣздова. Какъ?

Звѣздовъ. Нельзя же насильно женить Полюбина на той, объ которой онъ пересталъ думать.

Звѣздова. Но вѣдь онъ больше отъ того пересталъ думать, что ты, казалось, никогда не согласишься.

Звѣздовъ. Нѣтъ, нѣтъ, ты очень умно дѣлаешь, что совѣтуешь Вариньку выдать за Беневольскаго.

Звѣздова. Мнѣ право все равно, за кого бы она ни вышла, вѣдь не я замужъ выхожу.

Звѣздовъ. Нѣтъ, противъ этого нечего спорить; Беневольскій конечно шутъ, ни на что не похожъ, безалаберная голова; ну да если мужъ только страненъ, а не совсѣмъ дуракъ... какъ бишь ты говорила? точно дѣло. Пусть онъ женится на Варинькѣ: быть по-твоему. Человѣкъ! человѣкъ! (*Слуга входитъ*). Позвать Вариньку да Полюбина, коли еще здѣсь. (*Слуга уходитъ*).

Звѣздова. Зачѣмъ?

Звѣздовъ. Варинькѣ объявить, чтобъ она была готова нынѣшній же день къ свадьбѣ.

Звѣздова. Помилуй, вѣдь она не крѣпостная твоя; что за презрѣніе ко всему роду человѣческому? надо же сдѣлать помолвку, подумать о приданомъ, какъ вездѣ водится.

Звѣздовъ. Ты же меня торопила.

Звѣздова (*въ сторону*). Какой сумасбродный! (*Громко:* Зачѣмъ же ты послалъ за Полюбинымъ?

Звѣздовъ. Хочется узнать, на комъ онъ женится. — Ну, матушка, ты должна быть предовольна: чего хотѣла, то и сбудется. Не говори впередъ, что я люблю все дѣлать всѣмъ наперекоръ.

Звѣздова (*въ сторону*). Надо же быть такому несчастью! въ первый разъ отъ роду соглашается со мною безъ отговорокъ и на мою же бѣду.

ЯВЛЕНІЕ 6-е: **Тѣ же, Полюбинъ, Варинька.**

Полюбинъ. Вы меня звали?

Звѣздовъ. Да, любезный; ты, говорятъ, женишься?

Полюбинъ. Я, ваше превосходительство! какъ вы это разумѣете?

Звѣздовъ. Ахъ, батюшка! да ты, я чай, знаешь, какъ женятся,—всѣ на одинъ манеръ. Хорошо, что ты за умъ взялся, право, славно; а я вѣдь выдаю Вариньку сегодня же, если можно, поскорѣе, передъ моимъ отъѣздомъ.

Варинька. Сегодня? меня? за кого же-съ?

Звѣздовъ. За того, за кого ты хочешь, милая.

Варинька. Ахъ! какъ вы милостивы!

Звѣздовъ. Жаль только, что женихъ твой запропалъ. Этотъ повѣса, шуринъ мой, хоть кого такъ развратитъ, затащилъ его Богъ знаетъ куда. Ну! да воротится, и тогда по рукамъ и къ вѣнцу; я вправду думалъ, что этому не бывать такъ скоро, авось ли молъ какъ пріѣду назадъ изъ деревни; да вотъ Настасья Ивановна поторопила: ее благодари.

Варинька (*Звѣздовой*). Ахъ! растолкуйте, что это значитъ?

Звѣздовъ (*въ сторону*). Какія у всѣхъ длинныя лица! (*Полюбину*): Ну, любезный, на комъ же ты женишься?

Полюбинъ. Вы слишкомъ жестоко шутите.

Звѣздовъ. Богъ съ тобой! не только не жестоко, вовсе не шучу. Я признаюсь, всегда полагалъ, что ты ищешь въ Варинькѣ; да вотъ жена разувѣрила, говоритъ, что ты на какой-то на другой намѣренъ жениться. Спроси у нея.

Полюбинъ (*Звѣздовой*). Неужли, сударыня?

Варинька. Воля ваша, а я за Беневольскаго ни за что не выйду.

Звѣздовъ. Это что за новость?

Варинька. Зачѣмъ же вы сейчасъ сказали, что выдадите меня за того, за кого я хочу?

Звѣздовъ. А развѣ ты за него не хочешь?

Варинька. Будто вы не знаете, что онъ мнѣ противнѣе смерти!

Звѣздовъ. Кто-жь васъ поймётъ? Вотъ она мнѣ сказала, что ты только и думаешь о Беневольскомъ и радёхонька за него выйти оттого, видишь ты, чтобъ отплатить вотъ ему. Вольно-жъ ей было все это говорить. — Что? развѣ ты мнѣ этого не говорила?

Звѣздова. Я тебѣ всегда говорила, и теперь повторяю, что ты несносенъ.

Звѣздовъ. Прошу покорно! она же разгнѣвалась! Сама Богъ знаетъ что сочинила, никакого толку не доберешься; теперь она же изволитъ сердиться. Ха! ха! ха! что? каковъ урокъ? хорошъ? будешь помнить впередъ, не станешь хитрить со мной? Нѣтъ, моя душа, молода меня проводить, я ужъ пятьдесятъ лѣтъ на свѣтѣ живу, всѣ твои умыслы тотчасъ смекнулъ. Вы ничего не понимаете? слушайте: ей смерть хочется, чтобъ я не ѣздилъ въ деревню, вотъ она и затѣяла. Онъ-де, то-есть я, очень желаетъ Вариньку выдать за Беневольскаго, семъ увѣрю его, что Варинька на это согласна, что Полюбинъ отъ нея отказался. Вотъ, молъ, — какъ онъ увидитъ, что все близко къ тому, чего ему хочется, авось ли останется, потомъ дѣло-то продлится, и вовсе можетъ не сбудется, а онъ покамѣстъ раздумаетъ ѣхать въ деревню. — Не такъ ли?

Звѣздова (*обрадовавшись*). Ахъ! какъ ты догадливъ!

Звѣздовъ. Анъ вышло все напротивъ. Объ Беневольскомъ я и думать не хочу, Вариньку отдаю за Полюбина, да, да; а въ деревню ѣду сейчасъ.

Полюбинъ и Варинька. Какъ счастливо!

Звѣздовъ. Ну, любезный, я давича какъ шелъ сюда коридоромъ, вы меня не видали, ты у нея украдкой руку цѣловалъ.

Звѣздова (*въ сторону*). Вотъ что!

Звѣздовъ (*беретъ у Варинъки руку*). Теперь дай сюда. Можешь ее цѣловать при всѣхъ и не совѣститься. Живите-ко счастливо. Ты, душенька, съ будущимъ твоимъ мужемъ пожалуйста не хитри, поступай по-нашему просто, рѣже будешь промаха давать; а ты, братъ, бери примѣръ съ меня, въ обманъ не вдавайся. (*Женѣ*): Ты что, моя душа? не сердишься? а? неужли еще сердишься? дай щечку.

Звѣздова. Съ твоей легкостью въ нравѣ недостаетъ одного, чтобъ ты имѣлъ не болѣе двадцати лѣтъ, — ты былъ бы безцѣнный человѣкъ.

Звѣздовъ. О! я понимаю, что для тебя это въ иномъ случаѣ гораздо было бы пріятнѣе; ну, да что-жъ дѣлать, мой ангелъ! Будь

довольна чѣмъ Богъ послалъ. — Однако нечего изъ пустова въ порожнее переливать. — Готовы ли лошади?

Слуга (*входитъ*). Впряжены-съ.

Звѣздова. Постой! какъ же намъ быть съ Беневольскимъ?

Варинька. Ахъ! не поминайте объ немъ.

Звѣздовъ. Я объ немъ ужъ говорилъ одному Прохорову, давича со мной встрѣтился. Ну! да что объ немъ много думать? дураки въ Петербургѣ не бываютъ безъ мѣста. Кабы поскорѣе поспѣть въ деревню! Шутка ли, я тамъ не былъ съ тѣхъ поръ, какъ женился, и мнѣ оттуда пишутъ такія небылицы, доходовъ не высылаютъ. Прощайте, прощайте, прощайте. Свадьбу сыграйте безъ меня. Эй! коляску подавать скорѣе! дорожный колпакъ! трость! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 7-е: **Звѣздова, Варинька, Полюбинъ,** (*немного погодя*) **Федька.**

Звѣздова. Поѣдемте его провожать, и кстати сейчасъ можемъ переѣхать на дачу, я почти все туда отправила. Полюбинъ, вы съ нами?

Федька (*вбѣгаетъ*). Охъ! прости, Господи! какая тяжелая рука!

Звѣздова. Что ты?

Федька. Попался его превосходительству навстрѣчу, онъ мнѣ второпяхъ дать изволилъ такого толчка, что въ головѣ завертѣлось.

Звѣздова. Кто ты таковъ?

Федька. Я слуга-съ Евлампія Аристарховича.

Звѣздова. А! кланяйся ему отъ меня, скажи, что я уѣхала на дачу за двадцать верстъ отсюда на все лѣто. (*Уходитъ*).

Варинька. И отъ меня поклонись своему барину; я бывшая его невѣста, и выхожу замужъ, только не за него, — скажи ему это. (*Уходитъ*).

Полюбинъ. И отъ меня поклонись ему; я Полюбинъ, и женюсь на его невѣстѣ, — можешь ему донести объ этомъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 8-е:

Федька (*одинъ*). Экъ, что поклоновъ! знать мы съ бариномъ-то у праздника! видно ему здѣсь житье отъ господъ, что мнѣ отъ своей братьи! За что, подумаешь, превосходительный на меня пріокрысился! У этихъ большихъ баръ, кто имъ первый пырь въ глаза, да не во время, тотъ и виноватъ. Хорошо, что мой-то баринъ не великой господинъ; будетъ ли только исправно платить? — Ну, да что! Я вѣдь въ Питерѣ понавострился: за мѣсяцъ впередъ, а не то прощай. Денегъ нѣтъ, — слуги нѣтъ, самъ себѣ сапоги чисти!

ЯВЛЕНІЕ 9-е:

Федька, Беневольскій, Саблинъ (*входятъ рука объ руку, оба нѣсколько шатаются. Саблинъ поетъ пѣсню*).

Федька. Видно, наши-то навеселѣ.

Саблинъ. Вотъ мы и у тебя въ комнатѣ. Ну что? по-твоему каково ѣдятъ у этого француза?

Беневольскій. Амброзія! (*Садится въ кресло и задумывается*).

Саблинъ. Мерзость! избаловался, прежде лучше кормилъ.

Федька. Вамъ, баринъ, приказано сказать...

Саблинъ. Поди вонъ, послѣ скажешь.

Федька. Чего послѣ, сударь! нужда прекрайняя. Ея превосходительство...

Саблинъ. Убирайся знаешь куда. — Беневольскій! выгони его.

Беневольскій. Оставь насъ.

Саблинъ. Кстати, тамъ пришелъ съ нами мальчикъ изъ ресторація, у него за пазухой бутылка; подавай сюда штопоръ и стакановъ достань въ буфетѣ, да чтобъ никто въ домѣ не видалъ, слышишь ли?

Федька. Позвольте напередъ вымолвить два словца... мнѣ приказано...

Саблинъ. Вонъ! сейчасъ! не то пятьсотъ палокъ! (*Выталкиваетъ его и ложится на сундукъ*). Пришли его ко мнѣ въ эскадронъ, братецъ, я его научу послушанію. — Ну, что задумался? деньги проигралъ! я бы тебѣ охотно помогъ, да ей Богу! никогда копѣйки нѣтъ за душой. То ужъ здѣсь, братъ, на это хваты, лучше не принимайся за карты; кабы не сестра, я бы отъ нихъ давно безъ мундира шатался. Да и ты что за простякъ! читалъ, читалъ, учился, пишешь стихи, а на четвертую ставишь! ну гдѣ это видано?

Беневольскій. Своенравіе судьбы! ея желѣзная рука...

Саблинъ. Нѣтъ, братъ, развѣ у того, кто банкъ металъ, лобъ желѣзный! Жаль, что не знаю довольно игры, не къ чему придраться.

Беневольскій. Какъ его имя?

Саблинъ. Кто его знаетъ? я самъ впервые отъ роду его вижу.

Беневольскій. Но я по вашему приглашенію зашелъ къ нему.

Саблинъ. Онъ обѣдалъ подлѣ той комнаты, гдѣ мы съ тобой сидѣли; я зачѣмъ-то вышелъ, онъ сталъ со мной говорить, познакомился, позвалъ къ себѣ, — а меня куда хочешь позови, я всюду пойду. — Хорошо живетъ; какая куча народу къ нему нашла! я чай, такіе же плуты, какъ онъ самъ.

Беневольскій. Музы! я измѣнилъ вамъ, погнался за окрыленной фортуной...

Саблинъ (*зѣваетъ*). Полно бредить.

Беневольскій. Я опять вашъ, я опять съ вами, мечты уединенья!

Саблинъ. Шутишь, братъ; когда со мной, такъ не одинъ. Куда глупо, что здѣсь въ домѣ не позволяютъ трубокъ курить! я умно дѣлаю, что къ сестрѣ не переѣзжаю жить.

Беневольскій (*вынимаетъ бумагу и читаетъ*). Дружись, мой другъ съ мечтой...

Саблинъ (*вырываетъ бумагу и кидаетъ на полъ*). Брось свой вздоръ, и безъ того скучно. (*Федька входитъ съ бутылкой и стаканами*). А! вотъ оно, повеселѣе будетъ, ставь сюда. Э! Санхо-Панса! ты вензеля пишешь.

Федька. Съ горя, право съ горя; сходилъ не-одаль, дай де поравняюсь съ господами. (*Прислоняясь къ стѣнкѣ поетъ*): Ахъ ты козликъ, мой козликъ! дедюли мои! гей!

Беневольскій. Шшъ! что ты съ ума сошелъ?

Саблинъ (*трудясь за бутылкой*). Экой пьяница!

Федька. А сами-то что? лежу въ грязи, кричу: не брызжи.

Саблинъ (*наливаетъ и поетъ*).

Vive Henri quatre!
Vive ce roi vaillant!

Беневольскій. О, умолчите! что за охота пѣть французскую пѣсню? у насъ столько своихъ плѣнительныхъ мелодій пѣвцовъ своей печали.

Саблинъ. Пусть они сами свою печаль поютъ, а я стану пѣть «Vive Henri IV», оттого именно, что это вовсе не печально.

Беневольскій. Но есть ли тутъ хоть малѣйшее воспоминаніе для души русскаго?

Саблинъ. Преславное: нашъ входъ въ Парижъ, мы первые заставили пѣть эту пѣсню. Вотъ было житье! Выпьемъ скорѣе въ память этого счастливаго дня! Пей же, ну, безъ гримасъ!

Беневольскій (*съ стакономъ въ рукѣ*). Вакхъ!.. тебѣ!

Саблинъ (*вливаетъ въ него весь стаканъ*). Безъ розсказней!

Федька. Пей, да про себя разумѣй.

Саблинъ (*выпивши*). Что за Бургонское! стаканъ было проглотилъ.

Беневольскій (*сморщившись*). Нектаръ.

Саблинъ. Беневольскій! душа моя! выпьемъ еще по стаканчику.

Беневольскій. Нѣтъ, никакъ; я еще съ обѣда отуманенъ этими парами.

Саблинъ. Беневольскій! но будь хоть теперь Беневольскій: выпей, не заставляй себя просить. Беневольскій, знаешь? я тоже когда-то учился по-латыни и очень помню одну пословицу... постой! кажется: что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ.

Беневольскій. In vino veritas.

Саблинъ. Ну, а вѣдь ты теперь не трезвый. — Скажи мнѣ, любишь ли ты меня?

Беневольскій. Люблю.

Саблинъ. А я тебя не люблю, да все равно: ты любишь, такъ докажи, выпей! на! Да полно, я не въ шутку разсержусь; бери же, вотъ такъ, поцѣлуй меня! стукнемъ!

Беневольскій. Чашу въ чашу.

Федька (*подкрадывается*). Подойду поближе, хоть понюхать. (*Саблинъ пьетъ, а Беневольскій ловитъ эту минуту, чтобъ вылить стаканъ и попадаетъ прямо Федькѣ въ лицо и на платье*). Что за обливанье, сударь? еще я покамѣстъ свое платье ношу, когда-то сошьете!

Саблинъ. Выплеснулъ! не выпилъ! Подѣломъ не терплю я этихъ маратедей: всякій изъ нихъ, послѣдній, презираетъ всѣхъ, думаетъ, что онъ всѣхъ умнѣе, ничѣмъ не дорожитъ.

Беневольскій. Именемъ дружбы...

Саблинъ. Плевать я хотѣлъ на твою дружбу, и знаться съ тобой не хочу. — Поѣду домой. (*Смотрится въ зеркало*): Раскраснѣлся, досадно! никуда нельзя показаться: про меня и такъ Богъ знаетъ что говорятъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 10-е: **Беневольскій, Федька.**

Беневольскій (*не вставая съ кресель*). Презрѣніе буйнымъ чадамъ Арея! безчувственные враги изящнаго! — Федька! стань сюда! На каждой чертѣ лица твоего дикая природа наложила печать свою; но ты имѣешь душу!.. И не обдѣлана душа твоя рѣзцомъ образованности, и закоснѣла она въ корѣ невѣжества; но ты имѣешь душу!.. подыми! (*Федька подымаетъ бумагу, брошенную Саблинымъ на полъ*). Слушай! (*Читаетъ*):

Дружись, о другъ, съ мечтой...

Федька. Ахъ! баринъ, только было я подружился съ Алексѣемъ лакеемъ, да вишь и увезли его.

Беневольскій. Шшъ.

Дружись, о другъ, съ мечтой.
Таинственный покой

Сопутствуетъ намъ съ нею;
И Грація — печаль,
И сумрачная даль,
И будущность зарею
Съ ней будутъ намъ сіять! —

Счастливое вступленіе! эта неопредѣленность будущаго, сумракъ дальній приготовляютъ сердце къ тихому, сладостному мечтанью. (*Федькѣ*): А? что ты думаешь?

Федька. Ничего-съ.

Беневольскій. Ты врешь.

Съ ней будутъ намъ сіять,
Дни мирны ублажать
Души и чувствъ прельщеньемъ,
Какъ легкимъ сновидѣньемъ...

(*Федькѣ*): Понимаешь ли ты? сновидѣнье?

Федька. А кто ихъ пойметъ? мнѣ давича такая дурь во снѣ привидѣлась! что ваши вирши!

Беневольскій. Хочешь ты слушать или нѣтъ?

Федька. Какъ вы приказать изволите.

Беневольскій. Такъ слушай же и молчи! (*Продолжаетъ читать*):

И мрачныхъ мыслей сынъ
Съ мечтою не одинъ;
Онъ преплываетъ море
Туманныхъ бурныхъ думъ,
Отъ коихъ взоръ и умъ
Смущеньемъ цѣпенѣютъ.

(*Федькѣ*): Скажи правду: страшно-ли это?

Федька. Страшно-съ.

Беневольскій. Ты понялъ что-нибудь?

Федька. Ничего не понялъ-съ.

Беневольскій (*съ радостью*). И этотъ даръ возбуждать ужасъ самой незначущей, часто непонятной мыслію,—онъ неизвѣстенъ былъ донынѣ: это свѣжій листокъ, вплетенный въ вѣнецъ поэзіи. (*Продолжаетъ*):

Ахъ! скоро ли приспѣютъ
Тѣ дни, златой тотъ часъ,
Когда любовь отрадой
Появится для насъ
Съ надеждою—усладой?

Надежда! ты осталась со мною, прелестная!

Федька. Нѣтъ, баринъ, надежда плоха. Дайте разсказать, что здѣсь безъ васъ приключилось.

Беневольскій. Молчанье, повторяю я, не раскрывай рта, пока тебя не спросятъ. (*Продолжаетъ*):

Какъ обновленный свѣтъ
Собой украситъ роза?
Гвоздика, милый цвѣтъ,
Тюльпанъ и тубероза
Узорчатымъ ковромъ
Блеснутъ предъ томнымъ взоромъ?

(*Федькѣ*): Сколько цвѣтовъ поэзіи! А?

Федька. Нечего сказать, что много цвѣтовъ-съ.

Беневольскій. Цвѣты поэзіи! Кто васъ не чувствуетъ? (*Федькѣ*): Не прерывай же меня. Гдѣ бишь я остановился? да... «предъ томнымъ взоромъ...»

Какъ, чистыхъ Музъ соборомъ
Восторженный въ эѳиръ,
Я безпредѣльный міръ
Слію съ непостижимымъ?

(*Федькѣ*): Ты зѣваешь, безчувственный?

Федька. Виноватъ, сударь, у меня обычай такой: какъ мнѣ зачнутъ сказки читать, такъ и задремлется, — еще бывало съ молода, какъ нашъ дьячокъ, слово въ слово такой же мастеръ, какъ и ваша милость...

Беневольскій. Прочь со своими сравненіями, въ пыли таящаяся душа! прочь, пока гнѣвъ не совсѣмъ овладѣлъ мною. (*Федька отходитъ, садится на сундукъ и засыпаетъ. Беневольскій продолжаетъ читать*):

Дотоль, рука съ рукой,
Мы по стезямъ незримымъ
Спѣшимъ, о другъ! съ тобой
Къ безсмертью, въ безконечность!
А тамъ!—награда... вѣчность!

И это я написалъ! это излилось изъ моего пера! — Федька!.. Онъ спитъ, жалкій человѣкъ! вмѣстилище физическихъ потребностей!.. И всѣ люди почти таковы! съ кѣмъ я ни встрѣчался здѣсь въ столицѣ, ни одинъ не чувствуетъ этого стремленья, этого позыва души туда! къ чему-то высшему, незнаемому!—Но тѣмъ лучше: какъ великъ между ими всѣми тотъ одинъ, кто, какъ я, вознесенъ ввыспрѣ изъ среды обыкновенности! — Рука фортуны отяготѣла надо мною, я проигралъ мои деньги,—но дары фантазіи всегда при мнѣ, они все поправятъ. Вельможи, цари будутъ внимать строю моей лиры, и золото и почести рѣкою польются на пѣвца. Но я ими не дорожу, я доволенъ одною славою, удѣломъ великимъ.

ЯВЛЕНІЕ 11-е: **Тѣ же и Швейцаръ.**

Швейцаръ. Скоро ли, сударь, опростаете квартиру?

Беневольскій. Что такое?

Швейцаръ. Скоро ли вы изволите отселѣ выбраться!

Беневольскій. Пожаръ? неужли пожаръ? Федька! мои бумаги! спаси мои бумаги! въ нихъ все мое богатство.

Швейцаръ. Нѣтъ, сударь, Богъ милостивъ, еще ничто не горитъ.

Беневольскій. Нѣтъ? что жъ ты сказалъ?

Швейцаръ. Я спрашивалъ, скоро ли вы отселѣ съѣзжаете?

Беневольскій. Развѣ тебѣ Александръ Петровичъ велѣлъ?..

Швейцаръ. Нѣтъ, онъ объ васъ ничего не приказывалъ; а ужъ какъ онъ изволилъ отправиться въ деревню, а барыня съѣхала на дачу, такъ когда вы опростаете комнату? я бы заперъ.

Беневольскій. Не можетъ быть. Какъ это? давно ли? такъ скоро? будто Александръ Петровичъ уѣхалъ?

Швейцаръ. Изволилъ уѣхать.

Беневольскій. Въ деревню? далеко ли?

Швейцаръ. Вотчина его Прилиповка въ Костромской губерніи; верстъ отселѣ девятьсотъ съ десяткомъ, да въ Рязанской село Потѣшное, верстъ будетъ побольше тысячи, до около Нижняго барынина деревня Березовка, деревня большая, тоже душъ тысячи съ полторы.

Беневольскій. Въ которую же онъ теперь уѣхалъ?

Швейцаръ. Да Богъ вѣсть, люди на-двое говорили.

Беневольскій. Неужли онъ ничего не приказывалъ передъ отъѣздомъ?

Швейцаръ. Изволилъ крѣпко наказывать, чтобъ штучные полы вездѣ починить, гдѣ расклеились, да люстру изъ галдареи вынести...

Беневольскій. Да обо мнѣ что?

Швейцаръ. Объ васъ онъ ничего не приказывалъ.

Беневольскій. Вѣрно ты не знаешь; кто еще въ домѣ есть, кромѣ тебя?

Швейцаръ. Ни одного живаго человѣка: барыня шестерыхъ людей забрала съ собою на дачу, а остальные кое-куда разбрелись.

Беневольскій. Что жъ мнѣ дѣлать?

Швейцаръ. Какъ станете перевозиться, дайте мнѣ знать съ вашимъ человѣкомъ: надо будетъ здѣсь убрать послѣ васъ.

Беневольскій. Зачѣмъ же мнѣ переѣзжать?

Швейцаръ. Баринъ крѣпко наказывалъ, чтобъ здѣсь никому не оставаться, что де комнаты всѣ станутъ заново расписывать.

Беневольскій. И мнѣ велѣлъ переѣзжать?

Швейцаръ. Объ васъ онъ ничего не приказывалъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 12-е: **Беневольскій, Федька.**

Беневольскій. Федька! Федька! безпросыпный! негодяй!.. вставай! проснись!

Федька (*впросонкахъ*). Лѣвѣй, Алёха...

Беневольскій. Несносная тварь! вставай! вставай!

Федька (*протягиваясь*). Что сударь? асъ?

Беневольскій. Ты спишь, мерзавецъ! и не говоришь мнѣ, что всѣ отсюда уѣхали, и мы съ тобою одни остались въ опустѣломъ домѣ!..

Федька. Вишь, сударь, я не разъ принимался вамъ докладывать, да поди-ко вы съ вашими виршами не давали слова вымолвить.

Беневольскій. Говори, что здѣсь безъ меня было? что ты видѣлъ? Александръ Петровичъ не приказывалъ ли тебѣ чего-нибудь?

Федька. Онъ второпяхъ далъ мнѣ толчка, что въ ушахъ зазвенѣло; только я отъ него добра и видѣлъ.

Беневольскій. Но другіе что? жена его?

Федька. Барыня и барышня велѣли вамъ кланяться.

Беневольскій. Только?

Федька. Нѣтъ-съ; еще что бишь онѣ велѣли вамъ сказать?

Беневольскій. Почему я знаю, мучитель? Не мори меня, договаривай.

Федька. Да право, все изъ головы вонъ вышло. — Что бишь онѣ велѣли вамъ сказать?

Беневольскій. Терпѣнья! дайте мнѣ терпѣнья!

Федька. Да что барышня то, ваша невѣста,—ужъ не ваша невѣста, а выходитъ замужъ за его милость, забылъ, какъ зовутъ.

Беневольскій. О судьба! ужасны твои потаенные громы! За что схватиться мнѣ въ этомъ кораблекрушеніи?—Ты не знаешь всѣхъ моихъ бѣдствій: у меня ни копейки нѣтъ денегъ.

Федька. Ахъ, Создатель! ужли потеряли?

Беневольскій. Проигралъ.

Федька. Въ картёжъ! вотъ тѣ благодарствуй!

Беневольскій. Безъ денегъ! безъ друзей!

Федька. А еще разумникъ! грамотникъ! вотъ те разживусь, да разбогатѣю.—«Что ты отъ меня получаешь жалованья? малость! будешь получать тысячу, слышишь? тысячу!»—Анъ вышелъ самъ безъ гроша: я видѣлъ, что тебѣ не сдобровать.

Беневольскій. Какъ ты смѣешь говорить со мной во второмъ лицѣ единственнаго числа?

Федька. Вишь, все хорохорится: «я де всѣхъ разумнѣе, мнѣ здѣсь дадутъ денегъ съ три пропасти!»—анъ, лучше бы помнить пословицу: ѣду—не свищу, наѣду—не спущу. (*Треплетъ Беневольскаго по плечу, тотъ его отталкиваетъ*). Эка дворянска амбицъ! безъ денегъ, а спѣсивится! Пойду, возьму свои пожитки, да уберусь, поищу себѣ барина потолковѣе. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 13-е: **Беневольскій, Прохоровъ.**

Прохоровъ (*читаетъ записку*). Евлампій Аристарховичъ Беневольскій, недавно пріѣхавшій въ Санктпетербургъ, обучался въ Казанскомъ университетѣ разнымъ языкамъ и наукамъ, знаетъ грамматику.

Беневольскій. Это я. Что вамъ нужды до меня, вамъ, чуждымъ моей скорби?

Прохоровъ. Вы безъ мѣста, какъ мнѣ довелось слышать, находитесь?

Беневольскій. Я всѣми отверженъ, душа моя подавлена подъ гнетомъ огорченій.

Прохоровъ (*садится*). Позвольте присѣсть. Я нѣкоторое такое мѣсто имѣю, недавно упразднившееся, вамъ особенно свойственное.

Беневольскій (*въ сторону*). Онъ для меня имѣетъ мѣсто! стало, слышалъ обо мнѣ, я здѣсь извѣстенъ. (*Громко*): Что побудило васъ подать мнѣ руку помощи? кого я въ васъ вижу?

Прохоровъ. Мое прозваніе Прохоровъ, говорилъ мнѣ объ васъ его превосходительство Александръ Петровичъ, у котораго вы жительство имѣете.

Беневольскій. Ахъ, сударь! я объ васъ отъ него столько наслышался,—вы, кажется, издавна близки его сердцу.

Прохоровъ. Я только съ давишней поры имѣю честь быть включеннымъ въ число его знакомыхъ.

Беневольскій. Какъ, сударь! не прежде?

Прохоровъ. Дѣйствительно такъ. Мы встрѣтились въ милютинскихъ лавкахъ, въ 9 номерѣ. Его превосходительство кушать изволили фрукты, а я кое къ чему приторговывался.

Беневольскій. Онъ мнѣ сказывалъ, что ваше имя пользуется большой извѣстностью.

Прохоровъ. Справедливо такъ. Вы мое имя на заглавныхъ листкахъ многихъ книгъ помѣщеннымъ видѣть можете.

Беневольскій (*въ сторону*). Ему посвящаютъ книги! (*Громко*): Позвольте, сударь, и мнѣ поднести вамъ мои опыты въ прозѣ и стихахъ, досуги моей безпечной музы; они, конечно, будутъ приняты публикою съ большою благосклонностію, если украсятся вашимъ именемъ.

Прохоровъ. О! государь мой, сіе для меня слишкомъ много, я не болѣе, какъ честный содержатель типографіи; но вы хорошо сдѣлаете, если оные ваши труды нашему директору посвятите, онъ человѣкъ достопочтенный и надворный совѣтникъ.

Беневольскій. Какъ! вы содержатель типографіи?

Прохоровъ. Истинно такъ. Не соизвольно ли вамъ будетъ дать мнѣ на образецъ ваше нѣкакое рукописаніе?—Сіе весьма необходимо.

Беневольскій. Къ чему жъ это? Если вы хотите видѣть мой почеркъ, то я увѣряю васъ, что онъ самой плохой, — отрисовка моихъ идей обнаруживается не въ красивыхъ литерахъ. Если же вы хотите знать мой слогъ, то можете найти кучу моихъ произведеній во многихъ извѣстныхъ нашихъ журналахъ, въ «Сынѣ Отечества», напримѣръ.

Прохоровъ. Сіе періодическое изданіе изъ лучшихъ, нумера выходятъ всегда аккуратно, буквы отмѣнно четкія, бумага вообще хорошая.

Беневольскій. О! сударь, съ какой точки зрѣнія вы смотрите на вещи!

Прохоровъ. Вы вѣроятно переводите?

Беневольскій. И сочиняю.

Прохоровъ. Весьма похвально. Знаете ли вы правописаніе?

Беневольскій. Помилуйте, я кажется сказалъ вамъ, что многія мои сочиненія помѣщены въ журналахъ.

Прохоровъ. Безспорно такъ. Но я скажу вамъ, государь мой, что многіе изъ нашихъ, впрочемъ весьма почтенныхъ словесниковъ, коихъ сочиненіями журналы наполняются, удостаиваютъ меня своими посѣщеніями: изъ нихъ большая часть не весьма тверды въ правописаніи. Оно же, правописаніе, разумѣю я, главное есть для той должности, которую я предлагаю вашему благоуваженію.

Беневольскій. Какая жъ это должность?

Прохоровъ. Должность сія въ томъ состоитъ, дабы съ неусыпнымъ бдѣньемъ за ошибками, встрѣчаться могущими при книгопечатаніи, надсматривать.

Беневольскій (*въ сторону*). Скорѣе влачить съ собою котомку нищеты, чѣмъ взять на себя эту произаическую, неблагодарную должность.

Прохоровъ. Вы имѣете ежегодно получать въ опредѣленные сроки четыреста пятьдесятъ рублей, и за прочтеніе печатаемыхъ книгъ задѣльная плата съ каждаго листа по пяти копѣекъ вамъ безъ задержки производиться будетъ.

Беневольскій (*въ сторону*). Онъ мнѣ душу раздираетъ.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ: **Тѣ же и Мальчикъ.**

Мальчикъ. Мнѣ, сударь, пора домой идти.

Беневольскій. Что тебѣ надобно?

Мальчикъ. Я за вами бутылку съ виномъ давича принесъ! этотъ офицеръ сказалъ, что вы заплатите, а меня хозяинъ нашъ мусье побьетъ, коли я промѣшкаю.

Беневольскій. Ахъ, братецъ! у меня человѣкъ вышелъ, унесъ ключъ отъ шкатулки. Милостивый государь! я согласенъ быть у васъ корректоромъ; между тѣмъ заплатите за меня небольшой этотъ долгъ.

Прохоровъ. Съ превеликимъ удовольствіемъ, въ зачетъ будущаго вашего жалованья.

Беневольскій. Мечты моей юности! мечты, сопровождавшія меня изъ Казани сюда! сопутницы неизмѣнныя! куда вы исчезли, заманчивыя?....

ДРАМАТИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ и ПЛАНЫ.

РОДАМИСТЪ И ЗЕНОВІЯ.

(Планъ трагедіи).

АКТЪ I.

Добрь, лай, звукъ роговъ, громъ бубенъ. Нѣсколько охотниковъ, потомъ Родамистъ и за нимъ приближенный оруженосецъ Семпадъ, которому онъ довѣряетъ безпокойство души, алчущей великихъ дѣлъ и нынѣ принужденной довольствоваться ловитвою вепрей и сернъ. Ему ненавистны и Фарасманъ, и Римляне, и Парѳы, но онъ сперва ополчится на сихъ, а Римъ страшенъ царю, едва твердому на собственномъ престолѣ. Велитъ пригласить къ себѣ посланца отъ римскихъ восточныхъ легіоновъ, который тутъ-же тѣшится охотою. Семпадъ идетъ, Родамистъ раскаивается, что былъ съ нимъ слишкомъ чистосердеченъ.

Является Касперій. Переговоры, хвастовство съ обѣихъ сторонъ. Римлянинъ кичится свободою и славою отечества, Родамистъ даетъ ему чувствовать, что то и другое живо только въ памяти, по преданіямъ. Римъ рабствуетъ, и сила его оружія давно уже не испытана, власть царя восточнаго народа вѣрнѣе и чистосердечнѣе: велитъ,—и любой изъ дружины его пожертвуетъ жизнію. Касперій не удивляется, упоминаетъ о Деціи и о многихъ другихъ опытахъ самопожертвованія, но для благороднѣйшей цѣли.—Родамистъ велитъ удалиться прочимъ, а Семпаду готовиться къ бою съ тигромъ. Наединѣ съ Касперіемъ пытается подкупить его притворною пріязнью, корыстію, честолюбіемъ. Касперій непоколебимъ. Родамистъ отпускаетъ его прежде себя на зрѣлище. Самъ остается одинъ и разсуждаетъ: къ чему такой человѣкъ, какъ Касперій, въ самовластной имперіи,—опасенъ правительству, и самъ себѣ бремя, ибо инаго вѣка гражданинъ.—Коня! Коня! отправляется за Касперіемъ на ту же травлю.

2-я сцена въ царскомъ теремномъ саду. По восточному прямолинейная аллея чинаровъ, миндальныхъ деревьевъ, которые всѣ примыкаютъ къ большой пурпурной ставкѣ. Около нея главные чины въ раболѣпномъ ожиданіи властителя, — Ярвандъ, Мирванъ, Бахратъ, Аспрухъ, Армасилъ и проч.

Аспрухъ сидящій, всѣ около него стоятъ. Онъ Грузининъ, албанскаго происхожденія, взятъ въ плѣнъ Фарасманомъ, имъ вскормленъ, дрался противъ соотечественниковъ и тѣмъ гордится. Арфаксатъ первый по Родамистѣ, всѣ передъ нимъ преклоняются; онъ кичится тѣмъ, что знаетъ только царево слово, которое ему вмѣсто совѣсти и славы. Толки о близкомъ возвращеніи царя съ охоты, объ отправленіи римскаго посла и о томъ, чтобы никто изъ жителей не имѣлъ сообщенія съ чужеземцами—Парѳы они, или Римляне. Всѣ соглашаются на все, что онъ ни говоритъ, потомъ онъ уходитъ. Долго никто не смѣетъ сказать своего мнѣнія, наконецъ Армасилъ, славный воинъ, воспитанный въ Римѣ, гдѣ онъ былъ при Митридатѣ во время его заточенія, прерываетъ молчаніе и своею откровенностію и убѣжденіемъ невольно исторгаетъ у каждаго одно желаніе: смерть утѣснителя. Въ Бахратѣ, Ярвандѣ и Мирванѣ видны мелкія страсти. Жалобы, что всѣ главнѣйшія мѣста воинскія и всѣ поборы поручены Грузинамъ, иноземцамъ. Одинъ жалуется, что уже не онъ орлоносецъ, котораго

важное преимущество, но наслѣдственное, по закону Вагаршана, о которомъ всѣ вспоминаютъ съ энтузіазмомъ, какъ и съ преувеличенною ненавистію къ нынѣшнему царю,—при вѣнчаніи царя на него возлагать корону; другой, что евнуху поручена царская сокровищница, которой онъ по наслѣдству былъ хранителемъ; третій, что Аспрухъ первый въ довѣренности царя, когда по роду и богатству ему принадлежитъ сей санъ. Иные даже попрекаютъ царю, что онъ воздержень съ женщинами, почти не имѣетъ наложницъ и въ пиршествахъ мало участвуетъ, что онъ болѣе похожъ на простолюдина, нежели на царя. Армасилъ упрекаетъ ихъ въ малодушіи. Вбѣгаетъ Ассюдъ, его остерегаются. Онъ объявляетъ о насильственной смерти брата, о мщеніи, которымъ пылаетъ за сіе злодѣйство противъ Родамиста. Армасилъ недовѣрчивъ. — «Отчего-же ты равнодушіемъ его отбиваешь отъ нашего сообщества?» — «Онъ вскормленъ въ царедворцахъ, вчера еще дышалъ милостію царевой, нынѣ мгновенно возбужденъ противъ него однимъ внезапнымъ случаемъ,—но кто поручится: завтра не обратится-ли опять слабодушіемъ въ ревностнаго ласкателя?»—«Мнѣ-ли, юношѣ, быть опытнѣе васъ, старцевъ? Но помните: не во множествѣ сила, когда дѣло правое, но въ испытанномъ, надежномъ, несомнѣнномъ мужествѣ участниковъ.» — Является юродивый, пророчитъ. Онъ нищій скиталецъ, проситъ милостыню,—или соглядатай царевъ? Притворно-ли проповѣдуетъ, или точно безумный? Но многіе, въ томъ числѣ Бахратъ, его знаютъ. Всѣ въ него вѣруютъ, онъ давно уже стяжалъ славу святости; пещера его въ утесѣ, на берегу Аракса.—Здѣсь онъ тайными словами изъ Зендавесты прорицаетъ успѣхъ заговорщикамъ. Сперва тоже нѣмъ, не отваживается говорить. Армасилъ: «я знаю отчего онъ нѣмствуетъ, — сей юноша, бывшій ласкатель царевъ, ему заграждаетъ уста.» Армасилъ убѣждаетъ ему вѣрить и онъ религіею истиннаго Армянина еще болѣе ихъ воспламеняетъ къ скорѣйшему взрыву, назначаетъ имъ ночное, рѣшительное сходбище въ склепѣ царей армянскихъ. Заговорщики назначаютъ ночь къ тайному сходбищу въ капищѣ за южными вратами города. Потомъ пустынникъ исчезаетъ. Ассюдъ удаляется съ растерзаннымъ сердцемъ, что никто не принимаетъ участія къ его скорби. Онъ Армянинъ, но Армяне къ нему холоднѣе Иверовъ.—«Я дебри оглашу моими справедливыми проклятіями за жестокость царя къ несчастному брату!»—Цѣлый полкъ прислужниковъ, за ними Родамистъ. Аспрухъ всѣхъ раболѣпнѣе. — Противуположность Аспруховой спѣси съ низшими и униженія передъ властителемъ.—Родамистъ иныхъ даритъ дичью съ охоты, кому благоволеніе, кому грозный судъ,—Армасилу попрекъ, что не былъ на охотѣ. Говоритъ объ отъѣздѣ Римлянина, съ которымъ онъ заключилъ союзъ, и въ мирѣ съ Парѳами. Ждетъ отъ отца подкрѣпленія. Всѣ подъ его державою благоденствуютъ. «Тотъ день потерянъ, въ который я не награждаю доблесть и не наказываю строптивыхъ. Идите, покойтесь въ мирныхъ семейственныхъ упражненіяхъ, но не дремлетъ царево око. Враговъ я имѣю и благодарю за нихъ Небо: они поощряютъ меня на безлѣностную бодрость, неусыпные труды и на славные подвиги».

АКТЪ II.

Женскій теремъ.

Зенобія, Перизада и прочія прислужницы. Зенобія — дочь убіеннаго Родамистомъ Митридата, его дяди, но выданная замужъ еще

прежде смерти отца, гаремное существо, рожденное и воспитанное для чувственнаго наслажденія супруга, а потому Перизада напрасно хочетъ возбудить въ ней ненависть, желаніе мести, — страсти ея невинному сердцу вовсе чуждыя. Перизада ей напоминаетъ о удавленіи отца и кто его убійца, Зенобія едва этому вѣритъ. Отца она мало видала, почти не знала, мужъ ближе къ ея сердцу и ея долгъ его любить, угождать ему во всемъ и трепетать его гнѣва. Что пріобрѣтетъ она безплодною местью? Успѣхъ невѣроятенъ, способы къ тому превыше женскихъ ея силъ. Но, если-бы и удалось,—какое отъ того счастіе? Перизада трогаетъ ея совѣсть гнѣвомъ небеснымъ. Зенобія впадаетъ въ грусть, Перизада предлагаетъ ей ворожбу для развлеченія, и святаго пустынножителя, который давно управляетъ ея собственнымъ суевѣріемъ. Его вводятъ сѣнныя дѣвушки потаенно. Онъ еще болѣе подкрѣпляетъ слова Перизады. Наконецъ Зенобія совершенно разстроена его таинственными прорицаніями. Онъ съ нея беретъ слово, что она ночью, въ сопровожденіи Перизады, придетъ въ капище внѣ города, гдѣ склепъ царей армянскихъ, и мертвыхъ зоветъ во свидѣтели, что тамъ откроетъ ей тайну, отъ которой зависитъ будущее безмятежное теченіе ея жизни. Зенобія говоритъ ему, что Родамистъ всѣми любимъ и злодѣямъ страшенъ; кто покусится возстать противъ него? Юродивый пустынникъ увѣряетъ ее въ противномъ.

Евнухъ возвѣщаетъ приходъ Родамиста. Пустынникъ скрытъ толпою женщинъ. Сцена Родамиста съ Зенобіею наединѣ; она печальна, воспоминанія, которыми ей сейчасъ возмутили душу, препятствуютъ ей предаться иному чувству. Родамистъ недоволенъ ею, подозрѣваетъ въ ней притворство, нелюбовь. Ни въ комъ не увѣренный, окруженный трепещущими рабами, скрытыми предателями и открытыми корыстолюбцами... неужели въ лонѣ супружеской любви нѣтъ ему успокоенія!! Оставляетъ ее разстроенную и самъ въ волненіи.

Бахратъ входитъ съ Ассюдомъ, который уже включенъ совершенно въ тайное умышленіе противъ Родамиста. Армасилъ скорбитъ при самомъ Ассюдѣ о сей неосторожности. Ассюдъ горитъ нетерпѣніемъ отомстить царю, Армасилъ объ одномъ его проситъ,—о совершенномъ бездѣйствіи и о скромномъ сохраненіи тайны. Ассюдъ обѣщаетъ болѣе: онъ на себя беретъ убить царя. Армасилъ всѣмъ въ свѣтѣ заклинаетъ его не предаваться сему нетерпѣнію, что онъ прочихъ тѣмъ губитъ, не совершивъ ничего; наконецъ говоритъ, что ихъ дѣло слишкомъ зрѣло, еще нѣсколько мгновеній, и кто поручится, что они не будутъ преданы—участниковъ слишкомъ много, въ которыхъ онъ не увѣренъ, и потому надобна рѣшимость; послѣднее слово — сходбище ночью и потомъ за оружіе. (NB. Характеръ Армасила самый основательный: онъ не скоръ, но твердъ въ поступкахъ, и болѣе молчаливъ; опасность его не пугаетъ, но неосторожности не проститъ себѣ. Въ 3-мъ дѣйствіи совершенное развитіе его характера, которому Ассюдъ во всемъ противуположенъ). Нѣкоторые изъ заговорщиковъ присоединяются къ сей бесѣдѣ. Вообще надобно замѣтить, что народъ не имѣетъ участія въ ихъ дѣлѣ, — онъ будто не существуетъ. Въ 3-мъ уже дѣйствіи возмущеніе дѣлается народнымъ, но совсѣмъ не по тѣмъ причинамъ, которыми движимы вельможи: возставъ сама собою, мгновенно, грузинская дружина своими буйствами, похи-

щеніями у гражданъ женъ и имуществъ, возстановляетъ ихъ противъ себя.

Аспрухъ велитъ черезъ евнуха, чтобы всѣ удалились; ему повинуются. Входитъ Родамистъ, нѣсколько словъ съ Аспрухомъ о порядкѣ дружины. Аспрухъ доноситъ о содружествѣ между собою многихъ сомнительныхъ царедворцевъ, Ярванда, Бахрата и проч. Родамистъ презираетъ слишкомъ людей, чтобы отъ нихъ бояться чего-нибудь важнаго. Онъ желаетъ какого-нибудь важнаго происшествія, чтобы въ полной мѣрѣ предаться своей дѣятельности, измѣрить себя, людей и силу обстоятельствъ, насколько онъ ихъ превысить можетъ,—враги нужны великому человѣку. Но скрытно и прилежно велитъ за ними наблюдать, при первомъ двусмысленномъ движеніи донести ему вновь; если требуется спѣха,—схватить ихъ безъ доклада ему и ввергнуть въ оковы; если опасность неминуема,—безъ изслѣдованія предать смерти. Отпускаетъ Аспруха съ евнухомъ; нѣсколько словъ о Зенобіи, о гаремѣ; евнуху поручаетъ насчетъ женщинъ, какъ Аспруху о вельможахъ. Родамистъ одинъ. Смутное предчувствіе, недоволенъ своимъ положеніемъ.

Въ 2-мъ Ассюдъ хочетъ заколоть Родамиста, тотъ удерживаетъ его, притворное соучастіе, выманиваетъ у него тайну, потомъ свирѣпствуетъ.

Но—кто этотъ, бродитъ округъ ставки, въ часы царскаго отдохновенія, когда никто сюда не смѣетъ приближаться? Боязливъ, озирается... Родамистъ готовится къ оборонѣ, но дѣлаетъ видъ, будто не замѣчаетъ скрытнаго врага. Ассюдъ сперва медленно подступаетъ, потомъ устремляется на царя, обезоруженъ имъ и раненъ въ руку.

Въ 3-мъ заговорщики ссорятся о будущей власти, въ эту минуту устремляется на нихъ Родамистъ.

1812 ГОДЪ.

(Планъ и сцена изъ драмы).

(1822).

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Красная площадь.

Исторія начала войны, взятіе Смоленска, народныя черты, пріѣздъ государя, обозъ раненыхъ, разсказъ о битвѣ Бородинской. М* съ перваго стиха до послѣдняго на сценѣ. Очертаніе его характера.

Соборъ архангельскій.

Трубный гласъ Архангела; на его призывъ возникаютъ тѣни давно усопшихъ исполиновъ — Святослава, Владиміра Мономаха, Іоанна, Петра и проч., изъ разныхъ стихій сложенныя и съ познаніемъ всего, отъ начала вѣка до днесь, какъ будто во всѣхъ дѣлахъ послѣ ихъ смерти были участниками, но вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла у нихъ память о томъ, что было съ ними за предѣлами сей жизни, и гдѣ были и откудова нынѣ вновь призваны къ бытію. Пророчествуютъ о годинѣ искупленія для Россіи,—если не для современниковъ, то сіи, повѣствуя сынамъ, возбудятъ въ нихъ огнь неугасимый, рвеніе къ

славѣ и свободѣ отечества. Хоръ безплотныхъ провожаетъ ихъ и живописнымъ строемъ представляетъ ихъ отшествіе изъ храма; своды разступаются, герои поднимаются выспрь и исчезаютъ.

Теремъ царей въ Кремлѣ.

Наполеонъ съ сподвижниками. Картина взятія Москвы. Н* одинъ. Высокія воспоминанія. Открываетъ окно, лунная ночь. Видѣніе — или нѣтъ, какъ случится. Размышленіе о юномъ, первообразномъ семъ народѣ, объ особенностяхъ его одежды, зданій, вѣры, нравовъ. Самъ себѣ преданный,—что бы онъ могъ произвести?

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Галлерея въ домѣ Познякова.

Входитъ офицеръ R. изъ приближенныхъ къ Наполеону (см. сц. 3-я, 1-го отд.), исполненный жизни, славы и блестящихъ надеждъ. Одинъ посѣдѣлый воинъ, съ горькимъ предчувствіемъ опытности, остерегаетъ насчетъ будущихъ бѣдствій. Ему не вѣрятъ. Хохотъ. Изъ театра несутся звуки пляски и отголоски веселыхъ пѣсенъ. Между тѣмъ зарево обнимаетъ повременно окна галлереи; болѣе и болѣе устрашающій вѣтеръ. Объ опустошеніяхъ огня.

Улицы, пылающіе дома. Ночь. Сцены звѣрскаго распутства, святотатства и всѣхъ пороковъ.—R* и М* въ разныхъ случаяхъ.

Село подъ Москвой.

Сельская картина. Является М*. Всеобщее ополченіе безъ дворянъ. (Трусость служителей правительства — выставлена или нѣтъ, какъ случится).

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Зимнія сцены преслѣдованія непріятеля и ужасныхъ смертей. Истязаніе R* и посѣдѣлаго воина. Сей юноша показываетъ примѣръ, и оба умираютъ героями. Подвиги М*. Множество другихъ сценъ.

ЭПИЛОГЪ.

Вильна.

Отличія, искательства; вся поэзія великихъ подвиговъ исчезаетъ. М* въ пренебреженіи у военачальниковъ. Отпускается во-свояси съ отеческими наставленіями къ покорности и послушанію.

Село, или развалины Москвы.

Прежнія мерзости. М* возвращается подъ палку господина, который хочетъ ему сбрить бороду. Отчаяніе..... самоубійство.

СЦЕНА.

ОТЕЦЪ и ДОЧЬ.

Петръ Ан.

Дитя мое любезное, Наташа!
Оставь шитье, узоры кружевные:
Не выряжать тебѣ красы своей
На свѣтлыхъ праздникахъ, не выѣзжать
Съ боярами, князьями. Было время:
Ласкаютъ и манятъ тебя съ собой
И мчатъ въ богато-убранной каретѣ.
А нынѣ знать, вельможи — гдѣ они?...

Тотъ князь, твой воспріемникъ отъ купели?
Его жена? Родня? Исчезли всѣ!
Ихъ пышные хоромы опустѣли.
Когда слыла веселою Москва,
Они роились въ ней. Палаты ихъ
Блистали разноцвѣтными огнями...
Теперь, когда у стѣнъ ея враги,
Безсчастныя разсыпалися дѣти,
Напрасно ждетъ защитниковъ; сыны,
Какъ ласточки, вспорхнули съ теплыхъ гнѣздъ,
И предали ихъ бурямъ въ расхищенье.
Ты изъ житья роскошнаго обратно
Въ убогій домъ отцовскій отдана,
А мнѣ куда съ тобой?... Куда укрыться?
И если-бъ могъ бѣжать отселѣ я,
Нѣтъ! нѣтъ!... не оторвался-бъ отъ тебя,
О, матерь наша, мать Россіи всей,
Кормилица моя, моихъ дѣтей!
Въ тебѣ я мирно пожилъ, видѣлъ счастье,
Въ тебѣ и гробъ найду. Мой другъ, Наташа,
Гроза надъ нами носится, — потерпимъ,
И съ вѣрою вдадимся той судьбѣ,
Которую Господь намъ уготовилъ.
Грустна, грустна!... О комъ же плачешь ты?
О прежнихъ ли подругахъ и забавахъ?

Наташа.

Ахъ, батюшка! Я плачу не о томъ!
Теперь не та пора... (*Рыдаетъ*).

Петръ Ан.

И тѣ ли времена? О братѣ что-ли?
Нашъ Алексѣй... даруй ему Господь
Со славой устоять на ратномъ полѣ.
Мнѣ все твердитъ: онъ будетъ живъ.

Наташа.

Нѣтъ, батюшка, я плачу не объ немъ.
(*Рыдаетъ пуще прежняго*).

Петръ Ан.

Когда же ты о родинѣ печальна,
Рыдай, мое дитя, — и для тебя
Отраднаго я слова не имѣю.
Бывало, на душѣ кручинно, — посохъ въ руки,
Съ тобою сердцу легче, все забыто...
Утѣшенный я приходилъ домой.
Бывало, посѣтишь и ты меня, отца.
Обнимешь, все осмотришь... уголъ мой
На полгода весельемъ просвѣтлится...
А нынѣ вмѣстѣ мы, и намъ не легче!
Москва! Москва! О, до чего я дожилъ!... (*Растворяетъ окно*).

ЮНОСТЬ ВѢЩАГО.

(Отрывки пролога).

(1823).

Вотъ что о содержаніи его разсказываетъ С. Н. Бѣгичевъ.

«При поднятіи занавѣса юноша-рыбакъ Ломоносовъ спитъ на берегу Ледовитаго моря и видитъ обаятельный сонъ,—сначала разныя видѣнія, потомъ музъ, которыя его призываютъ, и наконецъ весь Олимпъ во всемъ его величіи. Онъ просыпается въ какомъ-то очарованіи, сонъ этотъ не выходитъ изъ его памяти, преслѣдуетъ его и въ морѣ, и на необитаемомъ островѣ, куда онъ отправился съ прочими рыбаками за промысломъ. Душа его получила жажду познанія, чего-то высшаго, имъ недовидимаго, и онъ убѣгаетъ изъ отческаго дома. При открытіи занавѣсы во 2-мъ актѣ Ломоносовъ въ Москвѣ, стоитъ на Красной площади... Далѣе я не помню...»

(*Куростровъ. Ищутъ Михаила. Находятъ его. Ночь передъ отплытіемъ въ дальній путь*).

Орелъ, едва лишь пухомъ оперенный,
Едва въ себѣ почуялъ дерзость силъ,
Разсѣкъ эѳиръ, съ размаху воспарилъ;
Хоръ птицъ, его явленьемъ изумленный,
Неспорный крикъ ему на встрѣчу шлетъ.
Нѣтъ! Дерзость тѣхъ очей и тотъ полетъ
Не зритъ себѣ ни равныхъ, ни преслушныхъ
И властвуетъ въ селеньяхъ онъ воздушныхъ.
Не такъ между людьми: ахъ! отъ пеленъ
Томится сколько лѣтъ ревнитель славы!
Еще томится возмужалый онъ,
Отверженъ и не признанъ, угнетенъ...
Судьба! О, какъ тверды твои уставы!
Великимъ средь Австраліи зыбей,
Иль въ Сѣвера снѣгахъ, вездѣ одно-ли
Присуждено?—Искать желанной доли
Путемъ вражды, препятствій и скорбей!
И тотъ пѣвецъ, кому никто не смѣетъ
Во слѣдъ ступить изъ бардовъ сихъ временъ,
Предъ кѣмъ святая Русь благоговѣетъ,
Онъ отрокомъ, безвѣстенъ и презрѣнъ,
Сынъ рыбаря, чудовищъ земноводныхъ
Ловитвой жилъ; въ пучинахъ ледяныхъ,
Душей алкая странъ и дѣлъ иныхъ,
Изнемогалъ въ усиліяхъ безплодныхъ!...

Океанъ, пустынный островъ. Любопытство юноши.
Скорбь отца. Вновь отъѣздъ.
Нелюбовь.
Соловцы. Невѣдомый мужъ, богомолецъ.
Вѣсть о вечернихъ странахъ.
Возвращеніе домой. Побѣгъ. Тотъ-же таинственный спутникъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОТЪ АПОЛЛОНА.

(Эпиграмма на пьесу кн. А. А. Шаховскаго: «Урокъ кокеткамъ, или Липецкія воды»).

На замѣчанье Фебъ даетъ,
Что отъ какихъ-то водъ
Парнасскій весь народъ
Шумитъ, кричитъ — и дѣло забываетъ;
И потому онъ объявляетъ,
Что толки всѣ о Липецкихъ водахъ
(Въ укору, въ похвалу, и въ прозѣ, и въ стихахъ)
Написаны и преданы тисненью
Не по его внушенью!

(1815).

ПРОЛОГЪ ФАУСТА.

(Die lustige Person).

ИЗЪ ГЕТЕ.

По дружбѣ мнѣ вы, господа,
При случаѣ посильно, иногда
И дѣятельно помогали;
Сегодня, милые, нельзя ли
Воображенію дать смѣлый вамъ полетъ?
Парите вверхъ, и внизъ спускайтесь произвольно,
Чтобъ большинство людей осталось мной довольно,
Которое живетъ и жить даетъ.
Домъ зрѣлища устроенъ пребогатый,
И бревяной накатъ, и полъ дощатый,
И всё по зву: одинъ свистокъ —
Храмъ взыдетъ до небесъ, раскинется лѣсокъ.
Лишь то бѣда: ума намъ гдѣ добиться?
Смотрите вы на брови знатоковъ,
Они, и всякой кто каковъ,
Чему-нибудь хотѣли-бъ удивиться;
А я испуганъ, сталъ втупикъ.
Не то, чтобы у насъ къ хорошему привыкли, —
Да начитались столько книгъ!
Всю подноготную проникли!
Увы!
И слушаютъ, и ловятъ все такъ жадно!

Чтобъ были вещи имъ новы,
И складно для ума, и для души отрадно.
Люблю толпящійся народъ
Я, при раздачѣ ложъ и креселъ;
Кому терпѣнье — труденъ входъ,
Тотъ получилъ себѣ — и веселъ,
Но вотъ ему возврата нѣтъ!
Стѣной густѣютъ непроломной,
Толпа растетъ, и рокотъ громный,
А голоса: билетъ! билетъ!—
Какъ будто ихъ рождаетъ преисподня.
И это чудо кто творитъ? — Поэтъ!
Нельзя-ли, милый другъ, сегодня?

Поэтъ.

О, не тревожь, не мучь суетъ картиной!
Задерни, скрой отъ глазъ народъ,
Толпу, которая пестрѣющей пучиной
Съ собой противовольно насъ влечетъ.
Туда веди, гдѣ подъ небесъ равниной
Поэту радость чистая цвѣтетъ;
Гдѣ дружба и любовь его къ покою
Обвѣютъ, освѣжатъ божественной рукою.
Ахъ! часто, что отраду въ душу льетъ,
Что робко намъ уста пролепетали,
Мечты неспѣлыя... и вотъ—
Ихъ крылья бурнаго мгновенія умчали;
Едва искупленныхъ трудами многихъ лѣтъ,
Ихъ въ полнотѣ красы увидитъ свѣтъ.
Обманчивъ блескъ, — онъ не продлится,
Но истинный потомству сохранится.

Весельчакъ.

Потомству? да, и слышно только то,
Что духомъ всѣ парятъ къ потомкамъ отдаленнымъ;
Неужто, наконецъ, никто
Не порадѣетъ современнымъ?
Неужто холодомъ мертвитъ, какъ чародѣй,
Присутствіе порядочныхъ людей?
Кто бредитъ лаврами на сценѣ и въ печати,
Кому ниспосланы кисть, лира и рѣзецъ
Изгибы обнажать сердецъ:
Тотъ поробѣетъ-ли? — Толпа ему и кстати:
Желаетъ онъ побольше кругъ,
Чтобъ дѣйствовать на многихъ вдругъ.
Скорѣй фантазію, гласъ скорби безотрадной,
Движенье, пылъ страстей, весь хоръ ея нарядной
Къ себѣ зовите на чердакъ.
Дурачеству оставьте дверцу,
Не настежь, вполовину, такъ,
Чтобъ всякому пришло по сердцу.

Директоръ.

Побольше дѣйствія!—Что зрителей манитъ?

Имъ видѣть хочется, — ну живо
Представить имъ дѣла на видъ!
Какъ хочешь, жаръ души излей краснорѣчиво;
Иной уловкою успѣхъ себѣ упрочь;
Побольше дѣйствія, сплетеній и развитій!
Лишь силой можно силу превозмочь,
Число людей — числомъ событій.
Гдѣ приключеній тьма — никто не перечтетъ,
На каждаго по нѣскольку придется,
Народъ доволенъ разойдется,
И всякій что-нибудь съ собою понесетъ!
Сліяніе частей измучитъ васъ смертельно;
Давайте намъ подробности отдѣльно.
Что цѣлое? какая прибыль вамъ?
И ваше цѣлое вниманье въ комъ пробудитъ?
Его расхитятъ по долямъ,
И публика по мелочи осудитъ.

Поэтъ.

Ахъ! это-ли имѣть художнику въ виду!
Обречь себя въ вѣкахъ укорамъ и стыду! —
Не чувствуетъ, какъ душу мнѣ терзаетъ.

Директоръ.

Размыслите вы сами напередъ:
Кто сильно потрясти людей желаетъ,
Способнѣе оружье изберетъ;
Но время ваши призраки развѣять,
О гордые искатели молвы!
Опомнитесь! — кому творите вы?
Влечется къ намъ иной, чтобъ скуку поразсѣять,
И скука вмѣстѣ съ нимъ ввалилась — дремлетъ онъ;
Другой явился отягчонъ
Парами пѣнистыхъ бокаловъ;
Иной небрежный ловитъ стихъ, —
Сотрудникъ глупыхъ онъ журналовъ;
На святочныя игры ихъ
Чистѣйшее желанье окрыляетъ,
Невѣжество имъ зрѣнье затемняетъ,
И на устахъ бездушія печать;
Красавицы, подъ бременемъ уборовъ,
Тишкомъ желаютъ расточать
Обманъ улыбки, нѣгу взоровъ.
Что возмечтали вы на вашей высотѣ?
Смотрите имъ въ лицо! — вотъ тѣ
Окременѣвшія толпы живымъ утесомъ:
Здѣсь озираются во мракѣ подлецы,
Чтобъ слово подстеречь и погубить доносомъ;
Тамъ мыслятъ дань обрѣсть картежные ловцы;
Тотъ буйно ночь провесть въ объятіяхъ безчестныхъ...
И для кого хотите вы, слѣпцы,
Вымучивать внушенье музъ прелестныхъ?
Побольше пестроты, побольше новизны, —

Вотъ правило, и непреложно.
Легко мы всѣмъ изумлены,
Но угодить на насъ не можно.
Что? гордости порывъ утихъ?
Разсудокъ превозмогъ...

Поэтъ.

Нѣтъ! нѣтъ! — негодованье!
Поди, ищи услужниковъ другихъ.
Тебѣ-ль отдамъ святѣйшее стяжанье,
Свободу,—въ жертву прихотей твоихъ?
Чѣмъ равны небожителямъ поэты?
Что силой неудержною влечетъ
Къ ихъ жребію сердца и всѣхъ обѣты,
Стихіи всѣ во власть имъ предаетъ?
Не сладкозвучіе-ль, которое тѣснится
Изъ ихъ груди, вливаетъ ту любовь,
И къ нимъ она отзывная стремится
И въ нихъ восторгъ рождаетъ вновь, и вновь?
Когда природой равнодушно
Крутится длинно-вьющаяся прядь,—
Кому она такъ дѣлится послушно?
Когда созданья всѣ (слаба ихъ мысль обнять),
Одни другимъ звучатъ противогласно,—
Кто съединяетъ ихъ въ пріятный слуху громъ
Такъ величаво, такъ прекрасно?
И кто виновникъ ихъ потомъ
Спокойнаго и пышнаго теченья?
Кто стройно размѣряетъ ихъ движенья,
И бури вопли, крикъ страстей,
Мѣняетъ вдругъ на дикіе аккорды?
Кѣмъ славны имена и памятники тверды?
Превыше всѣхъ земныхъ и суетныхъ честей,
Изъ бренныхъ листвіевъ кто чудно соплетаетъ
Съ вѣками болѣе нетлѣнно и свѣжѣй
То знаменье величія мужей,
Которымъ онъ ихъ чёла украшаетъ?
Предъ чьей возлюбленной весна не увядаетъ?
Цвѣты роскошные родитъ предъ нею перстъ
Того, кто спутникъ ей отрадъ любви стезёю;
По смерти имъ Олимпъ отверстъ,
И не вечернею вѣнчается зарею,
Кто не коснѣлъ въ бездѣйствіи нѣмомъ,
Но въ гимнъ единый слилъ красу небесъ съ землею.
Ты постигаешь ли умомъ
Создавшаго міры и лѣта?
Его престолъ — душа поэта.

(1824).

РОМАНСЪ.

Ахъ, точно-ль никогда ей въ персяхъ безмятежныхъ
Желанье тайное не волновало кровь,
Еще не свѣдала тоски, томленій нѣжныхъ,
Еще не знаетъ про любовь?

Ахъ! точно ли никто, счастливецъ, не сыскался,
Ей другъ, по сердцу ей, который бы сгоралъ
Въ объятіяхъ ея, въ нихъ нѣгой упивался,
Роскошествовалъ и обмиралъ?

Нѣтъ! нѣтъ! куда влекусь неробкими мечтами?
Тотъ другъ, тотъ избранный, онъ гдѣ-нибудь—онъ есть!
Любви волшебство, рай, восторги, прелесть — вами—
Нѣтъ!—не моей душѣ процвѣсть.

(1824).

* * *

Крылами паря, стрѣлами звеня,
Любовь вопрошала кого-то:
Ахъ, есть ли что легче на свѣтѣ меня? —
Рѣшите задачу Эрота!
Любовь и любовь, рѣшу я какъ разъ,
Сама себя легче бываетъ подъ часъ.
Есть пѣсня такая:
Легко себѣ друга сыскала Аглая—
И легче того
Забыла его.

(1824).

ДАВИДЪ.

Не славенъ въ братіяхъ измлада,
Юнѣйшій у отца я былъ,
Пастухъ родительскаго стада;
И се! внезапно Богу силъ
Органъ мои создали руки,
Псалтырь устроили персты.
О! кто до горней высоты
Ко Господу воскрилитъ звуки!
Услышалъ Самъ Господь Творецъ!
Шлетъ Ангела: и свѣтлозрачный
Съ высотъ летитъ на долы значны,
Взялъ отъ родительскихъ овецъ,
Елеемъ благости небесной
Меня помазалъ. — Что-жъ сіи
Велики братіи мои?
Кичливы крѣпостью тѣлесной!
Но въ нихъ Духъ Божій, Бога силъ,
Господень Духъ не препочилъ!

Иноплеменнику не съ ними
Далече страхъ я отженя
Во срѣтенье изшелъ: меня
Онъ проклялъ идолми своими.
Но я мечемъ надъ нимъ взыгралъ,
Сразилъ его и обезглавилъ,—
И стыдъ отечества отъялъ,
Сыновъ Израеля прославилъ!

(1824).

ТЕЛЕШОВОЙ

въ балетѣ «Русланъ и Людмила», гдѣ она является обольщать витязя.

О, кто она? Любовь, Харита,
Иль Пери, для страны иной
Эдемъ *) покинула родной,
Тончайшимъ облакомъ обвита?
И вдругъ — какъ вѣтръ ея полетъ!
Звѣздой разсыплется, мгновенно
Блеснетъ, исчезнетъ, воздухъ вьетъ
Стопою, свыше окриленной...
Не такъ ли нашъ лелѣетъ духъ
Отрадное во снѣ видѣнье,
Когда задремлетъ взоръ и слухъ,—
Но бодро въ насъ воображенье?
Улыбка внятная безъ словъ,
Небрежно спущенный покровъ,
Какъ будто влаги обліянье;
Прерывно персей волнованье,
И томной думы полонъ взоръ;
Созданье выспренняго міра
Скользитъ, какъ по зыбямъ эѳира
Несется легкій метеоръ.
Зачѣмъ манишь рукою нѣжной?
Зачѣмъ влечешь изъ дальнихъ странъ
Пришельца въ плѣнъ твой неизбѣжный,
Къ страданью неисцѣльныхъ ранъ?
Уже не тверды заклинаньемъ
Броня, и щитъ его, и шлемъ;
Не истомляй его желаньемъ,
Не сожигай его огнемъ
Въ лицѣ, въ груди горящей страсти,
И нѣгой распаленныхъ чувствъ!
Ахъ! этихъ игръ, утѣхъ, искусствъ
Одинъ ли не признаетъ власти!
Изнеможенный онъ въ борьбѣ,

*) Эдемъ Зороастровъ, жилище пери, воображаемыхъ восточными народами существъ, которыхъ Парси и даже Мусульманы представляютъ себѣ въ цвѣтахъ радуги и въ бальзамическихъ испареніяхъ розъ и ясминовъ.

До капли въ душу влилъ отраву,
Себя, и честь, и долгъ, и славу, —
Все въ жертву онъ отдалъ тебѣ.
Но, сердце! Кто твой восхищенный
Внушаетъ отзывъ? Для кого
Порывъ восторга твоего—
Звучанье лиры оживленной?
Властительницы южныхъ странъ,
Чье царство — розъ и пальмъ обитель,
Которымъ Эльфъ обворожитель
Въ сопутники природой данъ!
О, нимфы, дѣвы легкокрылы!
Здѣсь жаждутъ прелестей иныхъ:
Рабы корыстныхъ пользъ унылы
И безразсвѣтны души ихъ.
Пѣвцу красавицъ что́ въ награду?
Пожнетъ онъ скуку и досаду,
Роптаньемъ струнъ не пробудивъ
Любви въ пустынѣ сей печальной,
Гдѣ сномъ покрыто лоно нивъ,
И небо—ризой погребальной.

(1824)

ЭПИГРАММА.

И сочиняютъ — врутъ, и переводятъ — врутъ!
Почто же врете вы, о дѣти? Дѣтямъ прутъ!
Шалите риемами, нанизывайте стопы,
Ужъ такъ и быть,—но вы ругаться удальцы...
Такъ чтобы были вы умнѣе, молодцы,
Вамъ выдрать слѣдуетъ всѣмъ преисправно
. . . . . .

ХИЩНИКИ НА ЧЕГЕМѢ *).

1.

Окопайтесь рвами, рвами,
Отразите смерть и плѣнъ —
Блескомъ ружей тверже стѣнъ!
Какъ ни крѣпки вы стѣнами,
Мы надъ вами, мы надъ вами,
Будто быстрые орлы
Надъ челомъ крутой скалы.

2.

Мракъ за насъ ночей безлунныхъ,
Шумъ потока, выси горъ,
Дождь и мгла, и вихрей споръ.
На угонъ коней табунныхъ,
На овецъ золоторунныхъ,
Гдѣ витаютъ вепрь и волкъ,
Нашъ залегъ отважный полкъ.

*) *Чегемъ*—горная рѣка на сѣверномъ склонѣ Кавказа.

3.

Живы въ насъ отцовъ обряды,
Кровь ихъ буйная жива.
Та же въ небѣ синева!
Тѣ же ледяныя громады,
Тѣ же съ ревомъ водопады!
Та же дикость, красота
По ущельямъ разлита!

4.

Наши камни, наши кручи,
Русь! зачѣмъ воюешь ты?
Вѣковыя высоты
Досягнешь ли? — Вотъ надъ тучей
Двувершинный и могучій *)
Рѣжется изъ облаковъ
Надъ главой твоихъ полковъ.

5.

Паръ изъ бездны отдаленной
Вьется по его плечамъ!
Вотъ невидимъ онъ очамъ!
Той же тканію свіенной
Такъ же скрыты мы мгновенно;
Въ мигъ явились, мигомъ нѣтъ,
Выстрѣлъ, два — и сгинулъ слѣдъ.

6.

Двиньтесь узкою тропою!—
Не въ краю вы селъ и нивъ!
Здѣсь стремнина, тамъ обрывъ,
Тутъ утесъ: берите съ бою!
Камень, сорванный стопою,
Въ глубь летитъ, разбитый въ прахъ:
Риньтесь съ нимъ, откиньте страхъ!

7.

Ждемъ. — Готовы къ новой сѣчѣ.
Но и слухъ о нихъ исчезъ!
Загорайся, древній лѣсъ!
Лейся, зарево, далече!
Мы обсядемъ въ дружномъ вѣчѣ,
И по ряду, дѣлежомъ,
Дѣлимъ взятое ножомъ.

8.

Доли лучшія отложимъ
Нашимъ панцырнымъ князьямъ;
И джигитамъ, узденямъ
Юныхъ плѣницъ пріумножимъ;
И кадіямъ, людямъ Божьимъ,
Плѣнныхъ отроковъ дадимъ
(Вѣрой станъ нашъ невредимъ).

*) Эльбрусъ.

9.

Узникамъ удѣлъ обычный, —
Надъ рабами высока
Ихъ стяжателей рука:
Узы — жребій имъ приличный
Въ ихъ землѣ и свѣтъ темничный!
И ужасенъ ли обмѣнъ?—
Дома — цѣпи! въ чужѣ — плѣнъ!

10.

Дѣлимъ женамъ ожерелье.
Вотъ обломки хрусталя!
Пьемъ бузу! Стони земля!
Кликомъ огласись ущелье!
Падшимъ миръ, живымъ — веселье!
Разъ еще увидѣлъ взоръ
Вольный край родимыхъ горъ!

Кам. мостъ на Малкѣ.
** октября 1825.

ЭКСПРОМТЪ.

По духу времени и вкусу,
Я ненавижу слово: рабъ,—
Меня и взяли въ главный штабъ
И потянули къ Іисусу.

(1826).

ОСВОБОЖДЕННЫЙ.

Лугъ шелковый, мирный лѣсъ!
Сквозь колеблемые своды
Ясная лазурь небесъ!
Тихо плещущія воды!
Мнѣ-ль возвращены назадъ
Всѣ очарованья ваши?
Снова-ль черпаю изъ чаши
Нескудѣющихъ отрадъ?
Будто сладостно-душистой,
Въ воздухъ пролилась струя;
Снова упиваюсь я
Вольностью и нѣгой чистой.
Но... гдѣ другъ? но... я одинъ!..
Но давно-ль, какъ привидѣнье,
Предстоялъ очамъ моимъ
Вѣстникъ зла? Я мчался съ нимъ
Въ дальній край на заточенье:
Окрестъ дикія мѣста,
Снѣгъ пушился подъ ногами;
Горемъ скованы уста,
Руки тяжкими цѣпями.
Тамъ, гдѣ вьется Алазань,
Вѣетъ нѣга и прохлада,
Гдѣ въ садахъ сбираютъ дань

Пурпурнаго винограда,
Свѣтло свѣтитъ лучъ дневной,—
Рано ищутъ, любятъ друга...
Ты знакомъ ли съ той страной,
Гдѣ земля не знаетъ плуга,
Вѣчно-юная блеститъ
Пышно яркими цвѣтами,
Золотистыми плодами?..
Странникъ, знаешь ли любовь,—
Не подругу снамъ покойнымъ,
Страшную подъ небомъ знойнымъ?
Какъ пылаетъ ею кровь!
Ей живутъ и ею дышатъ,
Страждутъ и падутъ въ бояхъ
Съ ней въ душѣ и на устахъ.
Такъ самумы съ юга пышатъ,
Раскаляютъ степь...
Что судьба, разлука, смерть!.

(1826).

ПОСЛАНІЕ КНЯЗЮ А. И. ОДОЕВСКОМУ.

Я дружбу пѣлъ... Когда струнамъ касался,—
Твой геній надъ главой моей парилъ;
Въ стихахъ моихъ въ душѣ тебя любилъ
И призывалъ, и о тебѣ терзался!..
О, мой Творецъ!.. Едва расцвѣтшій вѣкъ
Ужели ты безжалостно пресѣкъ?
Допустишь ли, чтобы его могила
Живаго отъ любви моей сокрыла?

(1828?).

ПРОСТИ, ОТЕЧЕСТВО.

(Отрывокъ).

Не наслажденье жизни цѣли
Не утѣшенье наша жизнь!
О, не обманывайся, сердце!
О, призраки — не увлекайте!..
Насъ цѣпь угрюмыхъ должностей
Опутываетъ неразрывно;
Когда же въ уголокъ проникъ
Свѣтъ счастья на единый мигъ...
Какъ неожиданно, какъ дивно!..
Но скоро бросишь кисть и прочь
Бѣжишь отъ радужной палитры!
Мы молоды — и вѣримъ въ рай,
И гонимся и вслѣдъ, и вдаль
За слабо брежжущимъ видѣньемъ...
Постойте!.. Нѣтъ его, угасло!
Обмануты, утомлены...
И что жъ съ тѣхъ поръ? Мы мудры стали,
Ногой отмѣрили пять стопъ,

Соорудили темный гробъ,
И въ немъ живыхъ себя заклали.
Премудрость! вотъ урокъ ея:
Чужихъ законовъ несть ярмо,
Свободу схоронить въ могилу,
Не вѣрить въ собственную силу,
Отвагу, дружбу, честь, любовь.
Займемся былью стародавной,
Какъ люди весело шли въ бой,
Когда плѣняло ихъ собой,
Что́ такъ обманчиво и славно.

ТРИ МОНОЛОГА.

(Отрывокъ).

Серчакъ.

Ты помнишь ли, какъ мы съ тобой, Итляръ,
На поиски счастливые дерзали,
Съ коней три дня, три ночи не слѣзали?
Имъ тяжко: градомъ потъ и клубомъ паръ,
А мы на нихъ — то вихрями въ пустынѣ,
То вплавь по быстринамъ сердитыхъ рѣкъ...
Кручины, горя не было вовѣкъ,
И мощь руки не та была, что нынѣ.
Зачѣмъ старѣютъ люди, и живутъ,
Когда по жиламъ кровь едва струится,
Когда подъять безсильны ратный трудъ,
И темя ихъ снѣгами убѣлится!
Смотри на степь: что день, то шумный бой;
Духъ вѣтреный, другого превозмогшій,
И самъ гонимъ... сшибутся межъ собой,
И завиваютъ пыль и злакъ изсохшій.
Такъ человѣкъ рожденъ гонять врага,
Настичь, убить иль запетлить арканомъ.
Кто на путяхъ не рыщетъ алчнымъ враномъ,
Кому уже конь прыткій не слуга,
Въ осенней мглѣ, съ дрожаньемъ молодецкимъ,
Онъ, притаясь, добычи не блюдетъ, —
Тотъ лягъ въ сыру землю: онъ не живетъ!
Не называйся сыномъ Половецкимъ!

Итляръ.

Мы дряхлы, другъ, но ожили въ сынахъ,
И отроки у насъ для битвы зрѣлы.
Не празденъ лукъ, — натянутъ въ ихъ рукахъ;
Не даромъ мещутъ копья, сыплютъ стрѣлы.
Давно-ль они несчетный ловъ въ полонъ
Добыли намъ, цѣною лютыхъ браней,—
Блестящихъ сбруй, и разноцвѣтныхъ тканей,
И тучныхъ стадъ, и бѣлолицыхъ женъ?
О, плачься, Русь богатая! Бывало,
Ея полки и въ нашихъ рубежахъ
Корысть дѣлятъ; теперь не то настало!

Огни ночной порою въ камышахъ
Не такъ разлитымъ заревомъ пугаютъ,
Какъ пламя русскихъ селъ, — еще пылаютъ
По берегамъ Трубежа и Десны...
Тамъ бранные пожары засвѣчаютъ
Въ честь намъ, отцамъ, любезные сыны.

Серчакъ.

Въ твоихъ сынахъ твой духъ отцовскій внѣдренъ!
Гордись, Итляръ! тебя ихъ мужественный видъ,
Какъ въ зимній день лучъ солнечный, живитъ.
Я отъ небесъ лишь дочерью ущедренъ,
И тою счастливъ... Вѣрь, когда съ утра
Зову ее и къ груди прижимаю, —
Всю тяжесть лѣтъ съ согбенныхъ плечъ стрясаю.
Но ей отбыть изъ отчаго шатра:
Наступитъ день, когда пришельцу руку
Должна подать на брачное житье;
Душой скорбя, я провожу ее,
И, можетъ быть, на вѣчную разлуку...
Тогда приди, всѣмъ людямъ общій рокъ!
Закройтесь, очи,—не въ семьѣ чадъ милыхъ...
Наѣздникъ горькій, ветхъ и одинокъ,
Я доживу остатокъ дней постылыхъ!
Гдѣ лягутъ кости? Въ землю ихъ вселятъ
Чужія руки, свѣжій дернъ настелятъ,
Чужіе межъ собой броню, булатъ —
И все мое завѣтное раздѣлятъ!..

КАЛЬЯНЧИ.

(Отрывокъ изъ поэмы).

Путешественникъ въ Персіи встрѣчаетъ прекраснаго отрока, который подаетъ ему кальянъ. Странникъ спрашиваетъ: кто онъ? откуда? Отрокъ разсказываетъ ему свои похожденія, объясняетъ, что онъ грузинъ, нѣкогда житель Кахетіи.

Въ какомъ раю ты, стройный, насажденъ?
Какую влагу пилъ? Какой весной обвѣянъ?
Эйзедомъ ли ты свѣтлымъ порожденъ,
Питомецъ Пери, или Джинніемъ взлелѣянъ?
Когда заботамъ ввѣренный твоимъ
Приносишь ты сосудъ водовмѣщальный
И сквозь него проводишь легкій дымъ,—
Воздушной пѣною темнѣетъ токъ кристальный
И ропотомъ манитъ къ забвенью, какъ ручья
Гремучаго потокъ въ зеленой чащѣ!
Чинара трость творитъ жасминной длань твоя.
И сахарныя трости слаще,
Когда палимаго Ширазскаго листа
Глотаютъ черезъ нее мглу алыя уста,
Густѣетъ воздухъ, напоенной
Алоэ запахомъ и амброй драгоцѣнной!
Когда-жь чарующей наружностью своей

Собраніе ты освѣтишь людей —
Во всѣхъ любовь!.. Дервишъ отбросилъ четки,
Примрачный видъ на радость обмѣнилъ:
Не ты ли въ немъ возжегъ огонь потухшихъ силъ?
Не отъ твоей ли то походки
Его распрямлены морщины на лицѣ,
И заиграла жизнь на бывшемъ мертвецѣ?
Властитель твой — онъ сталъ лишь самозванцемъ:
Онъ уловленъ стыдливости румянцемъ,
И кудрей кольцами, по высотѣ раменъ
Влекущихся, связавшихъ душу въ плѣнъ,
И груди нѣжной бѣлизною,
И жилокъ, шелкомъ свитыхъ, бирюзою,
Твоими взглядами, подъ свѣсомъ томныхъ вѣждъ,
Движеньемъ устъ твоихъ, невиннымъ, миловиднымъ,
Твоей, не скрытою покровами одеждъ,
Джейрана легкостью и станомъ пальмовиднымъ.
Въ какомъ раю ты, стройный, насажденъ?
Эдема-ль влагу пилъ, дыханьемъ розъ обвѣянъ?
Скажи: или отъ Пери ты рожденъ,
Иль благодатнымъ Джинніемъ взлелѣянъ?
«На Ріона берегахъ,
Въ дальнихъ я рожденъ предѣлахъ,
Гдѣ горитъ огонь въ сердцахъ,
Тверже скалъ окаменѣлыхъ;
Росъ — едва не изъ пеленъ
Матерью, отцомъ, безвинный,
Въ чужу проданъ, обмѣненъ
За сосудъ цѣненный!
«Чужой человѣкъ! скажи, ты отецъ?
Имѣлъ ли ты чадо отъ милой подруги?
Корысть ли дороже намъ съ сыномъ разлуки?
Отверженъ ли враномъ невинный птенецъ?
«Караванъ съ шелками шелъ,
Съ нимъ ага мой. Я, рабочій,—
Глазъ я долго не отвелъ
Съ мѣстъ, виднѣлся гдѣ кровъ отчій.
Съ кровомъ онъ слился небесъ;
Вечерѣло. Сномъ боримы,
Стали станомъ. Теменъ лѣсъ.
Вкругъ огня легли мы.
«Курись огонекъ! свѣтись огонекъ!
Такъ свѣтитъ надежда огнемъ намъ горящимъ!
Пылай ты весельемъ окрестъ присѣдящимъ,
Покуда спалишь ты послѣдній пенекъ!
«Спалъ я. Вдругъ взываютъ: «Бой!»
Въ ста мѣстахъ сверкаетъ зелье;
Сѣчей, свистомъ пуль, пальбой
Огласилось все ущелье.
Притаился въ глубь межи
Я, и всѣ туда-жь влекутся;
Слышно, — кинулись въ ножи—
Безотвязно бьются!

«Затихло смятенье — сѣчѣ конецъ.
Вблизи огня брошенъ былъ трупъ, обезглавленъ,
На взоръ его мертвый былъ взоръ мой уставленъ,
И чья же глава та?.. О горе!.. Отецъ!..
«Но могучею рукою
Былъ оторванъ я отъ тѣла.
«Будь онъ проклятъ, кровный твой!»
Вслухъ мнѣ клятва загремѣла:
«Твой отецъ разбойникъ былъ»...
И въ бодцѣ, ремнемъ увитомъ,
Казнь сулятъ, чтобъ слезъ не лилъ
По отцѣ убитомъ.
«Заря занялась. Я въ путь увлеченъ.
Родитель, ударомъ погибшій безславнымъ,
Лежать остается — онъ вепрямъ дубравнымъ,
Орламъ плотояднымъ на снѣдь обреченъ!
«Вышли мы на широту
Изъ тѣснинъ, гдѣ шли доселѣ,
Всю творенья красоту
Въ пышной обрѣли Картвелѣ.
Вкругъ излучистой Куры
Яснымъ днемъ страна согрѣта,
Всѣ разсыпаны цвѣты
Щедростію лѣта . . . . . .

ДУША.

Жива ли я?
Мертва ли я?
И что за чудное видѣнье!—
Надзвѣздный домъ,
Заря кругомъ:
Рождало міръ мое велѣнье!
И вотъ отъ сна
Привлечена
Къ землѣ ветшающей и тѣсной.
Гдѣ рой подругъ,
Тьма рѣзвыхъ слугъ?
О, хоръ воздушный и прелестной!
Нѣтъ, поживу
И на яву
Я лучшей жизнію, безпечной:
Туда хочу,
Туда лечу,
Гдѣ надышусь свободой вѣчной!

ЭЛЕГІЯ.

(Изъ Леонара).

Покоясь на брегу крутомъ,
Когда воздушныя равнины
Едва струятся вѣтеркомъ
Надъ лономъ дремлющей пучины,—

Я вслѣдъ за странникомъ въ моряхъ
Лечу завистливой мечтою,
И грусть о родинѣ слезою
Блеститъ въ задумчивыхъ очахъ.
И мѣрный плескъ волны, вспѣненной
Ударомъ шумнаго весла,
И голосъ пѣсни отдаленной
Пловца съ бѣгущаго челна,
Все тайное родитъ желанье
Покинуть берегъ мой родной
И съ вѣтреной моей судьбой
Летѣть на чуждое призванье.
Когда-жь Эолъ во мглѣ шумитъ,
И бурный валъ кипитъ и плещетъ
И громъ надъ бездною гремитъ,
И молнія по тучамъ блещетъ:
Тогда, бросая жадный взоръ
На ручейка потокъ безпечный,
На миръ долинъ, лѣсовъ и горъ,
Воскликну въ радости сердечной:
Блаженъ, кто Ларами богатъ!
Онъ чуждъ коварныхъ обольщеній,
Его къ раздумью лишь манятъ
Родныхъ дубравъ безмолвны сѣни
И тихой плескъ младыхъ наядъ.

ВОСТОКЪ.

Изъ Заволжья, изъ роднаго края,
Гости, соколы залетны,
Покручали сумки перелетны,
Долги гривы заплетая;
На коняхъ ретивыхъ посадились,
На отъѣздъ перекрестились,
Выѣзжали на широкій путь.
Что замолкли? въ тишинѣ,
Что волнуетъ молодецку грудь?—
Мысль о дальней сторонѣ?
Ахъ, не тамъ ли воздухъ чудотворный,
Тотъ Востокъ и тѣ сады,
Гдѣ не тихнетъ вѣтерокъ проворный,
Бьютъ ключи живой воды;
Рай: весна цвѣтетъ, не увядаетъ,
Нѣга, роскошь, пиръ въ лѣсахъ,
Солнышко горитъ, не догораетъ
На высокихъ небесахъ!
Теремъ златъ, а въ немъ душа-дѣвица,
Красота, княжая дочь,
Блещетъ взоръ, какъ яркая зарница,
Раздираетъ черну ночь;
Если жь кровь ея зажжется,
Если вспыхнетъ на лицѣ,

То забудь о матери, отцѣ;
Съ кѣмъ душой она сольется
Станомъ гибкимъ, гибкими руками
Друга мила обвиваетъ,
Крѣпко жметъ, румяными устами
Жизнь до капли испиваетъ!
Путники! отъ дочери княжой
Отбѣгите неоглядкой!
Молодые! къ сторонѣ чужой
Не влекитесь думой сладкой,
Не мечтайте чародѣйныхъ сновъ!
Тѣхъ земель неправославныхъ
Дивна прелесть и краса луговъ,
Сладки капли розъ медвяныхъ,
Злакъ шелковый, жемчуги въ зернѣ! —
Что же видно въ сторонѣ?
Столбъ бѣлѣетъ на степи широкой,
Будто сторожъ, одинокой
Камень! Онъ безъ надписи стоитъ:
Темная подъ нимъ могила,
Сирый имъ зашельца прахъ покрытъ.
И его любовь манила;
Чаялъ: «Тутъ весельемъ разолью́сь,
Дни навѣки удолжатся!»
Грѣшный позабылъ святую Русь...
Дни темнѣютъ, вновь зарятся;
Но ему лучомъ не позлатятся
Изъ-за утреннихъ паровъ
Божьи церкви, градъ родимый, отчій домъ!
Буйно пожилъ вѣкъ, а нынѣ —
Миръ ему! одинъ лежитъ въ пустынѣ,
И никто не поискалъ,
Не нарѣзалъ имени, прозванья
На отломкѣ дикихъ скалъ;
Не творятъ молитвы, поминанья,
Персть забвенью предана;
У одра больнаго пожилая
Не корпѣла мать родная,
Не рыдала молода жена...

ДОМОВОЙ.

Дѣтушки матушкѣ жаловались,
Спать ложиться закаивались:
Больно тревожитъ насъ дѣдъ-непосѣдъ,
Зла творитъ много и множество бѣдъ,
Ступней топочетъ, столами ворочитъ,
Душитъ, навалится, щиплетъ, щекочетъ.

Проза.

I. Разныя статьи.

1. Письмо изъ Бреста-Литовска къ издателю „Вѣстника Европы“.

Іюня 26-го дня 1814 г.
Брестъ.

Позвольте доставить вамъ нѣкоторое свѣдѣніе о праздникѣ, который давали командующему кавалерійскими резервами, генералу Кологривову, его офицеры. Издатель «Вѣстника Европы» долженъ въ немъ принять участіе; ибо ручаюсь, что въ Европѣ немного начальниковъ, которыхъ столько любятъ, сколько здѣшніе кавалеристы своего.

Поводомъ къ празднеству было награжденіе, полученное генераломъ Кологривовымъ: ему пожалованъ орденъ святаго Владиміра 1 степени. Неподражаемый Государь нашъ на высочайшей степени славы, среди торжества Своего въ Парижѣ, среди восторговъ удивленнаго свѣта, среди безчисленныхъ и безпримѣрныхъ трофеевъ, помнитъ о ревностныхъ, достойныхъ чиновникахъ и щедро ихъ награждаетъ. При первомъ объявленіи о Монаршей милости любимому начальнику, приближенные генерала условились торжествовать радостное происшествіе, и назначили на то день 22 іюня. День былъ прекрасный, утро, смѣю сказать, піитическое.

Такъ, день желанной возсіялъ,
И къ генералу строй предсталъ
Піитовъ всякаго сословья:
Одинъ стихи ему кладетъ
Въ карманъ, другой подъ изголовье;
А онъ—о доброта! какой примѣровъ нѣтъ:
Всѣ оды принимаетъ,
Читаетъ ихъ—и не зѣваетъ.—

Нѣтъ; онъ былъ тронутъ до глубины сердца, и подобно всѣмъ дивился, сколько стихотворцевъ образовала искренняя радость. Вотъ приглашеніе, которое онъ получилъ ото всего дежурства:

Вождь, избранный Царемъ
Къ трудамъ, Отечеству полезнымъ!

Се новымъ грудь твою лучемъ
Монархъ нашъ озаряетъ звѣздным.
Державный сей герой,
Смиривъ крамолу
И мечъ склоняя долу,
Являетъ благость надъ тобой,
Воспомянувъ твои заслуги неизсчетны:
Тогда, какъ разрушалъ Онъ замыслы навѣтны,
И ты перуны закалялъ,
Отъ коихъ міръ весь трепеталъ;
Тобою внушены кентавры,
Что нынѣ пожинали лавры,
И въ вихрѣ смерть несли врагамъ.
Царь помнитъ то—и радость намъ!
Скорѣе осушимъ, друзья, заздравны чаши!
А ты приди, узри, вкуси веселья наши;
Межъ окружающихъ сподвижниковъ твоихъ—
Не подчиненныхъ зри, друзей, сыновъ, родныхъ.
Въ кругу привѣрженцевъ, въ кругу необозримомъ,
Ты радость обрѣтешь въ сердцахъ,
Во взорахъ, на устахъ.
Блаженно славнымъ быть, блаженнѣй быть любимымъ!

Все это происходило въ верстѣ отъ Бреста, на дачѣ, гдѣ генералъ имѣетъ обыкновенное пребываніе. Множество офицерства явилось съ поздравленіями; потомъ поѣхали на мѣсто, гдѣ давали праздникъ, одни, чтобы посмотрѣть, другіе, чтобъ докончить нужныя пріуготовленія.

Есть въ Бугѣ островъ одинокой;
Его восточный мысъ
Горою надъ рѣкой нависъ,
Заглохъ въ травѣ высокой.
(Преданья гласъ такой,
Что взрыты нашими отцами
Окопы, видные тамъ нынѣшней порой;
Преданье кажется мнѣ сказкой, между нами,
Хоть вѣрю набожно я древности сѣдой;
Нѣтъ, для окоповъ сихъ отцы не знали мѣста,
Сражались, били, шли впередъ...
А впрочемъ, лѣтописи Бреста
Пусть. . . . разберетъ.)
Усадьбы, города и села
И возвышенности и долы
Съ горы рисуются округъ,
И стелется внизу межъ водъ прекрасный лугъ.
На семъ избранномъ мѣстѣ,
При первой ликованья вѣсти,
Подъялись сотни рукъ;
Сѣкиръ и заступовъ вездѣ былъ слышенъ стукъ.
Едва-ль румянила два раза сводъ небесной
Аврора утренней порой—
Все воспріяло видъ иной,

Видъ новый, видъ прелестной,
Твореньe феиной руки.
Гдѣ были насыпи—пестрѣлись цвѣтники,
А гдѣ темнѣли кущи—
Явились просѣки, къ веселію ведущи,
Къ красивымъ убраннымъ шатрамъ,
Раскинутымъ небрежно по холмамъ.
Въ срединѣ ихъ, на возвышеньѣ,
Стояли свѣтлые чертоги угощенья;
Изъ оконъ виденъ ихъ
Въ лугу разбитый станъ для воиновъ простыхъ.
На темѣ острова былъ къ небу флагъ возвышенъ,
Чтобъ знакъ веселія узрѣть со всѣхъ сторонъ,
И жерловъ рядъ поставленъ,
Чтобъ радости отзывъ вездѣ былъ слышенъ.
На скатѣ-жъ, гдѣ приступенъ валъ,
Одинъ лишь входъ удобной,
И городъ гдѣ являлъ
Картинѣ видъ подобной,
Воздвигнули врата искусною рукой
Изъ копій, связанныхъ цвѣтами,
И укрѣпили ихъ въ полкругѣ надъ столпами,
Унизанными осокой.
Любовь врата соорудила,
Сама природа убрала,
Подзорами оружіе снабдило;
Потомъ веселость въ нихъ вошла.

Въ три часа пополудни всѣ приглашенные на праздникъ офицеры съѣхались; всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія генерала. Наконецъ, вздернутый кверху флагъ и пушечные залпы возвѣстили приближеніе его. Онъ ѣхалъ верхомъ, сопровождаемый болѣе 50 офицеровъ. Мнѣ бы весьма хотѣлось описать вамъ въ стихахъ блескъ сего шествія, блескъ воинскихъ нарядовъ; къ несчастью, никакъ не могъ прибрать риемы для лядунокъ и киверовъ, и такъ пусть будетъ это въ прозѣ. Но то, чего не въ силахъ выразить никакая поэзія, была встрѣча генерала на мосту, нарочно для сего дня наведенномъ, гдѣ онъ, при громѣ пушекъ и нѣсколькихъ оркестровъ, при радостныхъ восклицаніяхъ, съ восторгомъ былъ принятъ военными хозяевами и гостями. Слезы душевнаго удовольствія полились изъ глазъ его и всѣхъ предстоящихъ. Онъ нѣсколько времени стоялъ безмолвенъ, удивленъ, обрадованъ, растроганъ; потомъ взошелъ, или лучше сказать внесенъ былъ окружающею толпою въ тріумфальныя врата.

Сей входъ отличіямъ условнымъ былъ рубежъ;
Но случай подшутилъ, и что-жъ?—
Кто чиномъ высшимъ украшался,
И доблестями тотъ отличнѣй всѣхъ являлся.

Взошедъ въ галлерею, онъ былъ еще привѣтствуемъ стихами;

но я ихъ здѣсь не помѣщу оттого, что не спросился у кавалериста—сочинителя. Потомъ генералъ пошелъ на возвышеніе и нѣсколько времени восхищался рѣдкими живописными видами.— На валу шатры, кои бѣлѣлись между березками; у подошвы горы лугъ, гдѣ разбитъ былъ лагерь; рѣка Бугъ, обтекающая все мѣсто празднества; мѣстечко Тересполь и другія селенія въ отдаленности; толпа народа на мостахъ и на берегу, взирающаго съ удивленіемъ на пышный, невиданный имъ праздникъ: все плѣняло взоръ наблюдателя, все приводило въ изумленіе. Вдругъ запѣли на сей случай сочиненную солдатскую пѣснь, и разгласилось на лугу троекратно ура! Послѣ чего всѣ были созваны къ обѣду: столы на галлереѣ и въ палаткахъ были накрыты на 300 кувертовъ.

Ужъ запахомъ къ себѣ манили яствы,
Литавры грянули!—и новыя пріятства.
Обѣдъ сближаетъ всѣхъ,
Съ нимъ водворяется въ собранье сто утѣхъ,
Веселость, откровенность,
Любезность, острота, пріязнь, непринужденность,—
И, словомъ вамъ сказать,
Всѣ радости сошлись насъ угощать.
Когда-жъ при трубахъ, барабанахъ,
Заискрилось шампанское въ стаканахъ,
Венгерское густое полилось,
Бургонское зардѣлось,—
У всякаго лицо отъ нектара краснѣлось;
Но стихотворецъ тутъ перо свое хоть брось.

Признаться, моя логика велитъ лучше пить вино, чѣмъ описывать, какъ пьютъ, и кажется, что она хоть гусарская, но справедливая. Не буду также вамъ говорить о различныхъ сластяхъ и пышностяхъ стола, который, само собою разумѣется, былъ весьма великолѣпенъ; 300 человѣкъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ были угощены нельзя лучше, нельзя роскошнѣе, нельзя веселѣе.

И гости всѣ едва-ли
Изъ-за обѣда встали,
Взялись за пѣсни, остроты;
Тутъ изліянія сердечны
Рѣкою полились: всѣ въ радости безпечны!
Болтливость пьянаго есть признакъ доброты;
Піиты-же, какъ искони доселѣ,
Всѣхъ болѣе шумѣли,
Не отъ вина, нѣтъ—на бѣду
Всегда они въ чаду:
Имъ голову кружитъ другое упоенье—
Сестеръ Парнасскихъ вдохновенье.

Не думайте, однако-жъ, чтобъ забвеніе всего овладѣло шум-

нымъ обществомъ; нѣтъ, забывали важныя дѣла, скуку, горести, непріятности, но не забывали добродѣтель; она сопутница чистой радости; и въ сіи часы, когда сердце всякаго было на языкѣ, и душа отверста для добрыхъ впечатлѣній, открылась подписка въ пользу гошпиталя и бѣдныхъ всякаго званія. На сей предметъ собрано 6,500 рублей.

Такъ посвящали мы—честь нашему собранью!—
Забавамъ часъ, другой же состраданью.

Время было тихое, благопріятное для прогулки. Сѣрая мгла, нависшая на небѣ, предохранила отъ лѣтняго жара; всѣ разсыпались по валу. Между тѣмъ пушечная пальба, хоры музыкантовъ и пѣсельниковъ не умолкали ни на пять минутъ. Мало-по-малу стало смеркаться, и подъ вечеръ пригласили всѣхъ на противоположную сторону острова; зрители были чрезвычайно удивлены, когда, проходя не весьма большое разстояніе, все въ глазахъ ихъ перемѣнилось: исчезли за кустами и пригорками шатры, галлерея и все мѣсто празднества; явилась природа въ дикости—грозные утесы, глубокіе рвы, по ту сторону рѣки сельская картина, луга и рощи возбуждали пріятное удивленіе, прежнія сцены казались призракомъ. Къ общей радости нашли тамъ множество дамъ, которыхъ присутствіе, конечно, есть первое украшеніе всякаго праздника.

Ихъ взоры нѣжные шумливость укрощаютъ
И грустныя сердца къ веселью возбуждаютъ.

Нѣсколько ракетъ возвѣстили начало фейерверка. Онъ былъ прекрасный и продолжительный. Между многими разнообразностями искусственнаго огня горѣло вензеловое имя генерала и владимірская звѣзда. Амфитеатръ, гдѣ сидѣли зрители, сдѣланъ былъ изъ уступовъ горы. При выходѣ оттуда весь островъ былъ уже иллюминованъ. Дамы и офицеры смѣшались вмѣстѣ; въ галлереѣ начались танцы; въ полночь былъ ужинъ. Генералъ до разсвѣта принималъ участіе въ праздникѣ; потомъ возвратился домой, сопровождаемый тѣми же чувствами, тѣми же отголосками любви и приверженности, съ какими былъ встрѣченъ. Онъ въ сей день являлъ любезнаго начальника, пріятнаго гостя и чувствительнаго человѣка. Есть праздники, которые на другой же день забываютъ оттого, что даются безъ цѣли, или цѣль ихъ пустая. Въ столицахъ виденъ блескъ, въ городахъ полубоярскія затѣи; но праздникъ, въ коемъ участвуетъ сердце, который украшали пріязнь, благотворительность и другія душевныя наслажденія,—такой праздникъ оставляетъ по себѣ надолго неизгладимыя воспоминанія.

Философы въ ученомъ заточеньи!
Защитники уединенья!

Нашъ посѣтите станъ, когда вамъ есть досугъ.
Здѣсь узрите вы дружной, братской кругъ
Начальника, отца обширнаго семейства.
Коль надобно—на смерть идутъ;
Не нужно—праздники даютъ.
У васъ какъ-будто чародѣйство:
Отъ книгъ нейдете вы на часъ,
Минута дорога для васъ;
А мы на дней не ропщемъ скоротечность:
Они не истекутъ, доколѣ мы живемъ;
А тамъ настанетъ вѣчность,
Такъ дней не перечтемъ.

Моя одна забота, чтобы праздники чаще давались. Намъ стоитъ 10,000 рублей кромѣ фейерверка. Кончая мою реляцію, желаю вамъ также веселиться, какъ я веселился 22-го іюня. Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю и проч.

Александръ Грибоѣдовъ.

P. S. Посылаю вамъ 1,000 рублей для бѣдныхъ, которыхъ такъ много послѣ пожара Москвы. Въ отдаленности отъ любезнаго отечественнаго края, намъ не извѣстно, какія частныя лица наиболѣе терпятъ отъ бѣдности. Полагаемся на васъ. Конечно заступникъ неимущихъ лучше всѣхъ знаетъ, кому нужна помощь.

2. О кавалерійскихъ резервахъ [1]).

(1814).

Блистательныя событія прошедшей войны обращали на себя всеобщее вниманіе и не давали публикѣ времени для наблюденія побочныхъ, но между тѣмъ важныхъ причинъ, кои способствовали къ успѣхамъ нашего оружія. Къ онымъ, конечно, принадлежатъ резервы, сіе мудрое учрежденіе вѣнценоснаго нашего героя, сей разсадникъ юныхъ воиновъ, которой единственно дѣлалъ, что войско наше, послѣ кровопролитныхъ кампаній 1812 и 1813 годовъ, послѣ дорого-купленныхъ побѣдъ, какъ фениксъ, возставало изъ пепла своего, дабы пожать новые, неувядаемые лавры на зарейнскихъ поляхъ и явить грозное лицо свое въ столицѣ

[1]) *Примѣчаніе «В. Евр.»*. Мы получили сію статью изъ Бреста-Литовскаго при слѣдующемъ письмѣ: «Прошу васъ покорно, милостивый государь, помѣстить слѣдующую статью о кавалерійскихъ резервахъ въ вашемъ журналѣ. Чѣмъ скорѣе вы это сдѣлаете, тѣмъ болѣе обяжете меня и всѣхъ моихъ здѣшнихъ сослуживцевъ. Кажется, что это не противъ плана вашего изданія; не думаю также, чтобы читатели меня упрекали въ сухости. Они находили въ Вѣстникѣ извѣстія о доходахъ, расходахъ и долгахъ Франціи и другихъ націй; неужели государственная экономія ихъ отечества менѣе стоитъ вниманія? Честь имѣю пребыть и проч... *Грибоѣдовъ*».

непріятеля. Буду говорить только о формированіи кавалеріи; ибо самъ былъ очевидцемъ, дивился быстротѣ хода его, трудностямъ, съ коими оно сопряжено, и неусыпнымъ стараніямъ командующаго сею частію, который въ точности оправдалъ слова Великаго нашего Государя, изъявившаго ему во Всемилостивѣйшемъ рескриптѣ [1]), *что не нашелъ иного, коему бы можно было ввѣрить столь важную часть.* Все сіе усмотритъ читатель изъ обозрѣнія кавалерійскихъ резервовъ, которое я постараюсь сдѣлать какъ можно внятнѣе и короче, не входя въ излишнія подробности.

18 октября 1812 года получилъ генералъ-отъ-кавалеріи Кологривовъ рескриптъ о принятіи его въ службу и повелѣніе приготовить въ Муромѣ 9,000 кавалеріи и по два эскадрона для каждаго гвардейскаго полку. Формированіе, возложенное прежде на генерала графа Толстова, не было еще начато по многимъ важнымъ причинамъ. Ни людей, ни лошадей, ни матеріаловъ для обмундировки, ниже какихъ необходимыхъ пособій не было. Едва начали собираться толпы рекрутъ, какъ былъ сказанъ походъ въ Новгородъ-Сѣверскъ, а не доходя до мѣста, получено повелѣніе идти на Могилевъ Бѣлорусской. Между тѣмъ планъ формированія перемѣненъ и сдѣланъ гораздо обширнѣе. Повелѣно было сформировать для каждаго армейскаго полку по два эскадрона изъ 200 нижнихъ чиновъ. Въ Могилевѣ однако все болѣе и болѣе приходило въ устройство; зачали поступать рекруты и лошади, начали съѣзжаться офицеры, которые всѣ, подстрекаемые духомъ достойнаго ихъ начальника, пылали благороднымъ соревнованіемъ, чтобы споспѣшествовать къ славѣ дѣйствующей арміи, и доказательство сему не двусмысленно. Въ началѣ марта 813 года зачали поступать рекруты и лошади, въ исходѣ того же мѣсяца сѣдла и ружья, а въ началѣ апрѣля выступили въ армію 14-ть и вслѣдъ за сими 32 эскадрона, готовые въ строгомъ смыслѣ. Потомъ вся резервная кавалерія двинулась къ Слониму, и едва успѣла туда вступить, какъ уже выслано 10 гвардейскихъ эскадроновъ, являющихъ видъ всадниковъ испытанныхъ, закоснѣлыхъ въ военномъ ремеслѣ, и кои вскорѣ сдѣлались ужасными непріятелю. Такъ! въ толь скорое время, когда самый взыскательный военноискусникъ не былъ бы въ правѣ ничего требовать, кромѣ нѣкотораго навыка въ обращеніи съ лошадьми, возникли сіи съ блестящей наружностью искусные въ построеніяхъ и всѣмъ отличные, достойные тѣлохранители Великаго! Но что? одобреніе Его Величества по

[1]) 14 іюня 1813 года изъ деревни Петерсвальде, въ Силезіи.

прибытіи ихъ во Франкфуртъ есть несомнѣнный знакъ ихъ достоинства.

Изъ Слонима перешли всѣ кавалерійскіе резервы въ Брестъ-Литовскій, и оттолѣ отправлялись ежемѣсячно въ дѣйствующую армію по десяти, двѣнадцати, двадцати, а въ разныя времена отъ августа до января пошло въ армію 113, нынѣ же въ готовности 150 эскадроновъ. И такъ въ пятнадцать, а съ настоящаго формированія въ двѣнадцать мѣсяцевъ, образовалось 65,000 кавалеріи.

Кто когда-либо служилъ въ кавалеріи, кто хоть малѣйшее имѣетъ понятіе о трудностяхъ сей службы; кто приведетъ себѣ на память, что прежде сего одинъ конный полкъ формировался цѣлыми годами; кто вспомнитъ, въ какое смутное время кавалерійскіе резервы воспріяли свое начало; кто расчислитъ, какія запутанности встрѣчаются при началѣ всякаго важнаго и огромнаго государственнаго дѣла; кто взвѣситъ обстоятельства, коихъ не въ силахъ отвратить никакая предусмотрительность, напримѣръ: отдаленность губерній, изъ коихъ приводятся лошади, порча ихъ на дорогѣ, неопытность иныхъ гражданскихъ чиновниковъ, коимъ поручено было въ губерніяхъ принимать, разбирать, отводить ремонты, и такъ далѣе; кто притомъ знаетъ, чего стоитъ въ кроткаго земледѣльца внушить духъ бранный, чего стоитъ заставить забыть его мирную, безмятежную жизнь, дабы пріучить къ непреклоннымъ воинскимъ уставамъ: тотъ, конечно, подивится многочисленной и отборной конницѣ, образованной въ столь короткое время, въ безпрестанныхъ перемѣнахъ мѣста, на походѣ отъ Оки до Буга (2,000 верстъ) по краямъ опустошеннымъ непріятелемъ; подивится войску, ополченному въ случайностяхъ войны, какъ бы въ тишинѣ мира, подъ сѣнію котораго рѣдко что требуется къ спѣху и дается времени столько, сколько потребно для совершенія нужнаго дѣла.

Къ вящшему доказательству, какъ успѣшно формировалась кавалерія, служитъ конница Польской арміи, стоявшая подъ Гамбургомъ, равно какъ и большая часть бывшей во Франціи, которая вся составлена генераломъ Кологривовымъ; притомъ эскадроны изъ новообразованныхъ, которые принимали участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, почти всѣ отличались. Для примѣра упомянемъ о Павлоградскомъ гусарскомъ, который, составленный весь изъ рекрутъ, и не доходя еще до своего назначенія, въ одной сшибкѣ съ непріятелемъ, разбилъ его на-голову и взялъ 200 нижнихъ чиновъ въ плѣнъ; также и Сумской ударилъ одинъ на два эскадрона и обратилъ ихъ въ бѣгство, имѣя въ виду сильное непріятельское подкрѣпленіе. Теперь, обозрѣвъ быстрое и успѣш-

ное формированіе, займемся другимъ не менѣе важнымъ предметомъ.

Утихла буря на политическомъ горизонтѣ; уже не отзываются громы ея, и миръ, какъ благотворный лучъ солнца, озаряетъ гражданскую дѣятельность; истинный патріотъ, непомышлявшій о своемъ стяжаніи тогда, когда отечество, удрученное бѣдствіями, взывало къ нему, нынѣ въ мирномъ досугѣ разсчитываетъ убытки, претерпѣнные государствомъ. Убытки сіи неизбѣжны въ военное время. Но скажемъ, къ успокоенію людей, пекущихся о народномъ благосостояніи, что кавалерійскіе резервы, относительно къ огромности сего учрежденія, весьма мало стоили казнѣ не по одному только безкорыстію командующаго сею частію (я не хочу вѣрить, чтобы какой-нибудь Россійскій чиновникъ помыслилъ о личныхъ своихъ выгодахъ, особенно въ то время, какъ дымилась еще кровь его собратій на отеческихъ поляхъ); нѣтъ! Но немудрено бы было ему, единственно занятому важнымъ порученіемъ, и простительно даже не имѣть вниманія къ экономическимъ расчетамъ, повидимому несовмѣстнымъ съ пылкимъ духомъ ревностнаго военачальника. Отдадимъ справедливость генералу Кологривову, что онъ во всякое время умѣлъ сливать воинскую дѣятельность съ соблюденіемъ государственной экономіи, и покажемъ это на опытѣ.

Въ Муромѣ дѣлались заготовленія провіанта и фуража на 12,000 человѣкъ и 90,812 лошадей. Генералъ Кологривовъ, по прибытіи своемъ туда, прекратилъ сіе, соображаясь, что таковое число людей и лошадей не могло придти въ одно время и содержаться въ одномъ мѣстѣ. Послѣдствія оправдали принятыя имъ мѣры; ибо резервы перемѣнили квартиры, а безполезныя заготовленія продались бы съ публичнаго торгу гораздо дешевле, чѣмъ стоили казнѣ: такимъ образомъ сбережено болѣе полумилліона казенной суммы.

Военнымъ Министерствомъ назначено было употребить вольныхъ ремесленниковъ для скорѣйшаго обмундированія нижнихъ чиновъ, и для дѣланія конскаго прибора. Сіе оказалось ненужнымъ; хозяйственными распоряженіями, употребленіемъ своихъ мастеровъ и пріученіемъ наиболѣе къ ремеслу рекрутъ, все сдѣлано равно поспѣшно, а казенныя издержки уменьшены болѣе, чѣмъ на 200,000 рублей.

Съ самаго начала формированія приводились лошади не только въ изнуреніи, но и въ болѣзняхъ; должно было продавать ихъ съ публичнаго торгу. Но генералъ Кологривовъ, почитая всегда священнѣйшею обязанностію пещись о сохраненіи государственной пользы, завелъ на свой счетъ конскій лазаретъ, въ коемъ

лошади по большой части вылѣчиваются и обращаются на службу. Основаніе и содержаніе сего заведенія не стоитъ казнѣ ничего, кромѣ корма лошадямъ.

Скажу еще одно слово о продовольствіи войска, объ этой необозримой части государственныхъ расходовъ. Вездѣ, гдѣ только стояла резервная кавалерія, не только не допускали возвышаться справочнымъ цѣнамъ, но и значительно понижали ихъ, даже въ мѣстахъ, гдѣ послѣ непріятеля сами жители во всемъ нуждались. Польза, проистекавшая отъ того для казны, можно сказать неисчисляема; ибо только во время пребыванія кавалерійскихъ резервовъ въ Брестскомъ и сосѣдственныхъ повѣтахъ уменьшеніе казенныхъ издержекъ простирается до нѣсколькихъ милліоновъ.

Впрочемъ нельзя упомнить всѣхъ случаевъ, въ коихъ генералъ Кологривовъ отвращалъ по возможности ущербъ, который могла претерпѣть казна. Конечно, должно бы болѣе сказать о ревности его къ службѣ, объ извѣстной опытности, о невѣроятныхъ его стараніяхъ и о чудесной дѣятельности; но онъ, сколько я знаю, не любитъ небережныя, хотя правдивыя, хвалы; касательно-жъ до читателей, вѣрно всякій благоразумный человѣкъ, которой приложилъ вниманіе къ сей статьѣ, со мною вмѣстѣ скажетъ: хвала чиновнику, точному исполнителю своихъ должностей, радѣющему о благѣ общемъ, заслуживающему признательность соотечественниковъ и милость Государя! Хвала мудрому Государю, умѣющему избирать и цѣнить достойныхъ чиновниковъ!

3. О Гилани.

(1822—1823).

Къ югу отъ нынѣшнихъ нашихъ границъ, къ востоку отъ Адербеджана, омываемая съ сѣвера моремъ и съ прочихъ сторонъ окруженная высокими, неудобопроходимыми горами, простирается приморская каспійская область Гилань. Она изобилуетъ шелкомъ и лѣсами всякаго рода. Воздухъ въ ней, кромѣ высотъ, нездоровъ: сырость порождаетъ многія болѣзни, она даже проникаетъ въ закрытыя часовыя пружины и покрываетъ ихъ ржавчиной. Иные приписываютъ болѣзни и заразу воздуха изобильнымъ сорочинскимъ полямъ, другіе множеству растеній, которыми заглохла большая часть провинціи, испаряющихъ, будто бы, вредный запахъ. Въ политическомъ и торговомъ отношеніи этотъ край для насъ чрезвычайно важенъ. Народъ отдѣленъ отъ Персіи географическимъ положеніемъ, отмѣною въ нарѣчіи и даже

окладомъ лица. Въ Энзелеѣ, близъ столицы Рящь, удобный портъ, гдѣ прежде была наша контора и консульское пребываніе. Въ Гилань черезъ горы идутъ только три дороги и всѣ три трудныя, едва проходимыя: одна къ намъ на Ланкеранъ ущельемъ, другая изъ Ардебиля въ Астрабадъ, третья изъ Казбина, изъ Рубарь въ Рящь, и эти обѣ тѣсныя, въ трущобахъ, заваленныхъ обломками утесовъ и черезъ которыя войско, безъ сношеній благопріятныхъ въ самой землѣ, не проникнетъ. Фамилія Решти управляла такъ же независимо въ Гилани, какъ цари въ Грузіи, съ одинаковымъ титуломъ «Вали», признаннымъ нашими Государями. Я убѣдился частыми нашими сношеніями съ симъ краемъ по случаю вновь учреждаемаго консульства, что приверженность тамошнихъ жителей къ сему дому не исчезла. Родоначальникъ былъ Джемаль-Ханъ, сынъ Кемаль-Ханъ, внукъ Гедастъ-Ханъ, получившій отъ Императрицы Екатерины почетную саблю и чинъ генералъ-аншефа, въ то время какъ великая Государыня, извѣстная въ Персіи подъ именемъ Хуршидъ-Кюла, *впнчанное солнце*, подкрѣпляла права Муртеза-Кули-Хана на персидскій престолъ. Братъ его, дѣдъ нынѣшняго шаха, ожесточенный противъ правителя Гилани, убилъ его и лишилъ родъ его всякой власти хитростію и силою оружія. Съ тѣхъ поръ провинція сія въ безпрестанномъ волненіи: поборы, тиранства шахскихъ намѣстниковъ заставляли ее часто обращаться къ русской границѣ съ надеждою избавленія. Въ бытность мою въ Султанеѣ въ 1819 году жители Рящь взбунтовались противъ правителя ихъ, шахскаго евнуха, Хосровъ-Хана. Онъ былъ смѣненъ. Посланъ туда шахскій сынъ Риза-Мирза, который заставилъ вздыхать о своемъ предшественникѣ. И его смѣнили. Нынѣ тамъ другой сынъ шахскій Ягъча-Мирза, но поборы подъ управленіемъ главнаго шахскаго евнуха Ага-Манугеръ-Хана, брата нашего здѣсь въ Тифлисѣ переводчика Енаколопова продолжаются. — Сынъ незабвеннаго въ Рящѣ Гедастъ-Хана называется Фетъ-Али-Ханъ, нынѣшній генералъ-губернаторъ, беглеръ-бекъ табризскій, воспитанъ при шахскомъ дворѣ; но онъ и два сына его и все его семейство привержены къ Россіи чрезвычайно. Я это испыталъ во время моего пребыванія въ Персіи. Это одинъ домъ, съ которымъ мы были точно дружны. Также чрезвычайный посолъ нашъ г. Ермоловъ почтилъ его искреннимъ уваженіемъ. — Если бы того требовала польза нашего правительства, Фетъ-Али-Ханъ, при первомъ ему тайномъ сообщеніи, тотчасъ бы явился подъ наши знамена, и въ Гилани, принятый жителями, утвердилъ бы тамъ наше владычество. Но и сія область тогда только принесетъ истинную пользу, если будетъ управляема по своимъ обычаямъ,

независимо отъ нашихъ министерствъ, такъ, какъ, по трактатамъ Циціанова съ ханами Шехинскимъ, Ширванскимъ и Карабахскимъ, управлялись ихъ ханства до нынѣшняго ихъ преобразованія.

4. Частные случаи Петербургскаго наводненія.

(1824 года).

Я проснулся за часъ передъ полднемъ; говорятъ, что вода чрезвычайно велика, давно уже три раза выпалили съ крѣпости, затопила всю нашу Коломну. Подхожу къ окошку и вижу быстрый протокъ; волны пришибаютъ къ возвышеннымъ троттуарамъ; скоро ихъ захлестнуло; еще нѣсколько минутъ и черные пристѣнные столбики исчезли въ грозной новорожденной рѣкѣ. Она посекундно прибывала. Я закричалъ, чтобы выносили, что понужнѣе въ верхнія жилья (это было на Торговой, въ домѣ В. В. Погодина). Люди, несмотря на очевидную опасность, полагали, что до насъ не скоро дойдетъ; бѣгаю, распоряжаюсь — и вотъ уже изъ-подъ полу выступаютъ ручьи, въ одно мгновеніе всѣ мои комнаты потоплены; вынесли, что могли, въ приспѣшную, которая на полтора аршина выше остальныхъ покоевъ; еще полчаса — и туда воды со всѣхъ сторонъ нахлынули, люди съ частію вещей перебрались на чердакъ; самъ я нашелъ убѣжище во 2-мъ ярусѣ, у N. П.—Его спокойствіе меня не обмануло: отцу семейства не хотѣлось показать домашнимъ, чего надлежало страшиться отъ свирѣпой, безпощадной стихіи. Въ окна видъ ужасный: гдѣ за-часъ пролегала оживленная, проѣзжая улица, катились ярыя волны съ ревомъ и съ пѣною, вихри не умолкали. Къ театральной площади, отъ конца Торговой и со взморья, горизонтъ примѣтно понижается; оттуда бугры и холмы одинъ на другомъ ложились въ видѣ неудержимаго водоската.

* *
*

Свирѣпые вѣтры дули прямо по протяженію улицы, порывомъ коихъ скоро воздымается бурная рѣка. Она мгновенно мелкимъ дождемъ прыщетъ въ воздухѣ, и выше растетъ и быстрѣе мчится. Между тѣмъ, въ людяхъ мертвое молчаніе; конопать и двойныя рамы не допускаютъ слышать дальнихъ отголосковъ, а вблизи ни одного звука ежедневнаго человѣческаго; ни одна лодка не появилась, чтобы воскресить упадшую надежду. Первая — гобвахта какая-то, сорванная съ мѣста, пронеслась къ Кашину мосту, который тоже былъ сломленъ и опрокинутъ; лошадь съ дрожками долго боролась со смертью, наконецъ уступила напору и увлечена была изъ виду вонъ; потомъ поплыли безпрерывно

связи, отломки отъ строеній, дрова, бревна и доски—отъ судовъ ли разбитыхъ, отъ домовъ ли разрушенныхъ, различить было невозможно. Видъ стѣсненъ былъ противустоящими домами; я черезъ смежную квартиру П. побѣжалъ и взобрался подъ самую кровлю, раскрылъ всѣ слуховыя окны. Вѣтеръ сильнѣйшій и въ панорамѣ пространное зрѣлище бѣдствій. Съ правой стороны (стоя задомъ къ Торговой), поперечный рукавъ на мѣсто улицы между Офицерской и Торговой; далѣе часть площади въ видѣ широкаго залива, прямо и слѣва Офицерская и Англійскій проспектъ и множество перекрестковъ, гдѣ водоворотъ сносилъ громады мостовыхъ развалинъ; онѣ плотно спирались, ихъ съ тротуаровъ вскорѣ отбивало; въ самой отдаленности хаосъ, океанъ, смутное смѣшеніе хлябей, которыя отовсюду обтекали видимую часть города, а въ сосѣднихъ дворахъ примѣчалъ я, какъ вода приступала къ дровянымъ запасамъ, разбирала по частямъ, по кускамъ и ихъ, и бочки, ушаты, повозки, и уносила въ общую пучину, гдѣ вѣтры не давали имъ запружать каналы: все изломанное въ щепки, неслось, влеклось неудержимымъ, неотразимымъ стремленіемъ. Гибнущихъ людей я не видалъ, но, сошедши нѣсколько ступеней, узналъ, что пятнадцать дѣтей, цѣпляясь, перелѣзали по кровлямъ и еще неопрокинутымъ загородамъ, спаслись въ людскую, къ хозяину дома, въ форточку, также одна дѣвушка, которая на этотъ разъ одарена была необыкновенною упругостью членовъ. Все это осиротѣло. Гдѣ отцы ихъ, матери!! Возвратясь въ залу С., я уже нашелъ, по сравненію съ прежнимъ наблюденіемъ, что вода нижніе этажи иные совершенно залила, а въ другихъ поднялась до вторыхъ косяковъ 3-хъ-стекольныхъ большихъ окончинъ, вообще до 4-хъ аршинъ уличной поверхности. Былъ третій часъ пополудни; погода не утихала, но иногда солнце освѣщало влажное пространство, потомъ снова повлекалось тучами. Между тѣмъ вода съ четверть часа остановилась на той же высотѣ, вдали появились два катера, наконецъ волны улеглись и потопъ не далѣе простеръ смерть и опустошеніе; вода начала сбывать.

* *
*

Между тѣмъ (и это узнали мы послѣ), сама Нева противъ дворца и адмиралтейства горами скопившихся водъ сдвинула и расчленила огромные мосты Исаакіевскій, Троицкій и иные. Вихри буйно ими играли по широкому разливу, суда гибли и съ ними люди, иные истощавшіе послѣднія силы поверхъ зыбей, другіе на деревахъ бульвара висѣли надъ клокочущей бездною. Въ эту роковую минуту государь явился на балконѣ. Изъ окружавшихъ его одинъ сбросилъ съ себя мундиръ, сбѣжалъ внизъ, по горло

вошелъ въ воду, потомъ на катерѣ поплылъ спасать несчастныхъ. Это былъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ. Онъ многихъ избавилъ отъ потопленія, но вскорѣ исчезъ изъ виду, и во весь этотъ день о немъ не было вѣсти. Графъ Милорадовичъ въ началѣ наводненія пронесся къ Екатерингофу, но его поутру не было, и колеса его кареты, какъ пароходныя крылья, рыли бездну и онъ едва могъ добраться до дворца, откудова, взявши катеръ, спасъ нѣсколькихъ.

* *
*

Все, по-сю сторону Фонтанки до Литейной и Владимірской, было наводнено. Невскій проспектъ превращенъ былъ въ бурный проливъ; всѣ запасы въ подвалахъ погибли; изъ нижнихъ магазиновъ выписныя издѣлья быстро поплыли къ Аничкову мосту; набережныя различныхъ каналовъ исчезали и всѣ каналы соединялись въ одно. Столѣтнія деревья въ Лѣтнемъ саду лежали грядами, исторгнутыя, вверхъ корнями. Ограда Ломбарда на Мѣщанской и другія, кирпичныя и деревянныя, подмытыя въ основаніи, обрушивались съ трескомъ и грохотомъ.

* *
*

На другой день поутру я пошелъ осматривать слѣдствія стихійнаго разрушенія. Кашинъ и Поцѣлуевъ мосты были сдвинуты съ мѣста. Я поворотилъ вдоль Пряжки. Набережныя, желѣзныя перилы и гранитные пиластры лежали лоскомъ. Храповицкій (мостъ) отторгнутъ отъ мостовыхъ укрѣпленій, неспособный къ проѣзду. Я перешелъ черезъ него и возлѣ дома графини Бобринской, среди улицы очутился мостъ съ Галернаго канала; на Большой Галерной раздутые трупы коровъ и лошадей. Я воротился опять къ Храповицкому мосту и вдоль Пряжки и ея изрытой набережной дошелъ до другаго моста, который наканунѣ отправило вдоль по Офицерской. Бертовъ мостъ тоже исчезъ. По пловучему лѣсу и по наваленнымъ полѣнамъ, погружаясь въ воду то одной ногою, то другою, добрался я до Матиловыхъ тоней. Видъ открытъ былъ на Васильевскій островъ. Тутъ, въ окрестности, не существовало уже нѣсколькихъ сотъ домовъ; одинъ, и то безобразная груда, въ которой фундаментъ и крыша все было перемѣшано; я подивился какъ и это уцѣлѣло.—Это не здѣшніе; отсюдова строенія Богъ вѣдаетъ куда унесло, а это прибыло сюда съ Ивановской гавани.—Между тѣмъ подошло нѣсколько любопытныхъ; иные, завлеченные сильнымъ спиртовымъ запахомъ, начали разбирать кровельныя доски; подъ ними скотъ домашній и люди мертвые и всякія вещи. Далѣе нельзя было идти по развалинамъ; я приговорилъ яликъ и пустился въ Неву; мы поплыли въ Галерную гавань; но сильный вѣтеръ прибилъ меня

къ Сальнымъ-буянамъ, гдѣ, на возвышенномъ гранитномъ берегу, стояло двухъ-мачтовое чухонское судно, необыкновенной силою такъ высоко взмощенное; кругомъ поврежденныя огромныя суда, издалека туда заброшенныя. Я взобрался вверхъ; тутъ огромное кирпичное зданіе, вся его лицевая сторона была въ нѣсколькихъ мѣстахъ проломлена, какъ бы десяткомъ стѣнобитныхъ орудій; бочки съ саломъ разметало повсюду; у ногъ моихъ черепки, луковица, капуста и толстая связанная кипа бумагъ съ надписью: «№ 16. февр. 20. Дѣла казенныя».

* *
*

Возвращаясь по Мясной, во второмъ домѣ отъ Екатерингофскаго проспекта заглянулъ я въ нижнія окна. Три покойника лежало уже, обвитые простиралами, на трехъ столахъ. Я вошелъ во внутренній дворъ, — ни души живой. Проникнулъ въ тотъ покой, гдѣ были усопшіе, раскрылъ лица двоихъ: пожилая женщина и дѣвочка съ открытыми глазами, съ оскалѣнными бѣлыми зубами; ни малѣйшаго признака насильственной смерти. До третьяго тѣла я не могъ добраться отъ ужаснѣйшей наносной грязи. Не знаю, трупы ли это утопленниковъ или скончавшихся иною смертію. На Торговой, недалеко отъ моей квартиры, стоялъ пароходъ на сушѣ.

Необыкновенныя событія придаютъ духу сильную внѣшнюю дѣятельность; я не могъ оставаться на мѣстѣ и поѣхалъ на Англійскую набережную. Большая часть ея загромождена была частями развалившихся судовъ и ихъ груза. На дрожкахъ нельзя было пробраться; перешедъ съ половину версты, я воротился; видъ столькихъ различныхъ предметовъ, безпорядочно разметанныхъ, становился однообразнымъ; повсюду странная смѣсь раздробленныхъ..... [1]).

* *
*

Я наскоро собралъ нѣкоторыя черты, поразившія меня наиболѣе въ картинѣ гнѣва разсвирѣпѣвшей природы и гибели человѣковъ. Тутъ не было мѣста ни краскамъ витійственности, отъ разсужденій я также воздерживался: дать имъ волю, значило бы поставить собственную личность на мѣсто великаго событія. Другіе могутъ добавить несовершенство моего сказанія тѣмъ, что сами знаютъ; г-да Гречъ и Булгаринъ берутся его дополнить всѣмъ, что окажется истинно замѣчательнымъ при второмъ изданіи этой тетрадки, если первое скоро разойдется и меня здѣсь уже не будетъ.

* *
*

Теперь прошло нѣсколько времени со дня грознаго происше-

[1]) Недописано.

Атаманъ и Есаулъ. Былыя времена! какъ живо воскрешаетъ васъ въ моей памяти эта народная игра: тотъ вѣкъ необузданной вольности, въ который нѣсколько удальцевъ бросались въ легкіе струги, спускались внизъ по протоку Ахтубѣ, по Бузанъ-рѣкѣ, дерзали въ открытое море, брали дань съ прибрежныхъ городовъ и селеній, не щадили ни красоты дѣвичьей, ни сѣдины старческой, а, по словамъ Шардена, въ роскошномъ Фирузъ-Абатѣ, угрожали блестящему двору шаха Аббаса. Потомъ, обогатясь корыстями, несмѣтнымъ числомъ тканей узорчатыхъ, серебра и золота, и жемчуга окатнаго, возвращались домой, гдѣ ожидали ихъ любовь и дружба; ихъ встрѣчали съ шумною радостью и славили въ пѣсняхъ.

Время длилось. Сѣверное, лѣтнее солнце, какъ всегда передъ закатомъ, казалось неподвижно; мой товарищъ предложилъ мнѣ пуститься верхомъ, еще подалѣе, къ другой цѣпи возвышеній. Сѣли на лошадей, которыя здѣсь сродни горнымъ муламъ, но изъ нашей поѣздки ничего не вышло, кромѣ благотворнаго утомленія для здоровья. Дымъ отъ выжженыхъ и курившихся корней носился по дорогѣ. Солнце въ этомъ мракѣ походило на ночное свѣтило. Возвратились опять въ Парголово; оттуда въ городъ. Прежнею дорогою, прежнее уныніе. Къ тому же суровость климата! При спускѣ съ одного пригорка, мы разомъ погрузились въ погребной, влажный воздухъ; сырость проникала насъ до костей. И чѣмъ ближе къ Петербургу, тѣмъ хуже: по сторонамъ предательская трава; если своротить туда, тинистыя хляби, вмѣсто суши. На пути не было никакой встрѣчи, кромѣ туземцевъ Финновъ; бѣлые волосы, мертвые взгляды, сонныя лица!

II. Статьи и замѣтки критическія.

1. О разборѣ вольнаго перевода Бюргеровой баллады: «Ленора».

(1816).

Iniquitas partis adversae justum bellum ingerit.

Я читалъ въ «Сынѣ Отечества» балладу: «Ольга» и на нее критику, на которую сдѣлалъ свои замѣчанія.

Г-ну рецензенту не понравилась Ольга: это еще не бѣда, но онъ находитъ въ ней безпрестанныя ошибки противъ грамматики и логики,—это очень важно, если только справедливо; сомнѣваюсь, подлинно-ли оно такъ; дерзость меня увлекаетъ еще далѣе: посмотрю, каковъ логикъ и грамотей самъ сочинитель рецензіи.

Г. Жуковскій, говоритъ онъ, пишетъ баллады, другіе тоже, слѣдовательно эти другіе или подражатели его, или завистники. Вотъ образчикъ логики г. рецензента. Можетъ быть, иные не одобрятъ оскорбительной личности его заключенія; но въ литературномъ быту то-ли дѣлается? Г. рецензентъ читаетъ новое стихотвореніе; оно не такъ написано, какъ бы ему хотѣлось; за то онъ бранитъ автора, какъ ему хочется, называетъ его завистникомъ, и это печатаетъ въ журналѣ, и не подписываетъ своего имени.—Все это очень обыкновенно и уже никого не удивляетъ.

Грамматика у г. рецензента своя, новая, и съ родни его логикѣ; она, напр., никакъ не допускаетъ, чтобъ

Рать подъ звонъ колоколовъ
Шла почить отъ всѣхъ трудовъ.

Вступать въ городъ *подъ* звонъ колоколовъ, плясать *подъ* музыку.—Такъ говорится и пишется и утверждено постояннымъ употребленіемъ; но г. рецензенту это не нравится: стало быть,—грамматически неправильно.

Между тѣмъ уважимъ прихоти рецензента, разсмотримъ по порядку все, что̀ ему не нравится.

Во-первыхъ, онъ не жалуетъ балладъ и повторяетъ сказанное въ одной комедіи, что «однѣ только красоты поэзіи могли до сихъ поръ извинить въ семъ родѣ сочиненій странной выборъ предметовъ». Странный выборъ предметовъ, т. е. чудесное, которымъ наполнены баллады... Признаюсь въ моемъ невѣжествѣ: я не зналъ до сихъ поръ, что чудесное въ поэзіи требуетъ извиненія.

Въ «Ольгѣ» г. рецензенту не нравится, между прочимъ, выраженіе *рано поутру*; онъ его ссылаетъ въ прозу: для стиховъ есть слова гораздо кудрявѣе [1]).

Также ему не по-сердцу восклицаніе *ахъ!* когда оно вырывается отъ души въ стихахъ:

Измѣнилъ ли другъ любезный!
Умеръ ли, ахъ! я умру.

---

[1]) Онъ вообще непримиримый врагъ простоты; не знаю, какъ ускользнули отъ его критики дышущіе піитическою простотою стихи:

Такъ весь день она рыдала,
Божій промыселъ кляла,
Руки бѣлыя ломала,
Черны волосы рвала.
И стемнѣло небо ясно,
Закатилось солнце красно,
Всѣ къ покою улеглись,
Звѣзды яркія зажглись.

Въ строфѣ, въ которой такъ живо описано возвращеніе воиновъ-побѣдителей въ отеческую страну:

На сраженьи пали Шведы,
Туркъ безъ брани побѣжденъ—
И, желанный плодъ побѣды,
Миръ Россіи возвращенъ;
И на родину съ вѣнками,
Съ пѣсньми, съ бубнами, съ трубами,
Рать подъ звонъ колоколовъ
Шла почить отъ всѣхъ трудовъ.

Слово: *Туркъ*, которое часто встрѣчается и въ образцовыхъ одахъ Ломоносова и въ простонародныхъ пѣсняхъ, несносно для вѣрнаго слуха г. рецензента, также и сокращенное: *съ пьсньми*. Этому горю можно бы помочь, стоитъ только растянуть слова; но тогда должно будетъ растянуть и цѣлое; тогда исчезнетъ краткость, чрезъ которую описаніе дѣлается живѣе; и вотъ что нужно г. рецензенту: его длинная рецензія доказываетъ, что онъ не изъ краткости бьется.—

Далѣе онъ изволитъ забавляться надъ выраженіемъ: *слушай, дочь:*—«подумаешь, замѣчаетъ онъ, что мать хочетъ бить дочь». Я такъ полагаю, и вѣрно не одинъ, что мать просто хочетъ говорить съ дочерью.—

Еще не нравятся г. рецензенту стихи:

. . . . Въ Украйнѣ дальной
Если, клятвъ не чтя своихъ,
Обошелъ налой вѣнчальной
Ужъ съ другою твой женихъ.

Онъ находитъ, что проза его гораздо лучше:

Можетъ быть невѣрной
Въ чужой землѣ Венгерской
Отрекся отъ своей вѣры
Для новаго брака.

Такъ переводитъ онъ изъ Бюргера; не видно, между тѣмъ, почему это хорошо, а русскіе стихи дурны. Притомъ г. рецензенту никакъ не хочется, чтобъ налой, при которомъ вѣнчаются, назывался налоемъ вѣнчальнымъ. Но онъ часъ отъ часу прихотливѣе: въ иномъ мѣстѣ эпитетъ: *слезный* ему кажется слишкомъ *сухимъ*, въ другомъ тонъ мертвеца слишкомъ грубымъ. Въ этомъ, однако, и я съ нимъ согласенъ: поэтъ не правъ; въ нашъ слезливый вѣкъ и мертвецы должны говорить языкомъ романическимъ. Nous avons tout changé, nous faisons maintenant la médécine d'une méthode toute nouvelle.

Вотъ какъ въ балладѣ любовникъ-мертвецъ говоритъ съ Ольгой:

„Мы лишь ночью скачемъ въ полѣ;
Я съ Украйны за тобой:
Поздно выѣхалъ оттолѣ,
Чтобы взять тебя съ собой“.
—„Ахъ, войди, мой ненаглядной!
Въ полѣ свищетъ вѣтеръ хладной;
Здѣсь въ объятіяхъ моихъ
Обогрѣйся, мой женихъ!“

* * *

Пусть онъ свищетъ, пусть колышетъ,
Что до вѣтру мнѣ? Пора!
Воронъ конь мой къ бѣгу пышетъ,
Мнѣ нельзя здѣсь ждать утра.
Встань, ступай, садись за мною,
Воронъ конь домчитъ стрѣлою,
Намъ сто верстъ еще: пора
Въ путь до брачнаго одра.

* * *

—Гдѣ живешь? скажи нелестно:
Что твой домъ? великъ? высокъ?—
„Домъ землянка“.—Какъ въ ней?—„Тѣсно“.
—А кровать намъ?—„Шесть досокъ“.
—Въ ней уляжется-ль невѣста?—
„Намъ двоимъ довольно мѣста“.

Стихъ: «въ ней уляжется-ль невѣста?» заставилъ рецензента стыдливо потупить взоры... Въ ночномъ мракѣ, когда робость любви обыкновенно исчезаетъ, Ольга не должна дѣлать такого вопроса любовнику, съ которымъ готовится раздѣлить брачное ложе?— Что-жъ ей? предаться тощимъ мечтаніямъ любви идеальной?— Богъ съ ними, съ мечтаніями; нынѣ въ какую книжку ни заглянешь, что ни прочтешь, пѣснь или посланіе, вездѣ мечтанія, а натуры ни на волосъ, и

Ольга встала, вышла, сѣла
На коня за женихомъ,
Обвила ему вкругъ тѣла
Руки бѣлыя кольцомъ.
Мчатся всадникъ и дѣвица
Какъ стрѣла, какъ пращь, какъ птица,
Конь бѣжитъ—земля дрожитъ,
Искры бьютъ изъ-подъ копытъ.

Эта прекрасная строфа, сверхъ чаянія, понравилась и г. рецензенту; онъ только замѣчаетъ, что поэтъ далъ слову: *пращь* значеніе ему несвойственное;—наконецъ, исписавъ 17 страницъ, дописался до замѣчанія справедливаго. Скажу только, что слово: *пращь* въ такомъ смыслѣ, какъ оно принято въ *Ольгѣ*, находится также въ одномъ мѣстѣ у г. *Жуковскаго.*

Отъ стука палицъ, свиста пращей,
Далече слышанъ гулъ дрожащій.
Стихот. Жуковск. т. I, стр. 107.

Потомъ г. рецензентъ, отъ нечего дѣлать, предлагаетъ нѣсколько вопросовъ для рѣшенья,—отъ нечего дѣлать, говорю я: потому что онъ могъ легко бы самъ себѣ на нихъ отвѣчать, напр., въ стихахъ:

Наскакалъ въ стремленьй яромъ
Конь на каменный заборъ;
Съ двери вдругъ, хлыста ударомъ,
Спали петли и запоръ.

Онъ спрашиваетъ: что такое *наскакалъ на заборъ?* Всякій грамотный и неграмотный русскій человѣкъ знаетъ, что наскакалъ на заборъ значитъ: примчался во всю прыть къ забору.—«Съ какой двери (продолжаетъ онъ) спали петли», и пр.—съ той же, на которую въ переводѣ у г. рецензента: *съдокъ поскакалъ, опустивъ узду.* Далѣе въ стихахъ:

На дыбы конь воронъ взвился,
Дикимъ голосомъ заржалъ,
Стукнулъ въ землю—провалился
И навѣки съ глазъ пропалъ.

Рецензентъ спрашиваетъ: съ чьихъ глазъ?—Такіе вопросы заставляютъ сомнѣваться, точно ли русскій человѣкъ ихъ дѣлаетъ. Онъ свою рецензію прислалъ изъ Тентелевой деревни СПб. губерніи; нѣтъ ли тамъ колонистовъ? не колонистъ ли онъ самъ? Въ такомъ случаѣ прошу сто разъ извиненія. Для переселенца изъ Нѣмечины онъ еще очень много знаетъ нашъ языкъ. Но къ концу рецензентъ дѣлается чрезвычайно веселъ. Ему не нравится, что

Ольга въ страхѣ, безъ ума,
Неподвижна и нѣма.

и онъ хочетъ ее уронить.—Да, да!—*вѣдь у Бюргера,* говоритъ онъ: *могла же она упасть и лежать.* Надобно ее непремѣнно уронить. Куда дѣвалась ваша стыдливость, г. рецензентъ?

Но за этимъ слѣдуетъ замѣчаніе, которое похоже на дѣло. Въ балладѣ адскіе духи припѣваютъ погибшей Ольгѣ:

Съ Богомъ въ судъ не йди крамольно,
Скорбь терпи, хоть сердцу больно,
Казнена ты во плоти.
Грѣшну душу Богъ прости.

Точно, не шло бы адскимъ духамъ просить Бога о помилованіи грѣшной души, хотя это и у Бюргера такъ; однако три первые стиха по-моему болѣе походятъ на злобныя укоризны, на

иронію, чѣмъ на проповѣдь, вопреки г. рецензенту: но видно участь моя ни въ чемъ съ нимъ не соглашаться. Его сужденія мнѣ не кажутся довольно основательными, а у меня есть маленькій предразсудокъ, надъ которымъ онъ вѣрно будетъ смѣяться: напр. я думаю, что тотъ, кто взялъ на себя трудъ свѣрить русскій переводъ съ нѣмецкимъ подлинникомъ, долженъ между прочимъ хорошо знать и тотъ, и другой языкъ. Конечно, г. рецензентъ признаетъ это излишнимъ, ибо кто же свѣдущій въ русскомъ языкѣ переведетъ съ нѣмецкаго:

Rasch auf ein eisern Gitterthor
Gings mit verhängtem Zügel,

т. е. «пустился во весь опоръ на желѣзныя рѣшетчатыя ворота»,—кто переведетъ это такимъ образомъ, какъ г. рецензентъ: *быстро на желѣзную рѣшетчатую дверь поскакалъ* (*сѣдокъ*), *опустивъ узду*». Такъ точно французское: ventre à terre можно перевести: «*брюхомъ по землѣ*».

У Бюргера Ленора говоритъ:

Verloren ist verloren.

А Ольга въ русской балладѣ:

Нѣтъ надежды, нѣтъ, какъ нѣтъ!

Рецензентъ кричитъ: *нѣтъ! не то! не то! не то!* Надлежало сказать: то, то, именно то, не можетъ быть проще и вѣрнѣе, не можетъ быть иначе. Но если вѣрить г. рецензенту, онъ самъ по себѣ не вооружился бы противъ Ольги,—взыскательные неотвязчивые читатели его окружаютъ. Они заставили его написать длинную критику. Жалѣю я его читателей; но не клеплетъ ли онъ на нихъ?—Въ противномъ случаѣ, зачѣмъ было говорить съ ними такъ темно: «*Что касается до меня, то я право ничего бы не нашелъ сказать противъ этихъ стиховъ, кромѣ того, что, такъ сказать, нейдутъ въ душу.* Такой нескладный отвѣтъ натурально никого не удовлетворитъ: съ неугомонными читателями надобно было поступить простѣе; надобно было сказать имъ однажды навсегда: «Государи мои! не будемъ толковать о поэзіи, она для насъ мудреная грамота, а примитесь за газеты». Читатели бы отстали, а безполезная и оскорбительная критика въ журналѣ не наполнила бы 22-хъ страницъ.

Но нѣтъ! г. рецензентъ не могъ отговориться: судить криво, бранить какое невинное удовольствіе! Какъ отказать себѣ въ этомъ? притомъ же писать для того, чтобы находить одно дурное въ какомъ либо твореніи—подвигъ немноготрудный: стоитъ только запастись бумагой, присѣсть и писать до тѣхъ поръ, доколѣ не

заскучитъ; надоѣло: кончить, и выйдетъ рецензія въ родѣ той, которая сдѣлана на Ольгу.—Можетъ быть, иные мнѣ не вдругъ повѣрятъ; для такихъ опытъ—лучшее доказательство.

Переношусь въ Тентелеву деревню и на минуту принимаю на себя видъ рецензента, на минуту, и то, конечно, за свои грѣхи. Около меня лежатъ разныя сочиненія въ стихахъ и въ прозѣ, но мнѣ, будто невзначай, попалась въ руки «Людмила». Читаю и на первомъ стихѣ втораго куплета остановляюсь:

Пыль туманитъ отдаленье.

Можно сказать: пыль туманитъ даль, отдаленность, но и то слишкомъ фигурно, а отдаленіе просто значитъ, что предметъ удаляется; если принять, что пыль туманитъ отдаленье, можно будетъ сказать: что она туманитъ *удаленье и приближенье*. Но за симъ слѣдуетъ:

Свѣтитъ ратныхъ ополченье.

Теперь я догадываюсь: *отдаленье* поставлено для риѳмы. О, риѳма!... [1]) Далѣе:

Гдѣ жъ, Людмила, твой герой?

Слишкомъ напыщенно:

Гдѣ твоя, Людмила, радость!
Ахъ! прости надежда-сладость.

Надежда-сладость. Опять-таки для риѳмы! Одно существительное сливаютъ съ другимъ, для того чтобъ придать ему понятіе, которое не заключается въ немъ необходимо. Напр. дѣвица-краса, любовникъ-воинъ, но надежда—всегда сладость.—Далѣе мать говоритъ дочери:

Мертвыхъ стонъ не воскреситъ.

А дочь отвѣчаетъ:

. . . . . .
Не призвать минувшихъ дней
. . . . . .
Что прошло не возвратимо.
. . . . . .
Возвращу-ль невозвратимыхъ?

Мнѣ кажется, что онѣ говорятъ одно и то же, а намѣреніе поэта—заставить одну говорить дѣло, а другую то, что ей внушаетъ отчаяніе. Вообще, какъ хорошенько разобрать слова Людмиллы, они почти всѣ дышатъ кротостью и смиреніемъ, за что-жъ бы, кажется, ее такъ жестоко наказывать? Должно думать, что

[1]) Читатели не должны быть въ заблужденіи насчетъ этихъ рѣзкихъ замѣчаній: они сдѣланы только въ подражаніе рецензенту Ольги.
Пр. изд. С. О.

за безразсудныя слова, ибо подъ концемъ усопшихъ хоръ ей завываетъ:

Смертныхъ ропотъ безразсуденъ,
Часъ твой билъ—и пр.

Но гдѣ же этотъ ужасной ропотъ, которой навлекъ на нее гнѣвъ Всевышняго? Самая богобоязненная дѣвушка скажетъ тоже, когда узнаетъ о смерти своего любезнаго. *Царь небесной насъ забылъ*—вотъ самое сильное, что у ней вырывается въ горести; но при первомъ призракѣ счастія, когда она мертвеца принимаетъ за своего жениха, ея первое движеніе благодарить за то Бога и вотъ ея слова:

Знать тронулся Царь небесный
Бѣдной дѣвицы тоской!

Неужели это такъ у Бюргера? Раскрываю Ленору. Вотъ какъ она говоритъ съ матерью:

O Mutter, Mutter! was mich brennt,
Das lindert mir kein Sakrament.
Kein Sakrament mag Leben
Den Todten wieder geben.

Извините, г-нъ Бюргеръ, вы не виноваты! Но возвратимся къ нашей Людмиллѣ. Она довольно погоревала, довольно поплакала, наступаетъ вечеръ.

И зерцало зыбкихъ водъ,
И небесъ далекій сводъ
Въ свѣтлый сумракъ облеченны.

Облеченны вмѣсто *облечены* нельзя сказать; это маленькая ошибка противъ грамматики. О, грамматика, и ты тиранка поэтовъ! Но чу! бьетъ полночь... Къ Людмиллѣ крадется мертвецъ на цыпочкахъ, конечно, чтобъ никого не испугать.

Тихо брякнуло кольцо,
Тихимъ шопотомъ сказали:
Всѣ въ ней жилки задрожали,
То знакомый голосъ былъ,
То ей милой говорилъ:
„Спитъ иль нѣтъ моя Людмилла,
Помнитъ друга, иль забыла?“ и т. далѣе.

Этотъ мертвецъ слишкомъ милъ; живому человѣку нельзя быть любезнѣе.

Послѣ онъ спохватился и перестаетъ говорить человѣческимъ языкомъ, но все-таки говоритъ много лишняго, особливо когда подумаешь, что ему данъ *краткій, краткій срокъ* и *мигъ страшенъ замедленья.*

Мы копей своихъ сѣдлаемъ,
Темны кельи покидаемъ.

Такіе стихи:

Хотя и не Варяго-Росски,
Но истинно немного плоски

и не прощаются въ хорошемъ стихотвореніи.

Поздно я пустился въ путь,
Ты моя — моею будь!

Къ чему приплетенъ послѣдній стихъ?

Способъ, который употребляетъ мертвецъ, чтобъ уговорить Людмиллу за собою слѣдовать, очень оригиналенъ:

Чу! совы пустынной крики!
. . . . . .
Ѣдемъ, ѣдемъ. . . . . .

Кажется, что крикъ совъ вовсе не заманчивъ, и онъ долженъ бы удержать Людмиллу отъ ночной поѣздки. И это *чу!* слишкомъ часто повторяется:

Чу! совы пустынной крики!
. . . . . .
Чу! полночной часъ звучитъ
. . . . . .
Чу! въ лѣсу потрясся листъ!
Чу! въ глуши раздался свистъ!

Такія восклицанія надобно употреблять гораздо бережнѣе; иначе они теряютъ всю силу. Но въ Людмиллѣ есть слова, которыя преимущественно передъ другими повторяются. Мертвецъ говоритъ:

Слышишь! пѣнье, брачны лики!
Слышишь! борзой конь заржалъ.
. . . . . .
Слышишь! конь грызетъ бразды!

А Людмилла отвѣчаетъ:

Слышишь? колоколъ гудитъ!

Наконецъ, когда они всего уже наслушались, мнимый женихъ Людмиллы признается ей, что домъ его гробъ и путь къ нему далекъ. Я бы, напримѣръ, послѣ этого ни минуты съ нимъ не остался; но не всѣ видятъ вещи одинаково. Людмилла обхватила мертвеца нѣжною рукою и помчалась съ нимъ:

Скокомъ, летомъ по долинамъ.—

Дорогой спутникъ ся ворчитъ сквозь зубы, что онъ мертвой и что:

Путь ихъ къ кельѣ гробовой.—

Эта несообразность замѣчена уже рецензентомъ «Ольги». Но

что-жъ? Людмилла вѣрно вскрикнула, обмерла со страху? Она спокойно отвѣчаетъ:

Что до мертвыхъ? что до гроба?
Мертвыхъ домъ — земли утроба.

Впрочемъ, дорогой Людмиллѣ довольно весело; ей встрѣчаются пріятныя тѣни, которыя

Легкимъ свѣтлымъ хороводомъ,
Въ цѣпь воздушную свились.

И вкругъ ея:

Поютъ воздушны лики,
Будто въ листьяхъ повелики
Бьется легкій вѣтерокъ,
Будто течетъ ручеекъ.

Потомъ мертвецъ опять сбивается на тонъ Аркадскаго пастушка и говоритъ своему коню:

Чую ранній вѣтерокъ.

Но пусть Людмилла мчится на погибель; не будемъ далѣе за нею слѣдовать.

Чтобъ не нагнать скуки на себя, ни на читателя, сбрасываю съ себя маску привязчиваго рецензента и, въ заключеніе, скажу два слова о критикѣ вообще. Если разбирать твореніе для того, чтобы опредѣлить, хорошо ли оно, посредственно или дурно, надобно прежде всего искать въ немъ красотъ. Если ихъ нѣтъ— не стоитъ того, чтобы писать критику; если-жь есть, то разсмотрѣть, какого онѣ рода? много ли ихъ или мало? Соображаясь съ этимъ только, можно опредѣлить достоинство творенія. Вотъ чего рецензентъ «Ольги» не знаетъ, или знать не хочетъ.

---

2. По поводу «Горя отъ ума».

. . . Первое начертаніе этой сценической поэмы, какъ оно родилось во мнѣ, было гораздо великолѣпнѣе и высшаго значенія, чѣмъ теперь, въ суетномъ нарядѣ, въ который я принужденъ былъ облечь его. Ребяческое удовольствіе слышать стихи мои въ театрѣ, желаніе имъ успѣха заставили меня портить мое созданіе, сколько можно было. Такова судьба всякому, кто пишетъ для сцены: Расинъ и Шекспиръ подвергались той-же участи,—такъ мнѣ-ли роптать? — Въ превосходномъ стихотвореніи многое должно угадывать; не вполнѣ выраженныя мысли или чувства тѣмъ болѣе дѣйствуютъ на душу читателя, что въ ней, въ сокровенной глубинѣ ея, скрываются тѣ струны, которыхъ

авторъ едва коснулся, нерѣдко однимъ намекомъ,—но его поняли, все уже внятно, и ясно, и сильно. Для того съ обѣихъ сторонъ требуется: съ одной—даръ, искусство; съ другой—воспріимчивость, вниманіе. Но какъ-же требовать его отъ толпы народа, болѣе занятаго собственною личностью, нежели авторомъ и его произведеніемъ? Притомъ, сколько привычекъ и условій, ни мало не связанныхъ съ эстетическою частью творенія,—однако надобно съ ними сообразоваться. Суетное желаніе рукоплескать, не всегда кстати, декламатору, а не стихотворцу; удары смычка послѣ каждыхъ трехъ-четырехъ-сотъ стиховъ; необходимость побѣгать по коридорамъ, душу отвести въ поучительныхъ разговорахъ о дождѣ и снѣгѣ,—и всѣ движутся, входятъ и выходятъ и встаютъ и садятся. Всѣ таковы, и я самъ таковъ, и вотъ что называется публикой! Есть родъ познанія (которымъ многіе кичатся)—искусство угождать ей, то-есть, дѣлать глупости...

---

3. Замѣчанія Грибоѣдова на русскую грамматику Греча.

Текстъ грамматики:	Замѣчанія.
§ 7. Русскіе глаголы имѣютъ шесть главныхъ видовъ: 1) **Неопредѣленный**, выражающій совершеніе дѣйствія просто, безъ означенія притомъ, часто ли оное совершается, и совершается ли именно въ то самое время, о которомъ идетъ рѣчь; напримѣръ: *я пишу письма, я хожу, онъ бѣгалъ, я буду ѣздить.* 2) **Опредѣленный**, означающій, что дѣйствіе совершается именно въ то самое время, о которомъ говорится; напримѣръ: *я иду теперь въ полѣ; онъ бѣжалъ по улицѣ, когда грянулъ громъ; я буду ѣхать подлѣ кареты верхомъ.* 3) **Многократный**, показывающій, что дѣйствіе совершалось нѣсколько разъ; напримѣръ: *онъ ѣзжалъ верхомъ; ты хаживалъ пѣшкомъ.* 4) **Однократный**, означающій, что дѣйствіе совершилось или совершится одинъ разъ; напримѣръ: *я тронулъ, ты скажешь.* 5) Несовершенный, выражающій, что дѣйствіе несовершенно кончилось или кончится;	Признаюсь, не вижу никакой разницы между несовершеннымъ опредѣленнымъ и просто не-

например: *я подписывалъ, ты будешь разсматривать.* Сей видъ имѣетъ два подраздѣленія; первое, *неопредѣленный несовершенный* видъ, выражающій совершеніе дѣйствія неопредѣленно, и второе, *опредѣленный,* выражающій оное опредѣленно. 6) **Совершенный,** означающій, что дѣйствіе совершенно кончилось или кончится; напримѣръ: *я описалъ, ты разсмотришь.* Сей видъ имѣетъ еще подраздѣленія: 1) *неопредѣленный,* выражающій совершенное окончаніе дѣйствія неопредѣленно (напр., *вытолкалъ и износилъ*), 2) *опредѣленный,* означающій оное опредѣленно, наприм., *изнесъ,*— и 3) *однократный,* показывающій, что дѣйствіе совершенно кончено или кончится въ одинъ разъ, наприм., *вытолкнулъ.* Виды неопредѣленные, опредѣленный и несовершенный могутъ быть во всѣхъ временахъ; однократный и совершенный только въ прошедшемъ и будущемъ, а многократный въ одномъ прошедшемъ (а+).

Одно изъявительное наклоненіе имѣетъ времена. Неокончательное и повелительное бываютъ только въ разныхъ видахъ; послѣднее не имѣетъ вида многократнаго.

. . . . . .

§ 12. Глаголы *простые* раздѣляются на слѣдующіе: 1) *Неполные,* къ коимъ относятся всѣ простые глаголы, невходящіе въ послѣдующія два опредѣленія. 2) *Полные,* отличающіеся отъ прочихъ простыхъ глаголовъ тѣмъ, что означаютъ дѣйствіе физическое, совершаемое человѣкомъ, животнымъ и т. п.; напримѣръ: *ахать, толкать, шагать, рубить, трясти.* 3) *Сугубые* глаголы, означающіе движеніе съ одного мѣста на другое; напримѣръ: *ходить, плавать, носить, ѣздить.*

. . . . . .

опредѣленнымъ. *Не выноси соръ изъ избы,* или *не носи сора въ избу.* Въ обоихъ случаяхъ эти глаголы одинаковаго знамененія. Такъ-же ни малѣйшей оттѣнки не нахожу между совершеннымъ опредѣленнымъ, совершеннымъ однократнымъ и просто однократнымъ. *Я толкнулъ* или *оттолкнулъ кого нибудь* или *вынесъ что нибудь*—всѣ три глагола означаютъ дѣйствіе, одинъ только разъ совершенное, и притомъ мгновенно; тутъ нельзя разсуждать ни о началѣ его, ни о концѣ, ни о серединѣ. Можетъ быть я ошибаюсь, но тогда либо опредѣленіе, либо примѣры недовольно ясны, и найдутся многіе, которые, подобно мнѣ, не поймутъ вещи, какъ бы слѣдовало.

Выше сказано, что одно прошедшее время принимаетъ видъ многократный (см. а+), а здѣсь явствуетъ, что и неокончательное наклоненіе (неимѣющее прошедшаго времени) бываетъ многократнаго вида.

Опредѣленія, кажется, сбивчивы, особенно неловко раздѣлять глаголы такимъ, наприм., образомъ: *Первые,* тѣ которые на другихъ не похожи (?), добро бы еще *послѣдніе,* когда бы условія всѣхъ прочихъ были уже исчислены. *Вторые,* означающіе дѣйствіе физическое; *третьи*—движеніе съ одного мѣста и проч., слѣдовательно тоже физическое дѣйствіе, но тогда должно бы въ полныхъ

§ 14..... Таблицы предложныхъ глаголовъ (10 видовъ) . . . .
. . . . . .

§ 17. Изъ самаго существа глаголовъ явствуетъ, что одни только глаголы самостоятельные могутъ быть первообразными: всѣ совокупные, выражая однимъ словомъ и сказуемое и связку, должны быть словами производными. Сіе находимъ мы на самомъ дѣлѣ: всякій глаголъ составленъ изъ какого нибудь корня, т. е. другаго слова, составляющаго матерію или смыслъ онаго, и изъ окончаній, дающихъ смыслу или корню форму, т. е. значеніе глагола, и болѣе или менѣе соотвѣтствующихъ окончаніямъ глагола самостоятельнаго. Сіе послѣднее свойство не такъ ощутительно въ русскомъ языкѣ, какъ въ церковномъ и польскомъ.
. . . . . .

сдѣлать оговорку, и исключить въ нихъ движеніе, но стало быть глаголъ *шагать* никакъ не можетъ быть причисленъ къ этому разряду.

Подраздѣленія предложныхъ ужасно утонченны; это отъ излишней утонченности въ раздѣленіи видовъ вообще, что мною грѣшнымъ инокомъ замѣчено уже выше.

Если предположить, что система языка *не разомъ издана*, а развилась постепенно, то глаголы, конечно, придуманы прежде другихъ частей рѣчи. У дикаго мало предметовъ, въ которыхъ онъ нуждается, и тѣ около его; къ чему станетъ онъ голову ломать, чтобы называть ихъ по имени, когда однимъ движеніемъ пальца можетъ ихъ обозначить, укажетъ на что-нибудь и дѣло съ концемъ. Но отношенія между собою и вещами безъ языка опредѣлить труднѣе. *Сѣчь*, говоритъ онъ, это, напримѣръ, значитъ, что дождь идетъ, и по аналогіи *сѣчь* онъ произноситъ съ угрозою, значитъ высѣку тебя (*дождемъ посыплю на тебя* удары) или со страхомъ: сѣчь, т. е. *боюсь чтобы тебя, или меня, или насъ обоихъ не высѣкли*. Такимъ образомъ *жечь*, и *влечь*, и *беречь* (или въ младенчествѣ языка вѣроятно *брчь*) — и вотъ отъ чего образованіе глаголовъ такъ просто, окончаніе главной формы почти всегда одно и то же, и легко врѣзывается въ память;

но между тѣмъ какъ окончанія именъ нарицательныхъ, собирательныхъ и пр. чрезвычайно разнообразны, и нужны, кажется, побочные способы къ сохраненію ихъ въ памяти, коли не письменно, такъ зарубки на палкахъ, камняхъ и т. далѣе. Но по моему, система языка только въ подробностяхъ образуется постепенно, а главное ея основаніе есть *одна изъ врожденныхъ идей въ человѣкѣ;* доказательствомъ служатъ народы, отдѣленные другъ отъ друга океаномъ, никогда не имѣвшіе сообщенія между собою, а коренныя правила языка у всѣхъ у нихъ однѣ и тѣ же.

Полно произошелъ ли тутъ одинъ отъ другаго!

§ 24. Произведеніе глаголовъ второобразныхъ отъ скрытнообразованныхъ.

Брести, бродить;
Везть, возить;
Весть, водить;
Итти, ходить.
} [глаголы сугубые].

. . . . . .

Сѣсть, садиться [глаголъ совершенный].

. . . . . .

Почему же *садиться* глаголъ совершенный? сажусь—не значитъ еще, что дѣйствіе уже совершенно кончено, я могу цѣлый часъ садиться, и все-таки *не усѣсться* совершенно.

Вѣсть, вѣдать;
Честь, читать;
} [глаголы сугубые].

. . . . . .

Почему же *вѣдать и читать* глаголы сугубые? какое тутъ движеніе съ одного мѣста на другое?

Или я ошибся, и глаголами совершенными и сугубыми названы здѣсь только скрытнообразованные, и это не относится къ второобразнымъ? Тогда надобно будетъ сдѣлать NB для объясненія.

4. Характеръ моего дяди [1]).

Вотъ характеръ, который почти исчезъ въ наше время, но двадцать лѣтъ тому назадъ былъ господствующимъ, характеръ моего дяди. Историку предоставляю объяснить, отчего въ тогдашнемъ поколѣніи развита была повсюду какая-то смѣсь пороковъ и любезности; извнѣ рыцарство въ нравахъ, а въ сердцахъ отсутствіе всякаго чувства. Тогда уже многіе дуэллировались, но всякій пылалъ непреодолимою страстью обманывать женщинъ въ любви, мужчинъ въ карты или иначе; по службѣ начальникъ уловлялъ подчиненнаго въ разныя подлости обѣщаніями, которыхъ не могъ исполнить, покровительствомъ, не основаннымъ ни на какой истинѣ; но за то какъ и платили ихъ свѣтлостямъ мелкіе чиновники, вѣрные рабы-спутники до перваго затменія! Объяснимся круглѣе: у всякаго была въ душѣ безчестность и лживость на языкѣ. Кажется, нынче этого нѣтъ, а можетъ быть и есть; но дядя мой принадлежитъ къ той эпохѣ. Онъ какъ левъ дрался съ Турками при Суворовѣ, потомъ пресмыкался въ передникъ всѣхъ случайныхъ людей въ Петербургѣ, въ отставкѣ жилъ сплетнями. Образецъ его нравоученій: «*я*, братъ!..»

III. Письма А. С. Грибоѣдова.

1. С. Н. Бѣгичеву.

С.-Петербургъ, 9-го ноября 1816 г.

Любезный Степанъ! гдѣ нынче изволитъ обрѣтаться ваше флегмородіе? Не знаю, что подумать объ тебѣ; увѣренъ, что меня любишь, и слѣдовательно помнишь, но какъ-же таки ни строчки къ твоему другу? Съ меня что-ли примѣръ берешь? И то неизвинительно: я не писалъ къ тебѣ, потому что былъ боленъ, а теперь—что выздоровѣлъ — первое письмо къ тебѣ. Если ты не намѣренъ прежде мѣсяца быть въ С.-Петербургѣ, то, пожалуй, потрудись не быть лѣнивымъ: обрадуй меня хотя двумя словами.

Признаюсь тебѣ, мой милый, я такой же, какой былъ и прежде, пасынокъ здраваго разсудка; въ Дерптъ не поѣхалъ и засѣлъ здѣсь, и очень доволенъ своей судьбой, одного тебя недостаетъ. Квартира у меня славная; какъ пріѣдешь, прямо у меня остановись, на Екатерин. каналѣ, у Харламова мосту, угольный

---

[1]) Дядя этотъ, какъ полагаютъ, послужилъ прототипомъ для Фамусова.

домъ Валька. Да пріѣзжай же скорѣе. Неужели все заводчика корчишь? Передъ кѣмъ, скажи, пожалуй? у тебя нѣтъ матери, которой ты обязанъ казаться основательнымъ; будь такимъ, каковъ есть. Здѣсь кругъ друзей твоихъ увеличится, да и старые хороши; кромѣ того В-о-р-о-б-ь-е-в-а на-дняхъ спрашивала, скоро-ли ты будешь, и есть-ли у тебя годовыя кресла. Было время, что я бы съ завистію это слушалъ, но теперь прекрасный полъ меня не занимаетъ, и по очень важной причинѣ. Я вѣдаюсь съ аптекой; какая занимательная часть фармакопея! Я на себѣ испытываю разныя спасительныя вліянія можжевеловыхъ порошковъ, сарсепареля, сѣрныхъ частицъ и т. п.

Пріѣзжай, пріѣзжай, пріѣзжай скорѣе. Въ воскресенье я съ Истоминой и съ Шереметевымъ ѣду въ Шустерклубъ; кабы ты былъ здѣсь, и ты бы съ нами дурачился. — Сколько здѣсь портеру, и какъ дешево!

Прощай, мой другъ, пиши, коли не такъ скоро будешь. Что̀ это за мерзость, ничего не знать другъ объ другѣ! Это только позволительно двумъ дуракамъ, какъ мы съ тобою. — Прощай. Доставилъ-ли тебѣ К. Алекс. 500 р.? Андр. Семен. усерднѣйшій поклонъ.

2. Ему же.

С.-Петербургъ, декабря 5-го 1816 года.

Милый другъ Степанъ! спѣшу тебя увѣдомить, что я получилъ твое письмо, видѣлся съ Дмит. Ник. и съ Андр. Семен. А ты боленъ! видишь, какая у меня съ тобою равная доля! Но теперь тебѣ лучше; смотри же, какъ оправишься, не мѣшкая пріѣзжай сюда. Алексѣй Ивановичъ Кол. увѣряетъ, что ты намѣренъ переходить въ армію; я увѣряю, что ты слишкомъ уменъ для этого. Кто любитъ службу и желаетъ дослужиться до высшей степени, тотъ долженъ быть въ Петербургѣ. Пожалуй не воображай, что я это говорю въ мою пользу. Конечно, я буду счастливѣе, живя съ тобою вмѣстѣ, но ты самъ много выиграешь, если не выйдешь изъ гвардіи. И что жь тебя въ ней пугаетъ? что многіе поручики не брѣютъ бороды, какъ говоритъ Алексѣй Ивановичъ? поэтому стыдно быть и генераломъ, потому что нынче большая часть генераловъ такихъ, у которыхъ подбородокъ не опушился. Или ты боишься нести большіе труды и часто излишніе? De Ligne говоритъ: si l'exercice d'un seul bataillon ne vous transporte pas, si vous ne vous sentez pas la volonté de vous trouver partout, si vous êtes distrait, si vous ne redoutez pas que la pluie n'empêche votre regiment de ma-

noeuvrer—donnez votre place à un jeune homme, qui sera fou de l'art des Maurice et des Eugène, *qui sera persuadé qu'il faut faire trois fois plus que son devoir pour le faire passablement*[1]). — Притомъ здѣсь ты чрезъ 5 лѣтъ полковникъ вѣрно. А часы, дни, въ которые ты будешь свободенъ отъ службы, ты ихъ проведешь весело, съ друзьями. Тамъ, въ Иркутскомъ полку, ты не можешь имѣть друзей, ни по сердцу, ни по уму.

Прощай, меня торопятъ, нынче вторникъ, письма отдаются рано на почту. — Не лѣнись пожалуй писать. — Коммуникація между нами открылась, pour parler militairement.—Ты знаешь, гдѣ я; я знаю, гдѣ ты.

Прощай еще разъ, цѣлую тебя отъ всего сердца. Усердный другъ твой *А. Г.*

---

3. Ему же.

С.-Петербургъ, сентября 4-го 1817 г.

Любезный другъ Степанъ! Вотъ почти мѣсяцъ, какъ мы съ тобою разстались; я съ тѣхъ поръ въ первый разъ принимаюсь къ тебѣ писать и то второпяхъ. — Пріемъ на почтѣ продолжается до 12 часовъ, теперь скоро одиннадцать. Нужды нѣтъ, если не узнаешь ничего подробнаго: по крайней мѣрѣ не будешь на-двое полагать, живъ ли я или нѣтъ. — Вотъ перечень всего того, что со мной происходило со дня, какъ мы распростились въ Ижорахъ. Прежде всего прошу Поливанову сказать свинью. Онъ до того меня исковеркалъ, что я на другой день не могъ владѣть руками, а спины вовсе не чувствовалъ. Вотъ каково водиться съ буйными юношами. Какъ не вспомнить псалмопѣвца: «Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ». Знаешь-ли, съ кѣмъ я теперь живу? Черезъ два дня послѣ Ижоръ встрѣчаюсь я у Лареты съ Каверинымъ. Онъ говоритъ мнѣ: «Что Бѣгичевъ уѣхалъ? Пошелъ съ кавалергардами въ Москву? Тебѣ вѣрно скучно безъ него? Я къ тебѣ переѣзжаю.» — Мы разошлись, я поѣхалъ натурально къ Шаховскому; ночью явля-

---

[1]) Если ученье даже одного батальона не приводитъ васъ въ восторгъ, если въ васъ нѣтъ желанія побывать всюду, если вы равсѣяны, если вы не испытываете страха отъ того, что дождь можетъ помѣшать вашему полку маневрировать, — то уступайте ваше мѣсто юношѣ, который бы съ ума сходилъ отъ искусства Морица [Саксонскаго] и Евгенія [Савойскаго], и былъ убѣжденъ, что нужно дѣлать втрое болѣе, чѣмъ предписываетъ долгъ, чтобы исполнить свои обязанности только недурно.

юсь домой и нахожу у себя чужихъ Пенатовъ, Каверинскихъ. Онъ все такой-же, любитъ съ друзьями и наединѣ подвыпить, или, какъ онъ называетъ: *тринкену задать.*

Братъ твой Иркутскій—полковникъ; поздравь его отъ меня, какъ увидишь. — Неужто онъ явится въ полкъ? Сдѣлай одолженіе, отговори его отъ этого. У него, кажется, передъ глазами мой примѣръ. Я въ этой дружинѣ всего побылъ 4 мѣсяца, а теперь 4-й годъ какъ не могу попасть на путь истинный. Да нельзя ли тебѣ написать къ Арсеньеву объ Шмитовыхъ деньгахъ? Ты бы черезъ это большую пользу принесъ человѣчеству: для того что у меня нѣтъ ни копѣйки, а Шмитъ вѣрно бы со мною подѣлился.

Прощай, безцѣнный другъ мой, люби меня и помни; скоро ли свидимся, не знаю.—На-дняхъ ѣздилъ я къ Кирхофшѣ гадать о томъ, что со мною будетъ; да она не больше меня объ этомъ знаетъ; такой вздоръ вретъ, хуже Загоскина комедій. — Кстати, Шаховской меня проситъ сдѣлать нѣсколько сценъ стихами въ комедіи, которую онъ пишетъ для бенефиса Валберховой, и я ихъ сдѣлалъ довольно удачно. Спишу на-дняхъ и пришлю къ тебѣ въ Москву.

Прощай, отъ души тебя цѣлую. Пиши ко мнѣ, непремѣнно пиши. Стыдно тебѣ, если меня забудешь. Поклонись Никитѣ.

Усердный поклонъ твоимъ спутникамъ Д. В. и А. Б. Языковымъ, Кологривову и даже Поливанову.

4. П. А. Катенину.

Октября 19 (1817 года).

Что ты? душа моя Катенинъ, надѣюсь, что не сердишься на меня за письмо, а если сердишься, такъ сдѣлай одолженіе перестань. Ты знаешь, какъ я много, много тебя люблю. Согласись, что твои новости никакъ не могли мнѣ быть по сердцу, а притомъ меня взбѣсило, что ихъ читали тѣ, кому бы вовсе не слѣдовало про это знать. Впрочемъ я вообще былъ не въ духѣ какъ писалъ, и пасмурная осенняя погода немало этому способствовала. Ты можетъ быть не знаешь, какъ сильно хорошее и дурное время надо мной дѣйствуютъ, спроси у Бѣгичева. Ахъ! поклонись Алексѣю Скуратову, да сажай его чаще за фортепьяно: по настоящему эти вещи пишутся въ концѣ письма; но ужъ у меня однажды навсегда никто не на своемъ мѣстѣ. А самое первое голова.—И смѣшно сказать отъ чего?—Дуракъ Загоскинъ въ журналѣ своемъ намаралъ на меня ахинею. Коли ты хочешь

непростительно, точно непростительно этимъ оскорбляться, и я сперва какъ прочелъ, разсмѣялся, но послѣ чѣмъ больше объ этомъ думалъ, тѣмъ больше злился. Наконецъ не вытерпѣлъ, написалъ самъ фасессію и пустилъ по рукамъ; вѣришь ли? нынче четвертый день, какъ она сдѣлана, а вчера въ театрѣ во всѣхъ углахъ ее читали, благодаря моимъ пріятелямъ, которые очень усердно разносятъ и развозятъ копіи этой шалости. Я тебѣ ее посылаю, покажи Бѣгичеву;—покажи кому хочешь впрочемъ. Воля твоя, нельзя же молчаньемъ отдѣлываться, когда глупецъ жужжитъ объ тебѣ дурачества. Этимъ ничего не возьмешь, доказательство Шаховской, который вѣчно хранитъ благородное молчаніе, и вѣчно засыпанъ пасквилями. Ахъ! кстати: онъ совершенно окончилъ свою комедію, недостаетъ только предисловія, развязка преакуратная: графъ женится на княжнѣ, князь съ княжной уѣзжаютъ въ деревню, дядя и тетка изъясняютъ моральную цѣль всего происшедшаго, Машу и Ваньку устыжаютъ, они хотятъ — стыдятся, хотятъ—нѣтъ, Цаплинъ въ полиціи, Инквартусъ и многіе другіе въ дуракахъ, въ числѣ ихъ будутъ и зрители, я думаю, ну да это не мое дѣло, я буду хлопать. — Хочешь ли кое-что узнать объ другихъ твоихъ пріятеляхъ. Изволь. — Объ Чепяговѣ, однако, я ничего не могу сказать, потому что не видалъ его съ тѣхъ поръ какъ ты отправился въ Москву.—А Андрей Андреевичъ послѣдній вторникъ является на вечеръ къ Шишкову, слушаетъ Тасса въ прозѣ, и благополучно спитъ, потомъ приходитъ ко мнѣ и бодрствуетъ до третьяго часа ночи. Я его какъ душу люблю и жалѣю, а самъ я регулярно каждый вторникъ боленъ. Читалъ ты Жандровъ отрывокъ изъ Гоѳоліи въ *Наблюдателѣ?* — Безподобная вещь, только одно слово, и къ тому же риѳма пребогомерзская: *говяда*. Видишь ты, въ Библіи это значитъ стадо, да какое мнѣ дѣло? . . . . . Я теперь для него Семелу Шиллерову перевожу слово въ слово, онъ изъ нея вѣрно сдѣлаетъ прелестную вещь— это для бенефиса Семеновой. А я ей же въ бенефисъ отдаю Les fausses infidélités. Для Валберховой я сдѣлалъ четыре сцены, которыми Жандръ очень доволенъ. На будущей почтѣ пришлю тебѣ. Скажи Бѣгичеву, что это безстыдное дѣло, онъ мнѣ еще ни строчки не писалъ. — И я ему буду платить тѣмъ же. Прощай, сейчасъ ѣду со двора: куда ты думаешь? Учиться по-гречески. Я отъ этого языка съ ума схожу, каждый божій день съ 12-го часа до 4-го учусь, и ужъ дѣлаю большіе успѣхи. По мнѣ онъ вовсе не труденъ.

5. С. Н. Бѣгичеву.

15-го апрѣля 1818 г.

Христосъ воскресе, любезнѣйшій Степанъ! А я со скуки умираю, и врядъ ли воскресну. Сдѣлай одолженіе, не дурачься, не переходи въ армію; тамъ тебѣ Богъ знаетъ когда достанется въ полковники, а ты, надѣюсь, какъ нынче всякій честный человѣкъ, служишь изъ чиновъ, а не изъ чести.

Посылаю тебѣ *Притворную невѣрность* два экземпляра, одинъ перешли Катенину. Вотъ, видишь ли, отчего сдѣлалось, что она переведена двумя.—При отъѣздѣ моемъ въ Нарву, Семенова торопила меня, чтобъ я не задержалъ ея бенефиса, а чтобъ меня это не задержало въ Петербургѣ, я съ просьбой прибѣгнулъ къ другу нашему Жандру. Возвратясь изъ Нарвы, я нашелъ, что у меня только переведены сцены XII-я и XIII-я; остальное съ того мѣста, какъ Рославлевъ говоритъ: *я здѣсь, все слышалъ, и все знаю,* я самъ кончилъ. Впрочемъ и въ его сценахъ есть иное мое, такъ какъ и въ моихъ его перемѣны. Ты знаешь, какъ я связно пишу; онъ безъ меня переписывалъ и многихъ стиховъ вовсе не могъ разобрать и замѣнилъ ихъ своими. Я иные уничтожилъ, а другіе оставилъ: тѣ, которые лучше моихъ. Эту комедійку собираются играть на домашнихъ театрахъ; ко мнѣ присылали рукописные экземпляры для поправки; много переврано, вотъ что заставило меня ее напечатать. Однако довольно поговорено о Притворной невѣрности; теперь объясню тебѣ непритворную мою печаль. Представь себѣ, что меня непремѣнно хотятъ послать, куда-бы ты думалъ?— въ Персію, и чтобъ жилъ тамъ. Какъ я ни отнѣкиваюсь, ничто не помогаетъ; однако я третьяго дня, по приглашенію нашего Министра, былъ у него и объявилъ, что не рѣшусь иначе (и то не навѣрно), какъ если мнѣ дадутъ два чина, тотчасъ при назначеніи меня въ Тейеранъ. Онъ поморщился, а я представлялъ ему со всевозможнымъ французскимъ краснорѣчіемъ, что жестоко бы было мнѣ цвѣтущія лѣта свои провести между дикообразными Азіятцами, въ добровольной ссылкѣ, на долгое время отлучиться отъ друзей, отъ родныхъ, отказаться отъ литературныхъ успѣховъ, которыхъ я здѣсь въ правѣ ожидать, отъ всякаго общенія съ просвѣщенными людьми, съ пріятными женщинами, которымъ я самъ могу быть пріятенъ; не смѣйся: я молодъ, музыкантъ, влюбчивъ и охотно говорю вздоръ, чего же имъ еще надобно? Словомъ, невозможно мнѣ собою пожертвовать безъ хотя нѣсколько соразмѣрнаго возмедія.

— Вы въ уединеніи усовершенствуете ваши дарованія.

— Нисколько, В. С. Музыканту и поэту нужны слушатели, читатели; ихъ нѣтъ въ Персіи...

Мы еще съ нимъ кое-о-чемъ поговорили; всего забавнѣе, что я ему твердилъ о томъ, какъ сроду не имѣлъ ни малѣйшихъ видовъ честолюбія, а между тѣмъ за два чина предлагалъ себя въ полное его распоряженіе.

При лицѣ шаха всего только будутъ два чиновника: *Мазаровичъ*, любезное созданіе, уменъ и веселъ, а другой: я, либо NN.— Обѣщаютъ тьму выгодъ, поощреній, знаковъ отличія по прибытіи на мѣсто, да вѣдь дипломаты на посулѣ, какъ на стулѣ. Кажется однако, что не согласятся на мои требованія. Какъ хотятъ, а я рѣшился быть *Коллежскимъ Ассесоромъ* или *ничѣмъ*. Степанъ, милый мой, ты хоть Штабъ-Ротмистръ кавалергардскій, а умный малой; какъ ты объ этомъ судишь?

---

6. А. В. Всеволожскому.

Тульск. губ., Ефремовскаго уѣзда, село Лакотцы.
Августа 8-го (1818).

Любезный другъ. Пишу тебѣ изъ какого-то оврага Тульской губерніи, гдѣ лежитъ древнее господское обиталище пріятеля моего Бѣгичева. Опоздавши выѣздомъ изъ Москвы, чтобы сюда перенестись, я уже предвидѣлъ, что не поспѣю къ тебѣ въ Нижній: однако думалъ выгадать поспѣшностію въ ѣздѣ время, которое промедлилъ на мѣстѣ. Ничуть не такъ. Отсюдова меня не пускаютъ. И признаюсь: здѣсь мнѣ очень покойно, очень хорошо. Для нелюдима шумъ ярмонки менѣе заманчивъ. Ты, мой другъ, легко повѣришь, что во всей этой неудачѣ на большихъ дорогахъ, я одного жалѣю: не свидѣться съ тобою по предположенію, которое сердечно меня утѣшало. За то, по дольшей разлукѣ, въ Москвѣ дружнѣе обнимемся. А мнѣ туда слѣдъ будетъ непремѣнно, коли скоро отсюдова не уберусь; близокъ сентябрь, какой же честный человѣкъ въ осеннюю, суровую пору рѣшится ѣхать въ Тифлисъ? Коммерческіе наши замыслы тоже рушились, за безденежіемъ всей компаніи. Сговоримся въ Москвѣ, склеимъ какъ-нибудь, коли взаимная польза соединитъ насъ,—право это хорошо; а если нѣтъ: утѣшимся, взаимная, добрая пріязнь давно уже насъ соединила,— и это еще лучше. Прощай, любезный Александръ; не замѣшкайся, будь здоровъ, помни объ своемъ миломъ семействѣ, а иногда и обо мнѣ.

Вѣрный твой: А. Грибоѣдовъ.

P. S. Коли это письмо застанетъ тебя въ Нижнемъ, потрудись велѣть развѣдать, какъ дѣятеленъ обмѣнъ нынѣшняго года

съ Персіянами, и на какія именно статьи болѣе требованія для выпуску и привозу?

7. С. Н. Бѣгичеву.

30-го августа 1818 года.

На этотъ разъ ты обманулся въ моемъ сердцѣ, любезный, истинный другъ мой Степанъ. Грусть моя не проходитъ, не уменьшается. Вотъ я и въ Новгородѣ, а мысли все въ Петербургѣ. Тамъ я имѣлъ многія огорченія, но иногда былъ и счастливъ; теперь какъ оттуда удаляюсь, кажется, что тамъ все хорошо было, всего жаль.—Представь себѣ, что я сдѣлался преужасно слезливъ, ничто веселое и въ умъ не входитъ, похоже ли это на меня? Нынче мои именины: благовѣрный князь, по имени котораго я названъ, здѣсь прославился. Ты помнишь, что онъ на возвратномъ пути изъ Азіи скончался; можетъ и соименнаго ему секретаря посольства та-же участь ожидаетъ, только врядъ ли я попаду въ Святые! Прощай, мой другъ; сейчасъ опять въ дорогу, и отъ этого одного безпрестаннаго противоположнаго движенія въ колескѣ есть отъ чего съ ума сойти. Увидишь кого изъ друзей моихъ, изъ знакомыхъ, напоминай имъ обо мнѣ; въ тебѣ самомъ слишкомъ увѣренъ, что никогда не забудешь.

Коли случай будетъ заслать или заѣхать къ Гречу, подпишись за меня на полученіе его журнала. Ахъ! чуть было не забылъ: подпишись на афишки, присылай мнѣ ихъ, и когда уѣдешь изъ Петербурга, поручи кому-нибудь другому, Катенину или Жандру.—Прощай, отъ души тебя цѣлую.

У васъ нынче новый балетъ.

8. Ему же.

Москва, 5-го сентября 1818 года.

Мы сюда пріѣхали третьяго дня, а вчера я получилъ отъ тебя письмо, милый мой Степанъ; это меня утѣшило до крайности, и, однако, заставило опять вздохнуть по Петербургѣ. Здѣсь для меня все ново и, слѣдовательно, все еще пріятно; соскучиться не успѣю, потому что черезъ три дня отправляюсь; ты уже пиши ко мнѣ въ Тифлисъ. Павлова я видѣлъ, и онъ у меня побывалъ, завтра познакомитъ съ женою; Чебышева въ тоскѣ, Алексѣй Семеновичъ Кологривовъ скоропостижно умеръ; мужа ея здѣсь нѣтъ. Чепегова ждемъ не дождемся; освѣдомься, выѣхалъ ли онъ изъ Петербурга; я справлялся на многихъ станціяхъ, въ смотрительскихъ книгахъ, имени его нѣтъ нигдѣ.

Брата твоего тоже здѣсь нѣтъ, за то есть монументъ Минину и Пожарскому, и Притворную Невѣрность играютъ, и какъ играютъ! Кокошкинъ вчера передо мною униженно извинялся, что *прелестные* мои стихи такъ терзаютъ, что онъ невиноватъ: его не слушаютъ; было бы что слушать. Вчера меня залобызали въ театрѣ милліонъ знакомыхъ, которыхъ ни лицъ, ни именъ не знаю.—Кстати, коль увидишь Семенову (Мельпомену), скажи, что ея невѣрный князь здѣсь, и я его за нее осыпалъ упреками.....

Медвѣдева здѣсь—прехорошенькая, я ей вчера въ *Сандрильонѣ* много хлопалъ. Здѣшніе готентоты ничему не аплодируютъ, какъ будто наперекоръ Петербургскимъ, которые рады, что Богъ имъ далъ ужасныя ладони, и, при всякомъ случаѣ, готовы ими гремѣть; надо однако сознаться, что тотъ, кто у васъ Льва играетъ, Росціи въ сравненіи съ первѣйшими здѣшними актерами.

Ты жалуешься на домашнихъ своихъ казарменныхъ готентотовъ; это — участь умныхъ людей, мой милый, большую часть жизни своей проводить съ дураками, а какая ихъ бездна у насъ! чуть-ли не больше, чѣмъ солдатъ; и этихъ тьма: здѣсь все солдаты—и на дорогѣ во всякой деревнѣ, точно завоеванный край. Можетъ и я скоро надѣну лямку: Павловъ путемъ взялся похлопотать за меня при женѣ и при Ермоловѣ, а если этотъ захочетъ перевести меня въ военную, я не прочь. Что ты объ этомъ скажешь? Пиши ко мнѣ почаще и побольше! Я поминутно объ тебѣ думаю, и послѣднія увѣщеванія очень помню, и ты можешь судить, сколько я сдѣлался основателенъ; тотчасъ отрылъ Павлова, и на другой день по пріѣздѣ сюда отправился заказывать себѣ все нужное для Персіи. Эти благія намѣренія однако не исполнились: я заѣхалъ къ пріятелю, оттуда въ ресторацію, плотно поѣлъ, выпилъ бутылку шампанскаго и послѣ театра слегъ въ постель съ чрезвычайною головною болью. Матушка мнѣ приложила какую-то ватку съ одеколонью, которой мнѣ весь лобъ сожгло; нынче я однако свѣжѣе, и только-что всталъ, пошелъ поглазѣть на молоденькую старую знакомку, которая противъ насъ живетъ, и уже успѣлъ съ нею опять сдружиться, и, побесѣдовавши съ тобой, къ ней отправлюсь. Ахъ, Персія! дурацкая земля! Гелеръ пріѣхалъ съ Кавказа, говорилъ, что проѣзду нѣтъ: недавно еще на какой-то транспортъ напало 5000 черкесовъ; съ меня и одного довольно будетъ, — пріятное путешествіе!

Прощай, любезный другъ, пиши-же и справься еще о паспортахъ и объ....; благодарствуй, что позаботился объ этомъ. Матушка тебѣ кланяется, сестра еще не пріѣхала, Жандръ у насъ

еще живетъ, только я не видалъ его, онъ спасался гдѣ-то съ Варварой Семеновной.

Перо прескверное, и вздоръ пишу, да много.....

Вѣрный другъ твой.

9. Ему же.

Москва, 9-го сентября 1818 года.

Любезнѣйшій Степанъ! письмо это пишу у твоего брата, въ присутствіи Наумова и Павлова, которые увѣрены, что я, если не въ эту минуту, такъ въ вѣкъ не поспѣю отправить къ тебѣ мое посланіе. Ты можешь представить, обрадовался-ли я Дмитрію Ник. Супружницы его не имѣлъ удовольствія видѣть: говорятъ, безподобная женщина. Постой, надобно тебѣ вкратцѣ сказать все прочее, что я здѣсь видѣлъ: 1) Андрея Семеновича, который у меня былъ; да, правду сказать, вотъ и все интересное; завтрашній день я пускаюсь въ путь далѣе.—Ужо, дома, побольше напишу, и это уже безъ меня доставится на почту.

Сто разъ тебя цѣлую.

Вѣрный другъ.

10. Ему же.

Воронежъ, 18-го сентября 1818 г.

Сто разъ благодарю тебя, любезнѣйшій, дорогой мой Степанъ, и за что бы ты думалъ, попробуй отгадать?.... За походную чернильницу: она мнѣ очень кстати пришлась, за то чаще всего буду ее выкладывать, чтобъ къ тебѣ писать. Получилъ ли ты письмо мое изъ Новгорода, другое изъ Москвы и нѣсколько строкъ черезъ Наумова? Сдѣлай одолженіе—увѣдомь; а паспорты ко мнѣ доставлены въ самый день моего отъѣзда изъ Москвы, въ которой я пробылъ недѣлю долѣе, чѣмъ предполагалъ. Наконецъ однако оттуда вырвался. Тамъ я долженъ былъ повторить ту-же плачевную, прощальную сцену, которую съ тобою имѣлъ при отъѣздѣ изъ Петербурга, и нельзя иначе: мать и сестра такъ ко мнѣ привязаны, что я бы былъ извергомъ, если-бы не платилъ имъ такою-же любовью: онѣ точно не представляютъ себѣ инаго утѣшенія, какъ то, чтобъ жить вмѣстѣ со мною. Нѣтъ! я не буду эгоистомъ; до сихъ поръ я былъ только сыномъ и братомъ по названію; возвратясь изъ Персіи, буду таковымъ на дѣлѣ, стану жить для моего семейства, переведу ихъ съ собою въ Петербургъ. Въ Москвѣ все не по мнѣ,—праздность, роскошь, несопряженныя ни съ малѣйшимъ чувствомъ къ чему-

нибудь хорошему. Прежде тамъ любили музыку, нынче и она въ пренебреженіи; ни въ комъ нѣтъ любви къ чему-нибудь изящному, а притомъ «нѣсть пророка безъ чести, токмо въ отечествѣ своемъ, въ сродствѣ и въ дому своемъ»; отечество, сродство и домъ мой въ Москвѣ. Всѣ тамошніе помнятъ во мнѣ Сашу, милаго ребенка, который теперь выросъ, много повѣсничалъ, наконецъ становится къ чему-то годенъ, опредѣленъ въ Миссію, и можетъ со временемъ попасть въ статскіе совѣтники, а больше во мнѣ ничего видѣть не хотятъ. Въ Петербургѣ я по крайней мѣрѣ имѣю нѣсколько такихъ людей, которые, не знаю, настолько-ли меня цѣнятъ, сколько я думаю что стою; но, по крайней мѣрѣ, судятъ обо мнѣ и смотрятъ съ той стороны, съ которой хочу, чтобъ на меня смотрѣли. Въ Москвѣ совсѣмъ другое: спроси у Жандра, какъ однажды, за ужиномъ, матушка съ презрѣніемъ говорила о моихъ стихотворныхъ занятіяхъ, и еще замѣтила во мнѣ зависть, свойственную мелкимъ писателямъ, отъ того, что я не восхищаюсь Кокошкинымъ и ему подобными. Я это ей отъ души прощаю, но впредь себѣ никогда не прощу, если позволю себѣ чѣмъ-нибудь ее огорчить. Ты, мой другъ, поселилъ въ меня, или, лучше сказать, развернулъ свойства, любовь къ добру, я съ тѣхъ поръ только началъ дорожить честностью и всѣмъ, что составляетъ истинную красоту души, съ того времени, какъ съ тобою познакомился, и — ей Богу! — когда съ тобою нѣсколько побываю вмѣстѣ, становлюсь нравственно лучше, добрѣе. Мать моя тебя должна благодарить, если ей сдѣлаюсь хорошимъ сыномъ. Кстати объ родныхъ, или... все равно. Въ Тулѣ я справлялся объ Яблочковѣ, посылалъ къ Варварѣ Ивановнѣ Кологривовой, но мнѣ велѣли сказать, что они въ деревнѣ, а если отъ тебя есть письмо, то чтобы прислалъ. Жаль, что не удалось, а время было съ ними познакомиться: я въ Тулѣ пробылъ цѣлый день за недостаткомъ въ лошадяхъ, и тѣмъ только разогналъ скуку, что нашелъ въ трактирѣ на стѣнахъ тьму глупыхъ стиховъ и прозы, цѣлое годовое изданіе покойника Музеума. Вообще вездѣ на станціяхъ остановка; къ счастію, что мой товарищъ — особа прегорячая, бичъ на смотрителей, хорошій малый; я уже увѣрилъ его, что быть нѣмцемъ очень глупая роль на семъ свѣтѣ, и онъ уже подписывается Амбургевъ, а не—ръ и вмѣстѣ со мною нѣмцевъ ругаетъ наповалъ, а мнѣ это съ руки. Одинъ томъ Петровыхъ акцій у меня въ бричкѣ, и я зѣло на него и на его колбасниковъ сержусь; коли найдешь что-нибудь чрезвычайно забавное въ Дѣяніяхъ, пожалуй напиши, я этимъ воспользуюсь. Еще моя къ тебѣ просьба,—справься: черезъ Аксинью, Амлихову любов-

ницу, о моей Дидонѣ. Илья Огаревъ пришлетъ ей изъ Костромы деньги на твое имя, а если уѣдешь въ отпускъ, препоручи это Жандру, да также заранѣе меня увѣдомь, куда къ тебѣ адресовать письма. Прощай, мой милый, любезный другъ; я уже отъ тебя за 1,200 верстъ, скоро еще дальше буду; здѣсь однако пробудемъ два дня, ближе не берутся починить бричекъ. Катенина ты напрасно попрекаешь ко мнѣ совершенною холодностью. Онъ былъ у меня на квартирѣ на другой день послѣ того, какъ я исчезъ изъ Петербурга, и очень жалѣлъ обо мнѣ и досадовалъ. Такъ по крайней мѣрѣ рапортуетъ Аксинья Амлиху.

11. Къ издателю „Сына Отечества“

Изъ Тифлиса отъ 21 января (1819).

Вотъ уже полгода, какъ я разстался съ Петербургомъ; въ нѣсколько дней отъ сѣвера перенесся къ полуденнымъ краямъ, прилежащимъ къ Кавказу (не мысленно, а по почтѣ: одно другаго безподобнѣе!); вдоль по гремучему Тереку вступилъ въ скопище громадъ, на которыя, по словамъ Ломоносова, *Россія локтемъ возлегла*, но теперь его подвинула уже гораздо далѣе. Округъ меня неплодныя скалы, надъ головою царь птица и ястреба, потомки Прометеева терзателя; впереди свѣтлѣлись снѣжные верхи горъ, куда я вскорѣ потомъ взобрался, и нашелъ сугробы, стужу, всѣ признаки глубокой зимы; но на разстояніи нѣсколькихъ верстъ суровость ея миновалась: крутой спускъ съ Кашаура ведетъ прямо къ весеннимъ берегамъ Арагвы; оттуда одинъ шагъ до *Тифлиса*, и я уже четвертый мѣсяцъ какъ засѣлъ въ немъ, и никто изъ моихъ короткихъ знакомыхъ обо мнѣ не хватится, всѣми забытъ, ни отъ кого ни строчки! Стало быть стоитъ только заѣхать за три тысячи верстъ, чтобы быть какъ мертвымъ для прежнихъ друзей! Я не плачу имъ такимъ же равнодушіемъ, тѣмъ, которыхъ любилъ, бывши съ ними въ одномъ городѣ; люблю и теперь вспоминать проведенное съ ними пріятное время, всегда объ нихъ думаю, навѣдываюсь у пріѣзжихъ обо всемъ, что происходитъ подъ вашимъ 60 градусомъ сѣверной широты; все, что оттуда здѣсь узнать можно, самыя незначущія мелочи сильно дѣйствуютъ на меня, и даже *газетныя* ваши вѣсти я читаю съ жадностію.

Теперь представьте мое удивленіе: между тѣмъ, какъ я воображалъ себя на краю свѣта, въ уголкѣ, пренебреженномъ просвѣщенными жителями столицы, на-дняхъ, перебиравши листки *Русскаго Инвалида*, въ № 284 прошедшаго декабря, между важными извѣстіями объ Американскомъ жаркомъ воскресеньѣ,

о безконечномъ процессѣ Фуальдеса, о докторѣ Верлингѣ, Бонапартовомъ лейбъ-медикѣ, вдругъ попадаю на статью о Грузіи: стало быть эта сторона не совсѣмъ еще забыта, думалъ я; иногда и ею занимаются, а слѣдовательно и тѣми, которые въ ней живутъ... И было порадовался, но что жъ прочелъ? Пишутъ *изъ Константинополя отъ 26 октября, будто бы въ Грузіи произошло возмущеніе, коего главнымъ виновникомъ почитаютъ одного богатаго Татарскаго князя.* Это меня и опечалило, и разсмѣшило.

Скажите, не печально ли видѣть, какъ у насъ о томъ, что полагаютъ происшедшимъ въ народѣ, намъ подвластномъ, и о происшествіи столько значущемъ, не затрудняются заимствовать извѣстія изъ иностранныхъ вѣдомостей, и не обинуясь выдаютъ ихъ по крайней мѣрѣ за правдоподобныя, потому что ни въ малѣйшей отмѣткѣ не изъявляютъ сомнѣнія, а можно бъ было кажется усомниться, тѣмъ болѣе, что этотъ слухъ вздорный, не имѣетъ никакого основанія: вѣроятно, что объ истинномъ бунтѣ узнали бы въ Петербургѣ офиціально, не чрезъ Константинополь. Возмущеніе народа не то, что возмущеніе въ театрѣ противъ дирекціи, когда она даетъ дурной спектакль: оно отзывается во всѣхъ концахъ Имперіи, сколько впрочемъ ни обширна наша Россія. И какіе есть Татарскіе князья въ Грузіи? Ихъ нѣтъ вопервыхъ, да если бъ и были: здѣсь что Татарскій князь, что *Нѣмецкій графъ* одно и то же: ни тотъ, ни другой не имѣютъ никакого голоса. Я, какъ очевидецъ, и пребывая въ Тифлисѣ уже съ нѣкотораго времени, могу васъ смѣло увѣрить, что здѣсь не только давно уже не было и нѣтъ ничего похожаго на бунтъ, но при твердыхъ и мудрыхъ мѣрахъ, принятыхъ нынѣ Правительствомъ, все такъ спокойно и смирно, какъ бы въ землѣ, издавна уже подчиненной гражданскому благоустройству. Вмѣсто прежняго самоуправства, нынѣ каждый по своей тяжбѣ идетъ покорно въ домъ суда и расправы и русскіе гражданскіе чиновники, оберегатели частныхъ правъ, каждаго удовлетворятъ сообразно съ правосудіемъ. На крытыхъ улицахъ базара промышленность скопляетъ множество людей, однихъ для продажи, другихъ для покупокъ; иные брадатые политики, окутанные бурками, въ мѣховыхъ шапкахъ, подъ вечеръ сообщаютъ другъ другу *рамбавіи* (новости) о томъ, напримѣръ, какъ недавно здѣшнія войска въ горахъ туда проложили себѣ путь, куда конечно изъ нашихъ никто прежде не заходилъ. На плоскихъ здѣшнихъ кровляхъ красавицы выставляютъ передъ прохожими свои нарумяненыя лица, которыя безъ того были бы гораздо красивѣе, и лѣниво грѣются на солнышкѣ, нисколько не подозрѣвая, что

отцы ихъ и мужья бунтуютъ въ *Инвалидѣ*. Въ караванъ-сарай привозятся предметы трудолюбія, плоды роскоши, получаемые черезъ Черное море, съ которымъ нынѣ новое ближайшее открыто сообщеніе сквозь Имеретію. Въ окрестностяхъ города Виртембергскіе переселенцы безтревожно обстраиваются; зажиточные исчисляютъ, сколько вѣковъ, годовъ и мѣсяцевъ составятъ время, времена и полъ-времени, проповѣдуютъ Ш*** золотой Іерусалимъ съ жемчужными вратами, недостаточные работаютъ; дѣти ихъ каждое утро являются на улицахъ и въ домахъ съ духовными виршами механика К***, которыхъ никто не слушаетъ, и съ коврижками, которыя всѣ раскупаютъ, и щедро платятъ себѣ за лакомство, имъ на пропитаніе. Вечеромъ въ порядочныхъ домахъ танцуютъ, на *сакляхъ* (террасахъ) звучатъ бубны, и завываютъ пѣсни, очень пріятныя для *поющихъ*. Между тѣмъ городъ примѣтно украшается новыми зданіями. Все это, согласитесь, не могло бы такъ быть въ смутное время, когда богатымъ Татарскимъ князьямъ пришло бы въ голову возмущать всеобщее спокойствіе.

Не думаю, чтобы поводъ къ распространенію такихъ слуховъ подала прошлогодняя экспедиція командующаго Грузинскимъ отдѣльнымъ корпусомъ генерала-отъ-инфантеріи *Ермолова*. Вотъ что было: заложена крѣпость на Сунжѣ съ намѣреніемъ пресѣчь шатанія Чеченцевъ, которые часто слѣзаютъ съ лѣсистыхъ вершинъ своихъ, чтобы хищничать въ низменной Кабардѣ. Крѣпостныя работы окончены успѣшно и безпрепятственно. Имѣя при томъ въ виду во всѣхъ направленіяхъ расчистить пути среди горъ, въ которыхъ многія мѣста по сіе время для насъ были непроходимымъ блуждалищемъ, и разрыть во множествѣ сокровенныя въ нихъ богатства природы, дано имъ было предписаніе генералъ-маіору *Пестелю* занять Башлы въ Дагестанѣ. Акушинцы и другіе народы, не уразумѣвъ истинныхъ его намѣреній, испуганные, обсѣли сосѣдственныя высоты; когда туда же приступилъ отъ крѣпости Грозной самъ генералъ Ермоловъ, они мгновенно разсѣялись; возбудителямъ этого скопленія дарована пощада, и однимъ словомъ никогда въ тамошнихъ странахъ державная власть нашего Государя не опиралась столь надежно на покорствѣ народовъ, какъ нынѣ. Еще нужны труды и подвиги, подобные тѣмъ, которые подъяты здѣшнимъ Главноначальствующимъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ вступилъ въ управленіе земель и народовъ, ему ввѣренныхъ,—и необузданность горцевъ останется только въ разсказахъ о прошедшемъ. Впрочемъ, если и принять въ уваженіе, что экспедиція, о которой я сейчасъ упомянулъ, причиною толковъ о мнимомъ Грузинскомъ бунтѣ, на что же

намъ даны ландкарты, коли въ нихъ никогда не заглядывать? Онѣ ясно показываютъ, что событія съ Кавказской линіи также не годится переносить въ Грузію, какъ въ Литву то, что случается въ Финляндіи.

Я бы впрочемъ не взялъ на себя неблагодарнаго труда исправлять газетныя ошибки, если бы обстоятельство, о которомъ дѣло идетъ, не было чрезвычайно важно для меня собственно по мѣсту, которое мнѣ повелѣно занимать при одномъ азіатскомъ дворѣ. Россійская Имперія обхватила пространство земли въ трехъ частяхъ свѣта. Что не сдѣлаетъ никакого впечатлѣнія на Германскихъ ея сосѣдей, легко можетъ взволновать сопредѣльную съ нею восточную державу. Англичанинъ въ Персіи прочтетъ ту же новость, уже выписанную изъ Русскихъ офиціальныхъ вѣдомостей, и очень невинно разскажетъ ее кому угодно въ Тавризѣ или Тейранѣ. Всякому предоставляю обсудить послѣдствія, которыя это за собою повлечь можетъ.

А гдѣ настоящій источникъ такихъ вымысловъ? кто первый ихъ выпускаетъ въ свѣтъ? Какой-нибудь армянинъ, недовольный своимъ торгомъ въ Грузіи, пріѣзжаетъ въ Царьградъ и съ пасмурнымъ лицомъ говоритъ товарищу, что тамъ плохо дѣла идутъ. Пріятельское извѣстіе передается другому, который частный ропотъ толкуетъ общимъ цѣлому народу. Третьему не трудно мечтательный ропотъ превратить въ возмущеніе! Такая догадка скоро пріобрѣтаетъ газетную достовѣрность и доходитъ до «*Гамбургскаго Корреспондента*», отъ котораго ничто не укроется, а у насъ привыкли его отъ доски до доски переводить, такъ какъ же не выписать оттуда статью изъ *Константинополя?*

Потрудитесь замѣтить почтенному редактору «Инвалида», что не всякимъ турецкимъ слухамъ надлежитъ вѣрить, что если здѣшній край въ отношеніи къ вамъ, господамъ Петербуржцамъ, по справедливости можетъ назваться краемъ забвенія, то позволительно только что забыть его, а выдумывать или повторять о немъ нелѣпости не должно.

Александръ Грибоѣдовъ.

Путевыя письма. (Бѣгичеву).

(1819).

12.

29-го января.

Прелюбезный Степанъ Никитичъ! Ты ко мнѣ пишешь слишкомъ мало, я къ тебѣ вовсе не пишу, что того хуже. Съ нынѣшняго дня не то будетъ. Однако, не постигаю, какъ вы всѣ

меня хорошо знаете, еще-бы ты одинъ, что бы очень естественно, а то всѣ, всѣ. Неужели я такой обыкновенный человѣкъ! И Катенинъ, и даже князь [1]), который почти не живетъ въ вещественномъ мірѣ, и все съ своими идеальными Холминскими и Ольгиными,—и угадали, что я врядъ-ли въ Тифлисѣ найду время писать; — и точно, временемъ моимъ завладѣли слишкомъ важныя вещи: дуэль, карты и болѣзнь.

Теперь на второмъ переходѣ отъ Тифлиса я какъ-то опять сошелся съ здравымъ смысломъ, и берусь за перо, чтобы передать тебѣ два дня моей верховой ѣзды. Журналъ изъ Моздока въ Тифлисъ получишь послѣ, потому что онъ еще не существуетъ, а воспоминаній много; жаль, что я лѣнился, разсѣялся или просто никуда не годился въ Тифлисѣ. Представь себѣ, что и Алексѣй Петровичъ [2]), прощавшись со мною, объявилъ, что я повѣса, однако прибавилъ, что со всѣмъ тѣмъ прекрасный человѣкъ! Увы, ни въ томъ, ни въ другомъ сомнѣваюсь. Кажется, что онъ меня полюбилъ, а впрочемъ въ этихъ тризвѣздныхъ особахъ не трудно ошибиться; въ глазахъ у нихъ всякому хорошо, кто имъ сказками прогоняетъ скуку; что-то впередъ будетъ! Есть одно обстоятельство, которое покажетъ, дорожитъ-ли онъ людьми. Я передъ тѣмъ, какъ садиться на лошадь, сказалъ ему: «Ne nous sacrifiez pas, Excellence, si jamais vous faites la guerre à la Perse». Онъ разсмѣялся, сказалъ, что это странная мысль. Ни чуть не странная! Ему дано право объявлять войну и миръ заключать; вдругъ придетъ въ голову, что наши границы не довольно опредѣлены со стороны Персіи, и пойдетъ ихъ расширять по Араксъ! — А съ нами что тогда будетъ? Кстати объ немъ,— что это за славный человѣкъ! Мало того, что уменъ, нынче всѣ умны, но совершенно по-русски, на все годенъ, не на одни великія дѣла, не на однѣ мелочи, замѣть это. Притомъ тьма краснорѣчія, и не нынѣшнее отрывчатое, несвязное, наполеоновское риторство; его слова хоть сейчасъ положить на бумагу. Любитъ много говорить; однако, позволяетъ говорить и другимъ; иногда (кто безъ грѣха?) много толкуетъ о вещахъ, которыя мало понимаетъ, однако и тогда, если не убѣдиться, все-таки заставляетъ себя слушать. Эти случаи мнѣ очень памятны, потому что я съ нимъ часто спорилъ, разумѣется, о томъ, въ чемъ я твердо былъ увѣренъ, иначе-бы такъ не было; однако ни разу не переспорилъ; можетъ-быть исправилъ. Я его видѣлъ каждый день, по нѣсколько часовъ проводилъ съ нимъ вмѣстѣ, и въ удобное время, чтобы его нѣсколько узнать. Онъ въ Тифлисъ пріѣхалъ

[1]) Кн. А. А. Шаховской. [2]) Ермоловъ.

отдохнуть послѣ своей экспедиціи противъ горцевъ, которую въ мартѣ снова предпринимаетъ, слѣдовательно—менѣе былъ озабоченъ трудами.

Что ты читалъ или прочтешь до сихъ поръ, мною было писано давича, въ два часа пополудни, но червадаръ, какъ у насъ называютъ, а по вашему подводчикъ, съ обозомъ тогда пришелъ, стали развьючивать, шумѣть и не дали быть пристальнымъ; теперь, въ глубокую ночь, когда всѣ улеглись, я хоть очень усталъ, а не спится. Стану опять съ тобой бесѣдовать.

Объ Ермоловѣ мы говорили. Въ немъ нѣтъ этой глупости, которую нынче выдаютъ за что-то умное, а именно, что поутру или какъ говорится по... не приступенъ, а впрочемъ готовъ къ услугамъ; онъ всегда одинаковъ, всегда пріятенъ, и вотъ странность: тѣхъ даже, кого не уважаетъ, умѣетъ къ себѣ привлечь... Я*** [1]), на котораго онъ сердитъ за меня и на глаза къ себѣ не пускаетъ, безъ ума отъ него. Объ бунтѣ писали въ Инвалидѣ вздоръ, на который я въ «С. О.» отвѣчалъ такимъ-же вздоромъ. Нѣтъ, не при немъ здѣсь быть бунту. Надо видѣть и слышать, когда онъ собираетъ здѣшнихъ или по-ту-сторону Кавказа кабардинскихъ и прочихъ князей; при помощи наметанныхъ драгомановъ, которые слова его не смѣютъ проронить, какъ онъ пугаетъ грубое воображеніе слушателей палками, висѣлицами, всякаго рода казнями, пожарами; это на словахъ, а на дѣлѣ тоже смиряетъ оружіемъ ослушниковъ, вѣшаетъ, жжетъ ихъ села—что же дѣлать?—По законамъ я не оправдываю иныхъ его самовольныхъ поступковъ, но вспомни, что онъ въ Азіи,—здѣсь ребенокъ хватается за ножъ. А, право, добръ; сколько мнѣ кажется, премягкихъ чувствъ, или я уже совсѣмъ сдѣлался панегиристомъ, а, кажется, меня въ этомъ нельзя упрекнуть: я Измайлову, Храповицкому не писалъ стиховъ.

Въ послѣдній разъ на балѣ у Мадатова, я ему разсказывалъ петербургскіе слухи о томъ, что горцы у насъ вырѣзали полкъ. И онъ, впрочемъ, радъ, чтобы это такъ случилось: «Чего, братецъ, имъ хочется отъ меня? Я забрался въ такую даль и глушь; предоставляю имъ всѣ почести, себѣ одни труды, никому не мѣшаю, никому не завидую. Montrez moi mon vainqueur et je cours l'embrasser».

Однако, свѣчка догораетъ, а другой не у кого спросить. Прощай, любезный мой; всѣ храпятъ, а секретарь странствующей миссіи по Азіи на полу, въ безобразной хатѣ, на коврѣ, однако

[1]) Якубовичъ, имѣвшій передъ тѣмъ дуэль съ Грибоѣдовымъ.

возлѣ огонька, который болѣе дымитъ, чѣмъ грѣетъ: кругомъ воронье и ястреба съ погремушками привязаны къ столбамъ; того-гляди шинели расклюютъ. Вчера мы ночевали вмѣстѣ съ лошадьми: по-крайней-мѣрѣ ночлегъ былъ.

13.

31-го января.

Мой милый, я третьяго дня принялся писать съ намѣреніемъ исправно увѣдомлять тебя объ моемъ быту, но Е(рмоловъ) еще такъ живо представляется передъ моими глазами, я только наканунѣ съ нимъ распростился,—это увлекло меня говорить объ немъ; теперь обратить вниманіе отъ такого отличнаго человѣка къ ничтожному странствователю было-бы нисколько не занимательно для читателей, если бы я хотѣлъ ихъ имѣть, но я пишу къ другу и сужу по себѣ: ты для меня занимательнѣе всѣхъ плутарховыхъ героевъ.

28-го, послѣ пріятельскаго завтрака, мы оставили Тифлисъ; я вездѣ нахожу пріятелей, или воображаю себѣ это; дѣло въ томъ, что многіе насъ провожали, въ томъ числѣ Я***, и жалѣли, кажется, о моемъ отъѣздѣ. Мы разстались. Не доѣзжая до перваго поста, Саганлука, гдѣ только третья доля была предлежавшаго намъ переѣзда, солнце свѣтило очень ярко, снѣгъ слѣпилъ еще болѣе, по лѣвую руку, со стороны, Дагестанскія горы, перемѣшанныя съ облаками, образовали прекрасную даль, притомъ-же не суховидную. Путь здѣсь не ровный, какъ въ нашихъ плоскихъ краяхъ: каждый всходъ, каждый спускъ даритъ новой картиной. Впрочемъ, зимніе пути самые лучшіе; по-крайней-мѣрѣ воздухъ кроткій, а во всякое другое время года зной и пыль утомили-бы ѣдущихъ; и-такъ, въ замѣну изящнаго, мы наслаждаемся покойною ѣздою. Но первый переходъ былъ для меня ужасно труденъ: мы считаемъ 7-мь агачей, по вашему 40 слишкомъ верстъ; я поутру обскакалъ весь городъ, прощальные визиты, и весь перегонъ сдѣлалъ на дурномъ грузинскомъ сѣдлѣ, и къ вечеру уморился; не доходя до ночлега, отсталъ отъ всѣхъ, нѣсколько разъ сходилъ съ лошади и падалъ на снѣгъ, ѣлъ его; къ счастію у конвойнаго казака нашлась граната, я ей освѣжился. Такъ мы дошли до Демурчизама. Сонъ и не въ мои лѣта обновляетъ ослабшія силы. На другой день, кромѣ головной боли, я еще кое-чѣмъ недомогалъ, не сильно однако. Тотъ-же путь, что наканунѣ, но день былъ пасмуренъ. На серединѣ перехода дорога вилась вокругъ горы и привела насъ къ рѣкѣ Храмѣ. Мы ѣхали по ея теченію, а на склонѣ гора подалась влѣво и очистила

намъ видъ на мостъ великолѣпный!.. Въ дикихъ, снѣгомъ занесенныхъ, степяхъ вдругъ наѣхали на такое прекрасное произведеніе архитектуры, ей Богу. Утѣшно! и удивляетъ!.. Я долго имъ любовался, обозрѣвалъ со всѣхъ сторонъ; онъ изъ кирпича; какъ искусно сведенъ и огроменъ. Рѣка обмываетъ только половину его, въ другой половинѣ каравансарай, вѣрно пристройка къ полуразрушенному; меня въ этомъ мнѣніи укрѣпляетъ то, что остальная часть состоитъ изъ четырехъ арокъ, которыя всѣ сведены чрезвычайно легко и съ отличнымъ вкусомъ, — нельзя, чтобы строитель не зналъ симметріи; верхи остры; первая отъ каравансарая, или средняя, самая большая, по моему счету 40 шаговъ въ діаметрѣ: я ее мѣрилъ шедши и параллельно тамъ, гдѣ теченіе рѣки уклоняется; третья арка больше второй, но меньше первой, четвертая равна второй. Каравансарай великъ, но лучше-бы его не было; при мнѣ большой залъ былъ занятъ овцами; не знаю, куда ихъ гонитъ верховой, который съ конемъ своимъ расположился въ ближайшемъ покоѣ. Съ середины моста сходъ по круглой, витой, ветхой и заледенѣвшей лѣстницѣ, по которой я было себѣ шею сломилъ; это ведетъ въ открытую галлерею, которая виситъ надъ рѣкой. Тутъ путешественники, кто углемъ, кто карандашемъ, записываютъ свои имена, или врѣзываютъ ихъ въ камень. Людское самолюбіе любитъ марать бумаги и стѣны; однако и я, сошедши подъ большую арку, гдѣ эхо громогласное, училъ его повторять мое имя. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ этого моста заложенъ былъ другой; начатки изъ плиты много обѣщали; не знаю — почему такъ близко къ этому, почему не конченъ, почему такъ роскошно пеклись о переправѣ чрезъ незначительную рѣчку, между тѣмъ на Курѣ, древней Циругѣ Страбона, нѣтъ ничего подобнаго этому. Какъ-бы то ни было, Сенак-кюрпи, или какъ русскіе его называютъ, «Красный мостъ», свидѣтельствуетъ въ пользу лучшаго времени, если не для просвѣщенія, потому что Бетанкуръ могъ быть выписной, то по-крайней-мѣрѣ царствованія какого-нибудь изъ здѣшнихъ царей, или одного изъ Софіевъ, любителя изящнаго.

Съѣхавши съ мосту, я долго объ немъ думалъ; возлѣ меня трясся рысцей нашъ переводчикъ Шемиръ-бекъ. Я принужденъ былъ ему признаться, что Петербургъ ничего такого въ себѣ не вмѣщаетъ, какъ онъ, впрочемъ, ни красивъ и ни великолѣпенъ, даже въ описаніи П. Петр. Свиньина. «Представьте», сказалъ онъ мнѣ, «8 разъ побывать въ Персіи—и не видать Петербурга! это не ужасно-ли!»—«Не той дорогой мы взяли»,—отвѣчалъ я ему. Эта глупость меня разсмѣшила, не знаю — разсмѣшитъ-ли тебя? Впрочемъ, такія ничтожности я часто буду позволять себѣ,

потому что пишу для тебя собственно и для тѣхъ, которымъ позволишь заглянуть въ нашу переписку, а не для печати, а не для пренумерантовъ С. Отечества, куда, впрочемъ, это мараніе по дурному слогу и пустотѣ мыслей принадлежитъ. Извини, что дѣлаю тебѣ это замѣчаніе: ты скроменъ и любишь мое дарованіе, не уступишь меня критикѣ людей, которыхъ я презираю; но письма мои къ другимъ я нарочно наполняю личностями, чтобы они какъ-нибудь со столика нашего любезнаго князя не попали на станокъ театральной типографіи. Ни строчки моего путешествія я не выдамъ въ свѣтъ, даромъ что Катенинъ жалѣетъ объ этомъ и поощряетъ меня дѣлать замѣчанія, что для меня чрезвычайно лестно, но я не умѣю разбалтывать ученость; книги мои въ чемоданахъ и некогда ихъ разрывать; жмусь когда холодно, разстегиваюсь когда тепло, не справляюсь съ термометромъ, и не записываю, на сколько ртуть поднимается или опускается, не припадаю къ землѣ, чтобы распознать ея свойство, не придумываю по обнаженнымъ кустамъ — къ какому роду принадлежитъ ихъ зелень.

Зовутъ обѣдать, прощай покудова. Если-бы я могъ перенести тебя на то мѣсто, гдѣ пишу теперь! Надъ рѣкою, возлѣ остатковъ каравансарая, куда мы прибыли послѣ труднаго пути, однако довольно рано, потому что всталъ давича въ 4 часа утра. Погода теплая, какъ уже въ концѣ весны. Въ виду у меня скала съ уступами, точно какъ та, къ которой, по описанію, примыкаютъ развалины Персеполя; я черезъ ветхій мостъ, что у меня подъ ногами, ходилъ туда; взлѣзалъ и, опершись на повисшій мшистый камень, долго стоялъ подобно Грееву Барду; недоставало только бороды.

Вечеромъ.

Хочешь-ли знать, какъ и съ кѣмъ я странствую, то по каменнымъ кругамъ, то по пушистому снѣгу? Не жалѣй меня, однако: мнѣ хорошо, могло-бы быть скучнѣе. Насъ человѣкъ 25, лошадей съ вьючными — не знаю, право, сколько, только много что-то. Раннимъ утромъ поднимаемся; шествіе наше продолжается часа два-три; я, чтобы не сгрустнулось, пою, какъ знаю, французскіе куплеты и наши плясовыя пѣсни, всѣ мнѣ вторятъ, и даже азіатскіе толмачи; доѣдешь до сухаго мѣста, до пригорка, оттуда видъ отмѣнный, отдыхаемъ, ѣдимъ закуску, мимо насъ тянутся наши вьюки съ позвонками. Потомъ опять въ путь. Народъ веселый; при насъ борзыя собаки; пустимся за зайцемъ или за призракомъ зайца, потому что я ни одного еще не видалъ. Этимъ случаемъ наши татары пользуются, чтобы выказать свое искусство, — свернутъ въ бокъ, по полянамъ несутся во-всю прыть,

по рвамъ, кустамъ, доскакиваютъ до горы, стрѣляютъ вверхъ и исчезаютъ въ туманѣ, какъ царевичъ въ 1001-й ночи, когда онъ невѣсту кашемирскаго султана взмахнулъ себѣ на коня и такъ взвился къ облакамъ. А я, думаешь, назади остаюсь? Нѣтъ, это не въ Брестѣ, гдѣ я былъ въ «кавалерійскомъ», — здѣсь скачу, сломя голову; вчера кунилъ себѣ новаго жеребца; я такъ свыкся съ лошадью, что по скользкому спуску, по гололедицѣ, беззаботно курю изъ длинной трубки. Таковъ я во всемъ: въ Петербургѣ, гдѣ всякій приглашалъ, поощрялъ меня писать, и много было охотниковъ до моей музы, я молчалъ, а здѣсь, когда некому ничего и прочесть, потому что не знаютъ по-русски, я не выпускаю пера изъ рукъ. Странность свойственна человѣкамъ. Одна бѣда: скудность познаній объ этомъ краѣ бѣситъ меня на каждомъ шагу. Но думалъ-ли я, что поѣду на Востокъ? Мысли мои никогда сюда не были обращены. Иногда дѣлаю непростительныя или невѣжественныя ошибки, давича, напр., нѣсколько верстъ сряду вижу кусты въ хлопчатой бумагѣ и принялъ ихъ за бамбакъ, между тѣмъ какъ это отброски отъ карамановъ, — въ тѣсныхъ излучинахъ здѣшніе колючіе отрости цѣпляютъ за хлопчатую бумагу, и ее бы съ нихъ можно собрать до нѣсколькихъ пудовъ.

Дорого-бы я далъ за живописца: никакими словами нельзя изобразить вчерашнихъ паровъ, которые во все утро кругъ горы стлались; солнце ихъ позлащало, и они тогда, какъ кипящее огненное море... потомъ свились въ облака и улеглись у подножія дальнихъ горъ. Между ними черная скала Пенисъ плавала въ видѣ башни; долго она то скрывалась отъ нашихъ глазъ, то появлялась, по-мѣрѣ-того, какъ мы перемѣняли направленіе; наконецъ подошли къ ней, — нѣтъ приступу и въ серединѣ замокъ; не понимаю, — какъ туда всходятъ. Мы ночевали въ***, но не имѣли въ виду страшилища...

Ночлегъ здѣсь обыкновенно въ хатѣ, довольно высоко освѣщенной маленькимъ отверстіемъ надъ входомъ, противъ котораго въ задней стѣнѣ каминъ; по обѣимъ сторонамъ сплочены доски на полъ-аршина отъ земли и устланы коврами; около нихъ стойла, ничѣмъ не заслоненныя, не заставленныя. Между этими норами у насъ обыкновенно ставится круглый столъ дорожный, поваръ нашъ славный, кормитъ хорошо. Мазаровичъ покуда очень милъ, много о насъ заботится; и уваженъ, и веселъ.

Нынче мы съ трудомъ проработывались между камней, по гололедицѣ, въ царствѣ Жуковскаго, надъ пропастями: туманы, туманы надъ горами.

Вчера я весь день какъ сурокъ проспалъ. Четыре дня, какъ мы изъ Тифлиса, три остается до Эривани; насъ очень пугаютъ Делижанскимъ ущельемъ.

14.

2-го февраля.

Отъ Каравансарая мы отправились по теченію Автафы, встрѣчь ея теченію, и пошли ущельемъ, гдѣ около насъ повторялись кавказскія мѣста, — скалы лѣсистыя, у ихъ подножія, между ними шумитъ рѣка, то дѣлится на тонкія струи. Только то разница, что въ прежнихъ ущельяхъ порохомъ и ломомъ боролись съ преградными твержами, а здѣсь руками человѣковъ ничего не приспособлено къ удобному проѣзду. Груды камней на каждомъ шагу какъ будто нарастаютъ; отростки деревьевъ бьютъ въ глаза; дорога почти непроходимая; вышли на открытое мѣсто, тутъ сильный вѣтеръ поднялся на встрѣчу и не переставалъ насъ продувать и послѣ, когда уже горы съузились, и мы возлѣ, въ лѣсу, выбрали себѣ у склона горы, упершись въ рѣчку, мѣстечко для отдыха и ночлега. Тутъ мы расположились на временную пастырскую жизнь, склали себѣ изъ вьюковъ булаганы, обвѣшали ихъ коврами, развели огни, около нихъ иные согрѣвались, другіе, насадивъ на лучину куски сыраго мяса, готовили себѣ кебабъ. Лучше всѣхъ курился огонекъ на островѣ, поодаль отъ насъ, около котораго обсѣло странствующее купечество; лошади наши паслись на пригоркахъ.

А хорошо было ночевать Маѳусаиламъ и Ламехамъ; первый, кто молотомъ сгибалъ желѣзо, первый, кто изобрѣталъ цѣвницу и гусли,—славой и любовью награждался въ обширномъ своемъ семействѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ есть города и граждане, ѣдемъ, ѣдемъ отъ Финскаго залива до тудова, куда сынъ Товитовъ ходилъ за десятью талантами, а все въ надеждѣ добыть похвальную знаменитость, и, можетъ, вѣкъ до нея не доѣдемъ...

15.

Эривань. 4-го февраля.

Вотъ другой день пребываемъ въ армянской столицѣ, любезный другъ. Худо-ли, хорошо-ли мы ѣхали, можешь судить по маршруту, но, для вѣрности, на каждый переходъ прикладывай верстъ по пяти, на иной и десять придется лишнихъ, которыя, если не домѣрены межевщиками, то отъ того не менѣе ощутительны для усталыхъ путешественниковъ. Отъ Тифлиса Демунчихассанлу — 42 версты, Инджа — 24, Джогасъ — 24, Караван-

сарай—30, Биваки: Богасъ—42, Каравансарай—36, Эривань—50,=248 верстамъ=41 1/3 агачамъ.

Не стану утомлять тебя описаніемъ послѣдняго нашего перехода до здѣшняго города; довольно того, что я самъ чрезвычайно утомился: не больше и не меньше 60-ти верстъ по глубокимъ снѣгамъ проѣхали мы въ шесть часовъ, — разумѣется, порядочной рысью. Вотъ дѣйствительная служба: сочиненіе канцелярскихъ бумагъ не есть трудъ, особливо для того, кому письмо сдѣлалось любимымъ упражненіемъ. Вамъ, гиперборейцамъ, невѣроятно покажется, что есть другіе края и на югѣ, гдѣ можно себѣ отморозить щеки; однако, это сбылось на одномъ изъ нашихъ людей, и всѣ мы ознобили себѣ лица. Еще теперь слышу, какъ хрупкій снѣгъ хруститъ подъ ногами нашихъ лошадей; во всякое другое время быстрая Занга въ иныхъ мѣстахъ застыла, въ другихъ медленно пробивается сквозь льды и снѣга подъ стѣны Эривани. Земля здѣсь гораздо возвышеннѣй Грузіи, и гораздо жарче; одинъ хребетъ горъ, уже отъ Тифлиса, или еще прежде, отдѣлился влѣво, съ другимъ мы разстаемся,—онъ уклоняется къ западу; все вмѣстѣ составляетъ ту цѣпь, которую древніе называли Тавромъ. Но здѣшнія равнины скучнѣе тѣхъ скатовъ и подъемовъ, которые мы позади себя оставили, — пустынное однообразіе. Не знаю, отчего у меня вчера во всю дорогу не выходилъ изъ головы смѣшной трагическій стихъ:

Du centre des deserts de l'antique Arménie.

Въѣхавши на одинъ пригорокъ, надъ мглою, которая носилась по необозримой долинѣ, вдругъ предстали передъ нами въ отдаленіи двѣ горы, — первая, сюда ближе, необычайной вышины. Ни Стефанъ-Цминдъ, ни другіе колоссы кавказскіе не поразили меня такою огромностью: обѣ вмѣстѣ завладѣли большею частію горизонта. Это двухолмный Араратъ, въ семидесяти верстахъ отъ того мѣста, гдѣ въ первый разъ является такимъ величественнымъ. Еще наканунѣ синѣлись верхи его. Кромѣ воспоминаній, которыя трепетомъ наполняютъ душу всякаго, кто благоговѣетъ передъ священными преданіями, одинъ видъ этой древней горы сражаетъ неизъяснимымъ удивленіемъ. Я долго стоялъ неподвиженъ; мой златокопытъ, повидимому, не раздѣлялъ чувствъ своего сѣдока, двинулся, понесся и мигомъ погрузилъ меня съ собою въ влажную стихію; меня всего обдало сыростью, которая до костей проникаетъ. Основаніе Арарата исчезло, середина тоже, но самая верхняя часть, какъ туча висѣла надъ нами до Эривани.

Уже въ нѣсколькихъ верстахъ, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ

города, догадались мы, что доѣзжаемъ до обѣтованнаго пріюта; туманъ долго застилалъ его отъ нашихъ глазъ, наконецъ, на низкомъ мѣстѣ, между кустами, влѣво отъ дороги, по которой и мы своротили, пояснились двѣ части зданій, одна съ другой ничѣмъ не соединенныя. Мы въѣхали въ пригородокъ. Но— представь себѣ ударъ человѣку, который въ жестокую стужу протрясся полъ-дня, въ надеждѣ пріютиться въ укромной горницѣ: навстрѣчу намъ ни души; стало-быть, не радѣли о нашемъ успокоеніи, не отвели еще квартиръ. Я бѣсился; притомъ неуваженіе къ русскимъ чиновникамъ всякаго на моемъ мѣстѣ, и съ меньшимъ самолюбіемъ, такъ-же бы оскорбило. Миновали сады, высокія трикровныя кладбища, длинныя каменныя ограды, за которыми стоятъ дома, башни и куполы мечетей, а навстрѣчу нѣтъ никого! Мазаровичъ кричитъ, что прямо ворвется къ сардарю и сдѣлаетъ суматоху. Наконецъ, выступаемъ въ поле, что между крѣпостію и городомъ, и тутъ несется къ намъ посланный отъ сардаря чиновникъ въ драгоцѣнной шубѣ, на богатоубранномъ конѣ, и проситъ извиненія, что адъютантъ, посланный насъ принять, не по той поѣхалъ дорогѣ; въ самомъ дѣлѣ, мы избрали путь кратчайшій, но не тотъ, которымъ обыкновенно сюда прибываютъ. Въ ту-же минуту фарашъ въ высокой шапкѣ, въ желтомъ чекменѣ, въ синемъ кафтанѣ, съ висячими на спинѣ рукавами, длиннымъ шестомъ своимъ указывалъ намъ путь и билъ безъ милосердія всякаго, кто ему подъ руку попадался, мужчинъ и женщинъ. Женщины становились къ намъ задомъ—это меня огорчало; но впереди хамы несли стулья въ отведенный намъ домъ — это меня веселило. Такое особенное предпочтеніе намъ, русскимъ: между тѣмъ какъ англичане смиренно сгибаютъ колѣна и садятся на полъ, какъ Богъ велитъ и разутые—мы, на возвышенныхъ сѣдалищахъ, беззаботно, толстыми подошвами нашими топчемъ персидскіе многоцѣнные ковры. Ермолову обязаны его соотчичи той степенью уваженія, на которой они справедливо удерживаются въ здѣшнемъ народѣ.

Однако, прежде чѣмъ идти далѣе, позволь сообщить тебѣ замѣчаніе. Для дамской нѣжной разборчивости оно-бы не годилось, но ты, военный человѣкъ, не взыщешь. При первомъ появленіи посланнаго отъ сардаря и съ нимъ двухъ фарашей, нашего обоняніе коснулся самый чудный, тяжелый, непріятный запахъ. Не повѣришь: избытокъ ассафетиды въ нашихъ аптекахъ—резеда въ сравненіи съ этимъ. Не понимаю, какъ они, три злодѣя, такъ сильно и скоро умѣли заразить собою воздухъ!

Вслѣдъ за дѣйствующимъ посохомъ фараша, за толпою народа, имъ гонимаго, мы въѣхали чрезъ широкія наружныя ворота въ

домъ Мегметъ-бея; въ кругломъ, крытомъ и немощеномъ подъѣздѣ слѣзли съ лошадей, и черезъ другія ворота, надъ которыми возвышается большая надстройка, вступили во внутренній дворъ, обнесенный съ одной стороны теремомъ, съ другой высокой и фигурной стѣною; въ немъ замерзшіе фонтаны и водометы. Взошли на крыльцо, для входа передъ нами отдернули тяжелую запону, которою здѣсь завѣшиваютъ всѣ двери, и впустили въ переднюю комнату. Справа залъ, слѣва залъ; и одинъ, какъ другой; множество впадинъ и простынь, и потолокъ лѣпной всякой всячиной: окна косящатыя съ рѣзьбой, тьма симметрически расположенныхъ четвероугольниковъ изъ разноцвѣтной слюды; однако свѣту достаточно, чтобы лба не расшибить. Мы расположились въ обѣихъ залахъ. Въ мигъ запылали камины, на небольшихъ амвонахъ разставили жаровни, подали кальяны. Вскорѣ нагляпула къ намъ тьма посѣтителей и затерянный адъютантъ. Насъ очень забавляло это европейское наименованіе, которое придаютъ человѣку, тѣмъ только отличающемуся отъ прочихъ, что онъ ближе къ особѣ сардаря и, слѣдовательно, чаще подвергается палочнымъ ударамъ. Хозяинъ нашъ отбылъ на охоту, братъ заступалъ его мѣсто и изъяснялъ, что домъ, услуга и даже собственная его особа намъ принадлежатъ. Тутъ-же мы нашли англійскаго указателя, не книжку, а человѣка; во все мѣшается, все указываетъ. Природа, кажется, обрекла его хлопать бичемъ возлѣ кюррикеля или работать веслами въ Темзѣ,—здѣсь онъ переводитъ альбіонское строевое ученье на фарсійскій языкъ, который для этого довольно плохо знаетъ; ему ввѣряютъ цѣлый баталіонъ или меньше, по-крайней-мѣрѣ онъ такъ говоритъ. Сарбазы порядочные выйдутъ балансеры, если по немъ образуются. Между тѣмъ, онъ намъ смерть надоѣдаетъ; вотъ другой день не знаемъ,—какъ отъ него отдѣлаться. Вообще, неугомонное любопытство и неотвязчивость здѣсь въ большомъ употребленіи: каждую минуту незнакомыя лица наполняютъ комнату, смотрятъ въ глаза, въ бумагу, если пишешь, и въ ту самую минуту какая-то необыкновенная рожа, прикрытая уродливой шапкой, уткнулась въ мое письмо. Мнѣ страшная охота припадаетъ за это проучить ее.

Сардарь прислалъ намъ дикаго барана съ своей охоты: пребольшой звѣрь, рога съ оленьи, передняя часть преимущественно обросла тучнымъ руномъ. За эти гостинцы надобно отдаривать; Мазаровичъ щедро отплачивается калейдоскопами, которымъ пора прельщать Азію, потому что намъ уже приглядѣлись.

Вечеромъ озарило наши покои красное солнышко Эривани—лысый, привѣтливый, веселый старикъ, любитель русскихъ, по-

читатель Ермолова, хозяинъ нашъ Мегмедъ-бекъ, сарангъ, полковникъ,—не въ томъ значеніи, что за этимъ чиномъ слѣдуетъ генералъ-маіоръ и проч., а просто военный начальникъ. Передъ нимъ, за нимъ несли увѣсистые подсвѣчники, подносы съ сластями и лакомства, которыми, если-бы ихъ описать, врядъ-ли бы я разлакомилъ твое воображеніе. Но, въ какомъ-бы видѣ оно ни было, гостепріимство должно притупить стрѣлы насмѣшливыхъ наблюдателей; лучше познакомить тебя съ персидскою учтивостью. Вотъ образчикъ: Мазаровичу сказалъ Мегмедъ-бекъ, что онъ до того обрадованъ его пріѣздомъ, что если-бы такому дорогому гостю вздумалось позабавиться и отсѣчь голову всѣмъ его слугамъ и даже брату, онъ бы чрезъ-то великое удовольствіе принесъ хозяину; а мнѣ, первостепенному мирзѣ, когда я просилъ его велѣть унести жаровни, чтобы отъ жару не перемѣнить мѣсто и не отсѣсть отъ него далѣе, объявилъ, что мѣсто мое у него подъ правымъ глазомъ. Карамзинъ-бы заплакалъ, Жуковскій стукнулъ-бы чашей въ чашу, я отблагодарилъ янтарнымъ гроздным сокомъ, нектаромъ Эривани, и пурпурнымъ кахетинскимъ. Бесѣда наша продолжалась далеко за-полночь. Разгоряченный тѣмъ, что видѣлъ и проглотилъ, я перенесся за двѣсти лѣтъ назадъ въ нашу родину: хозяинъ представился мнѣ въ видѣ добродушнаго москвитянина, угощающаго пріѣзжихъ изъ нѣмцевъ, фараши—его домочадцами, самъ я—Олеарій. Крѣпкіе напитки, сырые овощи и блюдца съ сахарными брашнами—все это способствовало къ переселенію моихъ мыслей въ нашу сѣдую старину, и даже увертливый красный человѣчекъ, который хотя и называется англичаниномъ, а право, нельзя ручаться, изъ какихъ онъ, этотъ анонимъ, только разсыпался въ нелѣпыхъ разсказахъ о томъ, что дѣлается за моремъ, — я видѣлъ въ немъ Маржерета, выходца при Дмитріѣ, прозванномъ Самозванцемъ, и всякаго другаго бродящаго иностранца того времени, который въ нашихъ теремахъ пилъ, ѣлъ, разживался и, возвратясь къ своимъ, ругательствомъ платилъ русскимъ за русское хлѣбосольство. И эриванскій Маржеретъ или Дурьгильбредъ язвительно отзывается насчетъ Персіянъ, которые не допускаютъ его умереть съ голоду.

16.

Эривань, 5-го февраля.

На утро, послѣ нашей вечерней бесѣды, я всталъ съ жестокою головною болью. Надо было пріодѣться и ѣхать къ сардарю. Въ передней ждалъ насъ іасскулъ его въ красномъ длинномъ

платьѣ, при ужасной палкѣ съ позолоченнымъ набалдашникомъ, для извѣстнаго употребленія.

Сардарь Гуссейнъ-ханъ (изъ царствующаго нынѣ поколѣнія Каджаровъ) въ здѣшнемъ краю первый по Богѣ, третій человѣкъ въ государствѣ. Власть его надежнѣе, чѣмъ турецкихъ пашей. Онъ давно уже на этомъ мѣстѣ; платитъ ежегодно въ бейрамъ не всегда одинаково, въ видѣ подарка, а не государственныхъ доходовъ, нѣсколько тысячъ червонцевъ, за которые имѣетъ право взимать третію долю со всего, что земля производитъ, а расшутится, такъ и всѣ три доли его. Разумѣется, что продавцы ждутъ, покудова онъ свою часть не сбудетъ съ рукъ. Не только внутренняя торговля, — имъ часто стѣсняется и внѣшняя, не смотря на трактаты, которые, такъ какъ и Адамъ Смитова система, не при немъ писаны. Отъ себя содержитъ войско, но въ военное время требуетъ денегъ отъ двора. Въ судныхъ дѣлахъ его словесное приказаніе — законъ, если истцы или отвѣтчики не отнесутся къ Шаръ, кодексу великаго пророка, котораго уставы неизмѣнны. Одѣвшись, мы отправились къ его высокостепенству. Намъ предшествовалъ іасскулъ и такъ же исправно отправлялъ свою должность, какъ фарашъ наканунѣ. Дома здѣсь испещрены внутри, снаружи удерживаютъ цвѣтъ природы, свойственный матеріаламъ, изъ которыхъ выстроены, по большой части дикіе. Въ нашемъ отечествѣ роскошь гостиныя и залы убираетъ съ изящною простотою, а извнѣ любитъ раскрашивать стѣны и приставлять къ нимъ столбики.

Мы доѣхали до зубчатой крѣпостной ограды, потомъ, черезъ нѣсколько скважинъ, которыя называются улицами, протѣснились до послѣдняго двора сардаря. Не знаю — что тебѣ сказать объ его хоромахъ? Нѣтъ ничего цѣлаго, притомъ столько кривизны, поворотовъ, переулковъ, пристроекъ, надстроекъ, входовъ, проходовъ, узкихъ, сумрачныхъ и вовсе мрачныхъ, что толку не доберешься. Въ преддверіи родъ кануры, и на площадкѣ передъ нимъ толпилась тьма любопытныхъ; ихъ наружность, ужимки, платья, все это похоже на входъ въ маскарадъ. Взошли въ пріемную; она должна быть очень хороша для персидскихъ глазъ: велика, полъ устланъ дорогими, узорчатыми коврами, и потолокъ, и весь залъ расписанъ многими японскими узорами; слѣва ставни занимаютъ всю продолговатую стѣну: въ нихъ цвѣтная слюда перемѣшана съ рѣзьбою и съ наклейными коймами — это окна. Прямо противъ входа каминъ; въ правой, тоже длинной, стѣнѣ выемка въ полукружіе, въ которомъ выпуклый потолокъ представляетъ хаосъ изъ зеркальныхъ кусковъ, и тамъ каминъ. На всѣхъ стѣнахъ, въ два ряда, одинъ надъ другимъ, картины, —

похожденія Ростома, персидскаго великана сумраковъ, котораго Малькольмъ вклеилъ въ свою исторію. Я имѣлъ время на все это уставить мой лорнетъ, потому что нашего сардаря еще не было. Ханъ, сынъ его, въ красной шубѣ, подогнувшимися колѣнами, сидѣлъ на отцовскомъ особенномъ коврѣ возлѣ камина, что противъ входа. Онъ дѣлалъ намъ обыкновенные вопросы о здоровьи высокихъ особъ. Потомъ всѣ въ поясъ поклонились входящему сардарю. Тьма народу высыпала за нимъ. Онъ, взявши за руку Мазаровича, сказалъ ему, что познакомился съ нами, его мирзами, потомъ съ тремя дѣтками усѣлся въ уголъ на своемъ мѣстѣ. Сынъ его сталъ у притолки съ прочими приближенными чиновниками, братъ сардаря сидѣлъ по другую сторону камина, мы къ окну на приготовленныхъ для насъ стульяхъ; все прочее благоговѣло, стоя въ глубокомъ молчаніи. Онъ сдѣлалъ тѣ-же вопросы, что сынъ его; подали кальянъ, чай съ кардамономъ. На головахъ несли огромные серебряные подносы съ конфектами; нѣсколько подносовъ со множествомъ сластей поставили передъ нами. Сардарю прислуживали на колѣнахъ. Конфекты совсѣмъ для меня новаго рода, однако превкусныя; я около нихъ постарался. Между тѣмъ разговоръ происходилъ о походѣ Алексѣя Петровича въ Чечню и въ Дагестанъ, о путешествіяхъ нашего Государя по Европѣ для утвержденія повсемѣстнаго мира. Не помню, право, при какомъ случаѣ онъ Вѣну перепуталъ съ Венеціею...

17.

Нахичевань, 9-го февраля.

Третьяго-дня, 7-го, мы отправились изъ Эривани, сегодня прибыли сюда; всего 133½ версты. Не усталость меня губитъ,— свирѣпость зимы нестерпимая; никто здѣсь не запомнитъ такой стужи, всѣ южныя растенія померзли. Притомъ, какъ мнѣ надоѣли всѣ и всё! Правъ Шаховской — скука водитъ моимъ перомъ; не мудрено, что я тебѣ сообщу ее-же. Нѣтъ! нынѣшній день не опасайся ничего: ложусь спать съ однимъ воспоминаніемъ о тебѣ!

18.

10-го—13-го февраля.

Сейчасъ думалъ, что бы со мною было, если-бы я бесѣдой съ тобою не сокращалъ мучительныхъ часовъ въ темныхъ, закоптѣлыхъ ночлегахъ! Твоя пріязнь и въ отдаленіи для меня благодѣяніе. Часто всматриваюсь, вслушиваюсь въ то, что самъ

для себя не сталъ-бы замѣчать, но мысль, что наброшу это на бумагу, которая у тебя будетъ въ рукахъ, дѣлаетъ меня внимательнымъ, и все въ глазахъ моихъ украшаетъ надежда, что Богъ дастъ свидимся, прочтемъ это вмѣстѣ, много добавлю словесно, и тогда сколько удовольствія! Право, мы счастливо созданы.

Какъ я тебѣ сказалъ, мы выѣхали изъ Эривани 7-го. Обстоятельно не могу изобразить его. Мы тамъ всего пробыли три дня съ половиной, то задержали нѣкоторыя дѣла съ сардаремъ. Думали также переждать холодъ, но напрасно: онъ не переставалъ свирѣпствовать. Я даже не отважился съѣздить въ древній Эчміадзинскій монастырь, въ 18-ти верстахъ отъ Эривани въ сторону, и вообще, кромѣ какъ для церемоніальнаго посѣщенія сатрапу, не отходилъ отъ мангала и отъ камина, который, по недостатку дровъ, довольно скудно отапливался. Сколько я могъ видѣть при въѣздѣ и выѣздѣ, городъ пространенъ, а некрасивъ, и длинные заборы и развалины, слѣды послѣдней осады русскими, даютъ ему видъ печальнаго запустѣнія. Объ обычаяхъ здѣшнихъ и нравахъ мнѣ еще труднѣе сказать мое мнѣніе отъ недостатка времени и случая къ наблюденіямъ. Если по одному позволено судить о многихъ, вотъ что я видѣлъ въ домѣ богатаго и знатнаго эриванца. Фараши его, въ 18 градусовъ по Реомюру, съ раскрытой шеей, безъ зипуновъ, не согрѣваются даже достаточною пищею, но господинъ иногда ущедряетъ: раздѣляетъ имъ подачки со своего стола изъ собственныхъ рукъ, по кусочку пирожнаго, наиболѣе приближеннымъ. Это домашнія дѣла. Въ дѣлахъ государственныхъ здѣсь, кажется, не любятъ сокровенности кабинетовъ: они производятся въ присутствіи многочисленныхъ слушателей. Я, въ простотѣ моего сердца, сперва подумалъ, что, стало быть, рѣдко во зло употребляется обширная власть, которой облечены здѣшніе высшіе чиновники, но въ томъ, въ чемъ нашъ повѣренный въ дѣлахъ объяснялся съ сардаремъ, наприм.: о переманкѣ и поселеніи у себя нашихъ бродящихъ татаръ, о притѣсненіи нашихъ купцовъ, высокостепенный былъ кругомъ неправъ, притомъ изложилъ составленную имъ самимъ, такую теорію налоговъ, которая, не думаю, чтобы самая сносная для шахскихъ подданныхъ, ввѣренныхъ его управленію. И все это говорилось при многолюдномъ сборищѣ, чье разстроенное достояніе ясно доказываетъ, что польза сардаря не есть польза общая. — Рабы, мой любезный! И подѣломъ имъ! Смѣютъ-ли они осуждать верховнаго ихъ обладателя? Кто ихъ боится? У нихъ и историки панегиристы. И эта лѣствица слѣпаго рабства и слѣпой власти здѣсь

безпрерывно восходитъ до бега, хана, беглеръ-бега и каймакама, и такимъ образомъ выше-и-выше. Недавно одного областнаго начальника, не взирая на его 30-ти-лѣтнюю службу, сѣдую голову и алкоранъ въ рукахъ, били по пятамъ, — разумѣется, безъ суда. Въ Европѣ, даже и въ тѣхъ народахъ, которые еще не добыли себѣ конституціи, общее мнѣніе по-крайней-мѣрѣ требуетъ суда виноватому, который всегда наряжаютъ. Криво-ли, прямо-ли судятъ, иногда не какъ хотятъ, а какъ велятъ,—подсудимый хоть имѣетъ право предлагать свое оправданіе. Всего нѣсколько сутокъ, какъ я переступилъ границу, и еще не въ настоящей Персіи, а имѣлъ случай видѣть уже не одинъ самовольный поступокъ. Ты это въ свое время узнаешь. Въ заключеніе скажу тебѣ объ эриванскихъ жителяхъ, что они лѣтомъ можетъ-быть очень пріятные люди, а зимой вымораживаютъ своихъ гостей; это никуда не годится; я продрогъ у сардаря и окостенѣлъ у Мегмедъ-бега.

День нашего отъѣзда изъ Эривани былъ пасмурный и ненастный. Щедро обсыпанный снѣгомъ, я укутался буркою, обвертѣлъ себѣ лицо башлыкомъ, пустилъ коня на-удачу и не принималъ участія ни въ чемъ, что вокругъ меня происходило. Потеря не большая; сторона, благословенная лѣтомъ, въ разсказахъ и въ описаніяхъ, въ это время и въ эту погоду ничего не представляетъ изящнаго. Араратъ по здѣшней дорогѣ пять дней сряду въ виду у путешественниковъ, но теперь скрылся отъ насъ за снѣгомъ, за облаками. Подумай немножко, будь мною на минуту: каково странствовать молча, не смѣть раскрыться, выглянуть на минуту, чтобы, хуже скуки, не подвергнуться простудѣ. И между ногъ безпрестанное движеніе животнаго, которое не даетъ ни о чемъ постоянно задуматься! Часто мы скользимъ по оледенѣлымъ протокамъ; иные живѣе прочихъ; не замерзшіе проѣзжали въ бродъ. Ихъ множество орошаютъ здѣшнія поля; вода нарочно проведена изъ горныхъ источниковъ, и весною, усыряя пшеничныя борозды, долго на нихъ держится, посредствомъ ископанныхъ для этого грядъ, съ которыхъ мы каждый разъ обрывались и вязнули въ зыбучихъ глубяхъ.

Нѣтъ! я не путешественникъ! Судьба, нужда, необходимость можетъ меня со временемъ преобразить въ исправники, въ таможенные смотрители; она рукою желѣзною закинула меня сюда и гонитъ далѣе; но по доброй волѣ, изъ одного любопытства, никогда-бы я не разстался съ домашними пенатами, чтобы блуждать въ варварской землѣ въ самое злое время года. Съ такимъ ропотомъ я добрался до Девалу, большаго татарскаго селенія, въ $8^1/_4$ агача отъ Эривани, бросился къ комельку, не раздѣвался, не пилъ, не ѣлъ и спалъ какъ убитый.

На другой день, для перемѣны, опять въ полѣ снѣгъ, опять тошное странствіе! Къ счастію, отъѣхавъ съ полъ-агача, поровнялись съ персидскимъ бариномъ, ханомъ какимъ-то, который на поклонъ отправлялся къ шахъ-задѣ! За нимъ фараши,—одинъ везъ кальянъ, у другаго къ сѣдлу прикрѣплена жаровня со всегда готовыми угольями для господской курьбы, у третьяго огромная киса съ табакомъ для той-же потребности. Если-бы, вмѣсто этой пустой роскоши, собрать всѣхъ кальянщиковъ, подкальянщиковъ и самихъ страстныхъ курителей кальяна и заставить ихъ расчистить, утоптать, умять снѣгъ на дорогѣ, чтобъ какъ-нибудь можно было ѣхать въ повозкахъ, не гораздо ли бы лучше! Новый нашъ спутникъ въ восхищеніи, что нашелъ случай познакомиться съ россійскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, началъ отпускать ужасную нелѣпицу! Что за гиперболы! Въ Европѣ, которую моралисты вѣчно упрекаютъ порчею нравовъ, никто не льститъ такъ безстыдно! Слова: *душа, сердце, чувства* повторялись чаще, нежели въ покойныхъ розовыхъ книжечкахъ «для милыхъ»! Любовь будто-бы отъ одного слова, отъ одного взора новаго почтеннаго знакомца заронила искру въ сердце его (персидскаго хана) и раздула неутушимый пожаръ, и проч. Во всякое другое время я-бы заткнулъ уши; но теперь этотъ восточный каталаксусъ пришелся очень кстати: едва замѣтно было, какъ мы сдѣлали 6 агачей до ночлега. Мнѣ пришло въ голову,— что кабы воскресить древнихъ Спартанцевъ и послать къ нимъ одного нынѣшняго персіянина велерѣчиваго, — какъ-бы они ему внимали, какъ-бы приняли, какъ-бы проводили?..

Ты мнѣ пеняешь, зачѣмъ я не увѣдомляю тебя о прострѣленной моей рукѣ. Стоитъ-ли того, другъ мой! Еще бы мнѣ удалось раздробить ему плечо, въ которое мѣтилъ! А то я-же заплатилъ за свое дурачество. Судьба... Въ тотъ самый день, въ который... Ну, да Богъ съ нимъ! Пусть стрѣляютъ въ другихъ, моя прошла очередь.

Иные славятъ Александра...
Иныхъ прельщаетъ Геркулесъ,
И храбрость Конона, Лизандра,
Еще другихъ Мильтіадесъ.—
Есть мужества примѣръ,
Рау, рау, рау, рау,
Рау, рау, рау, рау,
Британскій гренадеръ.

Князю напоминай обо мнѣ почаще. Это одно изъ самыхъ пріятныхъ для меня созданій. Не могу довольно нарадоваться, что онъ въ числѣ тѣхъ, которые меня любятъ и къ кому я самъ душевно привязанъ. Его статура, чтенье, сочиненія, горячность въ

спорахъ о стопахъ и рифмахъ, кротость съ Катериною Ивановной, — не повѣришь, какъ память объ этомъ обо всемъ иногда развеселяетъ меня въ одиночествѣ, въ которомъ теперь нахожусь. Досадно, что на этотъ разъ некогда къ нему писать. Матушкѣ сказать два слова я еще не принимался, а Осипъ Мазаровичъ торопитъ; это братъ нашего повѣреннаго отправляется въ Россію. Товарищъ Амбургеръ тоже не выдержалъ, поѣхалъ къ водамъ, а можетъ быть не воротится. Что-же ты скажешь, мое золото, коли я вытерплю здѣсь два года?

А начальная причина все-таки ты. Вѣчно попрекаешь меня малодушіемъ. Не попрекнешь-же впередъ, право нѣтъ: музамъ я уже не лѣнивый служитель. Пишу, мой другъ, пишу, пишу. Жаль только, что некому прочесть. Прощай, не разстался бы съ тобой! Обнимаю тебя крѣпко-на-крѣпко. Однако, какъ мнѣ горько бываетъ!..

19. П. А. Катенину.

Тегеранъ, 26 марта 1819 г.

Любезный Павелъ Александровичъ!

Благодарю тебя за письмо и за актъ изъ «Сплетенъ». Ты мнѣ очень этимъ удружилъ. Продолжай, мой милый, писать, а я читать буду. Смертная лѣнь и скука, ни за что приняться не хочется.

Прощай! Вѣрный другъ твой Грибоѣдовъ.

Жандра поцѣлуй!

20. Ему же.

Табрисъ, февраля 1820 г.

Любезный Павелъ Александровичъ. Я очень давно не писалъ къ тебѣ. Не извиняюсь: потому что знаю, какъ это неизвинительно. — Прости, не пеняй въ уваженіе прежней и дастъ Богъ всегдашней нашей дружбы. Мнѣ дали извѣстіе о смерти Дарьи Андреевны. Кому не жаль матери! Но можетъ статься ты уже утѣшенъ. До меня извѣстія изъ Россіи доходятъ какъ лучи отъ Сиріуса, черезъ шесть лѣтъ; а потому не сообщу тебѣ своихъ размышленій, какъ бы я на твоемъ мѣстѣ расположился въ качествѣ помѣщика: ты вѣроятно давно уже зажилъ по-своему. Скажу объ моемъ быту: Вотъ годъ съ нѣсколькими днями, какъ я сѣлъ на лошадь, изъ Тифлиса пустился въ Иранъ, секретарь бродящей Миссіи. Съ тѣхъ поръ не нахожу самого себя. Какъ это дѣлается? Человѣкъ по 70-ти верстъ верхомъ скачетъ каждый день, весь день разумѣется, и скачетъ по два мѣсяца сряду, подъ знойнымъ Персидскимъ небомъ, по снѣгамъ въ Кавказѣ, и промежутки отдохновенія, недѣли двѣ, много три, на

одномъ мѣстѣ! — И этотъ человѣкъ будто я? Положимъ, однако, что еще я не совсѣмъ съ ума сошелъ, различаю людей и предметы, между которыми движусь: прошедшимъ годомъ какъ я дѣйствовалъ и что со мною судьба сшутила, опишу коротко.

Весною мы прибыли въ Тейранъ. Я не успѣлъ обозрѣться, только что разъ поскитался въ развалинахъ Раговъ Мидійскихъ, раза три въ Касрѣ-Каджарѣ, въ Негаристанѣ, и въ другихъ окрестностяхъ Фетали—Шаховой столицы... Жаръ выгналъ насъ въ поле, на лѣтнее кочевье въ Султанейскую равнину, съ Шааенъ-Шаа, Царемъ-Царей и его Дворомъ. Ахъ! Царь Государь! Не по длинной бородѣ, а впрочемъ во всемъ точь-въ-точь Ломоносова Государыня Елисаветъ, Дщерь Петрова. Да вообще, что за люди вкругъ его! что за нравы! Когда-нибудь отъ меня услышишь, коли не прочтешь. Теперь слишкомъ запущено. Начать ихъ обрисовывать, хоть слегка, завлекло бы слишкомъ далеко: въ годъ чего не насмотришься! Изъ Султанеи мы въ концѣ августа попали въ Табрисъ. Не все еще. Передъ Султанеей въ Абгарѣ, персехевъ въ двадцати по сю сторону отъ Казбина, пожили нѣсколько во время Рамазана, смотрѣли Восточную Трилогію: Страсти Господнева угодника Алія, слышали удары дланьми въ перси, вопли: Ва Гуссейнъ! О! Фатмѣ! и пр. Я на это глядѣлъ, объ тебѣ думалъ. Въ Ахендѣ (за переходъ отъ Римскаго мосту на Кизиль-Озанѣ, въ горахъ Кафланку) тоже на недолго остановились, съ тѣмъ, что дальше ѣхать или на мѣстѣ остановиться казалось одинаково скучнымъ, но послѣднее менѣе тягостнымъ. Изъ Табриса, въ началѣ Сентября, я отправился въ Чечню къ Алексѣю Петровичу за новыми наставленіями. Нашелъ его какъ прежде необыкновенно умнымъ, хотя недружелюбнымъ. Онъ воюетъ, мы миръ блюдемъ; если однако вездѣ такъ мудро учреждены Посольства отъ Императора, какъ наше здѣсь,—полки Его опаснѣе, чѣмъ умы его дипломатовъ. Я наконецъ опять въ Табризѣ. Владѣтельный Ша-Задѣ-Наибъ-Султанъ-Абасъ-Мирза, при которомъ мы честь имѣемъ находиться, и, въ скобкахъ сказать, великій мнѣ недоброжелатель, вызвалъ изъ Лондона оружейныхъ мастеровъ, шорниковъ и всякихъ рабочихъ; сбирается заводить университеты. И у него есть Министръ Духовныхъ силъ Дервишъ Каймаканъ Мирза Бюзюркъ. Дайте намъ Уварова. Ты видишь, что и здѣсь въ умахъ потрясеніе. Землетрясеніе всего чаще. Хоть то хорошо, коли о здѣшнемъ городѣ сказать: провались онъ совсѣмъ;—такъ точно, иной разъ провалится.

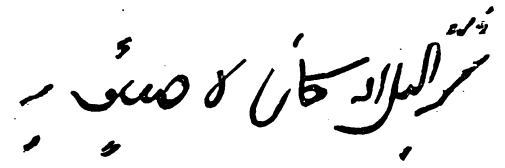
Не воображай меня однако слишкомъ жалкимъ. Къ моей скукѣ я умѣлъ примѣшать разнообразіе, распредѣлилъ часы; скучаю попеременно то съ Лугатомъ Персидскимъ, за который не прини-

мался съ Сентября, то съ дѣловыми бездѣльями, то въ разговорахъ съ *товарищами*. Всселость утрачена, не пишу стиховъ, можетъ и творились бы, да читать некому, сотруженики не Русскіе. О любезномъ моемъ фортепіяно, гдѣ оно, я совершенно неизвѣстенъ. Книги, посланныя мною изъ Петербурга тѣмъ же путемъ, теряются. Довольно о себѣ. Вы какъ? Что происходитъ въ вашемъ ученомъ и неученомъ мірѣ? Въ мое время, если бы возможность была массу свѣдѣній нашихъ литераторовъ, академиковъ, студіозовъ и профессоровъ раздѣлить поровну нашимъ людямъ съ *талантомъ*, врядъ ли бы на каждаго пришлось постольку, чему Ланкастеръ учитъ: читать и писать и то плохо. Ты не въ счету. Играютъ ли твою Андромаху? Напечатана-ли? Какъ ее достать? Коли не ex dono Auctoris, намекни по крайней мѣрѣ, куда отнестись? Да во всякомъ случаѣ пиши ко мнѣ. Сколько я удовольствія лишаюсь отъ лѣни! Если бы любезные мнѣ люди отъ меня имѣли письма, вѣрно бы отвѣчали. По крайней мѣрѣ я люблю нѣжиться этимъ воображеніемъ.

Князю почтенному низко поклонись за отсутствующаго. Не могу довольно порадоваться, что и онъ въ числѣ тѣхъ, которые хотятъ, не хотятъ, а должны меня помнить. Часто бывали вмѣстѣ. Славный человѣкъ! Кроткій, ласковый нравъ, пріятный умъ, статура его, чтенье, сочиненія, горячность въ спорахъ объ стопахъ и риѳмѣ, нашъ цензоръ всегдашній, и самъ подъ цензурою у Катерины Ивановны... Не повѣришь, какъ память обо всемъ этомъ мнѣ весела въ одиночествѣ! Жандрикъ мой какъ живетъ? въ 1820-мъ году прежнимъ ли святымъ молится? Объ Чепяговѣ ты мнѣ писалъ. Скажи, кто-бы думалъ, что его въ чемъ ни есть *Іону* достанется замѣнить? Однако охота была нашему прозорливому другу пѣть свою Ѳеогонію такому человѣку, который боговъ знать не хочетъ? Чепяговъ и Чебышевъ! Не знаю почему при этихъ схожихъ именахъ мнѣ пришли въ голову два другіе: Гейнзіусъ и Гревіусъ!

Прощай, дружески тебя обнимаю, крѣпко. Мой Шерасминъ свидѣтельствуетъ свое почтеніе...

Изъ всего надо пользу получать, и ты изъ моего письма научись чему-нибудь. Вотъ тебѣ арабскій стихъ:



Шаруль-бело изъ кана ла садыкъ [1]).

NB. C'est un peu de l'instruction de la veille, car je ne sais pas encore un mot d'Arabe, aussi vous n'aurez pas le vers traduit [2]).

21. Князю А. А. Шаховскому(?).

Табрисъ. 17 ноября 1820 г., часъ пополуночи.

Вхожу въ домъ, въ немъ праздничный вечеръ; я въ этомъ домѣ не бывалъ прежде. Хозяинъ и хозяйка, Поль съ женою, меня принимаютъ въ двери. Пробѣгаю первый залъ и еще нѣсколько другихъ. Вездѣ освѣщеніе; то тѣсно между людьми, то просторно. Попадаются многія лица, одно какъ будто моего дяди, другія тоже знакомыя; дохожу до послѣдней комнаты, толпа народу, кто за ужиномъ, кто за разговоромъ; вы тамъ-же сидѣли въ углу, наклонившись къ кому-то, шептали, и ваша возлѣ васъ. Необыкновенно пріятное чувство и не новое, а по воспоминанію мелькнуло во мнѣ, я повернулся и еще куда-то пошелъ, гдѣ-то былъ, воротился; вы изъ той-же комнаты выходите ко мнѣ навстрѣчу. Первое ваше слово: вы ли это А. С.? Какъ перемѣнились? Узнать нельзя. Пойдемте со мною; увлекли далеко отъ постороннихъ въ уединенную, длинную, боковую комнату, къ широкому окошку, головой приклонились къ моей щекѣ, щека у меня разгорѣлась, и подивитесь! вамъ труда стоило, нагибались, чтобы коснуться моего лица, а я, кажется, всегда былъ выше васъ гораздо. Но во снѣ величины искажаются, а все это сонъ— не забудьте.

Тутъ вы долго ко мнѣ приставали съ вопросами, написалъ-ли я что-нибудь для васъ? — Вынудили у меня признаніе, что я давно отшатнулся, отложился отъ всякаго письма, охоты нѣтъ, ума нѣтъ—вы досадовали.—Дайте мнѣ обѣщаніе, что напишете.— Что-же вамъ угодно?—Сами знаете.—Когда же должно быть готово? — Черезъ годъ непремѣнно. — Обязываюсь. — Черезъ годъ, клятву дайте... И я далъ ее съ трепетомъ. Въ эту минуту малорослый человѣкъ, въ близкомъ отъ насъ разстояніи, но котораго я, давно слѣпой, не довидѣлъ, внятно произнесъ эти слова: лѣнь губитъ всякій талантъ... А вы обернясь къ человѣку: посмотрите кто здѣсь?.. Онъ поднялъ голову, ахнулъ, съ визгомъ бросился мнѣ на шею... дружески меня *душитъ*... Катенинъ!.. Я пробудился.

---

[1]) (Величайшее несчастіе, когда нѣтъ истиннаго друга).

[2]) Это малые плоды пройденнаго курса; такъ какъ я не знаю ни слова по-арабски, и вы не получите перевода этого стиха.

Хотѣлось опять позабыться тѣмъ же пріятнымъ сномъ. Не могъ. Вставъ, вышелъ освѣжиться. Чудное небо! Нигдѣ звѣзды не свѣтятъ такъ ярко, какъ въ этой скучной Персіи! Муэдзинъ съ высоты минара, звонкимъ голосомъ возвѣщалъ ранній часъ молитвы (—ч. пополуночи), ему вторили со всѣхъ мечетей, наконецъ вѣтеръ подулъ сильнѣе, ночная стужа разсѣяла мое безпамятство, затеплилъ свѣчку въ моей храминѣ, сажусь писать, и живо помню мое обѣщаніе; *во снѣ дано, на яву исполнится.*

«Les connaissances que je possède se réduisent à celles des langues: Slavone et Russe; Latine, Française, Anglaise, Allemande. Durant ma station en Perse je me suis appliqué au Persan et à l'Arabe. Mais c'est encore peu de chose pour quiconque veut être utile à la société, que d'avoir plusieurs mots pour une idée, comme dit Rivarol, plus on a de lumières, mieux on sert son pays. C'est pour avoir le moyen de les acquérir, que je demande mon congé ou mon rappel d'un triste royaume, où loin d'apprendre quelque chose, on perd même le souvenir de se qu'on savait. J'ai préféré vous dire la vérité au lieu d'alléguer une santé ou une fortune dérangée, lieux communs, auxquels personne ne croit [1]).

22. В. К. Кюхельбекеру.

Тифлисъ, 1-го октября 1822 г.

Любезный Вильгельмъ! Пеняй на мою лѣнь, и правъ будешь. Дивлюсь, коли сохранилъ ты ко мнѣ хотя искру любви, признаю себя совершенно недостойнымъ. Сколько времени утекло! Сколько всего накопилось! Сперва знай, что письмо изъ Харькова, объ которомъ ты упоминаешь, до меня не дошло, слѣдовательно, благодарю не читавши.

Изъ послѣдняго, отъ 22-го августа, вижу, что у тебя опять голова кругомъ пошла. На которую намѣтилъ неудачно? Назови. А я, въ отраду, научу тебя преданію изъ книги, прежде всѣхъ вѣкъ изданной. Эрутъ и Мерутъ были два ангела, ниспосланные Богомъ для отвращенія человѣковъ отъ соблазновъ любви. Тогда же

[1]) Познанія мои заключаются въ знаніи языковъ: славянскаго, русскаго, французскаго, англійскаго, нѣмецкаго. Въ бытность мою въ Персіи я занялся персидскимъ и арабскимъ. Для того, кто хочетъ быть полезенъ обществу, еще мало имѣть нѣсколько выраженій для одной и той же мысли, какъ говоритъ Ривароль; чѣмъ болѣе мы просвѣщены, тѣмъ полезнѣе можемъ быть своему Отечеству. И я именно для того, чтобы пріобрѣсть познанія, прошу объ увольненіи меня отъ службы или объ отозваніи изъ грустной страны, въ которой, вмѣсто того, чтобы чему-нибудь выучиться, еще забываешь то, что знаешь. Я предпочелъ сказать вамъ истину, вмѣсто того, чтобъ выставлять причиной нездоровье или разстройство домашнихъ дѣлъ — обыкновенныя уловки, которымъ никто не вѣритъ.

долу спустилась планета Венера ( ) въ лицѣ жены прелестной. Послы Господни ее увидѣли, смутились въ сердцахъ своихъ, къ ней прилѣпились всею силою чувства... какъ вдругъ взвилась она высоко отъ желателей и воспріяла свое мѣсто въ тѣлахъ небесныхъ. Два ангела — вслѣдъ за нею, но охватили мракъ и пустоту. Вымыселъ стоитъ Иксіонова, а тебѣ дано ихъ обоихъ оправдать своими опытами.

Согласись, мой другъ, что, утративши теплое мѣсто въ Тифлисѣ, гдѣ мы обогрѣвали тебя дружбою, какъ умѣли, ты многаго лишился для своего спокойствія. По крайней мѣрѣ, здѣсь не столько было искушеній: женщины у насъ, коли поблаговиднѣе, укрыты плотностію чадера, а нашихъ одноземокъ природа не вооружила черными волшебствами, которыя души губятъ: любезностію и красотою. Ей Богу, тебѣ здѣсь хорошо было для себя. А для меня?.. Теперь, въ поэтическихъ моихъ занятіяхъ довѣряюсь однѣмъ стѣнамъ. Имъ кое-что читаю изрѣдка свое, или чужое; а людямъ—ничего; некому. Кабы могъ я предложить тебѣ нельстивыя надежды, силою бы вызвалъ обратно. Этому не сбыться; хочешь ли покуда слышать о пріятеляхъ обоего пола?

Гр. Симоничъ женился на хорошенькой княгинѣ Аннѣ Атаровнѣ. Грека, рыцаря промышленности, выгнали отъ Ахвердовыхъ, и я при этомъ остракизмѣ былъ очень дѣятеленъ.

Генеральша Крабе попрежнему родитъ дѣтей, какъ печатаетъ.

Умерли: Наумъ, Юргенсонъ и Мишхарбатъ Бебутовъ, Шпренгель, etc., etc.

Только что было расписался, повѣстили мнѣ объ отъѣздѣ съ г. Клендсъ въ Кахетію; это третье путешествіе съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались...

Январь 1823 г.

И сколько разъ потомъ я еще куда-то ѣздилъ. Цѣлые мѣсяцы прошли, или, лучше сказать, протянулись въ мучительной долготѣ. Оставляю начатыя строки въ свидѣтельство, что не теперь только ты присутственъ въ моихъ мысляхъ.

Однако, куда дѣвалось то, что мнѣ душу наполняло какою-то спокойною ясностію, когда, напитанный древними сказаніями, я терялся въ развалинахъ Бердъ, Шамхора и въ памятникахъ Арабовъ, въ Шемахѣ? Это было во время рамазана, и послѣ, съ тѣхъ поръ, налегла на меня необъяснимая мрачность. А. П. смѣялся; другіе — тоже, и напрасно. Пожалѣй обо мнѣ, добрый мой другъ! помяни Амлиха, вѣрнаго моего спутника въ теченіе 15-ти лѣтъ. Его уже нѣтъ на свѣтѣ. Потомъ Щербаковъ пріі-

ѣхалъ изъ Персіи и страдалъ на рукахъ у меня; вышелъ я на нѣсколько часовъ, вернулся: его уже въ гробъ клали. Кого еще скоситъ смерть изъ пріятелей и знакомыхъ? А весною, конечно, привлечется сюда cholera morbus, которую прошлаго года зимній холодъ остановилъ на нашей границѣ. Трезвые умы,—Коцебу, напримѣръ,—обвиняютъ меня въ малодушіи, какъ-будто я самъ боюсь въ землю лечь, другихъ жаль сторично пуще себя! Ахъ, эти, избалованныя дѣти тучности и пищеваренія, которыя заботятся только о разогрѣтыхъ кострюлькахъ etc., etc. Переселилъ бы я ихъ въ сокровенность моей души: для нея ничего нѣтъ чужаго, — страдаетъ болѣзнію ближняго, кипитъ при слухѣ о чьемъ-нибудь бѣдствіи: чтобъ разъ потрясло ихъ сильно, не отъ одпихъ только собственныхъ золъ!

Сокращу печальныя мои выходки, а все легче, когда этакъ распишешься.

Объявляю тебѣ отъѣздъ мой за тридевять земель, словно мнѣ отягчѣло пророчество: И будетъ ти всякое мѣсто въ предвиженіе.

Пиши ко мнѣ въ Москву, на Новинской площади, въ мой домъ. А тамъ, авось-ли еще хуже будетъ! Давеча, напримѣръ, приносили шубы на выборъ: я, года четыре, совсѣмъ позабылъ объ нихъ. Но какъ же безъ того отважиться въ любезное Отечество! Тяжелыя. Плечи къ землѣ гнетутъ. Точно трупы, запахомъ заражаютъ комнату всякія лисицы, чекалки, волки... И вотъ первый искусъ желающимъ въ Россію: надобно непремѣнно растерзать звѣря и окутаться его кожею, чтобъ потомъ роскошно черпать отечественный студеный воздухъ! Прощай мой другъ.

23. Ю. К. Глинкѣ.

Tiflis, 26 janv. 1823.

«Madame. Après avoir tardé un temps infini de répondre à l'obligente lettre que vous avez bien voulu m'adresser, j'ai beau me creuser le cerveau pour inventer un biais, qui disculpât tant soit peu mon manque de procedé, vous n'en seriez pas dupe. Mais, Madame, veuillez songer aux distances d'abord qui nous séparent, des frequents voyages qui m'ont absorbé les cinq sixièmes de mon séjour dans ce pays, là dessus les plis de ceux qui me vouèrent quelque souvenir, languissant au bureau de poste un siècle avant que je puisse en accuser la réception. En tout ce qui me rassure, c'est la parfaite connaissance que possède mon ami et le vôtre de ce qui me caractérise personnellement. Il doit vous avoir prévenu que dans toutes mes deviations habituelles des usages et convenances ce n'est jamais mon coeur, ni un défaut de sentiment sur lesquels la faute doit être rejetée sans appel.

En recours à votre indulgence pour ce qui me regarde, je m'en vais

vous entretenir un peu d'un homme qui vaut mieux que moi sous tous les rapports, qui vous est bien cher et qui me l'est également. Que fait-il notre bon Guillaume? en butte à une mauvaise fortune avant qu'il ait pu jouir de ce peu d'agrément réel que nous offre la société, tracassé et mésentendu des hommes, tandis qu'il se livre à tout venant avec un abandon de franchise, de cordialité et d'amour.... cela ne devrait-il pas lui attirer une bienveillance générale? Toujours craignant d'être à charge aux autres et ne l'étant qu'à sa propre sensibilité. Je le présume maintenant avec vous (à la campagne, au Gouvernement de Smolensk) entouré d'aimables parents. Qui l'aurait dit, il y a une demi-année, qui je finirai par lui envier jusqu'à l'inclémence de son étoile! Ah! si une partie de malheur est de quelque soulagement pour les malheureux, répetez lui, Madame, que tel qu'il m'a connu ici—insouciant, joyeux et même folâtre, aujourd'hui je me pèse à moi-même, isolé au milieu d'une population qui m'est parfaitement indifférente; encore quelques jours, et je vais abandonner cette ville, l'ennui et le dégout qui m'y persécutent, pour les aller trouver ailleurs peut-être. Dites lui qu'un autre nom est venu se placer à coté du sien sur la liste des proscrits, victimes de l'injustice humaine, K***, un des amis dont le souvenir prêtait encore des charmes à mon pays, quand je songeais à y retourner un jour. Guillaume le connait, il saura de qui il s'agit. Engagez votre excellent frère de se résigner, de considérer nos maux comme un creuset pour le moral, d'où nous sortirons moins agités, plus froids, munis d'une petite morgue bien imposante, comme si l'on avait prospéré toute sa vie; et si le sort accorde un répit au terme de nos jours: une caducité quainteuse, une toux séche et des eternelles redittes à l'edification de la jeunesse,—voilà le bon part, où chacun arrive après tout; moi comme Guillaume, comme les heureux du jour.

Mais pardon, Madame, de vous épisodier ma lettre par un épanchement de mélancolie que j'aurais pu vous sauver: mon intention en prenant la plume était uniquement de me soulager par un sincère aveu du tort que je me sens avoir envers vous et que je ne cesse de me reprocher!

Agréez l'assurance des sentiments de la plus parfaite considération etc., etc., Griboyedof.

Переводъ:

Тифлисъ, 26-го января 1823 г.

Милостивая государыня! Замедля столь долгое время отвѣтомъ на ваше привѣтливое письмо, — ломаю себѣ голову, чтобы придумать хоть что-нибудь въ оправданіе моего поступка; но вѣдь васъ трудно обмануть. Подумайте о пространствахъ, насъ раздѣляющихъ, о вѣчныхъ моихъ разъѣздахъ, занимающихъ пятьшестыхъ моего пребыванія въ этой странѣ: письма тѣхъ, которые меня помнятъ, томятся цѣлый вѣкъ на почтѣ, пока мнѣ удастся ихъ получить. Одно, что меня успокоиваетъ — это то, что мой, а равно и вашъ достойный другъ [1]) хорошо знаетъ всѣ свойства моего характера. Онъ, вѣроятно, предупредилъ васъ, что во всѣхъ обычныхъ мнѣ уклоненіяхъ отъ обычаевъ и приличія невиновны безусловно ни мое сердце, ни недостатокъ во мнѣ чувства.

---

[1]) Вильгельмъ Кюхельбекеръ.

Разсчитывая на ваше снисхожденіе ко мнѣ и моимъ дѣламъ, я хочу поговорить съ вами о человѣкѣ, который во всѣхъ отношеніяхъ лучше меня, и который равно дорогъ, какъ вамъ, такъ и мнѣ. Что онъ подѣлываетъ, нашъ добрый Вильгельмъ, подвергшійся несчастію, прежде нежели успѣлъ воспользоваться столь немногими истинными удовольствіями, доставляемыми намъ обществомъ; мучимый, непонятый людьми, между тѣмъ, какъ онъ отдается каждому встрѣчному съ самою искреннею откровенностью, радушіемъ и любовью... не должно-ли было все это привлечь къ нему общее расположеніе? Всегда опасаясь быть въ тягость другимъ, онъ становится въ тягость лишь своей собственной чувствительности! Я полагаю, что онъ теперь съ вами (въ деревнѣ въ Смоленской губерніи), окруженный любезными родными?

Кто-бы сказалъ полгода тому назадъ, что я кончу тѣмъ, что буду завидовать даже злополучной его звѣздѣ! Ахъ! ежели чье-либо несчастье можетъ облегчить другаго несчастнаго, то передайте ему, что если онъ зналъ меня здѣсь прежде — беззаботнымъ, веселымъ и даже шаловливымъ, то за то теперь я въ тягость самому себѣ и одинокъ среди населенія, къ которому совершенно равнодушенъ; еще нѣсколько дней, и я покидаю этотъ городъ, оставляя здѣсь скуку и разочарованіе, которыя меня преслѣдуютъ здѣсь и которыя, быть можетъ, я обрѣту и въ другомъ мѣстѣ.

Скажите ему, что еще другое имя присоединилось къ его имени въ спискѣ изгнанниковъ, этихъ жертвъ человѣческой несправедливости: это К***, одинъ изъ друзей, о которомъ мысль придавала еще прелесть этой странѣ, когда я разсчитывалъ въ нее современемъ возвратиться. Вильгельмъ знаетъ его и пойметъ, о комъ идетъ рѣчь.

Убѣдите вашего брата покориться судьбѣ и смотрѣть на наши страданія, какъ на нравственныя испытанія, изъ которыхъ мы выйдемъ менѣе пылкими, болѣе хладнокровными, съ запасомъ той душевной твердости, которая возбуждаетъ почтеніе и увѣренность, будто мы всю жизнь нашу благоденствовали; если же судьба отдалитъ конецъ нашихъ дней, то—причудливая дряхлость, сухой кашель и вѣчное повтореніе назиданій молодости, — гавань, къ которой послѣ всего пристанетъ каждый изъ насъ: и я, и Вильгельмъ, и всѣ счастливцы сихъ дней.

Виноватъ, милостивая государыня, что вставилъ въ это письмо меланхолическія изліянія, отъ которыхъ я могъ-бы васъ избавить. Взявшись за перо, я имѣлъ единственное намѣреніе — облегчить себя искреннимъ признаніемъ вины, которую я чувствую передъ вами и въ которой не перестаю себя упрекать.

Примите увѣреніе въ чувствахъ совершеннаго къ вамъ почтенія.

Грибоѣдовъ.

24. Князю В. Ѳ. Одоевскому.

(Апрѣль 1823).

Любезнѣйшій князь. Много благодарю васъ за присылку пріятныхъ произведеній вашего пера. Знаю, что похвалою не угожу вамъ, хотя бы нечего возмущаться и самой щекотливой скромности отъ человѣка прямодушнаго, не кроителя пустыхъ вѣжливостей, и который высоко цѣнитъ свойства ума вашего и да-

рованія. Въ этихъ моихъ чувствахъ надѣюсь еще болѣе утвердиться по вторичномъ прочтеніи вашихъ остроумныхъ памфлетовъ. Вѣрный вашъ А. Грибоѣдовъ.

25. Ему же.

Среда (Апрѣль 1823).

Пишу вамъ два слова, любезнѣйшій князь, а не болѣе: потому что нынѣшній день отправляю множество писемъ съ фельдъегеремъ въ Тифлисъ. Самъ у васъ буду, и тогда условимся, когда именно провести у меня день въ дружеской бесѣдѣ, — безъ женщинъ пуще всего. За оду благодарю васъ. Вѣрный вашъ А. Грибоѣдовъ.

26. Ему же.

(Послѣ іюля 1823).

Любезный другъ. Сдѣлай одолженіе, пришли мнѣ Калайдовича «Памятники Древн. Росс. Словесности», и Арцибашева; да возлѣ тебя въ книжной лавкѣ не найдется ли Гессъ де Кальве, «Теорія музыки», и Успенскій, «Русск. древности изъ частной жизни Россіянъ», одна часть? При семъ прилагаю *25 р.* Извини, что утруждаю тебя моими порученіями, можетъ быть безвременными. Вѣрный твой Грибоѣдовъ.

27. С. Н. Бѣгичеву.

С.-Петербургъ, 10 іюня 1824 года.

Братъ любезный, безцѣнный другъ мой! Ты вѣрно меньше всѣхъ готовъ былъ къ неожиданной тайнѣ моего отъѣзда, но, конечно, лучше всякаго оцѣнилъ его необходимость. Крѣпиться можно до нѣкоторой степени, еще минута и — сдѣлаешься хуже бабы; я знялъ себя, и поступилъ какъ должно, помчался не оглядываясь, и, вплоть до Клина, каждый толчокъ служилъ мнѣ лекарствомъ, облегченіемъ отъ безполезной чувствительности, унынiе превращалось въ досаду на дорогу, а потомъ въ усталость, и пр. На первой станціи нашелъ я портретъ Дениса В. Давыдова, на второй картинку игрока Реньяра съ подписью приличныхъ стиховъ; какое сближеніе обстоятельствъ! Но, будь увѣренъ, что я не улыбнулся, а подумалъ о человѣкѣ, котораго мы всѣ любимъ *). Два раза снѣгъ шелъ на дорогѣ: 29 и 30 мая! Я продрогъ, принужденъ былъ ночевать, на четвертыя сутки поспѣлъ сюда; здѣсь я уже восемь дней гуляю, коли дома, то вѣрно одинъ другаго смѣняетъ въ моей комнатѣ, когда же со двора выхожу, то повсюду разсыпаюсь, — досугъ и воля. Всѣ просятъ у меня манускрипта и—надоѣдаютъ. Шаховской, Жандръ,

*) Прошу покорно Льву этого не показывать.

Гречъ пристаютъ, чтобъ я у нихъ жилъ, и Паскевичъ въ лагерь тащитъ, однако учетвериться невозможно. Всѣ трое объ тебѣ часто вспоминаютъ; я обѣщался дать тебѣ знать. А вотъ и Шмидтъ сейчасъ вошелъ ко мнѣ; ты не повѣришь, какъ онъ съ благодарностію относится объ одолженіяхъ, которыя ты ему дѣлалъ. Съ Самойловымъ видаюсь. Третьяго дня сестры его, графини Бобринской, было рожденье; я у нихъ пировалъ на дачѣ; музыка, дамы, шампанское, и въ старые годы меня-бы оттуда не скоро вытащили, теперь — другая пора, видаюсь по необходимости; только не могу еще тебѣ сказать ничего удовлетворительнаго на счетъ моего требованія. Наумовъ каждый день у меня бываетъ. Я черезъ него знаю объ отпускѣ моемъ и позволеніи ѣхать въ чужіе краи; все это давно уже послано къ Ермолову, и здѣсь готовъ дубликатъ; хочу,—завтра на корабль сяду. Другъ сердечный, разрѣши отъ даннаго мною обѣщанія; свидѣться на короткое время, значитъ, только снова растравить горькое чувство разставанья. Впрочемъ знай, что для меня, во всякомъ случаѣ, что скажешь, то и святое дѣло. Павловъ, Мадатовъ и еще одно лицо, всѣхъ ихъ поважнѣе гораздо чиномъ (съ Трубецкимъ получишь отгадку)—уморительные люди; я столько наглядѣлся смѣшнаго, и сколько низостей!

Теперь объ важныхъ людяхъ кстати: Василій Серг. Ланской, министръ внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго цензура зависитъ, мнѣ по старому знакомству вѣроятно окажется благопріятенъ. Алекс. Семен. тоже. Частію это зависитъ отъ гр. Милорадовича; на-дняхъ онъ меня угощалъ обѣдомъ въ Екатерингофѣ. Вчера я нашелъ у Паскевича Вел. Князя Никол. Павл.; это до цензуры не касается, но чтобъ дать понятіе, гдѣ бываю, и кого вижу.

Съ Трубецкимъ буду писать тебѣ вторично и много. Анну Ивановну поцѣлуй за меня, и Софью Петровну, и Андрея Барышникова, а прочимъ всѣмъ кланяйся.

Пиши: *въ Военно-Счетную Экспедицію, Андрею Андреевичу Жандру;* онъ уже доставитъ мнѣ.—Чепяговъ здѣсь; однимъ глазомъ ослѣпъ, и другой у него чуть держится, каждый день ждетъ, что вовсе зрѣнія лишится.

Никита, братъ Александра Всеволожскаго, Александръ, братъ Володи Одоевскаго, журналистъ Булгаринъ, Мухановъ и сотни другихъ лицъ — всѣ у меня передъ глазами. Прощай, голова вихремъ идетъ. Съ горячностью тебя обнимаю, душевный, милый, несравненный другъ!

Петербургъ. Живу я у Занцата, но адресъ къ Жандру. Ужо ѣду въ Царское.

---

28. Ему же.

(Августъ 1824 года).

Душа, другъ и братъ!—Слава Богу, нашелъ случай мимо почты писать къ тебѣ. Чебышевъ взялся доставить. Онъ подговаривалъ меня вмѣстѣ прокатиться въ Москву, и признаюсь, соблазнительно очень, да сборы его слишкомъ скоры, я не поспѣлъ, или, лучше сказать, не могу въ эту минуту оторваться отъ побрякушекъ авторскаго самолюбія. Надѣюсь, жду, урѣзываю, мѣняю дѣло на вздоръ, такъ что во многихъ мѣстахъ моей драматической картины яркія краски совсѣмъ..., сержусь и возстановляю стертое, такъ что, кажется, работѣ конца не будетъ;... будетъ-же, добьюсь до чего-нибудь; терпѣніе есть азбука всѣхъ прочихъ наукъ; посмотримъ, что Богъ дастъ. Кстати, прошу тебя моего манускрипта никому не читать и предать его огню, коли рѣшишься: онъ такъ несовершененъ, такъ нечистъ; представь себѣ, что я слишкомъ восемьдесятъ стиховъ, или, лучше сказать, риѳмъ перемѣнилъ; теперь гладко, какъ стекло. Кромѣ того, на дорогѣ пришло мнѣ въ голову придѣлать новую развязку; я ее вставилъ между сценою Чацкаго, когда онъ увидалъ свою негодяйку со свѣчею надъ лѣстницею, и передъ тѣмъ, какъ ему обличить ее; живая, быстрая вещь, стихи искрами посыпались въ самый день моего пріѣзда, и въ этомъ видѣ читалъ я ее Крылову, Жандру, Хмѣльницкому, Шаховскому, Гр. и Булг., Колосовой, Каратыгину, дай счесть — *8 чтеній*, нѣтъ обчелся, — двѣнадцать; третьяго для обѣдъ былъ у Столыпина, и опять чтеніе, и еще слово далъ на три въ разныхъ закоулкахъ. Грому, шуму, восхищенію, любопытству конца нѣтъ. Шаховскій рѣшительно признаетъ себя побѣжденнымъ (на этотъ разъ). Замѣчаніемъ Вѣльгорскаго я тоже воспользовался. Но наконецъ мнѣ такъ надоѣло все одно и то-же, что во многихъ мѣстахъ импровизирую, — да, это нѣсколько разъ случилось,—потомъ я самъ себя ловилъ, но другіе не домекались. Voilà ce qui s'appelle sacrifier à l'intérêt du moment. Ты, безцѣнный другъ мой, насквозь знаешь своего Александра; подивись гвоздю, который онъ вбилъ себѣ въ голову, мелочной задачѣ, вовсе несообразной съ ненасытностью души, съ пламенной страстью къ новымъ вымысламъ, къ новымъ познаніямъ, къ перемѣнѣ мѣста и занятій, къ людямъ и дѣламъ необыкновеннымъ. И смѣю ли здѣсь думать и говорить объ этомъ? Могу ли прилежать къ чему-нибудь высшему? Какъ притомъ, съ какой стати, сказать людямъ, что грошевыя ихъ одобренія, ничтожная славишка въ ихъ кругу не могутъ меня утѣшить? Ахъ! прилична ли спѣсь тому, кто хлопочетъ изъ дурацкихъ ру-

коплескаиій? Перебью себя: это выходка не въ пору, будетъ въ пору, когда отсюда вырвусь. Теперь стану продолжать, какъ началъ, кратко и складно, и опять объ кулисахъ, и опять объ актрисахъ. Колосова, по личностямъ съ однимъ изъ членовъ Комитета, еще не заключила новаго условія и при мнѣ не выходила на сцену, но у себя читала мнѣ нѣсколько сценъ Мольера и Мариво. Прекрасное дарованье! иногда замѣтно, что копія, но мѣстами забывается и всякаго заставитъ забыться. Природа свое взяла, пальма въ комедіи принадлежитъ ей неотъемлемо. Разумѣется, что она въ свою очередь плѣнилась моимъ чтеніемъ; не знаю, искренно-ли? Можетъ быть и это — восклицанія изъ Мариво. Но геніальная душа, дарованіе чудное, теперь еще грубое, само себѣ безотчетное, дай Богъ напитаться ему великими образцами, это—Каратыгинъ; онъ часто у меня бываетъ, и какъ всякая сильная черта въ словахъ и въ мысляхъ, въ чтеніи и въ разговорѣ его поражаетъ! Я ему читалъ въ плохомъ французскомъ переводѣ, пятый актъ, и еще нѣсколько мѣстъ изъ Ромео и Юліи Шекспира; онъ было съ ума сошелъ, проситъ, въ ногахъ валяется, чтобъ перевести, коли полѣнюсь, такъ хоть послѣдній актъ, а прочіе Жандру дать, который впрочемъ нисколько меня не прилежнѣе. Я бы съ нимъ готовъ вмѣстѣ трудиться, но не думаю, чтобъ эти литературныя товарищества могли произвести что-нибудь въ цѣломъ хорошее; притомъ же я стану переводить съ подлинника, а онъ съ дурнаго списка; сладить трудно, перекраивать Шекспира дерзко, да и я бы гораздо охотнѣе написалъ собственную трагедію, и лишь-бы отсюда вонъ, напишу непремѣнно.

Однако замѣть, что я поглупѣлъ здѣсь: три страницы исписалъ, а главное, объ чемъ съ первой строки хотѣлъ и теперь хочу навѣдаться, улетѣло на воздухъ за безконечными толками о чтеніи и представленіи, объ шутахъ и шутовствѣ.

Что ты самъ, мой другъ? какъ провелъ время.....? Ты мнѣ объ этомъ скромничаешь; объ Аннѣ Ивановнѣ говоришь только, что на-дняхъ будетъ матерью, что я и безъ тебя знаю, а какова она? терпѣливо ли ждетъ роковой минуты? Боже оборони, не страдаетъ ли попрежнему? не боится ли? Можетъ быть теперь уже все рѣшилось? Пиши мнѣ тотчасъ. Да скажи ей, моему милому другу, что если монашескія, искреннія желанія и обѣты доходятъ до Господа Бога, такъ никому въ свѣтѣ легче ея не рожать. Я врагъ крикливаго пола, но двѣ женщины не выходятъ у меня изъ головы: твоя жена и моя сестра; я не разлучаю ихъ ни въ воспоминаніяхъ, ни въ молитвахъ. Да еще скажи ей, коли намъ вчетверомъ съ Соф. Петр. бывало весело, такъ конечно во сто

разъ будетъ веселѣе, когда дитя ея станетъ переходить съ рукъ на руки, отъ матери къ отцу, а отъ отца (потому что не умѣетъ быть нѣжнымъ съ дѣтьми) тотчасъ ко мнѣ. Постой, однако, и пишу, и боюсь; лучше ничего не говори ей до поры до времени, а только кланяйся и поцѣлуй, а также и Соф. Петр. дружеское объятіе и поклонъ нижайшій.

Прощай. Хотѣлъ было еще писать тебѣ о Катенинѣ и объ его Андромахѣ: я лучшія мѣста списалъ для тебя. Но какимъ оно дурнымъ слогомъ въ ухо бьетъ, кромѣ 4-го акта, конца 5-го и 3-го. И какъ третій актъ превосходенъ, не смотря на дурной слогъ! Впрочемъ я дурное замѣчаю тебѣ для того только, что въ печати это скорѣе всего замѣтятъ; на сценѣ оно скрадется хорошимъ чтеніемъ; вообще какъ бы мало это стоило выправить и сгладить, и не давать повода къ придиркамъ. Славный человѣкъ, умъ превосходный, высокое дарованье, пламенная душа, и все это гибнетъ втунѣ. Прощай, пожалуйста отпусти, не могу отвязаться, болтаю какъ 60-лѣтняя старуха. Пуквило не могъ еще достать, запрещенъ; есть онъ у Столыпина и Дашкова, но, разумѣется, они не продадутъ. Коли увидишь сестру Машу, дай ей мое письмо, пусть начитается до-сыта, а потомъ разорви на клочки. Я ничего объ моихъ не знаю, въ Москвѣ ли они, въ деревнѣ ли? Дмитрія, красоту мою, расцѣлуй, такъ чтобы еще болѣе зардѣлись пухлыя его щечки. Алекс. Васильевну тоже, Дениса и Льва и весь освященный соборъ. Верстовскому напиши обо мнѣ, и пожми за меня руку. — Представь, что я сейчасъ только вспомнилъ объ Маврахъ; бѣгу въ цензуру.

1000 руб. я не получалъ, а нужда смертная. Похвали меня: пріѣхалъ сюда ровно съ тысячью рублями, три бѣленькихъ 25-рублевыхъ и нѣсколько синихъ ведутся, живу въ трактирѣ, сперва обѣдалъ каждый день въ клубѣ, а теперь чаще всего дома. Прощай, прощай, прощай.

29. Ему же.

31-го августа 1824 года.

Братъ любезный! не ѣду къ тебѣ, и не пишу тебѣ, совѣсть мучитъ. Слушай. Узнавши о твоей новорожденной, первое мое движеніе было къ тебѣ летѣть, поздравить и обнять крѣпко-накрѣпко мать, отца и весь домъ; право, ходя по комнатѣ, я уже у васъ былъ, нянчилъ ребенка, шалилъ съ кормилицею, но проклятый недочетъ въ прогонахъ все испортилъ, взять было неоткуда, Левъ и Солнце давно уже покоятся въ ломбардѣ, а Чебышеву задолжать—сохрани меня Боже! Я отъ него сюда бѣ-

жалъ въ Стрѣльну; представь себѣ, что онъ вздумалъ ко мнѣ приписаться въ самые нѣжные друзья, преслѣдовалъ меня экстазами по улицамъ и театрамъ, и наконецъ переѣхалъ въ три номера Демутова трактира и всѣ три возлѣ моей комнаты: два по сторонамъ и одинъ антресоли; каково-же встрѣчать вездѣ Чебышева! По бокамъ Чебышевъ! надъ головой Чебышевъ! Я, не говоря ему ни слова, велѣлъ увязать чемоданы, сѣлъ въ коляску, покатился вдоль поморія, и приталъ у Одоевскаго, будто на перепутіи; много верхомъ ѣзжу, катаюсь по морю; дни прекрасные, жизнь свободная!

Не сердись, мой истинный другъ; гдѣ бы я ни затерялся, первый ты на умѣ и на языкѣ. Нѣтъ у меня ни жены, ни дочери. Думою принадлежу тебѣ одному. Прощай.

Вѣрный другъ
А. Г.

Стрѣльна.

30. П. А. Катенину.

17 октября (1824)

Любезный другъ. Положимъ что я уже извинился, какъ слѣдуетъ, и ты мнѣ простилъ 5-ти-лѣтнее молчаніе, А. А. доскажетъ тебѣ остальное. Жаль, что не могу попасть къ тебѣ въ Кострому, а такъ давно собираюсь! Но мнѣ есть утѣшеніе: коли не съ тобою, такъ о тебѣ бесѣдую часто, и съ тѣми даже, съ кѣмъ ты незнакомъ, и кто тебя не стоитъ. На-дняхъ все какъ будто судьбою устроено, чтобы мнѣ сердцемъ и мыслями перенестись къ тебѣ, почтенный другъ. Люди менѣе несправедливы на твой счеть; стало и объ нихъ можно передать тебѣ вѣсти. Чаще прежняго произноситъ твое имя Андромаха, которая должна явиться въ альманахѣ; въ Парижѣ вышли о тебѣ отзывы, исполненные уваженія; въ театрѣ превозносятъ Каратыгина, и тебѣ приписываютъ развитіе его дарованія. Жоминьи и пр. его чрезвычайно хвалитъ, находитъ только, что не должно бы ноги ставить параллельно; car c'est donner dans le drame. Было бы о чемъ расписаться, но мелочи, главныя черты Петербурга и его глупцовъ тебѣ болѣе, чѣмъ мнѣ, извѣстны. Я по крайней мѣрѣ все нашелъ по-старому; у Шаховскаго прежнія погремушки, только имя новое, онъ вообразилъ себѣ, что перешелъ въ романтики, и съ тѣхъ поръ ни одна сказка, ни басня не минуетъ его рукъ, все перекраиваетъ въ пользу Дюръ, Брянскаго и пр.; на-дняхъ, кажется соорудилъ трилогію изъ Медвѣдя и Пустынника Крылова. Я у него бываю, отъ того, что всѣ другіе его ругаютъ,—это въ моихъ глазахъ придаетъ ему нѣкоторое досто-

инство. Жандръ пробудился изъ усыпленія, переводитъ Венцеслава необыкновенно хорошо, безъ ріемъ и тѣмъ лучше выходитъ. Самъ не отстаю отъ толпы пишущихъ собратій. А. А. везетъ къ тебѣ мои ріемы: прочти, разсмѣйся, замѣть, что не по тебѣ, орѳографію отъ себя дополни,—переписывалъ кто-то въ Преображенскомъ полку.

Мы помѣнялись ролями. Бывало получу отъ тебя нѣсколько строкъ, и куда Востокъ дѣнется, не помню гдѣ, съ кѣмъ, въ Табризѣ воображу себя вдругъ между прежними друзьями, опомнюсь, вздохну глубоко, и предаю себя въ волю Божію; но я былъ добровольнымъ изгнанникомъ, а ты!... Милый, любезнѣйшій другъ, не тужи, право не о чемъ и не объ комъ. Тебѣ грустить не должно, всѣ мы здѣсь ужаснѣйшая дрянь. Боже мой! когда вырвусь изъ этого мертваго города!—Знай однако, что я здѣсь на перепутьи въ чужіе краи, попаду ли туда, не ручаюсь, но вотъ какъ располагаю собою: Отсюдова въ Парижъ, потомъ въ южную Францію, коли денегъ и времени достанетъ, захвачу нѣсколько приморскихъ городовъ, Италію,—и Ѳракійскимъ Воспоромъ въ Черное море и къ берегамъ Колхиды. Кстати о ней. Вчера храпѣлъ я у нѣмцевъ при шумѣ, трескѣ и грохотѣ ямбъ Грильпарцера,—давали его Золотое руно. Главный планъ соображенъ счастливо. Въ первой части Медея представлена въ отечествѣ, куда прибываютъ Аргонавты, Царь Кольховъ желалъ бы освободиться отъ воинственныхъ иноземцевъ, прибѣгаетъ къ чародѣйству дочери; она въ первый разъ познала, что сверхъ-естественныя силы даны ей на пагубу, въ борьбѣ между долгомъ и любовью, которою наконецъ совершенно побѣждается, и для пришельца забываетъ отца и боговъ своихъ. Чудно, что нѣмецъ, и слѣдовательно ученый человѣкъ, не воспользовался лучше преданіями о звѣрскихъ нравахъ древней Колхіи, ни на минуту не переносится туда воображеніемъ; притомъ, если бы повелъ онъ Арна по всѣмъ мытарствамъ, Медея, мужественная его сопутница, гораздо-бы болѣе возбудила въ себѣ соучастія. Французу это невозможно, но Грильпарцеръ—какими стѣсненъ былъ условіями? Вторая часть начинается прекрасно (такъ ли я только помню?). Медея передъ тѣмъ, какъ вступить ей въ Коринѳъ, отрекается отъ всѣхъ волшебствъ, хочетъ пожить безропотно съ мужемъ и дѣтьми, зарываетъ въ землю фіалъ съ зеліемъ, руно, жезлъ и покровъ чародѣйный; жаль только, что поэтъ заставляетъ ее всю свою утварь укладывать въ *чемоданъ*, а не прямо въ землю! Во второмъ актѣ превосходное мѣсто, когда посланный отъ Амфиктіоновъ требуетъ ея изгнанія изъ Коринѳа, все прочее глупо до крайности. Авторъ тонетъ въ мелочныхъ семейственныхъ по-

дробностяхъ и трагическія его лица спускаются ниже самыхъ обыкновенныхъ людей. Актриса м-ль Оредерюнь не безъ дарованій, но подрядилась каждому стиху давать отдѣльное выраженіе, и утомляетъ, притомъ не имѣетъ пламенной души, какъ наша Семенова. Сказать ли тебѣ два слова о Колосовой? въ трагедіи обезьяна старшей своей соперницы, которой средства ей однако не дались, въ комедіи могла бы быть превосходна, она и теперь, разумѣется, лучше Валберховой и тому подобныхъ... только кривляетъ свое лицо непомѣрно, передразниваетъ кого-то, думаю, что Мариво; потому что плѣнилась ея игрою, какъ сама мнѣ сказывала, собственную природу выпустила изъ виду, и рѣдко на нее попадаетъ, и какъ однообразна! Шаховской не признаетъ въ ней ни искры таланта; я не согласенъ съ нимъ, конечно она еще не дошла и въ половину до той степени совершенства, до которой могла бы достигнуть. Въ заключеніе скажу тебѣ, что для одного Каратыгина порядочные люди собираются въ Русскій театръ, несмотря на скудность трагическаго репертуара. Пиши, ради Бога, долго ли намъ слушать что:

Едва лучъ утренній намъ въ мракѣ свѣтитъ ночи,
Въ Авлидѣ лишь одни отверсты наши очи.

Прощай, мое сокровище. Комнатный товарищъ, Одоевскій, сейчасъ воротился съ бала и шумитъ въ передней; два часа ночи; кабы А. А. не завтра отправлялся, я бы не такъ торопился, и многое бы придумалъ, чтобы разбить твои мысли. Еще разъ прощай, и полюби меня по-старому. Обнимаю тебя отъ души. Ей Богу! готовъ бы сейчасъ въ ссылку, лишь бы этимъ тебѣ купить облегченіе жестокой и незаслуженной судьбы.

Вѣрный твой
А. Грибоѣдовъ.

31. Ѳ. В. Булгарину.

Октябрь 1824.

Милостивый государь, Ѳаддей Венедиктовичъ. Тонъ и содержаніе этого письма покажутся вамъ странны; что же дѣлать?! Вы сами тому причиною. Я долго думалъ, не рѣшался, наконецъ, принялъ твердое намѣреніе — объявить вамъ истину, il vaut mieux tard, que jamais. Признаюсь, мнѣ самому жаль, потому что съ перваго дня нашего знакомства вы мнѣ оказали столько ласковостей; хорошее мнѣніе обо мнѣ я въ васъ почитаю искреннимъ. Но, несмотря на все это, не могу далѣе продолжать нашего знакомства. Лично не имѣю противъ васъ ничего; знаю, что намѣреніе ваше было чисто, когда вы меня, подъ

именемъ Талантина, хвалили печатно и, конечно, не думали тѣмъ оскорбить. Но мои правила, правила благопристойности и собственное къ себѣ уваженіе не дозволяютъ мнѣ быть предметомъ похвалы незаслуженной, или во всякомъ случаѣ слишкомъ предускоренной. Вы меня хвалили, какъ автора, а я именно, какъ авторъ, ничего еще не произвелъ истинно-изящнаго. Не думайте, чтобы какая-нибудь внѣшность, мнѣнія другихъ людей меня побудили къ прерванію съ вами знакомства. Вѣрьте, что для меня моя совѣсть важнѣе чужихъ пересудовъ; и смѣшно бы было мнѣ дорожить мнѣніемъ людей, когда всемѣрно отъ нихъ удаляюсь. Я просто въ несогласіи самъ съ собою: сближаясь съ вами болѣе и болѣе, трудно самому увѣриться, что ваши похвалы были мнѣ не по сердцу, боюсь поймать себя на какой-нибудь низости, не выкланиваю ли я еще горсточку ладана!!

Разстанемтесь. Я бѣгать отъ васъ не буду, но коли гдѣ встрѣтимся, то безъ пріязни и безъ вражды. Мы другъ друга болѣе не знаемъ. Вы вѣрно поймете, что, поступая, какъ я теперь, не съ горяча, а по весьма долгомъ размышленіи, не могу уже ни шагу назадъ отступить. Конечно, и васъ чувство благородной гордости не допуститъ опять сойтись съ человѣкомъ, который отъ васъ отказывается. Гречу объясню это пространнѣе... а можетъ быть и нѣтъ, какъ случится. Прощайте. Я объ васъ всегда буду хорошихъ мыслей, даже почитаю долгомъ отзываться объ васъ съ благодарностію. Вы обо мнѣ думайте, какъ хотите. Милостивый государь, вашъ всепокорнѣйшій А. Грибоѣдовъ.

32. С. Н. Бѣгичеву.

С.-Петербургъ, 4-го января 1825 года.

Другъ и братъ! Пишу къ тебѣ въ пятомъ часу утра — не спится. Нынче день моего рожденія, — что же я? На полпути моей жизни, скоро буду старъ и глупъ, какъ всѣ мои благородные современники.

Вчера я обѣдалъ со всею сволочью здѣшнихъ литераторовъ. Не могу пожаловаться, отовсюду колѣнопреклоненія и ѳиміамъ, но вмѣстѣ съ этимъ—сытость отъ ихъ дурачествъ, ихъ сплетень, ихъ мишурныхъ талантовъ—и мелкихъ ихъ душишекъ. Не отчаивайся, другъ почтенный, я еще не совсѣмъ погрязъ въ этомъ трясинномъ государствѣ. Скоро отправлюсь и—надолго. Даже на счетъ любви моей будь беззаботенъ; я расхолодѣлъ, хотя моя Людмила часъ отъ часу болѣе ко мнѣ жмется. 1 № «Сынъ Отечества» разгадалъ тебѣ загадку. Скажу тебѣ коротко, какъ это все завязалось. Долго я жилъ уединенъ отъ всѣхъ, вдругъ тоска

выѣхала на бѣлый свѣтъ—куда, какъ не къ Шаховскому? Тамъ, по крайней мѣрѣ, можно гулять смѣлою рукою по лебяжьему пуху милыхъ друзей. Въ три, четыре вечера Телешова меня съ ума свела, и тѣмъ легче, что въ первый разъ и сама свыклась съ тѣмъ чувствомъ, отъ котораго я въ грѣшной моей жизни чернѣе угля выгорѣлъ.—И что для меня заманчиво было,—что соперникомъ у меня Милорадовичъ,..... идолъ Шаховскаго, который ему подличаетъ. Оба.....! Я этого..... бѣсилъ ежедневно, возбуждалъ противъ себя негодованіе всего дома, потомъ стрѣлялъ какимъ-нибудь тряпичнымъ подаркомъ въ Ежову, и опять мирился, и опять ссорился. Между тѣмъ Телешова до такой степени въ три недѣли нашей симпатіи успѣла въ танцахъ, что здѣсь не могли ей надивиться; всякій спрашивалъ ее, отъ чего такая прелестная перемѣна, такое совершенство. А я одинъ, стоя, торжествовалъ; наконецъ *я разразился* риѳмами, которыя ты вѣроятно читалъ. Представь себѣ, съ тѣхъ поръ я остылъ, рѣже вижусь, чтобъ не разочароваться. Или то меня съ ногъ сшибло, что теперь не такъ закрыто, завѣса отдернута, самъ цѣлому городу пропечаталъ мою тайну, и съ тѣхъ поръ радость мнѣ не въ радость. Разсмѣйся.

Братъ! ты меня зовешь въ деревню. Коли не теперь, не нынѣшнимъ лѣтомъ, такъ вѣрно со временемъ у тебя попщу прибѣжища, не отъ буреи, не отъ угрызающихъ скорбей, но рѣшительно отъ пустоты душевной. Какой міръ! Кѣмъ населенъ! И какая дурацкая его исторія!

Прощай, мой другъ; побывай у матушки. Любовь во второй разъ, вмѣсто чужихъ краевъ, опредѣлила мнѣ киснуть между своими финнами. Въ 15-мъ и 16-мъ году точно то же было. Теперь я пропустилъ славный случай: Жомини хотѣлъ со мною путешествовать.—Mais en attendant qu'il faisait ses malles, je faisais l'amour,—и онъ укатилъ одинъ.

Получилъ ли ты мое письмо на-дняхъ? и какимъ образомъ не дошла до тебя моя и Шаховскаго эпистола, вскорѣ послѣ наводненія? Пиши, братъ, не лѣнись, поправь-ка черный колпакъ на головѣ, да примись за перо. Послушай: моя тысяча лежитъ дома еще за прошлый годъ; выручи ее, братъ, въ уплату 2,300, или подождешь? Ты вѣдь замышляешь о расширеніи своихъ владѣній, такъ монета нужна. Дениса Васильевича обнимай и души отъ моего имени. Нѣтъ, здѣсь нѣтъ этакой буйной и умной головы, я это всѣмъ твержу; всѣ они, сонливые меланхолики, не стоютъ выкурки изъ его трубки. Дмитрію, Александрѣ Васильевнѣ, Аннѣ Ивановнѣ, чадамъ и домочадцамъ многія лѣта.

33. Ему же.

(Январь) 1825 года.

Здравствуй, любезный другъ Степанъ! Не собраться бы мнѣ къ тебѣ писать, если бы не сидѣлъ я у Грибоѣдова, а всякій день было въ головѣ непремѣнно писать къ тебѣ и много; и такъ еще...

Жандръ.

Вотъ тебѣ Жандровы строки, другъ и братъ; онъ у меня нынче обѣдаетъ, и я принудилъ его начертить тебѣ нѣсколько каракулей. О себѣ нечего тебѣ сказать, живу и люблю тебя попрежнему; что въ городѣ дѣлается,—не знаю, и знать не хочу. Сдѣлай одолженіе, напиши мнѣ что-нибудь о вашемъ.... Каковъ....? И что онъ проповѣдуетъ? Катенинъ изъ своего уединенія Богъ знаетъ какой бредъ сюда высылаетъ. Напр. разговоръ Булгарина, который ты оцѣнилъ по достоинству, онъ весь на свой счетъ беретъ, какъ самое язвительное злоумышленіе противъ Андромахи. О, его и наше вообще самолюбіе!

Сюда явился Павловъ изъ Тифлиса, да, жаль,.... и ничего не знаетъ. Прощай.

Обнимаю тебя накрѣпко
Вѣрный твой, у Новосильцова.
А. Г.

Венцеслава велю переписать и пришлю къ тебѣ.

---

34. П. А. Катенину.

(Январь 1825 года).

Умнѣйшій, любезнѣйшій Павелъ Александровичъ! Вчера я получилъ твое письмо, и знаешь ли какое оно дѣйствіе произвело на меня? Я заперся на цѣлый день, и у огонька моей печки полсутки пожилъ съ тобою, почтенный другъ. Прежніе года съ такою полнотою оживились въ моей памяти! Давно я не проводилъ времени такъ уединенно, и между тѣмъ такъ пріятно!... Критика твоя, хотя жестокая и вовсе не справедливая, принесла мнѣ истинное удовольствіе тономъ чистосердечія, котораго я напрасно буду требовать отъ другихъ людей; не уважая искренности ихъ, негодуя на притворство, чортъ ли мнѣ въ ихъ мнѣніи? Ты находишь главную погрѣшность въ планѣ: — мнѣ кажется что онъ простъ и ясенъ по цѣли и исполненію; дѣвушка сама не глупая предпочитаетъ дурака умному человѣку (не потому чтобы умъ у насъ грѣшныхъ былъ обыкновененъ, нѣтъ! и въ моей комедіи 25 глущовъ на одного здраво мыслящаго человѣка); и этотъ человѣкъ разумѣется въ противурѣчіи съ об-

ществомъ, его окружающимъ, его никто не понимаетъ, никто простить не хочетъ, за то онъ немножко повыше прочихъ; сначала онъ веселъ, и это порокъ: «*Шутитъ и въкъ шутитъ, какъ васъ на это станетъ!*»—Слегка перебираетъ странности прежнихъ знакомыхъ,—что же дѣлать, коли нѣтъ въ нихъ благороднѣйшей замѣтной черты! Его насмѣшки неязвительны, покуда его не взбѣсить, но все-таки: «*Не человѣкъ! змѣя!*»—а послѣ, когда вмѣшивается личность «нашихъ затронули», предается анаѳемѣ: «*Унизитъ радъ, кольнутъ, завистливъ, гордъ и золъ!*» Не терпитъ подлости: «*ахъ! Боже мой, онъ Карбонарій!*» Кто-то со злости выдумалъ объ немъ, что онъ сумасшедшій, никто не повѣрилъ и всѣ повторяютъ, голосъ общаго недоброохотства и до него доходитъ, притомъ и нелюбовь къ нему той дѣвушки, для которой единственно онъ явился въ Москву, ему совершенно объясняется, онъ ей и всѣмъ наплевалъ въ глаза и былъ таковъ. Ферзь тоже разочарована насчетъ своего сахара медовича. Что же можетъ быть полнѣе этого? «*Сцены связаны произвольно*». Такъ же какъ въ натурѣ всякихъ событій, мелкихъ и важныхъ: чѣмъ внезапнѣе, тѣмъ болѣе завлекаютъ въ любопытство. Пишу для подобныхъ себѣ, а я, когда по первой сценѣ угадываю десятую: раззѣваюсь и вонъ бѣгу изъ театра. «*Характеры портретны*». Да! и я, коли не имѣю таланта Мольера, то по крайней мѣрѣ чистосердечнѣе его; портреты, и только портреты входятъ въ составъ комедіи и трагедіи; въ нихъ однако есть черты, свойственныя многимъ другимъ лицамъ, а иныя всему роду человѣческому настолько, насколько каждый человѣкъ похожъ на всѣхъ своихъ двуногихъ собратій. Каррикатуръ ненавижу, въ моей картинѣ ни одной не найдешь. Вотъ моя поэтика; ты воленъ просвѣтить меня, и коли лучше что выдумаешь, я позаймусь отъ тебя съ благодарностью. Вообще я ни передъ кѣмъ не таился и сколько разъ повторяю (свидѣтельствуюсь Жандромъ, Шаховскимъ, Гречемъ, Булгаринымъ etc. etc. etc.), что тебѣ обязанъ зрѣлостію, объемомъ, и даже оригинальностію моего дарованія, если оно есть во мнѣ. Одно прибавлю о характерахъ Мольера: Мѣщанинъ во дворянствѣ, Мнимый больной — портреты, и превосходные; Скупецъ: Антропосъ—собственной фабрики, и несносенъ.

«*Дарованія болѣе, нежели искусства*». Самая лестная похвала, которую ты могъ мнѣ сказать; не знаю, стою ли ея? Искусство въ томъ только и состоитъ, чтобъ поддѣлываться подъ дарованіе; а въ комъ болѣе вытвержденнаго, пріобрѣтеннаго потомъ и мученіемъ искусства угождать теоретикамъ: т. е. дѣлать глупости, въ комъ, говорю я, болѣе способности удовлетворять

школьнымъ требованіямъ, условіямъ, привычкамъ, бабушкинымъ преданіямъ, нежели собственной творческой силы, тотъ, если художникъ, разбей свою палитру и кисть, рѣзецъ или перо свое брось за окошко; знаю, что всякое ремесло имѣетъ свои хитрости, но чѣмъ ихъ менѣе, тѣмъ спорѣе дѣло, и не лучше ли вовсе безъ хитростей? *nugae difficiles*. Я какъ живу, такъ и пишу: свободно и свободно.

35. Ему же.

14 февраля (1825).

Тѣ двѣ страницы посылаю тебѣ недописанныя. Онѣ уже мѣсяцъ какъ начаты, и что я хотѣлъ прибавить, не помню, но вѣроятно о себѣ: и такъ благодарю мою память, что она мнѣ на сей разъ измѣнила. Ты говоришь, что замѣчанія твои останутся между нами. Нѣтъ, мой другъ, я уже давно отъ всякихъ тайнъ отказался, и письмо твое на другой же день сообщилъ съ кѣмъ только встрѣтился: Дельвигу, между прочимъ, котораго два раза въ жизни видѣлъ, Булгарину, Муханову, Наумову, Одоевскому, Каратыгину, и тогда же вечеромъ Варв. Семен., Жандру и всѣмъ, кто у нихъ на ту пору случился. Вѣроятно еще многимъ, но кто же теперь всѣхъ ихъ упомнитъ?

Братъ твой былъ у меня и очень обрадовался разсказами о тебѣ, какъ ты весслишься и танцуешь въ Костромѣ.

Слушай, зачѣмъ ты не обратишься съ просьбою прямо къ Государю? вѣрно ему давно уже извѣстно, что ты оклеветанъ, и конечно онъ бы воротилъ тебя изъ ссылки. Попытайся, сдѣлай это для себя и для твоихъ искреннихъ пріятелей.

Отвѣтъ твой подлецу Р. В. Д. напечатанъ. Доволенъ ли ты? Всѣ благомыслящіе люди на твоей сторонѣ, но издателямъ много труда стоило добиться позволенія отъ Министерства къ напечатанію твоего картеля. Какой ты однако вздоръ пишешь Жандру о разговорѣ Булгарина въ Таліи. Этотъ человѣкъ подкапывается подъ рухлую славу Лобанова, такъ же врагъ Гнѣдичева перевода Андромахи (сколько я знаю, хотя бы и не хотѣлъ знать литературныхъ подлостей и сплетень), какъ же ты могъ это взять на свой счетъ! На сей разъ я точно поскромничаю и письма твоего не оглашу всенародно, Гречу и Булгарину ничего не скажу изъ того, что было ты поручилъ, и... думается, ты самъ видишь, какъ жестоко обмануло тебя мрачное твое расположеніе... Ты требуешь моего мнѣнія о твоихъ Сплетняхъ и Сидѣ. Сплетни, сколько я помню, не произвели на меня пріятнаго впечатлѣнія; онѣ не веселы, и слогъ не довольно натураленъ, хоть и есть

иные стихи превосходные. Въ Сидѣ есть одна сцена (особенная), которая мастерски переведена, и читана мною и прочитана сто разъ публично и про себя. Это встрѣча Діега съ Родригомъ, въ домѣ Химены, не помню въ концѣ ли 3-го или 4-го акта,—ее безъ слезъ читать нельзя; вообще весь переводъ приноситъ тебѣ много чести, но также попадаются небрежности въ слогѣ, жесткости и ошибки противъ языка (для тѣхъ, кто ихъ замѣчать хочетъ), точно такія же погрѣшности повредили твоему напечатанному отрывку изъ Андромахи, не въ мнѣніи безпристрастныхъ цѣнителей изящнаго, но тѣхъ, которые давно уже каждый шагъ твой оспариваютъ на поприщѣ трудовъ и славы.—Зачѣмъ ты не даешь съиграть Андромахи? Семенова душою этого желаетъ; соединеніе такихъ двухъ талантовъ, какъ она съ Каратыгинымъ, не всегда случается, можетъ быть онъ въ чужіе краи отправится, и тогда трагедіи твоей опять лежать въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Прощай, мой свѣтъ, пиши ко мнѣ скорѣе на имя Жандра, но скорѣе: потому что я здѣсь еще не долго промедлю. А живу я точно, какъ ты въ Кологривѣ, очень уединенно, рѣдко съ кѣмъ вижусь изъ старыхъ моихъ знакомыхъ, съ большимъ числомъ изъ нихъ не возобновилъ прежнихъ короткихъ связей, вновь ни съ кѣмъ не дружусь, лѣта не тѣ, сердце холоднѣе. Прощай, обнимаю тебя отъ души.

Вѣрный твой А. Г.

NB. Сдѣлай одолженіе, рѣшись обратиться съ просьбою прямо къ Государю. Кромѣ собственной его души, ни на чью здѣсь не надѣйся, никто за брата роднаго не похлопочетъ. Зачѣмъ ты Телешову дрянью называешь, не имѣя объ ней никакого понятія? Какъ же на другихъ пенять, когда ты такъ рѣзко судишь о томъ, чего не знаешь?

36. С. Н. Бѣгичеву.

С.-Петербургъ, 18 мая 1825 года.

Безцѣнный другъ и братъ! Ты не досадуй, что я до сихъ поръ позамедлилъ отвѣтомъ на милое твое письмо, съ приложеніемъ антикритики противъ ***. Ты уже вѣрно изъ газетъ знаешь, что Столыпинъ, съ которымъ я въ путь собирался, умеръ. Мы бы его похоронили и все тутъ, но вдова его ангелъ, а не женщина; одно утѣшеніе находитъ быть со мною. Это съ ея стороны довольно мечтательно, но ихъ полъ не то, что мы; сама она же говоритъ, что всякая женщина какъ плющъ, должна обвиваться вокругъ кого-нибудь, и безъ опоры погибнетъ. Отъ

меня слишкомъ бы жестоко было лишить ее (хоть это и не можетъ продлиться) моего присутствія въ ту самую минуту, въ которую оно ей необходимо, и я покуда остаюсь. Бѣдное человѣчество! Что ваши радости и что печали? Какъ бы то ни было, я не долго замѣшкаюсь. Ее со всѣмъ семействомъ отецъ Н. С. Мордвиновъ перевезетъ къ себѣ на дачу; тогда и я свободно помчусь *наконецъ*.

Ты съ жаромъ вступился за меня, любезный мой. Благодарю тебя и за намѣреніе, и за исполненіе. Я твою тетрадку читалъ многимъ пріятелямъ, всѣ ею были очень довольны, а я вдвое, потому что теперь коли отказался ее печатать, такъ конечно не оттого, чтобы въ ней чего-нибудь недоставало. Но слушай. Я привыкъ тебя уважать; это чувство къ тебѣ вселяю въ каждаго новаго моего знакомца; какъ же ты могъ думать, что допущу тебя до личной и публичной схватки..... и все это за человѣка, который бы хотѣлъ, чтобы всѣ на тебя смотрѣли какъ на лицо высшаго значенія, неприкосновенное, друга, хранителя, котораго я избралъ себѣ съ ранней молодости, какъ отчасти по симпатіи, такъ равно столько же по достоинству. Ты вспомни, что я себя совершенно поработилъ нравственному твоему превосходству. Ты правилами, силою здраваго разсудка и характера всегда стоялъ выше меня, да и коли я талантомъ и чѣмъ-нибудь сдѣлаюсь извѣстенъ свѣту, то и это глубокое, благочестивое чувство къ тебѣ перелью въ..... моего почитателя. — И такъ плюнь;..... въ одномъ только случаѣ возьмись за перо въ мою защиту, если я буду въ отдаленіи, или умру прежде тебя, и кто-нибудь, мой ненавистникъ, вздумаетъ чернить мою душу и поступки. Теперешній твой манускриптъ оставлю себѣ на память.

Вильгельмъ третьяго дня разбудилъ меня въ четвертомъ часу ночи, я уже засыпалъ глубокимъ сномъ; на другой день — поутру, въ седьмомъ; оба раза испугалъ меня до смерти, и извинялся до безконечности. Но дѣло не шуточное: побранился съ Львомъ Пушкинымъ, хочетъ драться; вѣроятно я ихъ примирю, или сами уймутся. Узнаешь ли ты нашего неугомоннаго рыцаря?

Прощай. Нынѣшній вечеръ играютъ въ школѣ, приватно, безъ дозволенья цензуры, мою комедію. Я весь день вѣроятно проведу у Мордвиновыхъ, а часовъ въ девять явлюсь посмотрѣть на мое чудо, какъ его коверкать станутъ.—Журналисты повысились въ моихъ глазахъ 5-ю процентами: очень хлопочутъ за Кюхельбекера, приняли его въ сотрудники, и, кажется, удастся опредѣлить его къ казенному мѣсту. У Шишкова не удалось, въ Поч-

тамтѣ тоже, и въ Горномъ Департаментѣ, но гдѣ-нибудь откроется щелка.

Сейчасъ помирилъ Вильгельма.—Съ той минуты перебывало у меня 20 человѣкъ, голову вскружили.—Прощай.

Обнимаю тебя и любезную Анну Ивановну.

37. Ему же.

Кіевъ, 4-го іюня 1825 года.

Другъ и братъ! описывать тебѣ Кіева нечего, потому что ты здѣсь бывалъ; другимъ же я передалъ въ Петербургъ первыя мои впечатлѣнія по пріѣздѣ сюда. Тебя увѣдомляю, что я тутъ, и черезъ нѣсколько дней помчусь на югъ далѣе.—Въ Лаврѣ я встрѣтилъ Кологривову Д. А. Отъ нея узналъ, что твоя сестра живетъ въ уединеньи недалеко отъ дому, гдѣ я остановился. Вѣроятно я ее не увижу, потому что несвятостію моего житія бурнаго и безтолковаго не пріобрѣлъ себѣ права быть знакомымъ съ молчаливыми пустынницами; у меня въ наружности гораздо болѣе свѣтскаго, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, но что же ее объ этомъ увѣдомлять? И такъ врядъ ли я буду къ ней допущенъ.—Прощай покуда; передъ отъѣздомъ можетъ быть еще разъ удастся написать къ тебѣ.—Поцѣлуй за меня дитя свое и Анну Ивановну. Вѣрный другъ твой.

Пиши ко мнѣ въ Тифлисъ, на имя губернат. Романа Ивановича Ховена.

38. В. Ѳ. Одоевскому.

Кіевъ, 10 іюня 1825.

Благодаренъ тебѣ душевно за два письма, любезный другъ... Самъ я въ древнемъ Кіевѣ; надышался здѣшнимъ воздухомъ и скоро ѣду далѣе. Здѣсь я пожилъ съ умершими: Владимиры и Изяславы совершенно овладѣли моимъ воображеніемъ; за ними едва вскользь замѣтилъ я настоящее поколѣніе; какъ они мыслятъ и что творятъ—русскіе чиновники и польскіе помѣщики—Богъ ихъ вѣдаетъ. Природа великолѣпная; съ нагорнаго берега Днѣпра на каждомъ шагу виды измѣняются; прибавь къ этому святость развалинъ, мракъ пещеръ. Какъ трепетно вступаешь въ темноту Лавры или Софійскаго собора, и какъ душѣ просторно, когда потомъ выходишь на бѣлый свѣтъ: зелень, тополи и виноградники, чего нѣтъ у насъ! Хорошо однако, что побывалъ здѣсь въ началѣ іюня; говорятъ, что зимою немногимъ лучше сѣверной Россіи. Посѣтителей у меня перебывало много, однако скромныхъ, мало мѣшали.

Верстовскаго обними за меня; здѣсь я узналъ, что отецъ его перебрался на житье въ Москву; что же, отъ того лучше или хуже для музыки? Я почти увѣренъ, что истинный художникъ долженъ быть человѣкъ безродный. Прекрасно быть опорою отцу и матери въ важныхъ случаяхъ жизни, но вниманіе къ ихъ требованіямъ, часто мелочнымъ и нелѣпымъ, стѣсняетъ живое, свободное, смѣлое дарованіе. Какъ ты объ этомъ думаешь?

За статью въ Телеграфѣ приношу тебѣ заранѣе мою благодарность; только вопросъ теперь, гдѣ я наткнусь на нее? Здѣсь не найдешь; въ Крыму, гдѣ буду слоняться недѣли съ три, того менѣе; въ Керчи сяду на корабль и поплыву въ Имеретію, оттудова въ горы къ Ермолову,—и такъ прощайте, журналы, до Тифлиса. Меня приглашаютъ неотступно въ Бердичевъ на ярмарку, которая начнется послѣ-завтра; тамъ хотятъ познакомить съ Ржевуцкимъ; притомъ въ Любарѣ семейство Муравьевыхъ устроиваетъ мнѣ самый пріятный пріемъ; боюсь сдаться на ихъ вѣру, не скоро вырвешься. Прощай, милый мой мудрецъ, сердечно радуюсь твоимъ занятіямъ, не охлаждайся: онѣ всякой жизни придаютъ высокое значеніе, и даже въ Москвѣ (откуда вынеси тебя Богъ поскорѣе). Только я не разумѣю здѣсь полемическихъ памфлетовъ, критикъ и антикритикъ. Виноватъ, хотя ты за меня подвизаешься, а мнѣ за тебя досадно. Охота же такъ ревностно препираться о нѣсколькихъ стихахъ, о ихъ гладкости, жесткости, плоскости; между тѣмъ тебѣ отвѣчать будутъ и самого вынудятъ за брань отплатить бранью. Борьба ребяческая, школьная. Какое торжество для тѣхъ, которые отъ души желаютъ, чтобы отечество наше оставалось въ вѣчномъ младенчествѣ!!!!

Прощай, люби меня, и пиши прямо въ Тифлисъ на имя военнаго губернатора е. п. Романа Ивановича Ховена. Твой адресъ пребезпутный: что такое вашъ монастырь Георгіевскій и Тверская, безъ означенія дома, чей онъ?..

39. С. Н. Бѣгичеву.

Симферополь, 9 іюля 1825 г.

Братъ и другъ! я объѣхалъ часть южную и восточную полуострова. Очень доволенъ моимъ путешествіемъ, хотя здѣсь природа противъ Кавказа все представляетъ словно въ сокращеніи: нѣтъ такихъ гранитныхъ громадъ, снѣговыхъ вершинъ Эльбруса и Казбека, ни ревущаго Терека или Арагвы, душа не обмираетъ при видѣ бездонныхъ пропастей, какъ тамъ, въ нашихъ краяхъ. За-то прелесть моря и иныхъ долинъ, Качи, Бельбека, Касипли-

Узеня и проч., ни съ чѣмъ сравнить не можно. Я мои записки велъ порядочно; коли не полѣнюсь, перепишу и пришлю тебѣ...

40. Ему же.

Симферополь, 9-го сентября 1825 года.

Другъ и братъ! твои 1,500 руб. я получилъ еще передъ исходомъ прошедшаго мѣсяца. Объяснить тебѣ вполнѣ благодарности не умѣю; безъ тебя мой корабль остался-бы на мели, пришлось бы зимовать здѣсь.—Еще разъ благодарю тебя и не въ послѣдній; Богъ дастъ свидимся, и тогда сердечное объятіе лучше всякаго письма выразитъ тебѣ мое чувство.—Я тотчасъ не писалъ къ тебѣ по важной причинѣ: ты хотѣлъ знать, что я съ собою намѣренъ сдѣлать, а я самъ еще не зналъ, чуть было не попалъ въ Одессу, потомъ подумалъ поселиться надолго въ Соблахъ, неподалеку отсюда. — Наконецъ ѣду къ Ермолову послѣ-завтра непремѣнно; все уложено. Ну вотъ почти три мѣсяца я провелъ въ Тавридѣ, а результатъ нуль. Ничего не написалъ.—Не знаю, не слишкомъ ли я отъ себя требую? умѣю ли писать? Право, для меня все еще загадка. Что у меня съ избыткомъ найдется что сказать—за это ручаюсь; отъ чего же я нѣмъ? Нѣмъ, какъ гробъ!!

Еще игра судьбы нестерпимая: весь вѣкъ желаю гдѣ-нибудь найти уголокъ для уединенія, и нѣтъ его для меня нигдѣ. Пріѣзжаю сюда, никого не вижу, не знаю и знать не хочу. Это продолжилось не далѣе сутокъ, потому ли что фортепіанная репутація моей сестры извѣстна, или чутьемъ открыли, что я умѣю играть вальсы и кадрили; ворвались ко мнѣ, осыпали привѣтствіями, и маленькій городокъ сдѣлался мнѣ тошнѣе Петербурга.—Мало этого. Наѣхали путешественники, которые меня знаютъ по журналамъ: сочинитель Фамусова и Скалозуба, слѣдовательно веселый человѣкъ. Тьфу, злодѣйство! да мнѣ не весело, скучно, отвратительно, несносно!.. И то неправда, иногда слишкомъ ласкали мое самолюбіе, знаютъ наизусть мои риѳмы, ожидаютъ отъ меня, чего я можетъ быть не въ силахъ исполнить; такимъ образомъ я нажилъ кучу новыхъ пріятелей, а время потерялъ, и вообще утратилъ силу характера, которую начиналъ пріобрѣтать на перекладныхъ. Вѣрь мнѣ, чудесно всю жизнь прокатиться на 4-хъ колесахъ: кровь волнуется, высокія мысли бродятъ и мчатъ далеко за обыкновенные предѣлы пошлыхъ опытовъ; воображенье свѣжо, какой-то бурный огонь въ душѣ пылаетъ и не гаснетъ..... Но остановки, отдыхи двухнедѣльные, двухмѣсячные для меня пагубны; задремлю, либо завьюсь чу-

жимъ вихремъ, живу не въ себѣ, а въ тѣхъ людяхъ, которые поминутно со мною, часто же они дураки набитые. — Подожду, авось придутъ въ равновѣсіе мои замыслы безпредѣльные и ограниченныя способности. Сдѣлай одолженіе, не показывай никому этого лоскутка моего пачканья; я еще не перечелъ, но увѣренъ, что тутъ много сумасшествія.

Прошу у тебя какъ милостыни, не прерывай со мною переписки, чтобъ я зналъ гдѣ ты, потому что легко станется, что я по многомъ странствіи прямо къ тебѣ вернусь, и тѣмъ лучше, коли ты въ деревнѣ будешь.—Адресъ мой въ главную квартиру Г. Ермолова.

Отъ чего я туда пускаюсь что-то скрѣпя сердце. Увидишь, что мнѣ тамъ не сдобровать: надо мною носятся какіе-то тяжелые пары Кюхельбекеровой атмосферы, тѣ, которые его отовсюду выживали и присунули наконецъ къ печатному станку Греча и Булгарина. — Прощай, поцѣлуй Анну Иван. и ребенка и будущаго на-дняхъ, когда родится.

О Чатырдагѣ и южномъ берегу послѣ, со временемъ. Прощай, мой безцѣнный Степанъ.

Володя пишетъ ко мнѣ въ Кіевъ о полемической выходкѣ за мою честь, въ Телеграфѣ, но мнѣ никогда этого не случалось видѣть.—Ты вѣроятно читалъ; какъ находишь? Да получилъ ли ты мое письмо еще изъ Петербурга о твоей тогдашней статьѣ въ мою же защиту, и какъ ты принялъ мое мнѣніе? Правъ ли я былъ? Не слыхалъ ли чего-нибудь о Шатиловѣ и Алябьевѣ? Чѣмъ кончилось ихъ дѣло? Пожалуйста, въ первомъ письмѣ ко мнѣ поболтай о чемъ-нибудь, а то скупъ сталъ на слова.

Давыдова памфлета я не получилъ, и нѣтъ его на почтѣ. Ты жалуешься на журналы; стало быть я счастливъ, что съ мая мѣсяца ихъ въ глаза не видалъ.

Александръ Одоевскій будетъ въ Москвѣ; поручаю его твоему дружескому расположенію, какъ самого себя. — Помнишь ли ты меня, каковъ я былъ до отъѣзда въ Персію, таковъ онъ совершенно, — плюсъ множество прекрасныхъ качествъ, которыхъ я никогда не имѣлъ.

Коли зимою ворочусь въ Москву, и ты тамъ будешь, такъ заберусь къ Дмитрію въ Якшино.

41. Ему же.

Ѳеодосія, 12 сентября 1825 года.

Третьяго дня я вырвался наконецъ изъ дряннаго городишка, гдѣ однако всякое со мною случалось—и веселое, и грустное. А Брестъ!! Литовскій! вѣроятно нѣтъ хуже мѣстечка на взглядъ, но и тамъ пожилось. Въ нѣсколько часовъ я прокатился по

солнышку до Карасубазара и еще станцію далѣе; справа чернѣлись верхи Айлы и Чатырдага, потомъ передовые холмы ихъ заслонили въ виду продолговатый Агермышь. Мы спустились въ какую-то безплодную ложбину, и долго тутъ ѣхали; наконецъ, повернули круто отъ селенія Эльбузы въ горныя дикія мѣста, гдѣ дорога просѣчена разными извивами. Густые лѣса, кручи, скалы, хаосъ ужасный, все смѣшано въ этомъ искривленномъ направленіи. (Наконецъ) спустились подъ вечеръ въ роскошную Судацкую долину. Я не видалъ подобной, и она считается первою въ полуостровѣ по избытку виноградниковъ,—сады отъ Таракташа до моря на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, веселые домики помѣщиковъ, странные верхи утесовъ, и къ западу уединенныя развалины Генуэзскаго замка. Я ночевалъ у барона Боде (публициста изъ «Духа Журналовъ» etc., etc.).

На другой день (вчера) рано побрелъ къ мысу, на которомъ разметаны Сольдайскія руины. Я былъ одинъ. Александра отправилъ по колясочной дорогѣ въ Кафу. Кто хочетъ посѣщать прахъ и камни славныхъ усопшихъ, не долженъ брать живыхъ съ собою. Это мною нѣсколько разъ испытано. Поспѣшная и громкая походка, равнодушныя лица, и пуще всего глупые, ежедневные толки спутниковъ часто не давали мнѣ забыться, и сближеніе моей жизни, послѣдняго пришельца, съ судьбою давно отшедшихъ для меня было потеряно. Не такъ въ Сольдаѣ. Мирно и почтительно взошелъ я на пустырь, обнесенный стѣнами и обломками башень, цѣплялся по утесу, нависшему круто въ море, и бережно взобрался до самой вершины, и тамъ башня и сводъ уцѣлѣли. Съ Чатырдага видъ пространнѣе, но нѣтъ признака, чтобы тамъ люди живали, усѣлъ городъ, чтобы стекались въ него купцы и странники изо всѣхъ частей свѣта, чтобы наконецъ онъ взятъ былъ на щитъ разсвирѣпѣвшимъ непріятелемъ, и груды камней однѣ-бы свидѣтельствовали о прежней величавой его жизни. Здѣсь это все есть. И не приморскими видами я любовался; перебиралъ мысленно многое, что слыхалъ и видѣлъ, потомъ вообразилъ себя на одной изъ ростральныхъ колоннъ Петербургской биржи. Оттуда я наканунѣ моего отъѣзда любовался разноцвѣтностію кровель, позолотою главъ церковныхъ, красотою Невы, множествомъ кораблей и мачтъ ихъ. И туда взойдетъ нѣкогда странникъ (когда одинъ столбъ можетъ быть переживетъ разрушеніе дворцовъ и соборовъ) и посѣтуетъ о прежнемъ блескѣ нашей сѣверной столицы (нашихъ купцовъ, нашихъ Царей и ихъ прислужниковъ).—Когда я сошелъ сверху къ берегу, лошади были приведены съ почты, и я поскакалъ. Скучныя мѣста, безъ зелени, безъ населенія, солонецъ, истресканный палящимъ солн-

цемъ, мѣстами полынь растетъ, так. обр. до Козской долины, гдѣ природа щедрѣе и разнообразнѣе. То глубокіе спуски въ лѣсную чащу, дубы (осокори), дикія груши, дикій виноградъ, потомъ крутые подъемы, и съ высоты виднѣется море, котораго синяя влага въ ведреную пору всегда для глазъ пріятна; мѣстами торчали обрушенныя, ветхія стѣны Итальянцевъ, Грековъ или Готѳовъ, смотря по тому, кто какія книги читаетъ и которымъ вѣритъ. Самая миловидная полоса этой части Крыма по мнѣ *Оттузы*.—Сюда я прискакалъ поздно ночью, при лунномъ сіяніи.

Нынче обѣгалъ весь городъ. Чудная смѣсь вѣковыхъ стѣнъ прежней Кафы и нашихъ однодневныхъ мазанокъ! Отчего однако воскресло имя Ѳеодосіи, едва извѣстное изъ описаній древнихъ географовъ, и поглотило наименованіе Кафы, которая громка во столькихъ лѣтописяхъ Европейскихъ и восточныхъ? На этомъ пепелищѣ господствовали нѣкогда готическіе нравы Генуэзцевъ; ихъ смѣнили пастырскіе обычаи Мунгаловъ съ примѣсью Турецкаго великолѣпія; за ними явились мы, всеобщіе наслѣдники, и съ нами — духъ разрушенія; ни одного зданія не уцѣлѣло, ни одного участка древняго города не взрытаго, не перекопаннаго. Что-жь? Сами указываемъ будущимъ народамъ, которые послѣ насъ придутъ, когда исчезнетъ Русское племя, какъ имъ поступать съ бренными остатками нашего бытія.

А мнѣ между тѣмъ такъ скучно! такъ грустно! думалъ помочь себѣ, взялся за перо, но пишется пехотя, вотъ и кончилъ, а все не легче. Прощай, милый мой. Скажи мнѣ что-нибудь въ отраду: я съ нѣкоторыхъ поръ мраченъ до крайности. — Пора умереть! Не знаю, отчего это такъ долго тянется. Тоска неизвѣстная! воля твоя, если это долго меня промучитъ, я никакъ не намѣренъ вооружиться терпѣніемъ; пускай оно остается добродѣтелью тяглаго скота. Представь себѣ, что со мною повторилась та ипохондрія, которая выгнала меня изъ Грузіи, но теперь въ такой усиленной степени, какъ еще никогда не бывало. Одоевскому я не пишу объ этомъ: онъ меня страстно любитъ, и пуще моего будетъ несчастливъ, коли узнаетъ. Ты, мой безцѣнный Степанъ, любишь меня тоже, какъ только братъ можетъ любить брата, но ты меня старѣе, опытнѣе и умнѣе; сдѣлай одолженіе подай совѣтъ, чѣмъ мнѣ избавить себя отъ сумасшествія или пистолета, а я чувствую, что то или другое у меня впереди.

42. А. А. Бестужеву.

Екатериноградская станица. Ноября 22-го 1825 г.

Повѣришь ли, любезный мой тезка, что я только нынче получилъ письмо твое? А доказательствомъ, что я боюсь остаться въ

долгу, пусть будетъ тебѣ поспѣшность, съ которой отвѣчаю. Нынѣшній день у насъ, линейскихъ, богатъ происшествіями,—сюда прибылъ Алексѣй Петровичъ; кругомъ меня свисты, висты, бредни, и проч. Не самая благопріятная пора, чтобы собраться съ мыслями, но откладывать до завтра не хочу,—кто знаетъ, гдѣ мы завтра будемъ, и скоро ли наживешь здѣсь хоть сутки спокойствія? Досугу не имѣю ни на секунду, окруженъ шумнымъ сонмищемъ, даже сплю не одинъ, — въ моей комнатѣ находится Мазаровичъ, съ латинскимъ молитвенникомъ и дипломатическими замыслами; одно спасеніе—это изъ постели на лошадь и въ поле. Кавказская цѣпь ни откудова, отъ Тамани до Каспійскаго моря, не представляется такъ, какъ здѣсь; не свожу глазъ съ нея; при ясной, солнечной погодѣ туда, за снѣжныя вершины, въ глубь этихъ ущелій погружаюсь воображеніемъ и выхожу изъ забвенія, покудова облака или мракъ вечерній не скроютъ совершенно чудеснаго, единственнаго вида; тогда только возвращаюсь домой къ друзьямъ и скоморохамъ. Климатъ необыкновенный. На Малкѣ я началъ что-то поэтическое, по крайней мѣрѣ, самому очень нравилось, обстоятельства прервали, остылъ, но при первой благопріятной перемѣнѣ снова завьюсь въ эѳиръ. Что ты пишешь? скажи мнѣ; одно знаю, что оргіи Юсупова срисовалъ мастерскою кистью, сдѣлай одолженіе, внеси въ повѣсть, нарочно составь для нихъ какую-нибудь рамку. Я это еще не разъ перечитаю себѣ и другимъ порядочнымъ людямъ въ утѣшеніе. Этакій старый придворный п.....!.. Оржицкій передалъ ли тебѣ о нашей встрѣчѣ въ Крыму? Вспомнили о тебѣ и о Рылѣевѣ, котораго обними за меня искренно, по-республикански. Зовутъ меня. Прощай. Не пеняй, что мало, не пеняй, что толку немного, но ей-ей! я сегодня въ вихряхъ ужасныхъ.

P. S. Любезнѣйшій Александръ, не полѣнись, напиши мнѣ еще разъ, и побольше, что въ голову взойдетъ; не повѣришь, какимъ веселымъ расположеніемъ духа я тебѣ нынче обязанъ, а со мною это рѣдко случается. Поклонись Булгарину. Ни Пчелы, ни Сѣвернаго Архива, ни Сына Отечества не могу достать, — какіе мы здѣсь безграмотные! Мой адресъ: Начальнику Кавказа, корпуснаго штаба ген.-маіору Вельяминову; не забудь, а то письмо твое опять прокочуетъ мѣсяцевъ шесть.

Адресъ: въ С.-Петербургъ, Его Высокоблагородію М. Г. Александру Александровичу Бестужеву. У Синяго моста, въ домѣ Американской компаніи.

48. В. К. Кюхельбекеру.

Станица Екатериноградская, 27-го ноября 1825 г.

Душа моя, Вильгельмъ. Спѣшу увѣдомить тебя о моемъ житьѣ, покудова не народился новый мѣсяцъ, а съ нимъ и новыя приключенія: еще нѣсколько дней и, кажется, пущусь съ Алексѣемъ Петровичемъ въ Чечню; если тамъ скоро утишатся военныя смуты, перейдемъ въ Дагестанъ, а потомъ возвращусь къ вамъ на Сѣверъ. Здѣсь многіе, или лучше сказать, всѣ о тебѣ вспоминаютъ: Вельяминовъ, съ которымъ я до сихъ поръ слонялся по верхней Кабардѣ, Коцебу 2-й, Цебриковъ, Талызинъ, Устимовичъ, Павловъ etc., etc., и даже старикъ нашъ, несмотря на прежнюю вашу ссору, разспрашивалъ о тебѣ съ большимъ участіемъ. Аттестатъ вышлется къ тебѣ на-дняхъ. Мазаровичъ непремѣнно бы наградилъ тебя длинною эпитемьею, да, по счастью, надумывается для важныхъ депешъ къ Несельроду и Комп.; мы живемъ въ одной комнатѣ, я у него подъ носомъ то курю, то стрѣляю; впрочемъ, скоро разстанемся,—я въ горы, а онъ черезъ, обратно въ Тифлисъ. Ты былъ въ родахъ въ тотъ разъ, какъ приписалъ мнѣ строчки двѣ въ письмѣ Одоевскаго, что-же произвелъ? Пришли прочесть, — дай мнѣ быть воспріемникомъ, несмотря, что мы въ разлукѣ.

Меня слишкомъ лѣниво посѣщаетъ вдохновеніе; теперь о томъ и помышлять нечего,—развлеченіе безпрестанное. Бѣгичевъ въ послѣднемъ письмѣ утѣшаетъ меня закономъ упругости, что пружина, на время сжатая, коль скоро исчезнетъ препятствіе, съ бо́льшимъ порывомъ отпрянетъ и на свободѣ сильнѣе будетъ дѣйствовать; а я полагаю, что у меня дарованіе въ родѣ мельничнаго колеса, и коли дать ему волю, такъ оно вздоръ замелетъ; право, милый мой Вильгельмъ, не знаю, съ кѣмъ я умомъ подѣлился, но на мою долю осталось немного. Помоги тебѣ Богъ, будь меня достойнѣе во мнѣніи друзей и недруговъ. Кстати о достоинствѣ: какой нашъ старикъ чудесный, не взирая на всѣ о немъ кривые толки; вотъ уже нѣсколько дней, какъ я присталъ къ нему въ родѣ тѣни, но ты не повѣришь, какъ онъ занимателенъ, сколько свѣжихъ мыслей, глубокаго познанія людей всякаго разбора, остроты разсыпаются полными горстями, ругатель безжалостный, но патріотъ, высокая душа, замыслы и способности точно государственные, истинно русская, мудрая голова. По долговременной отлучкѣ я ему еще лучше узналъ цѣну. Это не помѣшаетъ мнѣ когда-нибудь съ нимъ разссориться, но уваженія моего онъ ни въ какомъ случаѣ утратить не можетъ.

Дѣла здѣшнія были довольно плохи, и теперь горизонтъ едва

проясняется. Кабарду Вельяминовъ усмирилъ, однимъ ударомъ свалилъ двухъ столповъ вольнаго, благороднаго народа. Надолго ли это подѣйствуетъ? Но вотъ какъ происходило. Кучукъ Джанхотовъ въ здѣшнемъ феодализмѣ самый значительный владѣлецъ, отъ Чечни до Абазеховъ никто не коснется ни табуновъ его, ни подвластныхъ ему ясырей, и нами поддержанъ, самъ тоже считается изъ преданныхъ русскимъ. Сынъ его, любимецъ Алексѣя Петровича, былъ при посольствѣ въ Персіи, но, не раздѣляя любви отца къ Россіи, въ послѣднемъ вторженіи закубанцевъ былъ на ихъ сторонѣ, и вообще храбрѣйшій изъ всѣхъ молодыхъ князей, первый стрѣлокъ и наѣздникъ и на все готовый, лишь бы кабардинскія дѣвушки воспѣвали его подвиги по ауламъ. Велѣно его схватить и арестовать. Онъ самъ явился по приглашенію въ Нальчикскую крѣпость, въ сопровожденіи отца и другихъ князей. Имя его Джамбулатъ, въ сокращеніи по-черкески Джаботъ. Я стоялъ у окна, когда они въѣзжали въ крѣпость; старикъ Кучукъ, обвитый чалмою въ знакъ того, что посѣтилъ святыя мѣста, Мекку и Медину, другіе, не столько знатные, владѣльцы ѣхали поодаль, впереди уздени и рабы пѣшіе; Джаботъ въ великолѣпномъ убранствѣ, цвѣтной тишлой сверхъ панцыря, кинжалъ, шашка, богатое сѣдло и за плечами лукъ съ колчаномъ. Спѣшились, вошли въ пріемную. Тутъ объявлена имъ воля главнокомандующаго. Здѣсь арестъ не то, что у насъ, не скоро дастъ себя лишить оружія человѣкъ, который въ немъ всю честь полагаетъ. Джаботъ рѣшительно отказался повиноваться. Отецъ убѣждалъ его не губить себя и всѣхъ, но онъ былъ непреклоненъ; начались переговоры; старикъ и нѣкоторые съ нимъ пришли къ Вельяминову съ просьбою не употреблять насилія противъ несчастнаго смѣльчака, но уступить въ семъ случаѣ было бы несогласно съ пользою правительства. Солдатамъ велѣно окружить ту комнату, гдѣ засѣлъ ослушникъ; съ нимъ былъ другъ его Канаматъ...., при малѣйшемъ покушеніи къ побѣгу отданъ былъ приказъ, чтобы стрѣлять. Я, знавши это, заслонилъ собою окно, въ которое старикъ отецъ могъ бы все видѣть, что происходило въ другомъ домѣ, гдѣ былъ сынъ его. Вдругъ раздался выстрѣлъ. Кучукъ вздрогнулъ и поднялъ глаза къ небу. Я оглянулся. Выстрѣлилъ Джаботъ изъ окна, которое вышибъ ногою, потомъ высунулъ руку съ кинжаломъ, чтобы отклонить окружающихъ, выставилъ голову и грудь, но въ ту же минуту ружейный выстрѣлъ и штыкъ прямо въ шею повергли его на землю, вслѣдъ за этимъ еще нѣсколько пуль не дали ему долго бороться со смертію. Товарищъ его прыгнулъ за нимъ, посреди двора также былъ встрѣченъ въ упоръ нѣсколькими выстрѣлами,

палъ на колѣна, но они были раздроблены, оперся на лѣвую руку и правою успѣлъ еще взвести курокъ пистолета, далъ промахъ, и тутъ же лишился жизни.

Прощай, мой другъ; мнѣ такъ мѣшали, что не дали порядочно досказать этой кровавой сцены; вотъ уже мѣсяцъ, какъ она происходила, но у меня изъ головы не выходитъ. Мнѣ было жаль не тѣхъ, которые такъ славно пали, но старца-отца. Впрочемъ, онъ остался неподвиженъ, и до сихъ поръ не видно, чтобы смерть сына на него сильнѣе подѣйствовала, чѣмъ на меня. Прощай еще разъ. Кланяйся Гречу и Булгарину.

44. С. Н. Бѣгичеву.

Станица Екатериноградская, 7-го декабря 1825 г.

На убѣдительныя твои утѣшенія и совѣты надобно бы мнѣ отвѣчать не словами, а дѣлами, дражайшій мой Степанъ. Ты совершенно правъ, но этого для меня недовольно, ибо, кромѣ голоса здраваго разсудка, есть во мнѣ какой-то внутренній распорядитель; наклоняетъ меня ко мрачности, скукѣ, и теперь я тотъ-же, что въ Ѳеодосіи: не знаю чего хочу, и удовлетворить меня трудно. Жить и не желать ничего,—согласись, что это положеніе незавидно. — Ты говоришь мнѣ о талантѣ; надобно бы вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть всегда охоту имъ пользоваться, но тѣ промежутки, когда чувствуешь себя пустѣйшимъ головою и сердцемъ, чѣмъ прикажешь ихъ наполнить? Люди не часы; кто всегда похожъ на себя, и гдѣ найдется книга безъ противорѣчій? Чтобы дальше не іовничать, пускаюсь въ Чечню: А. П. не хотѣлъ, но я самъ ему навязался. — Теперь это меня нѣсколько занимаетъ, — борьба горной и лѣсной свободы съ барабаннымъ просвѣщеньемъ, дѣйствіе конгревовъ; будемъ вѣшать и прощать и плюемъ на Исторію. Насчетъ А. П. объявляю тебѣ, что онъ умнѣе и своеобычливѣе, чѣмъ когда либо. Удовольствіе быть съ нимъ покупаю смертельною скукою во время виста; уйти некуда, всѣ стѣснены въ одной комнатѣ; но потомъ за ужиномъ и послѣ до глубокой ночи разговорчивъ, оригиналенъ и необыкновенно пріятенъ. Нынче, съ тѣхъ поръ какъ мы вмѣстѣ, я еще болѣе дивлюсь его сложенію тѣлесному и нравственному. Безпрестанно сидитъ и не знаетъ почечуя, окруженъ глупцами и не глупѣетъ. Нужна оговорка: Вельяминовъ, его начальникъ штаба, чрезвычайно неглупый человѣкъ, твердыхъ правилъ, прекраснѣйшихъ свѣдѣній etc. Но онъ не былъ при немъ все время, что я находился въ Россіи, почти 3 года. Съ этимъ я въ нынѣшній пріѣздъ въ короткое время сблизился болѣе, чѣмъ прежде. Глазъ на глазъ, судьба завела меня съ нимъ на Малку, и оттуда къ

разнымъ укрѣпленіямъ новой линіи; все вмѣстѣ, и все одни; я этому случаю благодаренъ за прекраснѣйшее открытіе достойнаго человѣка. Что говоритъ о немъ Якубовичъ? Коли ругаетъ, такъ вретъ. Вообще многое, что ты слышалъ отъ меня прежде, я нынче перевѣрилъ, во многомъ я самъ ошибался. Напр. насчетъ Давыдова, мнѣ казалось, что Е. не довольно настаивалъ объ его опредѣленіи сюда въ дивизіонные. Теперь имѣю неоспоримыя доказательства, что онъ нѣсколько разъ настоятельно этого требовалъ, получалъ одни и тѣ-же отказы. Зная и Давыдова и здѣшнія дѣла, нахожу, что это немаловажный промахъ Правительства. Сталъ былъ безкорыстенъ, а кромѣ того..... Лисаневичъ храбрѣйшій человѣкъ, но опрометчивъ, умеръ геройски, жилъ безъ толку. Горчаковъ....., Шульгинъ и не болѣе. Здѣсь нуженъ военный человѣкъ, рѣшительный и умный, не только исполнитель чужихъ предначертаній,—самъ творецъ своего поведенія, недремлющій наблюдатель всего, что угрожаетъ порядку и спокойствію отъ Усть-Лабы до Андреевской. Загляни на карту и суди о важности этого назначенія. Давыдовъ здѣсь во многомъ поправилъ бы ошибки самого А. П., который притомъ не можетъ быть самъ повсюду. Эта краска рыцарства, какою судьба оттѣнила характеръ нашего пріятеля, привязала бы къ нему Кабардинцевъ. Я теперь лично знаю многихъ князей и узденей. Двухъ при мнѣ застрѣлили, другихъ заключили въ колодки, загнали сквозь строй; на одного я третьяго дня набрелъ за рѣкою,—виситъ, и вѣтеръ его медленно качаетъ. Но дѣйствовать страхомъ и щедротами можно только до времени; одно строжайшее правосудіе миритъ покоренные народы съ знаменами побѣдителей. Посмотримъ, чѣмъ кончится походъ противъ Чеченцевъ; ихъ взволновалъ не столько Имамъ, пророкъ недавно вдохновенный, какъ покойный Грековъ, способный человѣкъ, но..... Войска точно мало, но хорошихъ начальниковъ вовсе нѣтъ. Съ успѣхами въ Чечнѣ сопряжена тишина здѣсь между Кабардинцевъ, и Закубанцы не посмѣютъ такъ часто вторгаться въ наши границы, какъ прошлою осенью. Имя Е. еще ужасаетъ; дай Богъ, чтобы это очарованіе не разрушилось. Въ Чечню! въ Чечню! Здѣсь война особаго рода: главное затрудненіе въ дебряхъ и ущельяхъ отыскать непріятеля; отыскавши, истребить его ничего не значитъ.

Прощай, я завлекся тѣмъ, что передъ глазами; все это нескладно, но ты добавишь собственнымъ размышленіемъ. Цѣлуй Анну Ивановну и Дмитрія. Мнѣ бы хотѣлось изъ похода, т. е., мѣсяца черезъ два прямо къ вамъ воротиться, а впрочемъ что Богъ на душу положитъ. Пиши въ главную квартиру на имя А. П.

45. А. А. Жандру.

Станція Екатерингрaдская, 18 декабря 1825 г.

Андрей, любезнѣйшій, я только нынче получилъ почту твою отъ 19-го окт., а когда моя пойдетъ, и черезъ кого доставить въ Георгіевскъ, не знаю, но досугъ есть, и пишу. Философія твоя чуть было меня не прослезила, милый! Оглянись, съ тобою умнѣйшая, исполненная чувства и вѣрная сопутница въ этой жизни, и какъ разнообразна и весела, когда не сердится. У тебя я, я и я, а нашъ Александръ Одоевскій?—И когда мы не вмѣстѣ, есть о комъ думать. Avec ce cortège d'amis on ne s'ennuye pas mon coeur, въ томъ и счастіе, чтобы сердце не оставалось пусто. Да хотя бы у насъ только и назначенія было, чтобы тебѣ ко мнѣ писать, а мнѣ любоваться твоею эпистоліею, такъ есть за что благодарить Бога. Какъ ты рѣшилъ? Все равно, а я нынче весь день былъ занятъ твоими портретами. Вижу, что правда, и огорчительная насчетъ Кат. и Кандида. Смерть Государя причиною, что мы здѣсь запраздновали, и ни съ мѣста. Мнѣ уже тошно становится, никакого толку. Мазаровичъ съ утра моритъ меня изломаннымъ французскимъ языкомъ.

Снѣгъ Петербургскій, солнца давно нѣтъ, скучно въ полѣ, дома еще скучнѣе, не даютъ призадуматься; все это въ родѣ Арабесковъ, какъ объ нихъ говоритъ Алексѣй Петровичъ, что у человѣка изъ .....цы дубъ растетъ, съ котораго онъ зубами желуди хватаетъ. Глупо.

Для развлеченія бываю по вечерамъ въ Азіатской дружеской бесѣдѣ Мирза-Джана, а у него пѣвецъ Алаіеръ мурлычитъ татарскія эклоги; коли походъ въ Чечню не состоится, то я долѣе не выдержу; какъ ни люблю А. П., но по совѣсти сказать,—на что я ему надобенъ? Вотъ вамъ, напр., я точно необходимъ, теперь самъ вижу, испыталъ что такое разлука, тянетъ обратно, увѣренъ, что встрѣтятъ меня съ тою же горячностью, съ которою провожали, а быть кому-нибудь въ утѣшеніе куда пріятно!!

Сдѣлай милость, объяви мнѣ искренно, или вы лучше скажите мнѣ, милый другъ Варвара Семеновна, отъ чего нашъ Александръ такъ страстно отзывается мнѣ о В. Н. Т.....

Ночью сидитъ у ней, и оттудова ко мнѣ пишетъ, когда уже всѣ дѣти спать улеглись: не давайте ему сильно увлекаться этою дружбою, я по себѣ знаю, какъ оно бываетъ опасно. Но можетъ быть я гадкими моими сомнѣніями оскорблю и ее, и Александра. Виноватъ, мнѣ простительно въ другихъ предполагать нѣсколько той слабости, которая испортила мнѣ полжизни. Точно это вздоръ, она его гораздо старѣе, ни съ чѣмъ несообразно, и

вы утаите эту статью отъ нашего друга; кстати онъ теперь въ Москвѣ, по возвращеніи ради Бога ему не показывайте. Не хочу отъ васъ скрывать моихъ пятенъ чтобы однимъ махомъ уничтожить всю эту подлость. Прощайте, милыя мои безцѣнныя существа. Какое у васъ движеніе въ Петербургѣ!!—А здѣсь... Подождемъ. Варвара Семеновна, понуждайте нашего лѣнивца чтобы не отставать отъ Одоевскаго, я передъ вами на колѣна становлюсь. Пишите къ дальнему другу и родственнику (вашего избранья). Сто разъ благодарю васъ, что няньчите Вильгельма; чуръ не заглядываться, тотчасъ треснется головою объ полъ. Надняхъ прибылъ сюда фельдшеръ Якунинъ и привезъ мнѣ письмо изъ Театральной школы; стало быть, какъ я ни далекъ отъ нея, а все ближе васъ, вы вѣрно съ нею не бываете въ такихъ короткихъ сношеніяхъ. Шаховской таки сосваталъ сестру за полицейскаго Юпитера, чортъ съ ними со всѣми. Скажите мнѣ два слова объ Аристофанѣ, Фонтанѣ, Колосовой, Каратыгиной, Григорьевѣ. Правда я было позабылъ, что не тѣ времена.

Отъ ужаса вся стынетъ кровь,
Лишь плачетъ тихая любовь.

На чей счетъ Булгаринъ нынче ветошничаетъ, съ кѣмъ въ войнѣ? Прощай, братъ Андрей, когда-нибудь напишу тебѣ умнѣе, а ты все-таки отвѣчай. Коли вы Вариньки не согнали, такъ поцѣлуй ее отъ меня; между тѣмъ мой Сашка почтительно вамъ кланяется.

Продолженіе впредь—твоя ли рука [1]).

46. Ѳ. В. Булгарину.

(17-го февраля 1826).

Съ дозволенія инквизиціи.

Друзья мои, Гречъ или Булгаринъ, кто изъ васъ въ типографіи? Пришлите мнѣ газетъ какихъ-нибудь и журналовъ, и нѣтъли у васъ «Чайльдъ-Гарольда?» Меня здѣсь заперли, и я погибаю отъ скуки и невинности. Чуръ! Молчать. Грибоѣдовъ. Главный штабъ, 17-го февр. Das Papier in's Feuer.

Ѳаддей, мой другъ, познакомься съ капитаномъ здѣшнимъ Жуковскимъ, nous sommes camarades comme cochons, можетъ быть удастся тебѣ и ко мнѣ проникнуть. Я писалъ къ Государю, ничего не отвѣчаетъ.

(На оборотѣ:) М. Г. Николаю Ивановичу Гречу или Ѳадею Венедиктовичу Булгарину въ собственныя руки.

[1]) Подражаніе рукѣ А. А. Жандра.

47. Ему же.

(Безъ даты, 1826).

Сто тысячъ разъ благодарю, что потѣшилъ заключеннаго; а то я сидѣлъ только и проклиналъ моихъ гонителей. Сдѣлай одолженіе, не пугайся. Бояться людей значитъ баловать ихъ. Пришли мнѣ Пушкина стихотворенія на однѣ сутки. Какъ бы я желалъ тебя видѣть.

(На оборотѣ:) Издателю Сѣверной Пчелы.

48. Ему же.

(Безъ даты, 1826).

Атласъ къ Анахарсису. Вчера я говорилъ Жуковскому, что ты у него былъ; онъ у меня спрашивалъ, видѣлъ-ли ты меня? Нѣтъ. Коли захочешь, онъ доставитъ тебѣ случай у меня побывать.

49. Ему же.

(Безъ даты, 1826).

Благодарю тебя за четвероногіе «Аппологи»; на-дняхъ дочитываю «Degerando»; коли еще нѣтъ продолженія, то достань мнѣ старое изданіе, которое мнѣ 15 лѣтъ тому назадъ подарилъ профессоръ Буле; оно доведено до Фихте и Шеллинга. Также «Анахарсиса» скоро кончу и попрошу на мѣсто его «Шубертовы календарики». Кажется, что мнѣ воли еще долго не видать, и, вѣроятно, буду отправленъ съ фельдъегеремъ; въ такомъ случаѣ, я матушкѣ дамъ знать о деньгахъ, которыми ты меня одолжилъ.

50. Ему же.

(1826).

Дай, братъ, пожалуйста длинныхъ академическихъ газетъ, да еще какихъ-нибудь журналовъ, я тотчасъ пришлю назадъ. Вѣрный твой другъ.

51. Ему же.

(1826).

Любезный другъ. Съ нами чудныя происшествія. Караулъ приставленъ строжайшій, причина неизвѣстная. Между тѣмъ я Комитетомъ оправданъ начисто, какъ стекло. Ивановскій, благороднѣйшій человѣкъ, въ крѣпости говорилъ мнѣ самому, и всякому гласно, что я немедленно буду освобожденъ. Притомъ об-

хожденіе со мною, какъ его, такъ и прочихъ, было совсѣмъ не то, которое имѣютъ съ подсудимыми. Казалось, все кончено. Съѣзди къ Ивановскому, онъ тебя очень любитъ и уважаетъ; онъ членъ Вольнаго Общества Любителей Словесности и много во мнѣ принималъ участія. Разскажи ему мое положеніе и навѣдайся, чего мнѣ ожидать. У меня желчь такъ скопляется, что боюсь слечь или съ курка спрыгнуть. Да не будь трусъ, напиши мнѣ, я записку твою сожгу, или передай свѣдѣнія Ж*, а тотъ перескажетъ А*, а А* найдетъ способъ мнѣ сообщить. Vale. *)

52. Ему же.

(Безъ даты 1826).

Сдѣлай одолженіе, достань у Греча или у кого-нибудь атласъ «къ Анахарсису», или какую-нибудь карту Греціи, да новыхъ журналовъ пришли. О правосудіе!!

53. Ему же.

(Безъ даты 1826).

Любезный другъ, коли ты будешь что-нибудь писать о «Телеграфѣ», не можешь-ли его спросить, какъ онъ ухитрился произнести грозный судъ о ходѣ Катенинской трагедіи по одному только дѣйствію, которое напечатано въ «Таліи»? Это или что-нибудь подобное пожалуйста скажи печатно. Коли я напишу, то никого не увѣришь, чтобы тутъ не примѣшалось дружеское пристрастіе; я думаю, лучше, коли-бы ты самъ вступился.

Прощай, будь здравъ. Вѣрный твой А. Г.

*) **Отвѣтное письмо Ѳ. В. Булгарина А. С. Грибоѣдову.**

(Безъ даты).

Любезный другъ! Береги свое здоровье, не мучься и не терзайся напрасно. Ты невиненъ, слѣдовательно будешь освобожденъ въ самомъ скорѣйшемъ времени, и одна только печальная церемонія могла удержать теченіе дѣлъ. Почтеннѣйшій Михайла Петровичъ разскажетъ тебѣ, что твое освобожденіе — вещь вѣрная. Цѣлый городъ знаетъ, съ какою радостью Государь освобождаетъ невинныхъ; за что-жъ тебя, ангела, стали-бы держать? Пожалуйста успокойся! Умъ и твердость познаются въ противностяхъ судьбы. Ты подвергся только кроткому опыту. Перенеси съ твердостью, и вѣрь, что я въ сердцѣ болѣе мучусь твоею мукою, нежели ты своимъ заключеніемъ. Теперь я успокоился, и ты успокойся. Познай руку Провидѣнія, которое спасло тебя отъ клеветы. Надѣюсь вскорѣ при.....

(На этихъ словахъ письмо разорвано, а на оборотѣ рукою Грибоѣдова написана слѣдующая записка).

54. Ему же.

19-го марта (1826 г.).

Любезный другъ. Одолжи меня 150 рублями, а коли у тебя нѣтъ, то извѣсти о моемъ голодномъ положеніи Ж** или Петр. Никол. Ч*. Въ случаѣ, что меня отправятъ куда-нибудь подалѣе, я чрезъ подателя этой же записки передамъ тебѣ мой адамантовый крестъ, а ты его по боку. Прощай.

55. Ему же.

(Мартъ 1826).

Любезный другъ, очень, очень благодаренъ тебѣ за присылку денегъ. Сдѣлай одолженіе, достань мнѣ «Тавриду»—Боброва, да ежели нельзя имѣть на подержаніе, то купи мнѣ le Calcul différentiel de Francoeur по-французски или по-русски.

(На другой половинѣ этой же записки):

19-го марта получилъ я въ займы отъ Ѳадея Венедиктовича Булгарина ассигнаціями сто пятьдесятъ рублей. Александръ Грибоѣдовъ.

56. Ему же.

(1826).

Христосъ Воскресе, любезный другъ. Жуковскій просилъ меня достать ему точно такое же народное изданіе Крылова, какъ то, которое ты мнѣ прислалъ. Купи у Слѣнина. Vous entendez bien, que je ne peux pas lui refuser un petit présent de ce genre. Да пришли, братъ, газетъ. Другъ мой, когда мы свидимся!!!

NB. Крылова онъ нынче же долженъ подарить въ именины какой-то ему любезной дамочкѣ.

57. Ему же.

(Іюнь 1826).

Любезный другъ, пересмотри все, что я отмѣтилъ на память, потому что у меня никакой нѣтъ книги о Персіи. Зачѣмъ ты мнѣ прислалъ вдвойнѣ работу? Я сначала не примѣтилъ, что это одно и то же, и писалъ на черномъ спискѣ, потомъ тоже принужденъ былъ перенести въ бѣлую тетрадь!

NB. При имени Александра Гривсъ, въ Бомбеѣ, нельзя-ли приложить слѣдующее замѣчаніе:

Семейство Гривсъ, дѣти покойнаго Петербургскаго медика, получило наслѣдство послѣ дяди въ Бомбеѣ, съ условіемъ въ немъ поселиться. Тамъ дѣвицы Гривсъ славятся своею красотою и привязанностью къ Россіи, и вообще извѣстны подъ названіемъ гордыхъ Петербургскихъ красавицъ. Многіе знаменитые искатели

домогались ихъ руки, но не были приняты даже въ число ихъ знакомыхъ; между тѣмъ какъ всякій Русскій, или хоть мелькомъ побывавшій въ Россіи находитъ въ ихъ домѣ самый ласковый и родственный пріемъ. Здѣсь новый этому опытъ.

Неужели ты не замѣтилъ, что Цикулинъ вретъ объ англійскомъ наказаніи кошками?!

58. Ему же.

(Безъ даты 1826).

Очень хорошъ и заботливъ ты, Калибанъ Венедиктовичъ! Присылаешь ко мнѣ Муханова, а не могъ мнѣ дать знать объ отправленіи въ ночь фельдъегеря; такимъ образомъ, заготовленныя мои письма остались въ столѣ и будутъ лежать по твоей милости. Гдѣ ты вчера, моя душа, набрался необыкновеннаго вдохновенія? Эй, берегись. Галича получилъ; насчетъ шейнаго платка успокой Семена, которому прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе.

59. Ему же.

(Безъ даты 1826).

Любезный Булгаринъ, какъ тебя Богъ бережетъ? О Гречѣ я слышалъ непріятность, будто его снова-здорово преслѣдуютъ за Роснера; я, между тѣмъ, странствую по берегу морскому и переношусь то на верхъ Дудоровой горы, то въ пески Ораніенбаума; на-дняхъ ворочусь, и прямо въ твою пустыньку. «Bergeron» не нашелся у Майера; Шмидта я прочелъ, и лучше бы не читалъ: безконечное преніе объ уродахъ Уйгурахъ, Турки-ли они, или Тангутцы? Тибетинцы? Столько трудовъ для объясненія себѣ, кто былъ давно исчезнувшій народъ, о которомъ почти никто не говорилъ, который ничего не сдѣлалъ достопамятнаго, и пропалъ, какъ не бывалъ. Сдѣлай одолженіе, пришли «Временникъ» и «Абуль-Газа», да коли нѣтъ «Бержерона», такъ по-русски «План-Карпина»; вѣроятно, достать можно. Онъ у меня въ Москвѣ есть. Прощай, поминай добромъ. Греча очень, очень жалѣю, но увѣренъ что всѣ нападки на него пустыя. Вѣрный твой...

(На оборотѣ): М. Г. Ѳадею Венедиктовичу Булгарину.

60. С. Н. Бѣгичеву.

9 декабря 1826 г.

Милый другъ мой! Плохое мое житье здѣсь. — На войну не попалъ, потому что и А. П. туда не попалъ. А теперь другаго

рода война. Два старшіе генерала ссорятся, а съ подчиненныхъ перья летятъ. Съ А. П. у меня родъ прохлажденія прежней дружбы. Денисъ Васильевичъ этого не знаетъ; я не намѣренъ вообще давать это замѣчать, и ты держи про себя. Но старикъ нашъ человѣкъ прошедшаго вѣка. Несмотря на все превосходство, данное ему отъ природы, подверженъ страстямъ. Соперникъ ему глаза колетъ, а отдѣлаться отъ него онъ не можетъ и не умѣетъ. Упустилъ случай выставить себя съ выгодной стороны въ глазахъ соотечественниковъ, слишкомъ уважалъ непріятеля, который этого не стоилъ. Вообще война съ персіянами самая несчастная, медленная и безвыходная. Погодимъ и посмотримъ.

Я на досугѣ кое-что пишу. Жаль, что не въ силахъ распространиться тебѣ о себѣ и о моихъ созданіяхъ. — Сейчасъ изъ обѣда, а завтра Давыдовъ возвращается. — Я принялъ твой совѣтъ; пересталъ умничать;... со всѣми видаюсь, слушаю всякій вздоръ, и нахожу, что это очень хорошо. Какъ-нибудь дотяну до смерти, а тамъ увидимъ, больше ли толку, Тифлисскаго или Петербургскаго. Тебя не браню за упорное молчаніе, угадываю причины; однако, коли въ Москвѣ будешь, схвати удобный случай, и напиши. Мазаровичева получила нѣжныя представленія отъ своей сестры Зыбиной или Зубковой въ пользу Дурнова, и намѣрена передать ихъ моимъ. Что объ этомъ знаешь? Кончено, или вновь завязалось?

Буду-ли я когда-нибудь независимымъ отъ людей? Зависимость отъ семейства, другая отъ службы, третья отъ цѣли въ жизни, которую себѣ назначилъ, и можетъ статься наперекоръ судьбы. Поэзія!! Люблю ее безъ памяти, страстно, но любовь одна достаточна-ли, чтобы себя прославить? И наконецъ, что̀ слава? По словамъ Пушкина...

Лишь яркая заплата
На ветхомъ рубищѣ пѣвца.

Кто насъ уважаетъ, пѣвцовъ истинно вдохновенныхъ, въ томъ краю, гдѣ достоинство цѣнится въ прямомъ содержаніи къ числу орденовъ и крѣпостныхъ рабовъ? Все-таки Шереметевъ у насъ затмилъ-бы Омира... Мученье быть пламеннымъ мечтателемъ въ краю вѣчныхъ снѣговъ. Холодъ до костей проникаетъ, равнодушіе къ людямъ съ дарованіемъ; но всѣхъ равнодушнѣе наши Сардары; я думаю даже, что они ихъ ненавидятъ. Voyons ce qui en sera. Если ты будешь имѣть случай достать что-нибудь новое, пришли мнѣ въ рукописи. Не знаешь-ли что-нибудь о судьбѣ Андромахи? напиши мнѣ. Я въ ней также ошибся.

Когда-нибудь, и можетъ быть скоро, свидимся... Ты удивишься, когда узнаешь, какъ мелки люди. Вспомни нашъ разговоръ въ Екатерининскомъ.—Теперь выкинь себѣ это изъ головы. Читай Плутарха, и будь доволенъ тѣмъ, что было въ древности. Нынѣ эти характеры болѣе не повторятся.—Когда будешь въ Москвѣ, попроси Чаадаева и Каверина, чтобы прислали мнѣ трагедію Пушкина «Борисъ Годуновъ».

Прощай, цѣлую Анну Ивановну и мою невѣсту. Тебя, мой милый, люблю съ каждымъ годомъ и мѣсяцемъ болѣе и болѣе.—Но что проку? Мы не вмѣстѣ.—[И жалѣть надобно меня]. Ты не одинъ.

Заставь Ермолова Петра Николаевича возвратить мнѣ мой манускриптъ *Горе отъ ума.* Дмитрія и Александру Васильевну обнимаю. Въ перепискѣ-ли ты съ Андреемъ? Онъ отъ меня ни строчки не имѣетъ. Невозможно.

61. Ѳ. В. Булгарину.

11-го декабря (1826 г.)

Сарматъ мой любезный. Помнишь-ли ты меня? А коли помнишь, присылай мнѣ свою «Пчелу» даромъ, потому что у меня нѣтъ ни копѣйки.

Часто, милый мой, вспоминаю о Невкѣ, на берегу которой мы съ тобою дружно и мирно пожили, хотя недолго. Здѣсь твои листки такъ цѣнятся, что ихъ въ клочки рвутъ, и до меня не доходитъ ни строчки, хотя я членъ того клуба, который всякія газеты выписываетъ. Воротилась-ли твоя Lenchen? Mein Gruss und Kuss. Tantchen auch meine Wünsche für ihr Wohl передай исправно. Гречу поклонись. Благодаримъ тебя за присланную Фуссову статью. «Одинъ день изъ жизни Суворова».

Твои прогулки и встрѣчи тоже здѣсь высоко ставятся; за 3,000 в. полагаютъ, что это истинная картина Петербургскихъ нравовъ. Продолжай, будь такъ же плодовитъ въ твоихъ произведеніяхъ, какъ ты милъ и добръ въ обществѣ хорошихъ пріятелей. Прощай, благослови тебя Богъ. Вѣрный твой.

P. S. Не искажай слишкомъ Персидскихъ именъ и нашихъ здѣшнихъ, какъ Шаликовъ въ Московскихъ газетахъ пишетъ Шаманда, вмѣсто Шамшадиль, etc. etc.

Отчего вы такъ мало пишете о сраженіи при Елисаветполѣ, гдѣ 7,000 Русскихъ разбили 35,000 Персіянъ? Самое дерзкое то, что мы врѣзались и учредили наши батареи за 300 саженей отъ непріятеля и, по превосходству его, были имъ

обхвачены съ обоихъ фланговъ, а самое умное, что пѣхота наша за бугромъ была удачно поставлена внѣ пушечныхъ выстрѣловъ, но это обстоятельство нигдѣ не выставлено въ описаніи сраженія.

62. П. Н. Ахвердовой.

26 Janvier (1827).

Madame!

Je me sens une attaque de nerfs très-forte, après quelques deux heures de frisson. Ce n'est rien du tout, cela m'arrive très-souvent depuis un certain temps; mais je ne voudrais pas que vous me taxiez d'une coupable froideur à l'égard de la proposition qui m'a été faite par Хар. Яковл. en votre nom. Croyez que je ne cesse d'y songer. Je m'étais proposé en sortant de l'église de passer la journée avec vous, mais on m'apprit chez A. A. Weliaminow que vous vous trouviez à dîner chez le g. Krabe. Je m'étais pris à tâche de vous le dire ce soir au Club, mais un paroxisme intempestif est venu au moment que je l'attendais le moins. Cela me pèse. Veuillez excuser maintenant mon importunité en considération d'un attachement et d'un respect sans bornes que vous porte, madame, votre très-dévoué serviteur.

A. Griboïédow.

Переводъ: 26 января (1827).

Милостивая государыня! У меня сильный нервный припадокъ послѣ почти двухчасоваго озноба. Это пустяки; съ нѣкотораго времени это со мною бываетъ очень часто; но мнѣ-бы не хотѣлось, чтобы вы винили меня въ непростительномъ равнодушіи относительно предложенія, которое сдѣлалъ мнѣ отъ вашего имени Харитонъ Яковлевичъ. Повѣрьте, что я все время о немъ думаю. Я предполагалъ, выходя изъ церкви, провести день съ вами; но у А. А. Вельяминова мнѣ сообщили, что вы обѣдаете у генерала Краббе. Я хотѣлъ было нынче вечеромъ сообщить вамъ объ этомъ въ клубѣ; но со мной совершенно неожиданно и не кстати сдѣлался припадокъ. Это у меня на совѣсти. Простите, пожалуйста, мою докучливость во вниманіе къ той привязанности и безпредѣльному уваженію, которое къ вамъ питаетъ, милостивая государыня, вашъ покорнѣйшій слуга А. Грибоѣдовъ.

63. Ѳ. В. Булгарину.

16-го апрѣля 1827 г. Тифлисъ.

Любезный другъ Ѳадей Венедиктовичъ. Прежде всего просьба, чтобы не забыть, а потомъ уже благодарность за дружеское твое вниманіе къ скитальцу въ восточныхъ краяхъ. Пришли мнѣ пожалуйста статистическое описаніе, самое подробнѣйшее, сдѣланное по лучшей новѣйшей системѣ, какого-нибудь округа южной Франціи, или Германіи, или Италіи (а именно Тосканской области, коли есть, какъ края, наиболѣе воздѣланнаго, благоустроен-

наго), на какомъ хочешь языкѣ, и адресуй въ канцелярію главноуправляющаго на мое имя. Очень меня обяжешь. Я бы извлекъ изъ этого таблицу не столь многосложную, но по крайней-мѣрѣ порядочную, которую бы разослалъ нашимъ окружнымъ начальникамъ, съ кадрами, которые имъ надлежитъ наполнить. А то съ этимъ невѣжественнымъ чиновнымъ народомъ вѣкъ ничего не узнаешь, и сами они ничего знать не будутъ. При Алексѣѣ Петровичѣ у меня много досуга было, и если я немного наслужилъ, такъ вдоволь начитался. Авось теперь, съ Божіею помощію, употреблю это въ пользу.

Стихи Жандра въ 1-мъ № я нигдѣ не могъ отыскать, ты не прислалъ мнѣ, а другіе — «къ Музѣ» я, еще не зная, чьи они, читалъ здѣсь вслухъ у Ховена, и увѣренъ былъ, что это произведеніе человѣка съ большимъ дарованіемъ. [Поощряй, пришпоривай его. А я надѣюсь, что воротясь изъ похода, какъ-нибудь его сюда выпишу]. Не могу довольно отблагодарить тебя за прежнее твое письмо и за присылку журналовъ.

Желалъ бы имѣть цѣлаго «Годунова». Повѣса Левъ Пушкинъ здѣсь, но не имѣлъ ко мнѣ достаточно вниманія, и не привезъ мнѣ братнина манускрипта. Зато я принялъ его по-непріятельски: велѣлъ принести пистолеты, и во все время, что онъ у меня сидѣлъ, стрѣлялъ въ дверь моей комнаты, пробилъ ее насквозь съ верху до низу, и Льва съ пальбой отпустилъ въ полкъ на юнкерство.

Въ первой сценѣ «Бориса» мнѣ нравится Пименъ-старецъ, а юноша Григорій говоритъ, какъ самъ авторъ, вовсе не языкомъ тѣхъ временъ.

Не ожидай отъ меня стиховъ; Горцы, Персіяне, Турки, дѣла управленія, огромная переписка нынѣшняго моего начальника поглощаютъ все мое вниманіе. Не надолго, разумѣется: кончится кампанія, и я откланяюсь. Въ обыкновенныя времена никуда не гожусь,—и не моя вина: люди мелки, дѣла ихъ глупы, душа черствѣетъ, разсудокъ затмевается, и нравственность гибнетъ безъ пользы ближнему.

Я рожденъ для другаго поприща.

Развѣдай у Петерса, моего портнаго, и Жандра попроси, что онъ пятый мѣсяцъ не шлетъ мнѣ платья, получивши деньги 600 р. отъ матушки. Скажи ему по-французски, что онъ свинья. 1-я глава твоей «Сиротки» такъ съ натуры списана, что [прости, душа моя] невольно подумаешь, что ты самъ когда-нибудь валялся съ кудлашкой. Тьфу, пропасть! какъ это смѣшно, и жалко, и справедливо. Я нѣсколько разъ заставалъ моего Але-

ксандра, когда онъ это читалъ вслухъ своимъ пріятелямъ. Многіе просятъ, чтобы ты непремѣнно продолжалъ и окончилъ эту повѣсть.

Lenchen, meiner liebenswürdigen Freundin, und Tante meinen besten Gruss. Прощай; кланяйся друзьямъ, и помни о добромъ пріятелѣ, который тебя душевно любитъ. А. Г.

(На оборотѣ). Его Высокоблагородію Ѳадею Венедиктовичу Булгарину, издателю «Пчелы» и пр. Въ С.-Петербургѣ, въ типографію Н. И. Греча.

64. П. Н. Ахвердовой.

Нахичевань, 28 іюня 1827 г.

передъ разсвѣтомъ.

Ma très-chere et très-estimable madame Akhwerdow. Me voici à passer une nuit blanche en attendant qu'on ait transcrit mes papiers d'office, après quoi je dois aller réveiller le général pour les faire signer. Cela n'est-il pas très-gai pour quelqu'un qui fait cas de son indépendance? Dites-moi, comment on devrait en finir avec toutes ces tracasseries? Par malheur on dirait que l'ennemi est payé pour nous faire le moins de mal possible. Jusqu'ici il ne s'est amusé qu'à harceler une seule fois l'arrière-garde d'Eristow. Quels généraux nous avons ici, grand Dieu! On dirait qu'ils ont été créés pour m'affermir de plus en plus dans le dégoût que je porte aux rangs et aux dignités. — Mouraview a été reconnaître ce matin la forteresse d'Abbas-Abad. J'étais trop occupé pour me mettre à cheval; mais comme je suis le mieux logé de toute la compagnie et que de mes fenêtres il y a une extension de vue magnifique, je soulevais souvent la tête de dessus mes papiers pour braquer ma lunette d'approche vers l'endroit où se passait l'affaire. Je voyais la cavalerie ennemie qui galopait en tous sens et passait l'Araxe pour couper Mourawiew et ses deux cents cosaques. Il s'est très-bien tiré d'affaire; il n'y a eu aucun engagement sérieux, et il nous est revenu sain et sauf, sans avoir pu rien observer de ce qu'il avait voulu voir. Le général en chef a beaucoup d'estime et de confiance pour lui, mais quelque démon s'en mêle: ils ont souvent des brouilles très-sérieuses. L'un crie, l'autre boude, et moi je suis là pour faire le sot rôle de conciliateur, sans que personne m'en sache gré. Ceci entre nous. Voulez-vous bien me dire merci pour votre beau-fils? Cependant je ne vous garantis pas qu'ils ne se désunissent un jour pour la vie, et cela me rend quelquefois très-mélancolique. Ne lui en dites rien dans vos lettres, n'en parlez pas même à m-e Mourawiew. Le fait est que le général est quelquefois d'une humeur intraitable, et votre beau-fils n'a rien de liant dans son caractère.

Avez-vous reçu une réponse d'Hettier? La poste nous manque depuis quatre semaines; nous ne savons rien de ce qui se passe au-delà de notre horison actuel. Des chaleurs suffoquantes, à 47° de Réaumur, mauvaise chère, ce qui m'embarrasse le moins, pas de lecture, pas de piano. Тошно до смерти! Bonne nuit! Donnez un baiser bien tendre

de ma part à Dachinka, et un autre à la petite Sophie Orbeliani. Je m'endors, et pourtant il se passera bien une heure avant que j'aille me mettre au lit. Faites-moi quelques deux pages bien amicales, sur ce qu'on fait chez vous à Tiflis. Je vous en serai bien reconnaissant, et songez quelquefois à celui qui vous est si franchement dévoué, et cela depuis bien des années. Окна въ комнатѣ разбитыя, вѣтеръ ужасный, поминутно свѣчи задуваетъ, и я сто́я пишу въ какой-то стѣнной впадинѣ. Передайте отъ меня цѣлый акаѳистъ привѣтствій и поклоновъ Надеждѣ Аѳанасьевнѣ, Аннѣ Андреевнѣ, Софьѣ Федоровнѣ, Марьѣ Ивановнѣ, Катеринѣ Ак. и всѣмъ моимъ знакомымъ принцессамъ.

Съ безпредѣльнымъ почтеніемъ вашъ усердный слуга.

А. Грибоѣдовъ.

Переводъ:

Дорогая и уважаемая Прасковья Николаевна. Приходится проводить безсонную ночь, въ ожиданіи окончанія переписки служебныхъ бумагъ, послѣ чего надо идти будить генерала, чтобы онъ ихъ подписалъ. Не слишкомъ ли это интересно для человѣка, который дорожитъ своей свободой? Скажите мнѣ, какъ покончить со всей этой суетой? Къ несчастію, можно сказать, что непріятелю какъ будто платятъ за то, чтобъ онъ какъ можно меньше насъ безпокоилъ. До сихъ поръ онъ только разъ позабавился подразнить арьергардъ Эристова. Какіе у насъ тутъ генералы, Боже милостивый! Можно сказать, что они на то и созданы только, чтобъ усилить отвращеніе, которое я питаю къ чинамъ и званіямъ. Муравьевъ сегодня утромъ былъ на рекогносцировкѣ крѣпости Аббасъ-Абадъ. Я былъ слишкомъ занятъ и не могъ лично ѣхать; но такъ какъ у меня изъ всей нашей компаніи лучшее помѣщеніе, а изъ моихъ оконъ открывается чудный, широкій видъ, то я часто отрывался отъ бумагъ, чтобъ наводить зрительную трубу на мѣсто дѣйствія. Я видѣлъ, какъ непріятельская кавалерія галопировала по всѣмъ направленіямъ и переправлялась черезъ Араксъ, чтобы отрѣзать Муравьева и двѣ сотни казаковъ. Дѣло кончилось у него благополучно; серьезной стычки не было, и онъ возвратился къ намъ здравъ и невредимъ, но не успѣлъ осмотрѣть то, что ему хотѣлось видѣть. Главнокомандующій очень его уважаетъ и питаетъ къ нему полное довѣріе, но какая-то дьявольщина мѣшается тутъ: между ними часто бываютъ серьезныя размолвки. Одинъ кричитъ, другой дуется, а я исполняю глупѣйшую роль—примиряю ихъ; но ни тотъ, ни другой за это не благодарятъ меня. Это между нами. Поблагодарите же меня за вашего зятя. Однако я вамъ не поручусь, чтобъ они въ одинъ прекрасный день не разссорились на смерть, и это иногда заставляетъ меня весьма призадуматься. Не говорите объ этомъ ни слова въ письмахъ вашихъ къ Муравьеву, да не сообщайте и его женѣ. Дѣло въ томъ, что генералъ иногда бываетъ въ такомъ расположеніи духа, что съ нимъ ничего не подѣлаешь, а зять вашъ по характеру не изъ снисходительныхъ. Полученъ-ли вами отвѣтъ отъ Гетье? Вотъ уже четыре недѣли, какъ почта не приходитъ, и мы ничего не знаемъ, что дѣлается внѣ нашего настоящаго горизонта. Жары удушливыя, по 47° по Реомюру. Худая пища [это мнѣ ни по чемъ], нѣтъ ни чтенія, ни фортепьяно. Тошно до смерти. Спокойной ночи. Поцѣлуйте нѣжно Дашиньку и маленькую Соню Орбеліани. Я совсѣмъ сплю, и однако развѣ черезъ часъ придется лечь въ постель. Дружески черкните мнѣ стра-

ничку-другую о тифлисскихъ дѣлахъ, за это буду вамъ очень благодаренъ. И подумайте иногда о человѣкѣ, который такъ искренно и уже столько лѣтъ вамъ преданъ. (*Дальше съ подлинника по-русски*).

65. Ей же.

Au quartier-général, sous les murs
d'Abbas-Abad, 3 Juillet 1827.

Veuillez remarquer, ma très-chère et très-digne m-me Akhwerdow, que j'ai mes époques pour faire une lettre après l'autre, tout comme pour mes visites, quand je suis sur place. Voici pour vous № 2. Je vous écris en plein air, sous le beau ciel de la Perse; il fait un vent d'enfer, une poussière énorme, et qui plus est, le jour tombe, et on voit à demi; mais je ne veux pas me refuser le plaisir de vous adresser quelques lignes.

L'autre jour quand je vous fermais mon pli, il était 3½ du matin. Là-dessus je fis seller mon cheval et je partis vers Abbas-Abad, sous les murs duquel on avait envoyé 50 cosaques pour harceler la garnison ou plutôt les cavaliers qui se trouvaient dans la forteresse, et les attirer contre une embuscade où était placé un gros de notre cavalerie. Je me joignis à notre petite troupe. Toute la manoeuvre a été manquée, faute de complaisance de la part de l'ennemi, qui n'a pas voulu se laisser duper. Quelques amateurs vinrent pirouetter autour de nous, mais trop loin de l'endroit où on leur en voulait. Nous étions quittes pour quelques balles qui sifflèrent à nos oreilles sans blesser personne.

Cela dura ainsi jusqu'à 10 heures avant-midi, quand le général en chef fit faire une forte reconnaissance par 2 régiments de lanciers, 2 de cosaques, 1 de dragons et 22 pièces d'artillerie volante. Je vins me placer à une portée de fusil d'une des faces de la forteresse, d'où on voyait défiler les nôtres comme si je me fusse trouvé en spectateur au centre même du fort. On se canonna longtemps de part et d'autre. C'était un beau spectacle, assez nul, je crois, comme résultat militaire, mais superbe à être vu, et je ne demande pas mieux, moi qui suis là pour m'amuser. Dans ce même moment le général Benkendorf fit plonger 2,000 cavaliers dans l'Araxe, qui le passèrent en moins de rien et ont chassé l'ennemi de toutes les hauteurs de l'autre côté de la rivière. Vous qui êtes peintre, j'aurais voulu que vous vissiez tout cela, et par dessus tout la plaine pittoresque où la scène se passait. De tous côtés nous avons ici des rangées de montagnes les plus bizarres que la nature ait pu former, entre autres le soi-disant rocher de Pompée, qui s'élève en tronc d'arbre qu'on croirait frappé et noirci par la foudre, mais d'une dimension gigantesque. C'est vers notre frontière du Karabagh. Parmi ce dédale des mamelons, des différentes sommités et des chaînes entières de montagnes le plus singulièrement conformées, la vallée riante, laborieusement cultivée qu'arrose l'Araxe, et vers le Nord la cime neigeuse de l'Ararat.—J'ai déjà passé au gué cette fameuse rivière, dont le nom historique dit tant à l'imagination.

Avant-hier nous sommes venus camper auprès d'Abbas-Abad; hier on a ouvert la tranchée; cette nuit je vais un peu suivre le général pour voir ce qui s'y passe. Le matin Wlangali a manqué déserter notre société pour 7 malheureux boulets qui sont venus ébranler l'air audessus de sa tente, ou plutôt par-dessus tout le quartier-général,

où ils sont tombés dans différents endroits, sans tuer personne. Tout cela est fait pour m'égayer la vie. Je commence à y trouver du goût jusqu'à un certain point: c'est mieux que de croupir dans les villes.

Bonsoir! Que vous dirai-je de vorte beau-fils?! Il est impossible de faire mieux son devoir, selon qu'il entend ses fonctions, et d'être plus mésentendu de son chef, qui pourtant est le meilleur des hommes à ses manières près. N'en dites rien à m-e Mourawiew. Peut-être, avec des succès contre l'ennemi, les choses entre amis se concilièront au mieux, et alors je serai le premier à vous en faire part.

Mes hommages à toute vorte maison, aux Tchawtchawadzé et à m-e Castello.

Переводъ:

Главная квартира подъ Аббасъ-Абадомъ, 3-го іюля 1827 года

Извольте замѣтить, дорогая и уважаемая Прасковья Николаевна что у меня бываютъ эпохи, когда я пишу письмо за письмомъ все равно какъ эпохи визитовъ, когда я на мѣстѣ. Вамъ—№ 2-й Пишу на чистомъ воздухѣ, подъ прекраснымъ небомъ Персіи; дуетъ дскій вѣтеръ, пыль ужасная, а главное смеркается и плохо видно, о не хочу отказаться отъ удовольствія написать вамъ нѣсколько трочекъ. На-дняхъ, когда я запечатывалъ послѣднее мое письмо ъ вамъ, было 3½ часа утра. Затѣмъ я приказалъ осѣдлать себѣ шадь и отправился по направленію къ Аббасъ-Абаду; подъ его ѣны было послано 50 казаковъ, чтобъ дразнить гарнизонъ или, ще сказать, кавалерію, которая находилась въ крѣпости, и замать ее къ засадѣ, гдѣ находились главныя наши кавалерійскія сы. Я присоединился къ нашему маленькому отряду. Весь маръ этотъ былъ напрасенъ, непріятелю не угодно было даться обманъ. Нѣсколько человѣкъ охотниковъ кружились около насъ, слишкомъ далеко отъ мѣста, гдѣ-бы мы желали ихъ видѣть. ъ нѣсколько пуль просвистали мимо нашихъ ушей, никого, однѣ, не поранили. Это продолжалось до 10 часовъ утра. Въ полдень генералъ приказалъ сдѣлать сильную рекогносцировку съ 2 ми уланъ, 2 — казачьими, однимъ драгунскимъ и 22 полевыми ор ми. Я помѣстился на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ одноъ изъ фасовъ крѣпости; съ этого мѣста было видно, какъ проходиаши, точно я находился зрителемъ въ самой срединѣ крѣпос Долгое время шла канонада съ обѣихъ сторонъ; зрѣлище былрекрасное. Ничтожное, по моему мнѣнію, въ смыслѣ военнаго успѣ оно было безподобнымъ для зрителя, а мнѣ, находившемуся тамя собственнаго развлеченія, только это и нужно было. Въ извѣстй моментъ генералъ Бенкендорфъ приказалъ кавалеріи, въ числѣ двухсячъ, переплыть за Араксъ. Они это мигомъ исполнили и прогн непріятеля со всѣхъ высотъ противоположнаго берега рѣки. Какъ хотѣлось-бы, чтобы вы, будучи живописцемъ, видѣли все это, ерхъ того ту живописную равнину, гдѣ происходила эта сцена. насъ здѣсь, со всѣхъ сторонъ, цѣлые ряды горъ, съ самыми странми очертаніями, какія только природа могла создать, между ими такъ называемая Помпеева скала, которая высится, словноволъ гигантскаго дерева, пораженнаго молніею и почернѣвшаго то по направленію къ нашей Карабагской границѣ. Посреди о лабиринта холмовъ, разнообразныхъ возвышенностей и цѣлыхъ ныхъ цѣпей самой странной формы, улыбающаяся, веселая дол тщательно воздѣланная, орошаемая Араксомъ, а къ сѣ-

веру снѣжная вершина Арарата. Я уже переправлялся въ бродъ чрезъ эту знаменитую рѣку, историческое имя которой такъ много говоритъ воображенію. Третьяго дня мы стали лагеремъ близъ Аббасъ-Абада; вчера начали траншею; эту ночь я поѣду за генераломъ посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Поутру чуть не выбылъ изъ нашего общества Вангали: семь несчастныхъ ядеръ потрясли воздухъ надъ его палаткой или, лучше сказать, надъ всею главною квартирою, и упали въ разныхъ мѣстахъ, но никого не убили. Все это меня развлекаетъ, и къ этому я до извѣстной степени начинаю привязываться: все же лучше, чѣмъ плѣснѣть въ городахъ. Добрый вечеръ! Что мнѣ сказать вамъ про вашего зятя? Нельзя лучше его исполнять свой долгъ, сообразно тому, какъ онъ понимаетъ свои служебныя обязанности, и въ то же время нельзя болѣе расходиться во взглядахъ со своимъ начальникомъ, который однако человѣкъ отличнѣйшій во всемъ, кромѣ обращенія. Ничего не говорите объ этомъ madame Муравьевой. Можетъ быть вмѣстѣ съ успѣхомъ въ дѣйствіяхъ противъ враговъ уладятся и отношенія между друзьями, и тогда я первый сообщу вамъ объ этомъ. Поклонитесь отъ меня всей вашей семьѣ, семьѣ Чавчавадзе и г-жѣ Кастелло.

66. Ей же.

14 Juillet (1827). Karabag.

Recevez mes félicitations sur l'arrivée d'Egorouchka, ma très-éstimable m-e Akhwerdow. Voulez-vous avoir de nos bonnes ou mauvaises nouvelles? Je commence par ce qui vous intéresse le plus. Mourawiew se porte comme le pont neuf. Quant à moi, j'ai eu trois commencements de fièvre chaude et maintenant je souffre de la chaleur jusqu'à avoir des évanouissements: le mercure ne descend jamais audessous de 30° à l'ombre; c'est, je crois, 50° au soleil. Je n'y tiens plus. On me refuse la liberté de me retirer pour toujours de cet étouffoir; il faudra finir par me brouiller avec la grande autorité, sans quoi je cours risque d'être grillé, sans que personne en retire le moindre profit.

Vous savez, je présume, que j'ai été en mission auprès d'Abbas-Mirza. On m'a traité en prince du sang, il ne manqua que très-peu de temps pour faire souscrire à nos conditions cet ennemi plus obstiné à se cacher qu'à se battre. Подлецы, а миру нѣтъ! L'on m'appelle. Bonsoir! Demain je vais aux eaux ferrugineuses qu'on a découvertes dans un défilé près d'ici. De là je monte le Salvarti pour rester quelque temps chez Rayewsky, d'ou j'envoye une supplique pour être quitte de toutes les tribulations de ce monde. Si l'on me refuse, je crois que j'aurai assez de resolution pour venir vous trouver sans qu'on me le permette. Nous avons été à Garousse, mais avec le général en chef, ce qui m'a bridé ma volonté. Que j'étais content de voir Simonitch; mais le cruel ne m'a pas offert le cher piano. Recevez l'assurance du dévouement sans bornes qui je vous porte, madame.

Votre très-zélé serviteur Griboiedew.

Переводъ: 14 іюля (1827). Карабагъ.

Поздравляю васъ съ пріѣздомъ Егорушки, многоуважаемая Прасковья Николаевна. Хотите имѣть о насъ добрыя или дурныя вѣсти? Начинаю съ тѣхъ, которыя наиболѣе интересны. Муравьевъ здоровъ, какъ быкъ (pont neuf). Что до меня, я три раза забо-

лѣвалъ горячкою, а въ настоящее время до обмороковъ страдаю отъ жары; ртуть въ тѣни не опускается ниже 33°, а на солнцѣ доходитъ, кажется, до 50°. Я не выдержу. Мнѣ отказываютъ въ желаніи убраться навсегда изъ этого пекла. Придется покончить наконецъ ссорою съ главною властью, такъ какъ иначе я подвергаюсь опасности быть изжареннымъ, безъ малѣйшей пользы для кого-бы то ни было. Я полагаю, вы знаете про мое посольство къ Аббасу-Мирзѣ. Со мною обращались какъ съ принцемъ крови, и уже немного времени недоставало, чтобы всѣ наши условія были подписаны этимъ непріятелемъ, рѣшившимъ скорѣе прятаться, нежели драться. Подлецы, а миру нѣтъ! Меня зовутъ. Доброй ночи! Завтра ѣду на желѣзистыя воды, открытыя недалеко отсюда въ ущельѣ; оттуда поднимусь на Сальварти,—пожить у Раевскаго, и оттуда отправлю прошеніе объ освобожденіи меня отъ всѣхъ напастей сего міра. Если мнѣ откажутъ, то мнѣ кажется, что найду достаточно рѣшимости, чтобы пріѣхать къ вамъ безъ позволенія. Мы были въ Гаруссѣ, но съ главнокомандующимъ; стало быть, я былъ связанъ. Какъ я былъ радъ повидаться съ Симоничемъ, но жестокій не предложилъ мнѣ милаго фортепіано. Примите увѣреніе въ моей безграничной преданности. Вашъ усерднѣйшій слуга Грибоѣдовъ.

67. Ей же.

(15—19 іюля 1827 г.).

Je suis tout en feu, un commencement de fièvre chaude. C'est Schaumbourg qui tient la plume. L'affaire du 5 et la prise d'Abbas-Abad étaient les derniers de nos beaux jours. Depuis, rien que maladies, soleil, poussière, une souffrance plutôt qu'une existance, et j'y succombe le premier, moi, qui me supposais déjà acclimaté durant cette éternelle mission de Mazarowitch.

Votre beau-fils est content de l'arrivée du comte Soukhtelen, dont il reste le sous-aide. Moi, je ne suis content de rien. Bonjour! Mes hommages à vous, à tout votre monde, à la jolie famille, Давыда по головкѣ. Figurez-vous que j'ai lu hier une lettre de lord Russel datée de Varsovie; il s'agit de madame Mourawiew, dans le temps qu'elle était Sophie encore, de Nina, enfin de toute l'assemblée, de danse, des éloges, des confessions. Sentez-vous que je bats la campagne?

Переводъ: Я весь горю, это начало горячки. Шаумбургъ пишетъ за меня. Дѣло 5-го числа и взятіе Аббасъ-Абада были нашими послѣдними хорошими днями. Съ тѣхъ поръ только болѣзни, солнечный жаръ, пыль, скорѣе страданіе, чѣмъ жизнь, и я первый изнемогаю отъ всего этого, несмотря на то, что считалъ себя привыкшимъ къ здѣшней погодѣ во время несказанно-долгаго посольства Мазаровича. Зять вашъ доволенъ пріѣздомъ графа Сухтелена, у котораго онъ остается помощникомъ. Я же ничѣмъ не доволенъ. Прощайте! Мое почтеніе вамъ, всему вашему обществу, семейству красавцевъ и красавицъ. Давыда по головкѣ. Представьте, вчера читалъ я письмо лорда Росселя изъ Варшавы; говорится о madame Муравьевой, когда она была еще Сонечкой, про Нину, словомъ про весь кружокъ, про танцы, похвалы, признанія. Чувствуете, что я начинаю бредить?

68. Командиру отдѣльнаго кавказскаго корпуса генералу-отъ-инфантеріи, генералъ-адъютанту и кавалеру Паскевичу Иностранной Коллегіи надворнаго совѣтника Грибоѣдова донесеніе.

30-го іюля 1827 г. Лагерь при селеніи Карабабы.

20-го числа іюля я, по приказанію вашего высокопревосходительства, отправился изъ крѣпости Аббасъ-Абадъ въ персидскій лагерь, куда въ тотъ же день прибылъ передъ вечеромъ; 7-мь часовъ ѣзды скорой, разстояніе около 49 верстъ отъ Аракса до опустѣлой деревни Каразіадинъ, гдѣ я долженъ былъ ждать, когда позоветъ меня къ себѣ Аббасъ-Мирза. Скудно-разбросанныя палатки не означали присутствія многочисленнаго войска. Вечеромъ прибылъ ко мнѣ Мирза-Измаилъ съ привѣтствіями отъ Шахзады, который на ту пору прохлаждался въ горахъ, и только на другой день намѣренъ былъ спуститься къ Каразіадину, или въ Чорскую долину [такъ называется цѣлый округъ изъ 12-ти деревень]. Къ моей палаткѣ поставленъ почетный караулъ, разумѣется, чтобъ имѣть надо мною надзоръ; но всѣ условія вѣжливости были соблюдены, даже до излишества.

21-го іюля, поутру, подошва горъ къ югу, со стороны Хоя, запестрѣла вооруженными конными и сарбазами,—и вскорѣ былъ разбитъ лагерь на большомъ протяженіи.

Въ часъ пополудни за мною прибылъ наибъ Эшинъ-Агаси отъ Аббасъ-Мирзы, къ которому я отправился съ толпою народа; при мнѣ же были Мирза-Измаилъ и Мирза-Сале. Я былъ допущенъ къ аудіенціи тотчасъ, безъ предварительныхъ церемоній. Аббасъ-Мирза одинъ былъ въ обширной палаткѣ; со мною взошли нѣсколько человѣкъ изъ его приближенныхъ.

Послѣ первыхъ привѣтствій и вопросовъ о вашемъ здоровьѣ, обо мнѣ собственно, онъ началъ мнѣ вспоминать о прежнемъ моемъ пребываніи въ Тавризѣ и проч. Потомъ долго и горько жаловался на генерала Ермолова, Мазаровича, Севаримидзева, какъ на главныхъ, по его мнѣнію, зачинщиковъ нынѣшней войны. Я ему отвѣчалъ, что неудовольствія были обоюдны, по случаю спора о границахъ, но съ нашей стороны никогда бы не вызвали военныхъ дѣйствій, если бы самъ Шахзади не вторгнулся въ наши области.

— «Моихъ и шаха пословъ не допускали до Государя, писемъ не доставляли въ Петербургъ,—сколько я ихъ показывалъ князю Меншикову, мнѣ обратно присланныхъ, даже нераспечатанныхъ,

сколько теперь у меня ихъ сохраняется, въ томъ же видѣ, для оправданія моего передъ Государемъ вашимъ».

Я ему напомнилъ о двукратномъ пріѣздѣ въ Россію Абуль-Гассанъ-хана, о Мехмедъ-Гассанъ-ханѣ-Афшарѣ, о Мирза-Сале, бывшихъ въ Петербургѣ, чрезъ которыхъ всегда можно было представить Императорскому двору жалобы, если бы онѣ основаны были на справедливости. Наконецъ, князь Меншиковъ для того былъ присланъ въ Персію отъ самого Государя, чтобы устранить поспѣшно и навсегда возникшія тогда несогласія. Впрочемъ, когда кто лежитъ боленъ цѣлый годъ, не отыскиваютъ уже первыхъ причинъ его болѣзни, а стараются уврачевать ее,— такъ и съ настоящею войною.

Разговоръ въ этомъ смыслѣ продолжался болѣе часу. Я вынужденъ былъ сказать, что не имѣю порученія разбирать то, что предшествовало войнѣ, что это не мое дѣло...

— «Такъ всѣ вы говорите: не мое дѣло, — но развѣ нѣтъ суда на этомъ свѣтѣ!»

— Ваше высочество сами поставили себя судьею въ собственномъ дѣлѣ, и предпочли рѣшить его оружіемъ. Не отнимая у васъ ни благоразумія, ни храбрости, ни силы, замѣчу одно только: кто первый начинаетъ войну, никогда не можетъ сказать, чѣмъ она кончится.

— «Правда», отвѣчалъ онъ.

— Прошлаго года персидскія войска внезапно и довольно далеко проникли въ наши владѣнія по сю сторону Кавказа. Нынче мы, пройдя Эриванскую и Нахичеванскую области, стали на Араксѣ, овладѣли Аббасъ-Абадомъ, откуда я присланъ...

— «Овладѣли! взяли! Вамъ сдалъ Аббасъ-Абадъ зять мой, трусъ,—онъ женщина, хуже женщины».

— Сдѣлайте то, что мы сдѣлали противъ какой-либо крѣпости, и она сдастся вашему высочеству.

— «Нѣтъ, вы умрете на стѣнѣ, ни одинъ живой не останется; мои не умѣли этого сдѣлать, иначе вамъ никогда бы не овладѣть Аббасъ-Абадомъ».

— Какъ бы то ни было, при настоящемъ положеніи дѣлъ уже три раза, какъ генералъ получалъ отъ васъ предложенія о мирѣ, и ни одно изъ вашихъ сообщеній несходно съ условіями, мимо которыхъ съ нашей стороны не приступятъ ни къ какимъ переговорамъ. Такова есть воля Государя. Чтобы на этотъ счетъ не было болѣе недоразумѣній, я сюда присланъ. При томъ долженъ объявить вашему высочеству, что посланные ваши, если явятся съ предложеніями другаго рода, несогласными съ нашими, или для преній о томъ, кто первый былъ причиною войны,—

они не только не получатъ удовлетворительнаго отвѣта, но главноначальствующій не признаетъ себя даже въ правѣ ихъ выслушивать. Условія же, если ваше высочество расположены ихъ выслушать, я сейчасъ буду имѣть честь изложить вамъ,—въ этомъ именно состоитъ мое порученіе.

— «Послушаемъ», сказалъ онъ; «но развѣ должно непремѣнно трактовать, наступя на горло, и нельзя разсуждать о томъ, что было прежде?»

Тутъ онъ опять началъ распространяться о безуспѣшныхъ прежнихъ его усиліяхъ жить съ нами въ мирѣ, подъ сѣнію расположенія къ нему Россійскаго Императора. Обвиненія съ жаромъ противъ пограничныхъ начальниковъ, не щадя и своихъ сардара и брата его; потомъ неистощимыя увѣренія въ преданности Императору,—все это быстро слѣдовало одно за другимъ. Я изъ нѣкоторыхъ словъ могъ, однако, замѣтить, что личный характеръ Государя Императора сильно дѣйствуетъ на него, какъ отпечатокъ твердости и постоянства въ предпріятіяхъ; такъ, онъ отзывался, по свидѣтельству ли англичанъ, или по другимъ до него дошедшимъ свѣдѣніямъ, но повторилъ не разъ, что онъ знаетъ о рѣшительныхъ свойствахъ великаго Императора, что свидѣтельствуютъ всѣ сыны и братья европейскихъ царей и послы, пріѣзжавшіе поздравлять его со вступленіемъ на престолъ. То же впечатлѣніе я потомъ замѣтилъ и въ прочихъ лицахъ, съ которыми имѣлъ дѣло въ персидскомъ лагерѣ; они разсказываютъ множество анекдотовъ, — иные справедливые, большею частью вымышленные, но представляющіе Россійскаго государя въ какомъ-то могущественномъ видѣ, страшномъ и для его непріятелей. Я воспользовался этимъ, чтобы обратить вниманіе Шахзады на неприличность прошлогоднихъ поступковъ въ Персіи противъ кн. Меншикова.

— Какъ, съ такими понятіями о могуществѣ нашего Государя, вы рѣшились оскорбить его, въ лицѣ посланника Его Величества, котораго задержали противъ самыхъ священныхъ правъ, признанныхъ всѣми государствами? Теперь, кромѣ убытковъ, нами понесенныхъ при вашемъ впаденіи въ наши области, кромѣ нарушеній границъ, оскорблена и личность самого Императора, — а у насъ честь Государя есть честь народная!

При этихъ словахъ, онъ какъ-будто пораженъ былъ какою-то мыслью, и такъ непринужденно, громко и краснорѣчиво раскаивался въ своемъ проступкѣ, что мнѣ самому ничего не оставалось къ этому прибавить. Предоставляю вашему высокопревосходительству судить, насколько это раскаяніе смиренно, по извѣстному уже вамъ характеру Персіянъ.

Послѣ того онъ всѣхъ выслалъ; остались: онъ, я и мой переводчикъ; но за занавѣсью выказывался человѣкъ, въ которомъ я опять узналъ Алаяръ-хана. Аббасъ-Мирза, наконецъ, рѣшился выслушать условія, говоря, однако, что онъ уже ихъ знаетъ отъ Мирзы-Сале.

Переводчикъ мой пространно объяснилъ ему, чего требуетъ наше правительство; по поданнымъ ему отъ меня наставленіямъ, ни разу не уклонялся отъ должной учтивости и уваженія къ тому, съ кѣмъ говорилъ, всячески щадя его самолюбіе. Шахзади нѣсколько разъ покушался его прервать, но я съ покорностью просилъ его быть терпѣливѣе, иначе мое порученіе останется не довершеннымъ. Когда все съ нашей стороны было объяснено, онъ едва не вскочилъ съ мѣста.

— «Такъ вотъ ваши условія! Вы ихъ предписываете шаху иранскому, какъ своему подданному! Уступка двухъ областей, дань деньгами! Но когда вы слыхали, чтобы шахъ персидскій сдѣлался подданнымъ другаго государя? Онъ самъ раздавалъ короны. Персія еще не погибла».

— И Персія имѣла свои дни счастія и славы; но я осмѣлюсь напомнить вашему высочеству о Гуссейнъ-шахѣ-Софіѣ, который лишился престола, побѣжденный авганцами. Предоставляю собственному просвѣщенному уму вашему судить, насколько русскіе сильнѣе авганцевъ.

— «Кто же хвалитъ за это шаха Гуссейна? онъ поступилъ подло,—развѣ и намъ слѣдовать его примѣру?»

— Я вамъ назову великаго человѣка и государя, Наполеона, который внесъ войну въ русскіе предѣлы—и заплатилъ за это утратою престола.

— «И былъ истинный герой: онъ защищался до самой крайности. Но вы, какъ всемірные завоеватели, все хотите захватить,—требуете областей, денегъ, и не принимаете никакихъ отговорокъ».

— При окончаніи каждой войны, несправедливо начатой съ нами, мы отдаляемъ наши предѣлы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, непріятеля, который бы отважился переступить ихъ. Вотъ отчего въ настоящихъ обстоятельствахъ требуется уступка областей Эриванской и Нахичеванской. Деньги — также родъ оружія, безъ котораго нельзя вести войну. Это не торгъ, ваше высочество, даже не вознагражденіе за претерпѣнные убытки: требуя денегъ, мы лишаемъ непріятеля способовъ вредить намъ на долгое время.

Не скрою отъ вашего высокопревосходительства, что эти слова показались очень непріятными Аббасъ-Мирзѣ. Можетъ быть, я и

нѣсколько перешелъ за черту даннаго мнѣ порученія; но смѣю васъ увѣрить, что этимъ не только ничего не испорчено, но при будущихъ переговорахъ уполномоченные Его Императорскаго Величества избавлены будутъ отъ труда исчислять персіянамъ итоги военныхъ издержекъ, которыя они оцѣняютъ, по-своему, довольно дешево, ибо армія ихъ во время войны, даже въ собственномъ краю, кормится сколько можно даромъ, на счетъ поселянъ беззащитныхъ.

Аббасъ-Мирза подозвалъ меня, какъ можно ближе, и почти на ухо началъ меня разспрашивать о степени власти, отъ государя вамъ ввѣренной,—можете ли вы отъ себя убавить нѣкоторую часть своихъ требованій; что есть два рода главнокомандующихъ: одни на все уполномоченные, другіе съ правами ограниченными,—какова, наконецъ, власть генерала Паскевича?

— Большая, отвѣчалъ я;—но чѣмъ она болѣе, тѣмъ болѣе отвѣтственность.

Потомъ я объяснилъ ему, что у насъ одна господствующая воля—самого Государя Императора, отъ которой никто уклониться не можетъ, въ какую бы власть облеченъ ни былъ; условія будущаго мира начертаны по волѣ Государя, и исполнитель — главноначальствующій, и проч. Это завлекло меня въ сравненіе съ Персіею, гдѣ единовластіе въ государствѣ нарушается по прихоти частныхъ владѣтелей и разномысліемъ людей, имѣющихъ голосъ въ совѣтѣ шахскомъ, даже изступленіемъ пустынника, который изъ Кербелая является съ возмутительными проповѣдями и вовлекаетъ государство въ войну бѣдственную. Аббасъ-Мирза часто оборачивался къ занавѣсямъ, за которой сидѣлъ Алаяръ-ханъ, и сказалъ мнѣ:

— «У васъ тоже не одна воля: въ Петербургѣ одно говорятъ, Ермоловъ—другое; у насъ былъ Муштаидъ для мусульманъ, вы тоже, для возбужденія противъ насъ армянъ, выписали въ Эчмеадзинъ христіанскаго калифа Нерсеса», и такъ далѣе.

Послѣ многихъ отступленій, мы опять обратились къ условіямъ будущаго мира.

— «Итакъ, генералъ Паскевичъ не можетъ или не хочетъ сдѣлать никакой отмѣны въ объявленныхъ вами предложеніяхъ? Мы заключимъ перемиріе; это онъ можетъ; тѣмъ временемъ я самъ къ нему прибуду въ лагерь, скажу ему, чтобы онъ указалъ мнѣ путь къ Императору,—самъ отправлюсь въ Петербургъ, или пошлю моего старшаго сына, онъ наслѣдникъ мой, какъ я—шахскій. Будемъ цѣловать руку великаго Государя, престолъ Его,—мы Его оскорбили, будемъ просить прощенія, Онъ во всемъ властенъ, но великодушенъ; захочетъ областей, денегъ — и деньги,

и весь Ардзебидзамъ, и самого себя отдамъ ему въ жертву; но чистосердечнымъ симъ поступкомъ пріобрѣту пріязнь и покровительство Россійскаго Императора».

Эту идею онъ развивалъ мнѣ съ различными измѣненіями, и при каждомъ разѣ я напоминалъ ему, что ваше высокопревосходительство не въ правѣ, въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, дать ему или Эмиръ-зади пропускъ въ С.-Петербургъ; что это намѣреніе гораздо удобнѣе было исполнить прошлаго года, во время коронаціи Императора,—но Шахзади предпочелъ тогда схватиться за оружіе; и я не могу скрыть, что Государь разгнѣванъ именно и лично самимъ Аббасъ-Мирзою.

Онъ снова говорилъ, что знаетъ, чувствуетъ это, — готовъ исправить вину свою, снискать утраченное имъ благоволеніе Государя; эти увѣренія онъ повторялъ до безконечности.

— «Скажите, г. Грибоѣдовъ,—вы жили въ Тавризѣ: чего я ни дѣлалъ, чтобы съ вами остаться въ дружбѣ? чѣмъ можете укорить меня, какимъ проступкомъ противъ трактата?»

Я привелъ ему на память разсѣяніе возмутительныхъ фирмановъ въ Дагестанѣ, на которые во все время жаловался генералъ Ермоловъ.

— «Видѣли-ли вы ихъ? гдѣ они? Это нелѣпости, вымышленныя моими врагами—Ермоловымъ и Мазаровичемъ, также какъ и уши и носы убитыхъ на Кавказѣ русскихъ, которые будто бы привезены были Лезгинами ко мнѣ въ Тавризъ. Когда же это было? Вы свидѣтель, что это ложь; между тѣмъ, Императоръ Александръ выговаривалъ это Мехмедъ-Гуссейну-хану въ Петербургѣ; такими клеветами возбуждали противъ меня покойнаго вашего Императора и также умѣли лишить меня благосклонности его преемника. Съ кн. Меншиковымъ можно было имѣть дѣло—умный и не коварный человѣкъ; но онъ всегда отговаривался, что не имѣетъ власти дѣлать мнѣ иныхъ предложеній, кромѣ тѣхъ, которыя мнѣ уже объявлены были генераломъ Ермоловымъ. Теперь, если мы вамъ отдадимъ области, заплатимъ требуемую сумму,—что пріобрѣтемъ въ замѣну? Новые предлоги къ будущимъ распрямъ, которые со временемъ созрѣютъ и произведутъ опять войну. При заключеніи прежняго мира, мы отказались въ пользу вашу отъ обширнѣйшихъ провинцій, на все согласились, что отъ насъ хотѣли,—англичане тому свидѣтели; и что же пріобрѣли, кромѣ новыхъ притязаній съ вашей стороны, обидъ нестерпимыхъ! Миръ во сто разъ хуже войны! Нынѣ посланные мои принимаются ласковѣе генераломъ Паскевичемъ, сообщенія его со мною вѣжливѣе, чѣмъ во время такъ называемаго мира; я перечесть не могу всѣхъ оскорбленій, мною пре-

терпѣнныхъ въ теченіе десяти лѣтъ. Нѣтъ! Я, или сынъ мой— мы непремѣнно должны ѣхать къ Императору...» и проч.

Я опять представлялъ ему невозможность вашему высокопревосходительству допустить этого; и въ обыкновенное время приличіе требуетъ писать предварительно въ Петербургъ и просить на то соизволенія Его Императорскаго Величества. Онъ началъ разсчитывать, какъ скоро можетъ прибыть отвѣтъ изъ С.-Петербурга; требовалъ отъ меня ручательства, что Государь допуститъ его къ себѣ; просилъ меня стараться объ этомъ дружески и усердно при вашемъ высокопревосходительствѣ, а васъ самихъ—ходатайствовать за него въ С.-Петербургѣ, въ то самое время, какъ я неоднократно изъявлялъ ему мое сомнѣніе о томъ, возможно-ли такія предложенія дѣлать и принимать въ военное время. Способъ трактовать—исключительно свойственный Персіянамъ, которые разговоръ о дѣлѣ государственномъ внезапно обращаютъ въ дружескую гаремную бесѣду, и поручаютъ хлопотать въ ихъ пользу чиновнику воюющей съ ними державы, какъ доброму ихъ пріятелю. Все это,—я замѣтилъ самому Шахзади,— довольно безполезно. Начались и продолжались толки о перемиріи на то время, какъ пошлется донесеніе въ С.-Петербургъ и получится желаемый отвѣтъ, т. е., отъ 4-хъ до 5-ти недѣль. Я не призналъ за нужное оспаривать далѣе надеждъ Аббасъ-Мирзы, не подкрѣпляя ихъ, впрочемъ, ни малѣйшимъ увѣреніемъ, и занялся условіями перемирія, какъ дѣла для насъ полезнаго. Предложеніе о томъ было съ его стороны. Онъ хотѣлъ, чтобы мы отступили въ Карибаду, а онъ—въ Тавризъ; Нахичеванскую область очистить и считать нейтральною, кромѣ Аббасъ-Абада, котораго гарнизонъ онъ на себя бралъ продовольствовать. Во многомъ мы были согласны, я иное отвергалъ, — ни въ чемъ не условились, и я просилъ дать мнѣ нѣсколько часовъ досуга, чтобы обдумать и написать ему проектъ перемирія.

— «Нѣтъ! сейчасъ рѣшить, я не хочу вашего письма. Ради Бога, не пишите, — вы потомъ не отступитесь ни отъ одного слова».

Кончилось, однако, на томъ, что я у себя обдѣлаю и потомъ представлю ему условія. Привѣтствія полились рѣкою, похвалы, лесть, болѣе или менѣе сносныя. Аббасъ-Мирза спрашивалъ, часто-ли обо мнѣ навѣдываются его окружающіе? кто изъ нихъ былъ у меня? чтобы утромъ явились ко мнѣ, не оставляли меня скучать. Въ этомъ туманѣ я откланялся. Шесть часовъ продолжался разговоръ нашъ. Передъ вечеромъ я прибылъ къ себѣ.

Ночью я написалъ проектъ перемирія по данному наставленію мнѣ отъ вашего высокопревосходительства; потомъ заставилъ его

перевесть. Случай казался удобнымъ привести къ окончанію это дѣло: Аббазъ-Мирза самъ подалъ тому первый поводъ. Притомъ я, въ трехлѣтнее мое пребываніе въ Тавризѣ, никогда не видѣлъ его въ такомъ расположеніи духа, съ такою готовностью на всякаго рода соглашенія, въ такой горячности раскаянія. Впослѣдствіи, однако, подтвердились наблюденія, не однимъ мною сдѣланныя, что у персіянъ слова съ дѣлами въ вѣчномъ между собою раздорѣ.

22-го іюля 1827 г., рано поутру, я свѣрилъ подлинникъ съ переводомъ бумаги, которую намѣренъ былъ отправить къ Аббасъ-Мирзѣ. Меня посѣтилъ Мирза-Мехмедъ-Али-Мустафа и проговорилъ цѣлое утро. Дѣло шло о невыгодномъ положеніи Шахзади, отца его и вообще всей Персіи въ отношеніи къ намъ. Я изумлялся тому, что слышалъ: персидское высокомѣріе исчезло совершенно. Между прочимъ я высказалъ Мирзѣ-Мехмедъ-Али то, чего не договорилъ наканунѣ самому Шахзадѣ, по той причинѣ, что мы ни минуты вдвоемъ не оставались, о будущей незавидной судьбѣ его: когда весь Адзербидзамъ будетъ въ рукахъ нашихъ,—какое лицо представитъ онъ изъ себя между братьями, лишась удѣла, ему отъ шаха пожалованнаго, и этимъ лишеніемъ обязанный самъ себѣ, своей опрометливости? Всѣ бѣдствія, которыя потому постигнутъ Персію, если война продолжится, припишутъ ему же,—и это, конечно, не только не утвердитъ его наслѣдственнаго права, но можетъ отдалить его отъ престола.

Мирза-Мехмедъ-Али во всемъ соглашался, и передалъ мои слова Аббасъ-Мирзѣ, потому что онъ самъ мнѣ потомъ говорилъ объ этомъ.

Бумагу мою я къ нему отправилъ и долженъ былъ въ тотъ же день вторично къ нему явиться; но, вмѣсто того, почувствовалъ въ себѣ сильный жаръ во всемъ тѣлѣ, боль головную, и слѣгъ въ постель со всѣми признаками горячки,—дѣйствіе губительнаго климата. Ртуть въ полдень, возвысившись до 40 градусовъ теплоты, въ предшествующей ночи понизилась до 8-ми отъ точки замерзанія.

Въ этотъ же день я получилъ отъ Шахзади особеннаго рода лестный знакъ вниманія, который даетъ вѣрное понятіе о персидскомъ искательствѣ, и до чего они желаютъ вкрасться въ нашу пріязнь, при настоящемъ положеніи ихъ дѣлъ. Главный церемоніймейстеръ Махмедъ-Гуссейнъ-ханъ, съ многочисленною прислугою и съ подносами всякихъ сластей, вручилъ мнѣ поздравительный фирманъ, за печатью Аббасъ-Мирзы, по случаю дня ангела Ея Величества вдовствующей Государыни Императрицы.

И въ самое мирное время нельзя быть внимательнѣе. Причина же, я полагаю,—Мирза-Сале: мы наканунѣ вспоминали съ нимъ о торжествѣ въ Петергофѣ, при которомъ онъ однажды находился.

23-го іюля я чувствовалъ облегченіе, но не могъ еще встать съ постели. Ко мнѣ прибылъ Мирза-Измаилъ съ проектомъ перемирія, сочиненнаго подъ сказаніемъ Шахзади, и уже одобреннаго шахомъ, котораго два ферсанга сблизили съ Чурсомъ,—курьеры къ нему и отъ него скакали безпрестанно.

Съ персидской стороны требовалось, чтобы мы, кромѣ Аббасъ-Абада, оставили Нахичеванскую область, также Эчмеадзинъ, въ которомъ для охраненія храма Божія быть двумъ приставамъ: ихъ и нашему, а войскамъ не находиться ни русскимъ, ни персидскимъ. Пренія продолжались съ утра. Въ 3 часа пополудни Мирза-Мехмедъ-Али прибылъ и возобновилъ ихъ, — продержали меня до глубокой ночи; на многое согласились; статья ихъ объ оставленіи нами Эчмеадзина и Нахичеванской области была вычеркнута. Со всѣмъ тѣмъ, ничего не кончено.

24-го іюля я еще былъ слабъ; но, видя безполезность переговоровъ, отдаляющихъ дѣло отъ истинной цѣли, я просилъ отпуска. Опять прибыли ко мнѣ Мирза-Мехмедъ-Али-Мустафа, Мирза-Измаилъ и Мирза-Сале,—и я въ теченіе цѣлаго дня долженъ былъ выдерживать діалектику XIII столѣтія. Возвращались къ предложеніямъ, въ которыхъ наканунѣ условились. Главное разногласіе состояло въ томъ, что съ персидской стороны требовалось перемиріе на 10 мѣсяцевъ. Мирза-Мехмедъ-Али откровенно мнѣ объявилъ, что это необходимо для отдаленія изъ Хоя шаха, двора его и войска, отъ которыхъ обнищала вся провинція. Я ему далъ почувствовать, что эти причины уважительны только для ихъ пользы; но въ настоящее время, когда мы одержали нѣкоторую поверхность, кажется, можно безпристрастно соблюсти и намъ свои выгоды.

Наконецъ, видя, что разсужденія о перемиріи были только предлогомъ для продержанія меня въ ихъ лагерѣ, я объявилъ, что мы не имѣемъ нужды въ прекращеніи военныхъ дѣйствій; первая мысль объ этомъ принадлежитъ Шахзадѣ. Я представилъ ему условія, на которыхъ опо съ нашей стороны можетъ быть допущено, — вольны принять ихъ, или нѣтъ. Но мой Аббасъ-Мирзѣ усердный совѣтъ, для успокоенія края, особы шаха въ преклонности лѣтъ его и для собственной безопасности своей, принять просто миръ, который даруется ему на извѣстныхъ условіяхъ. Говорили очень долго; я, наконецъ, подѣйствовалъ на воображеніе персидскихъ чиновниковъ тѣмъ, что мы, когда пойдемъ далѣе и завладѣемъ Адзербидзамомъ, то, обезпечивъ неза-

висимость этой обширной области, со стороны Персіи на десять ферсанговъ, никому не позволимъ селиться близь границы, — сама провинція прокормитъ 20 тысячъ милиціи, образованной изъ народа, извѣстнаго духомъ неудовольствія противъ нынѣшняго своего правительства; намъ стоитъ только поддержать ее въ семъ расположеніи, и, такимъ образомъ, мы навсегда прекратимъ наши политическія сношенія съ Персіею, какъ съ народомъ, несоблюдающимъ трактатовъ, — мы также будемъ мало знать ихъ, какъ авганцевъ и проч. отдаленныя государства въ глубинѣ Азіи.

— Этотъ планъ у насъ, говорилъ я, очень извѣстенъ, и полагается весьма сбыточнымъ; но къ исполненію его приступятъ въ такой крайности, когда вы, упорствуя, продлите войну, вами самими начатую. Скажите его высочеству, что лучше принять условія, покуда ихъ дѣлаютъ, болѣе нежели угрозы.

Съ вечера и на другой день съ разсвѣтомъ я повторялъ настоятельно требованіе мое объ отпускѣ. 25-го іюля, поутру, за мной прибылъ Гаджи-Мангусъ-Ага, чтобы проводить меня къ Шахзади. При немъ находились два его брата, Али-Нага-Мирза Казбинскій, Мехмедъ-Канумъ-Мирза Урмійскій и Асифъ-ед-Даулетъ-Алаярханъ, также нѣсколько другихъ, въ числѣ которыхъ, какъ мнѣ потомъ сказали, былъ и Гассанъ-ханъ, братъ сардаря Эриванскаго, но я не узналъ его. Онъ, во все время пребыванія моего въ лагерѣ, сильно говорилъ противъ всякаго съ нами сближенія, ѣздилъ къ шаху и просилъ денегъ и войска для защиты Эриванской области.

Я полагалъ, что наши условія при послѣдней аудіенціи, при столькихъ значущихъ свидѣтеляхъ, или торжественно будутъ отвергнуты, или станутъ разсуждать о нихъ, — вышло ни то, ни другое. Тонъ Шахзади былъ самый униженный: онъ извинялся, что чиновники его столько безпокоили меня дѣлами; сказалъ, что всѣ мои мысли о немъ, о будущемъ его положеніи ему извѣстны. Но не это его озабочиваетъ, а проступокъ противъ Государя, утрата Его довѣренности, и просилъ перемирія на десять мѣсяцевъ. Мирза-Мехмедъ-Али донесъ ему, что я не довѣряю ихъ чистосердечію, Алаярханъ этому чрезвычайно удивился. Но я поспѣшилъ объяснить ему, что прошлаго года также рѣшались послать къ Императору Эмиръ-заде, и вмѣсто того войска ихъ напали на наши границы; нѣсколько сорванныхъ головъ у нашихъ фуражировъ возбуждали надежды ихъ до крайней дерзости,—характеръ народа извѣстенъ. Нѣтъ причины думать, чтобы нынче поступили иначе; и тогда русскій главноначальствующій, потерявъ время и остановясь среди успѣховъ нашего ору-

жія, какое оправданіе представитъ Государю Императору въ томъ, что такъ противурѣчитъ настоящему сношенію между собою двухъ воюющихъ армій? Десятимѣсячное перемиріе — тотъ же миръ, а предполагаемая выгода заключается въ темной надеждѣ, что самъ Шахзади или сынъ его отправится въ Петербургъ, — но тамъ подпишетъ-ли онъ всѣ статьи мира, согласно съ пользою Россіи, или, что гораздо вѣроятнѣе, будетъ стараться объ уменьшеніи нашихъ требованій.

— «Нѣтъ! — сказалъ съ жаромъ Аббасъ-Мирза, — мы все подпишемъ, если Императоръ лично мнѣ или моему сыну объявитъ свою волю и увѣритъ насъ въ будущемъ его покровительствѣ. Я сына моего сейчасъ представлю генералу Паскевичу въ залогъ, и еще двое изъ моихъ братьевъ къ нему отправятся въ лагерь...» и проч., и проч.

Потомъ опирался на продолжительное перемиріе, имъ нѣкогда заключенное съ генераломъ Тормасовымъ. Спрашивалъ моего совѣта, и надѣюсь-ли я, что Государь дозволитъ ему или сыну его прибыть къ Высочайшему двору. Такое униженное, убѣдительное настаиваніе отняло у меня возможность отвѣчать ему коротко и рѣзко. Я болѣе всего отговаривался невѣдѣніемъ, сомнѣніемъ и старался избѣгать, чтобъ слова мои не утвердили въ немъ какой-либо надежды по сему предмету. Совѣтъ же подалъ ему чистосердечный,—представлялъ ему разореніе, которому подвергаются его подданные, бережно говоря о неустройствѣ ихъ нерегулярнаго войска; сравнивалъ характеры двухъ народовъ: персіянъ—смѣлыхъ при счастіи, но теряющихъ бодрость и даже подчиненность при продолжительныхъ неудачахъ,—съ другой стороны указывалъ на нашихъ, которые во всѣхъ обстоятельствахъ одинаковы, повинуются и умираютъ. Наконецъ, съ возможною учтивостью доказывалъ, что лучше разомъ принести жертву необходимости, нежели длить время, и съ тѣмъ вмѣстѣ претерпѣть гораздо важнѣйшія потери. Это не помогло: Шахзади не отступалъ отъ любимой своей мысли — самому или чрезъ сына прибѣгнуть къ великодушію Государя Императора.

Симъ заключается все то, что идетъ къ дѣлу; посторонніхъ разговоровъ было много, ибо Шахзади продержалъ еще долѣе, нежели въ первый разъ. Я замѣтилъ, между прочимъ, что переходъ къ намъ Мехти-Кули-хана много озаботилъ персіянъ насчетъ довѣрія, которое это происшествіе внушаетъ всякому, кто пожелаетъ поискать россійскаго покровительства. Аббасъ-Мирза сказалъ мнѣ, между прочимъ:

— «Самымъ опаснымъ оружіемъ генерала Паскевича я почитаю то человѣколюбіе и справедливость, которыя онъ оказы-

ваетъ мусульманамъ своимъ и нашимъ. Мы все знаемъ, какъ онъ велъ себя противъ кочевыхъ племенъ отъ Эривани до Нахичевана,—солдаты никого не обижали и онъ всѣхъ принималъ дружелюбно. Этотъ способъ пріобрѣсти довѣріе въ чужомъ народѣ и мнѣ извѣстенъ, — жаль, что я одинъ это понимаю во всей Персіи; такъ я дѣйствовалъ противъ турокъ, такъ и въ Карабахѣ, и прошлаго года. Съ другой стороны, Гассанъ-ханъ усердствовалъ вамъ, сколько могъ, и ожесточилъ противъ себя всю Грузію. Генералъ Ермоловъ, какъ новый Чингисханъ, отомстилъ-бы мнѣ опустошеніемъ насчастныхъ областей, велѣлъ бы умерщвлять всякаго, кто ни попадется,—и тогда, объ эту пору, у меня двѣ трети Адзербидзанъ стали бы въ ружье, не требуя отъ казны ни жалованья, ни прокормленья».

Я отвѣчалъ ему, что генералъ Ермоловъ также, какъ нынѣшній главноначальствующій, наблюдалъ пользу государства; можно одной и той же цѣли домогаться разными путями.

О сраженіи 5-го іюля онъ говоритъ очень откровенно: отдаетъ вашему высокопревосходительству справедливость, что вы искусно маневрируете, — и онъ видѣлъ себя почти взятаго въ обходъ вашею пѣхотою, когда не полагалъ даже, что она переправится черезъ Араксъ; если бы зналъ, что пойдутъ на него со всѣми силами, то не уклонился бы отъ сраженія, но послалъ бы до 5,000 конницы, которая, выше переплывъ черезъ рѣку, очутилась бы у насъ въ тылу и напала на нашъ обозъ. Объ Елисаветполѣ, объ Асландузѣ разсказывалъ мнѣ съ такою же искренностью, или, можетъ быть, взялъ на себя говорить мнѣ только пріятное, и то, что можетъ польстить нашему патріотическому самолюбію.

Былъ третій часъ пополудни, какъ я отъ него вышелъ, получа письмо на имя вашего высокопревосходительства.

Мирза-Мехмедъ-Али угощалъ меня обѣдомъ противъ ихъ обыкновенія, ибо они обѣдаютъ съ захожденіемъ солнца. Потомъ потчивалъ меня въ своей палаткѣ Мехмедъ-Гуссейнъ-ханъ, Эшикъ-Агаси. Вниманіе, привѣтливость и лесть расточали передо мною съ избыткомъ. Я бывалъ у нихъ, живалъ съ ними въ мирное время въ пріязни, и никогда не видѣлъ подобнаго пріема ни себѣ, ни другому чужестранцу, хотя бы знатнѣйшему чиновнику союзной съ ними державы.

Чурской лагерь обширенъ, но палатки персидскія требуютъ большаго помѣщенія; я полагаю, что у нихъ тутъ отъ 7-ми до 8-ми тысячъ войска, въ томъ числѣ 4 баталіона сарбазовъ неполные; я видѣлъ 10 пушекъ. Долина необширная; при въѣздѣ въ нее влѣво ущелье ведетъ къ Гергерамъ, — его охраняютъ

Гассанъ-ханъ съ курдами, вправо, на Марандской дорогѣ — Али-Наги-Мирза, между ею и Ханскою — лагерь Аббазъ-Мирзы. Возвращаясь отъ Карасіадина до первой воды $1^1/_2$ часа, откудова до высоты, опредѣляющей границу Чурси, гдѣ также вода,—3 часа; оттудова — $2^1/_2$ часа ѣзды до Аракса, верстахъ въ 4-хъ выше Аббасъ-Абада.

Я оставилъ персидскій лагерь съ ободрительнымъ впечатлѣніемъ, что непріятель войны не хочетъ, что она ему тягостна и страшна; отъ повторенныхъ неудачъ всѣ духомъ упали, всѣ недовольны. Въ день моего прибытія, отъ появленія 10-ти конвойныхъ казаковъ пикеты повсюду разбѣжались, едва могли собрать ихъ. Сарбазы, которые стояли у меня въ караулѣ, жалуются, что ихъ не кормятъ, — Керимъ-Бекъ-Султанъ ихъ просто истязуетъ, — что начальники у нихъ глупцы, и они съ ними пропадутъ. Нѣсколько разъ, несмотря на крѣпкій присмотръ, конные подъѣзжали и спрашивали моего переводчика: «скоро-ли миръ? зачѣмъ мы ихъ тревожимъ? и что война имъ ужасно надоѣла». Гаджи-Махметъ-Ага, присланный ко мнѣ отъ Аббасъ-Мирзы, чтобы навѣдаться о моемъ здоровьѣ, когда я ему сказалъ, что мы въ немъ уважаемъ человѣка, который служилъ при кн. Цицiановѣ, обрадовался, и тотчасъ предложилъ готовность свою служить намъ и много разсказывалъ о недостаткахъ и неустройствѣ въ ихъ войскѣ. Этотъ человѣкъ можетъ намъ быть полезенъ; при томъ онъ не бѣжалъ, а съ позволенія генерала Ермолова удалился въ Персію, и нынѣ находится адъютантомъ при Аббасъ-Мирзѣ. Я поручилъ нашему Аббасъ-Кули вступить въ разговоръ съ курдами (не эриванскими), которые на обратномъ пути были у меня въ конвоѣ. Они тайно просили его, чтобы русскій главноначальствующій написалъ доброе слово ихъ хану, и они тотчасъ перейдутъ всѣ къ намъ. Таковъ духъ войска. О расположеніи управляющихъ государствомъ ваше высокопревосходительство можете заключить изъ объясненія со мною Аббасъ-Мирзы,—всѣ обмануты въ своихъ ожиданіяхъ. «Наши, гдѣ только встрѣтятся, разбиты, и не испытываютъ щедрости шаха, который теперь такъ же мало склоненъ разсыпать казну, какъ и въ прежнее время.» Мирза-Мехмедъ-Али нешуточно увѣрялъ меня, что шахское войско наводитъ гораздо болѣе трепета жителямъ, нежели наше. 12,000 кальваровъ хлѣба наложено подати на Хойскую провинцію подъ видомъ покупки. Шахъ насильно велѣлъ брать по туману кальваръ, тогда какъ онъ продаетъ по 5-ти между народомъ.

Изъ униженнаго тона, съ которымъ говорили со мною Аббасъ-Мирза и его чиновники, очевидно, что они не ослѣпляются насчетъ сравнительнаго положенія ихъ сплъ съ нашими. Но ожи-

дать невозможно, чтобы они сейчасъ купили миръ цѣною предлагаемыхъ имъ условій, и для этого нужна рѣшительность; длить время въ переговорахъ болѣе имъ свойственно. Въ совѣтѣ шахскомъ превозмогающіе нынѣ голоса Алаяръ-хана и сардаря съ братомъ; они еще твердо стоятъ противъ мира и имѣютъ на то личныя свои побудительныя причины: первый поддерживаетъ прежнее свое мнѣніе и боится, что дѣло дойдетъ до расплаты за ту войну, которой онъ главнѣйшій возбудитель; сардарь и братъ его, съ уступкою намъ Эриванской области, лишаются значительнаго источника ихъ богатства. Тогда только, когда падетъ Эривань и персіяне увидятъ себя угрожаемыми въ столицѣ Адзербидзама, если какое-нибудь непредвидимое обстоятельство не возбудитъ въ нихъ прежней дерзости, можно, кажется, ожидать заключенія мира на условіяхъ, которыя мы нынѣ имъ предлагаемъ.

Стороною я, однако, узналъ, что они готовятся къ покушенію на Аббасъ-Абадъ. Вѣроятно, что начальники не захотятъ долго держать въ бездѣйствіи войска (которыхъ, по разнымъ слухамъ, у нихъ 65 тысячъ, и можно навѣрное полагать до 45 тысячъ), потому что они тогда непремѣнно разбѣгутся, не видя случая къ грабежу и испытывая всякаго рода недостатки.

Надворный Совѣтникъ Грибоѣдовъ.

69. П. Н. Ахвердовой.

Le 3 d'Octobre, 2 h. du matin (1827).

Le général en chef est encore chez moi et n'a, à ce qu'il semble, nulle envie de se coucher. L'officier qui part en courrier est à attendre quelques minutes avant qu'on ait cacheté les papiers officiels. J'employe cet intervalle de temps pour me rappeler à vous, ma très-chère et respectable m-e Akhwerdow. Nous sommes ici tous dans les fumées de la victoire, parmi une grande et bruyante population. La prise de Sardarabad dans 4 jours et celle d' Erivan dans 6 a de quoi vous étonner, n'est-ce pas? Qu'en dit Tiflis? Je vous prie de me faire deux mots sur l'arrivée de ma cousine dans votre bonne ville. Comment s'y plaira-t-elle en attendant que son mari remplit la Perse de terreur? J'aurais été curieux de voir les premières impressions de son apparition en deçà des montagnes; les premières, dis-je: car par la suite je n'en jouirai pas, déterminé à m'en aller ou déserter complétement le service, que je hais de tant mon coeur, quelque avenir qu'il me présente. Votre beau-fils a maintenant un prête-nom pour chef. J'aurais bien voulu qu'il fit quelque chose de beau; car la gloire lui en serait accordée de l'aveu de tous ceux qui connaissent l'absence des capacités d'Eristow. Bon jour et bonne nuit, madame. Veuillez vouer un léger souvenir à celui qui est de coeur votre très-dévoué serviteur A. G.

Mes hommages à la société. Nous avons eu hier une grande parade hors des murs et un Te-Deum vis-à-vis la brèche (soit dit en pas-

sant, la destruction de la ville a été terrible: un enfer de bombes pendant tout le temps du siège); hé donc, quand on entonna le Господи помилуй, parut, suivi de tous ses officiers et s'appuyant sur ses béquilles, Simonitsch. Je ne sais pourquoi, mais les larmes me vinrent.... Ces cantiques me touchent, et la vue de cette respectable infirmité me saisit l'âme... (Не infirmité, а благородно изувѣченный. Какъ это сказать?)

Переводъ: 3 октября, 2 часа утра (1827 г.).

Главнокомандующій у меня еще, и повидимому вовсе не намѣревается ложиться спать. Офицеръ, который ѣдетъ курьеромъ, ждетъ пока запечатаютъ оффиціальныя бумаги, и я пользуюсь этими нѣсколькими минутами чтобы напомнить вамъ о себѣ, дорогая и уважаемая Прасковья Николаевна. Мы здѣсь всѣ въ опьянѣніи побѣды, среди многочисленнаго и шумнаго населенія. Взятіе Сардаръ-Абада въ 4 дня и Эривани въ 6 дней: есть вамъ чему подивиться! Не правда-ли? Что говорятъ объ этомъ въ Тифлисѣ? Напишите мнѣ, пожалуйста, слова два о прибытіи моей двоюродной сестры въ вашъ городъ. Какъ ей тамъ живется въ ожиданіи, пока супругъ ея наполнитъ страхомъ Персію? Мнѣ любопытно было-бы видѣть первое впечатлѣніе, произведенное на нее переѣздомъ по сю сторону горъ; я говорю первое, потому что послѣдующимъ я не буду радоваться, порѣшивъ уѣхать или и совсѣмъ бросить службу, которую я ненавижу отъ всего сердца, какія бы выгоды она ни обѣщала мнѣ въ будущемъ. Зять вашъ теперь исправляетъ должность начальствующаго. Мнѣ-бы хотѣлось, чтобы онъ сдѣлалъ что-нибудь хорошее; потому что его прославятъ единодушно всѣ, кто знаетъ отсутствіе способностей въ Эристовѣ. Добраго дня и доброй ночи. Хоть немножко не забывайте иногда вашего преданнѣйшаго слугу А. Г. Поклонъ мой обществу. Вчера у насъ былъ большой парадъ за стѣнами и благодарственное молебствіе передъ проломомъ [сказать мимоходомъ, городъ разрушали ужасно: цѣлый адъ бомбъ во все время осады]. Когда запѣли «Господи помилуй», появился Симоничъ, окруженный всѣми своими офицерами, опираясь на костыли. Не знаю отчего, но у меня выступили слезы. Эти пѣснопѣнія меня трогаютъ, а при видѣ этого почтеннаго увѣчнаго сердце мое сжимается. (Не увѣчнаго, а благородно изувѣченнаго. Какъ это сказать по-французски?)

70. П. М. Устимовичу.

13 апрѣля (1828 года изъ Спб.).

Почтенный другъ Петръ Максимовичъ. Два раза для васъ былъ у Дибича, для объясненія ему, что крестъ вамъ слѣдуетъ вопреки ничтожности чина, въ которомъ вы года переслужили; былъ въ Министерствѣ Юстиціи, въ Герольдіи. Теперь о чинѣ вашемъ поступило къ докладу, а о крестѣ все еще ничего нѣтъ.—Извините, что мало пишу,—во-первыхъ, въ департаментѣ Азіатскомъ, а не дома, а второе обстоятельство получите отъ Андронникова...

Вѣрный другъ А. Грибоѣдовъ.

(На оборотѣ): Его Высокоблагородію Петру Максимовичу Устимовичу, при Генералъ-Адъютантѣ Графѣ Эриванскомъ.

71. Князю А. И. Одоевскому.

С.-Петербургъ (апрѣль—май 1828 г.).

Братъ Александръ! подкрѣпи тебя Богъ! Я сюда прибылъ на самое короткое время. Государь меня наградилъ щедро за мою службу. Бѣдный другъ и братъ! зачѣмъ ты такъ несчастливъ? Теперь ты бы порадовался, если бы видѣлъ меня гораздо въ лучшемъ положеніи, нежели прежде, но я тебя знаю, ты не останешься равнодушенъ, при полученіи этихъ строкъ, и тамъ, вдали, въ горѣ и въ разлукѣ съ ближними.

Осмѣлюсь-ли предложить тебѣ утѣшеніе въ нынѣшней судьбѣ твоей! Но есть оно для людей съ умомъ и чувствомъ. И въ страданіи заслуженномъ, можно сдѣлаться страдальцемъ почтеннымъ. Есть внутренняя жизнь нравственная и высокая, независимо отъ внѣшней. Утвердиться размышленіемъ въ правилахъ неизмѣнныхъ, сдѣлаться въ узахъ и въ заточеніи лучшимъ, нежели въ самой свободѣ, вотъ подвигъ, который тебѣ предлагаю. Но кому я это говорю? Я оставилъ тебя прежде твоей экзальтаціи, въ 1825 году. Она была мгновенна, и ты вѣрно теперь тотъ же мой кроткій, умный и прекрасный Александръ, какимъ былъ въ Стрѣльнѣ и въ Коломнѣ, въ домѣ Погодина. Помнишь, мой другъ, во время наводненія, какъ ты плылъ и тонулъ, чтобы до меня добраться и меня спасти.

Кто тебя завлекъ въ эту гибель? Ты былъ хотя моложе, но основательнѣе прочихъ. Не тебѣ-бы къ нимъ примѣшаться, а имъ у тебя ума и доброты сердца позаимствовать! Судьба иначе опредѣлила, довольно объ этомъ.

Слышу, что снисхожденіемъ высшаго начальства тебѣ и товарищамъ твоимъ дозволится читать книги. Сейчасъ ѣду покупать тебѣ всякой всячины, реэстръ приложу послѣ.

72. Е. И. Булгариной.

5 juny (1828).

Adieu, bestes Lenchen, theure Freundin, ich küsse Sie vom ganzen Herzen und Tante auch. Adieu! Ich nehme Abschied auf 3, zehn Jahr, vielleicht auf immer. O, mein Gott! soll ich mein ganzes Leben dort verbringen, in dem Lande, das so fremd ist meinem Gefühl, meinen Sinnen... Nichts zu... Vielleicht werde ich einmal in Karlowo flüchten, von allem was mir jetzt zuwieder ist. Aber wann? Es ist noch weit bis dahin. Unterdessen, umarme ich Sie, meine gute Freundin, und leben Sie glücklich. Ihr threuer Freund A. v. Griboyedof.

Переводъ: 5-го іюня (1828).

Прощайте, милая Леночка, дорогой другъ мой; отъ всего сердца цѣлую васъ и тетушку также. Простите! Прощаюсь года на три,

на десять лѣтъ, можетъ быть навсегда. О, Боже мой! неужели проведу я всю мою жизнь тамъ, въ странѣ, чуждой моимъ чувствамъ, мыслямъ... Ничего... Можетъ быть, я когда-нибудь убѣгу въ Карлово отъ всего, что теперь мнѣ противно. Но когда? Еще далеко до этого. Покуда обнимаю васъ, добрый другъ мой, будьте счастливы. Вашъ вѣрный другъ А. Грибоѣдовъ.

73. Ѳ. В. Булгарину.

Москва, 12-го іюня (1828).

Любезнѣйшій другъ Ѳадей Венедиктовичъ. Чѣмъ далѣе отъ Петербурга, тѣмъ болѣе важности пріобрѣтаетъ мое павлинное званіе. Здѣсь я нѣсколькими часами промедлилъ долѣе, чѣмъ разсчитывалъ. Но ты можешь посудить, до какой степени это извинительно въ обществѣ съ матерью и съ миленькими полукузинками; jolies comme des anges, и этотъ домъ родимый, въ которомъ я вѣчно, какъ на станціи!!! Проѣду, переночую, исчезну!!! Une f... e existance.

Скажи Ордынскому, что я былъ здѣсь опечаленъ чрезвычайно, именно на его счетъ. Похвисневъ, котораго я полагалъ сдѣлать предстателемъ у Вельяминова за его братьевъ, умеръ. И жаль собственно за этого молодаго человѣка и за братьевъ нашего пріятеля. Но въ Тулѣ думаю найти истиннаго ко мнѣ дружески расположеннаго А. А., брата Вельяминова, а коли нѣтъ, буду писать къ нему.

Сходи къ пикуло человѣкуло. Онъ у меня ускромилъ мѣсяцъ жалованья. Но со мною нѣтъ полномочія, письма Государева къ тому государю, къ которому я ѣду. Подстрекни, чтобы скорѣе прислали, иначе какъ же я являюсь къ моему назначенію? Я слишкомъ облагодѣтельствованъ моимъ Государемъ, чтобы осмѣлиться въ чемъ либо ему не усердствовать. Его именемъ мнѣ объявлено, чтобы я скорѣе ѣхалъ; я уже на пути, но въ томъ не моя вина, коли не снабдили меня всѣмъ нужнымъ для скорѣйшаго исполненія Высочайшей воли. Здѣсь я слышу, стороною, вещи, оттудова, которыя принуждаютъ меня торопиться. Приторопи же и ты мое азіятское начальство, его превосходительство пикуло..... деликуло.

На первый случай пришли мнѣ Іордена атласъ всеобщій и карту войны, непремѣнно и скорѣе, а антиквитетами и отвлеченностями повремени. Новѣйшее сочиненіе о коммерціи, о веденіи консульскихъ книгъ, двойную или десятерную бухгалтерію тоже пришли, въ руководство мнѣ и моему Амбургеру.

Вотъ, мой другъ, письмо ко мнѣ моей сестры. Разсуди и,

если можно, спишись съ ней и помоги. Адресъ ея: Маріѣ Сергѣевнѣ Дурновой, Тульской губерніи, въ городъ Чернь. Но я совершенно оставляю это на твой произволъ, какъ другу, обо мнѣ искренно попечительному.

Скажи Александру Всеволодскому, что Одоевскій требуетъ отъ матушки уплаты долгу=5,000 рублей. Можетъ ли онъ уплатить ему за матушку (которой онъ самъ долженъ тридцать четыре тысячи)? Она совѣстлива, больна и безнадежна. Александръ меня любитъ и честенъ. Поговори ему, и понудь его непремѣнно сдѣлать мнѣ пріятное.

Прощай. Ты далъ мнѣ волю докучать тебѣ моими дѣлами. Терпи и одолжай меня, это не первая твоя дружеская услуга тому, кто тебя цѣнить умѣетъ.

Андрея, нашего благороднаго, славнаго и почтеннаго малаго, Андрея обними за меня. Звонятъ здѣсь безъ милоседрія, — оглушили. Коляска готова. Прощай на долгую разлуку. Леночкѣ и Тантѣ поклонъ.

(На оборотѣ): Матушка посылаетъ тебѣ мое свидѣтельство о дворянствѣ, узнай въ герольдіи наконецъ, какого цвѣту дурацкій мой гербъ, нарисуй и пришли мнѣ со всѣми онёрами!

74. Ему же.

Тула, 13-го іюня (1828 г.).

Вчера я позабылъ еще объ одномъ для меня важномъ предметѣ: «Hassel's Geographie von Asien, 4 vol.»; всѣ четыре волюма пришли поскорѣе въ Тифлисъ. Грефъ ее при мнѣ ожидалъ. Аделунгъ обѣщалъ купить мнѣ.

Прощай, Тула, Воронежъ! Что за точки на семъ свѣтѣ, и почему надобно по нѣскольку часовъ ими заниматься. Какъ въѣдешь? Какъ выѣдешь? Вѣрный твой другъ А. Г.

[Адресъ]: Въ С.-Петербургъ. Его Высокоблагородію М. Г. Ѳадею Венедиктовичу Булгарину. Г. издателю «Сѣверной Пчелы».

75. А. А. Жандру.

24 іюня. Новочеркаскъ. [1828].

Любезный Андрей. Мухи, пыль и жара, одурь беретъ на этой проклятой дорогѣ, по которой я въ 20-ый разъ проѣзжаю безъ удовольствія, безъ желанія, потому что противъ воли. Двое сутокъ пробылъ я у матушки, двое у Степана, съ которымъ много о тебѣ толковали. Онъ надѣялся, что ты вмѣстѣ со мною его посѣтишь. Но вышло иначе, я и самъ блеснулъ, какъ зарница

передъ ночью, посадилъ съ собою Степана, и покатилъ къ сестрѣ. Она съ мужемъ Богъ знаетъ въ какой глуши, капусту садитъ, но чисто, опрятно, трудолюбиво и весело. Зять мой великій химикъ, садовникъ, музыкантъ, успѣшно дѣтей дѣлаетъ и сахаръ изъ свеклы. Сашку я наконецъ всполоснулъ торжественно, по-христіански. Что за фигура! точно лягушка. И все это происходитъ въ Чернскомъ уѣздѣ, неподалеку отъ Скуратова имѣнія бывшаго, и сплывшаго, которое они между прочимъ продали. И тамъ я пробылъ двое сутокъ, разстались друзьями, разстаюсь и съ тобою, мой другъ, знай, что я живъ.

Варварѣ Сем. поклонъ, поцѣлуй и почтеніе.

Скажи Ѳадѣю Булгарину, чтобы онъ прислалъ фасады Степану, да попроси его, чтобы онъ отъ себя или чрезъ Малиновскаго написалъ къ Семашкѣ въ Астрахань и пригласилъ бы его ко мнѣ опредѣлиться. Гдѣ-то по дорогѣ въ церкви, и именно въ селѣ Кривцовомъ, еще о сю пору читаютъ только декларацію о Турецкой войнѣ, и ругаютъ наповалъ Персіянъ, полагая, что Персіяне и Турки одно и то же.

Прощай, братъ.

76. Ѳ. В. Булгарину.

Ставрополь, 27-го іюня 1828 г.

Любезнѣйшая Пчела. Вчера я сюда прибылъ съ мухами, съ жаромъ, съ пылью. Пустилъ бы я на свое мѣсто какого-нубудь франта, охотника до почетныхъ назначеній, dandy петербургскаго Bonds-street — Невскаго проспекта, чтобы заставить его душою полюбить умѣренность въ желаніяхъ и неизвѣстность.

Здѣсь меня задерживаетъ приготовленіе конвоя. Какъ добрый патріотъ, радуюсь взятію Анапы. Съ этимъ извѣстіемъ былъ я встрѣченъ тотчасъ при въѣздѣ. Нельзя довольно за это благодарить Бога тому, кто дорожитъ безопасностью здѣшняго края. Въ послѣднее время закубанцы сдѣлались дерзки до сумасбродства, переправились на нашу сторону, овладѣли нѣсколькими постами, сожгли Неудобную, обременили себя плѣнными и добычею. Наши, пошедшіе къ нимъ на перерѣзъ съ 1,000 конными и съ 4-мя орудіями, по обыкновенію оттянули, не поспѣли. Пѣхота вздумала дѣйствовать отдѣльно, растянулась длинною цѣпью, тогда какъ донской полковникъ Родіоновъ предлагалъ, соединившись, тотчасъ напасть на непріятеля, утомленнаго быстрымъ походомъ. Горцы расположены были табором въ виду, но, замѣтивъ несовокупность нашихъ движеній, тотчасъ бросились въ шашки, не дали ни разу выстрѣлить орудію, бывшему при пѣхотномъ отрядѣ, взяли его и перерубили всѣхъ, которые при немъ были,

опрокинули его вверхъ колесами и поспѣшили противъ коннаго нашего отряда. Родіоновъ удержалъ ихъ 4-мя орудіями; потомъ хотѣлъ напасть на нихъ со всѣми казаками—линейными и донскими—но, не бывъ подкрѣпленъ, ударилъ на нихъ съ горстью донцовъ своихъ и заплатилъ жизнію за великодушную смѣлость. Ему шашкою отхватили ногу, потомъ пулею прострѣлили щею, онъ свалился съ лошади и былъ изрубленъ. Однако, отпоръ этотъ заставилъ закубанцевъ бѣжать отъ Горячихъ Водъ, которымъ они угрожали нападеніемъ. Я зналъ лично Родіонова, жаль его, отличный офицеръ, исполинскаго роста и храбрѣйшій. Тѣло его привезли на Воды.

Посѣтители сложились, чтобы сдѣлать ему приличныя похороны, и провожали его, какъ избавителя, до могилы.

Теперь, послѣ паденія Анапы, все перемѣнилось: разбои и грабительства утихли, и тепловодцы, какъ ихъ здѣсь называютъ, могутъ спокойно пить воду и чай. Генералъ Эммануель отправился въ Анапу, чтобы принять присягу отъ тамошнихъ князей. На дорогѣ съ той стороны Кубани толпами къ нему выходили навстрѣчу всѣ горскіе народы съ покорностью и подданствомъ.

Опять повторяю, что выгоды отъ взятія Анапы неисчислимы. Бѣситъ меня только этотъ пѣхотный маіоръ, который не соединился съ Родіоновымъ и — причиною его безвременной смерти. Онъ 20-й крымской дивизіи. Нашего кавказскаго корпуса штабъ-офицеръ никогда бы этой глупости не сдѣлалъ. Впрочемъ, въ семьѣ не безъ урода. Въ 1825 году, я былъ свидѣтелемъ глупости Булгакова, который также пропустилъ закубанцевъ и къ намъ, и отъ насъ.

Прощай. Лошади готовы.

Коли къ моему пріѣзду гр. Эриванскій возьметъ Карсъ, то это не мало послужитъ въ пользу моего посольства. Здѣсь я уже къ его услугамъ; всѣ меня привѣтствуютъ съ чрезвычайною перемѣною его характера. Говорятъ, что онъ со всѣми ласковъ, добръ, внимателенъ, и бездну добра дѣлаетъ частнаго и общаго. А у насъ чиновники — народъ добрый, собачья натура, всѣ забыли прошедшее, полюбили его и стали передъ нимъ на заднія лапки. Но жребій людей всегда одинъ и тотъ же. О дурномъ его нравѣ всѣ прокричали въ Петербургѣ и, вѣрно, умолчатъ о перемѣнѣ, потому что она въ его пользу.

Прощай еще разъ, любезный другъ. Пришли мнѣ отъ Винтера стекла три-четыре отъ карманныхъ часовъ, которыя я у него купилъ. Я забылъ запастись ими, а стекло въ дорогѣ расшиблось и я принужденъ руководствоваться свѣтилами небесными.

Владикавказъ, 30 іюня 1828 г.

Ура! Любезнѣйшій другъ. Мои желанія и предчувствія сбылись: Карсъ взятъ штурмомъ. Читаю реляцію и проповѣдую ее всенародно. Это столько чести приноситъ войску и генералу, что нельзя русскому сердцу не прыгать отъ радости. У насъ здѣсь всѣ отъ славы съ ума сходятъ. Вѣрный другъ твой А. Гр.

Порадуй отъ меня этимъ его превосходительство Константина Константиновича Родофиникина. Я оттого не доношу ему оффиціально, что не имѣю мѣста, гдѣ бы прислониться съ перомъ и бумагой для чистописанія, а служба требуетъ наблюденія различныхъ формъ благоприличія, не совмѣстныхъ съ дорожною ѣздою.

77. Ему же.

Бивакъ при Казанчѣ, на турецкой границѣ, 24 іюля 1828 г.

Любезный другъ, пишу къ тебѣ подъ открытымъ небомъ, и благодарность водитъ моимъ перомъ,—иначе ни какъ бы не принялся за эту работу послѣ труднаго дневнаго перехода. Очень, очень знаю, какъ дѣла мои должны докучать. Покупать, заказывать, отсылать!!!

Я тебя изъ Владикавказа увѣдомилъ о взятіи Карса. Съ тѣхъ поръ прибылъ въ Тифлисъ. Чума, которая начала свирѣпствовать въ дѣйствующемъ отрядѣ, задержала меня на мѣстѣ; отъ Паскевича ни слова, и я пустился къ нему наудачу. Въ душной долинѣ, гдѣ протекаетъ Араксъ и Алгетла, лошади мои стали; далѣе, поднимаясь къ Шулаверамъ, никакъ нельзя было понудить ихъ идти въ гору; я въ рѣкѣ ночевалъ; разсердясь, побросалъ экипажи, воротился въ Тифлисъ, накупилъ себѣ верховыхъ и вьючныхъ лошадей, съ тѣмъ чтобы тотчасъ пуститься снова въ путь; а съ поста казачьяго отправилъ депешу къ графу, чтобы онъ мнѣ далъ способы къ нему пробраться; увѣдомилъ его обо всемъ, о чемъ мнѣ крайне нужно имѣть отъ него свѣдѣнія, если уже нельзя намъ соединиться, и между тѣмъ просилъ его удержать до моего пріѣзда Мирзу Джафара, о которомъ я слышалъ, что къ нему посланъ изъ Табриза. Это было 16-го. Въ этотъ день я обѣдалъ у старой моей пріятельницы (Ахвердовой), за столомъ сидѣлъ противъ Нины Чавчавадзевой (второй томъ Леночки), все на нее глядѣлъ, задумался, сердце забилось, не знаю, безпокойство-ли другаго рода, по службѣ, теперь необыкновенно важной, или что другое придало мнѣ рѣшительность необычайную, выходя изъ стола, я взялъ ее за руку и сказалъ ей: «Venez avec moi, j'ai quelque chose à vous dire». Она меня послушалась, какъ и всегда; вѣрно думала, что я ее усажу

за фортепіано; вышло не то; домъ ея матери возлѣ, мы туда уклонились, взошли въ комнату, щеки у меня разгорѣлись, дыханіе занялось, я не помню, что я началъ ей бормотать, и все живѣе и живѣе, она заплакала, засмѣялась, я поцѣловалъ ее, потомъ къ матушкѣ ея, къ бабушкѣ, къ ея второй матери Прас. Ник. Ахвердовой, насъ благословили, я повисъ у нея на губахъ во всю ночь, и весь день, отправилъ курьера къ ея отцу въ Эривань съ письмами отъ насъ обоихъ и отъ родныхъ. Между тѣмъ, вьюки мои и чемоданы изготовились, все вновь уложено на военную ногу. Во вторую ночь я безъ памяти отъ всего, что со мною случилось, пустился опять въ отрядъ, не оглядываясь назадъ. На дорогѣ получилъ письмо летучее отъ Паскевича, которымъ онъ меня увѣдомляетъ, что намѣренъ сдѣлать движеніе подъ Ахалкалаки. На самой крутизнѣ Безобдала гроза сильнѣйшая продержала насъ всю ночь; мы промокли до костей. Въ Гумрахъ я нашелъ, что уже сообщеніе съ главнымъ отрядомъ прервано, графъ оставилъ Карскій пашалыкъ, и въ тылу у него образовались толпы турецкихъ партизановъ; въ самый день моего пріѣзда была жаркая стычка у Басова Черноморскаго полка въ горахъ, за Арпачаемъ. Подъ Гумрами я наткнулся на отрядецъ изъ 2-хъ ротъ Козловскаго, 2-хъ ротъ 7-го Карабинернаго и 100 человѣкъ выздоровѣвшихъ,—все это назначено на усиленіе главнаго корпуса, но не знали куда идти; я ихъ тотчасъ взялъ всѣхъ подъ команду, 4-хъ проводниковъ изъ татаръ, самъ съ ними и съ казаками впереди, и вотъ уже второй день веду ихъ подъ Ахалкалаки; всякую минуту ожидаемъ нападенія; коли въ цѣлости доведу, дай Богъ.

Мальцевъ въ восхищеніи, воображаетъ себѣ, что онъ воюетъ.

Въ Гумрахъ-же нагналъ меня отвѣтъ отъ кн. Чавчавадзева-отца, изъ Эривани; онъ благословляетъ меня и Нину, и радуется нашей любви. Хорошо-ли я сдѣлалъ? Спроси милую мою Варвару Семеновну и Андрея. Но не говори Родофиникину, онъ вообразитъ себѣ, что любовь заглушитъ во мнѣ чувство другихъ моихъ обязанностей. Вздоръ. Я буду вдвое старательнѣе, за себя и за нее.

Потружусь за царя, чтобы было чѣмъ дѣтей кормить.

78. П. Н. Ахвердовой.

Goumri le 29 Juillet (1828).

Ma chère, ma très-aimable m-e Akhwerdow! Figurez-vous mon désappointement! On marche à Ahalkalaki. Il n'y a plus de communication avec Kars; je suis le torrent, et je jette tous mes effets pour la centième fois, je pense. Comme s'est embarrassant, comme s'est dispendieux! Et tout ce train, pourquoi? Dites à Nina que cela ne du-

rera pas, et bientôt, dans deux ans tout-au-plus, je deviendrai l'hermite de Zinondal. Mon courrier n'arrive pas, et quand et où me trouvera-t-il? Je suis abrité sous une tente, le vent souffle avec force, et je crois qu'il nous enlevera tous. Malzow et moi, nous avons fait crever quelques chevaux de ceux que j'ai achetés à Tiflis. Et pourquoi nous sommes nous dépêchés. — Mon excellente amie, parlez à Nina de moi, beaucoup, toujours, quand vous n'aurez rien de mieux à faire. Rappelez-vous que nous vous chérissons tous les deux comme une tendre mère. Votre couple d'adoption, vos enfants: c'est elle et moi.

Гумры 29 іюля (1828).

Переводъ: Дорогая и любезнѣйшая Прасковья Николаевна! Представьте себѣ мое положеніе. Идутъ на Ахалкалаки, больше сообщеній съ Карсомъ нѣтъ. Я слѣдую за общимъ потокомъ и, должно быть, въ сотый разъ покидаю всѣ мои пожитки. Какъ это стѣснительно, какъ это убыточно! И для чего вся эта гонка? Скажите Нинѣ, что такъ продолжаться не будетъ и что скоро, не больше какъ черезъ два года, я сдѣлаюсь отшельникомъ въ Цинондалахъ. Курьеръ мой не является, и когда и гдѣ онъ меня найдетъ? Я пріютился въ палаткѣ; дуетъ сильный вѣтеръ, и я полагаю, что онъ всѣхъ насъ унесетъ. Мальцовъ и я загнали нѣсколькихъ лошадей изъ тѣхъ, которыхъ я купилъ въ Тифлисѣ. И для чего мы торопились! Добрѣйшій другъ мой, говорите обо мнѣ побольше Нинѣ, постоянно, когда не находите ничего лучшаго. Помните, что и я, и она любимъ васъ, какъ нѣжную мать. Мы ваши пріемныя дѣтки, и я, и она.

79. Ей же.

(Около 11 августа 1828 г.).

Ma très-chère amie. Vous m'avez vu au commencement de mon paroxysme. Il a été des plus forts, et a duré jusqu'aujourd'hui matin. Pribel m'a donné une médecine qui n'a pas opéré. Comme il est tout-à-fait improbable que Nina croie aussi longtemps aux mauvaises raison que je lui ai fait imaginer de ma disparition, veuillez lui dire que j'ai été mal, il est vrai, mais que maintenant je suis beaucoup mieux, quoique je ne puisse encore quitter ma chambre. Et embrassez-la bien tendrement.

Переводъ: Любезный другъ. Вы видѣли меня при началѣ моего припадка. Это былъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ и продолжался до сегодняшняго утра. Прибель далъ мнѣ лѣкарство, которое не подѣйствовало. Такъ какъ нельзя допустить, чтобы Нина долго вѣрила тому, что я ей наговорилъ относительно моего исчезновенія, то прошу васъ сказать ей, что мнѣ было конечно худо, но теперь много лучше, хотя я не могу еще выходить изъ комнаты. Поцѣлуйте ее понѣжнѣе.

80. Письмо къ издателю „Сѣверной Пчелы“ о взятіи Баязета.

31 августа 1828 г.

Баязетъ. Уже четвертый день, что русскіе вошли съ побѣдоноснымъ оружіемъ своимъ въ неприступную отъ природы турецкую крѣпость Баязетъ. Малочисленный отрядъ войскъ, назначенный, подъ командою исправляющаго должность армянскаго област-

наго начальника, генералъ-маіора князя А. Г. Чавчавадзе, къ занятію сей крѣпости, двинувшись 25 сего августа изъ лагеря при селеніи Хошкабарѣ, находящемся въ армянской области, недалеко отъ границъ нашихъ съ турецкими владѣніями, перешедъ по весьма трудной дорогѣ ночью чрезъ горы Агаджигъ, 27-го числа явился уже близь Баязета, и послѣ сраженія съ турецкою конницею, спасшеюся бѣгствомъ въ крѣпость и увезшею съ собою раненое знамя [1]), занялъ находящееся въ двухъ верстахъ отъ города укрѣпленіе Зангезоръ. На другой день часть отряда нашего пошла для занятія города, несмотря на пушечную пальбу, производимую довольно удачно изъ крѣпости, и двухъ-бунчужный Баязетскій Балюлъ-паша, видя таковую рѣшительность русскихъ, вынужденъ былъ, по стремительномъ обращеніи въ бѣгство турецкой конницы, сдать крѣпость и участь свою намъ, прославъ для сего къ отрядному начальнику парламентера. Нельзя описать восторга здѣшнихъ жителей, большею частію армянъ, вышедшихъ навстрѣчу побѣдителямъ, и благословлявшихъ нелицемѣрными привѣтствіями Русскаго Царя, оружіемъ котораго исторгнуты они отъ столь долгаго томленія подъ игомъ мусульманъ. Паша, родомъ Куртинецъ, весьма извѣстной и древней фамиліи, владѣвшій Баязетскимъ пашалыкомъ, какъ наслѣдственнымъ имѣніемъ, весьма высокаго роста, еще довольно молодой человѣкъ привлекательной физіономіи, на которой рѣзкими чертами изображалось уничиженіе его и скорбь душевная, выѣхалъ навстрѣчу генералу, и съ покорностью вручилъ ему судьбу свою.

Два дворца его, или, лучше сказать, двѣ крѣпости, находящіяся въ городѣ, весьма примѣчательны по своему устроенію: старая крѣпость, состоящая изъ нѣсколькихъ отдѣленій, въ которыхъ помѣщались его семейство, приближенные чиновники и стража, приклеена, говоря безъ фигуръ, на ужасной высотѣ къ огромнымъ скаламъ, воздымающимся надъ городомъ; новую крѣпость составляетъ отличный, чисто арабской или готической архитектуры, изъ бѣлаго, высѣченнаго съ различными украшеніями, камня, дворецъ, строившійся, по словамъ здѣшнихъ жителей, около сорока лѣтъ, и теперь еще не совсѣмъ оконченный, начатый дѣдомъ нынѣшняго паши, продолжаемый отцомъ его, и теперь оставленный пашею по предубѣжденію, что въ ономъ

[1]) Байракшаръ (знаменосецъ), несмотря на картечный огонь, производимый изъ орудій, командуемыхъ артиллеріи штабсъ-капитаномъ Рюминымъ, ѣхалъ спокойно и важно на своей лошади, и когда лошадь была убита и древко знамени подбито, онъ, поднявъ переломленное знамя, ушедъ въ виду артиллеріи, при которой, по малому числу кавалеріи, не было, кромѣ пѣхоты, другаго прикрытія.

умерли дѣдъ и отецъ его, которымъ воздвигнутые великолѣпнѣйшіе мавзолеи тутъ же находятся. Сооруженіе сего дворца стоило нѣсколькихъ милліоновъ, тѣмъ болѣе, что, по неимѣнію по близости матеріала къ строенію, каждый кусокъ бѣлаго камня съ работою приходился по червонцу, какъ увѣряютъ приближенные паши. Сколько же таковыхъ камней потребно было на построеніе огромнѣйшаго дворца! Видъ изъ сего дворца на городъ, построенный амфитеатромъ на горахъ, представляетъ несравненную картину.

День 30-го августа останется достопамятнымъ у жителей Баязета: поутру, на довольно обширной площади (что составляетъ не послѣднюю рѣдкость въ здѣшнемъ нагорномъ городѣ), совершенъ былъ церковный военный парадъ, приводившій въ восхищеніе здѣшнихъ жителей и самого пашу, не видавшихъ прежде ничего подобнаго. Собравшееся на площади все здѣшнее армянское духовенство участвовало при отправленіи панихиды о блаженной памяти покойномъ Императорѣ Александрѣ Павловичѣ и благодарственнаго молебствія за взятіе города. Потомъ генералъ угощалъ въ новомъ дворцѣ пашу, приближенныхъ его и почетнѣйшихъ изъ здѣшнихъ жителей вмѣстѣ со своими военными офицерами нашего отряда великолѣпнымъ обѣдомъ, и при питіи за здоровье Государя Императора, при громѣ пушекъ, паша и приближенные его,. по обычаю мусульманъ, запивали шербетомъ. Послѣ обѣда веселіе сдѣлалось общимъ и, казалось, не было различія между радостію побѣдителей и побѣжденныхъ. Прекрасная музыка Нотебургскаго полка, пѣсенники изъ казаковъ, и турецкая музыка, состоящая изъ множества литавровъ, барабановъ и рожковъ, попеременно возбуждали общее веселіе, и танцы національные и русскіе заключили сей военный праздникъ.

Въ крѣпости найдено 12 орудій, два бунчука, три знамени, большой запасъ артиллерійскихъ снарядовъ, ружей, провіянта и проч. Съ непріятельской стороны убито до 10 человѣкъ, съ нашей двое и ранено шестеро. Впрочемъ въ семъ сраженіи какъ съ непріятельской, такъ и съ нашей стороны наибольшая потеря была въ лошадяхъ; ибо дѣло 27-го августа можно скорѣе почесть кавалерійскимъ. Плѣнныхъ въ городѣ осталось до 200 человѣкъ, которыхъ, опасаясь заразы, прежде всего свирѣпствовавшей въ городѣ, генералъ не почелъ безопаснымъ отыскивать по домамъ, тѣмъ болѣе, что по занятіи города отданъ былъ приказъ отряду не входить въ дома жителей, что со стороны нижнихъ воинскихъ чиновъ, отличавшихъ себя во все время похода строгимъ соблюденіемъ дисциплины, исполнено во всей точности.

А. Г.....

81. Ѳ. В. Булгарину.

(Августа 22—8 сентября 1828).

Строфы XIII, XIV, XV.

. . . . . .

. . . . . .

Промежутокъ 1½ мѣсяца.

Дорогой мой Ѳадей. Я, по возвращеніи изъ дѣйствующаго отряда сюда, въ Тифлисъ, 6-го августа занемогъ желтою лихорадкою. Къ 22-му получилъ облегченіе, Нина не отходила отъ моей постели, и я на ней женился. Но въ самый день свадьбы, подъ вѣнцомъ уже, опять посѣтилъ меня пароксизмъ, и съ тѣхъ поръ нѣтъ отдыха; я такъ исхудалъ, пожелтѣлъ и ослабѣлъ, что думаю капли крови здоровой во мнѣ не осталось.

Еще разъ благодарю за всѣ твои хлопоты. Не бойся, я не введу тебя въ отвѣтственность за мои долги. Вмѣстѣ съ симъ или вскорѣ послѣ, ты получишь отъ дяди Мальцева 15,000 руб. и слѣдовательно до 1-го января со всѣми расквитаешься.

Изрѣдка до меня доходитъ «Сынъ Отечества» и «Сѣверный Архивъ», «Сѣверная Пчела» довольно регулярно. Но отчего же прочихъ журналовъ ты мнѣ не присылаешь? А объ иностранныхъ и въ поминѣ нѣтъ. Сдѣлай одолженіе, позаботься и объ этомъ.

Прощай. Прими поцѣлуй отъ меня и отъ жены.

---

82. В. С. Миклашевичъ.

Эчміадзинъ, 17 сентября 1828 г.

Другъ мой, Варвара Семеновна! Жена моя, по обыкновенію, смотритъ мнѣ въ глаза, мѣшаетъ писать. Знаетъ, что пишу къ женщинѣ, и ревнуетъ. Не пеняйте-же на долгое мое молчаніе, милый другъ; видите-ли, въ какую необыкновенную для меня эпоху я его прерываю. Женатъ, путешествую съ огромнымъ караваномъ,—110 лошадей и муловъ, ночуемъ подъ шатрами на высотахъ горъ, гдѣ холодъ зимній. Ниночка моя не жалуется, всѣмъ довольна, игрива, весела; для перемѣны бываютъ намъ блестящія встрѣчи, конница во весь опоръ несется, пылитъ, спѣшивается и поздравляетъ съ счастливымъ прибытіемъ туда, гдѣ бы вовсе быть не хотѣлось. Нынче насъ принялъ весь клиръ монастырскій въ Эчміадзинѣ, съ крестами, иконами, хоругвями, пѣніемъ, куреніемъ etc.; и здѣсь, подъ сводами этой древней обители, первое мое помышленіе объ васъ и объ Андреѣ. Помиритесь съ моею лѣнью.

«Какъ это все случилось? Гдѣ я, что и съ кѣмъ! Будемъ вѣкъ жить, не умремъ никогда». Слышите? Это жена мнѣ сейчасъ

сказала ни къ чему,—доказательство, что ей шестнадцатый годъ. Но мнѣ простительно-ли, послѣ столькихъ опытовъ, столькихъ размышленій, вновь бросаться въ новую жизнь, предаваться на произволъ случайностей и все далѣе отъ успокоенія души и разсудка. *А независимость, которой я былъ такой страстный любитель,* исчезла, можетъ быть навсегда, и какъ ни мило и утѣшительно дѣлить все съ прекраснымъ, воздушнымъ созданіемъ, но это теперь такъ свѣтло и отрадно, а впереди такъ темно, неопредѣленно! Всегда ли такъ будетъ? Бросьте вашего Троспёра и Куперову Prairie—мой романъ живой у васъ передъ глазами, и во сто кратъ занимательнѣе; главное въ немъ лицо—другъ вашъ, неизмѣнный въ своихъ чувствахъ, но въ быту, въ родѣ жизни, въ различныхъ похожденіяхъ не похожій на себя прежняго, на прошлогодняго, на вчерашняго даже; съ каждою луною со мной сбывается что-нибудь, о чемъ не думалъ, не гадалъ.

83. Гр. И. Ѳ. Паскевичу.

30-го октября 1828 г.—Тавризъ.

Тесть мой завоевалъ въ Баязетѣ нѣсколько восточныхъ манускриптовъ; сдѣлайте милость, не посылайте ихъ въ Императорскую библіотеку, гдѣ никто почти грамотѣ не знаетъ, а въ Академію Наукъ, гдѣ профессора Френъ и Сеньковскій извлекутъ изъ сего пріобрѣтенія возможную пользу для ученаго свѣта.

84. П. М. Устимовичу.

Тавризъ, 30 октября 1828 г.

Почтеннѣйшій мой Петръ Максимовичъ. Ваше письмо меня чрезмѣрно порадовало: слава Богу, хоть одинъ изъ тѣхъ людей, которые мною искренно любимы и уважаемы, доволенъ своею судьбою. Но для этого мало стеченія счастливыхъ обстоятельствъ, и даже истинныхъ заслугъ, надобно еще имѣть характеръ, сказать себѣ, вотъ это мнѣ надобно, вотъ цѣль, дойду и успокоюсь. Судя по вашимъ словамъ, вы стали на эту точку, и ничего болѣе не хотите, а какъ я еще далекъ отъ конца моихъ желаній! Или лучше сказать, чего желаю! Nescio! Какъ тошно въ этой Персіи, съ этими Джафарханами, или, какъ моя жена ихъ называетъ, Чепарханами.—По клочкамъ выманиваю отъ нихъ слѣдующую намъ уплату. Какъ у насъ мало знаютъ обращеніе въ дѣлахъ съ этимъ народомъ! Родофиникинъ только что не плачетъ, зачѣмъ я до сихъ поръ не въ Тегеранѣ. Напротивъ, я слишкомъ рано сюда прибылъ; по перепискѣ изъ Тифлиса я бы лучше, скорѣе съ нимъ кончилъ, угрожалъ бы имъ, даже раз-

рывомъ; издали все страшнѣе. А теперь они меня почитаютъ залогомъ будущей своей безопасности съ нашей стороны. Гр. желалъ, чтобы нашимъ зимовать въ Хояхъ, и это завлекло меня въ самое трудное положеніе—согласить наши денежныя требованія съ дальнѣйшимъ удерживаніемъ ихъ провинціи. Кажется, однако, что я довольно успѣшно въ этомъ оборотился,—и войска будутъ зимовать въ Хояхъ, и деньги получимъ. Вы знаете, что по полученіи 400/т. мы должны выступать, а за остальныя 100 т. удержимъ алмазы въ залогъ. 50 т. сверхъ 300 я уже ихъ заставилъ послать въ Хои, теперь насчетъ другихъ 50 отдалилъ нарочно срокъ, т. е. черезъ 20 дней отъ 26 октября. Это повидимому величайшее снисхожденіе съ моей стороны. Но съ тѣмъ условіемъ, что если сумма сія къ означенному сроку не уплатится, то Хои не опорожняются. Вамъ слишкомъ извѣстна неустойка персидская, любезный другъ, и вы можете навѣрно угадать, что они по крайней мѣрѣ 10-тью днями позже выполнятъ свою обязанность, тогда мы будемъ имѣть 400 т. чистыми деньгами, и Хои все-таки не будутъ очищены *по праву*. Потрудитесь это объяснить Ф. С. Хомякову; я надѣюсь, что онъ не обидится, зачѣмъ не ему пишу объ этомъ, какъ-бы и слѣдовало, но вѣдь это все равно, коли я васъ прошу ему показать. Помилуйте однако: какіе вы всѣ чудные, начиная съ моего благодѣтеля графа. Никто мнѣ не пишетъ о его награжденіи, о полученіи имъ Андреевской ленты, и если бы я не нашелъ этого ночью въ какомъ-то лоскуткѣ Сѣверной Пчелы, то такъ-бы и осталось. Не хочу же ему болѣе ни слова приписывать. А вотъ вы что сдѣлайте, милый мой Петръ Максимовичъ, да непремѣнно. Надѣньте мундиръ, облекитесь въ ваши регаліи, и съ торжественнымъ видомъ принесите графу усерднѣйше поздравленіе отъ лица всего Персидскаго посольства, и жены моей включительно. Пожалуйста сдѣлайте. Прощайте, любезнѣйшій прежній сотрудникъ... и сострадалецъ. Помните меня, и пожалѣйте иногда о преданномъ сердечно вамъ

А. Грибоѣдовѣ.

85. Ѳ. В. Булгарину.

(Ноябрь 1828 г.).

Напечатай, любезный другъ Ѳадей, это блестящее описаніе, которое очень удачно вылилось изъ-подъ пера товарища моей политической ссылки.

Дѣло въ томъ, что насъ, кромѣ праздниковъ, здѣсь точно боятся и уважаютъ. $^4/_5$ слѣдующихъ намъ денегъ взяли; рѣдко пишется отъ меня требованіе здѣшнему правительству, чтобы не было исполнено. Теперь ѣду въ Тегеранъ, куда и шахъ въ ско-

ромъ времени возвращается. Коли все еще мѣня будутъ ругать пріятели, nos amis les ennemis, то объяви имъ, что я на нихъ плюю. Ты, въ своихъ письмахъ, крѣпко настаиваешь, чтобы я Аббасъ-Мирзу подвигъ на войну противъ турокъ. Любезный другъ, знаешь-ли ты, имѣю-ли я на то разрѣшеніе? Удивляюсь, что тотъ, кто лучше тебя это знаетъ, говоритъ, что я бы могъ это сдѣлать. Коли служишь, то, прежде всего, слѣдуй буквально инспосылаемымъ свыше инструкціямъ, а если, вмѣстѣ съ тѣмъ, можно пожить и для газетъ,—и то хорошо. Я, братъ, изъ своей головы готовъ изобрѣтать всякіе наступательные планы, но не исполнять, покудова мнѣ же, наоборотъ, не предпишутъ поступать такъ, а не иначе. Поцѣлуй Леночку и Танту. Вѣрный твой

А. Грибоѣдовъ.

86. П. Н. Ахвердовой.

(Ноябрь 1828 года).

Recevez mes cincères hommages, ma très-chère et très-estimable amie. J'ai fait depuis longtemps ce qu'il fallait pour votre neveu; mais si le comte ne le voit pas de très-bon oeil, qui sait si on ne lui aura pas rapporté quelques plaisanteries innocentes qu'il aura débitées sur son compte, et que des insinuations, comme on en fait ordinairement aux chefs, auront grossi et envenimé des propos tout au plus indiscrets. О, это водится! Tout ce que vous me dites d'ailleurs au sujet du comte d'Erivan me fait le plus grand plaisir. C'est mon ami et mon bienfaiteur, et j'aurais naturellement désiré que tout le monde lui fût dévoué autant que je le suis. Les conseils que vous me donnez pour que je soigne les occupations de ma femme sont très-sages et très-salutaires; mais tout mon temps est pris par cette maudite contribution que je ne puis encore parvenir de tirer en entier des Persans. C'est la mer à boire. Il me semble que je ne suis pas assez bon pour ma place: il faudrait plus de savoir-faire, plus de sang-froid. Les affaires me donnent de l'humeur. Je deviens morose; quelquefois l'envie me prend de faire la fin, et c'est alors que je deviens réellement bête. Non, je ne vaux rien pour le service. C'est une destination manquée que la mienne. Je ne suis pas sûr de me bien tirer de toutes les affaires dont je suis chargé; bien d'autres auraient fait cent mille fois mieux. Mais il me reste encore un espoir: c'est mon Dieu, Que je sers encore plus mal que l'Empereur et Qui m'a toujours et efficacement protégé. Vous allez voir qu'on finira par me savoir gré de tout ce qui se sera fait de bon, sans que j'y aie participé en rien, comme pour cette campagne de Perse où tant d'autres ont bien plus mérité du gouvernement que moi; et c'est pourtant moi qu'on a le mieux récompensé. Embrassez Dachinka, bien, bien tendrement. Comme nous l'aimons, ma femme et moi: je parie qu'elle ne se doute pas de toutes les conversations que nous avons à Tauris, et c'est toujours d'elle et Katinka qu'il s'agit. Какъ-то найдемъ ихъ, когда воротимся! За кого ихъ выдадутъ? Маленькія ихъ кокетства въ клубѣ etc. etc. Bonjour, mon estimable madame Akhwerdow. Pensez bien à nous, aimez-nous autant que nous vous sommes sincèrement dévoués, votre Nina et votre fidèle ami A. Griboiédow.

Переводъ: Примите мои искреннія привѣтствія, дорогой и глубокоуважаемый другъ мой. Я давно уже сдѣлалъ все, что было нужно для вашего племянника; но графъ не особенно расположенъ къ нему. Кто знаетъ? быть-можетъ ему переданы нѣкоторыя невинныя шутки, которыя тотъ позволилъ себѣ на его счетъ; а инсинуаціи, обыкновенно дѣлаемыя всякому начальнику, раздули и придали злой характеръ этимъ отзывамъ, во всякомъ случаѣ только нескромнымъ. О, это водится! Впрочемъ то, что вы мнѣ говорите о графѣ Эриванскомъ, доставляетъ мнѣ величайшее удовольствіе. Это мой другъ и благодѣтель, и я конечно желалъ бы, чтобы всѣ были ему такъ же преданы, какъ я. Совѣты ваши, чтобы я позаботился о доставленіи занятій женѣ моей, очень разумны и полезны. Но у меня все время отнято проклятою контрибуціею, которой я еще не могу взыскать съ Персіянъ сполна. Это египетская работа. Мнѣ кажется, что я не вполнѣ на своемъ мѣстѣ; нужно бы побольше житейскаго такта, побольше хладнокровія. Дѣла портятъ мой характеръ. Я дѣлаюсь угрюмымъ; иной разъ нападаетъ на меня охота остепениться, и тутъ ужь я дѣйствительно глупѣю. Нѣтъ, я вовсе не гожусь для службы. Меня назначать не слѣдовало. Мнѣ кажется, что я неспособенъ выполнить какъ слѣдуетъ служебныя обязанности; многіе другіе исполнили бы ихъ во сто тысячъ разъ лучше. Но мнѣ остается одна надежда: Богъ, Которому я служу еще хуже, нежели Государю, и Который всегда и дѣйствительно мнѣ покровительствовалъ. Вы увидите, что меня же въ концѣ-концовъ станутъ восхвалять за все, что сдѣлано будетъ хорошаго, тогда какъ участія моего тутъ вовсе не было, точно также какъ въ эту Персидскую кампанію: сколько другихъ гораздо больше меня заслужили награды отъ правительства, а вышло, что я награжденъ всѣхъ больше. — Поцѣлуйте Дашеньку нѣжно, нѣжно. Какъ мы любимъ ее съ женою. Держу пари, что она и не догадывается о всѣхъ тѣхъ разговорахъ, которые мы ведемъ въ Тавризѣ, а мы только и говоримъ, что о Катенькѣ и о ней. Какъ-то найдемъ ихъ, когда воротимся. За кого ихъ выдадутъ? Маленькія ихъ кокетства въ клубѣ, etc. etc. Прощайте, уважаемая госпожа Ахвердова. Вспоминайте о насъ, любите насъ такъ же, какъ мы чистосердечно вамъ преданы. Ваша Нина и вашъ вѣрный другъ А. Грибоѣдовъ.

87. Н. Ф. Калачевскому.

29 ноября (1828). Табризъ.

Любезный Калачевскій. Что вы все ратуете съ персіянами. Уже давно миръ, пора и вамъ угомониться. Впрочемъ это не значитъ, чтобъ я удерживалъ васъ отъ исполненія вашей должности. Прилежите къ вашимъ дѣламъ со всею ревностью, только удержитесь отъ переписки съ Персидскимъ дворомъ, которая нашимъ пограничнымъ начальникамъ строго воспрещается Государемъ Императоромъ! Адресуйтесь ко мнѣ или въ отсутствіи моемъ къ Амбургеру, ваши требованія всегда будутъ исполнены. Бѣдный Лукинскій. Вѣрно и вамъ его жаль. Въ тотъ же день, какъ ему умереть, говорилъ мнѣ поутру, что намѣренъ былъ жениться. Пожалуйста, любезный Николай Федоровичъ, кромѣ вашихъ важныхъ государственныхъ дѣлъ, пишите ко мнѣ иногда

по-дружески. Жена моя вамъ кланяется. Вы отчего не приступите также какъ я къ торжественному браку. Это право очень умно наконецъ, послѣ всѣхъ тревогъ. Поклонитесь отъ меня почтенному Карлу Карловичу и всему его милому семейству.

Весь вашъ А. Грибоѣдовъ.

88. П. М. Устимовичу.

2 декабря (1828 г.?).

Любезнѣйшій другъ Петръ Максимовичъ. Посылаю къ вамъ аттестаты находящагося при мнѣ К. Семена Кобулова. Сипягинъ обѣщалъ мнѣ его считать въ дѣйствительной службѣ, но въ откомандировкѣ при мнѣ. Справьтесь пожалуйста, и коли ничего.... не донесено графу, то прошу васъ для меня постараться объ этомъ молодомъ человѣкѣ, о чемъ я вмѣстѣ съ нимъ прошу и нашего графа Ивана Федоровича. Когда сдѣлаете изъ аттестатовъ надлежащее употребленіе, то пришлите мнѣ ихъ назадъ.

У насъ здѣсь скучно, гадко, скверно. Нѣтъ! уже не испытать мнѣ на томъ свѣтѣ гнѣва Господня. Я и здѣсь вкушаю довременно всѣ прелести тьмы кромѣшной. Прощайте, любезный другъ.

Весь вашъ Грибоѣдовъ.

89. Ему же.

Почтеннѣйшій другъ Петръ Максимовичъ. Найди пожалуйста въ бумагахъ отъ Нессельроде у Камардина двѣ касающіяся до дѣлъ Мирза-Сале въ Астрахани секретно и переведи ему ихъ, и потомъ донеси отъ имени генерала въ Петербургъ объ исполненіи по нимъ. Прощай, душенька, будь здоровъ и люби меня такъ же, какъ я тебѣ всѣмъ сердцемъ принадлежу и душевно уважаю твой умъ и правила.

90. В. С. Миклашевичъ.

Тавризъ, 3 декабря 1828.

Какъ я себя виню, что не послалъ вамъ написанныхъ этихъ строчекъ три мѣсяца назадъ. Вы бы не сердились на меня, а теперь, вѣрно, разлюбили, и правы. Не хочу оправдываться; Андрей, ты помоги мнѣ умилостивить нашего общаго друга. Хорошо, что вы меня насквозь знаете и немного надобно словъ, чтобы согрѣть въ васъ тѣ же чувства, ту же любовь, которыя отъ васъ, моихъ милыхъ нѣжныхъ друзей, я испыталъ въ теченіе столькихъ лѣтъ, и какъ нѣжно—и какъ безкорыстно.

Вѣрно, сами догадаетесь, неоцѣненная Варвара Семеновна, что я пишу къ вамъ не въ обыкновенномъ положеніи души. Слезы градомъ льются...

Неужели я для того рожденъ, чтобы всегда заслуживать справедливые упреки за холодность (и мнимую притомъ), за невниманіе, за эгоизмъ отъ тѣхъ, за которыхъ бы охотно жизнь отдалъ. Александръ нашъ что долженъ обо мнѣ думать! И это кроткое, тихое созданіе, которое теперь отдалось мнѣ на всю мою волю, безъ ропота раздѣляетъ мою ссылку и страдаетъ самою мучительною беременностію! Кто знаетъ: можетъ быть, я и ее оставлю, сперва по необходимости, по такъ-называемымъ дѣламъ, на короткое время, но послѣ время продлится, обстоятельства завлекутъ, забудусь, не стану писать... Что проку, что чувства мои во мнѣ неизмѣнны, когда видимые поступки тому противорѣчатъ. Кто повѣритъ! Александръ мнѣ въ эту минуту душу раздираетъ. Сейчасъ пишу къ Паскевичу; коли онъ и теперь ему не поможетъ, провались всѣ его отличія, слава и громъ побѣдъ, все это не стоитъ избавленія отъ гибели одного несчастнаго,—и кого же! Боже мой! Пути твои неизслѣдимы!

Сказать-ли вамъ теперь о моемъ бытѣ? Не занимательно ни для кого, — я только чрезвычайно занятъ. Наблюдаю, чтобы отсюда не произошла какая-нибудь предательская мерзость во время нашей схватки съ турками. Взимаю контрибуцію довольно успѣшно. Друзей не имѣю никого и не хочу: должны прежде всего бояться Россіи и исполнять то, что велитъ Государь Николай Павловичъ, и я увѣряю васъ, что въ этомъ поступаю лучше, чѣмъ тѣ, которые затѣяли бы дѣйствовать мягко и втираться въ персидскую будущую дружбу. Всѣмъ я грозенъ кажусь, и меня прозвали *сахтиръ*, coeur dur. Къ намъ перешло до 8,000 армянскихъ семействъ, и я теперь за оставшееся ихъ имущество не имѣю ни днемъ, ни ночью покоя, сохраняю ихъ достояніе и даже доходы; все кое-какъ дѣлается по моему слову. Наконецъ, послѣ тревожнаго дня, вечеромъ уединяюсь въ свой гаремъ; тамъ у меня и сестра, и жена, и дочь, все въ одномъ миломъ личикѣ; разсказываю, натверживаю ей о тѣхъ, кого она еще не знаетъ и должна со временемъ страстно полюбить; вы понимаете, что въ нашихъ разговорахъ имя ваше произносится часто. Полюбите мою Ниночку. Хотите ее знать? Въ Malmaison, въ эрмитажѣ, тотчасъ при входѣ, направо, есть мадонна въ видѣ пастушки Murillo,—вотъ она. Прощайте, неоцѣненный другъ мой, Варвара Семеновна! Не сердитесь, не разлюбите вѣрнаго вамъ—А. Г.

91. П. Я. Ренненкампфу.

5-го декабря (1828).—Тавризъ.

...Завтра я ѣду въ Тегеранъ; Амбургеръ остается моимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ. Когда кончите разграниченіе, пошлите

ему краткое описаніе вашихъ работъ, съ означеніемъ сомнительныхъ и спорныхъ пунктовъ, а я постараюсь поддержать наши справедливыя требованія передъ шахомъ, какъ скоро графъ Эриванскій дастъ мнѣ на то приказаніе. Здѣсь придираются къ каждой пяди земли, тогда какъ шахъ всячески избѣгаетъ споровъ и несогласія съ такою державою, какъ Россія. Я пишу вамъ въ качествѣ частнаго лица и совѣтую какъ другъ. Отступитесь отъ всякаго притязанія на увеличеніе нашихъ владѣній противъ условій договора; въ Петербургѣ этого не хотятъ, и графъ Эриванскій не желаетъ, чтобы дѣло такого рода тянулось и пр. и пр.

92. Н. А. Грибоѣдовой.

Казбинъ, 24-го декабря. Сочельникъ 1828 г.

Душенька. Завтра мы отправляемся въ Тейранъ, до котораго отсюда четыре дня ѣзды. Вчера я къ тебѣ писалъ съ нашимъ однимъ подданнымъ, но потомъ расчелъ, что онъ не доѣдетъ до тебя прежде двѣнадцати дней, такъ же къ m-me Macdonald,— вы вмѣстѣ получите мои конверты. Безцѣнный другъ мой, жаль мнѣ тебя, грустно безъ тебя какъ нельзя больше. Теперь я истинно чувствую, что значитъ любить. Прежде разставался со многими, къ которымъ тоже крѣпко былъ привязанъ, но день, два, недѣля—и тоска исчезала; теперь чѣмъ далѣе отъ тебя, тѣмъ хуже. Потерпимъ еще нѣсколько, ангелъ мой, и будемъ молиться Богу, чтобы намъ послѣ того никогда болѣе не разлучаться.

Плѣнные здѣсь меня съ ума свели. Однихъ не выдаютъ, другіе сами не хотятъ возвратиться. Для нихъ я здѣсь даромъ прожилъ, и совершенно даромъ.

Домъ у насъ великолѣпный, и холодный, каминовъ нѣтъ, и отъ мангаловъ у нашихъ у всѣхъ головы переболѣли.

Вчера меня угощалъ здѣшній визирь, Мирза Неби. Братъ его женился на дочери здѣшняго Шахзады, и свадебный пиръ продолжается четырнадцать дней, на огромномъ дворѣ нѣсколько комнатъ, въ которыхъ угощеніе, лакомство, ужинъ, весь дворъ покрытъ обширнѣйшимъ полотняным навѣсомъ, въ родѣ палатки, и богато освѣщенъ, въ серединѣ театръ, разныя представленія, какъ тѣ, которыя мы съ тобою видѣли въ Табризѣ, кругомъ гостей человѣкъ до пяти сотъ, самъ молодой ко мнѣ являлся въ богатомъ убранствѣ. Однако, душка, свадьба наша была веселѣе, хотя ты не Шахзадинская дочь, и я не знатный человѣкъ. Помнишь, другъ мой неоцѣненный, какъ я за тебя сватался, безъ посредниковъ, тутъ не было третьяго. Помнишь, какъ я тебя въ первый разъ поцѣловалъ, скоро и искренно мы съ тобой

сошлись, и навѣки. Помнишь первый вечеръ, какъ маменька твоя и бабушка и Прасковья Николаевна сидѣли на крыльцѣ, а мы съ тобою въ глубинѣ окошка, какъ я тебя прижималъ, а ты, душка, раскраснѣлась, я училъ тебя, какъ надобно цѣловаться крѣпче и крѣпче. А какъ я потомъ воротился изъ лагеря, заболѣлъ, и ты у меня бывала. Душка!..

Когда я къ тебѣ ворочусь! Знаешь, какъ мнѣ за тебя страшно; все мнѣ кажется, что опять съ тобою то же случится, какъ за двѣ недѣли передъ моимъ отъѣздомъ. Только и надежды, что на Дереджану,—она чутко спитъ по ночамъ, и отъ тебя не будетъ отходить. Поцѣлуй ее, душка, и Филиппу и Захарію скажи, что я ихъ по твоему письму благодарю. Коли ты будешь ими довольна, то я буду умѣть и ихъ сдѣлать довольными.

Давича я осматривалъ здѣшній городъ, богатыя мечети, базаръ, каравансарай, но все въ развалинахъ, какъ вообще здѣшнее государство. На будущій годъ вѣроятно мы эти мѣста вмѣстѣ будемъ проѣзжать, и тогда все мнѣ покажется въ лучшемъ видѣ.

Прощай, Ниночка, ангельчикъ мой. Теперь 9 часовъ вечера, ты вѣрно спать ложишься, а у меня уже пятая ночь, какъ вовсе безсонница. Докторъ говоритъ отъ кофею. А я думаю совсѣмъ отъ другой причины. Дворъ, въ которомъ свадьбу справляютъ, недалекъ отъ моей спальной, поютъ, шумятъ, и мнѣ не только не противно, а даже кстати, по крайней мѣрѣ не чувствую себя совсѣмъ одинокимъ. Прощай, безцѣнный другъ мой, еще разъ, поклонись Агалобеку, Монтису и прочимъ. Цѣлую тебя въ губки, въ грудку, ручки, ножки и всю тебя отъ головы до ногъ.

Грустно. Весь твой А. Гр.

Поклонись Ваценкѣ, я къ нему вчера писалъ; пріѣхалъ ли Андрей Карловичъ, dis-lui que je lui en veux un peu, c. a. d. amicalement, il est resté trop longtems dehors, et cela dans un temps où sa présence à Tauris est de la plus grande urgence [1]). Впрочемъ je lui en veux, покудова его нѣтъ, а коли воротился, такъ и дѣло въ шляпѣ. Завтра Рождество, поздравляю тебя, миленькая моя душка. Я виноватъ (самъ виноватъ и тѣломъ), что ты большой этотъ праздникъ проводишь такъ скучно; въ Тифлисѣ ты бы веселилась. Прощай, мои всѣ тебѣ кланяются.

(Сбоку приписка:) Коли будешь имѣть оказію къ папенькѣ и въ Тифлисъ къ бабушкѣ и маменькѣ, пошли имъ всѣмъ поклонъ отъ меня, и Катенькѣ и Давыдчику; я скоро самъ буду ко всѣмъ писать.

---

[1]) Скажи ему, что я на него немножко сердитъ, т. е. по-дружески, онъ долго былъ въ отсутствіи и въ такое именно время, когда его присутствіе въ Тавризѣ было настоятельно необходимо.

Изъ замѣтокъ историческихъ.

I.

О Петрѣ Великомъ.

Никакъ незамѣтно, чтобы Софіино властолюбіе много вредило Петру и такъ было опасно, какъ намъ внушить стараются. У нея была тоже своя партія, (какъ) у Нарышкиныхъ; послѣдняя восторжествовала,—ей въ пользу пишутъ. Мѣшала-ли Софія набранію войска въ Преображенскомъ и Семеновскомъ? (300 съ Соколинаго двора, 15 барабанщиковъ бутырскаго полка). Не могла-же она почитать это шуткою, какъ силятся насъ увѣрить писатели, придающіе ей свою глупость.—Явная немилость Петра къ любимцу Софіи Голицыну, такъ-что она принуждена была за него ходатайствовать.—Наконецъ, гнѣвъ Софіи на Петра, а Петровъ—во время крестнаго хода, что и приблизило разрывъ; все это свидѣтельствуетъ превосходство силы, власти Петровой, а не Софіиной.

***

Древн. Вивл., часть 20, стр. 164.—Петръ положилъ дѣтямъ боярскимъ жалованье въ половину противъ иностранныхъ офицеровъ. Минихъ одну службу служащихъ жалованьемъ сравнилъ. *Ibid. стр. 238.* Говоря о стрѣльцахъ: «такое войско, въ коемъ презрительно было быть полковникомъ, заслуживало, чтобы Государь Петръ В. оное уничтожилъ». Ни чуть не заслуживало, если хотѣлъ онъ имѣть регулярное войско. Наше отечество въ концѣ XVII столѣтія было болѣе предано восточнымъ обычаямъ, а я по опыту знаю, какъ въ азіятскихъ государствахъ презираютъ войско постоянное, содержимое, нераспускное. Сарбазы въ Персіи новоустроенный регулярный корпусъ, и въ укору ему нечего замѣтить. Я, думавши сдѣлать привѣтствіе молодому Ахметъ-Хану, сыну табризскаго беглербега, сказалъ ему, что онъ, конечно, носитъ свою службу Сергенгомъ, полковникъ, въ сарбазахъ. Онъ обидѣлся и отвѣчалъ мнѣ: «я ханъ и сынъ хана». Такъ думаетъ всякій писецъ при дворѣ персидскомъ. Всегда предпочтетъ на войну вести съ собою безпорядочное скопище людей, ему преданныхъ, и, по окончаніи кампаніи или войны, быть съ ними отпущеннымъ во-свояси, либо продолжать придворную службу. Вѣроятно и Петровы регулярные полки не менѣе сарбазовъ были ненавистны дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ и проч., но *кнутъ*...

II.

Различныя.

1) *Въ историческомъ изслѣдованіи о мѣстоположеніи древняго Тмутараканя* говорятъ подъ статьею: *Суздаль* (стр. VIII) о замѣчательной надписи, которая находится въ храмѣ Успенія Богородицы. Эта надпись существуетъ-ли еще? — Имѣетъ-ли она признаки древности?

2) Мы мало знаемъ исторію *Муромскихъ* князей. Едва извѣстенъ князь Ѳедоръ Глѣбовичъ, о которомъ исторія упоминаетъ подъ г. 1355, и князь Андрей, бывшій на Донской битвѣ въ 1380, и только въ нѣсколькихъ словахъ объявляютъ въ 1392, что великій князь завладѣлъ

ихъ княжествомъ. Стоило-бы потрудиться надъ поясненіемъ этого историческаго мрака и опредѣлить разысканіями родословными послѣдованіе владѣтелей и пространство области, которая вначалѣ составляла часть Рязанскаго княжества.

3) Правда-ли, что сѣверная часть Рязанской губерніи, по лѣвому берегу Оки, еще понынѣ удержала названіе «*Мещерской стороны*» (словарь Геогр. подъ статьею: «Мещерская сторона»).—Откудова это наименованіе? Сохранились-ли слѣды *народа*, который нѣкогда въ томъ краю былъ извѣстенъ подъ именемъ *Мещеры?*

4) *Въ сорочинскомъ монастырѣ*, въ 15 верстахъ отъ Рязани, находятся гробницы нѣкоторыхъ князей Рязанскихъ. Но—имена князей и княгинь, тамъ похороненныхъ?

5) Между именами городовъ великаго княжества Рязанскаго, въ исчисленіи русскихъ городовъ (Воскресенск. лѣтопись, стр. 22), иные намъ знакомы, другіе вовсе исчезли. Наша историческая географія много-бы свѣту пріобрѣла, кабы кто потрудился опредѣлить ихъ мѣстоположеніе. Н. пр., гдѣ полагать должно *Торческъ*, *Тешиловъ*, *Крылатескъ*, *Неринскъ*, *Кулатенскъ* [Кумтескъ], и тотъ *Рославль* или лучше *Ярославль Польскій*, который, конечно, далъ имя обширнымъ равнинамъ, извѣстнымъ подъ названіемъ *степи Ярославльской*, *большой* и *малой*, въ южной части Тамбовской губерніи. — Послѣднее имя *Оурюпискъ* показано *Юрюпискъ* въ Шлецеровомъ спискѣ.

6) Герберштейнъ говоритъ, что въ (древней) Рязани была крѣпость Ярославль, которой только слѣды остались. Можно-ли ихъ еще распознать? И какой это островъ *Струбъ*, о которомъ онъ упоминаетъ въ слѣдующемъ мѣстѣ: «Rezan, provincia inter Occam et Tanaim sita, civitatem ligneam non longe a ripa Occae habet. Erat in ea castrum quod Jaroslav vocabatur, cujus nunc praeter vestigia (nihil) existat. Haud procul ab ea civitate Occa fluvius insulam facit, quae Strub dicitur» [1]).

7) Гдѣ отыскивать этотъ уѣздъ *Мстиславль*, *Жадене городище*, *Жадемль*, *Дубокъ*, *Бродничь*, которыхъ имена приводятся въ Древ. Росс. Виѳл., изд. второе, часть I, стр. 92?

8) Договоръ между двухъ братьевъ князей Рязанскихъ, а не такъ какъ его ложно назвалъ г. Новиковъ—договоромъ великаго князя Московскаго съ Рязанскимъ (Древн. Росс. Виѳл. II, стр. 263). Сей договоръ наполненъ географическими подробностями, но наши карты недостаточны для ихъ изслѣдованія.

9) Имя *Гремячи* часто встрѣчается на нашихъ картахъ, но который «Гремячи», во время Петра I-го, почитался уѣзднымъ городомъ—на коломенской дорогѣ, въ 230 верстъ отъ Москвы?

10) Много-ли *Мордовцевъ* въ Рязанской и Тамбовской губерніяхъ? Какія ихъ *деревни* и *волости?* Смѣшаны-ли они гдѣ-нибудь съ Русскими? Различаются-ли они также въ сихъ губерніяхъ въ двухъ народахъ *Мокшанцевъ и Ерзанцевъ? Пургасова* Мордва, которая въ 1228 году нападала на Нижній-Новгородъ, конечно въ этой губерніи должна быть отыскиваема? Нельзя-ли имѣть точнѣйшаго свѣдѣнія о жилыхъ деревняхъ и волостяхъ мордовскихъ въ этой губерніи?

[1]) Рязань, область, лежащая между Окой и Танаисомъ (Дономъ), имѣетъ деревянную столицу, недалеко отъ берега Оки. Въ ней было укрѣпленіе, которое называлось Ярославль, отъ котораго теперь остались только слѣды. Недалеко отъ города рѣка Ока образуетъ островъ, который называется Струбъ.

11) Любопытное извѣстіе въ нашихъ лѣтописяхъ есть описаніе путешествія (плаванія) по Дону митрополита *Пимена*, въ 1389 г. Тамъ, между прочимъ, сказано, что въ пятое воскресенье (мая 16) они проѣхали рѣку *Медвѣдицу* и *горы высокія* и *Бѣлый-Яръ рѣку*. Эта рѣка, кажется, должна быть *Перекопка*. Но какъ велико разстояніе между Медвѣдицею и Перекопкою? Можно-ли туда поспѣть въ одинъ день? — Въ понедѣльникъ они проѣхали *горы каменныя красныя* и, коли не ошибаюсь, прибыли къ Иловлѣ. — Во вторникъ они видѣли развалины *Терклято-града*, которыя, вѣроятно, находились между *Качалинскою* и *Трехъ Островянскою* станицею. (Рѣчка, которая ниже Трехъ-Островянской станицы вливается слѣва въ Донъ, называется въ подробн. картѣ, № 54, *Сакарка*. Не *Саркела*-ли?) При Петрѣ еще тутъ не подалеку находился высокій и крутой валъ, будто-бы изъ глины (terre glaise). Существуетъ-ли онъ еще? И какъ называется? Какая его фигура? Точно-ли онъ сдѣланъ просто изъ глины, или можетъ быть изъ кирпичей? Не находится-ли здѣсь, какъ обыкновенно на правомъ берегу Дона, известковая земля? (Сличить Stritt. Mem. III p. 567).—Потомъ странствователи въ тотъ-же день проѣхали *перевозъ*; не тамъ-ли лѣтомъ Донъ спадаетъ до 4-хъ фут. глубины, нѣсколько повыше рѣки *Голубенки?* Но во сколькихъ отъ нея верстахъ? Не худо-бы знать замѣчательные броды и перевозы рѣки Дона.

12) Какія есть развалины возлѣ *Глазуновской*, на Медвѣдицѣ, выше ея устья?

13) Упоминаютъ еще о замѣчательныхъ *могилахъ* на берегахъ Медвѣдицы и Дона въ окрестностяхъ Перекопской и Сиротинской. Имѣютъ-ли онѣ отличные признаки?

14) Академикъ Фалькъ (Beiträge zur topographisch. Kennt. des Russ. Reichs) говоритъ о *двухъ городищахъ значительныхъ* возлѣ *Цымлянской* станицы. Онъ самъ ихъ не видалъ, но что̀ казачій атаманъ ему объ нихъ разсказывалъ, всемѣрно заслуживаетъ любопытнаго изслѣдованія имени, фигуры и вещества этихъ развалинъ. Не видать-ли тамъ слѣдовъ искусства? Какое свойство грунта? Не раскапывали-ли земли и что въ ней найдено?

15) Герберштейнъ говоритъ о городѣ *Ахасъ* въ разстояніи 4-хъдневномъ или также, по его словамъ, въ 12 миляхъ [нѣмецкихъ?] выше Азова, на берегу Дона. — Въ его время *Ахазъ* и *Азовъ* были тамъ единственные города. Отъ Азова считалось до Перекопа пять дней ѣзды, до Астрахани семь, до Шамахи двѣнадцать. — По сему показанію, на которое нельзя, впрочемъ, очень полагаться, Ахасъ должно отыскивать въ Цимлянской, а коли вѣрить 12 милямъ, то въ окрестностяхъ Черкасска. — Есть еще *слобода Городище* на *Салѣ*, а можетъ быть и другіе *городищи*, которые вовсе неизвѣстны.

16) *Донецъ*, или *Салъ*—которая изъ этихъ двухъ рѣка *Бузукъ* въ путешествіи митрополита Пимена?

17) *Сальница*, которая по кн. больш. чертежа впадаетъ въ Донецъ выше Изюма, извѣстна-ли еще подъ симъ именемъ?

18) Направо отъ устій Дона, между *Недвиговской* и *Синявской* есть *гдще*, гдѣ будто-бы находили монеты, серебряныя и золотыя, довольно отдаленныхъ временъ. Можно-ли ихъ имѣть или видѣть?

19) Въ Азовѣ, конечно, такія найдутся. *Саркелъ* стоялъ на Дону, ниже Черкасска, между нимъ и устьемъ Дона, притомъ на восточной сторонѣ.

20) Нельзя-ли достать словарь языка *Закубанскихъ Черкесовъ?* Въ

Гильденштедтѣ есть словарь кабардинскій; такимъ образомъ можно было-бы научиться различать разныя нарѣчія языка черкесскаго.

21) Палласъ въ описаніи острова Тамана (Reise in die südl. Strattalter d. R. R., II, p. 294, 296) говоритъ о разныхъ *нефтяныхъ ключахъ*. Ихъ еще болѣе должно находиться во внутренности того края. Сличить Stritt. Mem. pop. IV, 249, 250. Мѣсто, приведенное изъ Константина Порфиророднаго, заслуживаетъ всячески вниманіе путешественника.

22) Палласъ слишкомъ мало говоритъ о гробницахъ близь селенія *Торклукъ* (R. in d. südl. Stratt. II. 231). Нельзя-ли открыть одну изъ нихъ? Можетъ быть онѣ готическія.

23) Тотъ-же авторъ далъ намъ (ibid. II. 44, 54. etc.) прекрасное описаніе окрестностей Севастополя, но, чтобы его совершенно уразумѣть и распознать три бухты Страбона, нужна подробнѣйшая карта сей части Крыма. Говорятъ, что гр. Воронцовымъ это поручено Серистори.

24) Какой это *Каменный мостъ*, на Каланчикѣ, въ 35 в. отъ Перекопа, когда къ нему ѣдешь изъ Крыма? (См. геогр. Каланчикъ).

Есть въ Крыму множество надписей временъ Генуэзскихъ, но никто до-сихъ-поръ не обращалъ на нихъ вниманія.

25) *Березовскій островъ*, въ концѣ Днѣпровскаго лимана, также называется *Гата* (Hata). Какое это слово—греческое или турецкое? И что оно значитъ?

26) *Сто-Могилы*, при устьѣ Буга, остатки *Ольвіи* или *Борисѳена*, весьма замѣчательны для путешественника (см. Муравьева).

27) Можно-ли объяснить имена *Ингулъ*, *Бузулукъ*?

28) Есть-ли заливъ (или заводь) Днѣпра, бухта, ниже пороговъ извѣстная *Перуня рѣнь*? (Несторъ, лѣта 988).

29) Въ какомъ состояніи теперь островъ *Хортицы*? Есть-ли тамъ еще Меннониты, поселенные кн. Потемкинымъ? Покрытъ-ли островъ дубнякомъ?

30) Боплант, въ описаніи Украйны, говоритъ о *Таволшанскомъ островѣ* возлѣ Таволшанскаго порога: «Cette îsle a bien près de 2000 pas de long et 150 de large; elle est toute de roches, mais sans précipices. Ce lieu est fort de nature et beau pour habiter. Il croît en cette îsle force de Tavala, qui est bois rouge dur comme buis et qui a la vertu de faire uriner les chevaux». Это описаніе острова справедливо-ли? И какое дерево, о которомъ Боплант говоритъ? Нельзя-ли достать нѣсколько вѣтвей съ листьями, цвѣтами и сѣменами? Растеніе, извѣстное подъ именемъ *Таволги*, обыкновенно не имѣетъ никакого дерева (Spirea, Linn.).

31) Будиловскій-Будильскій-Будинскій порогъ Зуевымъ причисляется къ *большимъ* порогамъ (Пут. Зап., стр. 254). Онъ его самъ не посѣщалъ. Правъ-ли онъ?

32) Боплант говоритъ объ островѣ: «Au travers du quatrième saut appelé Стрѣльчій, une îsle toute de roche, haute de trente pieds et faite en précipices tout autour; elle est environ de 500 pas de long et de 70 ou 80 de large. Je ne sais si elle a quelques eaux de dedans,

[1]) Поперекъ четвертаго порога, называемаго Стрѣльчій, лежитъ утесистый островъ въ 30 футовъ высоты, обрывистый со всѣхъ сторонъ. Онъ—около 500 шаговъ въ длину и 70—80 въ ширину. Не знаю, есть-ли на немъ вода, потому что его посѣщаютъ только птицы. Кругомъ онъ обросъ дикимъ виноградомъ.

car personne n'en aborde que les oiseaux; au reste tout le tour de cette isle est fort ombragé de vigne sauvage» [1]). Лучшія наши карты не показываютъ никакого острова поперекъ *Стрѣльчаго порога*, и кажется, что по ошибкѣ Бопланъ относитъ къ сему порогу утесистые острова, которые находятся на *Лоханскомъ порогѣ*. Но сіи имѣютъ-ли 30 футовъ вышины? Или это мѣра возвышенія праваго днѣпровскаго берега? Есть-ли тамъ дикій виноградъ?

33) Какой величины разстояніе между первымъ или Кайдацкимъ и послѣднимъ или Вольнымъ порогомъ?

34) Въ судоходствѣ по Днѣпру употребляются-ли парусы?

35) Во сколько времени барки и суда проходятъ разстояніе, занимаемое порогами?

36) Во сколько времени ѣздятъ водою отъ Хортицъ въ Херсонъ? Будетъ-ли тутъ 270—280 верстъ?

37) Книга Больш. Чертеж. говоритъ о рѣкѣ *Овечьи-Воды*, которая ниже *Быка* впадаетъ въ Самару, и въ исторіи о ней упоминается, но на нашихъ картахъ она не означена.

38) Рѣка *Орелъ* еще-ли извѣстна подъ названіемъ *Улъ?* (Татищ. ист. II. 379, примѣч. 98). Составляла-ли она природную границу между землей по-сю и по-ту сторону ея теченія?

39) Есть-ли островъ на Днѣпрѣ, противъ впаденія Трубежа, подъ названіемъ *Варяжскій островъ?* (см. годъ 1224).

40) Какъ объяснить себѣ сіе мѣсто въ Татищевской исторіи (II. 344): «Изяславъ съ братіею, перешедъ *Лонищу*, ста позади града по Трубежу, а Юрій, стоя у Стрякова три дня, въ четвертый, на утренней зорѣ, пошелъ мимо Переяславля и сталъ между валомъ и по оной странѣ Трубежа *за звѣринцемъ у Рощеня?*

41) Кіевъ! Прочесть въ Гюльденштедтѣ описаніе сего города.

42) Извѣстны-ли еще Дорогожичь и Капичь? (годъ 980).

43) Рѣки Сетомль и Сутенъ (года 1036, 1064 или 1065)?

44) Озеро Дулевское или Бузское и рѣка Солоча [Золоча] 1151 г. замѣчательны по ратнымъ движеніямъ к. Юрія Володиміровича.

45) Звенигородъ (г. 1151 и Татищ. II. 138).

46) Пароснѣгъ (г. 1160 и Татищ. III. 131).

47) Олжичи (г. 947, 1147, 1182, 1214 и Татищ. II. 390. Примѣч. 129).

48) *Бѣла Вежа* при верховіи *Осетра* слишкомъ древна, чтобы на ней не остановить вниманіе. Гюльденштедтъ говоритъ о ней, но плана не снялъ.

49) Надгробные камни въ церквахъ въ Черниговѣ, Глуховѣ, Рыльскѣ, Новгородѣ-Сѣверскомъ, Трубчевскѣ, Карачевѣ, Новосилѣ, Оболенскѣ и Тарусѣ и въ близь-лежащихъ монастыряхъ, выведутъ можетъ-быть хотъ нѣсколько изъ мрака родословную Черниговскихъ князей, которымъ она покрыта по Бархатной книгѣ и по таблицамъ Стриттера, особенно въ 13 и 14 столѣтіи.—Намъ неизвѣстны потомки Романа Михайловича, князя черниговскаго и брянскаго съ 1246 года (Барх. кн. I. 180), въ которомъ отецъ его былъ убитъ. Можно-ли, чтобы *Семенъ*, *Юрій* и *Мстиславъ* были его братья, когда ихъ дѣти являются въ исторіи позже 1365 года. — Въ 1286 г. упоминаютъ о Романѣ Брянскомъ. — 1319 г. о Романѣ Михайловичѣ Брянскомъ.— 1330. Прежде сего года построенъ монастырь Успенскій Свенскій, въ 4 верстахъ отъ Брянска, тоже Романомъ Михайловичемъ (Зуевъ, Пут. Зап., стр. 128). — 1375. Еще какой-то Романъ Михайловичъ Брянскій является подъ Тверью. — 1401. Того-же имени князь въ

Смоленскѣ. — Подъ статьею *Горчаковы князья* въ Бархатной книгѣ II. 305, кажется, что отрасль князей Козельскихъ древнѣе Карачевскихъ. Стоило бы справиться въ Разрядномъ Архивѣ подъ № 202, а для князей Совицкихъ или Осовяцкихъ подъ № 207.

50) Извѣстны-ли еще въ окрестностяхъ Чернигова мѣста, упоминаемыя въ исторіи при осадѣ сего города въ 1152 году? То, что Татищевъ (III. 69) говоритъ о Березовѣ и Свинѣ, должно быть ошибочно.

51) Извѣстно-ли селеніе подъ названіемъ *Мерликово* близь Новгородъ-Сѣверска?

52) И волость карачевская подъ именемъ *Хороборъ* или *Хоборъ*.

53) Рѣка *Щижъ*, о которой упоминается въ книгѣ Больш. Чертежа, не находится на нашихъ картахъ.—Какое ея теченіе? Нѣтъ-ли на берегахъ ея городища? Не придала-ли она своего названія какой-либо волости?

54) Мезецкъ, Мезеческъ и Мещовскъ—одно-ли это и то же?

55) Въ слов. Геогр. подъ статьею *Шипино* сказано, что деревня сего имени находилась въ Бежецкомъ уѣздѣ.—Какъ же ее обозначить на нашихъ картахъ?

56) Вообще отличительныя черты мѣстныя (physionomies) насчетъ равнинъ, долинъ, лѣсовъ и проч. Можно-ли опредѣлить границы краю лѣсному, покрытому кустами и степному?

57) Нарѣчія русскаго языка и крестьянская одежда—гдѣ и какъ перемѣняются?

---

58) Варяги-франги. Ф. нѣтъ въ русскомъ языкѣ и *an* назальнаго германскаго звука.

59) *Русы*—отъ цвѣта волосъ.

60) Я думаю, что *Россы*, которые подходили въ 866 году подъ Царьградъ и отъ которыхъ греки избавились посредствомъ ризы Влахернской Божіей Матери, были *Иры-Оссы*. Патріархъ Фотій въ своемъ окружномъ посланіи говоритъ, что они потомъ сдѣлались кроткими христіанами, а осетины около этого времени точно приняли христіанскую вѣру, которую потомъ утратили. Церкви того времени въ ущеліи Оссы-рѣки и близь каменнаго моста на Кубани, также и въ иныхъ мѣстахъ о томъ свидѣтельствуютъ. Извѣстно, что осетинское племя, нынѣ заключенное въ среднемъ Кавказѣ, прежде далеко по плоскости простиралось до Тавріи и Понта-Эвксинскаго.

61) Не Славяне, а Словене,—въ противуположность нѣмцамъ....

62) Татищ. въ г. 964.—Ольга уничтожила *Княжее* (Droit du seigneur) и замѣнила поборомъ черной куницы отъ жениха, поданнаго князю или боярину. Елагинъ замѣчаетъ, что поборъ свадебный и понынѣ называется *куничнымъ*.

63) Къметь, къмети (сподвижники, слуги, дружины). Не то-ли, что comte, въ первоначальномъ значеніи? «А мои куряни свѣдоми къмети». (См. «Слов. о пол. Игоревѣ»).

Краткія примѣчанія.

1) **Горе отъ ума** (стр. 17—99). По свидѣтельству многихъ лицъ, комедія задумана Грибоѣдовымъ въ ранней молодости, но планъ ея постепенно измѣнялся съ лѣтами автора, дѣйствующія лица — одни (какъ жена Фамусова) исключались, другія, вѣроятно, вводились. Слѣды всей этой работы утрачены, и только въ изданномъ въ Москвѣ, въ 1891 г., редакціею «Рус. Вѣд.» сборникѣ «Помощь голодающимъ» появился слѣдующій «*Прологъ*» къ «Горю отъ ума», случайно найденный г. Городецкимъ:

ПРОЛОГЪ. **Чацкій и Лиза.**

Чацкій. Я ѣду, и сейчасъ: заѣхалъ я проститься...
Лиза. Какъ такъ? Вы ѣдете? Надолго ли? Куда?
Чацкій. Подальше отъ Москвы; быть-можетъ, навсегда.
Лиза. Раздумали жениться?
Чацкій. На комъ!
Лиза. На нашей барышнѣ-съ?!. она...
Чацкій. Какая ты плутовка!
Пусть скажетъ мнѣ сама
Что милъ я ей, желаетъ, чувствуетъ, готова,
Составить счастіе мое...
Лиза. Сказать-то ей неловко
Самой такое слово!
Чацкій. Вѣдь для невѣсты нѣтъ отрады никакой,
Когда ведутъ ее немилою рукой
Къ вѣнцу... Къ тому же —
Въ какомъ есть надобность ей мужѣ?
Лиза. О комъ же барышня твердитъ, какъ не о васъ!
Чацкій. Какъ? Обо мнѣ?!. Я думаю, что каждый часъ
Она толкуетъ о знакомыхъ,
О суженыхъ и о влюбленныхъ,
Объ острыхъ по уму, о милыхъ на паркетѣ,
О фракѣ щегольскомъ, о форменномъ колетѣ.
Лиза *(прерывая)*.
Помилуйте: она васъ любитъ, обожаетъ:
Весь вѣкъ желаетъ съ вами проводить.
Чацкій. Такъ что-жъ она молчитъ о томъ, скрываетъ?
Вѣдь я не чуждый ей, —
И не злодѣй...
Родные наши всѣ другъ друга не чуждались, —
Быть-можетъ, упрекнутъ за то, что мы разстались,
Среди взаимныхъ чувствъ борьбы
Не сочетавъ счастливѣйшей судьбы...
Дней на пятокъ
Я остаюсь въ Москвѣ... Здѣсь буду въ четвертокъ
На будущей недѣлѣ, —
И всѣ слова ея повѣрю я на дѣлѣ...

О, сердце жалкое; о, какъ оно страдаетъ! *(Уходитъ).*

Лиза. Да, да: ужъ барышня комедію сыграетъ...
И съ вашимъ сердцемъ и съ умомъ:
Они, давно уже, вдвоемъ!..

Что касается до извѣстныхъ «первоначальныхъ» списковъ, то они отличаются отъ всѣмъ извѣстныхъ послѣднихъ редакцій почти только стихами, менѣе обработанными, но не смысломъ ихъ. Исключеніе составляютъ явленія XII и XIII послѣдняго дѣйствія, показывающія, что Грибоѣдовъ первоначально иначе представлялъ себѣ развязку комедіи. Вотъ ихъ текстъ (см. П. Собр. Соч. Гриб. подъ ред. Шляпкина):

ЯВЛЕНІЕ XII.

Чацкій, за колонной; **Лиза, Молчалинъ**, потягивается и зѣваетъ. **Софья**, крадется сверху.

Лиза. Скорѣй пойдемте же! Боюсь, не въ добрый часъ
Изъ дворни кто-нибудь тутъ выскочитъ на насъ.
Ну вотъ и барышня.

Софья. Какъ я перепугалась,
Мой другъ! Шла давича съ свѣчей сюда въ рукахъ,
И что-то двигалось... Мнѣ показалось,
Что Чацкій здѣсь.

Чацкій *(бросается между ними).*
Я здѣсь, притворщица! Да!..

Софья. Ахъ!

Лиза роняетъ свѣчу съ испуга. Молчалинъ скрывается къ себѣ въ комнату.

ЯВЛЕНІЕ XIII. Тѣ же, кромѣ Молчалина.

Чацкій. И зналъ ужъ разъ, а вѣрить усомнился!
Сходнѣе-бъ, кажется, сквозь землю провалился.

Софья. Какая низость! Подстеречь,
Подкрасться — и потомъ, конечно, обезславить!
Что? Этимъ думали къ себѣ меня привлечь,
И страхомъ, ужасомъ любить себя заставить?
Отчетомъ я себѣ обязана самой.
Однако, вамъ поступокъ мой
Чѣмъ кажется такъ золъ и такъ коваренъ?
Не лицемѣрила и права я кругомъ...
Ахъ, Боже мой! Стукъ, шумъ! Сюда бѣжитъ весь домъ... и т. д.

Діалогъ Лизы съ Молчалинымъ, обнаружившимъ здѣсь всю низость своей души, и измѣненія въ дальнѣйшемъ текстѣ, имъ обусловленныя, написаны уже въ 1824 году, какъ это ясно изъ августовскаго письма къ Бѣгичеву (см. стр. 310). Что касается до длиннаго «первоначальнаго текста» послѣдняго монолога Чацкаго въ изд. Шляпкина, то онъ представляетъ только очевидную смѣсь необработанныхъ и обработанныхъ стиховъ. Такъ, въ немъ есть стихъ: «Вы помиритесь съ нимъ...», хотя по первоначальному тексту явл. XII и XIII Софья не ссорилась съ Молчалинымъ и потому мириться съ нимъ ей не представлялось надобности... Явл. VII—X д. 1-го и явл. I—XXII д. 3-го появились въ «Рус. Таліи» 1825 г. Вся комедія первымъ изданіемъ вышла въ 1833 году.

2) Относительно остальныхъ произведеній Грибоѣдова, сверхъ того, что̀ сказано въ предисловіи къ нашему изданію, и примѣчаній, ко-

торыя сдѣланы подъ текстомъ, ограничиваемся указаніями появленія ихъ въ печати.

Грузинская ночь (стр. 100) — «Рус. Слово» 1859, № 5; «Рус. Вѣстн.» 1873, IX; «Русс. Библ.», V.

Молодые супруги (106—122) есть передѣлка комедіи «Le secret du ménage», соч. Creuzé de Lesser (см. изд. Шляпкина). Отд. изд. 1815 г. СПБ. Тип. Императ. театр. Затѣмъ въ разныхъ изданіяхъ сочиненій.

Лубочный театръ (122—123). «Сборникъ студентовъ СПБ. универс.» 1860, т. II.

Своя семья (124—130). «Сынъ Отеч.» 1817, ч. 42. Затѣмъ въ отд. изд. комедіи, СПБ. 1818. Мы приняли, въ противоположность изд. Шляпкина, текстъ отдѣльнаго изданія, какъ болѣе обработанный, и, очевидно, самимъ Грибоѣдовымъ.

Притворная невѣрность (130—148). Отд. изданіе въ СПБ. 1818 г. Тип. Греча.

Проба интермедіи (149—151). «Рус. Вѣстн.» 1873, IX.

Кто братъ, кто сестра (152—172). Въ первый разъ въ Пол. Собр. соч. Г. подъ ред. Шляпкина. СПБ. 1889.

Студентъ (173—211). II. Собр. Соч. Г. подъ ред. Шляпкина.

Драматич. отрывки и планы (212—218). «Русск. Слово» 1859, № 5.

Стихотворенія (219—234)—«Отъ Аполлона» въ «С. Отеч.» 1815, т. 25.—«Прологъ Фауста» въ «Полярн. Звѣздѣ» 1825 (отрывокъ изъ Гете).—«Романсъ» въ изд. «Горя отъ ума» 1839 года, въ статьѣ К. Полеваго.—«Крылами паря» въ «Оберт. Лист.» 1860, № 2, и «Рус. Вѣстн.» 1873, IX.—«Давидъ» въ «Мнемозина» 1824, I, и въ «Моск. Вѣд.» 1858, № 89.—«Телешовой» въ «С. Отеч.» 1825, кн. 99.—«Эпиграмма» въ изд. «Горя отъ ума» 1839, въ ст. Полеваго.—«Хищники на Чегемѣ» въ «Сѣв. Пчелѣ» 1826, № 143; «Рус. Слово» 1859, № 5; «Рус. Стар.» 1874, № 6.—«Экспромптъ» въ «Рус. Вѣстн.» 1873, IX.—«Освобожденный», «Посл. Одоевскому», «Прости отечество» и «Три монолога» въ «Рус. Словѣ» 1859, № 5.—«Кальянчи» въ «С. Отеч.» 1838 г. № 1.—«Душа» въ «Б. д. Ч.» 1835, № 11.—«Элегія» въ «Радугѣ» 1830.—«Востокъ» въ «Б. д. Ч.» 1836, № 1.—«Домовой» въ «Рус. Сл.». 1859, № 5.

3) **Прозаическія** произведенія — появились: «Письмо изъ Бреста» (235) въ «Вѣст. Евр.» 1814, ч. 76.—«О кавалер. резервахъ» (240) ib. ч. 78.—«О Гилани»(244) въ «Сѣв. Пчелѣ» 1826, № 76. — «Случаи Петерб. наводненія» (246) и «Загородн. поѣздка» (250) въ «Рус. Сл.» 1859, № 5.—«О разборѣ перевода Леноры» (252) въ «С. Отеч.» 1816, ч. 30.—«По поводу «Горя отъ ума» (261) въ «Рус. Арх.» 1875 т. II.—«Замѣчанія на грамматику Греча» (262) въ II. Собр. Соч. подъ ред. Шляпкина.—«Характеръ моего дяди» (266) въ «Рус. Арх.» 1874, т. II.

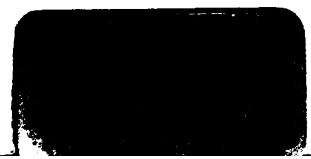
Письма Грибоѣдова, разбросанныя въ разныхъ изданіяхъ и хранившіяся въ автографахъ, собраны въ изд. Шляпкина. Мы включили въ нихъ и «Путевыя письма», такъ какъ можно сказать съ положительной увѣренностью, что они посылались дѣйствительно Бѣгичеву и только утрачены; въ тетради же Грибоѣдова остались черновики. Въ этомъ изданіи подробнѣйшія библіографическія данныя о сочиненіяхъ Грибоѣдова и по литературѣ о нихъ.

Изъ замѣтокъ историческихъ (382) появились въ «Рус. Сл.» 1859, № 5.

Оглавленіе.

	стр.
Предисловіе	3
А. С. Грибоѣдовъ. (Біографическій очеркъ)	5
Горе отъ ума. Комедія. (1823)	17
Грузинская ночь. Отрывки изъ трагедіи. (1828)	100
Молодые супруги. Комедія. (1815)	106
Лубочный театръ. (Памфлетъ). (1817)	122
Пять сценъ изъ комедіи „Своя семья“. (1817)	124
Притворная невѣрность. Комедія. (1818)	130
Проба интермедіи. (1819)	149
Кто братъ, кто сестра. Опера-водевиль. (1824)	152
Студентъ. Комедія. (1817)	173
Драматическіе отрывки и планы:	
Родамистъ и Зенобія	212
1812 годъ. (1822)	215
Юность вѣщаго. (1823)	218
Стихотворенія:	
Отъ Аполлона. Эпиграмма. (1815)	219
Прологъ Фауста. (Изъ Гёте). (1824)	—
Романсъ: «Ахъ, точно-ль никогда» (1824)	223
(Задача Эрота). «Крылами паря, стрѣлами звеня». (1824)	—
Давидъ. (1824)	—
Телешовой. (1824)	224
Эпиграмма: «И сочиняютъ—врутъ...»	225
Хищники на Чегемѣ. (1825)	—
Экспромтъ: «По духу времени и вкусу» (1826)	227
Освобожденный. (1826)	228
Посланіе кн. А. И. Одоевскому. (1828)	—
«Прости, отечество»	—
Три монолога	229
Кальянчи. (Отрывокъ изъ поэмы)	230
Душа	232
Элегія. (Изъ Леонара). «Покоясь на брегу крутомъ»	—
Востокъ	233
Домовой	234
ПРОЗА: Разныя статьи:	
1) Письмо изъ Бреста-Литовска. (1814)	235
2) О кавалерійскихъ резервахъ. (1814)	240
3) О Гилани. (1822—1823)	244
4) Частные случаи Петербургскаго наводненія. (1824)	246
5) Загородная поѣздка	250
Статьи и замѣтки критическія:	
1) О разборѣ перевода «Леноры». (1816)	252
2) По поводу «Горя отъ ума»	261
3) Замѣчанія на грамматику Греча. (1824)	262
4) Характеръ моего дяди	266
Письма Грибоѣдова:	
1816. 1—3. С. Н. Бѣгичеву	—
1817. 4. П. А. Катенину	269
1818. 5. С. Н. Бѣгичеву	271

		стр.
1818.	6. А. В. Всеволожскому	272
	7—10. С. Н. Бѣгичеву	273
1819.	11. Къ изд. «Сына Отеч.»	277
	12—18. Путевыя письма (С. Н. Бѣгичеву)	280
	19—20. » » (П. А. Катенину)	297
1820.	21. Кн. А. А. Шаховскому	300
1822.	22. В. К. Кюхельбекеру	301
1823.	23. Ю. К. Глинкѣ	303
	24—26. Кн. В. Ѳ. Одоевскому	305
1824.	27—29. С. Н. Бѣгичеву	306
	30. П. А. Катенину	311
	31. Ѳ. В. Булгарину	313
1825.	32—33. С. Н. Бѣгичеву	314
	34—35. П. А. Катенину	316
	36—37. С. Н. Бѣгичеву	319
	38. В. Ѳ. Одоевскому	321
	39—41. С. Н. Бѣгичеву	322
	42. А. А. Бестужеву	326
	43. В. К. Кюхельбекеру	328
	44. С. Н. Бѣгичеву	330
	45. А. А. Жандру	332
1826.	46—59. Ѳ. В. Булгарину	333
	60. С. Н. Бѣгичеву	337
	61. Ѳ. В. Булгарину	339
1827.	62. П. Н. Ахвердовой	340
	63. Ѳ. В. Булгарину	—
	64—67. П. Н. Ахвердовой	342
	68. Паскевичу (донесеніе)	348
	69. П. Н. Ахвердовой	361
1828.	70. П. М. Устимовичу	362
	71. Кн. А. И. Одоевскому	363
	72. Е. И. Булгариной	—
	73—74. Ѳ. В. Булгарину	364
	75. А. А. Жандру	365
	76—77. Ѳ. В. Булгарину	366
	78—79. П. Н. Ахвердовой	369
	80. Къ изд. «Сѣв. Пчелы» (о взятіи Баязета)	370
	81. Ѳ. В. Булгарину	373
	82. В. С. Миклашевичъ	—
	83. Гр. И. Ѳ. Паскевичу	374
	84. П. М. Устимовичу	—
	85. Ѳ. В. Булгарину	375
	86. П. Н. Ахвердовой	376
	87. Н. Ф. Калачевскому	377
	88—89. П. М. Устимовичу	378
	90. В. С. Миклашевичъ	—
	91. П. Я. Ренненкампфу	379
	92. Н. А. Грибоѣдовой	380
Изъ замѣтокъ историческихъ		382
Краткія примѣчанія		388

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Нлюшниковъ.

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C055721040